

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2016. № 40 (2)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus, Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Журнал зарегистрирован в федеральной
службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного
наследия. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ №ФС77-47157 от
03.11.2011

Редакционный совет:

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Мионов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
Тел.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sufr.ru
Сайт журнала: www.bg.sufr.ru
Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sufr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.06.2016 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 18. Усл. печ. л. 16,3.
Заказ № 44.

Редактор, корректор
В.С. Молчанова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Герои Первой Мировой войны, в центре Император Николай II
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и открытка «Русская пехота у колодца»

BYLYE GODY (FORETIME). 2016. VOL. 40. Is. 2
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus, Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration ПИ №ФС77-47157 03 November
2011.

Editorial Board:

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

Founder

SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19

E-mail: Bylyegody@sutr.ru

Website: www.bg.sutr.ru

English version of the magazine site:

www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.06.2016

Format 21 × 29, 7/4.

Ych. Izd. l. 18. Ysl. pech. l. 16, 3.

Order № 44.

Editor, Proofreader

V. S. MOLCHANOVA

Editor-translator A. V. ROZHKOVA

Technical Editor, Electronic support by

N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

The heroes of the First World War, at the centre Emperor Nicholas II

At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and card "Russian Corps at the Well"

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

The Formation of Historical Metrology as Scientific Discipline at the XVI – the beginning of the XX century Vyacheslav V. Shevtsov	286
The Genesis of the Urban Culture of the Steppe of the Volga Region and Sociocultural Development of the Region Nadezhda V. Dulina, Igor' N. Naumov	297
Battle of Konotop (1659) in the Historiography and the Historical Memory Gennady G. Matishov, Piotr A. Avakov, Evgeny F. Krinko	307
North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use Leonid A. Bobrov, Alexey V. Salnikov	323
Kondoma Tatars and the Bloomery Process (source: the Great Northern Expedition) Evgeny V. Vodyasov	335
Natural Environment of Valdai on the Materials of General Land Survey Liliya G. Stepanova	345
Regulation of Islamic art in confessional policy of Catherine II (on materials of the Tyumen region) Yulia A. Bortnikova, Olga N. Naumenko, Evgeny A. Naumenko	356
The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features Natalya A. Shevchenko, Evgeniya V. Vidishcheva, Olga V. Emelyanova	363
To the Issue of the Influence of Islam in Chechen Uprising in 1825 year Vladimir B. Lobanov, Dmitry V. Ovsjannikov, Timur M. Karmov	373
The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century Aleksandr A. Cherkasov, Vladimir G. Ivantsov, Michal Smigel, Violetta S. Molchanova	382
Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline Vladimir B. Karataev, Igor A. Gordeev, Lyudmila G. Zimovets	392
D.A. Milyutin and Cossacks Alexey A. Volvenko	398
Russian Observations of European Experience in Agricultural Development in 1840s (based on the printed output of the Imperial Agricultural Societies of Russia) Yulia I. Kuznetsova, Vladimir N. Baryshnikov, Viktor N. Borisenko, Nina E. Adamova, Valery E. Vozgrin	412
Theater Life of Provincial Russia in the 1840–1870 (on the Example of the Penza Province) Larisa A. Koroleva	420
The History of Research and Development Islands Peter the Great Bay, Sea of Japan Aleksandr B. Kosolapov, Irina V. Barashok, Nonna V. Guremina	430
Age-Sex Marriage and the Family Structure of the Guild Merchants Yenisei Province 1860 – early XX centuries Irina O. Tuman-Nikiforova, Valery I. Fedorchenko, Natalia V. Pashina, Igor I. Krylov	441

Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? Artyom Y. Peretyatko	448
About Introduction of New Methods of Managing in the Economy of the Traditional Kazakh Society of the Central Part of Kazakhstan in the Second Half of XIX – Early XX Centuries Bakhytgul T. Tuleuova, Lyzzat K. Shotbakova, Gyl'nara M. Smagulova, Nazym A. Kassymzhanova	457
Maritime and River Registers as a Historical Source Nicholas W. Mitiukov	469
Finishing Touches to the Portrait of Kuban Intelligentsia at the Turn of the XIX–XX centuries Andrey G. Danilov	479
The Spanish King Alfonso XIII on pages of Russian Press in 1902–1917 Ariadna A. Petrova, Anatoliy V. Smolin, Denis G. Yanchenko, Alexander V. Petrov, Ingeborg Pardon	489
The Russian Parliamentarism XX Century: Socio-Cultural Mission and Media Resources of the State Duma, in Emigration Gulnar K. Mukanova	500
Student Movement in St. Petersburg Shortly before the Revolution of 1905 year Sergei A. Nefedov	508
The Outskirts during the First Russian Revolution (1905–1907 years): the Separatist Moods among the Population of the Black Sea Province Konstantin V. Taran, Andrei P. Mikhailov, Susanna D. Bagdasaryan	516
The Activities of the Local Self-Government Tsaritsyn County in the first months of the Great War Elena Yu. Leontyeva, Alexander N. Leontyev	525
REVIEWS	
Book Review on: Igor Y. Froyanov. Lectures on Russian History. Kievan Rus. St. Petersburg, Russkaya Kolleksiya. 2015. 1048 p. Victor S. Brachev, Matvey F. Polynov	532
A Book on Bulgarian High Schools History Asen N. Kozhukharov	540

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 286-296, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 930(470)"18/20"

The Formation of Historical Metrology as Scientific Discipline at the XVI – the beginning of the XX century

Vyacheslav V. Shevtsov ^{a, *}

^a Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract

This article discusses the process of formation of Russian historical metrology as scientific discipline during the pre-revolutionary period. Recording of practical metrological knowledge of the second half of the XVI-XVII centuries was replaced by scientific interest in the XVIII century. It was characterized by systematization of information on old and modern measures of the peoples of Russia, Europe and the East. In the first half of the XIX century, generalizing studies on historical metrology appeared. Further development of this field of knowledge needed expansion of historical sources, criticism, development of the conceptual and methodological framework. In the second half the XIX – beginning of the XX century these problems were solved within separate metrological studies, specialized lecture courses and manuals that were necessary for professional training of historians, archivists and archaeographers. Pre-revolutionary authors laid the theoretical, methodological and factual foundation of historical metrology which gained further development in works of the Soviet and modern Russian historians.

Keywords: historical metrology, pre-metric measures, source study, historiography, historical education.

1. Введение

Историческая метрология изучает существовавшие у различных народов меры длины, площади, объема и веса, принципы и способы измерения окружающего пространства и вещного мира; объясняет названия и происхождение мер, определяет их соотношения между собой и современное значение; рассматривает процессы возникновения, применения, распространения, изменения и исчезновения систем мер (и отдельных ее единиц) в связи с общими историческими изменениями. Историческая метрология является особой областью исторического знания, на основании которого можно судить об уровне социально-экономического развития общества, путях и интенсивности международной торговли, внешнеполитических связях, повседневном быте, культуре и менталитете различных народов. Возможность исторической метрологии к раскрытию и реконструкции различных сторон исторического процесса придает ей статус не только вспомогательной, но специальной исторической дисциплины.

2. Материалы

Вещественную группу источников исторической метрологии образуют гири, монеты, денежно-весовые слитки, масштабные линейки, стандартизированные емкости, измерительные и

* Corresponding author

E-mail address: totleben@yandex.ru (V.V. Shevtsov)

вычислительные устройства (весы, абаки, счеты), а также архитектурные сооружения со «стандартными» размерами. Овеществленных мер, относившихся к периоду средневековой Руси, сохранилось крайне мало, что объясняется как быстрым износом деревянных мер и переплавкой пришедших в негодность мер металлических, так и практикой намеренного уничтожения старых мер при рассылке государством мер нового образца. Мер XVIII–XIX вв. сохранилось также сравнительно немного по той причине, что их не считали ценностью и специально не собирали. Исключение составляют меры-эталоны, изготовленные из драгоценных металлов. Центрального хранилища вещественных памятников метрологии нет. Образцы мер хранятся в фондах музея Всероссийского научно-исследовательского института метрологии им. Д.И. Менделеева, Государственного исторического музея, Политехнического музея, Государственного Эрмитажа, а также в многочисленных республиканских, областных и краевых музеях страны.

3. Обсуждение

Более многообразная группа источников исторической метрологии представлена письменными источниками, содержащими сведения о каких-либо отдельных мерах либо их группах, о соотношениях между однопорядковыми мерами, о порядке использования мер и контроле за ними. К их числу принадлежат:

- летописи, содержащие упоминания о мерах и денежных единицах;
- библейские тексты (при соответствии греческих метрологических понятий древнерусским они могли переводиться на славянский язык);
- берестяные грамоты с метрологическими и цифровыми записями;
- международные договоры, в которых употреблялись денежно-весовые единицы, устанавливались способы взвешивания и соотношения русских и иностранных мер веса (например, договоры Олега и Игоря с Византией, договоры Новгорода и Пскова с Готским берегом и немецкими городами);
- памятники русского законодательства, содержащие статьи, упоминавшие о мерах («Устав о церковных судах» Владимира Святославича, «Устав о церковных судах и о людех, и о мерилах торговых» великого князя Всеволода Мстиславича, «Русская Правда», «Соборное уложение»);
- законы о мерах и весах XVI – начала XX в., регламентировавшие значения и порядок применения различных мер, устанавливавшие правительственный контроль за соответствием рабочих мер общегосударственным эталонам;
- описания русских путешественников, содержащие сведения о мерах длины («Хождение игумена Даниила в Святую землю» (XII в.), «Дневник путешествия Исидора в Западную Европу» (XV в.), «Хождение за три моря Афанасия Никитина» (1468–1474 гг.));
- сочинения иностранцев (например, «Записки» Сигизмунда Герберштейна (начало XVI в.), «Краткое известие о русской торговле» (1674 г.) И. Кильбургера, в которых описывались некоторые из наиболее распространенных русских мер в сравнении их с западноевропейскими);
- эпитафические памятники (надпись на Тмутараканском камне о том, что в 1068 г. князь Глеб «мерил море по льду от Тмуроканя до Кърчева 10000 и 4000 сажень»; числовая запись в системе абака на древнерусском пряслице XIII в.);
- лексиконы и словари русского языка XVII–XX вв., зафиксировавшие употребление метрологической терминологии;
- актовый материал (купчие, данные, жалованные, закладные, духовные и др.), в котором пашенные земли и угодья выражались в мерах площади;
- приходно-расходные книги и другая учетная документация приказов и монастырей, содержащая записи о поступлении натуральных оброков, выраженного в мерах объема и веса;
- писцовые книги конца XV–XVII вв., учитывавшие земельные площади с целью их налогообложения и содержащие также сведения о мерах объема как натуральных податных единицах;
- таможенные книги XVI–XVII вв., в которых имеются сведения о количественных характеристиках различных товаров и их счетных единицах;
- географические сочинения XVII–XVIII вв. (например, в «Книге Большому Чертежу» (1627 г.), представляющей собой описание несохранившейся карты России, указывались расстояния между населенными пунктами при помощи различных мер длины и способов определения протяженности);
- руководства по исчислению и применению тех или иных мер, специальные руководства по математике («Русская торговая книга» 70-х гг. XVI в., «Счетные мудрости» XVII в., «Книга сошного письма» 1629 г., «Роспись полевой меры» 1709 г., межевые инструкции 1754 и 1766 гг., «Арифметика» Л.Ф. Магницкого 1703 г.);
- материалы правительственных комиссий XVIII–XIX вв. по выверке и упорядочиванию мер;
- делопроизводственная документация общегосударственных учреждений XVIII – начала XX в., затрагивающая вопросы мер и весов (Сената, Берг-коллегии, Камер-коллегии, Адмиралтейства, Монетного правления, Монетного и Горного департаментов, Министерства внутренних дел, Министерства финансов);

– делопроизводственная документация специализированных метрологических учреждений XIX – начала XX в. (Депо образцовых мер и весов, Главной палаты мер и весов).

4. Результаты

В 70-х гг. XVI в. было написано специализированное пособие по купеческому делу – «Русская торговая книга». Ее полное название – «Книжка описательная, како молодым людям торг вести и знати всему цену, и отчасти в ней описаны всяких земель товары различные, их же привозят на Русь немцы и иных земель люди торговые» (*Книжка описательная, 1851*). Аналогичные сочинения, систематизировавшие для нужд коммерции сведения о мерах и весах, применявшихся в различных странах, начали выходить в Европе в XIV–XV вв. (например, «Торговая практика» итальянского торговца XIV в. Франческо Пеголотти). «Русская торговая книга» начиналась со специальной главы «Статья о мерах Московского государства земли русской», где были представлены значения и соотношения русских мер второй половины XVI в. Кроме того, в книге содержались перечни и цены товаров, которыми русские купцы торговали на внешнем рынке, соотношения русских и иностранных мер, приводились способы измерения товаров.

Статья «Русской торговой книги» «О мерах» вошла в состав еще одного сочинения XVII в. – «Счетных мудростей», представленного различными списками и редакциями. Полное заглавие этого рукописного руководства по практической арифметике и основам алгебры – «Книга, глаголема по-гречески арифметика, а по-немецки алгоризма, а по-русски цифирная счетная мудрость». В основу «Счетных мудростей» были положены западно-европейские учебники и задачки, которые были переработаны в соответствии с русскими хозяйственными и торговыми потребностями (*Соболевский, 1903*).

В 1629 г. для составителей писцовых книг было создано руководство по измерению земельных площадей – «Книга сошного письма». В нем содержались правила «счета костью» и «дошаного счета», основные положения сошного расчета площадей, таблицы готовых итогов арифметических действий с целыми числами и дробями для вычисления сох и ее долей, наставления о счислении различных дробей «денежным разводом» (т.е. путем условного приравнивания к деньгам) (*Книга, 1853*).

Первым исследованием о мерах и весах можно считать «Арифметику» Леонтия Филипповича Магницкого (1669–1739) – преподавателя математики в Московской школе математических и навигационных наук. «Арифметика», впервые напечатанная в 1703 г., содержала специальный метрологический раздел, в котором были даны исторический обзор и соотношения единиц измерения длины, веса, объема и денежного счета древних и современных европейских государств. В разделе «О деньгах, весах и мерах Московского государства» приведены соответствующие сведения на конец XVII века (*Магницкий, 1703*). Кроме того, в «Арифметике» помещен ряд задач, с помощью которых можно было научиться ориентироваться в ценах на товары и наемный труд, определять размеры земельных участков и расстояние между предметами, оперировать особыми торговыми мерами при покупке скота, металлов, сукна.

Русский историк и географ, государственный деятель Василий Никитич Татищев (1686–1750) разработал, в 1727 году, «Представление о неисправлении весов», которое начиналось с вывода о неудовлетворительном состоянии метрологического хозяйства в стране: «...равного веса или меры нигде сыскать невозможно, и не токмо в разных городех, но и в одном городе в разных местах, паче же в едином доме или государственном магазине, гири тягостию неравны, из чего рождаются многия в щетах затруднения, следственно же казне и подданным не без обиды» (*РГИА, Отд. 2, Кн. 85. Л. 1017–10170б.*). Для исправления мер В.Н. Татищевым были высказаны предложения об использовании десятичного принципа и физических постоянных для реформирования русской метрологии, однако на практике они реализованы не были. На необходимость сбора исторических сведений по метрологии народов России В.Н. Татищев указал в своем «Предложении о сочинении истории и географии Российской» (1737) (*Татищев, 1950: 77–97*).

В 1779 г. по поручению и на средства Вольного экономического общества было опубликовано сочинение Михаила Алексеевича Матинского (1750–1820) «Описание различных мер и весов разных государств», подготовленное на основе немецких и французских изданий (*Матинский, 1779*). Автор придавал своей работе практическое значение – она предназначалась для «любителей земледелия и прочих наук при чтении иностранных книг», для промышленников и купцов, ведущих торговлю с другими странами и нуждавшихся в переводе русских мер в иностранные и обратно. М.А. Матинский не задавался историей вопроса о происхождении мер, ограничившись достаточно полным описанием европейских и русских мер в их сопоставлении. Примечательна фигура автора, родившегося в семье крепостных крестьян графа С.П. Ягужинского (получил вольную только в 1785 г.) и с детства проявившего интерес к наукам. Получив образование на средства графа, М.А. Матинский в духе эпохи Просвещения реализовывал свои способности во многих сферах – переводах иностранных сочинений, литературе, драматургии, педагогике, композиторском искусстве.

В 1827–1828 гг. в связи с созданием при Министерстве внутренних дел Комиссии образцовых мер и весов в свет вышло несколько работ академика Петербургской Академии наук Андрея Ивановича Ламберти (1771–1831), посвященных происхождению русских мер длины и веса,

возможностям их приведения в систему (Ламберти, 1827; Ламберти, 1828). Свои исследования автор строил на данных летописей и других памятников письменности, а также материалах работы более ранней Комиссии образцовых мер и весов 1736–1742 гг.

Первым практическим метрологическим исследованием, посвященным не только происхождению, но и определению точных величин мер, стал труд профессора математики Магнуса Георга Паукера (1787–1855) «Метрология России и её немецких провинций, составленная на основе источников». Автор, после нескольких лет работы в Тартуском университете и защиты докторской диссертации, переехал в Елгаву, где стал преподавателем математики в городской гимназии. В течение почти 10 лет профессор исследовал доступный ему законодательный материал, архивные документы и сами образцы мер, хранившиеся в Елгавском магистрате и Курляндском губернском правлении. В 1831 г. 6-томную рукопись отправили в Академию наук, где она была признана лучшей работой в этой области и удостоена первой Демидовской премии, учрежденной в 1831 г. на средства уральского промышленника П.Н. Демидова. В «Метрологии России и ее немецких провинций» были представлены величины и соотношения основных западно-европейских мер, изложены русская метрология и денежный счет, отдельные разделы были посвящены мерам Риги, Таллинна и прибалтийских губерний. Ознакомившись с задачами Комиссии для приведения в единообразие российских мер и веса, начавшей свою работу в 1832 г., Г. Паукер отказался от публикации своего труда, оставив его в распоряжении Академии наук и использовав позже в учебнике «Практическая арифметика для местных нужд» (Земзарис, 1972).

В 1831 г. вышло в свет сочинение «Метрология, или описание мер, весов, монет и времяисчисления нынешних и древних народов» (Петрушевский, 1831), которое представляло собой описание основных современных и древних мер, их сравнительные таблицы, подробнейший для своего времени словарь метрологических терминов. Его автором был учитель математики и физики, директор Института слепых Фома Иванович Петрушевский (1785–1848). Эпиграфом к своему сочинению Ф.И. Петрушевский избрал цитату из «Премудростей Соломона» (Гл. XI. Ст. 21): «Все мерою и числом и весом расположил еси». Предмет метрологии Ф.И. Петрушевский определял как «описание всякого рода мер по их наименованиям, подразделениям и взаимному отношению». Автор не пытался исследовать историю происхождения и развития мер, расположив лишь по соответствующим разделам метрологические понятия, сложившиеся в различных государствах. Однако по своей форме работа Ф.И. Петрушевского носила научный характер. Опираясь при характеристике мер современных и минувших стран и народов на труды иностранных авторов, а при описании русских мер на законодательство, примечания к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и работы своего предшественника А.И. Ламберти, Фома Иванович давал подробные ссылки к каждой главе, составившие отдельную часть книги, «дабы те, кои пожелают войти в ближайшее рассмотрение сего сочинения или какой-либо части онаго, могли видеть справедливость или степень вероятия содержащихся в нем описаний и показаний». В этом отношении «Сочинение» Ф.И. Петрушевского – это научно-популярный трактат, предназначенный для расширения кругозора читателя и основанный на заимствованных материалах, а не на анализе источников с применением четко сформулированных методов и с обращением к заинтересованной квалифицированной аудитории (что отличает научное исследование). В предисловии Ф.И. Петрушевский отмечал «совершенный недостаток на российском языке в систематических описаниях мер». Своей работой автор стремился «восполнить сей недостаток» и «обратить на сей важный предмет внимание тех людей, которые к усовершенствованию онаго имеют больше средств и способов», т.е., говоря современным языком, Ф.И. Петрушевский сформулировал актуальность малоисследованной темы и призывал к ее дальнейшей серьезной научной разработке.

При характеристике положения мер и весов во Франции Ф.И. Петрушевский, не побоясь упреков в антипатриотизме и франкофильстве, отмечал, что метрическая система, созданная по поручению революционного правительства, имеет «преимущество пред всеми известными системами» (но с характерной для николаевской цензуры примечанием – «если только оное правительством названо быть может»). В этом же году вышла его работа «Польская метрология» (по совпадению или преднамеренно ее выход совпал с подавлением польского восстания и упразднением польской конституции) (Петрушевский, 1831).

В 1841 г. Ф.И. Петрушевский стал автором краткого описания медицинского веса (Петрушевский, 1841). В 1842 г. он подготовил краткий вариант своего основного сочинения, в который не вошли ссылки на использованные источники и раздел о метрологии древних народов и России (переиздано в 1845 г.) (Петрушевский, 1842). Наконец, в 1849 г. был опубликован обобщающий труд о древних и современных автору европейских и русских мерах (Петрушевский, 1849), который, как и труд Г. Паукера, был удостоен Демидовской премии. В нем Петрушевский высказывался в пользу метрической системы мер: «Переходу на общую систему мер мешают политические расчеты (мнимые или действительные), привычка и невежество со множеством других дельных и недельных причин».

В 1844 г. в Журнале Министерства внутренних дел вышла большая статья историка и академика Петра Григорьевича Буткова (1775–1857) «Объяснение русских старинных мер линейной и путевой», в которой автор на основании письменных источников («Русская Правда», «Остромирово

Евангелие», летописи, актовъй материал и др.) описал первичные значения и соотношения древнерусских мер длины: аршина, локтя, сажени, поприща и версты (Бутков, 1844). К началу 1850-х гг. относится появление работ, касающихся единиц измерения по отдельным регионам (Ханыков, 1851; Мельников, 1852). Во многом это связано с деятельностью Русского археологического общества, основанного в Санкт-Петербурге в 1846 г. В 1851 г. Д.И. Яворницкий в «Записке для обозрения русских древностей» обратился с призывом сообщать в Археологическое общество об измерительных обычаях, орудиях, единицах измерения, их соотношении и происхождении.

Основателем русской исторической метрологии как научной дисциплины, являющейся частью профессиональной подготовки историка, стал Дмитрий Иванович Прозоровский (1820–1894). Не имея средств для продолжения образования, Дмитрий Иванович с 14 лет поступил на чиновную службу и вынужден был заниматься любимой им историей в свободное время, став автором более 80 работ, наиболее важные из которых, не утратившие своего значения и до наших дней, были посвящены проблемам русской метрологии. В 1854–1855 гг. вышли две большие статьи Д.И. Прозоровского о древнерусских мерах жидкости (Прозоровский, 1854) и веса (Прозоровский, 1855). В «Обзрении древней русской метрологии до XVIII века» (так и неопубликованном) Д.И. Прозоровский указывал, что «древняя метрология наша нам почти неизвестна» и ее изучение необходимо для выяснения «истории торгового и хозяйственного быта наших предков» и для «политической истории нашего отечества». В 1865 г. было напечатано исследование «Монета и вес в России до конца XVIII столетия» (Прозоровский, 1865), отмеченное Уваровской премией Академии наук. В 1868 г. Д.И. Прозоровский вышел в отставку и смог полностью посвятить себя научной деятельности. В 70–80-х гг. XIX в. появился целый ряд метрологических статей, главным образом о мерах и весах, в которых автор доказывал их римско-византийское происхождение (Прозоровский, 1872; Прозоровский, 1880; Прозоровский, 1881).

Развитие исторической науки в России, публикация большого массива исторических источников требовали специальной подготовки для работы в архивах по изысканию новых документов. В 1878 г. в Петербурге для этой цели был открыт Археологический институт. В XIX веке под археологией понимались все сведения, касающиеся памятников древности, и в ее состав включались практически все современные вспомогательные исторические дисциплины, при этом историческая хронология рассматривалась как «хронологический отдел метрологии», поскольку также была связана с измерениями. Понятие «вспомогательные исторические дисциплины» стало широко применяться лишь на рубеже XIX–XX вв. На место лектора по «археологическим» дисциплинам был приглашен Д.И. Прозоровский как исследователь, занимавший одно из первых мест в области изучения метрологии и нумизматики. В программу его курса входили следующие разделы: определение дисциплины, характеристика римских и греческих систем мер и весов, история формирования и развития русских мер XI–XVII вв., сошное письмо и межевание, государственный контроль за мерами и весами. Курс лекций по исторической метрологии в Археологическом институте читался Д.И. Прозоровским в 1879–1892 гг. и был прослушан 66 выпускниками, среди которых были известные впоследствии историки и архивисты. Так, В.Е. Рудаков и А.Е. Янловский стали авторами статьи «Метрология русская» в энциклопедии Брокгауза и Ефрона (Рудаков, 1900). В 1888 г. курс лекций Д.И. Прозоровского «Древняя русская метрология», представлявший собой более 300 страниц убористого текста, вышел в свет отдельным изданием. Исторической метрологии давалось определение, подчеркивающее самостоятельный характер дисциплины как важной составляющей исторической науки: «...научное изложение системы, имеющей целью исследовать и выяснить причины происхождения каждой единицы мер и весов, их историю, отношение их к народному быту и международное их значение... метрология есть часть исторической науки, способствующая разъяснению многих темных сторон жизни минувших поколений» (Прозоровский, 1888). В курсе лекций были классифицированы и подробно охарактеризованы основные источники русской метрологии (указано 36 их наименований и также обращено внимание на необходимость использования данных народной метрологии), дан критический обзор более 30 работ по русской метрологии и нумизматике, сформулированы методы реконструирования сведений по древнерусской метрологии, в частности, метод группировки (классификации), ретроспекции, сравнительно-исторического анализа. Однако сопоставление русских и античных метрологических данных часто приводило автора к чрезмерно широким обобщениям и выводам относительно греко-римских источников русской метрологии. Меры объема жидких и сыпучих тел, торговые меры были представлены лишь описательно, без анализа их происхождения и развития во времени. Собственные исследования Д.И. Прозоровский рассматривал как начало научного изучения истории русских мер и весов, чтобы помочь будущим метрологам «в разработке доселе нетронутого предмета». После ухода Д.И. Прозоровского из Археологического института в 1892 г. чтение исторической метрологии здесь прекратилось, однако введенные им в научный оборот ценные метрологические сведения и теоретические взгляды продолжали использоваться для составления аналогичных курсов и учебных пособий до середины XX в. С.К. Кузнецовым, И.И. Успенским, А.М. Большаковым, Н.В. Устюговым, Л.В. Черепниным.

В 1884 г. в связи с распространением в России метрической системы в целях ее популяризации Русское техническое общество издало работу физика Ореста Даниловича Хвольсона (1852–1934)

«О метрической системе мер и весов и о ее введении в России» (Хвольсон, 1884). В ней излагались суть метрической системы, ее основные математические и экономические преимущества, история возникновения и распространения. В работе представлен ценный источниковый материал: извлечения из протоколов Комиссии по подготовке введения метрической системы в России, действовавшей в 1876–1877 гг. при Русском техническом обществе, и извлечения из заявлений 21 научного общества, в котором выражалась поддержка метрологической реформе. На основании этих материалов О.Д. Хвольсон предлагал возможные пути перехода России на международную метрическую систему, указывал на связанные с этим процессом трудности и препятствия. В заключении автор уповал, что царствование Александра III ознаменует введение метрической системы в России.

В 1894 г. отдельным оттиском из «Журнала Министерства народного просвещения» была опубликована статья Александра Ивановича Никитского (1842–1886) «К вопросу о мерах в древней Руси» (Никитский, 1894), в которой на основании летописных данных и законодательных актов были рассмотрены меры XV–XVII вв., использовавшиеся для измерения сыпучих (кадь, четверть, коробья, пошев, пуз) и жидких (бочка, ведро) тел, поземельные меры площади (десятина и ее части) и тягловые единицы пососного налогообложения. Построения и выводы А.И. Никитского, с некоторыми поправками и уточнениями, впоследствии использовались в работах советских исследователей.

В 1907 г. сотрудником Главной палаты мер и весов Михаилом Николаевичем Младенцевым (1872–1941) во «Временнике» Главной палаты мер и весов была напечатана статья «Краткий исторический очерк русских мер» (Младенцев, 1907), в которой приводился обзор метрологического законодательства Руси–России, давалось описание Главной палаты мер и весов, подводились итоги деятельности первых поверочных палаток, рассказывалось о процессе возобновления прототипов единиц веса и объема в 1893–1899 гг.

Профессором петербургского университета экономистом Илларионом Игнатьевичем Кауфманом (1848–1915), известным автором множества трудов по истории и теории финансов, была разработана гипотеза о восточном происхождении основной денежной и весовой единицы Руси – гривны (Кауфман, 1906). Ретроспективно рассматривая историю русской денежной системы, И.И. Кауфман доказывал арабское происхождение русского фунта и гривны. По его мнению, вес древнерусской гривны происходил от иракской денежно-весовой единицы – ратля и соответствовал 96 золотникам (409,512 г). Образованная из него полугривна, или гривенка, соответствовала 48 золотникам (204,8 г). Древнерусские монеты – «златник» Владимира Святославича и «сребреник» Ярослава Мудрого – также по весу соответствовали арабскому золотому динару и серебряному дирхему как 1/96 (4,25 г) и 1/144 (2,8 г) иракского ратля. Гипотеза И.И. Кауфмана была впоследствии принята и дополнена советскими историками Л.В. Черепниным и Н.В. Устюговым. Однако последующие данные археологии не подтвердили возможности употребления в древнерусском государстве гривны весом 409 г, наибольший её вес составлял 204 г. Огромное разнообразие мер и весов, связанных с историей различных народов, вошедших в состав Халифата, имели хождение наряду с весом в 409 г. Сам ратль имел различное весовое значение. Вес около 409 г был широко известен до арабов и лег в основу многих европейских весовых систем, не испытавших восточного влияния. Ошибочными были утверждение автора о сходстве новгородской и киевской гривны и объединение им денежно-весовых систем Киевской и Московской Руси. В то же время весовая система и значения денежных единиц Руси, действительно, обнаруживают соотношение с арабскими монетами, начавшими поступать к восточным славянам с конца VIII в.

Важный для истории развития метрологических знаний, и в особенности мер земельной площади, процесс межевания русских земель был подробно рассмотрен Иваном Егоровичем Германом (1859–1916) – межевым инженером и старшим преподавателем Константиновского межевого института. На основании летописных данных, писцовых книг, руководств по измерению XVII в., межевых инструкций второй половины XVIII в. и законодательных актов автором подробно рассмотрены способы разграничения земель в Древней Руси, процесс формирования налоговой системы в период ордынской зависимости и в процессе территориального роста Московского княжества, особенности и методы писцового описания, работы по проведению генерального межевания 1766–1861 гг. (Герман, 1893). «История русского межевания» И.Е. Германа выдержала три издания (1907, 1910, 1914) и долгое время была настольной книгой для землеустроителей (Герман, 1907). Его перу также принадлежат работы о земельном устройстве и процессах межевания в европейских странах, поземельных отношениях в русской крестьянской среде.

В 1907 г. был открыт Московский археологический институт, в учебной программе которого в ряду других вспомогательных исторических дисциплин значились метрология и хронология. Курс лекций «Древнерусская метрология» в 1907–1913 гг. читал здесь Степан (Стефан) Кирович Кузнецов (1854–1913), составивший свои лекции на основе курса «отца русской метрологии» Д.И. Прозоровского. Древнерусскую систему мер С.К. Кузнецов, вслед за Д.И. Прозоровским, считал «правильно построенной системой, ни в чем не уступающей метрическим системам Востока и Запада», однако излагаемый им по ходу лекций фактический материал говорил не в пользу этого

утверждения. В 1909 г. курс лекций С.С. Кузнецова был литографирован одним из его слушателей (Кузнецов, 1909), а в 1913 г. издан отдельной книгой (Кузнецов, 1913).

5. Заключение

Необходимость в измерениях, сравнениях однопорядковых величин между собой возникла в связи с процессом усложнения вещного и социального мира человека. История русской метрологии ведет начало от практических измерительных навыков, опыта применения мер и весов в торговле, ремесле, строительстве, земледелии и других сферах, требовавших определения длины, площади, объема и веса. Развитие внутренней и внешней торговли Московской Руси, крепнущие экономические и культурные связи с иностранными государствами привели к необходимости письменной фиксации практических метрологических знаний во второй половине XVI–XVII вв. в специализированных руководствах по исчислению и применения мер – «Русской торговой книге», «Счетных мудростях», «Книге сошного письма». Объектом научного исследования мера и вес становятся в XVIII веке, в связи с общим развитием научного познания, создававшей потребность в сборе и упорядочивании сведений о русских и иностранных мерах в целях обучения, использования и совершенствования. В духе идей рационализма ученые России высказывали предложения об унификации и упорядочивании действующих мер, принимали участие в деятельности правительственных комиссий по вопросам метрологических реформ, поднимали вопрос о происхождении и развитии русских мер и их связи с мерами античного мира и современными европейскими. Расширение территории Российской империи за счет присоединения новых земель (где уровень измерительной техники мог быть и выше и ниже русского) приводило к обилию региональных мер, которые также становились объектом исследовательского внимания (не только в формате исторического, но и этнографического описания). В первой половине XIX века появились обобщающие труды по русской, немецкой, польской, французской и другим системам мер, метрологическим системам Древнего мира. Возникла проблема перехода от компилятивного использования сочинений иностранных авторов, описательного и энциклопедического характера представленного материала к источниковому фундированию положений и выводов, специализированному исследованию возникновения и развития отдельных мер, четко разработанному понятийному и методологическому аппарату исторической метрологии. Во второй половине XIX–начале XX века историческая метрология (включавшая историческую хронологию и историю денежно-весовых систем) входит в профессиональную подготовку историка, архивиста, археографа. Появляются специализированные курсы лекций и учебные пособия для высших учебных заведений, определяются уже сложившаяся историографическая составляющая исторической метрологии, ее основные разделы и исследовательские проблемы, комплекс источников и методов. Параллельно с общим развитием дисциплины, углубленное изучение получают вопросы происхождения древнерусских мер объема, веса и площади, форм межевания и налогообложения. Перспективы исследования мер Киевской и Московской Руси связываются с изучением ее социально-экономической и внешнеполитической истории, обсуждается вопрос о возможностях перехода России на метрическую систему. Специализированная работа с отдельными группами источников, исследование метрологических понятий в различных сферах их существования, пересечение и взаимодополнение результатов исследований способствовало общему расширению фактического и концептуального содержания дисциплины как сферы исторического познания. Дореволюционные авторы заложили теоретические, методологические и фактографические основы исторической метрологии, получившие дальнейшее развитие в работах советских и современных российских историков.

6. Благодарности

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Литература

- Бутков, 1844 – Бутков П.Г. Объяснения русских старинных мер – линейной и путевой // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1844. Ч. 8. № 11. С. 247–293.
- Герман, 1893 – Герман И.Е. История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649–1765). М.: Типография И.Я. Полякова, 1893. 380 с.
- Герман, 1907 – Герман И.Е. История русского межевания. М.: Типо-литография В. Рихтер, 1907. 299 с.
- Земзарис, 1972 – Земзарис Я.К. Развитие метрологической науки в Латвии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. С. 184–190.
- Кауфман, 1906 – Кауфман И.И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русской денежной системы с древнейших времен. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1906. 92 с.
- Книга, 1853 – Книга сошного письма 7137 (1629) года // Временник Общества истории и древностей Российских. М.: Типография Московского университета. 1853. Кн. 17. С. 33–65.

- Книжка описательная, 1851** – Книжка описательная, како молодым людям торг вести и знати всему цену, и отчасти в ней описаны всяких земель товары различные, их же привозят на Русь немцы и иных земель люди торговые // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. СПб.: Тип. Якова Трея, 1851. Т. 1. С. 106–139.
- Кузнецов, 1909** – *Кузнецов С.К.* Курс лекций по метрологии и хронологии. Литографирован действительным слушателем археологического института Б. Пушкиным. М., 1909. 98 с.
- Кузнецов, 1913** – *Кузнецов С.К.* Древнерусская метрология: Курс лекций в Московском археологическом институте. Малмыж-на-Вятке: Типография Н.Н. Черемшанского, 1913. 138 с.
- Ламберти, 1827** – *Ламберти А.И.* Вновь объясненная гидрометрическая система мер и весов. СПб.: Типография Воспитательного дома, 1827. 9 с.
- Ламберти, 1827** – *Ламберти А.И.* О первоначальном происхождении и нынешнем состоянии российской линейной меры и веса. СПб.: Типография Воспитательного дома, 1827. 26 с.
- Ламберти, 1828** – *Ламберти А.И.* О неизменном определении веса российского фунта и о гидро-метрической системе российских мер объятности. СПб.: Военная типография Главного штаба, 1828. 16 с.
- Магницкий, 1703** – *Магницкий Л.Ф.* Арифметика, сиречь наука числительная. М.: Печатный двор, 1703. 326 с.
- Матинский, 1779** – *Матинский М.А.* Описание различных мер и весов разных государств. СПб.: Типография Морского шляхетного кадетского корпуса, 1779. 150 с.
- Мельников, 1852** – *Мельников С.Е.* Единицы старых русских весов и мер // Вологодские губернские ведомости. 1852. № 31. 2 августа. С. 349–350.
- Младенцев, 1907** – *Младенцев М.Н.* Краткий исторический очерк русских мер // Временник Главной палаты мер и весов. СПб., 1907. Ч. 8. С. 42–90.
- Никитский, 1894** – *Никитский А.И.* К вопросу о мерах в Древней Руси. СПб.: Типография В.С. Балашева и К, 1894. 48 с.
- Петрушевский, 1831** – *Петрушевский Ф.И.* Метрология, или Описание мер, весов, монет и времянчисления нынешних и древних народов. СПб.: Типографии Департамента народного просвещения, 1831. 362 с.
- Петрушевский, 1831** – *Петрушевский Ф.И.* Польская метрология. СПб.: Военная типография Главного штаба, 1831. 35 с.
- Петрушевский, 1841** – *Петрушевский Ф.И.* Краткое описание медицинского весу. СПб.: Типография А.А. Плюшара, 1841. 23 с.
- Петрушевский, 1842** – *Петрушевский Ф.И.* Краткая европейская метрология, или описание главных мер, весов и монет, в Европе ныне употребляемых. СПб.: Типография Э. Пратца, 1842. 116 с.
- Петрушевский, 1849** – *Петрушевский Ф.И.* Общая метрология. СПб.: Типография Э. Пратца, 1849. Ч. 1. 632 с.; Ч. 2. 188 с.
- Прозоровский, 1854** – *Прозоровский Д.И.* Древние русские меры жидкостей // Журнал Министерства народного просвещения. 1854. № 3. Отд. 2. С. 231–268.
- Прозоровский, 1855** – *Прозоровский Д.И.* Древний русский вес // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. № 5–6. Отд. 2. С. 115–191.
- Прозоровский, 1865** – *Прозоровский Д.И.* Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865. 416 с.
- Прозоровский, 1872** – *Прозоровский Д.И.* Древний русский вес в сравнении с римско-византийским и нынешним русским // Известия Императорского Русского археологического общества. СПб., 1872. Т. 7. Вып. 3. С. 373–386.
- Прозоровский, 1880** – *Прозоровский Д.И.* Древние греко-римские меры протяжения и их отношение к древним и новым русским мерам // Известия Императорского Русского археологического общества. СПб., 1880. Т. 9. Вып. 5. С. 475–483.
- Прозоровский, 1880** – *Прозоровский Д.И.* О размерах Большого Чертежа // Известия Императорского Русского археологического общества. СПб., 1880. Т. 10. Вып. 2. С. 118–130.
- Прозоровский, 1881** – *Прозоровский Д.И.* О значении и составе древней русской метрологии. СПб.: Типография Академии наук, 1881. 11 с.
- Прозоровский, 1888** – *Прозоровский Д.И.* Древняя русская метрология: Лекции в Археологическом институте. СПб. [рукопись, литография], 1888. 337 с.
- Прозоровский, 1872** – *Прозоровский Д.И.* О старинных русских мерах протяжения // Известия Императорского Русского археологического общества. СПб., 1872. Т. 7. Вып. 3. С. 258–274.
- РГИА** – Российский государственный архив древних актов. Кабинет Петра I.
- Рудаков, 1900** – *Рудаков В.Е., Янловский А.Е.* Метрология русская // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 54. С. 340–342.
- Соболевский, 1903** – *Соболевский А.И.* Арифметика // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 74. № 1: Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. С. 148–150.
- Татищев, 1950** – *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М.: Географгиз, 1950. 248 с.

Ханыков, 1851 – *Ханыков Н.В.* О весах и мерах Закавказского края // Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис, 1851. С. 536–579.

Хвольсон, 1884 – *Хвольсон О.Д.* О метрической системе мер и весов и о её введении в России. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1884. 152 с.

References

Butkov, 1844 – *Butkov P.G.* Ob"yasneniya russkikh starinnykh mer – lineinoi i putevoi [Explanations of the Russian ancient measures – linear and traveling] // The Journal of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg, 1844, vol. 8, no. 11, pp. 247-293. [In Russian]

Hanykov, 1851 – *Hanykov N.V.* O vesakh i merakh Zakavkazskogo kraia [About scales and measures of the Transcaucasian edge] // The Caucasian calendar for 1852. Tiflis, 1851, pp. 536-579. [In Russian]

Herman, 1893 – *Herman I.E.* Istoriya mezhevogo zakonodatel'stva ot Ulozheniya do General'nogo mezhevaniya (1649–1765). [History of the boundary legislation from the Code to the General land surveying (1649–1765)]. Moscow: Printing house of Polyakova, 1893, 380 p. [In Russian]

Herman, 1907 – *Herman I.E.* Istoriya russkogo mezhevaniya [History of the Russian land surveying]. Moscow: Printing house of V. Richter, 1907, 299 p. [In Russian]

Hvolson, 1884 – *Hvolson O.D.* O metrichekskoi sisteme mer i vesov i o ee vvedenii v Rossii [About metric system of measures and scales and about its introduction in Russia]. St. Petersburg: Printing house of brothers Panteleev, 1884, 152 p. [In Russian]

Kauffman, 1906 – *Kauffman I.I.* Russkii ves, ego razvitie i proiskhozhdenie v svyazi s istoriei russkoi denezhnoi sistemy s drevneishikh vremen. [Weight of Russia, its development and an origin in connection with history of the Russian monetary system since the most ancient times]. St. Petersburg: Printing house of Imperial Academy of Sciences, 1906, 92 p. [In Russian]

Kuznetsov, 1909 – *Kuznetsov S.K.* Kurs leksii po metrologii i khronologii [Course of lectures on metrology and chronology]. Moscow, 1909, 98 p. [In Russian]

Kuznetsov, 1913 – *Kuznetsov S.K.* Drevnerusskaya metrologiya: Kurs leksii v Moskovskom arkheologicheskom institute [Ancient Russian metrology: Course of lectures at the Moscow archaeological institute]. Malmyzh-on-Vyatka: N. N. Cheremshansky's printing house, 1913, 138 p. [In Russian]

Lamberti, 1827 – *Lamberti A.I.* O pervonachal'nom proiskhozhdenii i nyneshnem sostoyanii rossiiskoi lineinoi mery i vesa [About an initial origin and a present condition of the Russian linear measure and weight]. St. Petersburg: Printing house of the Educational House, 1827, 26 p. [In Russian]

Lamberti, 1827 – *Lamberti A.I.* Vnov' ob"yasennaya gidrometriceskaya sistema mer i vesov [Explained hydrometric system of measures and scales]. St. Petersburg: Printing house of the Educational House, 1827, 9 p. [In Russian]

Lamberti, 1828 – *Lamberti A.I.* O neizmennom opredelenii vesa rossiiskogo funta i o gidrometrichekskoi sisteme rossiiskikh mer ob"yatnosti [About invariable determination of weight of the Russian pound and about hydrometric system of the Russian measures of volume]. St. Petersburg: Military printing house of the General staff, 1828, 16 p. [In Russian]

Magnitsky, 1703 – *Magnitsky L.F.* Arifmetika, sirech' nauka chislitel'naya [Arithmetic is science of numeral]. Moscow: Printing yard, 1703, 326 p. [In Russian]

Matinsky, 1779 – *Matinsky M.A.* Opisanie razlichnykh mer i vesov raznykh gosudarstv [Description of various measures and scales of the different states]. St. Petersburg: Printing house of Sea shlyakhetny military school, 1779, 150 p. [In Russian]

Melnikov, 1852 – *Melnikov S.E.* Edinitsy starykh russkikh vesov i mer [Units of old Russian scales and measures] // Vologda provincial sheets. 1852, no. 31, August 2, pp. 349-350. [In Russian]

Mladentsev, 1907 – *Mladentsev M.N.* Kratkii istoricheskii ocherk russkikh mer [Short historical sketch of the Russian measures] // Vremennik of the Main Board of Weights and Measures. St. Petersburg, 1907, part 8, pp. 178-184. [In Russian]

Nikitsky, 1894 – *Nikitsky A.I.* K voprosu o merakh v Drevnei Rusi [To a question of measures in Ancient Russia]. St. Petersburg: V. S. Balashev's printing house, 1894, 48 p. [In Russian]

Petrushevsky, 1831 – *Petrushevsky F.I.* Pol'skaya metrologiya [Metrology of Poland]. St. Petersburg: Military printing house of the General staff, 1831, 35 p. [In Russian]

Petrushevsky, 1831 – *Petrushevsky F.I.* Metrologiya, ili Opisanie mer, vesov, monet i vremyaischisleniya nyneshnikh i drevnikh narodov [Metrology, or Description of measures, scales, coins and calendar of the present and ancient people]. St. Petersburg: Printing houses of Department of national education, 1831, 362 p. [In Russian]

Petrushevsky, 1841 – *Petrushevsky F.I.* Kratkoe opisanie meditsinskogo vesu [Short description of medical weight]. St. Petersburg: Printing house of A. Plyushar, 1841, 23 p. [In Russian]

Petrushevsky, 1842 – *Petrushevsky F.I.* Kratkaya evropeiskaya metrologiya, ili opisanie glavnykh mer, vesov i monet, v Evrope nyne upotreblyaemykh [Short European metrology, or the description of the main measures, scales and coins, in Europe the nowadays used]. St. Petersburg: Printing house of E. Pratts, 1842, 116 p. [In Russian]

Petrushevsky, 1849 – *Petrushevsky F.I.* Obshchaya metrologiya [General metrology]. St. Petersburg: Printing house of E. Pratts, 1849, part. 1, 632 p.; part 2, 188 p. [In Russian]

- Prozorovsky, 1854** – *Prozorovsky D.I.* Drevnie russkie mery zhidkosti [Ancient Russian measures of liquids] // Magazine of the Ministry of national education. 1854, no. 3, part 2, pp. 231-268. [In Russian]
- Prozorovsky, 1855** – *Prozorovsky D.I.* Drevnii russkii ves [Ancient Russian weight] // Magazine of the Ministry of national education. 1855, no. 5-6, part 2, pp. 115-191. [In Russian]
- Prozorovsky, 1865** – *Prozorovsky D.I.* Moneta i ves v Rossii do kontsa XVIII stoletiya [Moneta and weight in Russia until the end of the XVIII century]. St. Petersburg, 1865, 416 p. [In Russian]
- Prozorovsky, 1872** – *Prozorovsky D.I.* O starinnykh russkikh merakh protyazheniya [About ancient Russian measures of an extent] // News of Imperial Russian archaeological society. St. Petersburg, 1872, vol. 7, issue 3, pp. 258-274. [In Russian]
- Prozorovsky, 1872** – *Prozorovsky D.I.* Drevnii russkii ves v sravnenii s rimsko-vizantiiskim i nyneshnim russkim [Ancient Russian weight in comparison with the Roman-Byzantine and present Russian] // News of Imperial Russian archaeological association. St. Petersburg, 1872, vol. 7, issue 3, pp. 373-386. [In Russian]
- Prozorovsky, 1880** – *Prozorovsky D.I.* O razmerakh Bol'shogo Chertezha [About sizes of the Big Drawing] // News of Imperial Russian archaeological association. St. Petersburg, 1880, vol. 10, issue 2, pp. 118-130. [In Russian]
- Prozorovsky, 1880** – *Prozorovsky D.I.* Drevnie greko-rimskie mery protyazheniya i ikh otnoshenie k drevnim i novym russkim meram [Ancient Greek-Roman measures of an extent and their relation to ancient and new Russian measures] // News of Imperial Russian archaeological association. St. Petersburg, 1880, vol. 9, issue 5, pp. 475-483. [In Russian]
- Prozorovsky, 1881** – *Prozorovsky D.I.* O znachenii i sostave drevnei russkoi metrologii [About value and structure of ancient Russian metrology]. St. Petersburg: Printing house of Academy of Sciences, 1881, 11 p. [In Russian]
- Prozorovsky, 1888** – *Prozorovsky D.I.* Drevnyaya russkaya metrologiya: Lektsii v Arkheologicheskom institute [Ancient Russian metrology: Lectures at Archaeological institute]. St. Petersburg [manuscript, lithograph], 1888, 337 p. [In Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Kabinet Petra I [Russian state archive of ancient acts. Peter I's office].
- Rudakov, 1900** – *Rudakov V.E., Yanlovsky A.E.* Metrologiya russkaya [Metrology of Russia] // Encyclopaedic dictionary. Brockhaus and Efron. St. Petersburg, 1900, vol. 54, pp. 340-342. [In Russian]
- Sobolevsky, 1903** – *Sobolevsky A.I.* Arifmetika [Arithmetic] // Collection of Office of Russian and literature of Imperial Academy of Sciences. Vol. 74. No. 1: Translated literature of the Moscow Russia of the XIV-XVII centuries. St. Petersburg: Printing house of Imperial Academy of Sciences, 1903, pp. 148-150. [In Russian]
- Tatishchev, 1950** – *Tatishchev V.N.* Izbrannye trudy po geografii Rossii [The chosen works about geography of Russia]. Moscow: Geografiz, 1950, 248 p. [In Russian]
- The book descriptive, 1851** – Knizhka opisatel'naya, kako molodym lyudyam torg vesti i znati vsemu tsenu, i otchasti v nei opisany vsyakikh zemel' tovary razlichnye, ikh zhe privozyat na Rus' nemtsy i inykh zemel' lyudi torgovy [The book descriptive as to young people to do business and to know the price, and in it goods various are described any lands, that were brought to Russia by Germans and other lands people trade] // Notes of Office of the Russian and Slavic archeology of Imperial archaeological society. St. Petersburg: Printing house of Yakov Trey, 1851, vol. 1, pp. 106-139. [In Russian]
- The book, 1853** – Kniga shoshnogo pis'ma 7137 (1629) goda [The book of the tax letter of 7137 (1629) years] // Almanac of Association of history and antiquities Russian. Moscow: Printing house of the Moscow university. 1853, book 17, pp. 33-65. [In Russian]
- Zemzaris, 1972** – *Zemzaris Ya.K.* Razvitie metrologicheskoi nauki v Latvii [Development of metrological science in Latvia] // Auxiliary historical disciplines. Leningrad, 1972, pp. 184-190. [In Russian]

УДК 930(470)"18/20"

Становление исторической метрологии как научной дисциплины в XVI – начале XX века

Вячеслав Вениаминович Шевцов ^{а, *}

^а Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен процесс формирования исторической метрологии России как научной дисциплины в дореволюционный период. Письменная фиксация практических метрологических знаний во второй половине XVI–XVII вв. сменилась научным интересом в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: totleben@yandex.ru (В.В. Шевцов)

XVIII веке, характеризовавшимся систематизацией сведений о современных и прошлых мерах народов России, Европы и Востока. В первой половине XIX века появились обобщающие труды по исторической метрологии, дальнейшее развитие которой нуждалось в расширении источниковой базы, ее источниковедческой критике, разработке понятийного и методологического аппарата. Во второй половине XIX—начале XX века эти задачи решались в рамках отдельных метрологических исследований, специализированных курсов лекций и учебных пособий, необходимых для профессиональной подготовки историков, архивистов и археографов. Дореволюционные авторы заложили теоретические, методологические и фактографические основы исторической метрологии, получившие дальнейшее развитие в работах советских и современных российских историков.

Ключевые слова: историческая метрология; дометрические меры; источниковедение; историография; историческое образование.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 40, Is. 2, pp. 297-306, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 316.334.56+94(470.44/47)

The Genesis of the Urban Culture of the Steppe of the Volga Region and Sociocultural Development of the Region

Nadezhda V. Dulina^a, Igor' N. Naumov^{a, *}

^a Volgograd state technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problems of the genesis of socio-historical processes of urban culture of the steppe of the Volga region, is based on historical documents, materials of scientific expeditions conducted in the lower Volga region encyclopedic scientists from the second half of the XVIII century, and the results of archaeological research here settlement sites. Based on the fact that the whole history of mankind is the history of the reference person of its economy, the authors believe that the analysis of the spaces of the modern city must be waged simultaneously in multiple coordinate systems – involving knowledge of scientific disciplines such as history and archeology, sociology, Economics etc. Attention is focused on the events in the Volga steppes of socio-economic and cultural-historical transformation, reflected in the distinctive dynamics of sociocultural development of the medieval (Khazar, the Golden Horde, Russian) and modern cities in the region. The authors come to the following conclusions: the city created (and covered by most) throughout the centuries (and even millennia) by many generations, carry a spatial-temporal characteristics and the variety of creative ideas that make them diverse, aesthetically balanced. The growth of these cities, like all living things, inevitably threatens the time, which naturally destroys some of their historical (and in fact – "root") part to "make room" for new construction. To the relentless dynamism of our era was not able to destroy formed for many generations the idea that is subordinated to the formation and development of each particular city, you should each time from a separate historical parts of the city (or temporal-spatial "fragments") to try to reproduce it in its entirety, as the unity and integrity, while maintaining its inherent identity.

Keywords: the Genesis of urban culture, sociocultural development, archaeological researches, medieval and modern cities.

1. Введение

Города, существующие тысячелетия, создавали и осмыслили, всегда осмыслили и всегда переделяли заново. Хорошо, если то, что переделано заново отражало дух и душу народа ([Personality Profiles, 2011](#)), становилось гармоничным и человеку, и окружающему миру. Хуже, когда прошлое, незамеченное и неучтенное, вдруг начинает прорастать в настоящем, накладывая свой отпечаток на развитие процессов, которые развиваются на той или иной территории ([Дулина и др., 2015](#)). Человечеству понадобился довольно долгий срок, чтобы воспринять историко-культурное наследие как общечеловеческую ценность в качестве фактора, активно влияющего на развитие общества. Эта тенденция все более определенно проявляется по мере «взросления» человечества, меняя отношение к городу как социокультурному феномену, сохранившему и представляющему сегодня существенную часть материальной и духовной культуры человечества, являющему собой постоянный источник познания исторического бытия. Последние 200 лет города распухают на дрожжах индустриализации, ставя перед современными исследователями исключительно сложные

* Corresponding author

E-mail addresses: nv-dulina@yandex.ru (N.V. Dulina), naumov1510@yandex.ru (I.N. Naumov)

задачи осмысления (передконструирования) пространства, создаваемого и искажаемого городской культурой.

2. Материалы и методы

Анализ пространства современного города необходимо вести в системе координат, сформированной различными сферами научного знания социально-гуманитарного направления – с привлечением знаний таких научных дисциплин как история и археология, социология, экономика и пр., т. к. вся история человечества – это, практически, история ведения человеком своего хозяйства и, в связи с этим, социокультурных взаимодействий.

Основываясь на исторических документах, материалах научных экспедиций, проводившихся в Нижневолжском регионе учеными-энциклопедистами со второй половины XVIII в., и результатах археологических исследований здесь поселенческих памятников, авторы исходят из того, что хозяйственная жизнь любого города не отделяется от его истории, географии, культуры, искусства, общества и политики. Без них всякая возможная привлекательность города теряется, приближаясь к бесконечно малой величине. Для того же, чтобы можно было грамотно «считать» и свести воедино всю необходимую информацию, нужно, в первую очередь, обратиться к историческим корням города, уходящим вглубь веков и на начальном этапе исследования не дающим возможности четко провести границу «город – не город». При этом история свидетельствует, что города Нижнего Поволжья – очень разные и граница этих различий лежит в сформировавшейся со временем в каждом отдельном городе своей собственной городской культуре. Поэтому наши размышления мы начинаем, обратившись к Нижневолжскому региону как объекту исследования в целом.

3. Обсуждение

В науке исследования в области городской культуры понимались и до сих пор понимаются двояко. Во-первых – как изучение культурных явлений, не относящихся к традициям сельского населения (крестьянства) по происхождению и преимущественной или исконной среде функционирования. Иначе говоря, городское в этом контексте следует понимать как «недеревенское» (или «несельское»). Мы больше склонны разделять второй подход, суть которого заключается в следующем. Под городскими исследованиями, как правило, понимаются те, предмет которых связан с городом, так сказать, тематически – в тех случаях, когда исследователей интересуют культурные особенности и практики, в которых сами городские реалии или образы играют определяющую роль. В данном случае приуроченность к определенному городу (или городам) имеет обязательный характер, поскольку предметом анализа всегда становится культурная специфика того или иного города, репрезентируемая в среде его жителей. При этом, разумеется, уникальность каждого случая не возводится в абсолют, поскольку культурные контексты различных городов могут проявлять стереотипию на многих уровнях.

Тема и отдельные результаты наших исследований уже отражались в ряде предшествующих научных публикаций Н.В. Дулиной, И.Н. Наумова, Д.Ю. Шарапова, Е.В. Каргаполовой и др. (см., напр., (Дулина и др., 2006, 2013, 2015, 2016; Naumov, 2014; Регион: пространство смыслов, 2013)).

4. Результаты

Бурный рост городов в XIX в. объективно обусловил появление особой категории городских поселений – с числом жителей более 1 млн. человек, так наз. городов-миллионников. Если в 1800 г. не было ни одного (официально зарегистрированного) города-миллионника, то, по статистическим данным, за вторую половину XX в. количество таких городов почти утроилось, а по прогнозу к 2025 г. их число должно достичь 639 (Город в процессах, 2001: 291). В настоящее время в европейских странах, включая Россию, доля городского населения превышает $\frac{3}{4}$, продолжая увеличиваться. Но растет и исход населения из городов, где условия жизни становятся все труднее, в пригороды, где, однако, эти условия тоже стремительно осложняются.

«Каждое поселение, населенный пункт – это пространственное выражение определенной социальной организации с присущими структурными формами, связями и внутренними соподчинениями отдельных элементов» (Коева, 1994: 33). Современные города – сложные организмы, включающие разнородные по времени и форме пространственные системы. Выявление взаимного проникновения этих пространственных элементов, ослабление конфликтов между ними, их связь в единую социокультурную целостность – важнейшая задача, выдвигаемая современной культурой перед учеными (см., напр., (Шило, 2001)).

В истории человечества город может считаться весьма парадоксальным образованием (Город как социокультурное явление, 1995). Он появляется в истории Европы как феномен с четко очерченными границами в физическом пространстве: «поставить город» значит не что иное, как «о-градить» пространство, возвести «о-грады», укрепления. Очевидно, в самом понятии города заложена онтологическая необходимость существования некоего предела, границы, стены, отделяющей город от «не-города» (Стародубцева, 1995: 248). Однако, явившись миру закрытым, он со временем открывается, демонстрирует многообразие модификаций собственного проявления и оказывается устроенным сложнее, чем можно было предположить в начале, но именно эта

«непредсказуемость» позволила ему обозначить переход к исторически новому обществу – цивилизации. Современный город, разграничивший свою закрытость и втянувший в свои границы и системы отношений внегородское пространство и вышеслущивший нормы городской жизни за свои пределы, все в большей степени выступает в новом качестве при структурировании общего социокультурного пространства (*Город в процессах, 2001: 7*).

Появившись в жизни и истории человека, город быстро начал развиваться по своим собственным «правилам», подчиняя себе всё окружающее его пространство. Для того чтобы иметь возможность оценить роль города в социальной эволюции, необходимо обратиться к его «истокам», поскольку прошлое города может проявиться не только в его настоящем, но и будущем состоянии. Так, например, в археологическом музее-заповеднике Танаис* (Ростовская область) «представлены» городские ворота античного времени, одновременно войти в которые мог только один человек (причём их высота явно ниже среднего роста человека), и пройти их можно было только «поклонившись городу».

Западноевропейский средневековый город, как он представляется по произведениям литературы и живописи, – «феномен закрытый, труднодоступный. Чтобы проникнуть в него, нужно протиснуться в узкие щели ворот, в них всегда тесно, персонажи толпятся, образуя пробки; проемы ворот не только узки, они не высоки, почти вровень с человеческим ростом. Через такие ворота невозможно заглянуть внутрь; даже открытые сюжетно, ворота закрыты композиционно – образное воплощение реальной средневековой ситуации, когда городские ворота служили трудно преодолимой преградой не только в военное, но и в мирное время. Сбор пошлины за вход, долгие ожидания у закрытой решетки, строго соблюдавшиеся часы утреннего открытия и вечернего запираения ворот..., торжественные встречи важных лиц с распаиванием створок или подниманием решетки, с символическим вручением ключей; торжественные проводы – все это создавало функциональное и смысловое напряжение в зоне городских ворот». Понадобилось много времени, чтобы глухие ворота европейского города заменили аркой. Она располагалась на границе городской территории, где средневековые ворота наглухо отделяли город от окрестностей; арка, напротив, распаивает город, через её широко прорезанные пролеты открывается вид на природу, дали, пространство «не-города». «Арка рассчитана на то, чтобы через нее проходить, она не останавливает» (*Данилова, 1995: 241, 247*).

«В древней Руси при всех различиях между городом и деревней они все же более сглажены, чем в Западной Европе XI–XIII вв. Древнерусские города в противоположность западным с их корпоративными институтами не были замкнутыми мирками, отделенными ... стенами и упорно отстаивающими свои привилегии. Они во многом сохраняли аграрный облик, органично вписываясь в окружающий пейзаж». Но неперемный «знак» города – стены и башни с воротами, как символ права и порядка, сохранялся. «Города служили опорными пунктами-убежищами для близлежащих деревень: в случае военной угрозы крестьянское население укрывалось за их стенами. Вот почему строительство городских укреплений в центрах земель-княжений ... рассматривали как великое общее дело. Именно всеобщая заинтересованность в возведении неприступной цитадели, а не принудительный труд, двигала огромными массами строителей. “Город ставили” коллективно – “всем миром”: отсюда удивляющий и поныне колоссальный размах работ» (*Даркевич, 1995: 128*).

Термин «город» утвердился в археолого-исторической литературе при описании городищ Хазарского каганата (*Артамонов, 1962*). В.С. Флёров приходит к выводу, что «... город и кочевничество несовместимы» (*Флёров, 2011: 205*). Но всё же города в кочевой степи имеют место быть. Правда, создавались они уже в ордынское время, и кочевнические культурные традиции в них практически не прослеживаются (см. напр., (*ВОКМ. Ф. № 26 п/д*)).

Сегодня, по данным ученых, известно местоположение более 30 городов Золотой Орды. На первых порах, особенно при Бату-хане и Берке, ордынские города состояли из группы замков-усадб, к которым пристраивались посадки рабов и полурабов – строителей и ремесленников, согнанных с захваченных земель. «По мнению археологов, новые города, как в центральных землях, так и в периферии страны, строились вообще без укреплений, ибо, как считали монголы, город защищали не укрепления, а сама страна». Безопасность в Золотой Орде обеспечивалась не только на торговых путях, но и во всем улусе в целом. Поэтому оборонительные стены захваченных городов разрушали, о восстановлении их никто не смел и подумать, пока государство представляло собой единое владение Улуса Джучи с крепкой центральной властью. Отсутствие стен придавало городам Улуса Джучи совершенно особый колорит и приводило в крайнее изумление иностранных путешественников. В то время, когда жители государств Европы и Азии соревновались между собой в возведении как можно более высоких и толстых стен из камня и дерева, в Золотой Орде, посреди ровной степи располагались огромные незащищенные стенами города, набитые ценностями, свеженными со всех концов мира (*Калан, 2012: 48, 57*).

Город в кочевой степи, открытый всем ветрам и любопытным взглядам, был местом концентрации власти и капитала, источником духовного влияния и инноваций, где пересекались разнообразные потоки (транспортные, денежные, информационные и т. д.). Вместе с тем, он очень

* Танаис – античный город в устье р. Дон, основанный как греческая колония в III веке до н.э. В 237 г. был разрушен готами.

сложно устроен и наложение друг на друга разных пространств внутри одного города является неисчерпаемым источником все новых и новых теорий и исследований.

Рассмотрим наиболее значимые вехи в зарождении и развитии городской культуры Нижнего Поволжья, обозначив реперные точки от момента появления человека на территории теперь уже современного города, до утверждения поселения в его современном статусе.

Первые письменные упоминания о Нижневолжском регионе и его населении относятся ко времени раннего железного века (труды древнегреческого историка Геродота V в. до н.э.). Основными же источниками по изучению древней и средневековой истории Нижнего Поволжья являются материалы и архивные отчеты археологических исследований (см., напр. (ИА РАН. Р-1. № 3989, 7856, 9567, 10435, 11040, 11585, 11722, 12308, 12697, 12744, 13780 и др.; ВОКМ. Ф. № 5, 9, 44, 50, 52, 54, 64, 70, 77, 146, 147, 169, 231, 253, 264, 266, 277, 284, 307, 312, 317, 314 и др.)).

Древнейшим из известных в регионе долговременным поселенческим «началом», будущим «протогородам» можно представить среднепалеолитическую стоянку древнего человека в балке Сухая Мечётка на северной окраине Волгограда. Её возраст – более 100 тыс. лет. Культурный слой памятника перекрыт 20-метровыми отложениями. Здесь были обнаружены следы примитивных жилищ-шалашей, очажные пятна, около 8 тыс. каменных изделий (из них 365 – законченные орудия труда (скребла, наконечники, рубила и др.)). Найдены кости животных, на которых охотились обитатели стоянки (мамонта, шерстистого носорога, зубра, тура, оленя и др.). Кости и каменные орудия обнаружены в основном около большого кострища посреди стоянки, где люди собирались для трапезы, свеживали и готовили на костре мясо животных, обрабатывали шкуры для одежды, изготавливали орудия из кремневых желваков.

Города же, в современном понимании и с оговоркой изложенной выше, можно, видимо, обнаружить здесь только с раннесредневекового времени. В VIII веке большая часть Нижнего Поволжья и Придонья вошла в состав Хазарского каганата. Воины каганата, как свидетельствует «Повесть временных лет», во второй половине VIII в. собирали дань со славянских племен полян, радимичей, вятичей и северян. Население Хазарии занималось отгонным скотоводством, беднейшие слои населения, не имеющие скота, – земледелием и мелкой торговлей. Зимники хазар со временем начинают расширяться, огораживаться защитными валами, превращаются в небольшие поселки и города. Там строятся молельные дома, караван-сарай, возникают кладбища.

Арабский географ Ибн-Хордадбек упомянул наиболее крупные города: Варачан, Беленджер, Семендер, Хамлидж, Байда, Савгар и Итиль на реке Итиль (Волге). Последний появился в середине VIII в. и стал столицей Хазарского каганата. Место его расположения – Самосдельское городище, находящееся ниже Астрахани (культурный горизонт VIII–X вв.). Средние слои памятника связывают с торговым городом Саксин предмонгольского времени (XI–XII вв.), а верхний горизонт одни исследователи связывают с ордынским городом Суммеркент, другие – с продолжавшим существовать в XIII–XIV вв. Саксином.

По описаниям купцов и дипломатов, г. Итиль делился на две части, одна из которых (дворец кагана) находилась на острове, соединенном с основным городом понтонным мостом, который в случае военной опасности можно было быстро убрать. Город занимал большую площадь, где стояли общественные здания, мечети, медресе, синагоги, церкви и небольшие дома ремесленников и купцов из сырцового кирпича. Вокруг построек было много садов. Бедные жители обитали за крепостной стеной в глинобитных мазанках или юртах.

В IX в. на протоке старого русла Дона византийские строители по просьбе кагана возвели крупную крепость Саркел (Ростовская область). Она была обнесена мощной каменной стеной толщиной почти 4 м. Стены, перед которыми были вырыты рвы и насыпаны валы, упирались в квадратные башни. Крепость с гарнизоном до 300 чел. должна была охранять торговые пути в окрестной степи и по течению Дона. Её многочисленные мастерские снабжали население степи посудой, изделиями из кости и рога, предметами кузнечного, бронзолитейного и ювелирного производства. Из сельской местности сюда привозили на обмен просо, ячмень, пшеницу, коноплю, виноград, бахчевые культуры, а скотоводы пригоняли многочисленные отары овец и табуны лошадей.

С IX в. каганат стали тревожить печенеги, изначально кочевавшие в заволжских степях. Под давлением огузов (в русских летописях – торков), которые к середине X в. смещаются на запад вплоть до Дуная, они нанесли удар по торговым путям в Хазарию, захватили большие степные территории, ранее принадлежавшие хазарскому населению.

С запада хазарам угрожали славянские дружины. Сначала князь Олег изгнал хазар от восточных границ славянских племен и заставил их платить дань Киеву. Затем дружина князя Святослава приходит в 965 г. в Хазарию и штурмом берет Итиль. Святослав захватывает также хазарский город Семендер. После разгрома алан на Кавказе, князь оказывается на Дону около Саркела, который также берет штурмом. Он оставляет здесь небольшой военный отряд, называет город Белой Вежей и уходит в свой последний поход в Византию. В X веке его сын князь Владимир полностью подчиняет хазарское население Киевской Руси.

В IX веке в Заволжье появляется печенежская орда, народ которой пришёл из глубин Центральной Азии. Они сумели политически объединить не только свой народ, но и другие тюркские племена, которые они увлекли в походе на запад. Племена печенегов жили не только за счет кочевого скотоводства, но и от добычи при ограблении народов, их городов и поселений.

В конце IX века печенегов из Волго-Донских степей вытесняют огузские племена, которые закрепляются на территории Северного Прикаспия, а затем захватывают земли до Азовского моря. В документах того времени эти степи называют Дешт-и-Огуз. Огузы кочевали, разводя овец и табуны лошадей. Часть же населения переходит к оседлости, занимаясь земледелием и ремеслом.

В середине XI века в восточноевропейские степи приходят новые центрально-азиатские кочевники – ку(о)маны или кипчаки (в русских летописях – половцы), вытеснив часть печенегов и огузов на запад или частично подчинив их себе. Они часто беспокоили восточные границы распавшегося в середине XII века на удельные княжества бывшего Киевского государства.

Социально-экономическое развитие половецкого общества было связано с захватническими войнами, охотой и кочевым скотоводством. После утверждения половцев в Волго-Донских степях, ханы поняли необходимость охраны торговых путей и купцов, т. к. имели с этого стабильный доход. Главным торговым пунктом у них был город Саксин, возникший на месте хазарского Итиля. Осевшие здесь половцы занимались ремеслом, в основном оружейным, другие, поддерживая связь с кочевниками, продавали купцам кожу, шкуры, лошадей и овец. Шла и торговля рабами – пленными, которых приводили в город воины-кочевники после очередного набега на русские или крымские города и поселки.

Конец половецкому господству положило вторжение в XIII в. монголо-татарских войск. Батый, возвратившись из европейского похода, остановился в низовьях Волги, удобных для скотоводческо-кочевого хозяйства. Угодья делятся между улусами, устанавливаются направление и время кочевок. Это описал Гильом Рубрук, отметивший, что монголы «поделили между собой Скифию... и всякий начальник знает... границы своих пастбищ, ... где он должен пасти свой стада зимою, летом, весною и осенью» (Мамонтов, 2010: 176).

До золотоордынских ханов в степном регионе были слабые традиции оседлости, мало поселений. Но вскоре, особенно в связи с исламизацией Орды при хане Узбеке (1312–1342 гг.) резко возрос их интерес к строительству городов, где организуются торговые центры, крупные ремесленные мастерские.

Градостроительство в Золотой Орде достигло большого размаха. За короткий срок (XIII–XIV вв.) по берегам Волги были построены несколько десятков больших и малых городов. Наиболее крупные – Казань, Увек, Хаджи-Тархан, Сарай-Бату, Гюлистан, Бельджамен и др. Сейчас исследуются некоторые городища, являющиеся остатками этих золотоордынских городов.

Селитренное городище. Город Сарай (Сарай-Бату) или Сарай-аль-Махруса – «Дворец Богохранимый» (тюрк.) – первая столица Золотой Орды. Он существовал с начала 1250-х гг. до конца XV в. Городище находится в Харабалинском районе Астраханской области у пос. Селитренное на р. Ахтуба. Большие раскопки здесь провел Г.А. Федоров-Давыдов. Его экспедиция выяснила, что в центре города находились дворцовые постройки, усадьбы сановников и ремесленные кварталы. За городом – кладбище, где наряду с могилами простых жителей, найдены разрушенные мавзолеи сановников и богатых купцов.

Средневековые источники сообщают, что в этом городе могли проживать десятки тысяч жителей. Так, Ал(ь)-Омари описывает Сарай Бату: «...большой дворец, на вершине которого золотое новолуние.... Дворец окружают стены башни да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения.... Сарай город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда отправляют товары» (Мамонтов, 2010: 182).

Царёвское городище на левом берегу р. Ахтуба. Предположительно г. Сарай-Берке или Сарай-ал(ь)-Джедид – «Новый Сарай» (араб.). Полагали, что он был второй столицей Золотой Орды. Современные исследователи, подвергая сомнению существование двух ордынских столиц, считают, что этот город имел название – Гюлистан (с тюрк. – «страна (сад) цветов (роз)').

Ибн-Батутта, побывавший в городе в 1333 г., дал описание Сарая: «один из красивейших городов, ... чрезвычайной величины..., переполненный людьми, с красивейшими базарами и широкими улицами.... В нем 13 мечетей..., живут ... монголы, черкесы, русские, византийцы и др. Каждый народ живет в своем участке отдельно...» (Мамонтов, 2010: 184).

Во время раскопок экспедицией А.В. Терещенко в 1843–1851 гг. здесь были отмечены развалины громадных зданий, ремесленных мастерских, жилые кварталы, торговый центр. Собрали целую коллекцию татарских монет в количестве 25766 шт., бытовые предметы, изделия из драгоценных металлов (ИИМК РАН. Ф. № 6. Д. 81. Ч. I-II).

Много лет раскопки Царёвского городища проводил Г. А. Федоров-Давыдов (ВОКМ. Ф. № 12). С 2005 г. оно исследуется экспедицией Волжского гуманитарного института под руководством А. А. Глухова (УНЛАиЭНП ВГИ ВолГУ. Ф. № 5; ВОКМ. Ф. № 233, 260, 272/а, 283, 294). Обнаружены усадьбы, следы дворцов и административных зданий, землянки ремесленников и бедняков. В домах знати строилась система обогрева – «канов» – полых кирпичных «проходов», по которым шел

горячий воздух из очага, прежде чем он выходил наружу. В крупных усадьбах находились «бассейны», куда попадала вода по глиняным трубам водопровода или по арыкам.

Водянское городище (Бельджамен?) находится на берегу Волгоградского водохранилища близ г. Дубовка. Его развалины давно привлекали внимание археологов: А.А. Спицына, Ф.В. Баллода, Г.А. Федорова-Давыдова и др. В последние годы здесь ведет охранные раскопки экспедиция ВГСПУ под руководством Е.П. Мыськова и А.С. Лапшина (ВОКМ. Ф. № 82, 148, 164, 176, 194, 200, 212, 218, 234, 269/а, 278/а, 290/а, 303). Кроме жилых кварталов здесь раскопали каменную соборную мечеть. Найдены следы средневековой бани с системой подпольного обогрева и водопроводом из «кубуров» (обожженных глиняных труб). Исследована керамическая мастерская с горном для обжига изделий и мусульманское кладбище с мавзолеем. Обнаружен русский поселок и кладбище, где хоронили по христианскому обычаю.

Мечётное городище находится на территории северного микрорайона Волгограда – Спартановки (предположительно отождествляется с г. Тартанллы). По картам итальянцев его местонахождение известно с XIV века. В 1772 г. городище осмотрел Паллас, отметивший здесь остатки древнего татарского города. Саратовский губернатор А.А. Ширинский-Шихматов, испросив Открытый лист на право раскопок, провел здесь исследования. Экспедиция Ф.В. Баллода раскопала на месте городища несколько жилых построек, курганов и мавзолеев.

В этих городах в середине XIV в. существовало развитое ремесленное производство, снабжавшее своими изделиями жителей города и окружающей степи. Некоторые предметы из косторезных, керамических, стекольных, бронзолитейных, ювелирных мастерских были востребованы зарубежными купцами. Ремесло находилось на «мануфактурной» стадии – поточном производстве, когда, например, при изготовлении керамических изделий труд между участниками мастерской четко разделялся. Это так называемая восточная «кархана», где был объединен труд нескольких десятков ремесленников, возможно, рабов.

В караван-сараях шла торговля или обмен товарами: хлопок из Средней Азии, ткани, парча, шёлк из Китая и Персии, поделки из стекла из Сирии и Египта, ювелирные изделия из русских княжеств, меха из Булгар, люстровые сосуды из Хорезма. Из городов Золотой Орды зарубежные торговцы увозили рабов, хлеб, рыбу, скот, лошадей, кожу, меха.

Междоусобица в Золотой Орде, начавшаяся с 1359 г., разрушительные походы Тимура (Тамерлана) 1391, 1394 и 1395 гг. привели к полному упадку городской и степной жизни в Нижневолжском регионе.

Во второй половине XVI века здесь начинается новый этап развития городской культуры, связанный с освоением края русскими поселенцами. В 1558 г. город Астрахань перенесли ниже на 12 км, на другой, левый берег Волги. Посчитали, что здесь будет легче обороняться от беспокойных соседей. В 1582–1589 гг. по приказу Ивана IV там построили русский каменный Кремль.

Торговые и дипломатические пути по Волге были под постоянной угрозой крымчаков и воровских ватажек. На это сетовали купцы и дипломаты, плившие в Московию из кавказских и восточных стран. С 1555 г., по указу Ивана IV, на острове, против устья реки Царицы, стали устраивать караул. Стрельцы, военные люди приходили сюда из Астрахани или с воронежской засечной линии. Это в 1579 г. отметил англичанин Х. Барро: «на острове, названном Царицыном, русский царь держит в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны дороги» (Минх, 2010: 428). А в 1589 г., по указу царя Федора Ивановича воеводе Г. Засекину, на месте Переволоки, где Волга наиболее близко подходила к Дону, построили деревянную Царицынскую сторожевую крепость, которая стала основой будущего города (ныне миллионного Волгограда).

Во время разливов Волги островная крепость оказывалась не боеспособной. Об уровне воды в Волге во время разлива можно судить по свидетельствам очевидцев: «Царицын разделяется на две части речкою Царицею, или лучше сказать оврагом, по дну которого протекает эта речка; в полую воду овраг ... полон воды и через него переезжают на лодках, в межень он высыхает». Поэтому после смутного времени начала XVII в., когда крепость была сожжена, её решили перенести на крутой правый берег. Это, как полагают историки, могло произойти в 1615 г. при воеводе М. Соловцове. Он стратегически правильно выбрал новое место для Царицынской крепости, учел, что теперь она будет хорошо защищена от степняков со всех сторон крутыми обрывами к Волге, к реке Царице и глубоким оврагом с западной стороны. Со стен крепости открывался далекий обзор степи и течения Волги. К 1623 г. относится сообщение московского купца Котова, проплывавшего караваном в Персию: «А на Царицыне город стоит на горной стороне, невелик стоячий тын, башни рубленные, круглые.... А по нижнюю сторону города речка невелика течет.... А около Царицына ... кругом степь, а город стоит над Волгой, дворы и ряд, и храмы – все в городе». По сведениям А. Олеария 1636 г. город Царицын «...невелик, построен в форме параллелограмма..., заселен... стрельцами, которых живет в нем 400 человек: они обязаны держать стражу против татар, воровских казаков и служить охраной проезжающим мимо судам». С того времени начинается другая история города, стоящего в кочевой степи, о котором путешественники пишут: «Царицын, уездный город Саратовской губернии... стоит на возвышенности... над Волгою, и перерезан... оврагом, по дну которого течет речка Царица, впадающая... в Волгу, выше устья которой расположен город, ниже его казачья слобода, за которой тянется ряд построек Волго-Донской железной дороги. Царицын окружен песками – началом

степного пространства, лежащего по... берегам Волги и идущего до Астрахани; окрестности города безлесы и унылы; недалеко к югу начинаются степные кочевья калмыков, которых кибитки (юрты) стояли за городом...» (Минх, 2010: 427–428).

Диалог между прошлым, настоящим и будущим в социальном пространстве города – задача, связывающая ряд культурных проблем в сложное целое. Ее решение допускает многочисленные варианты, но основа, на которой оно базируется, это – тесная связь времен. Историческую глубину пластов в организме города имеет смысл использовать в качестве одного из важных средств противопоставления однообразию городской среды, порожденному быстрыми темпами модернизации и технического прогресса (Коева, 1994: 34). Современные исследователи, работающие в различных областях научного знания, научным интересом которых является город, должны стремиться установить связь между прошлым и настоящим таким образом, чтобы сохранить единственно возможную основу воспроизводства города в будущем. Примеры выполнения таких работ можно встретить в отечественной практике, некоторые из них реализованы в рамках академической программы «Социокультурная эволюция регионов России», инициированной Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (руководитель Центра – чл.-корр. РАН Н.И. Лапин) (Социокультурный портрет, 2006). ЦИСИ реализует эту программу при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) с 2005 года. Ее цель – обеспечить комплексность изучения, проблемно-аналитический характер и сопоставимость социокультурных характеристик регионов России. Результаты исследований, выполненных в рамках реализации проекта, обсуждаются на всероссийских конференциях и проходят широкое публичное обсуждение (Проблемы модернизации, 2012).

5. Заключение

История свидетельствует о том, что города, созданные (и создаваемые) в течение веков (и даже тысячелетий) многими поколениями, несут в себе пространственно-временные характеристики и многообразие творческих идей, которые делают их многоплановыми, эстетически уравновешенными. Однако росту таких городов, как и всему живому, неумолимо угрожает время, которое естественным образом разрушает какую-то их историческую (а по сути – «корневую») часть, чтобы «расчистить место» под новое «строительство». Чтобы безжалостный динамизм нашей эпохи был не в состоянии разрушить сформировавшуюся в течение многих поколений идею, которой подчинено становление и развитие каждого конкретного города, необходимо всякий раз из отдельных исторически сложившихся частей города (или временно-пространственных «осколков») попытаться воспроизвести его целиком, как единство и целостность, сохраняя при этом присущую ему индивидуальность. Осмысляя и создавая вновь и вновь.

Литература

- Артамонов, 1962 – Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
- ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей.
- Город в процессах, 2001 – Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.: Наука, 2001. 392 с.
- Город как социокультурное явление, 1995 – Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. 351 с.
- Данилова, 1995 – Данилова И.Е. К вопросу о сложении пространственной модели итальянского ренессансного города (Флоренция XV в.) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 240–248.
- Даркевич, 1995 – Даркевич В.П. О некоторых спорных проблемах происхождения и развития древнерусских городов (X–XIII вв.) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 126–137.
- Дулина, 2006 – Дулина Н.В. Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. 387 с.
- Дулина и др., 2013 – Дулина Н.В., Наумов И.Н., Шаранов Д.Ю. Зарождение городов Нижнего Поволжья (или о социокультурных ресурсах и ограничениях развития региона) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28). Ч. II. С. 44–52;
- Дулина и др., 2015 – Дулина Н.В., Каргаполова Е.В. Между заторможенным ростом и модернизацией регионов. Южный федеральный округ // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 22–29.
- Дулина и др., 2016 – Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Наумов И.Н. «Врата народов»: Южный федеральный округ в социокультурном пространстве России // Вестник Калмыцкого университета. Научный журнал. № 1 (29). Элиста: Изд. КалмГУ, 2016. С. 88–97.
- ИА РАН – Институт археологии РАН.
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН.

Калан, 2012 – *Калан Э.* Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV вв. Казань: Изд-во «ЯЗ»; Институт истории им. Ш. Марджани, 2012. 156 с.

Коева, 1994 – *Коева М.* Прошлое, настоящее и будущее в пространственной среде города: диалог или конфронтация? // Исторические города и села в процессе урбанизации (по материалам международного совещания). М., 1994. С. 32–37.

Мамонтов, 2010 – *Мамонтов В.И.* Далекое прошлое Волго-Донских степей (научно-популярная версия истории края от эпохи камня до раннего Царицына). Волгоград: Принт, 2010. 208 с.

Минх, 2010 – *Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия. Волгоград: Изд-во Волгоградской академии гос. службы, 2010. 568 с.

Проблемы модернизации, 2012 – Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25 октября 2012 г. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 472 с.

Регион: пространство смыслов, 2013 – Регион: пространство смыслов и содержание / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова, Д.П. Ануфриев, А.Ю. Арясова и др. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2013. 292 с.

Социокультурный портрет, 2005 – Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов»: Москва, 27 июня – 1 июля 2005 г. М.: ИФ РАН, 2006. 328 с.

Стародубцева, 1995 – *Стародубцева Л.В.* «Городская стена» как духовная конструкция // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 248–258.

УНЛАиЭНП ВГИ ВолГУ – Учебно-научная лаборатория археологии и этнографии Нижнего Поволжья Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета.

Флёров, 2011 – *Флёров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 2011. 267 с.

Шило, 2001 – *Шило С.И.* Средний российский город: актуальные проблемы управления. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского науч. центра высшей школы, 2001. 195 с.

Naumov, 2014 – *Naumov I.* Genesis and prospects of socio-economic development of urban culture the Lower Volga region // Canadian Journal of Science, Education and Culture / University of Toronto. 2014. No. 2 (6) (July-December). Vol. II. С. 487–490.

Personality Profiles, 2011 – Personality Profiles and the «Russian Soul»: Literary and Scholarly Views Evaluated / Jüri Allik, Anu Realo, ... Nadezhda V. Dulina & // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. Vol. 42, № 3. P. 372–389.

References

Artamonov, 1962 – *Artamonov M. I.* Istorija hazar [The history of the Khazars]. Leningrad: Publishing house of the State Hermitage, 1962. 523 p. [in Russian]

VOKM – Volgogradskij oblastnoj kraevedcheskij muzej [Volgograd regional Museum of local lore].

Gorod v processah, 2001 – Gorod v processah istoricheskikh perehodov. Teoreticheskie aspekty i sociokul'turnye charakteristiki [The city is in the process of historical transitions. Theoretical aspects and sociocultural characteristics]. М.: Science, 2001. 392 p. [in Russian]

Gorod kak sociokul'turnoe javlenie, 1995 – Gorod kak sociokul'turnoe javlenie istoricheskogo processa [The city as a sociocultural phenomenon of the historical process]. М.: Science, 1995. 351 p. [in Russian]

Danilova, 1995 – *Danilova I. E.* K voprosu o slozhenii prostranstvennoj modeli ital'janskogo renessansnogo goroda (Florencija XV v.) // Gorod kak sociokul'turnoe javlenie istoricheskogo processa [On the addition of spatial models of the Italian Renaissance city (Florence XV century) // The City as a sociocultural phenomenon of the historical process]. М.: Science, 1995. P. 240–248. [in Russian]

Darkevich, 1995 – *Darkevich V. P.* O nekotoryh spornyh problemah proishozhdenija i razvitija drevnerusskikh gorodov (X–XIII vv.) // Gorod kak sociokul'turnoe javlenie istoricheskogo processa [About some controversial problems of the origin and development of ancient cities (X–XIII centuries) // The City as a socio-cultural phenomenon of the historical process]. М.: Science, 1995. P. 126–137. [in Russian]

Dulina, 2006 – *Dulina N. V.* Gorod v transformirujushhemsja obshhestve: metodologija i praktika issledovanija [The City in transforming the society: methodology and research practice]. Volgograd: Volgograd Scientific publishing house, 2006. 387 p. [in Russian]

Dulina i dr., 2013 – *Dulina N. V., Naumov I. N., Sharapov D. Y.* Zarozhdenie gorodov Nizhnego Povolzh'ja (ili o socio-kul'turnyh resursah i ogranichenijah razvitija regiona) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [The Emergence of cities in the Lower-Volga region (or sociocultural resources and limitations development of the region) // Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2013. No. 2 (28). Part II. P. 44–52. [in Russian]

Dulina i dr., 2015 – *Dulina N. V., Kargapolova E. V.* Mezhdz zatormozhennym rostom i modernizaciej regionov. Juzhnyj federal'nyj okrug [Between retarded growth and modernization of the regions. South Federal district] // Sociological researches. – 2015. – No. 3. – P. 22–29. [in Russian]

Dulina i dr., 2016 – *Dulina N. V., Kargapolova E. V., Naumov I. N.* «Vrata narodov»: Juzhnyj federal'nyj okrug v sociokul'turnom prostranstve Rossii // Vestnik Kalmyckogo universiteta. Nauchnyj zhurnal ["Gate of Nations": southern Federal district in the sociocultural space of Russia // Bulletin of the Kalmyk University. The scientific journal]. No. 1 (29). Elista: Ed. Kalmyk state University, 2016. P. 88–97. [in Russian]

IA RAN – Institut arheologii RAN [Institute of archaeology RAS].

IIMK RAN – Institut istorii material'noj kul'tury RAN [Institute of history of material culture RAS].

Kalan, 2012 – *Kalan E.* Zolotaja Orda (Ulus Dzhuchi) i strany Vostoka: torgovo-jekonomicheskie vzaimootnosheniya vo vtoroj polovine XIII–XIV vv. [Golden Horde (The Ulus of Jochi) and the countries of the East: trade and economic relations in the second half of the XIII–XIV centuries]. Kazan: Publishing house "LANG"; The Institute of history named after Sh. Mardjani, 2012. 156 p. [in Russian]

Koeva, 1994 – *Koeva M.* Proshloe, nastojashhee i budushhee v prostranstvennoj srede goroda: dialog ili konfrontacija? // Istoricheskie goroda i sela v processe urbanizacii (po materialam mezhdunarodnogo soveshhanija) [Past, present and future of the spatial environment of the city: dialogue or confrontation? // Historic towns and villages in the urbanization process (materials of international meeting)]. M., 1994. P. 32–37. [in Russian]

Mamontov, 2010 – *Mamontov V. I.* Dalekoe proshloe Volgo-Donskih stepej (nauchno-populjarnaja versija istorii kraja ot jepohi kamnja do rannego Caricyna) [Distant past of the Volga-Don steppes (popular scientific version of the history of the region from the Stone Age to early Tsaritsyn)]. Volgograd: Print, 2010. 208 p. [in Russian]

Minkh, 2010 – *Minkh A. N.* Istoriko-geograficheskij slovar' Saratovskoj gubernii: Juzhnye uezdy Caricynskij i Kamyshinskij. Sovremennaja versija [Historical and geographical dictionary of the Saratov province: Southern counties Tsaritsyn and Kamyshin. A modern version]. Volgograd: Publishing house of Volgograd Academy of state service, 2010. 568 p. [in Russian]

Problemy modernizacii, 2012 – Problemy modernizacii v sociokul'turnyh portretah regionov Rossii: sbornik materialov VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii po programme «Sociokul'turnaja jevoljucija Rossii i ee regionov»: 22–25 oktjabrja 2012 g. [Problems upgrading in the sociocultural portraits of Russian regions: proceedings of the VIII all-Russian scientific-practical conference on the programme "Sociocultural evolution of Russia and its regions": 22–25 October 2012]. Ufa: AN RB, Gilem, 2012. 472 p. [in Russian]

Region: prostranstvo smyslov, 2013 – Region: prostranstvo smyslov i sodержanie [Region: the space of meanings and content] / N. V. Dulina, E. V. Kargapolova, D. P. Anufriev, A. Y. Aryasova, etc. Volgograd: Volgograd Scientific publishing house, 2013. 292 p. [in Russian]

Sociokul'turnyj portret, 2006 – Sociokul'turnyj portret regiona. Tipovaja programma i metodika. Materialy konferencii «Sociokul'turnaja karta Rossii i perspektivy razvitija rossijskih regionov»: Moskva, 27 ijunja – 1 ijulja 2005 g. [Sociocultural portrait of the region. Standard program and methodology. Proceedings of the conference "Socio-cultural map of Russia and prospects of development of Russian regions": Moscow, 27 June – 1 July 2005]. Moscow: Institute of philosophy RAS, 2006. 328 p. [in Russian]

Starodubtceva, 1995 – *Starodubtceva L. V.* «Gorodskaja stena» kak duhovnaja konstrukcija // Gorod kak sociokul'turnoe javlenie istoricheskogo processa ["City wall" as a spiritual design // The City as a sociocultural phenomenon of the historical process]. M.: Science, 1995. P. 248–258. [in Russian]

UNLAIJeNP VGI VolGU – Uchebno-nauchnaja laboratorija arheologii i jetnografii Nizhnego Povolzh'ja Volzhskogo gumanitarnogo instituta Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Educational-scientific laboratory of archaeology and ethnography of the Lower Volga region the Volzhsky humanitarian Institute of Volgograd state University].

Flerov, 2011 – *Flerov V. S.* «Goroda» i «zamki» Hazarskogo kaganata. Arheologicheskaja real'nost' ["The City" and "castles" of the Khazar Kaganate. The archaeological reality]. M.; Jerusalem: The Bridges of a culture: Jewish book, 2011. 267 p. [in Russian]

Shilo, 2001 – *Shilo S. I.* Srednij rossijskij gorod: aktual'nye problemy upravlenija [Average Russian town: current problems of governance]. Rostov-on-Don: Publishing house of the North-Caucasian scientific centre of higher school, 2001. 195 p. [in Russian]

Naumov, 2014 – *Naumov I.* Genesis and prospects of socio-economic development of urban culture the Lower Volga region // Canadian Journal of Science, Education and Culture / University of Toronto. 2014. No. 2 (6) (July-December). Vol. II. P. 487–490. [in English]

Personality Profiles, 2011 – Personality Profiles and the "Russian Soul": Literary and Scholarly Views Evaluated / Jüri Allik, Anu Realo, ... Nadezhda V. Dulina & // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. Vol. 42, № 3. P. 372–389. [in English]

УДК 316.334.56+94(470.44/47)

Генезис городской культуры степного Поволжья и социокультурное развитие регионаНадежда Васильевна Дулина^а, Игорь Николаевич Наумов^{а, *}^а Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья, посвященная проблемам генезиса социально-исторических процессов городской культуры степного Поволжья, основывается на исторических документах, материалах научных экспедиций, проводившихся в Нижневолжском регионе учеными-энциклопедистами со второй половины XVIII в., и результатах археологических исследований здесь поселенческих памятников. Исходя из того, что вся история человечества – история ведения человеком своего хозяйства, авторы полагают, что анализ пространства современного города необходимо вести одновременно в нескольких системах координат – с привлечением знаний таких научных дисциплин как история и археология, социология, экономика и пр. Акцентируется внимание на происходившие в поволжских степях социально-экономические и культурно-исторические трансформации, отразившиеся в своеобразии динамики социокультурного развития средневековых (хазарских, золотоордынских, русских) и современных городов региона. Авторы приходят к следующим выводам: города, созданные (и создаваемые) в течение веков (и даже тысячелетий) многими поколениями, несут в себе пространственно-временные характеристики и многообразие творческих идей, которые делают их многоплановыми, эстетически уравновешенными. Росту таких городов, как и всему живому, неумолимо угрожает время, которое естественным образом разрушает какую-то их историческую (а по сути – «корневую») часть, чтобы «расчистить место» под новое «строительство». Чтобы безжалостный динамизм нашей эпохи был не в состоянии разрушить сформировавшуюся в течение многих поколений идею, которой подчинено становление и развитие каждого конкретного города, необходимо всякий раз из отдельных исторически сложившихся частей города (или временно-пространственных «осколков») попытаться воспроизвести его целиком, как единство и целостность, сохраняя при этом присущую ему индивидуальность.

Ключевые слова: генезис городской культуры, социокультурное развитие, археологические исследования, средневековые и современные города.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nv-dulina@yandex.ru (Н.В. Дулина), naumov1510@yandex.ru (И.Н. Наумов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 307-322, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47).047+94(477)+930.1

Battle of Konotop (1659) in the Historiography and the Historical Memory

Gennady G. Matishov ^a, Piotr A. Avakov ^b, Evgeny F. Krinko ^{c,*}

^a Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

^c Institute of Social-Economic Research and Humanities of Southern Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The successor to Bogdan Khmelnytsky, the new hetman of Army of Zaporozhye Ivan Vygovsky in 1658 switched sides Polish-Lithuanian Commonwealth, and entered into an alliance with the Crimean Khan. To suppress the rebellion came to Ukraine by Russian troops of Prince Alexey Trubetskoy. His support of the Ukrainian Cossacks. In Ukraine flared up a real civil war (Ruin). June 28, 1659, near Konotop Russian cavalry under the command of Prince Semen Pozharsky defeated. Trubetskoi had to retreat. But Vygovsky failed to take full advantage of the results of the battle.

The article examines the historiography of Konotop battle about the politics of memory. Historiographical sources are pre-revolutionary, Soviet, Russian, Ukrainian, studies and textbooks of history. The authors show how one of the battles of Russian-Polish war (1654–1667) focus has been placed under the influence of political circumstances. Konotop battle was seen in Ukrainian historiography as one of the most significant victories of the Ukrainian people in the struggle for independence. This is reflected in the Ukrainian history textbooks and other forms of historical memory.

Keywords: Battle of Konotop, Russian-Ukrainian relations, Ivan Vygovskyy, Russian-Polish war 1654–1667, historiography, historical memory.

1. Введение

В современной историографии происходит активное переосмысление многих вопросов российско-украинских отношений. К их числу относятся и события середины XVII в., связанные с присоединением Левобережной Украины к России. К сожалению, на изменения в оценках нередко сказываются не только привлечение новых источников или появление новых исследовательских подходов, но и повороты в политике памяти. Это в полной мере отражает эволюция историографии Конотопской битвы 1659 г.

После смерти Богдана (Зиновия) Михайловича Хмельницкого в октябре 1657 г. новым гетманом Войска Запорожского был избран один из его сподвижников, генеральный писарь Иван Остафьевич Выговский, не пользовавшийся поддержкой рядового казачества. Стремясь укрепить свое положение, к весне 1658 г. он возобновил военный союз с Крымским ханством, а в сентябре того же года заключил Гадячский договор с Речью Посполитой, предусматривавший возвращение Украины в ее состав. Измена Выговского, присягнувшего царю Алексею Михайловичу, усилила раскол среди казачества, вызвав гражданскую войну на Украине. Противники гетмана призывали на помощь царские войска, но российское правительство первоначально проявляло нерешительность, пытаясь урегулировать конфликт дипломатическим путем.

* Corresponding author

E-mail addresses: matishov_ssc-ras@ssc-ras.ru (G.G. Matishov), pavakov@mail.ru (P.A. Avakov), krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko)

В августе 1658 г. И.О. Выговский поднял открытый мятеж и осадил Киев, но потерпел поражение. В ноябре главные сторонники гетмана принесли повторную присягу царю. Воспользовавшись перемирием для перегруппировки сил и получения военной помощи из Польши, Выговский перешел в наступление против российских войск и оставшихся верных царю казаков. В апреле 1659 г. на Украину прибыло новое российское войско во главе с воеводой князем Алексеем Николаевичем Трубецким и осадило городок Конотоп, занятый сторонниками Выговского. В осаде участвовали соединения других русских воевод, а также украинские казаки под предводительством наказного гетмана Ивана Федоровича Беспалого.

Приход на Украину орды крымского хана Мухаммеда-Гирея IV изменил соотношение сил. 29 июня 1659 г. российский авангард воеводы князя Семена Романовича Пожарского атаковал противника, попал в окружение и был разбит. После этого российское войско сняло осаду Конотопа и с боями отступило к Путивлю. Но Выговский не смог развить достигнутый успех и, получив отпор под Гадячем, тоже вынужден был отступить. Ушел с Украины и крымский хан, интересы которого разошлись с планами гетмана. Вскоре казачья старшина отрешила гетмана от власти. Он эмигрировал в Польшу, где вскоре был казнен (Новосельский, 1994: 60–68; Степанков 1994: 88–108; Мицик, 2004: 37–47; Горобець, 2007: 118–147; Таирова-Яковлева, 2009: 239–253; Чухліб, 2009: 87–95; Флоря, 2010: 287–484; Бабулин, 2015: 39–313 и др.).

Драматические события июня 1659 г. были ярким, но малозначительным эпизодом затяжной войны между Россией и Речью Посполитой (1654–1667). Гораздо более важные последствия они имели для Украины, погружавшейся в пучину Руины. Именно так оценивали их значение большинство историков XVIII–XX вв. Становление национальной историографии в независимой Украине обусловило смену дискурса в отношении Конотопской битвы. Политизация нарратива превратила малоизвестное сражение в одно из ключевых событий русско-украинских отношений и военной истории Украины XVII в. Украинский историк В.Б. Яценко не без оснований назвал сложившуюся историографическую ситуацию «битвой после битвы» (Яценко, 2010).

2. Материалы и методы

Подробный анализ отечественной и зарубежной историографии проблемы проделал И.Б. Бабулин (Бабулин, 2015: 8–25). Ранее на основные противоречия в освещении «казацко-московской войны 1658–1659 гг.» российскими и украинскими историками указал В.Б. Яценко (Яценко, 2010). Настоящая статья посвящена ведущим тенденциям в развитии российской и украинской историографии Конотопской битвы 1659 г. в тесной взаимосвязи с политикой памяти.

Исследование опирается на принцип историзма, обуславливающий рассмотрение исторических взглядов и концепций в их развитии и в контексте определенных конкретно-исторических условий, а также системный и ценностный подходы. В статье использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, методы логического анализа, периодизации историографии и актуализации. Историографическими источниками выступают работы дореволюционных, советских и современных российских и украинских исследователей, а также украинские учебники истории.

3. Обсуждение и результаты

Первые описания Конотопской битвы появились еще в украинских «казацких» летописях первой трети XVIII в., которые представляют собой компиляции из аналогичных летописей и других нарративных источников второй половины XVII в., дополненные малодостоверными подробностями (Величко, 1848: 373–375; Грабянка, 1854: 167–168 и др.). Позже на битву под Конотопом обращали внимание авторы обобщающих трудов по истории России, Украины, русско-турецких отношений и украинского казачества, в большинстве своем – компилятивных сочинений, опиравшихся на ранее опубликованные труды и нарративные источники. Эти историки, как правило, слабо представляли ход военных действий, но не сомневались в том, что решающую роль в поражении российского войска сыграли крымские татары (Бантыш-Каменский, 1842: 36–38; Маркевич, 1842: 43–46; Миллер, 1846: 12; Карабанов, 1855: 343–344; Ригельман, 1994: 290–292 и др.). Одним из первых критически подошел к анализу событий И.И. Голиков, оспоривший ошибочное утверждение А.Я. Хилкова (Хилков, 1770: 358) о победе российского войска (Голиков, 1790: 80–82). Некоторые авторы даже не упомянули об участии в сражении казаков Выговского (Левашов, 1792: 99; Глинка, 1818: 77).

Обращает на себя внимание, что в цикле русских исторических песен XVII в. о гибели князя С.Р. Пожарского противниками царского войска выступают крымские татары и другие кочевые народы (калмыки и башкиры, не участвовавшие в сражении), а украинские казаки там не фигурируют. Предметом рефлексии в песнях является не военное поражение в Конотопской битве, а казнь крымским ханом пленного воеводы, представленного в ореоле мученика (Исторические, 1966: 123–127; 350–351). В украинском фольклоре Конотопская битва и ее казачьи герои вообще никак не отражены, несмотря на то, что «в целом украинская муза того времени чутко реагировала на выдающиеся события в казацкой державе, и значительная часть казацких битв имеет свое отражение в поэзии». Сделавший этот вывод украинский писатель В.А. Шевчук объяснил его тем, что если бы посвященное Конотопской битве произведение и было создано, оно непременно «должно было быть оппозиционным как в России, так и в левобережном гетманстве российской ориентации», поэтому

«в печать попасть не могло», а будучи сочиненным «частным образом, для себя... шансы сохраниться имело малые, особенно в первой четверти XVIII в. с ее политическим террором Тайной канцелярии, или после репрессий против мазепинцев» (Шевчук, 1996: 134). Между тем, никакой «террор Тайной канцелярии» не помешал сохранению, например, народных песен о С.Т. Разине. Вероятно, современники Конотопской битвы и их потомки просто не придавали ей большого значения и не считали предметом гордости, достойным героизации. Не случайно авторы украинских летописей единодушно квалифицировали гетмана Выговского как изменника.

Вплоть до начала 1860-х гг. большинство историков были плохо знакомы с документальными источниками по данной теме. С работами предшественников контрастирует труд С.М. Соловьева, отличающийся богатой фактологией. Опираясь на украинские летописи, дела Посольского и Малороссийского приказов и главным образом на сочинение польского шляхтича С. Венславского (Weślawski, 1691: 89–90), историк писал: «Цвет московской конницы, совершившей счастливые походы 54-го и 55-го годов, сгиб в один день; пленных досталось победителям тысяч пять... Никогда после этого царь московский не был уже в состоянии вывести в поле такого сильного ополчения. В печальном платье вышел Алексей Михайлович к народу, и ужас напал на Москву». Так, выдающийся ученый, не выявив документов о реальных потерях российского войска, способствовал рождению мифа о его полном разгроме под Конотопом. Вместе тем, С.М. Соловьев подчеркнул, что «в Москве напрасно очень беспокоились», так как поражение под Конотопом «было явлением случайным, не могшим иметь никаких важных последствий» (Соловьев, 1991: 49–50).

Наиболее значительным трудом о событиях 1658–1659 гг. на Украине в российской историографии имперского периода стала работа Н.И. Костомарова, основанная на украинских летописях и польских исторических сочинениях второй половины XVII в. Подобно предшественникам, историк упрощенно и тенденциозно осветил ход Конотопской битвы, взяв за основу описание польского историографа В.И. Коховского (Kochowski, 1688: 377–382). Н.И. Костомаров привел фантастические данные о составе и численности отряда князя С.Р. Пожарского, полагая, что помимо конницы он включал артиллерию и насчитывал 30 тыс. чел. (Костомаров, 1862: 162–171). А.М. Лазаревский обратил внимание на сведения о битве в хронике начала XVIII в. османского историка Мустафы Наимы «Цветник Хусейна в изложении истории Востока и Запада» (правда, ошибочно приписав их другому османскому историку второй четверти XVIII в. – Сейиду Мехмеду Ризе, автору труда «Семь планет в известиях о царях татарских»), и точно локализовал место боя отряда князя Пожарского – окрестности ныне не существующего хутора Сарановка Велико-Самборской волости Конотопского уезда Черниговской губернии (Лазаревский, 1862: 305–330; Лазаревский, 1893: 208–210).

На рубеже XIX–XX вв. началось формирование национально-государственного направления в историографии Украины, у истоков которого стоял М.С. Грушевский – в то время профессор Львовского университета (Австро-Венгрия). В научно-популярной «Иллюстрированной истории Украины» он воспроизвел миф о том, что под Конотопом «произошел небывалый погром: было истреблено все московское войско» (Грушевский, 1913: 331). После установления советской власти развитие украинской историографии продолжалось, как в СССР, так и за его пределами. Эмигрировавший в Чехословакию С.П. Нарижный защитил в 1927 г. докторскую диссертацию на тему «Гетманства Выговского, Хмельниченко и Тетери», опубликовал две статьи о Выговском и отдельную статью посвятил «Конотопской победе». В ней он выявил общие черты войн между Россией и Украиной, считая, что все они были оборонительными для Украины, велись на ее территории при участии соседних государств и сопровождались расколом в украинском обществе (Нарижный, 1928). В 1936 г. в СССР был посмертно издан последний том незавершенного фундаментального труда М.С. Грушевского «История Украины – Руси», рассказывающий о событиях, происшедших после смерти Б.М. Хмельницкого и до Гадячской унии 1658 г. Ставший советским академиком автор объяснял выступление Выговского против царя нежеланием казацкой старшины расставаться со своими вольностями и идти на уступки российской монархии, стремившейся ограничить автономию Украины (Грушевский, 1958: 37–359). По идеологическим причинам этот труд не мог вписаться в существующую историографическую действительность, а уже покойный историк и вернувшиеся с ним из эмиграции ученики подверглись настоящей травле. Одной из ее жертв стал И.П. Крипякевич, уделивший внимание войне И.О. Выговского с «Московией» и Конотопской битве в двух обобщающих популярных трудах. Тревогу, охватившую Россию после «страшного поражения московского войска» в 1659 г., он объяснял страхом перед нападением на Москву «украинского войска». Примечательно, что первая из этих книг («История украинского войска») вышла в 1936 г. в польском Львове, а вторую («История Украины»), законченную к 1938 г., удалось издать лишь в 1949 г. в Мюнхене под псевдонимом «Иван Холмский» (Гнатевич, Крипякевич, 1936: 219–220; Крипякевич, 1990: 192–194).

К периоду Великой Отечественной войны относится, пожалуй, первая попытка прямого использования украинскими националистами Конотопской битвы в идеологической борьбе против советской власти. В программной статье, напечатанной в первом номере издававшегося политическим отделом Украинской повстанческой армии (УПА) журнала «К оружию» (июль 1943 г.), сражению придавалось сакральное значение: «Мы выбрали путь вооруженной борьбы и с него не

сойдем. Ибо шумят над нами и зовут нас к оружию невидимо победные знамена из-под Желтых Вод и Конотопа, ибо пепел сожженных младенцев давит нам грудь и не дает дышать, ибо кровь застреленных и порубленных зовет нас к мести» (Літопис, 1995: 5). Там же был опубликован анонимный очерк «Конотопская победа», в первых строках которого события 1658–1659 гг. героизировались и актуализировались: «Одна из важнейших побед украинского оружия: один из первых и самых тяжелых ударов, которые оно нанесло северной империалистической гидре. Это не только проявление послушания безошибочному национальному инстинкту, но и доказательство политической зрелости – глубоких государственных тенденций Украины того времени. Это также пророческое определение одного из главных направлений действий украинского оружия на будущее и на долгие годы. Это направление – империалистический московский север». Неизвестный автор утверждал, что Конотопская битва «была и всегда останется доказательством нашей непримиримости с московским империализмом» (Літопис, 1995: 20–22). В одном из последующих номеров журнала сражение вновь преподнесено как символ «величественной победы Украины», призванный служить «вечным источником силы для всех последующих поколений» борцов за ее независимость (Літопис, 1995: 88).

В советской исторической науке господствовал марксистский классовый подход, считавшийся универсальной методологией, с помощью которой объяснялись все проблемы исторического развития. И все же точка зрения на рассматриваемые проблемы не оставалась неизменной. Около двух десятилетий в советской историографии преобладали критические оценки роли царской России в истории присоединенных к ней нерусских народов, а проводимая самодержавием политика рассматривалась как «абсолютное зло». Автор этой концепции М.Н. Покровский писал о «казацкой революции» 1648 г., считал Б.М. Хмельницкого выразителем интересов «буржуазии казацкой и неказацкой» и подчеркивал сословный, а не национальный характер созданного им на Украине «казацкого государства». Мимоходом историк отметил, что в 1659 г. «крымцы уничтожили московское войско» под Конотопом (Покровский, 1935: 53, 65–80).

С конца 1930-х гг. при характеристике присоединения к России различных народов в советской историографии утвердилась концепция «наименьшего зла». В постановлении жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-х и 4-х классов средней школы по истории СССР от 22 августа 1937 г., в частности, отмечалось, что переход Украины «под правление России» следует рассматривать как «меньшее зло» для нее, по сравнению с перспективой «быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией» (Подлинный, 1937: 1–5). В 1940 г. эта формула была воспроизведена Н.Н. Петровским в первой советской обобщающей работе по истории Украины (История, 1940: 91, 101).

Всплеск интереса к истории Украины и русско-украинских связей в СССР был вызван широко отмечавшимся в 1954 г. 300-летним юбилеем «воссоединения» двух братских народов. События, произошедшие на Украине в гетманство Выговского, были затронуты в ряде работ середины 1950–1980-х гг. (Греков, 1954; Баранович, 1955; Голобуцкий, 1957: 304–308; Стецюк, 1960: 132–186 и др.). Но наиболее основательно эта тема в советский период была рассмотрена в кандидатской диссертации Ф.П. Шевченко, защищенной в 1943 г. (Шевченко, 2014: 163–193). Позже Ф.П. Шевченко и В.А. Смолий опубликовали статью о восстании полтавского полковника Мартына Ивановича Пушкаря (Пушкаренко) и запорожского кошевого атамана Якова Федоровича Барабаша против Выговского (Шевченко, Смолий, 1981: 180–183), но дальнейшего развития эта тема в советской историографии не получила. Советские историки не проявляли интереса к Конотопской битве и не привлекали новых источников для ее изучения. Так, Е.М. Апанович, упомянув о «страшном поражении русско-украинского войска» под Конотопом, акцентировала внимание на «варварской расправе татар» над пленными. Она отметила недоверие «татарских руководителей» к своим союзникам – «украинским феодалам» в лице гетмана и его старшинского окружения, и справедливо констатировала недостоверность приведенных османскими и крымскими историками данных о численности войска князя А.Н. Трубецкого (Апанович, 1961: 118). В подготовленном Институтом истории Академии наук УССР обобщающем труде «История Украинской ССР» о Конотопской битве вообще не упоминается (Стецюк, 1967: 132–186).

Большим прорывом в изучении Конотопской битвы стала неоконченная монография А.А. Новосельского, вышедшая в свет через 27 лет после смерти автора. Данные из обнаруженных в Центральном государственном архиве древних актов СССР (ныне – Российский государственный архив древних актов) точных росписей потерь российского войска в битве под Конотопом и при отступлении к Путивлю поколебали восходящий к С.М. Соловьеву миф о небывалом разгроме. По уточненным подсчетам А.А. Новосельского, потери во всех соединениях войска А.Н. Трубецкого составили 4769 человек погибшими и пленными (Новосельский, 1994: 63–68). Но общие знания о сражении в советской историографии оставались на уровне представлений историков второй половины XIX в. (Каргалов, 1990: 315–317).

После распада СССР и обретения Украиной независимости в 1991 г. наследие М.С. Грушевского составило теоретическую основу ее национальной историографии. Среди прочих замалчиваемых в советский период страниц прошлого «казацкой державы» украинские историки обратили особое внимание на Конотопскую битву. «Только возрождение независимого Украинского государства

позволило отечественным историкам приступить к объективному освещению процессов, связанных с блестящей победой украинского войска под руководством гетмана Выговского над сотысячной московской армией», – писал Т.В. Чухліб (Чухліб, 1996: 86).

В 1995 г. в Киеве прошла научная конференция, приуроченная к очередной годовщине сражения. Ее главная цель заключалась в опровержении «мифа о вековом стремлении украинцев жить в одном государстве с москвитами». Конотопская битва расценивалась как «яркое проявление освободительной борьбы украинского народа с чужеземной оккупацией и чужеземными поработителями». Я.Р. Дашкевич прямо противопоставил ее «украинским поражениям» под Берестечком, Полтавой и в Переяславе, в последнем случае имея в виду решение казачьей рады 1654 г. (Дашкевич, 1996: 9–13). Ю.А. Мыщик поставил Конотопскую битву в один ряд с переломными битвами на Куликовом поле, при Грюнвальде, Рацлавицах, Ватерлоо и Седане. Его мнение о численности «оккупационных российских войск», «наголову разгромленных» под Конотопом «украинской армией», менялось трижды без всяких пояснений: сначала он указал более 100 тыс. чел., затем около 200 тыс. чел., и снова более 100 тыс. чел. Меньшая из этих фантастических цифр восходит к «Летописи Самовидца» начала XVIII в., а большая не встречается не только в источниках, но и в предшествующей литературе. Безоговорочно доверившись сообщению напечатанного в 1659 г. в Польше «летучего листка», Ю.А. Мыщик значительно преувеличил потери «российских захватчиков» в битве, оценив их в 40 тыс. убитых и 15 тыс. пленных, в том числе 50 воевод (Літопис, 1971: 79; Мицик, 1992: 81; Мицик, 1994: 227–228; Мицик, 1996: 14, 18; Мицик, 2004: 48, 49). Подобный подход характерен и для многих других украинских историков, некритично относящихся к нарративным источникам и порой прибегающих к домыслам о событиях под Конотопом (Путро, 1993: 307–308; Апанович, 1996: 23, 24, 30; Бутич, 1996: 35–36; Яковенко, 1997: 212; Горобець, 2008: 34). Более умеренные цифры называют В.А. Смолий и В.С. Степанков: войско князя А.Н. Трубецкого они исчисляют в 40 тыс. чел., а его потери в Конотопской битве – примерно в 14–16 тыс. чел., попутно замечая, без каких-либо аргументов, что данные воеводы о потерях в 4,7 тыс. чел. «явно занижены» (Смолий, Степанков, 1999: 234, 236).

Одним из первых в современной украинской историографии понятие «украинско-российская война» к событиям 1658–1659 гг. применил А.Г. Бульвинский, посвятивший этой теме цикл статей и кандидатскую диссертацию, основные положения которой вошли в научно-популярную книгу о Конотопской битве и в монографию о русско-украинских отношениях 1658–1659 гг. (Бульвінський, 1997; Бульвінський, 1998а; Бульвінський, 1998b; Бульвінський, 2008а; Бульвінський, 2008b; Бульвінський, 2009). В дальнейшем эту формулировку использовали и другие украинские историки, она стала почти общепринятой в национальном историческом нарративе (Смолий, Степанков, 1999: 229; Горобець, 2008: 34–36; Чухліб, 2009: 94). А.Г. Бульвинский рассматривал этот военный конфликт как часть многовекового цивилизационного противостояния европейской Украины и азиатской России, в ходе которого украинская элита стремилась отстоять свое право на строительство национального государства наперекор планам русского царя. Несмотря на значительную источниковую базу исследования, расширенную в первую очередь за счет нарративных источников, многие дискуссионные вопросы истории Конотопской битвы (численность российского войска, его потери и т.п.) остались без аргументированных ответов. Тем не менее, А.Г. Бульвинский отказался от господствовавшей в историографии с XIX в. оценки численности российского войска в 100–150 тыс. чел., а его потерь в 30–40 тыс. чел. Опираясь на некие «непрямые данные», исследователь снизил численность войска князя А.Н. Трубецкого до 70 тыс. чел., а его потери — до 10–15 тыс. чел., отметив приближенность этих чисел. А.Г. Бульвинский впервые попытался точно установить состав российского войска и пришел к выводу, что оно включало в себя шесть «воеводских полков», в которые входили 11 стрелецких приказов, 6 солдатских, 8 драгунских, 5 рейтарских полков, конные сотни московских и городских дворян, детей боярских, рьльских, одоевских и донских казаков, служилых татар (впоследствии эти выкладки опроверг И.Б. Бабулин).

Конотопской битве как военному триумфу «объединенных казацко-татарских сил» посвящена научно-популярная книга А.Г. Сокирко, воспроизводящего некоторые неточности, ошибки и спекуляции предшествующей историографии. Автор пишет об осаждавшем Конотоп 35–50-тысячном «московском войске», о нахождении в составе крымского войска не существовавшей Азовской орды (очевидно, речь идет о нерегулярных конных отрядах бешлю или акынджи из османского Азова), неверно реконструирует ход сражения, но приводит достоверные данные о потерях россиян, введенные в научный оборот А.А. Новосельским (Сокирко, 2004: 13–64).

Более пристальный интерес современные украинские историки проявляют не к военной, а к политической стороне событий 1658–1659 гг. При этом большинство исследователей не склонны идеализировать И.О. Выговского и сводить конфронтацию тех лет к надуманному «цивилизационному» противостоянию России и Украины. Истоки широкомасштабного военного конфликта на Украине они справедливо видят в разногласиях между Москвой и Чигирином по вопросу о степени подчиненности Войска Запорожского царю.

В современной российской историографии Конотопская битва и другие военные события на Украине в гетманство И.О. Выговского, за редким исключением, рассматриваются как эпизод русско-польской войны 1654–1667 гг. Вплоть до середины 2000-х гг. российские историки не проявляли к

сражению специального интереса. Г.А. Санин впервые обозначил поход крымского хана Мухаммед-Гирея IV на Украину для оказания помощи И.О. Выговскому не просто как рядовой набег, а как полномасштабную войну Крыма против России. При этом историк неверно определил численность войска князя А.И. Трубецкого (без присоединившихся к нему казацких полков И.Ф. Беспалого) в размере 15 тыс. чел., напомнив, что в 1654 г. вся русская армия насчитывала около 70 тыс. чел. (Санин, 2001: 55–57, 74). Углубленное изучение архивных материалов позволило А.В. Малову и Н.В. Смирнову предложить новые оценки событий. Н.В. Смирнов ввел в научный оборот неизвестные данные о составе, численности и боевых потерях российского войска, действовавшего на Украине в 1659 г., отметив, что разгром конного отряда воевод С.Р. Пожарского и С.П. Львова превосходящими силами противника «был тяжел и тем, что его характеризовала чрезвычайно высокая доля безвозвратных потерь по отношению к численности задействованных сил» (Малов, 2006: 440–454; Смирнов, 2007: 334–353). О.А. Курбатов и А.В. Малов опубликовали семь архивных документов, раскрывающих предысторию, детали и последствия Конотопской битвы (Курбатов, Малов, 2009: 41–43). Но в значительной массе научной и особенно научно-популярной литературы авторы продолжают некритично воспроизводить оценки С.М. Соловьева и Н.И. Костомарова, без привлечения новых данных, даже введенных в научный оборот (Мезенцев, 2000: 13–14; Шефов, 2006: 254–256; Зенченко, 2009: 34–40; Федосеев, 2009: 22–30).

Наиболее весомый вклад в изучение военных событий на Украине 1658–1659 гг. внес в последнее время И.Б. Бабулин, посвятивший им серию статей, две научно-популярные книги, кандидатскую диссертацию и фундаментальную монографию. Его работы опираются на большой массив разнородных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот. Обращение к официальной документации Разрядного приказа позволило установить структуру, точный состав и примерную численность осаждавшего Конотоп российского войска. Оно состояло из шести «воеводских полков», сгруппированных в три крупных воинских соединения, по своему тактическому значению близких к дивизии: Большой полк (около 16300 чел.) под командованием воевод князя А.Н. Трубецкого и А.В. Бутурлина; Белгородский полк (7333 чел.) во главе с воеводами князем Г.Г. Ромодановским, П.Д. Скуратовым и Л.П. Ляпуновым; сводная группировка (около 5000 чел.) воевод князей Ф.Ф. Куракина, С.Р. Пожарского и С.П. Львова, которую историк условно назвал Рязанским полком; итого – около 28 600 чел. Войско включало 9 стрелецких приказов, 5 солдатских, 6 драгунских и 4 рейтарских полков, копейный эскадрон, а также конные сотни московских и провинциальных дворян, детей боярских, служилых казаков и татар, донских казаков. Вместе с ними в осаде участвовали около 7 тыс. украинских казаков наказного гетмана И.Ф. Беспалого. Под началом гетмана И.О. Выговского, согласно сведениям его канцелярии, находились 10 полков Войска Запорожского – Черниговский, Переяславский, Каневский, Уманский, Черкасский, Кальницкий, Паволоцкий, Белоцерковский, Поднестрянский и Прилуцкий (всего около 16 тыс. чел.), 11 наемных хоругвей (рот) из поляков, немцев, сербов, валахов и молдаван (около 3 тыс. чел.), а также драгунский полк Й. Лончинского (около 600 чел.) из польского коронного войска. По свидетельству толмача Посольского приказа Терентия Фролова, находившегося в обозе крымского хана Мухаммед-Гирея IV, с ним к Конотопу пришло около 60 тыс. татар, ногайцев, азовцев и черкесов, включая 240 янычар из османских крепостей в Крыму. Посчитав эту цифру завышенной, И.Б. Бабулин на основе косвенных данных определил численность ханского войска в 30–35 тыс. чел. (при этом, отталкиваясь от показаний Т. Фролова, вслед за А.Г. Сокирко упомянул неизвестную науке Азовскую орду). Но и при такой численности крымского войска Выговской и его союзники имели почти двукратное превосходство над противником. Историк установил, что попавший в засаду 6-тысячный сводный конный отряд князя Пожарского был разбит 30-тысячным войском крымского хана, а казаки Выговского в бою вообще не участвовали (неслучайно русские воины оказались в плену не у них, а у крымских татар). Уточнив подсчеты А.А. Новосельского и Н.В. Смирнова, И.Б. Бабулин пришел к выводу, что потери объединенных сил князя А.Н. Трубецкого и казацких полков И.Ф. Беспалого убитыми и пленными в битве 28 июня и при отступлении от Конотопа составили 4763 русских ратных людей и около 2000 украинских казаков, т.е. около 20 % их общей численности. Несомненно, это поражение было очень тяжелым, но нет оснований считать его сокрушительным: российские войска организованно отступили к Путивлю, понеся минимальные потери при отражении атак противника. И.Б. Бабулин объяснил неудачу не низкой боеспособностью российских войск, а серьезными просчетами командующего, ставшими следствием «общей стратегической линии русского правительства не на карательные репрессивные методы борьбы со своими противниками на Украине, а на принуждение казацкой старшины к мирному восстановлению русского подданства Войска Запорожского» (Бабулин, 2009а; Бабулин, 2009б; Бабулин, 2009в; Бабулин, 2010; Бабулин, 2011а; Бабулин, 2011б; Бабулин, 2013; Бабулин, 2015).

Заслуживает внимания оригинальная точка зрения на события Т.Г. Таировой-Яковлевой. Избирательно подходу к отбору и анализу фактов, она романтизирует Выговского, видит в восставших против него казаках исключительно анархическую силу, а борьбу российских властей с гетманом расценивает лишь как проявление имперской экспансии, упрощая русско-украинские отношения тех лет (Яковлева, 1998: 230–340; Таирова-Яковлева, 2009: 239–253). По мнению Т.Г. Таировой-Яковлевой, сама по себе Конотопская битва никак не изменила «судьбу Украинского

Гетманства», и еще меньше повлияла на Россию, поэтому дискуссия российских и украинских коллег об этом сражении кажется ей «странной» и «бесполезной», как и попытки выяснить «кто кого победил и сколько при этом погибло». Исследовательница сомневается в достоверности данных учетной документации Разрядного приказа о потерях российских войск под Конотопом, допуская возможность их преднамеренной фальсификации воеводами. Но специалистам по военной истории России XVII в. хорошо известно, что учетом боевых потерь занимались не воеводы, а находившиеся в разрядных шатрах (полевых штабах) профессиональные делопроизводители – дьяки и подьячие, лично ответственные перед Разрядным приказом за точность предоставляемых сведений, которые затем тщательно проверялись их коллегами в Москве. Регистрация потерь в войсках была тесным образом связана с организацией обеспечения их личного состава денежным и хлебным жалованьем, а также с последующей процедурой наследования поместных землевладений (в зависимости от категории служилых людей). Разумеется, для поднятия собственного престижа воевода мог преувеличить размер потерь, нанесенных противнику, но уменьшать потери своего войска у него не было никакого резона, поскольку такой подлог сразу бы раскрыли. Свидетельства же польских источников не могут быть более достоверными, поскольку противник не имел возможности вести точный учет погибших с другой стороны. Вместе с тем, нельзя не согласиться с Т.Г. Таировой-Яковлевой в том, что актуализация полемики по этому вопросу имеет ненаучную подоплеку (хотя первенство здесь принадлежит отнюдь не российским историкам). Справедливо наблюдение исследовательницы и о смешении «советских клише» и «имперских традиций» как основе распространенного среди современных российских историков методологического подхода к изучению истории Украины (Yakovleva-Tairova, 2012: 119–123; Таирова-Яковлева, 2012: 258–262).

Новые оценки Конотопской битвы принципиально изменяют и мемориальный статус данного события. Еще в 1667 г. гетман И.М. Брюховецкий выступил с инициативой «по христианскому обычаю, царя и веры ради православныя, избивенных от татар, иде же мощи под городом Конотопом лежаше, составить храм Четырдесят Мучеников...». Построенная в Конотопе Сорокосвятская церковь, переименованная впоследствии в Вознесенскую и получившая статус кафедрального собора, являлась первым и долгое время единственным памятником участникам битвы (Лазаревский, 1893: 210–211; Акты, 1869: 162). После того, как краоведам удалось обнаружить в селе Шаповаловка Конотопского района Сумской области новые захоронения украинских казаков и русских служилых людей, павших в Конотопской битве, в 1994 г. там был установлен крест и мемориальная доска с примирительным текстом: «Установлено в память всех воинов-славян, погибших на Шаповаловской земле в войне 1659 г. между казацкими войсками гетмана И. Выговского и российскими войсками» (Стеценко, 2004: 51–52).

С избранием президентом В.А. Ющенко Конотопской битве стало уделяться значительно больше внимания в политике памяти Украины. В 2009 г. на государственном уровне отмечалось 350-летие битвы. Программа празднования включала разнообразные мероприятия, в том числе проведение выставок в Киеве и других городах, изготовление специальной юбилейной монеты. В селе Шаповаловка установили новый крест и часовню, открыли музейную экспозицию. Памятники гетману Выговскому появились в селе Руда Жидачевского района Львовской области, где находилось семейное имение Выговских и где, по преданию, его похоронили, а также в селе Выгов Житомирской области.

В последние четверть века существенное место отводится Конотопской битве и в украинской учебной литературе. В советских школьных программах о ней вообще ничего не говорилось, этой традиции следуют и российские учебники истории. Напротив, в украинских учебниках истории она стала характеризоваться как одно из важнейших событий в истории украинского народа. Так, в учебнике «Введение в историю Украины», предназначенном для учащихся 5-х классов средней школы, содержится специальный рассказ о том, как казаки разгромили «московскую армию». Об участии в этом сражении крымских татар не упоминается, зато подчеркивается, что еще Богдан Хмельницкий собирался отомстить царю за заключение союза с Польшей, и лишь смерть помешала ему это сделать. Иван Выговский, таким образом, завершил дело своего великого предшественника (Власов, Данилевська, 2001: 177–180).

Специальный раздел «Конотопская битва» содержался и в учебнике для 8-го класса. В соответствии с утвердившимися в украинской историографии представлениями в нем говорится о том, что на Украине стояло «100-тысячное московское войско» князя Трубецкого (при этом неправильно указан его инициал: В.). В мае 1659 г. «огромная московская армия осадила Конотоп, где сосредоточилось 4–5 тысяч сторонников гетмана», который собрал «казацкое войско и наемные отряды (60 тыс.), а также татарское 60-тысячное войско во главе с ханом». Недалеко от города «состоялась грандиозная битва, в которой погибло 40 тысяч, и попало в плен 15 тысяч воинов московской армии. Князь С. Пожарский также попал в плен. И. Выговский потерял 4 тысячи казаков, а хан – 6 тысяч ордынцев. В. Трубецкой с остатками войска бежал в Путивль. В Московии началась паника – боялись наступления гетмана» (Швыдько, 1999: 194–195).

В период президентства В.Ф. Януковича содержание школьных учебников истории было переработано, а наиболее «проблемные» вопросы взаимоотношений России и Украины сняты. В частности, исчезло упоминание о Конотопской битве и в новом издании учебника для 5-го класса

(Власов, Данилевська, 2010). Напротив, после прихода в 2014 г. новых властей в Киеве победа в Конотопской битве стала рассматриваться как одна из важнейших идеологических основ формирования украинской нации, наряду с творчеством Т.Г. Шевченко и другими символами украинского национализма (Матишов, 2014а: 79–91; Матишов, 2014б: 177–178, 195–210; Матишов, 2015: 38).

4. Заключение

Тенденциозность многих украинских историков в изучении Конотопской битвы, обусловленная заданностью выводов и подчиненностью военной составляющей вопроса его политической стороне, привели к тому, что многие существенные факты опускались или умышленно освещались в искаженном виде. Поскольку тактический успех И.О. Выговского под Конотопом не привел к полному разгрому противника и не имел стратегически выгодных последствий, масштабы и итоги битвы были преувеличены до гомерических размеров. Так как разгром «подъезда» князя С.Р. Пожарского (в рядах которого находились и верные царю украинские казаки) многократно превосходившими объединенными силами крымского хана и гетмана никак не вписывается в образ «великой победы», некоторые украинские исследователи значительно завысили численность российского отряда и понесенных им потерь, умолчали о главной роли татар в битве и целиком присудили победу не проявившим себя казакам И.О. Выговского. В результате сражение под Конотопом превратилось в грандиозную «битву народов», закончившуюся катастрофическим поражением огромного российского войска и поэтому ставшую важным шагом на пути Украины к независимости. Начавшийся с 2000-х гг. рост интереса российских историков к Конотопской битве в значительной степени стал ответной реакцией на актуализацию этого события на Украине. Создав миф о громкой победе над русскими, украинская историография внесла очередной вклад в разрушение старого концепта о братстве двух славянских народов и в выстраивание того ментального рубежа между ними, без которого, вероятно, немислима украинская национальная идентичность.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках поддержанного РНФ проекта № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

Литература

- Акты, 1869** – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. Э. Праца, 1869. Т. 6. 280 с.
- Апанович, 1961** – Апанович О.М. Запорізька Січ у боротьбі против турецько-татарської агресії 50–70 роки XVII ст. Київ: Вид-во АН УРСР, 1961. 299 с.
- Апанович, 1993** – Апанович О.М. Гетьмани України і кошові отамани Запорозької Січі. Київ: Либідь, 1993. 284 с.
- Апанович, 1996** – Апанович О.М. Застосування гетьманом І. Виговським стратегічних і тактичних принципів Богдана Хмельницького в Конотопській битві // Конотопська битва 1659 року: Збірка наукових праць. Київ: Центр східноєвропейських досліджень, 1996. С. 23–31.
- Бабулин, 2009а** – Бабулин И.Б. Битва под Конотопом 28 июня 1659 г. М.: Цейхгауз, 2009. 52 с.
- Бабулин, 2009б** – Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва: 350 лет Конотопской трагедии. СПб.: Общество памяти игумены Таисии, 2009. 168 с.
- Бабулин, 2009в** – Бабулин И.Б. События под Конотопом летом 1659 г. // Военно-исторический журнал. 2009. № 7. С. 35–41.
- Бабулин, 2011а** – Бабулин И.Б. Состав и численность русского войска в Конотопском походе 1659 г. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2011. Вып. 2. С. 80–110.
- Бабулин, 2011б** – Бабулин И.Б. «Украинско-российская война 1658–1659 годов» и военно-патриотическая мифология // Российская история. 2011. № 3. С. 175–178.
- Бабулин, 2013** – Бабулин И.Б. Борьба за Украину в гетманство И. Выговского: военные события 1658–1659 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 441 с.
- Бабулин, 2015** – Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М.: Фонд «Русские витязи», 2015. 400 с.
- Бантыш-Каменский, 1842** – Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. 3-е изд. М.: Тип. Н. Степанова, 1842. Ч. 2. 253 с.
- Баранович, 1955** – Баранович А.И. Экономические и политические последствия воссоединения Украины с Россией во второй половине XVII в. // Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII век. М.: изд-во АН СССР, 1955. С. 687–693.
- Бульвінський, 1997** – Бульвінський А.Г. Штурм Конотопа російськими військами 28–29 квітня 1659 р. // Київська старовина. 1997. № 6. С. 142–148.
- Бульвінський, 1998а** – Бульвінський А.Г. Конотопська битва 1659 р. // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 76–83; № 4. С. 33–43.

- [Бульвінський, 1998b](#) – *Бульвінський А.Г.* Українсько-російська війна 1658–1659 рр.: Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1998. 243 с.
- [Бульвінський, 2008a](#) – *Бульвінський А.Г.* Конотопська битва 1659 року. Київ: ПП Н. Брехуненко, 2008. 64 с.
- [Бульвінський, 2008б](#) – *Бульвінський А.Г.* Українсько-російські взаємини 1657–1659 рр. в умовах цивілізаційного розмежування на сході Європи. Київ: Парламентське вид-во, 2008. 744 с.
- [Бульвінський, 2009](#) – *Бульвінський А.Г.* Основні проблеми в оцінці подій Конотопської битви 1659 року // *Воєнна історія*. 2009. № 3. С. 52–62.
- [Бутич, 1996](#) – *Бутич І.Л.* Конотопська битва // *Конотопська битва 1659 року: Збірка наукових праць*. Київ: Центр східноєвропейських досліджень, 1996. С. 32–36.
- [Величко, 1848](#) – *Величко С.В.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII-м веке. Киев: Литотипография И. Вальмера, 1848. Т. 1. 548 с.
- [Власов, Данилевська, 2001](#) – *Власов В.С., Данилевська О.М.* Вступ до історії України. Підручник для 5 класу загальноосвітньої школи. Київ: Благовіст, 2001. 288 с.
- [Власов, Данилевська, 2010](#) – *Власов В.С., Данилевська О.М.* Вступ до історії України. Підручник для 5 класу загальноосвітніх навчальних закладів. Вид. 2-е, перераб. та доп. Київ: Генеза, 2010. 208 с.
- [Глинка, 1818](#) – *Глинка С.Н.* Русская история в пользу воспитания. М.: Университетская тип., 1818. Ч. 6. 166 с.
- [Гнатевич, Крип'якевич, 1936](#) – *Гнатевич Б.П., Крип'якевич І.П.* Історія українського війська. Львів: видання І. Тикора, 1936. 289 с.
- [Голиков, 1790](#) – *Голиков И.И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого. М.: Университетская тип., 1790. Т. 3. 519 с.
- [Голобуцкий, 1957](#) – *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. Киев: Госполитиздат УССР, 1957. 462 с.
- [Горобець, 2007](#) – *Горобець В.Н.* «Волимо царя східного...»: Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ: Критика, 2007. 464 с.
- [Горобець, 2008](#) – *Горобець В.М.* Конотопська битва 1659 // *Енциклопедія історії України*. Київ: Наукова думка, 2008. Т. 5. С. 34–36.
- [Грабянка, 1854](#) – *Грабянка Г.И.* Действия презельной и от начала поляков крвавшой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана запорожского, с поляки, за найяснейших королей полских Владислава потом и Казимира, в року 1648, отпраоватися начатой и за лет десять по смерти Хмельницкого неоконченной, з розних летописцов и из диаруша, на той войне писанного, в граде Гадячу, трудом Григоря Грабянки, собранная и самобитних старожилов сведительстви утвержденная року 1710. Киев: Университетская тип., 1854. 432 с.
- [Греков, 1954](#) – *Греков И.Б.* Из истории совместной борьбы Украины и России за осуществление решений Переяславской рады (1657–1659) // *Воссоединение Украины с Россией: 1654–1954: Сборник статей*. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 307–356.
- [Грушевський, 1913](#) – *Грушевський М.С.* Ілюстрована історія України. Київ; Львів: друкарня С.В. Кульженко, 1913. 534 с.
- [Грушевський, 1958](#) – *Грушевський М.С.* Історія України – Русі. Нью-Йорк: видавниче товариство «Книгоспілка», 1958. Т. 10. 601 с.
- [Дашкевич, 1996](#) – *Дашкевич Я.Р.* Традиції непереможності української зброї // *Конотопська битва 1659 року: Збірка наукових праць*. Київ: Центр східноєвропейських досліджень, 1996. С. 9–13.
- [Зенченко, 2009](#) – *Зенченко М.Ю.* Невеселый юбилей: Что собираются праздновать на Украине под видом Конотопа? // *Родина*. 2009. № 5. С. 34–40.
- [Исторические, 1966](#) – *Исторические песни XVII века*. Л.: Наука, 1966. 384 с.
- [Історія, 1940](#) – *Історія України: Короткий курс*. Київ: Вид-во АН УРСР, 1940. 412 с.
- [Карабанов, 1855](#) – *Карабанов А.П.* Конотоп // *Военно-энциклопедический лексикон*. СПб.: в тип. Штаба военно-учебных заведений, 1855. Т. 7. С. 343–344.
- [Каргалов, 1990](#) – *Каргалов В.В.* Полководцы: XVII в. М.: Патриот, 1990. 496 с.
- [Костомаров, 1862](#) – *Костомаров Н.И.* Гетманство Выговского // *Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования*. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1862. Т. 2. С. 40–200.
- [Крип'якевич, 1990](#) – *Крип'якевич І.П.* Історія України. Львів: Світ, 1990. 520 с.
- [Курбатов, Малов, 2009](#) – *Курбатов О.А., Малов А.В.* «А тово еретика антихриста Ивашка Выговского...»: Документальная летопись Конотопа // *Родина*. 2009. № 5. С. 41–43.
- [Лазаревский, 1862](#) – *Лазаревский А.М.* Конотопская старина // *Памятная книжка Черниговской губернии: Чернигов: Изд-во Черниговского губернского статистического комитета*, 1862. С. 305–330.
- [Лазаревский, 1893](#) – *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев: Тип. К.Н. Милевского, 1893. Т. 2. 560 с.
- [Левашов, 1792](#) – *Левашов П.А.* Картина или Описание всех нашествий на Россию татар и турков, и их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти безпрерывно чрез восемьсот лет продолжавшихся; с приложением нужных примечаний и разных

- известий касательно Крыма, прав российских государей на оной, и проч. СПб.: [Тип. Богдановича], 1792. 167 с.
- Літопис, 1971** – Літопис Самовидця. Київ: Наукова думка, 1971. 208 с.
- Літопис, 1995** – Літопис УПА: Нова серія. Київ; Торонто: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 1995. Т. 1. 516 с.
- Малов, 2006** – *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
- Маркевич, 1842** – *Маркевич Н.А.* История Малороссии. М.: тип. А. Семена, при Императорской медико-хирургической академии, 1842. Т. 2. 673 с.
- Матишов, 2014a** – *Матишов Г.Г.* Украина: геостратегический разворот (уроки истории – от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2014. 384 с.
- Матишов, 2014b** – *Матишов Г.Г.* Украина и Россия: книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2014. 224 с.
- Матишов, 2015** – *Матишов Г.Г.* Исторические и геополитические угрозы национальной безопасности: Азово-Причерноморье и Прикаспий в XXI веке. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2015. 304 с.
- Мезенцев, 2000** – *Мезенцев Е.В.* Конотопская битва 1659 г. // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия в 5 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. Т. 3. С. 13–14.
- Миллер, 1846** – *Миллер Г.Ф.* Исторические сочинения о Малороссии и малороссиях Г.Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М.: Университетская тип., 1846. 95 с.
- Мицик, 1992** – *Мицик Ю.А.* Джерела з польських архівосховищ до історії України другої половини XVII ст. // Український археографічний щорічник: Нова серія. Київ, 1992. Вип. 1. С. 72–93.
- Мицик, 1994** – *Мицик Ю.А.* Иван Виговський // Володарі гетьманської булави: Історичні портрети. Київ: Варта, 1994. С. 191–234.
- Мицик, 1996** – *Мицик Ю.А.* Конотопська битва 1659 року // Конотопська битва 1659 року: Збірка наукових праць. Київ: Центр східноєвропейських досліджень, 1996. С. 14–21.
- Мицик, 2004** – *Мицик Ю.А.* Гетьман Иван Виговський. Київ: Видавничий дім «КМ Академія», 2004. 84 с.
- Наріжний, 1928** – *Наріжний С.П.* Конотопська перемога // Тризуб. Париж, 1928. № 19. С. 12–17.
- Новосельский, 1994** – *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Исследования по истории эпохи феодализма: Научное наследие. М.: Наука, 1994. С. 13–115.
- Подлинный, 1937** – Подлинный марксистский учебник по истории СССР // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 1–6.
- Покровский, 1935** – *Покровский М.Н.* Борьба за Украину // Покровский М.Н. Об Украине: Сборник статей и материалов. Киев: Гос. социально-экономич. изд-во Украины, 1935. С. 32–90.
- Путро, 1993** – *Путро О.І.* Иван Виговський // Історія України в особах: IX–XVIII ст. Київ: вид-во «Україна», 1993. С. 300–310.
- Рігельман, 1994** – *Рігельман О.І.* Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі. Київ: Либідь, 1994. 768 с.
- Санін, 2001** – *Санін Г.А.* Порты, Крым, и страны Восточной Европы в 50–60-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М.: Памятники исторической мысли, 2001. Ч. 2. С. 29–76.
- Смирнов, 2007** – *Смирнов Н.В.* «Как под Конотопом упадок учинился...» (мифы и реальность) // Труды по русской истории: Сборник статей в память о 60-летию И.В. Дубова. М.: Парад, 2007. С. 334–353.
- Смолій, Степанков, 1999** – *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ: Видавничий дім «Альтернативи», 1999 (Україна крізь віки. Т. 7). 352 с.
- Сокирко, 2004** – *Сокирко О.Г.* Конотопська битва 1659 р.: Тріумф в час Руїни. Київ: Темпора, 2004. 72 с.
- Соловьев, 1991** – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 11 // Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1991. Кн. 6. С. 5–334.
- Степанков, 1994** – *Степанков В.С.* Гетьманство Івана Виговського: соціально-політична боротьба і проблема державного будівництва (серпень 1657 – вересень 1659 р.) // Середньовічна Україна: Збірник наукових праць. Київ: Наукова думка, 1994. Вип. 1. С. 88–108.
- Стеценко, 2004** – *Стеценко В.П.* Некрополі Сумщини. Суми: Собор, 2004. 120 с.
- Стецюк, 1960** – *Стецюк К.І.* Народні рухи на Лівобережній і Слобідській України в 50–70-х роках XVII ст. Київ: вид-во АН УРСР, 1960. 364 с.
- Стецюк, 1967** – *Стецюк К.І.* Соціально економічний розвиток і політичне становище України після возз'єднання з Росією (друга половина XVII ст.) // Історія Української РСР: У 2 т. Київ: Наукова думка, 1967. Т. 1. С. 234–282.

Таирова-Яковлева, 2009 – *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Выговский // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2009. Вып. 1. С. 239–253.

Таирова-Яковлева, 2012 – *Таирова-Яковлева Т.Г.* Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. Санкт-Петербург: Общество памяти игуменьи Таисии, 2009. 168 с. ISBN 978-5-91041-047-7 // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2. С. 258–263.

Федосеев, 2009 – *Федосеев Е.Г.* Конотопская битва 1659 г. и ее роль в противостоянии гетмана И. Выговского и Московского государства // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 5. С. 22–30.

Флоря, 2010 – *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. 656 с.

Хилков, 1770 – *Хилков А.А.* Ядро российской истории. М.: Императорский Московский университет, 1770. 392 с.

Чухліб, 1996 – *Чухліб Т.В.* Конотопська битва 1659 року в контексті міжнародної ситуації у Східній Європі // Конотопська битва 1659 року: Збірка наукових праць. Київ: Центр східноєвропейських досліджень, 1996. С. 86–93.

Чухліб, 2009 – *Чухліб Т.В.* Козаки і монархи: Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. 3-тє вид., випр. і доповн. Київ: Вид-во ім. О. Теліги, 2009. 616 с.

Шевченко, 2014 – *Шевченко Ф.П.* Русские воеводы на Украине: Очерки взаимоотношений Украины и Московского государства во второй половине XVII столетия // Шевченко Ф.П. Историчні студії: Збірка вибраних праць і матеріалів (до 100-річчя від дня народження). Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. С. 41–318.

Шевченко, Смолий, 1981 – *Шевченко Ф.П., Смолий В.А.* Восстание под предводительством Пушкаря и Барабаша // Вопросы истории. 1981. № 2. С. 180–183.

Шевчук, 1996 – *Шевчук В.О.* Битва під Конотопом у російській пісні «Под городом под Конотопом» // Конотопська битва 1659 року: Збірник наукових праць. Київ: Центр східноєвропейських досліджень, 1996. С. 134–138.

Шефов, 2006 – *Шефов Н.А.* Битвы России. М.: АСТ, 2006. 699 с.

Швыдько, 1999 – *Швыдько А.К.* История Украины XVI–XVIII веков: Учебник для восьмого класса средней школы. Киев: Генеза, 1999. 367 с.

Яковенко, 1997 – *Яковенко Н.М.* Нарис з історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ: Генеза, 1997. 312 с.

Яковлева, 1998 – *Яковлева Т.Г.* Гетьманщина в другій половині 50-х рок XVII століття: Причини початок Руїни. Київ: Основи, 1998. 447 с.

Яценко, 2010 – *Яценко В.Б.* Битва после битвы: казацко-московская война 1658–1659 гг. в изображении современной российской и украинской историографии // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге): Материалы международной научной конференции, 22–24 октября 2010 г. СПб.: Любавич, 2010. С. 382–387.

Kochowski, 1688 – *Kochowski V.I.* Annalium Poloniae Climacter Secundus: Bella Sueticum, Transylvanicum, Moscoviticum, aliasque res gestas ab anno 1655 ad annum 1661 inclusivè continens. Cracovia: In Officina Typographica N.A. Schedel, S.R.M. Typ. Ordinaris, 1688. 540 p.

Weślawski, 1691 – *Weślawski S.* Victor et victus Vincentius Corvinus Gosiewski, supremus m. d. l. thesaurarius et campi marschalcus, Wielisiensis, Puniensis, Marcoviensis, Łozdzieiŋensis capitaneus, oeconomiarius Mohiloviensis, Graudentensis et Olitensis administrator, repraesentatus a Samuele Weślawski, Ioannis Casimiri, Poloniae et Sueciae regis, notario m. d. l. et cubiculario tribuno Upitensi 1664. atque inter suas revolutiones victorica et victa regna Poloniae, Lituaniae, Moschoviae. Wilna: Tribunida Upitensi Academico Wilnensi, 1691. 444 p.

Yakovleva-Tairova, 2012 – *Yakovleva-Tairova T.* The Konotop Battle: 350 years later // The Battle of Konotop 1659: Exploring Alternatives in East European History. Milano: Ledizioni, 2012. P. 119–124.

References

Akty, 1869 – Akty, odnosjashiesja k istorii Juzhnoj i Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej [Acts, relating to the History of Southern and Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission]. Saint-Petersburg, Printing house E. Praca, 1869. Vol. 6. 280 p. (In Russian).

Apanovich, 1961 – *Apanovich O.M.* Zaporiz'ka Sich u borot'bi protiv turec'ko-tatars'koj agresii 50–70 roki XVII st. [Zaporizhian Sich in the Fight against the Turkish-Tatar aggression 50-70 years XVII]. Kiev: Publisher Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 1961. 299 p. (In Ukrainian).

Apanovich, 1993 – *Apanovich O.M.* Get'mani Ukraïni i koshovi otamani Zaporoz'koï Sichi [Hetmans of Ukraine and Kosh otamans of Zaporizhian Sich]. Kiev: Lybid, 1993. 284 p. (In Ukrainian).

Apanovich, 1996 – *Apanovich O.M.* Zastosuvannja get'manom I. Vigovs'kym strategichnih i taktichnih principiv Bogdana Hmel'nic'kogo v Konotops'kij bitvi [Application of Hetman Ivan Vyhovsky Strategic and Tactical principles of Bohdan Khmelnytsky in Konotop battle] // Konotops'ka bitva 1659 roku: Zbirka

- naukovih prac' [Battle of Konotop 1659: Collection of scientific articles]. Kiev: Center for Eastern-Europe Studies, 1996. P. 23–31 (In Ukrainian).
- Babulin, 2009a** – *Babulin I.B.* Bitva pod Konotopom 28 ijunja 1659 g. [Battle of Konotop 28 June 1659]. Moscow, Zeughaus, 2009. 52 p. (In Russian).
- Babulin, 2009b** – *Babulin I.B.* Knjaz' Semen Pozharskij i Konotopskaja bitva: 350 let Konotopskoj tragedii [Prince Semen Pozharsky and the Battle of Konotop: 350 years of Konotop tragedy]. Saint-Petersburg, Society of Memory of Abbess Taisia, 2009. 168 p. (In Russian).
- Babulin, 2009v** – *Babulin I.B.* Sobytija pod Konotopom letom 1659 g. [Events Konotop summer 1659] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], 2009. № 7. P. 35–41 (In Russian).
- Babulin, 2011a** – *Babulin I.B.* Sostav i chislennost' russkogo vojska v Konotopskom pohode 1659 g. [Composition and strength of the Russian army in Konotop campaign in 1659] // *Edinorog: Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy jepohi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni* [Unicorn: Materials of the Military history of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Times]. Moscow: Kvadriga, 2011. Vol. 2. P. 80–110 (In Russian).
- Babulin, 2011b** – *Babulin I.B.* "Ukrainsko-rossijskaja vojna 1658–1659 godov" i voенно-patrioticheskaja mifologija ["The Ukrainian-Russian war 1658–1659" and Military-patriotic mythology // *Rossijskaja istorija* [Russian history], 2011. № 3. P. 175–178 (In Russian).
- Babulin, 2013** – *Babulin I.B.* Bor'ba za Ukrainu v getmanstvo I. Vygovskogo: voенnye sobytija 1658–1659 gg. [Fighting for Ukraine in the Hetmanship I. Vygovsky: Military events 1658–1659]: Dissertation PhD (History). Moscow, 2013. 441 p. (In Russian).
- Babulin, 2015** – *Babulin I.B.* Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.) [Fighting for Ukraine and the Battle of Konotop (1658–1659)]. Moscow: Fond «Russkie vitjazi», 2015. 400 p. (In Russian).
- Bantysh-Kamenskij, 1842** – *Bantysh-Kamenskij D.N.* Istorija Maloj Rossii [History of Little Russia]. 3rd ed. Moscow: Printing house N. Stepanova, 1842. Part 2: 253 p. (In Russian).
- Baranovich, 1955** – *Baranovich A.I.* Jekonomicheskie i politicheskie posledstvija vossoedinenija Ukrainy s Rossiej vo vtoroj polovine XVII v. [The Economic and Political Consequences of the Reunification of Ukraine with Russia in the second half of the XVII century] // *Oчерki istorii SSSR: Period feodalizma: XVII vek* [Essays on the History of the USSR: the Feudal period: XVII century]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences USSR, 1955. P. 687–693 (In Russian).
- Bul'vins'kij, 1997** – *Bul'vins'kij A.G.* Shturm Konotopa rosijs'kimi vijs'kami 28–29 kvitnja 1659 r. [Sturm by Russian troops of Konotop 28–29 April 1659 // *Kiivs'ka starovina* [Kievan Past], 1997. № 6. P. 142–148 (In Ukrainian).
- Bul'vins'kij, 1998a** – *Bul'vins'kij A.G.* Konotops'ka bitva 1659 r. [Battle of Konotop 1659] // *Ukrains'kij istorichnij zhurnal* [Ukrainian Historical Journal], 1998. № 3. P. 76–83; № 4. P. 33–43 (In Ukrainian).
- Bul'vins'kij, 1998b** – *Bul'vins'kij A.G.* Ukraїns'ko-rosijs'ka vijna 1658–1659 gg. [Ukrainian-Russian War 1658–1659]. Dissertation PhD (History). Kiev, 1998. 243 p. (In Ukrainian).
- Bul'vins'kij, 2008a** – *Bul'vins'kij A.G.* Konotops'ka bitva 1659 roku [Battle of Konotop 1659]. Kiev, Publishing house N. Brekhunenکو, 2008. 64 p. (In Ukrainian).
- Bul'vins'kij, 2008b** – *Bul'vins'kij A.G.* Ukraїns'ko-rosijs'ki vzaemini 1657–1659 rr. v umovah civilizacijnogo rozmezhuвання na shodi Evropi [Ukrainian-Russian relations 1657–1659 in conditions of civilized delimitation in Eastern Europe]. Kiev: Parliamentary publishing house, 2008. 744 p. (In Ukrainian).
- Bul'vins'kij, 2009** – *Bul'vins'kij A.G.* Osnovni problemi v ocinci podij Konotops'koї bitvi 1659 roku [Basic problems in Estimates of Events of Battle of Konotop 1659] // *Voenna istorija* [Military history], 2009. № 3. P. 52–62 (In Ukrainian).
- Butich, 1996** – *Butich I.L.* Konotops'ka bitva [Battle of Konotop] // *Konotops'ka bitva 1659 roku* [Battle of Konotop 1659: Collection of scientific articles]. Kiev: Center for Eastern-Europe Studies, 1996. P. 32–36 (In Ukrainian).
- Velichko, 1848** – *Velichko S.V.* Letopis' sobytij v Jugo-Zapadnoj Rossii v XVII-m veke [Annals of Events in South-West Russia in the XVII century]. Kiev: Printing house I. Val'mera, 1848. Vol. 1. 548 p. (In Russian).
- Vlasov, Danilevs'ka, 2001** – *Vlasov V.S., Danilevs'ka O.M.* Vstup do istorii Ukraїni [Entry into Ukraine's history]. Textbook for 5 Grade of Comprehensive school. Kiev: Blagovest, 2001. 288 p. (In Ukrainian).
- Vlasov, Danilevs'ka, 2010** – *Vlasov V.S., Danilevs'ka O.M.* Vstup do istorii Ukraїni [Entry into Ukraine's history]. Textbook for 5 Grade Comprehensive schools. 2nd ed., rev. and exp. Kiev: Genesis, 2010. 208 p. (In Ukrainian).
- Glinka, 1818** – *Glinka S.N.* Russkaja istorija v pol'zu vospitanija [Russian history in favor of education]. Moscow: University Printing House, 1818. Part 6. 166 p. (In Russian).
- Gnatevich, Krip'jakevich, 1936** – *Gnatevich B.P., Krip'jakevich I.P.* Istorija ukrains'kogo vijs'ka [History of Ukrainian troops]. Lviv: I. Tyktora edition, 1936. 289 p. (In Ukrainian).
- Golikov, 1790** – *Golikov I.I.* Dopolnenija k Dejanijam Petra Velikago [The Additions to the the Acts of Peter the Great]. Moscow: University Printing House, 1790. Vol. 3. 519 p. (In Russian).
- Golobuckij, 1957** – *Golobuckij V.A.* Zaporozhskoe kazachestvo [Zaporozhye Cossacks]. Kiev: Gospolitizdat USSR, 1957. 462 p. (In Russian).

Gorobec', 2007 – *Gorobec' V.N.* “Volimo carja shidnogo...”: Ukraïns'kij Get'manat ta rosij's'ka dinastija do i pislja Perejaslava [“Want the King East...”: Ukrainian Hetmanate and Russia's Dynasty before and after Perejasliv]. Kiev: Kritika, 2007. 464 p. (In Ukrainian).

Gorobec', 2008 – *Gorobec' V.M.* Konotops'ka bitva 1659 [Battle of Konotop 1659] // Enciklopedija istorii Ukraïni [Encyclopedia of History of Ukraine]. Kiev: Naukova Dumka, 2008. Vol. 5. P. 34–36 (In Ukrainian).

Grabjanka, 1854 – *Grabjanka G.I.* Dejstvija prezel'noj i ot nachala poljakov krvavshoj nebyvaloj brani Bogdana Hmel'nickogo, getmana zaporozhskogo, s poljaki, za najjasnejshih korolej polskih Vladislava potom i Kazimira, v roku 1648, otpravovatisja nachatoj i za let desjat' po smerti Hmel'nickogo neokonchennoj, z roznih letopiscov i iz diarusha, na toj vojne pisannogo, v grade Gadjachu, trudom Grigorja Grabjanki, sobrannaja i samobitnih starozhilov sveditel'stvi utverzhdenaja roku 1710 [The Events of the famous and from the beginning of the Poles bloody unprecedented Battle of Bogdan Khmelnytsky, Hetman of Zaporozhye with the Poles, during the reign Serene Highness Polish kings Władysław and then Casimir, which began in 1648 and ten years after the death of Khmelnytsky unfinished, from different chroniclers and from the diary, wrote during that war in the city Gadyach labors Gregory Hrabianka collected evidence and original veteran confirmed in 1710]. Kiev: University press, 1854. 432 p. (In Russian).

Grekov, 1954 – *Grekov I.B.* Iz istorii sovместnoj bor'by Ukraïny i Rossii za osushhestvlenie reshenij Perejaslavskoj rady (1657–1659) [From the History of joint struggle of Russia and Ukraine for the Implementation of the decisions of the Council of Perejaslav (1657–1659)] // Vossoedinenie Ukraïny s Rossiej: 1654–1954 [The Reunification of Ukraine and Russia, 1654–1954]: Collected papers. Moscow: Izd-vo AN USSR, 1954. P. 307–356. (In Russian).

Grushevs'kij, 1913 – *Grushevs'kij M.S.* Iljustrovana istorija Ukraïni [Illustrated History of Ukraine]. Kiev; Lviv: Printing S.V. Kulzhenko, 1913. 534 p. (In Ukrainian).

Grushevs'kij, 1958 – *Grushevs'kij M.S.* Istorija Ukraïni – Rusi [History of Ukraine – Russia]. New York: Publishing Company “Knigospilka”, 1958. Vol. 10. 601 p. (In Ukrainian).

Dashkevich, 1996 – *Dashkevich Ja.R.* Tradicii neperemozhnosti ukraïns'koï zbroï [Traditions invincibility Ukrainian weapons] // Konotops'ka bitva 1659 roku [Battle of Konotop 1659]: Collection of scientific articles. Kiev, Center for Eastern-Europe Studies, 1996. P. 9–13 (In Ukrainian).

Zenchenko, 2009 – *Zenchenko M.Ju.* Neveselyj jubilej: Chto sobirajutsja prazdnovat' na Ukraine pod vidom Konotopa? [Mirthless anniversary: What are going to celebrate in Ukraine under the guise of Konotop?] // Rodina. 2009. № 5. P. 34–40 (In Russian).

Istoricheskie, 1966 – *Istoricheskie pesni XVII veka* [Historical songs of the XVII century]. Leningrad: Nauka, 1966. 384 p. (In Russian).

Istorija, 1940 – *Istorija Ukraïni: Korotkij kurs* [History of Ukraine: a Short course]. Kiev: Izd-vo AN USSR, 1940. 412 p. (In Russian).

Karabanov, 1855 – *Karabanov A.P.* Konotop [Konotop] // Voenno-jenciklopedicheskij leksikon [Military-Encyclopedic Lexicon]. Saint-Petersburg: Printing of Staff Military schools, 1855. Vol. 7. P. 343–344 (In Russian).

Kargalov, 1990 – *Kargalov V.V.* Polkovodcy: XVII v. [Warlords: XVII century]. Moscow: Patriot, 1990. 496 p. (In Russian).

Kostomarov, 1862 – *Kostomarov N.I.* Getmanstvo Vygovskogo [Hetmanship of Vygovsky] // Kostomarov N.I. Istoricheskie monografii i issledovanija [Historical monographs and studies]. Saint-Petersburg: Printing Association “Public benefit”, 1862. Vol. 2. P. 40–200 (In Russian).

Krip'jakevich, 1990 – *Krip'jakevich I.P.* Istorija Ukraïni [The History of Ukraine]. Lviv, Svit, 1990. 520 p. (In Ukrainian).

Kurbatov, Malov, 2009 – *Kurbatov O.A., Malov A.V.* «A tovo eretika antihrista Ivashka Vygovskogo...»: Dokumental'naja letopis' Konotopa [“And that Heretic, Antichrist Ivashka Vygovsky...”: Documentary chronicle Konotop] // Rodina. 2009. № 5. P. 41–43 (In Russian).

Lazarevskij, 1862 – *Lazarevskij A.M.* Konotopskaja starina [Konotop old] // Pamjatnaja knizhka Chernigovskoj gubernii [Memorial book Chernigov province]: Chernigov, Publisher of the Chernigov Regional Committee, 1862. P. 305–330 (In Russian).

Lazarevskij, 1893 – *Lazarevskij A.M.* Opisanie staroj Malorossii: Materialy dlja istorii zaselenija, zemlevladienija i upravlenija [Description of the old Little Russia: Materials for the History of the Settlement, Land Tenure and Management]. Kiev: Printing house K.N. Milevskogo, 1893. Vol. 2. 560 p. (In Russian).

Levashov, 1792 – *Levashov P.A.* Kartina ili Opisanie vseh nashestvij na Rossiju tatar i turkov, i ih tut branej, grabitel'stv i opustoshenij, nachavshihsja v polovine desjatago veka i pochtii bezpreryvno chrez vosem'sot let prodolzhavshihsja; s prilozheniem nuzhnyh primechanij i raznyh izvestij kasatel'no Kryma, prav rossijskih gosudarej na onoj, i proch [Picture and description of all the invasions in the Russia Tatars and Turks, and ist Battles, Robberies and Devastations, that began in half tenth century and almost ceaselessly lasted through eight hundred years; with application notes and various relevant news about the Crimea, the rights of Russian princes thereof, and so forth]. Saint-Petersburg, [Printing Bogdanovich], 1792. 167 p. (In Russian).

Litopis, 1971 – *Litopis Samovidcja* [Chronicles of Eyewitnesses]. Kiev: Naukova Dumka, 1971. 208 p.

Litopis, 1995 – Litopis UPA: Nova serija [Chronicles UPA: The new series]. Kiev; Toronto: M. Grushevsky Instytut of Ukrainian Archeography and Source Studies of National Academy of Sciences of Ukraine, 1995. Vol. 1. 516 p. (In Ukrainian).

Malov, 2006 – *Malov A.V.* Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroja v nachal'nyj period svoej istorii 1656–1671 gg. [Moscow elective shelves soldier system in the initial period of its history, 1656–1671]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2006. 624 p. (In Russian).

Markevich, 1842 – *Markevich N.A.* Istorija Malorossii [History of Little Russia]. Moscow, Printing A. Semena at the Imperial Medico-Surgical Academy, 1842. Vol. 2. 673 p. (In Russian).

Matishov, 2014a – *Matishov G.G.* Ukraina: geostrategicheskij razvorot (uroki istorii – ot Jel'by 1945 g. do Mius-fronta 2014 g.) [Ukraine: geostrategic reversal (the lessons of history – from the Elbe 1945 to the Mius-Front 2014)]. Rostov-on-Don: Publishing SSC RAS, 2014. 384 p. (In Russian).

Matishov, 2014b – *Matishov G.G.* Ukraina i Rossija: kniga illjustracij vzaimootnoshenij i istorii (obstojatel'stva, riski, tendencii) [Ukraine and Russia: a Book of Illustrations and Stories of Relationships (facts, risks, trends)]. Rostov-on-Don: Publishing SSC RAS, 2014. 224 p. (In Russian).

Matishov, 2015 – *Matishov G.G.* Istoricheskie i geopoliticheskie ugrozy nacional'noj bezopasnosti: Azovo-Prichernomor'e i Prikaspij v XXI veke [Historical and Geopolitical threats to National security: the Azov-Black Sea region and the Caspian Sea in the XXI century]. Rostov-on-Don: Publishing SSC RAS, 2015. 304 p. (In Russian).

Mezencev, 2000 – *Mezencev E.V.* Konotopskaja bitva 1659 g. [Battle of Konotop 1659] // Otechestvennaja istorija: Istorija Rossii s drevnejshih vremen do 1917 goda [National History: History of Russia from ancient times to 1917]: Encyclopedia 5 vol. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2000. Vol. 3. P. 13–14 (In Russian).

Miller, 1846 – *Miller G.F.* Istoricheskie sochinenija o Malorossii i malorossijanah G.F. Millera, byvshego istoriografa rossijskogo, pisannye na russkom i nemeckom jazykah i hranjashhiesja v Moskovskom glavnom arhive Ministerstva inostrannyh del [Historical essays G.F. Miller's, former Russian historiographer, about Little Russia and Little Russians, written in Russian and German languages and stored in the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. Moscow, University press, 1846. 95 p. (In Russian).

Micik, 1992 – *Micik Ju.A.* Dzherela z pol's'kih arhivoshovishh do istorii Ukraïni drugoï polovini XVII st. [Sources from Polish archives the history of Ukraine in the second half of the XVII century] // Ukraïns'kij arheografichnij shhorichnik: Nova serija [Ukrainian Archaeological Yearbook: New series]. Kiev, 1992. Vol. 1. P. 72–93 (In Ukrainian).

Micik, 1994 – *Micik Ju.A.* Ivan Vigovs'kij [Ivan Vygovsky] // Volodari get'mans'koï bulavi: Istorichni portreti [Holders hetman mace: Historical portraits]. Kiev: Varta, 1994. P. 191–234 (In Ukrainian).

Micik, 1996 – *Micik Ju.A.* Konotops'ka bitva 1659 roku [Battle of Konotop 1659] // Konotops'ka bitva 1659 roku [Battle of Konotop 1659]: Collection of scientific articles. Kiev, Center for Eastern-Europe Studies, 1996. P. 14–21 (In Ukrainian).

Micik, 2004 – *Micik Ju.A.* Get'man Ivan Vigovs'kij [Hetman Ivan Vyhovsky]. Kiev: Publishing house “KM Academy”, 2004. 84 p. (In Ukrainian).

Narizhnij, 1928 – *Narizhnij S.P.* Konotops'ka peremoga [Konotop victory] // Trizub. Paris, 1928. № 19. P. 12–17 (In Ukrainian).

Novosel'skij, 1994 – *Novosel'skij A.A.* Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami vo vtoroj polovine XVII veka [The Struggle of the Moscow state with Tartars second half of XVII century] // Issledovanija po istorii jepohi feodalizma: Nauchnoe nasledie [Research to history epoch of feudalism: Scientific Heritage]. Moscow: Nauka, 1994. P. 13–115 (In Russian).

Podlinnyj, 1937 – Podlinnyj marksistskij uchebnik po istorii SSSR [Genuine Marxist textbook about history of the USSR // Istoricheskij zhurnal [Historical Journal]. 1937. № 8. P. 1–6 (In Russian).

Pokrovskij, 1935 – *Pokrovskij M.N.* Bor'ba za Ukrainu [The struggle for Ukraine] // Pokrovskij M.N. Ob Ukraine: Sbornik statej i materialov [About Ukraine: Collection of articles and materials]. Kiev: State socio-economic publishing house of Ukraine, 1935. P. 32–90 (In Russian).

Putro, 1993 – *Putro O.I.* Ivan Vigovs'kij [Ivan Vygovsky] // Istorija Ukraïni v osobah: IX–XVIII st. [Istoria Ukrainy in personalities: IX–XVIII century]. Kiev: Publishing House “Ukraine”, 1993. P. 300–310 (In Ukrainian).

Rigel'man, 1994 – *Rigel'man O.I.* Litopisna opovid' pro Malu Rosiju ta ïi narod i kozakiv uzagali [Chronicles story about Little Russia and its peoples and the Cossacks at all]. Kiev: Libid', 1994. 768 p. (In Russian).

Sanin, 2001 – *Sanin G.A.* Porta, Krym, i strany Vostochnoj Evropy v 50–60-h gg. XVII v. [Porte, Crimea and countries Eastern Europe in the 50–60s XVII century] // Osmanskaja imperija i strany Central'noj, Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Evropy v XVII v. [The Ottoman Empire and the countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe in the XVII century]. Moscow: Pamjatniki istoricheskij mysli, 2001. Part 2. P. 29–76 (In Russian).

Smirnov, 2007 – *Smirnov N.V.* “Kak pod Konotopom upadok uchinilsja...” (mify i real'nost') [“How Konotop decline perpetrate...” (Myths and Reality) // Trudy po russkoj istorii: Sbornik statej v pamjat' o

- 60-letii I.V. Dubova [Proceedings to Russian history: The collection of articles in honor of the 60th anniversary of I.V. Dubova. Moscow: Parad, 2007. P. 334–353 (In Russian).
- Smolij, Stepankov, 1999** – *Smolij V.A., Stepankov V.S.* Ukraïns'ka nacional'na revoljucija XVII st. (1648–1676 rr.) [Ukrainian National Revolution XVII century (1648–1676)]. Kiev: Publishing house “Alternatives”, 1999 (Ukraïna kriz' viki [Ukraine through the centuries]. Vol. 7). 352 p. (In Ukrainian).
- Sokirko, 2004** – *Sokirko O.G.* Konotops'ka bitva 1659 r.: Triumf v chas Ruïni [Battle of Konotop 1659: Triumph during Ruins]. Kiev: Tempora, 2004. 72 p. (In Ukrainian).
- Solov'ev, 1991** – *Solov'ev S.M.* Istorija Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia from the Earliest Times]. Vol. 11 // *Soloviev S.M. Works: 18 kn.* Moscow, Mysl', 1991. Kn. 6. P. 5–334 (In Russian).
- Stepankov, 1994** – *Stepankov B.C.* Get'manstvo Ivana Vigovs'kogo: social'no-politichna borot'ba i problema derzhavnogo budivnictva (serpen' 1657 – veresen' 1659 r.) [Hetmanship Ivan Vyhovsky: socio-political struggle and the problem of state building (August 1657 - September 1659)] // *Seredn'ovichna Ukraïna [Medieval Ukraine]: Collected scientific works.* Kiev: Naukova Dumka, 1994. Vol. 1. P. 88–108 (In Ukrainian).
- Stecenko, 2004** – *Stecenko V.P.* Nekropoli Sumshhini [Necropolis of Sumy region]. Sumi: Sobor, 2004. 120 p. (In Ukrainian).
- Stecjuk, 1960** – *Stecjuk K.I.* Narodni ruhi na Livoberezhnij i Slobids'kij Ukraïni v 50–70-h rokah XVII st. [People's movements Lyvoberezhnyy i Slobidsky Ukraine in 50-70s XVII century]. Kiev: Publishing AN UkSSR, 1960. 364 p. (In Ukrainian).
- Stecjuk, 1967** – *Stecjuk K.I.* Social'no-ekonomichnij rozvitok i politichne stanovishhe Ukraïni pislja vozz'ednannja z Rosieju (druga polovina XVII st.) [Social and Economic development and Political situation in Ukraine after the reunification with Russia (second half XVII)] // *Istorija Ukraïns'koï RSR [History of Ukrainian SSR]: 2 vol.* Kiev: Naukova Dumka, 1967. Vol. 1. P. 234–282 (In Ukrainian).
- Tairova-Jakovleva, 2009** – *Tairova-Jakovleva T.G.* Ivan Vygovskij [Ivan Vygovsky] // *Edinorog: Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy jepohi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni [Unicorn: Materials at the Military history of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Times].* Moscow: Kvadriga, 2009. Vol. 1. P. 239–253 (In Russian).
- Tairova-Jakovleva, 2012** – *Tairova-Jakovleva T.G.* Babulin I.B. Knjaz' Semen Pozharskij i Konotopskaja bitva. Sankt-Peterburg: Obshhestvo pamjati igumen'i Taisii, 2009. 168 s. ISBN 978-5-91041-047-7 [Babulin I.B. Prince Semen Pozharsky and the Battle of Konotop. Saint-Petersburg: Society of Memory of Abbess Taisia, 2009. 168 p. ISBN 978-5-91041-047-7] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2012. № 2. P. 258–263 (In Russian).
- Fedoseev, 2009** – *Fedoseev E.G.* Konotopskaja bitva 1659 g. i ee rol' v protivostojanii getmana I. Vygovskogo i Moskovskogo gosudarstva [Konotop battle in 1659 and its role in opposing the Hetman I. Vygovsky and the Moscow State // *Voprosy gumanitarnyh nauk [Questions humanities].* 2009. № 5. P. 22–30 (In Russian).
- Florja, 2010** – *Florja B.N.* Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedi (1655–1661 gg.) [Russian state and its Western neighbors (1655–1661)]. Moscow: Indrik, 2010. 656 p. (In Russian).
- Hilkov, 1770** – *Hilkov A.Ja.* Jadro rossijskoj istorii [The core of Russian history]. Moscow: Imperial Moscow University, 1770. 392 p. (In Russian).
- Chuhlib, 1996** – *Chuhlib T.V.* Konotops'ka bitva 1659 roku v konteksti mizhnarodnoï situacii u Shidnij Evropi [Konotop battle in 1659 in the context of the international situation in Eastern Europe] // *Konotops'ka bitva 1659 roku [Battle of Konotop 1659]: Collection of scientific articles.* Kiev, Center for Eastern-Europe Studies, 1996. P. 86–93 (In Ukrainian).
- Chuhlib, 2009** – *Chuhlib T.V.* Kozaki i monarhi: Mizhnarodni vidnosini rann'omodernoï Ukraïns'koï derzhavi 1648–1721 rr. [The Cossacks and the Monarchs: International relations early Ukrainian state 1648–1721]. 3rd ed., rev. and exp. Kiev: Publishing house named O. Teligi, 2009. 616 p. (In Ukrainian).
- Shevchenko, 2014** – *Shevchenko F.P.* Russkie voevody na Ukraine: Ocherki vzaimootnoshenij Ukrainy i Moskovskogo gosudarstva vo vtoroj polovine XVII stoletija [Russian voivodes in Ukraine: Essays of relations between Ukraine and the Moscow State in the second half of the XVII century // *Shevchenko F.P. Istorichni studii: Zbirka vibranih prac' i materialiv (do 100-richchja vid dnja narodzhennja).* [Historical research. The collection of selected works and materials (for the 100th anniversary of his birth)]. Kiev, Institute of History of Ukraine National Academy of Sciences of Ukraine, 2014. P. 41–318 (In Ukrainian).
- Shevchenko, Smolij, 1981** – *Shevchenko F.P., Smolij V.A.* Vosstanie pod predvoditel'stvom Pushkarja i Barabasha [The uprising led by Pushkar and Barabash] // *Voprosy istorii [Questions of history].* 1981. № 2. P. 180–183 (In Russian).
- Shevchuk, 1996** – *Shevchuk V.O.* Bitva pid Konotopom u rosijs'kij pisni «Pod gorodom pod Konotopom» [Battle of Konotop in the Russian song “Under garden pod Konotop”] // *Konotops'ka bitva 1659 roku [Battle of Konotop 1659]: Collection of scientific articles.* Kiev, Center for Eastern-Europe Studies, 1996. P. 134–138 (In Ukrainian).
- Shefov, 2006** – *Shefov N.A.* Bitvy Rossii [Battle of Russia]. Moscow, AST, 2006. 699 p. (In Russian).
- Shvyd'ko, 1999** – *Shvyd'ko A.K.* Istorija Ukrainy XVI–XVIII vekov [History of Ukraine XVI–XVIII centuries]. The textbook for the eighth class of secondary school. Kiev: Genesa, 1999. 367 p. (In Russian).

Jakovenko, 1997 – *Jakovenko N.M.* Naris z istorii Ukraïni z najdavnishih chasiv do kincja XVIII stolittja [Essay of Ukraine's history from ancient times to the XVIII century]. Kiev: Geneza, 1997. 312 p. (In Ukrainian).

Jakovleva, 1998 – *Jakovleva T.G.* Get'manshhina v drugij polovini 50-h rok XVII stolittja: Prichini pochatok Ruini [Hetmanat in the second half of the 50s the XVII century: Reasons of Beginning Ruiny. Kiev: Osnovi, 1998. 447 p. (In Ukrainian).

Jacenko, 2010 – *Jacenko V.B.* Bitva posle bitvy: kazacko-moskovskaja vojna 1658–1659 gg. v izobrazhenii sovremennoj rossijskoj i ukrainskoj istoriografii [Battle after battle: Cossack-Muscovite War 1658–1659 in the image of modern Russian and Ukrainian historiography] // Sud'by slavjanstva i jeha Grjunval'da: Vybor puti russkimi zemljami i narodami Vostochnoj Evropy v Srednie veka i rannee Novoe vremja (k 600-letiju bitvy pri Grjunval'de/Tannenberge). Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 22–24 oktjabrja 2010 g. [The Fate of the Slavs and the Echo of Grunwald: Choosing the way Russian lands and peoples of Eastern Europe in the Middle Ages and early Modern times (the 600th anniversary of the Battle of Grunwald/Tannenberg)]: Proceedings of the international scientific conference, 22–24 October 2010. Saint-Petersburg: Lubavitch, 2010. P. 382–387 (In Russian).

Kochowski, 1688 – *Kochowski V.I.* Annalium Poloniae Climacter Secundus: Bella Sueticum, Transylvanicum, Moscouiticum, aliasque res gestas ab anno 1655 ad annum 1661 inclusivè continens. Cracovia: In Officina Typographica N.A. Schedel, S.R.M. Typ. Ordinaris, 1688. 540 p. (In Latin).

Weślawski, 1691 – *Weślawski S.* Victor et victus Vincentius Corvinus Gosiewski, supremus m. d. l. thesaurarius et campi marschalcus, Wielisiensis, Puniensis, Marcoviensis, Łozdzieiensis capitaneus, oeconomiarum Mohiloviensis, Graudentensis et Olitensis administrator, repraesentatus a Samuele Weslawski, Ioannis Casimiri, Poloniae et Sueciae regis, notario m. d. l. et cubiculario tribuno Upitensi 1664. atque inter suas revolutiones victricia et victa regna Poloniae, Lituaniae, Moschoviae. Wilna: Tribunida Upitensi Academico Wilnensi, 1691. 444 p. (In Latin).

Yakovleva-Tairova, 2012 – *Yakovleva-Tairova T.* The Konotop Battle: 350 years later // The Battle of Konotop 1659: Exploring Alternatives in East European History. Milano: Ledizioni, 2012. P. 119–124 (In English).

УДК 94(47).047+94(477)+930.1

Конотопская битва 1659 г. в историографии и исторической памяти

Геннадий Григорьевич Матишов ^a, Пётр Ашотович Аваков ^b, Евгений Федорович Кринко ^{c, *}

^a Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^c Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Преемник Богдана Хмельницкого, новый гетман Запорожского войска Иван Выговский в 1658 г. перешел на сторону Речи Посполитой и вступил в союз с крымским ханом. Для подавления мятежа на Украину прибыло российское войско князя Алексея Трубецкого. Его поддерживала часть украинских казаков. На Украине разгоралась настоящая гражданская война (Руина). 28 июня 1659 г. недалеко от Конотопа русская конница под командованием князя Семена Пожарского потерпела поражение. Трубецкому пришлось отступить. Но и Выговский не сумел в полной мере воспользоваться результатами сражения.

В статье анализируется историография Конотопской битвы во взаимосвязи с политикой памяти. Историографическими источниками являются дореволюционные, советские, российские, украинские исследования и учебники истории. Авторы показывают, как одному из сражений русско-польской войны (1654–1667) стало уделяться повышенное внимание под влиянием политических обстоятельств. Конотопская битва стала рассматриваться в украинской историографии как одна из наиболее значимых побед украинского народа в борьбе за независимость. Это нашло отражение в украинских учебниках истории и других формах исторической памяти.

Ключевые слова: Конотопская битва, русско-украинские отношения, Иван Выговский, русско-польская война 1654–1667 гг., историография, историческая память.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: matishov_ssc-ras@ssc-ras.ru (Г.Г. Матишов), pavakov@mail.ru (П.А. Аваков), krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 323-334, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 903.22

North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use

Leonid A. Bobrov ^{a, *}, Alexey V. Salnikov ^b

^aInstitute of archeology and Ethnography of SB RAS Ave, Novosibirsk state, Russian Federation

^bNorth-Caucasian Institute of business, engineering and information technology, Russian Federation

Abstract

The article describes the helmets of the Crimean Tatar nobility stored in the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Republic of Turkey). Based on the analysis of design and system design determined that hats were made of Circassian masters of the XVIII century.

Helmet No. 1/810 in shape of the dome relates to the type of bevel. Forged a gilded crown complemented by ornamented Hoop, pads, conical pommel, and ringed barmitza Persian type. In Cherkessia similar hats were known as Tang (from the Arab. "the Taj", i.e. "crown"). It is most likely that the owner of the helmet was the last Nouredine Crimean khanate, Bahadir Giray (1789-1792) was the son of MuminGirei (?-1747) and grandson of Khan Saadet Giray IV (1717-1724).

Helmet No. 1/812 по the shape of a dome refers to the type of conal. Forged iron gilded crown complemented by ornamented Hoop, plates and funnel-shaped topping. Dome placed on the manufacture date of the helmet – "1180 of the Hijra" (i.e., 1766-1767 in the Gregorian calendar), as well as the inscription: "Owner Sultan Ali", "Muhammad Giray", "Mansour".

Helmet No. 1/811 по the shape of a dome refers to the type of cylindrical. Faceted iron supplemented gilt crown ornamented Hoop, conical pommel and Aventail Persian type. On the front of hats placed the inscription, "Sultan Mohammed Ibn AdilGiray". This suggests that the owner of the helmet could be the son of Nureddin (1718), serasker Budjaka and Editcol (1727-1728) Adil Ibn Selim I Giray or seraskier EditcolAdil Ibn Selim III Giray (1766-1767).

In the framework of the interdisciplinary research were made copies of these helmets, which have become the object of scientific experiments aimed at the study of the functional properties of the considered hats.

According to the results of the experimental tests it was found that all three of the helmet provide very reliable protection of the head and neck of the warrior from the cutting and cut-and-cutting blows of the enemy. The saber blade slips and falls from the smooth crown of agolove. In this case, the high dome of the helmet No. 1/810 absorbs shock and convex faces helmet No. 1/811 perform the function of reinforcing ribs. In some cases, the blade is sliding by inertia at the clavicle the defending warrior, but brings them no significant harm, as the blade meets the double layer segmented armor (blade aventails and shoulder part of the vessel shell ring).

Keywords: the Crimean khanate, north Caucasus, tatars, circassians, armour, circassian helmets.

1. Введение

История Крымского ханства неотделима от истории его войн, которые оказывали значительное влияние на политическую, экономическую и социальную жизнь данного государственного образования. В конце XV – начале XVI вв. правители из рода Гиреев провели серию военных

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

преобразований значительным образом изменивших традиционное вооружение, тактику и военную организацию крымско-татарских войск (Бобров, 2016).

Реформированная армия ханства оказалась весьма грозным противником, как для Московского государства, Великого Княжества Литовского, Польского королевства (впоследствии Речи Посполитой), Австрийской империи, так и для ногайских кочевников и горских народов Северного Кавказа. Успешные военные компании позволили Гиреям существенно расширить границы своих владений и превратить Крымское ханство в одного из ключевых геополитических игроков в регионе.

Крымско-татарская армия конца XV – середины XVIII вв. состояла из ханской гвардии (в состав которой входили ружейные стрелки и артиллерия), дружин беев, родо-племенных ополчений, а также отрядов вассалов и союзников. Главной ударной силой являлась легкая конница, набранная из представителей кочевых тюркских племен. Основным оружием кочевников-ополченцев были луки и стрелы. На полуострове отсутствовало собственное массовое производство металлического защитного вооружения, а импортные османские и северокавказские доспехи стоили весьма дорого. По данной причине подавляющая часть крымско-татарских воинов не имела железных панцирей и предпочитала вести дистанционный лучной бой, не вступая в рукопашную схватку (Бобров, 2016: 221–237).

В то же время, необходимо отметить, что наряду с легкими конными лучниками в крымских войсках имелись воины, которые могли похвастать весьма надежным защитным вооружением. Это были представители знати, их окружение, а также всадники элитных ударных подразделений. Так, по сообщению польского посланника М. Броневского (1578 г.): «Татары...надевают также панцири, шлемы и вообще вооружение персидское или московское, доставшееся им в добычу».

Английский посланник в Московию в 1588–1589 гг. Д. Флетчер подчеркивал, что если «...простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды, т.е. черной бараньей шкуры, надеваемой днем шерстью вверх, а ночью шерстью вниз, и такой же шапки», то представители татарской знати «...мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде, и в вооружении».

Французский инженер на польской службе в 1630–1647 гг. Г. Бошлан отмечал, что «...самые богатые [татары] носят кольчуги». Согласно сообщения елецкого полкового казака, во время боя в Бруслановском стане (у г. Ельца) 23 мая 1631 г., русские столкнулись с отборным «татарским» (черкесским?) отрядом – «...люди нарядные, в шапках мишюрках и в наручах, и кони все добрые».

Османский путешественник Эвлия Челеби, описывая крымскую армию середины 1660-х гг., упоминает об ударных отрядах оснащенных доспехами. Так, например, ширины выступали в поход «...в боевом вооружении, с саадаками, в панцирях, кольчугах и шлемах, надетых на шубы», а мансуры «...с саадаками и в полном вооружении, в латах и броневых шлемах...» и т.д. (Бобров, 2016: 221–225, 373, 374).

Комплекс защитного вооружения крымских татар и ногаев позднего Средневековья и раннего Нового времени неоднократно привлекал внимание отечественных и зарубежных исследователей. Однако, вплоть до недавнего времени, выводы о крымско-татарском доспехе строились на основании изучения письменных и (в меньшей степени) изобразительных источников, в то время, как профильные вещественные материалы не были систематизированы и подвергнуты научному анализу.

Данный факт существенно затруднял всестороннее изучение комплекса вооружения тюркских nomadов Восточной Европы рассматриваемого исторического периода. В этой связи, актуальным направлением современных военно-исторических и оружейно-исторических исследований является сбор, систематизация и типологический анализ предметов защитного вооружения крымских татар и ногаев XVI–XVIII вв. Особый интерес вызывают панцири и шлемы крымско-татарской знати, которые, по единодушному мнению современников, являлись основными потребителями металлической брони в армиях тюркских кочевников западного Дашт-и Кипчак.

В настоящее время предметы защитного и наступательного вооружения, принадлежавшие крымским татарам, хранятся в музейных и частных собраниях России, Украины, Турции, Польши, США и других стран.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о шлемах крымско-татарской знати из собрания Музея дворца Топкапы (г. Стамбул, Турецкая Республика). Ранее данные шлемы не становились объектом специального научного исследования.¹ Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции и системы декоративного оформления рассматриваемых наголовий, уточнить их датировку и атрибуцию, а также основные функциональные характеристики.

¹ К наголовьям из Топкапы примыкают шлемы из Музея Войска Польского и из частной американской коллекции, входившие в состав доспехов Шагин Гирея (сына крымского хана Адиль Гирея, 1666–1671 гг.) и крымского хана Сахиб-Гирея (1771–1775) соответственно. Первый шлем был опубликован Й.Гутовским, а второй К. Ривкиным и О. Пинчо.

2. Материалы и методы

2.1. Главным методологическим основанием научных исследований по изучению комплекса защитного вооружения кочевников традиционно являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

2.2. В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения, изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейно-исторических исследованиях традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников.

В последние десятилетия все более широкое признание в научной среде получает междисциплинарный метод предметных научно-исторических реконструкций. Особое значение он приобретает в археологических и оружейно-исторических исследованиях посвященных военному делу древних и средневековых народов в целом и военному искусству кочевников Великой степи в частности. Выполненные из аутентичных материалов с применением соответствующих производственных технологий реконструированные предметы вооружения становятся объектом различных научных экспериментов позволяющих уточнить многие спорные вопросы, касающиеся особенностей изготовления и боевого применения традиционных типов доспехов, а также оружия дистанционного и ближнего боя.

3. Обсуждение

По материалу изготовления все шлемы относятся к классу железных, по конструкции тульи к отделу цельнокованых. На основании формы купола выделяется три типа шлемов. Рассмотрим их более подробно.

Тип 1. Конические.

Вариант 1. Цельнокованный конический шлем с орнаментированным обручем, декоративными накладками, коническим навершием и кольчатой бармицей переднеазиатского типа (рис. 1).

Включает 1 экз. из собрания Музея дворца Топкапы (№ 1/810). Общая высота шлема – 19,0 см, диаметр – 20,0 см. Купол шлема состоит из цельнокованой железной тульи и двухчастного конического навершия из желтого металла. Поверхность тульи покрыта надписями на арабском языке.

Навершие составляют массивное коническое подвешие с выпуклым бортиком по нижнему краю и наперстковидное надвешие увенчанное металлическим шариком с подвижным кольцом для крепления плюмажа.¹ Поверхность навершия покрыта тонким позолоченным серебряным листом и украшена густым растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике гравировки по металлу. Основу композиции формируют прорастающие друг в друга трехлепестковые бутоны, а также круглые розетки с четырехлепестковыми цветками внутри. Фон навершия заполнен точечным орнаментом. К нижней части купола приклепан обруч, снабженный четырьмя «медальонами» с изображением черной четырехлучевой свастики. Поверхность обруча украшена растительным и зубчатым (зизгаго образным) орнаментом.

Навершие и обруч соединены декоративными накладками имитирующими клепанную (четырёхчастную) конструкцию тульи. Накладки дополнены овальными «мишенями» с изображением трехлучевой свастики. Остальное пространство накладок покрыто S-образными стеблями с двухлепестковыми бутонами или листьями на концах. Свастики и стебли выполнены в технике, так называемой «черкесской черни».

¹ Наиболее вероятно, что шлем данного типа был снабжен плюмажом в виде пары красных лент, или лопастей (лопасти) из красного сафьяна, обшитого узорчатым галуном (Аствацатурян, 2004: 97).

Рис. 1. Конический шлем («танж») № 1/810 из собрания Дворца Топкапы (г. Стамбул, Республика Турция).

Узор на навершии, обруче и накладках нанесен весьма тщательно, оформлен в единой стилистике и отличается значительным изяществом. К шлему подвешена клепаная кольчатая бармица переднеазиатского типа (длина – 39 см.) снабженная кольчужным сегментом прикрывающим верхнюю часть лица. На затылке бармица имеет неглубокий вырез. На обоих краях лицевой части кольчужного полотна сохранились металлические крючки, служившие для застегивания бармицы под подбородком.

На поверхности купола шлема фиксируются надписи на арабском языке. Это сура Аль-Фатиха (Hilmi, 2012: 168). А также имя предполагаемого заказчика или владельца шлема (см. ниже). Следы повреждений, которые могут быть интерпретированы, как результат воздействия оружия противника отсутствуют.

Ближайшим аналогом рассматриваемого шлема являются наголовья Северного Кавказа позднего Средневековья и раннего Нового времени, и, в частности, черкесские шлемы типа «танж» («таш», «таж»). Название данной категории шлемов происходит от арабского «тадж», то есть «корона», «венец» (Зайцев, Комаров, 2009: 61; Ривкин, Пинчо, 2011: 82).

Именно для данного типа шлемов характерно сочетание цельнокованной железной тульи с серебряным (часто позолоченным) или латунным обручем, высоким коническим навершием, накладками, а также бармицей переднеазиатского типа (Аствацатурян, 2004: 14, с. 98, рис. 80а; Зайцев, Комаров, 2009; Ривкин, Пинчо, 2011: 82, рис. 26). Декоративное оформление шлема из Топкапы № 1/810 также имеет аналоги среди черкесских материалов.

Так, например, типичным элементом черкесских шлемов являются «медальоны» со свастиками (солярными символами) и надписями на арабском языке (Аствацатурян, 2004: 99, рис. 80 а, б; с. 97, 99, рис. 82; Зайцев, Комаров, 2009: 69; Ривкин, Пинчо, 2011: 82, рис. 26, 28). Выполненный в технике чернения узор из S-образных стеблей с двумя лепестками напоминающие «запяты», характерен для

черкесского вооружения позднего Средневековья и раннего Нового времени (Аствацатурян, 2004: 97, 99, рис. 80, 82 а, б; Зайцев, Комаров, 2009: 69; Ривкин, Пинчо, 2011: 82, рис. 26, 28).

Самым оригинальным элементом шлема из Топкапы является густой гравированный растительно-геометрический узор, покрывающий его навершие и обруч. Однако и этот элемент, хоть и относительно редко, но фиксируется на наголовьях черкесского производства: шлеме «пдыпао» 1760–1761 гг. из Государственного Эрмитажа (Инв. № В.О.-5652), шлеме «танж» из Британского музея (1881, 0802.153) и др.

Таким образом, на основании особенностей конструкции и системы оформления шлема № 1/810 из Музея дворца Топкапы, он может быть соотнесен с изделиями черкесских оружейников.

Сотрудники Музея дворца Топкапы относят данный шлем к числу наголовий крымско-татарской знати XVIII в. (Hilmi, 2012: 166). В пользу данной атрибуции свидетельствует надпись на куполе, которая может быть прочитана, как «Султан Мухаммед ибн Мумин Гирей». Это позволяет предположить, что владельцем или заказчиком шлема мог быть наследник известного политического деятеля Крымского ханства первой половины XVIII в. Мумин Гирей (?–1747) являвшегося сыном хана Саадета IV Гирей (1717–1724).

В свою очередь, один из сыновей Мумин Гирей стал последним *нуреддином* Крымского ханства (1789–1792). В историю он вошел под именем Бахадур ибн Мумин Гирей.¹

Таким образом, шлем № 1/810 из Музея дворца Топкапы мог принадлежать, как брату Бахадур Гирей, так и самому *нуреддину* (в некоторых источниках Бахадур Гирей фигурирует, как Мухаммед Гирей). В обоих случаях, время изготовления шлема может быть локализовано второй половиной XVIII в.

Особо оговоримся, что тулья шлема из Топкапы может быть значительно старше всех остальных элементов наголовья. Известно, что оружейники Северного Кавказа XVIII–XIX вв. достаточно часто при сборке шлемов использовали тульи османских и черкесских шишаков XVI–XVII вв. (Ривкин, Пинчо, 2011: 82).

Завершая обзор шлема № 1/810 из Топкапы необходимо отметить, что конические черкесские наголовья типа «танж» имели известное распространение среди высшей крымско-татарской знати позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Весьма похожий шлем принадлежавший хану Сахиб Гирею (1771–1775) хранится в частной коллекции О. Пинчо (США). Общая высота шлема – 18 см, диаметр – 20 см. Данный шлем напоминает описанное выше наголовье и отличается от него, в основном, лишь особенностями оформления купола и конструкцией бармицы.

Купол шлема склепан из цельнокованой османской тульи XVI – начала XVII вв. и двухчастного конического навершия выполненного из позолоченного серебра. Навершие состоит из конического подвершия с выпуклым бортиком по нижнему краю и миниатюрного надвершия. Поверхность навершия украшена растительным узором. К нижней части купола с помощью четырех заклепок присоединен обруч, снабженный четырьмя «медальонами» с надписями на арабском языке.

Поверхность обруча украшена растительным орнаментом в виде соединенных Y-образных побегов с закрученными в спираль концами. К шлему подвешена длинная (54 см.) кольчатопластинчатая бармица, сплетенная из уплощенных клепаных колец и десяти прямоугольных панцирных пластин.

Пластины выполнены из железа, покрыты тонким слоем позолоченного серебра и украшены гравированным геометрическим орнаментом. В некоторые округлые розетки на пластинах вписаны изображения распустившегося цветка с семью лепестками. Как и в предыдущем случае рассматриваемый шлем может быть атрибутирован, как черкесский «танж» и датирован серединой XVIII в. О принадлежности наголовья к комплексу вооружения хана Сахиб Гирей свидетельствует надпись на его поверхности, в которой перечислены все почетные титулы хана, а также «его генеология вплоть до Ноя» (Ривкин, Пинчо: 82).

Тип 2. Сфероконические.

Вариант 1. Цельнокованный сфероконический шлем с двумя орнаментированными обручами, декоративными накладками и воронковидным навершием (рис. 2).

¹*Нуреддин* (*нурэддин*, *нуреддин-султан*) – третье лицо в иерархии Крымского ханства. В тот период, когда пост *нуреддина* занимал Бахадур ибн Мумин Гирей (1789–1792) власть крымского хана уже не распространялась на сам полуостров, а ограничивалась лишь Буджаком.

Рис. 2. Сфероконический шлем № 1/812 из собрания Дворца Топкапы (г. Стамбул, Республика Турция).

Включает 1 экз. из собрания Музея дворца Топкапы (№ 1/811). Общая высота шлема – 20,0 см, диаметр – 20,0 см. Купол состоит из железной цельнокованой тульи и воронковидного навершия изготовленного из желтого металла (предположительно позолоченного серебра), которое придает наголовью ярко выраженный сфероконический силуэт. Навершие крепится к тулье с помощью заклепок с полусферическими шляпками. По краю пластины пропущен выпуклый бортик.

Поверхность навершия украшена большими каплевидными лепестками, внутреннее пространство которых, заполнено растительным орнаментом. Цветочные побеги складываются в стилизованные фигуры парящих птиц. Фон навершия заполнен косой насечкой.

К нижней части купола приклепан коронообразный обруч с четырьмя трапециевидными зубцами, в которые помещены серебряные «медальоны» с надписями на арабском языке. Поверхность обруча украшена растительным орнаментом в виде ленты из стилизованных трехлепестковых бутонов Y-образной формы. По краю обруча пробиты отверстия для крепления кольчатой бармицы переднеазиатского типа.

В верхней части тульи, на некотором расстоянии от навершия, приклепан второй обруч покрытый надписями на арабском языке. Верхний и нижний обручи соединены четырьмя узкими вертикальными накладками украшенными частой косой насечкой.

Декоративное оформление шлема № 1/811 (позолоченные серебряные навершие и обручи украшенные «медальонами» и растительным орнаментом из сплетенных Y-образных побегов) сближает его с черкесскими наголовьями «танж» и «пдыпао» периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Однако ярко выраженный сфероконический силуэт выделяет рассматриваемый экземпляр из общего ряда классических черкесских шлемов. Благодаря своей форме он занимает, как бы промежуточное положение между высокими коническими наголовьями «танж» и низкими «пдыпао».

В настоящее время нам известно о девяти подобных шлемах хранящихся в музейных и частных собраниях России, США, Турции и других стран. Интересно, что некоторые из них традиционно соотносятся со шлемами крымско-татарской знати.

Так, например, в экспозиции «Музея Войска Польского» (г. Варшава, Республика Польша) выставлен сфероконический шлем, состоящий из низкой железной тульи полусферической формы и высокого воронковидного орнаментированного навершия из желтого металла. К нижней части купола приклепан широкий обруч и подвешена длинная кольчато-пластинчатая бармица. В височную и затылочную часть кольчужного полотна вплетены узкие металлические пластины прямоугольной формы.

Еще одна пластина большего размера помещена на налобной части бармицы. Поверхность всех пластин позолочена и украшена растительным и геометрическим орнаментом. Изучавший данный шлем Й. Гутовский, на основании надписей на его поверхности, предположил, что наголовье принадлежало Шагин Гирею (сыну Адиль Гирея являвшегося правителем Крыма в 1666–1671 гг.) (Gutowski, 1997).

Весьма схожий по конструкции и системе оформления шлемможно наблюдать на османской миниатюре 1620-е гг. из «Шехнаме-и Надири» изображающей крымского хана Джанибека Гирея (1610–1623, 1628–1635). Сфероконический купол снабжен коронообразным обручем, воронковидным навершием и бармицей переднеазиатского типа (с кольчужным сегментом для прикрытия лба).

Основное отличие шлема на миниатюре, от рассматриваемого наголовья из Топкапы, заключается в граненой (а не гладкой) тулье и наличии височной втулки для перьевого плюмажа (рис. 3).¹

Рис. 3. Крымский хан Джанибек-Гирей и его окружение во время битвы с иранскими войсками. Фрагмент миниатюры из «Шехнаме-и Надири», 20-е гг. XVII в. (Топкапы, Стамбул).

По всей видимости, подобные сфероконические наголовья, напоминающие традиционные шлемы кочевников Дашт-и Кипчак раннего и развитого Средневековья, были достаточно популярны среди представителей крымско-татарской элиты XVII–XVIII вв.

Значительный интерес представляет растительный орнамент, покрывающий навершие шлема из собрания Топкапы. Узор в виде цветочных побегов складывающийся в силуэт летящей птицы, изредка встречается на изделиях черкесских мастеров², однако значительно чаще он фиксируется на вооружении и амуниции выполненной центрально-азиатскими оружейниками. Так, в частности, он присутствует на шлемах, колчанах и боевых топорах казахского, кыргызского, ойратского и халхасского производства XVII–XVIII вв. (Ахметжан, 2007: 98, 166; LaRocca, 2006: 75).

На тулье помещена дата – «1180 год хиджры», что соответствует 1766–1767 гг. по григорианскому календарю. Вероятно, именно в этот период и был выкован шлем. Т.же на куполе

¹ Подлинные сфероконические черкесские шлемы хранятся в музейных и частных собраниях России, США и др. стран. Однако большинство из них имеют существенные отличия от рассматриваемого образца. Так, например, навершие и накладки сфероконического шлема 1808–1809 гг. из Метрополитен (36.25.119) составляют единый конструктивный элемент. Наголовье из коллекции А.А. Волкова имеет не воронковидное, а коническое навершие и иное декоративное оформление и т.д.
²См. напр. наручи изготовленные мастером Махмудом в 1815–1816 гг. (ГЭ, Инв. № В.О. –4092, 5829).

содержатся следующие надписи: «Владелец султан Али», «Мухаммед Гирей», «Мансур». Не исключено, что надпись «Султан Али» («Султан Эли») может обозначать не личное имя, а одноименный населенный пункт (место изготовления шлема?), существовавший на территории Крыма в XVIII–XIX вв. Имя «Мансур», вероятно, указывает на принадлежность владельца наголовья к влиятельному ногайскому роду Мансуров игравших важную роль в политической жизни Крымского ханства.

Таким образом, анализ системы оформления и надписей на куполе шлема позволяет предположить, что он был изготовлен черкесским оружейником (или крымско-татарским мастером по черкесским образцам) в начале второй половины 60-х гг. XVIII в. Более детальное изучение надписи, возможно, позволит уточнить имя первого хозяина наголовья.

Тип 3. Цилиндроконические.

Вариант 1. Цельнокованый цилиндроконический шлем с граненой тульей, орнаментированным обручем, и коническим навершием.

Включает 1 экз. из собрания Музея дворца Топкапы (№ 1/811).

Общая высота шлема – 25,0 см, диаметр – 19,0 см. Купол шлема состоит из цельнокованой железной тульи и двухчастного конического навершия выполненного из позолоченного серебра. Поверхность тульи покрыта выпуклыми вертикальными гранями покрытыми позолотой. На передней части тульи нанесена надпись на арабском языке, выполненная в технике золотой насечки по металлу (рис. 4).

Рис. 4. Сфероконический шлем № 1/811 из собрания Дворца Топкапы (г. Стамбул, Республика Турция).

Навершие состоит из массивного конического подвершия и луковичного надвершия с подвижным кольцом для крепления плюмажа. Поверхность навершия украшена тремя ярусами подпрямоугольных «картушей» заполненных изображением 5–7-лепестковых цветов в обрамлении сплетающихся Y-образных побегов.

Пространство между «картушами» покрыто зубчатыми лентами и дисками с шестилепестковыми цветками. К нижней части купола приклепан обруч из желтого металла украшенный тем же орнаментом, что и навершие шлема. К наголовью подвешена клепаная кольчатая бармица переднеазиатского типа с кольчужным сегментом, прикрывающим верхнюю часть лица. На затылке бармица снабжена глубоким вырезом.

Анализ конструкции и системы оформления шлема № 1/811 из Топкапы позволяет предположить, что он совмещает в себе, как северокавказские (черкесские) так и западно-азиатские элементы. Граненая цельнокованая тулья с ярко выраженными вертикальными ребрами, в целом, не характерна для наголовий Северного Кавказа периода позднего Средневековья и раннего Нового

времени. Наиболее вероятно, что первоначально она относилась к шлему османского или иранского производства XVI–XVII вв. ([The Art, 2008: 319, 320](#)).

Позднее, западно-азиатский шлем подвергся переделке черкесским мастером, который заменил наверху на новое, а также снабдил купол позолоченным серебряным обручем и кольчатой бармицей переднеазиатского типа.

Это лишний раз доказывает наличие устойчивых военно-экономических связей Северного Кавказа с вышеуказанными регионами Азии. Заимствованные и адаптированные под местный комплекс вооружения, импортные образцы становились неотъемлемой частью местного доспеха ([Сальников, 2015: 49-52](#)).

По данным турецких исследователей данный шлем принадлежал представителю крымско-татарской знати XVIII в. ([Hilmi, 2012](#)). На лицевой части наголовья указано имя владельца (?) шлема – «Султан Мухаммед ибн Адиль Гирей».

Имя Адиль Гирей носили несколько представителей крымско-татарской знати XVII–XVIII вв. Так, в частности, известны *нуреддин* Адиль ибн Мубарек Гирей (1651–1654), *нуреддин* (1718), *сераскир* Буджака и Едичкула (1727–1728) Адиль ибн Селим Гирей, *сераскир* Едичкула Адиль ибн Селим III Гирей (1766–1767) и др.

К сожалению, в настоящее время не представляется возможным достоверно установить сыном какого из крымских Адилей являлся упомянутый на шлеме Мухаммед Гирей. Особенности отделки шлема указывают на то, что наголовье было изготовлено в XVIII в., что позволяет предположить, что владельцем шлема мог быть наследник Адиль ибн Селима I Гирея или Адиль ибн Селима III Гирея.

4. Результаты

Черкесское происхождение шлемов аристократии Крымского ханства не должно вызывать у современных исследователей особого удивления. На протяжении многих столетий Северный Кавказ оставался одним из важнейших центров производства вооружения в Евразии.

В период позднего Средневековья и раннего Нового времени северокавказские доспехи и оружие охотно приобретались жителями Российского государства, Османской империи, Ирана, а также кочевниками Великой степи. Так, в частности, материалы письменных источников свидетельствуют, что панцири, шлемы, наручи черкесского и дагестанского производства экспортировались к крымским татарам, ногаям, башкирам и волжским калмыкам.

При этом, основными потребителями высококачественного северокавказского защитного вооружения в номадических сообществах были представители высшей знати и их окружение.

Важным направлением изучения рассматриваемых шлемов является их анализ в контексте междисциплинарных исследований. Для проведения экспериментальных испытаний были изготовлены копии наголовий из Топкапы с элементами реконструкции. При этом были учтены качество металла, размеры и особенности конструкции шлемовых элементов, диаметр проволоки, конструкция, оформление, система соединения колец бармицы и т.д. Наверху и обручи были выполнены в двух вариантах: из серебра и из железа крытого тонкими серебряными пластинами.

Реконструированные элементы представлены кольчатой бармицей на копии шлема № 1/811 (удалена с оригинального образца). В связи с тем, что основной целью изготовления копий наголовий было проведение экспериментальных испытаний на предмет выявления их базовых функциональных характеристик, на шлемах не были воспроизведены гравированный орнамент и позолота.

Выполненные реконструкции стали объектом различных научных экспериментов, целью которых, было изучить особенности ношения и боевого применения шлемов подобного типа. Детальному описанию экспериментальных испытаний будет посвящена специальная работа. В настоящей статье приведем их основные результаты, связанные с особенностями боевого применения шлемов подобного типа.

Анализ конструкции наголовий продемонстрировал, что они носились поверх головного убора или подшлемника из мягких органических материалов. В боевом положении кольчатая бармица застегивалась под подбородком с помощью специальных парных крючков (сохранились на шлеме № 1/810). В результате кольчатое полотно прикрывало затылок, шею, горло и щеки воина, но, при этом, не мешало ему свободно поворачивать и наклонять голову, что имело важное значение в ходе динамичного кавалерийского боя.

Как показали экспериментальные испытания, все три типа шлемов служат весьма надежной защитой от рубящих сабельных ударов, так как клинок скользит и срывается с гладкой тульи наголовий. При этом, высокий купол шлема № 1/810 амортизирует удар, а выпуклые грани шлема № 1/811 выполняют функцию ребер жесткости. В некоторых случаях, клинок по инерции соскальзывает на ключицу обороняющегося воина, но не приносит ему существенного вреда, так как лезвие встречает на пути двойной слой кольчатой брони (лопасть бармицы и наплечную часть корпусного кольчатого панциря).

Характерной особенностью конструкции черкесских шлемов XVII–XIX вв. является отсутствие пластинчатой защиты лица в виде наносника-стрелки. Данный факт представляет тем больший интерес, если учесть, что шлемы большинства ближних и дальних соседей черкесов обладали подобной защитой. Так, в частности, подвижными наносниками были снабжены иранские «кула-

худы», османские и русские «шишаки» и «ерихонки» и т.д. На наш взгляд данный факт объясняется не только особенностями оружейной традиции черкесов, но и спецификой их панцирного комплекса и боевой подготовки.

Как показали экспериментальные испытания, при нанесении вертикального рубящего удара сабельное лезвие сталкивается с плоскостью тульи не задевая лица обороняющегося воина (дополнительную защиту верхней части лица при таком ударе выполняет кольчужный налобник). Гораздо более опасны для черкесского шлема боковые рубящие и фронтальные колющие удары. По всей видимости, их полагалось отражать собственным клинком, или внешней створкой стального наруча. Характерно, в данной связи, что поверхность черкесских наручей (особенно левого) часто покрыта следами от рубящих ударов оружия противника (Ривкин, Пинчо, 2011: 81).

Американские исследователи К. Ривкин К. и О. Пинчо предположили, что в ходе боя «серебряные и латунные планки с черкесскими украшениями естественно полностью разрушались при нескольких ударах, поэтому каждые примерно 30 лет их обновляли» (Ривкин, Пинчо, 2011: 82).

Экспериментальные испытания подтвердили, что серебряные шлемовые элементы, действительно, подвержены деформации и частичному разрушению при сильном рубящем сабельном ударе. Даже если последний не разрубал наверх и обруч он оставлял значительные вмятины и повреждения, в результате чего шлем нуждался в оперативном ремонте. Железные навершия и обручи крытые тонким серебряным листом отличались большей прочностью, однако их декоративное покрытие после интенсивной рукопашной схватки так же могло нуждаться в починке или замене. Так же, можно согласиться с гипотезой американских ученых о том, что высокий шлем «танж» выполнял не только роль собственно боевого наголовья, но и указывал «на высокий социальный статус его обладателя». Возможно именно по этой причине за данным шлемом закрепилось характерное название восходящее к арабскому слову, обозначающему царственный венец (Ривкин, Пинчо: 82).

5. Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что шлемы из Музея дворца Топкапы представляют собой яркий пример взаимодействия и взаимовлияния военно-культурных традиций оседлого населения Северо-Западного Кавказа и кочевников Северного Причерноморья.

В ходе изготовления наголовий черкесские мастера выдерживали местный оружейный канон, но, при этом, учитывали эстетические вкусы будущих владельцев шлемов из числа представителей крымско-татарской аристократии.

Значительный интерес представляет тот факт, что черкесским оружейникам удалось весьма успешно совместить богатое («парадное») декоративное оформление с защитным функционалом воинского наголовья. Экспериментальные междисциплинарные исследования показали, что рассматриваемые шлемы отличаются высокими боевыми характеристиками и служат надежной защитой от клинкового оружия противника. По своей исторической и художественной ценности они стоят в одном ряду с лучшими образцами боевых и парадных шлемов северокавказского производства позднего Средневековья и раннего Нового времени.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

Литература

- Аствацатурян, 2004 - Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: ООО Изд-во «Атлант», 2004. 432 с.
- Ахметжан, 2007 - Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. 216 с.
- Бобров, 2016 - Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480. 2015. Ч. II. С. 210-388.
- Зайцев, Комаров, 2009 - Зайцев И.В., Комаров И.А. Два шлема из Налчика. // Эпиграфика Востока. Вып. XXVIII. М.: Изд-во Института востоковедения РАН, 2009. С. 59-71.
- Ривкин, Пинчо, 2011 - Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа. Запорожье, 2011. 125 с.
- Сальников, 2015 - Сальников А.В. О путях распространения золотоордынского и центральноазиатского вооружения среди народов Северного Кавказа XIII-XV вв. // Перспективы науки. 2015. №5 (68). С. 49-52.
- Gutowski, 1997 - Gutowski J. Broni I uzbrojenie Tatarow. Warszawa, 1997. (На польском языке).
- Hilmi Aydin, 2012 - Hilmi Aydin. Sultanlarin Silahlari. Topkapi Sarayi Silah Koleksiyonu. Ankara, 2012. 227 p. (На турецком языке).
- LaRocca, 2006 - LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

The Arts, 2008 - The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. 416 p.

References:

Astvatsaturyan, 2004 - *Astvatsaturyan E.G.* Oruzhie narodov Kavkaza [Weapons of the peoples of the Caucasus]. SPb.: OOO Izd-vo «Atlant», 2004. 432 s. (In Russian)

Akhmetzhan, 2007 - *Akhmetzhan K.S.* Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov [Ethnography of the traditional weapons of the Kazakhs]. Almaty: Almatykitap, 2007. 216 s. (In Russian)

Bobrov, 2016 - *Bobrov L.A.* Takticheskoe iskusstvo krymskikh tatar i nogaev kontsa XV – serediny XVII vv. [Tactical art of the Crimean Tatars and Nogais in the late XV – mid XVII centuries] [Elektronnyi resurs] // *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. 2016. Spetsial'nyi vypusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480. 2015. Ch.II. C. 210-388. (In Russian)

Zaitsev, Komarov, 2009 - *Zaitsev I.V., Komarov I.A.* Dva shlema iz Nal'chika [Two helmets from Nalchik] // *Epigrafika Vostoka*. Vyp. XXVIII. M.: Izd-vo Instituta vostokovedeniya RAN, 2009. S. 59-71. (In Russian)

Rivkin, Pincho, 2011 - *Rivkin K., Pincho O.* Oruzhie i voennaya istoriya Kavkaza [Weapons and military history of the Caucasus]. Zaporozh'e, 2011. 125 s. (In Russian)

Sal'nikov, 2015 - *Sal'nikov A.V.* O putyakh rasprostraneniya zolotoordynskogo i tsentral'noaziatskogo vooruzheniya sredi narodov Severnogo Kavkaza XIII-XV vv. [About distribution of the Golden Horde and the Central Asian weapons among the peoples of the North Caucasus in XIII-XV] // *Perspektivy nauki*. 2015. №5 (68). S. 49-52. (In Russian)

Gutowski, 1997 - *Gutowski J.* Broni I uzbrojenie Tatarow. Warszawa, 1997. (Na pol'skom yazyke).

Hilmi Aydin, 2012 - Hilmi Aydin. Sultanlarin Silahlari. Topkapi Sarayi Silah Koleksiyonu. Ankara, 2012. 227 p. (Na turetskom yazyke).

LaRocca, 2006 - *LaRocca D.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 r.

The Arts, 2008 - The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. 416 r.

УДК 903.22

Северокавказские шлемы крымско-татарской знати из Музея дворца Топкапы (г. Стамбул, Турецкая Республика). Особенности конструкции, оформления и боевого применения

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Алексей Викторович Сальников ^b

^a Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Северо-Кавказский институт бизнеса, инженерных и информационных технологий, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены шлемы крымско-татарской знати хранящиеся в фондах Музея дворца Топкапы (г. Стамбул, Республика Турция). На основании анализа конструкции и системы оформления установлено, что данные наголовья были изготовлены черкесскими мастерами XVIII в.

Шлем № 1/810 по форме купола относится к типу конических. Цельнокованая тулья дополнена позолоченным орнаментированным обручем, накладками, коническим навершием и кольчатой бармицей переднеазиатского типа. В Черкессии подобные наголовья были известны под названием *танж* (от арабск. «*тадж*», т.е. «корона»). Наиболее вероятно, что владельцем шлема являлся последний *нуреддин* Крымского ханства Бахадыр Гирей (1789–1792) - сын Мумин Гирея (?–1747) и внук хана Саадета IV Гирея (1717–1724).

Шлем № 1/812 по форме купола относится к типу сфероконических. Цельнокованая железная тулья дополнена позолоченным орнаментированным обручем, накладками и воронковидным навершием. На куполе помещена дата изготовления шлема – «1180 год хиджры» (т.е. 1766–1767 гг. по григорианскому календарю), а также надписи: «Владелец султан Али», «Мухаммед Гирей», «Мансур».

Шлем № 1/811 по форме купола относится к типу цилиндроконических. Граненая железная тулья дополнена позолоченным орнаментированным обручем, коническим навершием и бармицей

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

переднеазиатского типа. На лицевой части наголовья помещена надпись - «Султан Мухаммед ибн Адиль Гирей». Это позволяет предположить, что владельцем шлема мог быть сын *нуреддина* (1718), *сераскира* Буджака и Едичкула (1727–1728) Адиль ибн Селим I Гирей или *сераскира* Едичкула Адиль ибн Селим III Гирей (1766–1767).

В рамках проведения междисциплинарных исследований были изготовлены копии данных шлемов, которые стали объектом научных экспериментов направленных на изучение функциональных свойств рассматриваемых наголовий.

По результатам экспериментальных испытаний было установлено, что все три шлема обеспечивают весьма надежную защиту головы и шеи воина от рубящих и рубяще-режущих ударов противника. Сабельный клинок скользит и срывается с гладкой тульи наголовий. При этом, высокий купол шлема № 1/810 амортизирует удар, а выпуклые грани шлема № 1/811 выполняют функцию ребер жесткости. В некоторых случаях, клинок по инерции соскальзывает на ключицу обороняющегося воина, но не приносит ему существенного вреда, так как лезвие встречает на пути двойной слой кольчатой брони (лопасть бармицы и наплечную часть корпусного кольчатого панциря).

Ключевые слова: Крымское ханство, Северный Кавказ, татары, черкесы, защитное вооружение, черкесские шлемы.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 335-344, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

Kondoma Tatars and the Bloomery Process (source: the Great Northern Expedition)

Evgeny V. Vodyasov^{a, *}

^a Tomsk State University, Russian Federation

Abstract

The article presents for the first time the unique source for studying indigenous ironmaking in West Siberia. This is a copy of the illustration made by Johann Wilhelm Lursenius on 19 September 1734 during the Second Kamchatka Expedition (the copy is kept in the Russian State Archive of Ancient Acts). On that day, the artist together with German scientist Johann Georg Gmelin observed the iron melting process in a Tatar yurt in Gornaya Shoria, and they both documented these observations in detail, each in his own way. The synchronous description and sketching of a traditional trade technology is a most singular or even the unique phenomenon in Siberian ethnography of the early 18th century.

The article features excerpts from Gmelin's 1751 work devoted to iron ore smelting by Kondoma Tatars and provides an analysis of the illustration by Lursenius. Ferrous metallurgy of Kondoma Tatars in the 18th century involved using «small» iron-smelting furnaces (0.3 m high at the most) placed at the hearths of yurts. Besides, Tatars decorated the upper part of the furnace with carving.

As seen from the analysis of archaeological and ethnographic sources, the tradition of building such furnaces and smelting iron ore in dwellings existed in the Upper Parts of Ob River from the early 5th century AD to the ethnographic modernity.

Ethnographic sources and archaeological experiments reveal that one small furnace could yield about 1 kg iron. According to historical sources, a few kilograms would make a year of trouble-free housekeeping for a Tatar family. This explains why «home production» of iron was so widespread, when a dwelling would be turned into a metallurgy shop to provide the family with all necessary tools and utensils.

Keywords: Kondoma tatars, Western Siberia, the iron smelting, the Great northern expedition, Johann Georg Gmelin, Johann Wilhelm Lursenius.

1. Введение

За десять лет всестороннего изучения Сибири в ходе Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) был собран и осмыслен такой огромный массив источников, что ученые до сих пор постоянно обращаются к этому поистине неисчерпаемому ресурсу знаний о сибирском прошлом. Неоценимый вклад в изучение Сибири XVIII в. внесли не только ученые, но и художники-рисовальщики, которые, сопровождая исследователей по далеким уголкам Северной Азии, делали зарисовки этнографического, ботанического и зоологического характера. Благодаря художникам Второй Камчатской экспедиции многие сибирские города и остроги впервые попали на полотна и гравюры первой трети XVIII в.

Во времена первых масштабных экспедиций существовало два основных способа научного сохранения информации: текст и изображение. При этом одновременно созданные полевые описания и рисунки одного и того же явления существенно дополняли друг друга: ученый мог отметить детали, не отраженные на рисунке, а художник мог зарисовать то, что не попало в полевой дневник. Примеры такой синхронной работы ученых и художников Второй Камчатской экспедиции в области этнографии сибирских народов являются значительной редкостью. Данная статья посвящена

* Corresponding author

E-mail addresses: vodyasov_ev@mail.ru (E.V. Vodyasov)

анализу уникального случая в сибирской этнографии XVIII в.: одновременной, т.е. письменной и иллюстративной фиксации сыродутного процесса производства железа кондомскими татарами в Горной Шории. Это событие произошло 19 сентября 1734 г. во время путешествия Иоганна Георга Гмелина вместе с мастером живописных дел Иоганном Вильгельмом Люрсениусом по Алтаю и Горной Шории. В татарской юрте на р. Кондома ученый и художник наблюдали работу кузнецов-плавильщиков и подробно фиксировали весь этот процесс (Гмелин, 2003; Люрсениус, 1734). Уникальность этого события еще и в том, что совместная работа исследователя и рисовальщика является, видимо, самым первым шагом в истории изучения хозяйства и ремесел сибирских народов. В настоящей статье рисунок И.В. Люрсениуса (Люрсениус, 1734) публикуется впервые.

Письменно-иллюстративный источник 1734 г. по черной металлургии кузнецких татар. Ввиду уникальности материала целесообразно привести весь текст из дневника И.Г. Гмелина, относящийся к плавке железной руды (Gmelin, 1751: 280-289).

«На следующий день, 19-го (1734 г. – *Е.В.*), мы совершили новую поездку. Мы слышали, что многие татары, живущие на речке Кондоме и Мрассу, сами умеют плавить железо из руды, так что здесь никакого другого железа и не было бы, если бы его не добывали сами местные татары. Поэтому мы решили доставить себе удовольствие посмотреть их плавильни; нас уверяли, что нам не придется для этого слишком далеко ехать. Хотя и много было таких мест, где они занимаются плавкой, но нам было достаточно познакомиться с одним, так как все они плавят одним и тем же способом. Мы выбрали плавильню в д. Гадовой и послали туда своего человека, который должен был предупредить о нашем прибытии и велеть там приготовить все, с чем нам интересно было познакомиться.

Мы выехали в половине 8-го утра, а когда переправились через Томь, было уже 8 часов. наших лошадей расседлали и переправили, мы же переехали на маленькой лодке. Затем мы поехали вдоль Кондомы, хотя, по причине плохой дороги нередко удалялись от нее на порядочное расстояние. В 10 верстах от переправы мы проехали русскую деревню Муратову. Затем мы перевалили гору и к 10 часам доехали до большой русской деревни Шумарина. Мы не стали там долго задерживаться, сменили лошадей и у самой деревни совершили переправу через Кондому, через которую легко можно перебраться. В 6 верстах отсюда нам пришлось снова перебраться Кондому близ маленькой русской деревушки. Через 8 верст мы проехали через маленькую татарскую, а через версту — через русскую деревню. Проехав отсюда верст 5, мы еще раз переправились через Кондому, на берегу которой и располагалась д. Гадова. До этого места мы все время ехали на юг, придерживаясь примерно юго-западного направления, и нам пришлось преодолевать пешком различные болота, проехать которые на телеге невозможно. Нам хотелось как можно скорее увидеть железоплавильный завод. Но как мы не осматривались, мы не видели никакого здания, отличающегося от других по своей архитектуре. Все выглядело точно так же, как в абинской деревне, где мы были накануне.

Наконец, нас пригласили в одну юрту, у входа в которую мы также увидели плавильную печь. Ясно, что для плавильной печи не требовалось специальной юрты, и что для этой цели оказалась пригодной любая юрта. В этой же юрте живут и люди, что уже само по себе является преимуществом перед европейскими металлургическими зданиями, содержание которых обходится крайне дорого.

Печь стоит на том месте, где обычно находится очаг для варки пищи, и земля там немного подкопана. Яма, которая имеется во всех татарских юртах на месте очага, составляет часть плавильной печи. Глиняное сооружение, дно которого имеет одинаковый поперечник с выкопанной в земле ямой, около полуфута (15 см – *Е.В.*), сверху сужается, и верхний поперечник на расстоянии фута (30 см – *Е.В.*) от пола не превышает полутора дюймов (3,8 см – *Е.В.*); все это составляет, вместе с ямой, плавильную печь. Впереди имеется отверстие, которое замуровывается во время плавки, а сбоку есть другое, в которое вставляется два меха.

Вся работа производится двумя татарами; один подносит попеременно уголь и руду, причем руды он брал на закладку не более того количества, которое умещается на кончике ножа, руда употреблялась в мелко измельченном виде. Таким образом, он заполнял печь, а другой парень в это время дул двумя мехами. Как только уголь садится, приносится новая порция руды и угля, и вся эта процедура повторяется до тех пор, пока не будет высыпано в печь около трех фунтов (1,7 кг – *Е.В.*) руды – количество, какое печь может вместить за раз. После того, как высыпана последняя руда, плавильщик, подув немного мехами, вынимает внизу с помощью щипцов замурованный там камень. Плавка лежит в яме; ее извлекают из-под углей и очищают от налипших углей, ударяя об нее чурбаком. Из трех фунтов руды (1,7 кг – *Е.В.*) получают около двух фунтов (1,1 кг – *Е.В.*) железа, которое хотя и выглядит довольно нечистым, однако на деле оно хорошее. Все это мы наблюдали в течение полутора часов».

Синхронно с подробными полевыми записями И.Г. Гмелина художник И.В. Люрсениус выполнил пером и тушью зарисовку этого процесса (Рис. 1). Размеры рисунка 27x15 см. Под изображением имеется надпись на латыни: *Tabula ad Obs. LVI et LVII Observ. in Hist. Nat. Spectans, methodos spiritum e lacte parandi et ferrum e venis excoquendi, Tattaris usitatis, sistens* [Иллюстрация к пунктам LVI и LVII труда «Заметки по естественной истории», представляющая способы приготовления спирта из молока и выплавки железа из руды, используемые татарами]. Данный рисунок представляет собой копию конца 1750-х – начала 1760-х гг. (РГАДА, Ф. 199. Оп. 2.

П. 430. Д. 14. Л. 1-5 об.), приложенную к наблюдению И.Г. Гмелина «De ratione ferrum e venis excoquendi in Tomiensibus et Kusnetziensibus terris usitata» [О способе выплавки железа из руды, употребляемом в Томской и Кузнецкой областях].

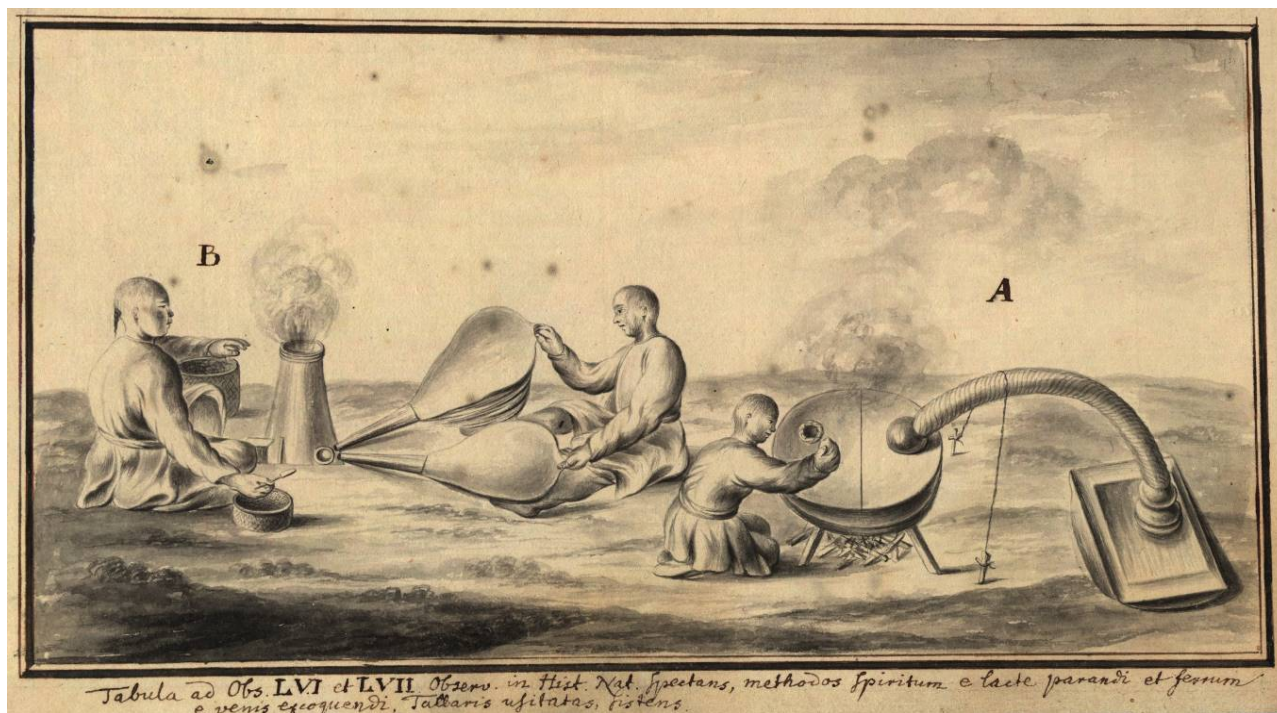

Рис. 1. Методы изготовления спирта из молока (А) и выплавки железа из руды (В) у кондомских татар, копия рисунка, выполненного И.В. Люрсениусом 19 сентября 1734 г. (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. П. 430. Д. 14. Л. 3)

2. Обсуждение иллюстративного источника и результаты

На едином листе И.В. Люрсениус слева изобразил татар-плавильщиков, справа – местный самогонный аппарат и его конструктивные особенности (в данной статье этот сюжет не рассматривается). Примечательно, что художник отметил многие детали, не описанные И.Г. Гмелиным в его выше цитируемом труде 1751 г.

Во-первых, на рисунке изображены воздуходувные меха (Рис. 1). Их зарисовка является ценнейшим ресурсом для реконструкции мехов и для предшествующих эпох, особенно при учете того, что на территории Сибири археологи ни разу не нашли кузнечные меха, скорее всего, в силу плохой сохранности их органических деталей. От воздуходувных мехов на археологических памятниках сохраняются лишь глиняные трубки-сопла, которые, как правило, вставлялись внизу сбоку горна, как это и показано И.В. Люрсениусом.

Во-вторых, на рисунке видны некоторые виды кузнечных инструментов, бытовавших у татар в XVIII в. Рядом с горном стоят железные наковальня (судя по ее форме) и пробойник (?). Из этих двух инструментов на территории Верхнего и Среднего Приобья автору известна лишь железная наковальня из Зырянского курганного могильника конца XVI–XVII в. (Беликова, 2010: 420). В связи с этим изображенные И.В. Люрсениусом инструменты дополняют наши знания о кузнечном инвентаре в рассматриваемом регионе. Не менее важными являются зарисовки одежды татар-металлургов, их причесок и плетеных корзин, в одной из которых находится древесный уголь для плавки, в другой – дробленая железная руда. Поразительно, что момент поднесения металлургом руды на кончике ножа к горну отразился и в тексте (Gmelin, 1751: 282), и в графике (Рис. 1).

Археологические аналоги письменно-иллюстративному источнику 1734 г.

И.Г. Гмелин и И.В. Люрсениус оставили потомкам ценнейший источник для реконструкции многих сторон железоделательного производства у сибирских народов. Учитывая общую физико-химическую основу сыродутного процесса, можно использовать их материалы для воссоздания конкретного металлургического цикла не только для начала XVIII в., но и для более раннего времени. Еще в XVIII в. И.Г. Георги обратил внимание на одинаковые способы производства железа у абинских татар, якутов и енисейских остяков (Георги, 1776: 184; 1777: 23). И.Г. Гмелин в 1734 г. также отметил у кузнецких татар: «хотя и много было таких мест, где они занимаются плавкой, но нам было достаточно познакомиться с одним, так как все они плавят одним и тем же способом» (Гмелин, 2003: 102). Всё это, безусловно, дополняет представления о сыродутном процессе и относительно Средневековья Сибири, знания о котором формируются преимущественно на основе

фрагментированных археологических свидетельств. Так, в организации сыродутного процесса у кондомских татар обращают на себя внимание несколько интересных особенностей, которые археологически фиксируются в предшествующие эпохи.

Во-первых, зафиксировано использование горнов небольших размеров, в сравнении с другими известными в Сибири типами железоплавильных объектов (Сунчугашев, 1979; Зиняков, 1988; Зиняков, 1997).

Во-вторых, у кузнецких татар существовала традиция плавить руду непосредственно в жилище, а не в мастерской-кузнице или на специально отведенной площадке. Ещё одна необычная деталь – украшение таких «малых» горнов: на зарисовки И.В. Люрсениуса (Рис. 1) хорошо заметно декорирование венчика горна несколькими резными линиями.

Логично возникают вопросы, касающиеся ареалов распространения подобных «малых» горнов, а также традиций плавить руду в жилище. В поиске ответов обратимся к археологическим материалам по черной металлургии Западной Сибири.

В Горной Шории аналогичный горн обнаружен Ю.В. Шириным на поселении Теш-5, датированном не ранее XVIII в. (Ширин, 1999). В целом на территории проживания кузнецких татар, металлургия которых отразилась в материалах И.Г. Гмелина и рисунке И.В. Люрсениуса, археологически известны десятки подобных железоплавильных объектов XVII–XVIII вв. (Кимеев, 2013: 27).

Наибольшее количество подобных небольших горнов (около 15 ед.) найдено на территории Томского Приобья. В частности, на городище Шайтан-IV (правобережье Оби, юг Томской области) в 2010 г. обнаружен металлургический объект (Водясов, 2012а) (Рис. 2), идентичный горну кондомских татар.

Рис. 2. Городище Шайтан-IV (Томское Приобье). Металлургический объект 1, XII–XIV вв. Раскопки Е.В. Водясова 2010 г.

Большой редкостью в археологии Томского Приобья является обнаружение основания горна практически в полном виде. Различные фрагменты металлургического объекта в целом позволяют реконструировать его первоначальный вид.

Сначала для сыродутного горна была вырыта небольшая округлая яма глубиной 10–12 см и диаметром 30 см, которую обмазали глиной. Над ямой был возведен глиняный купол высотой не более 30 см с таким же внутренним диаметром у основания. Толщина стенок варьировалась от 4 до 1,5 см и уменьшалась по мере возведения объекта. Диаметр колошниковой (верхней) части горна составлял не более 15 см. Все стенки объекта с внутренней стороны сильно ошлакованы. С восточной стороны горна в стенке зафиксировано отверстие диаметром 2,5 см для воздуходувных мехов. Отверстие было сделано почти у самого основания объекта под небольшим уклоном в сторону рабочей камеры горна. С внешней стороны отверстие дополнительно обмазали глиной, видимо, чтобы прочнее зафиксировать примыкающее сопло (глиняную трубку) от мехов. Само сопло с внутренним диаметром 2–3 см найдено рядом.

По формуле объема усеченного конуса, зная основные параметры данного сооружения, можно подсчитать объем сыродутного горна: 0,01 куб. м. Данный объект датируется в пределах XII–XIV вв. на основании калиброванной радиоуглеродной даты (образец Le-9599: 1150 AD – 1320 AD с вероятностью 87,6 %).

Подобные «малые» горны использовались в железоделательном цикле Томского Приобья на протяжении всего II тыс. н.э. Они встречены на городищах Шайтан-III и Шеломок (Плетнева, 1990: 104), поселениях Усть-Малая Киргизка-II (Плетнева, 1997: 8), Устье Малой Киргизки-I (Гаман, 1992), Могильницкое-II (Плетнева, 1990: 22-23), а также в насыпях курганов Астраханцевского курганного могильника (Плетнева, 1997: 10-26).

Примечательно, что такие небольшие горны, достаточно широко встречающиеся в Верхнем Приобье, совсем не характерны для соседних рудно-металлургических провинций Южной Сибири. Например, средневековые металлурги Алтая и Хакасии использовали горны значительно более крупных размеров (Сунчугашев, 1979; Зиняков, 1988). Однако здесь важно подчеркнуть, что «малые горны» для Верхнего Приобья не являлись единственным типом железоплавильных объектов. Наряду с ними металлурги II тыс. н.э. использовали и крупные теплотехнические сооружения, которые по объему плавильной камеры иногда в 30 раз (!) превышали горн, зарисованный И.В. Люрсениусом на р. Кондома. Такая разница, естественно, отражалась на количестве получаемого железа и может быть объяснена тем, что в малых горнах железо предназначалось для нужд семьи металлурга, тогда как в больших объектах крицы могли производиться либо на заказ, либо для торговли (Водясов, 2012b: 14).

Другой признак горна кондомских татар – украшение его венчика. В Томском Приобье же археологические находки декорированных частей горнов единичны. Возможно, эта традиция здесь достоверно прослеживается с эпохи раннего средневековья. Данное предположение основано на материалах раскопок 1977 г. Л.М. Плетневой: на поселении Кисловка-II (Томский район Томской области) второй половиной I тыс. н.э. рядом с котлованом обнаружена «плитка из обожженной глины с отверстием для сопла и орнаментом с лицевой стороны». Поверхность заслонки богато украшена рядами небольших треугольников с отпечатками мелкозубой гребенки внутри них и резными насечками по периметру плитки (Беликова, Плетнева, 1983: 46, 98-100). По мнению Н.М. Зинякова, эта глиняная заслонка была изготовлена в ритуальных целях (Зиняков, 1997: 32).

Два других достоверных случая орнаментации горна известны автору с памятников Шайтанского археологического комплекса (Кожевниковский район, юг Томской области). На городище Шайтан-III Е.В. Барсуковым в 2007 г. (Барсуков, 2012) раскопан небольшой горн (Рис. 3), по параметрам напоминающий объект у кузнецких татар. По венчику горна прослежен орнамент в виде косых насечек и ямок (Водясов, 2012b: 42). Предварительно объект датируется X–XV вв.

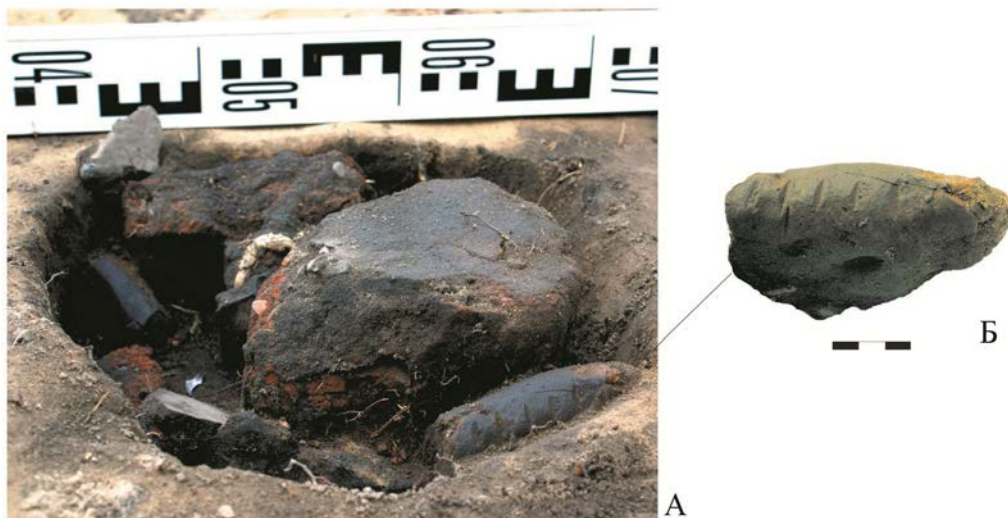

Рис. 3. Городище Шайтан-III. Металлургический объект (А) с украшенным венчиком (Б). Раскопки Е.В. Барсукова 2007 г.

Еще два фрагмента горна (Рис. 4) происходят из одного объекта X–XV вв. на городище Шайтан-IV, исследованном Е.В. Водясовым в 2010 г. (Водясов, 2012b: 39). Орнамент на венчике горна отсутствует, но он оформлен так же, как и керамическая посуда с этого же памятника.

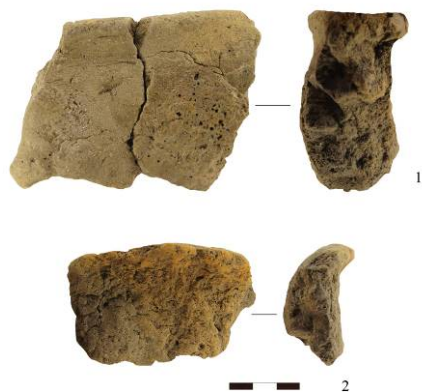

Рис. 4. Городище Шайтан-IV.
Металлургический объект 6, X–XV вв.
Венчики горнов. Раскопки Е.В. Водясова 2010 г.

Таким образом, по имеющимся данным ареал «малых» горнов включает Притомье и Томское Приобье. Причем в Томском Приобье горны такого типа исчезли после прихода русского населения в начале XVII в. (Vodyasov, Zaitceva, 2015: 475), тогда как в Верхнем Притомье традиция их использования была жива еще в XVIII веке. По крайней мере, в 1745–1746 гг. татары волостей Кузнецкого ведомства добывали железную руду рядом с поселениями и плавил ее в своих юртах (Огурцов, 2003: 164-165). Такие же горны видел у шорцев К.А. Евреинов в самом начале XX в. (Евреинов).

Примечательно, что описанное И.Г. Гmeliным домашнее производство железа археологически фиксируется на той же самой территории, где широко бытовали «малые» горны.

В Томском Приобье эта традиция, не прерываясь, существовала в V–XVII вв. Так, для V-VIII вв. известно жилище с горном на поселении Кисловка-II, для VIII-X вв. – жилище на городище Шайтан-I. В период X-XVII вв. «домашнее» производство железа продолжало сохраняться. Плавка руды в жилищах зафиксирована на Тимирязевском-IV поселении, поселении Усть-Малая Киргизка-II, селище Золотая Горка, Могильницком городище (Водясов, 2012в: 157).

Проведение сыродутного процесса в жилищах является отличительной черной металлургии Верхнего Приобья в сравнении с Горным Алтаем и Хакасией, а также Северо-Западной Сибирью (Сунчугашев, 1979; Зиняков, 1988; Зыков, 2008: 49), где для плавки использовали специальные вынесенные за пределы поселков производственные площадки.

Закономерен вопрос: почему средневековые металлурги Верхнего Приобья использовали такие небольшие горны и плавил руду в жилище? Ведь по археологическим материалам поселений Верхнего Приобья известно о сооружении как крупных, так и «малых» горнов и за пределами жилищ.

Для ответа обратимся к производительности таких горнов и количеству потребления железа одной традиционной тюркской семьей.

У кузнецких татар, по И.Г. Гmeliну, выход железа для «малых» горнов составлял примерно 65 % от веса руды (Гмелин, 2003: 102-103). В.Л. Серошевский, описывая сыродутный процесс у якутов XIX в., указывал, что из 16,4 кг руды получается от 1,4 кг до 1,6 кг железа. Причем крицы очень пористы, покрыты слоем шлака, их приходится многократно проковывать, чтобы очистить от шлаковых включений, в результате чего половина веса угорает. Из 16,4 кг крицы максимум можно получить 10,2 кг железа (Серошевский, 1993: 368). Таким образом, выход готового дляковки железа от общего количества руды составляет 8–10 %.

Е.Д. Стрелов сообщает другие данные по якутской металлургии. Из 16 кг истолченной в порошок руды в среднем выходит 7,4–8,2 кг железа, т.е. выход составляет 50–57 %. При описании другой плавки у якутов говорилось, что руды и угля засыпано одинаково по 24,5 кг, крица получилась весом 8,2 кг, т.е. 33 % от общего количества руды (Стрелов, 1928: 55-57).

Если же учесть значительные потери веса крицы после проковки, о чем не сообщалось у Е.Д. Стрелова и И.Г. Гмелина, то выход железа, в зависимости от качества руды и применяемых технологий, в среднем будет варьироваться от 10 до 25 %.

Потери веса крицы при проковке, составляющие 40–50 % по описаниям В.Л. Серошевского, подтверждаются современными экспериментальными исследованиями (Crew, 1991; Терехова и др., 1997: 13).

Исторические данные по крестьянской железодельной промышленности Центральной России XVIII в. сообщают, что выход железа от количества руды составлял в среднем 20 % (Сербина, 1978: 35). Эксперименты Б.А. Колчина и О.Ю. Круг, а также зарубежных исследователей дали подобные результаты (Колчин, Круг, 1965; Experimental Iron Smelting).

В 2012 г. автором статьи была проведена серия экспериментальных плавок железной руды в горне с такими же параметрами, что и у кузнечных татар. В ходе экспериментов установлено, что максимальное количество руды, которую можно переплавить в горне такого типа, составляет около 5 кг. Выход железа в среднем составляет 10–20 % (Зайцева, Водясов, 2013).

Таким образом, «малый» горн, характерный для археологических культур V–XVII вв. Верхнего Приобья, за одну плавку мог дать около 1 кг железа.

В.Л. Серошевский сообщал, что необходимые железные изделия для якутской семьи XIX в. из 5 человек включают: топор (тесла), 2 ножа, 1 огниво, иглы, шилья, пряжки и т.д. – общим весом 2,5 кг. Если ко всему этому добавить слесарные и кузнечные инструменты, оружие и уздечный набор, то следует, что в среднем одна семья нуждается в 4 кг железа в год (Серошевский, 1993: 375-377). Для сравнения укажем, что для русских крестьян XIII–XIV вв. эта цифра доходила до 20 кг при годовой амортизации железа 1 кг (Наумов, 2008: 113-114). В полной описи имущества, сделанной в 1843 г. у одной татарской семьи в г. Томске, из железных предметов числились лишь щипцы, упряжь и два ящика, обитых жестью (Емельянов, 1978: 82).

Таким образом, всего несколько плавок в «малом» горне способно было обеспечить семью на год всеми необходимыми железными изделиями. Данное обстоятельство помогает понять повсеместное развитие в Верхнем Приобье «домашнего» производства железа – временного превращения жилища в производственное помещение. Такая организация плавки железа в рассматриваемом регионе характерна для всего Средневековья. Традиции домашнего производства железа для собственных нужд сохранились у тюркских металлургов Сибири вплоть до начала XX вв. (Евреинов; Сунчугашев, 1979: 157).

3. Заключение

Зарисовка И.В. Люрсениусом одного из важнейших занятий кузнечных татар и синхронно выполненное И.Г. Гmeliным подробное описание производства железа составляют единый важнейший источник по реконструкции железоделательного производства. Отражение культуры татар сразу в двух жанрах (тексте и графике) для начала XVIII в. – явление уникальное. Анализ археологических материалов позволяет утверждать, что зафиксированные в 1734 г. традиции сооружать «малые» горны в жилище и украшать их существовали на территории Верхнего Приобья с начала эпохи раннего Средневековья вплоть до этнографической современности.

4. Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания, проект № 2059: «Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект)».

Литература

Барсуков, 2012 – Барсуков Е.В. Отчет о научно-исследовательской работе Шайтанской археологической экспедиции Томского государственного университета на территории Кожевниковского района Томской области в 2007 г.: исследования городища Шайтан III. Томск, 2012. 201 с.

Беликова, 2010 – Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI-XVII в. таежного Причудья в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана); отв. ред. Д.Г. Савинов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 432 с.

Беликова, Плетнева, 1983 – Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 245 с.

Водясов, 2012a – Водясов Е.В. Средневековые сыродутные горны Шайтанского археологического микрорайона // Вестник Томского государственного университета, 2012. № 359. С. 79–83.

Водясов, 2012b – Водясов Е.В. Черная металлургия в Обь-Томском междуречье в эпоху средневековья: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 234 с.

Гаман, 1992 – Гаман А.Д. Производственный объект с железоплавильным горном на поселении Устье Малой Киргизки-I // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 115-119.

Георги, 1776 – Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени. СПб.: Типография К.В. Миллера, 1776. 188 с.

Георги, 1777 – Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 3: Самоядские, маньчжурские и восточные сибирские народы. СПб.: Типография Вейтбрехта и Шнора, 1777. 130 с.

Гмелин, 2003 – Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734») // Кузнечная старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнечная крепость», 2003. С. 86-108.

- Евреинов – Евреинов К.А. Атлас таблиц по истории металлургии нашего края. Рисунки, чертежи, фотографии // Новокузнецкий краеведческий музей. Общий фонд. КП 1897.
- Емельянов, 1978 – Емельянов Н.Ф. Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 73-87.
- Зайцева, Водясов, 2013 – Зайцева О.В., Водясов Е.В. Экспериментальное моделирование средневековых технологий получения железа (по материалам Обь-Томского междуречья) // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы международной полевой конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век». Ульяновск: Областная типография «Печатный двор», 2013. С. 231-236.
- Зиняков, 1988 – Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 276 с.
- Зиняков, 1997 – Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири: Учебное пособие для вузов по специальности «Археология». Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 368 с.
- Зыков, 2008 – Зыков А.П. Кузнечные изделия Северо-Западной Сибири во II-XVII веках. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 223 с.
- Кимеев, 2013 – Кимеев В.М. Традиционные ремесла шорцев // Вестник КемГУ. 2013. № 4 (56). Т. 1. С. 27-32.
- Колчин, Круг, 1965 – Колчин Б.А., Круг О.Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производство железа // Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965. С. 196-215.
- Наумов, 2008 – Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII - третьей четверти XIV вв. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. 255 с.
- Огурцов, 2003 – Огурцов А.Ю. Материалы военно-инженерной разведки 1745–1746 гг. на Алтае и в Саянах как источник по экономике коренных народов Южной Сибири // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. С. 159-165.
- Плетнева, 1997 – Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
- Плетнева, 1990 – Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 134 с.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Сербина, 1978 – Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность России XVI – первой половины XIX в. Л.: Наука, 1978. 192 с.
- Серошевский, 1993 – Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. Изд. второе. М., 1993. 736 с.
- Стрелов, 1928 – Стрелов Е.Д. К вопросу об эксплуатации залежей железных руд по р. Ботоме и Лютенге (по архивным данным) // Хозяйство Якутии. № 1. Якутия: Издание Госплана, 1928. С. 48-63.
- Сунчугашев, 1979 – Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии (эпоха железа). Новосибирск: «Наука», 1979. 191 с.
- Experimental Iron Smelting – *Experimental Iron Smelting*. (Электронный ресурс). URL: <http://www.warehamforge.ca/ironsmelting/> (дата обращения: 03.03.2016).
- Gmelin, 1751 – Gmelin I.G. Reise durch Sibiren, von dem Jahr 1733 bis 1743. Gottingen, 1751. Theil 1.
- Vodyasov, Zaitceva, 2015 – Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. The appearance and development of iron production on the border between the «steppe» and «taiga» cultural worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region) // Bylye Gody. 2015. Vol. 37. Is. 3. P. 472-478.

References

- Barsukov, 2012 – Barsukov E.V. Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote Shaitanskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta na territorii Kozhevnikovskogo raiona Tomskoi oblasti v 2007 g.: issledovaniya gorodishcha Shaitan III [The report on research work of Shaitansky archeological expedition of the Tomsk State University on the territory Kozhevnikovsky district of Tomsk region in 2007.: Research Shaitan settlement III], Tomsk, 2012, 201 s [in Russian].
- Belikova, 2010 – Belikova O.B. Zyryanskii mogil'nik kontsa XVI-XVII v. taezhnogo Prichulym'ya v svete arkhologii i arkhobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniya odnogo kurgana) [Zyriansky burial site of the end XVI-XVII century in taiga Chulym River Region in the light of archeology and archeobotany: (experience of complex study of the mound)], Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 2010, 432 s. [in Russian].
- Belikova, Pletneva, 1983 – Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V-VIII vv. n.e. [Archaeological sites of V-VIII centuries in Tomsk Ob Region], Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 1983, 245 s [in Russian].
- Emel'yanov, 1978 – Emel'yanov N.F. Tatars Tomskogo kraia v feodal'nyu epokhu [The Tatars of Tomsk region in the feudal period], Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoi Sibiri, Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 1978, pp. 73-87 [in Russian].

Evreinov – *Evreinov K.A.* Atlas tablits po istorii metallurgii nashego kraia. Risunki, chertezhi, fotografii [Atlas tables of the history of metallurgy of our region. Pictures, drawings, photos], Novokuznetskii kraevedcheskii muzei, Obshchii fond, KP 1897 [in Russian].

Experimental Iron Smelting – *Experimental Iron Smelting*. (Электронный ресурс). URL: <http://www.warehamforge.ca/ironsmelting/> (дата обращения: 03.03.2016).

Gaman, 1992 – *Gaman A.D.* Proizvodstvennyi ob"ekt s zhelezoplavil'nyim gornom na poselenii Ust'e Maloi Kirgizki-I [Archaeological object within blast furnace on the settlement Ust'e Maloi Kirgizki-I], *Novoe v arkhologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*, Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 1992, pp. 115-119 [in Russian].

Georgi, 1776 – *Georgi I.G.* Opisanie vseh v Rossiiskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zHITEISKIKH obryadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostei. Ch. 2: O narodakh tatarskogo plemeni [Description of the all living people in Russian State, their everyday rituals, beliefs, usages, shelter, clothing and other memorability. Part 2: About peoples Tatar tribe], SPb.: Tipografiya K.V. Millera, 1776, 188 s [in Russian].

Georgi, 1777 – *Georgi I.G.* Opisanie vseh v Rossiiskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zHITEISKIKH obryadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostei. Ch. 3: Samoyadskie, mandzhurskie i vostochnye sibirskie narody [Description of the all living people in Russian State, their everyday rituals, beliefs, usages, shelter, clothing and other memorability. Part 3: About Samoyed, Manchurian and eastern Siberian peoples], SPb.: Tipografiya Veitbrekhta i Shnora, 1777, 130 s [in Russian].

Gmelin, 1751 – *Gmelin I.G.* Reise durch Sibiren, von dem Jahr 1733 bis 1743. Gottingen, 1751. Theil 1.

Gmelin, 2003 – *Gmelin I.G.* Poezdka po Rudnomu Altayu v avguste-sentyabre 1734 g. (iz knigi «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734») [A trip to the Rudny Altai in August-September 1734 (from the book «Journey through Siberia from the years 1733-1734»)], *Kuznetskaya starina*, Novokuznetsk: Publishing house «Kuznetsk fortress», 2003, pp. 86-108 [in Russian].

Kimeev, 2013 – *Kimeev V.M.* Traditsionnye remesla shortsev [Shors' Traditional Crafts], *Bulletin of KemGU*, 2013, Nr 4 (56), T. 1, pp. 27-32 [in Russian].

Kolchin, Krug, 1965 – *Kolchin B.A., Krug O.Yu.* Fizicheskoe modelirovanie syrodutnogo protsessa proizvodstva zheleza [Physical modeling of iron production process], *Arkheologiya i estestvennye nauki*, Moscow: Nauka, 1965, pp. 196-215 [in Russian].

Naumov, 2008 – *Naumov A.N.* Chernaya metallurgiya i zhelezoobrabotka na sel'skikh pamyatnikakh Kulikova polya v kontse XII - tret'ei chetverti XIV vv. [Iron production and iron processing in settlements of Kulikova field at the end of XII - the third quarter of the XIV century], *Tula: Gos. muzei-zapovednik «Kulikovo pole»*, 2008, 255 s. [in Russian].

Ogurtsov, 2003 – *Ogurtsov A.Yu.* Materialy voenno-inzhenernoi razvedki 1745-1746 gg. na Altae i v Sayanakh kak istochnik po ekonomike korennykh narodov Yuzhnoi Sibiri [Materials on military engineer reconnaissance of 1745-1746 years in Altai and Sayan mountains as a source for research the economy of indigenous peoples of South Siberia], *Kuznetskaya starina*, Novokuznetsk: Publishing house «Kuznetsk fortress», 2003, pp. 159-165 [in Russian].

Pletneva, 1990 – *Pletneva L.M.* Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam) [Tomsk Ob Region in the late Middle Ages (according to archaeological sources)], Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 1990, 134 s. [in Russian].

Pletneva, 1997 – *Pletneva L.M.* Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam) [Tomsk Ob Region at the beginning of II millennium AD by archaeological data], Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 1997, 350 s. [in Russian].

RGADA – RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov) Izobrazhenie sposoba vyplavki zheleza iz rudy u kuznetskikh tatar. [1734 g. 19 sentyabrya] [Russian State Archive of Ancient Acts. Image method of smelting iron from ore by Kuznetsk Tatars], F. 199. Op. 2. P. 430. D. 14. L. 1-5 ob.

Serbina, 1978 – *Serbina K.N.* Krest'yanskaya zhelezodelatel'naya promyshlennost' Rossii XVI – pervoi poloviny XIX v. [Russian Peasant iron industry of XVI – first half of XIX century.], L.: Nauka, 1978, 192 s [in Russian].

Seroshevskii, 1993 – *Seroshevskii V.L.* Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya. Izd. Vtoroe [Yakuts. Experience of ethnographic research. Ed. second], M., 1993, 736 s. [in Russian].

Strelov, 1928 – *Strelov E.D.* K voprosu ob ekspluatatsii zalezhei zheleznykh rud po r. Botome i Lyutenge (po arkhivnym dannym) [To a question about the exploitation of iron ore deposits along the rivers Botome and Lyutenge (on archived data)], *Khozyaistvo Yakutii*, Nr 1, Yakutiya: Izdanie Gosplana, 1928, pp. 48-63. [in Russian].

Sunchugashev, 1979 – *Sunchugashev Ya.I.* Drevnyaya metallurgiya Khakasii (epokha zheleza) [Ancient metallurgy of Khakassia (Iron Age)], Novosibirsk: «Nauka», 1979, 191 s. [in Russian].

Vodyasov, 2012a – *Vodyasov E.V.* Srednevekovye syrodutnye gorny Shaitanskogo arkheologicheskogo mikroraiona [Medieval blast furnaces of Shaitan archaeological complex], *Bulletin of Tomsk University*, 2012a, Nr 359, pp. 79–83 [in Russian].

Vodyasov, 2012b – *Vodyasov E.V.* Chernaya metallurgiya v Ob'-Tomskom mezhdurech'e v epokhu srednevekov'ya srednevekov'ya [Medieval Iron production in Tomsk Ob Region], dis. ... Cand. Hist. Sciences, Kemerovo, 2012, 234 s. [in Russian].

Vodyasov, Zaitceva, 2015 – *Vodyasov E.V., Zaitceva O.V.* The appearance and development of iron production on the border between the «steppe» and «taiga» cultural worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region) // *Bylye Gody*, 2015, Vol. 37, Is. 3, pp. 472-478 [in Russian].

Zaitseva, Vodyasov, 2013 – *Zaitseva O.V., Vodyasov E.V.* Eksperimental'noe modelirovanie srednevekovykh tekhnologii polucheniya zheleza (po materialam Ob'-Tomskogo mezhdurech'ya) [Experimental modeling of medieval technologies for the production of iron (based on the Ob-Tomsk Region data)], *Eksperimental'naya arkheologiya. Vzglyad v XXI vek. Materialy mezhdunarodnoi polevoi konferentsii «Eksperimental'naya arkheologiya. Vzglyad v XXI vek»*, Ulyanovsk: Regional «Printing House», 2013, pp. 231-236 [in Russian].

Zinyakov, 1988 – *Zinyakov N.M.* Istoriya chernoi metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaya [History of ferrous metallurgy and blacksmith of ancient Altai], Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 1988, 276 s. [in Russian].

Zinyakov, 1997 – *Zinyakov N.M.* Chernaya metallurgiya i kuznechnoe remeslo Zapadnoi Sibiri: Uchebnoe posobie dlya vuzov po spetsial'nosti «Arkheologiya» [Ferrous metallurgy and blacksmithing in Western Siberia: A manual for schools in «Archaeology»], Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 368 s. [in Russian].

Zykov, 2008 – *Zykov A.P.* Kuznechnye izdeliya Severo-Zapadnoi Sibiri vo II-XVII vekakh [Forged products in Northwest Siberia in II-XVII centuries], Dis. ... Cand. Hist. sciences, Moscow, 2008, 223 s. [in Russian].

УДК 904

Сыродутный способ получения железа у кузнецких татар (по материалам Великой Северной экспедиции)

Евгений Вячеславович Водясов^{a,*}

^a Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Впервые публикуется уникальный источник по изучению железодельного производства у коренных народов Западной Сибири из Российского государственного архива древних актов – копия иллюстрации, сделанной Иоганном Вильгельмом Люрсениусом 19 сентября 1734 г. в ходе Второй Камчатской экспедиции. В этот день художник вместе с немецким ученым Иоганном Георгом Гмелиным наблюдали в татарской юрте в Горной Шории плавку железа и подробно, каждый по-своему, зафиксировали весь процесс. Синхронное описание и зарисовка традиционных ремесел представляют собой редчайший и, возможной, первый случай в сибирской этнографии начала XVIII в.

В статье приводятся выдержки из труда И.Г. Гмелина 1751 г., посвященные плавки железной руды кузнецкими татарами, и анализируется иллюстрация художника И.В. Люрсениуса. Специфика черной металлургии у кузнецких татар XVIII в. состояла в использовании «малых» горнов (высотой не выше 0,3 м), а также в размещении железоплавильных горнов непосредственно в жилой юрте на месте очага. Помимо этого, татары украшали верхнюю часть горна резными узорами.

В ходе анализа археологических и этнографических источников устанавливается, что традиции сооружать аналогичные горны и плавить железную руду в жилищах прослеживаются на территории Верхнего Приобья с начала V в. н.э. вплоть до этнографической современности.

На основе материалов по этнографии и археологических экспериментов выяснено, что в одном небольшом горне можно было получить около 1 кг железа. Исторические источники сообщают, что всего несколько килограммов железа хватало одной татарской семье на год для нормального ведения хозяйства. Данное обстоятельство помогает понять широкое распространение «домашнего» производства железа – временного превращения жилища металлурга в производственное помещение для обеспечения своей семьи всеми необходимыми предметами.

Ключевые слова: Кузнецкие татары, Западная Сибирь, производство железа, Великая Северная экспедиция (1733–1734), Иоганн Георг Гмелин, Иоганн Вильгельм Люрсениус.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vodiasov_ev@mail.ru (Е.В. Водясов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 345-355, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Natural Environment of Valdai on the Materials of General Land Survey

Liliya G. Stepanova ^{a, *}

^a Academy of marketing and Social-Information Technologies, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the data on the composition of forests, species of animals and birds in the Valdai district of Novgorod province, available in the notes to the General Economic surveying conducted by Catherine II. The study database containing information about the natural environment of the Valdai district in the second half of the XVIII century was created, the state of forests, composition of species and the number of mammals and birds was assessed as well. The author concludes that the surveyors inscribed the notes about specific trees, animals and birds on the basis of their relevance to population and greater prevalence of a particular area in the economic records. Over the past centuries on the territory of the Valdai there was a steady tendency of spreading spruce-deciduous and pine forests with a large number of birches, replacing the primary spruce forests as a result of the economic development of the territory. As referred to Economic notes specific composition of trees, mammals and birds has in general survived to our time. At the same time, a sharp reduction in the number of hunting birds on the territory of the Valdai as well as the spreading of animals previously unknown in this territory, including specially imported for breeding or expanding an area of their habitat is observed.

Keywords: natural environment, Valdai, anthropogenic factor, the General land surveying, cadastres, forests, mammals, birds.

1. Введение

Многие современные представления о природной среде предыдущих столетий нередко базируются на соответствующих нашему дню сведениях об имеющихся в регионе видах животных, птиц и растений. В историографии достаточно долго господствовало четкое убеждение, что в течение веков сокращалось количество видов животных и растений на территориях старого освоения, а также ареалы их распространения. Однако современные исследования, наоборот, свидетельствуют о расширении за последние столетия на этих территориях видового состава млекопитающих.

Наиболее ранние материалы, позволяющие оценить антропогенное воздействие человека на окружающую среду, опираясь на массовые источники, представлены материалами русских кадастров, в том числе Генерального межевания, проведенного Екатериной II во второй половине XVIII в. Сравнительный анализ сведений об окружающей среде, содержащихся в материалах Генерального межевания, с составлением баз данных о растительном и животном мире позволяют проследить преемственность в использовании определенных природных ресурсов на конкретной территории в течении нескольких веков, предоставляют возможность восстановить картину земельного освоения конкретного региона и оценить в ретроспективе воздействие человека на окружающую среду как на макро-, так и микроуровнях. Это позволяет увидеть не только изменения в природной среде, происходящие в течение веков под воздействием человека, но и вскрыть причины современных экологических проблем, что является актуальным с точки зрения расширения наших знаний о поэтапном преобразовании природной среды человеком на протяжении целого ряда столетий.

* Corresponding author

E-mail addresses: liliya_stepanova@list.ru (L.G. Stepanova)

В фокусе нашего исследования оказался Валдай – один из уникальных уголков России. Первое упоминание о поселении Валдай в Новгородской земле зафиксировано в первых русских земельных кадастрах – новгородских писцовых книгах конца XV в. (НПК I: 324). Валдайское селище в то время состояло всего из двух дворов и территориально относилось к Короцкому погосту Деревской пятины. Ко времени Генерального межевания земель, проведенного в Новгородской губернии в 1778–1796 гг., окрестная территория Валдая была уже хорошо освоена. Согласно краткому табелю, составленному на основании Экономических примечаний, на момент межевания лесом в уезде занято 58 % территории, пашня занимала 25 % от всех угодий, сенокосы – 2 %. К разряду неудобной относилось 14,5 % земли, под поселениями располагалось 0,5 % от всех земельных угодий (РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д. 863).

Природную среду Валдая, путешественники и ученые описывали весьма противоречиво. Во время путешествия П. Палласа между Бронницами и Зайцевым находился еловый и березовый лес, а далее на его пути встречался почти весь сосновый (Паллас, 1773: 90). По сведениям академика С.Г. Гмелина, в XVIII в. на Валдайской возвышенности в большом количестве рос бук и дуб, а сосняк и ельник попадался редко (Гмелин, 1806: 11). В то же время в 1876 г. известный ботаник Х.Я. Гоби подчеркивал, что самая высокая часть Валдайской возвышенности между Едрово и Яжелбицами, как и во времена путешествия в 1767 г. И.А. Гюльденштедта, была почти безлесной (Гоби, 1876: 36).

В наше время топоним Валдай ассоциируется с уникальным озерно-лесным комплексом Валдайской возвышенности, на территории которого создан национальный парк «Валдайский». Лесные сообщества занимают 83,9 % территории парка (Николаев, 2015: 12). На сегодняшний день парк относится к числу наиболее крупных особо охраняемых природных территорий.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование базируется на локальном подходе к пониманию роли природы в истории человечества. В ходе исследования впервые была создана база данных, содержащая сведения о природной среде Валдайского уезда Новгородской губернии во второй половине XVIII в., с описанием состава лесов и животного мира. В качестве источников для создания базы данных выступили Экономические примечания к Генеральному межеванию по Валдайскому уезду Новгородской губернии.

В Межевом отделе РГАДА Экономические примечания по Валдайскому уезду Новгородской губернии сохранились в двух вариантах. Первый вариант, содержащий экономические примечания на 1571 дачу и относящийся к Кратким экономическим примечаниям, предоставляет достаточно сжатые сведения о природной среде уезда (РГАДА, Ф. 1355. Оп. 1. Д. 861). Мы можем почерпнуть из него лишь краткую характеристику имеющегося леса, в частности, относится он к дровяному или строевому. Расширенные сведения о природной среде имеются в Экономических примечаниях по Валдайскому уезду, содержащих описания 1099 дач, которые можно отнести к Полным экономическим примечаниям (РГАДА, Ф. 1355. Оп. 1. Д. 862).

2.2. При работе с материалами Полных экономических примечаний использовался метод сплошной выборки. Благодаря этому в базу данных включались сведения о природной среде, в данном случае о составе животного и растительного мира, по мере их встречаемости в Экономических примечаниях. Таким образом, в выборку отбирались дачи, как содержащие в описании перечень деревьев и кустарников, зверей и птиц, так и дачи, в описании которых землемеры виду схожести данных делали отсылку к составу леса, животного и растительного мира соседней дачи. Созданная база данных позволила составить перечень упоминаемых в Экономических примечаниях деревьев и кустарников, зверей и птиц, оценить их число, сравнить полученные данные с современными сведениями о составе животного и растительного мира на Валдае.

3. Обсуждение

Практическая направленность экологической истории, изучающей взаимодействие человека и окружающей среды на протяжении определенных отрезков времени, позволяет на сегодняшний день отнести ее к одному из самых перспективных направлений исторической науки. Интерес к экологической истории за рубежом возник в 1960-х гг. вместе с ростом экологических проблем. С тех пор в зарубежной историографии накоплена обширная литература по экологической истории, причем особое внимание в ней уделено вопросам, так или иначе связанным с аграрным производством: природно-климатическим условиям, религиозным аспектам природопользования, рыболовству.

Большое количество исследований зарубежных ученых посвящено изучению вопросов лесопользования. Исследователи пытались выявить региональные особенности в использовании лесов, социальные и климатические последствия их истребления, установить связь между сокращением площадей и технологическими процессами. Однако единого мнения о роли лесных ресурсов в истории отдельных стран до сих пор не выработано. Так, североевропейские исследователи в промышленном взлете Англии не признают преувеличенную роль отсутствия древесных ресурсов (Whited, 2005). Дж. Радкау писал о преувеличении масштабов массовых вырубок лесов в Германии

(Radkau, 1996: 75). Большое внимание зарубежные ученые уделили изучению проблемы становления экологического сознания. Р. Грив связывал принятие ряда государственных программ, направленных на сохранение лесов, с осознанием обществом климатических изменений ввиду их исчезновения (Grove, 1997). Историки Северной Европы связывали политику восстановления лесов с демографическим фактором (Whited, 2005). В последние годы усилия зарубежных ученых обращены на исследование роли человека в «меняющемся природном окружении».

В России проблемы экологической истории долгое время оказывались вне поля зрения исследователей. Впоследствии более активно изучался советский период, в котором исследователи искали истоки современных экологических проблем. Лишь в коллективной работе С.В. Брагиной, И.В. Игнатович и Е.Д. Сарьян было уделено существенное внимание последствиям промышленной революции XVIII в., приведшим к хищническому уничтожению лесов (Брагина, 1999). Возникновение и трансформация экологических проблем в конкретном регионе были рассмотрены в коллективной монографии уральских ученых (Исторический опыт, 1997). В работе Н.А. Миненко были представлены отдельные результаты изучения эволюции хозяйственного природопользования, в том числе сельскохозяйственная практика крестьян, не нарушавшая природное равновесие (Миненко, 1991).

Материалы Генерального межевания для изучения экологической истории использовались лишь в отдельных случаях. В частности, на их основании изучались леса Центрального Черноземья входившие ранее в состав Белгородской засечной черты, а также фауна семи уездов Европейской России конца XVIII в. В результате исследования авторы пришли к заключению, что леса в Центральном Черноземье к концу XVIII в. значительно сократились, однако это сокращение протекало неравномерно (Хитров и др., 2013). На основании сопоставления данных материалов Генерального межевания с современными сведениями был выведен, что ареалы распространения многих крупных млекопитающих за это время не изменились, зато расширилось их видовое разнообразие (Румянцев и др., 2013).

Материалы Генерального межевания применялись и при пространственном моделировании экологических процессов в Тамбовской губернии (Канищев и др. 2011), благодаря которому авторы построили историко-картографическую модель отдельных территорий губернии и пришли к выводам, что к концу XVIII в. здесь оставалось еще много нераспаханных земель, а антропогенное воздействие на окружающую среду в разные годы было разным. В настоящее время материалы Генерального межевания успешно используются для сплошного компьютерного картографирования сельских поселений (Черненко и др., 2013). При помощи цифрового анализа этих документов получены новые данные о землепользовании в конце XVIII в. (Козлов и др., 2013). Однако в целом антропогенное воздействие на природную среду, оказанное человеком в связи с активным сельскохозяйственным освоением территории Российского государства, изучено еще недостаточно.

4. Результаты

На основании представленной методики в выборку данных о природной среде Валдайского уезда попали 556 дач, что составило 35,4 % от всех размежеванных 1571 дач уезда. Наибольший интерес для нас представили сведения о лесах Валдая. На протяжении веков особенно ценился строевой лес, к которому относился хвойный лес, достигавший от 6 до 12 вершков в отрубе (Даль, 2006: 128). Дровяным считался лес более мелкий, состоявший из различных пород деревьев, который использовался в основном на дрова, но был ценен и тем, что давал смолу, деготь, годился для изготовления столярных и плетеных изделий, лубков, рогож.

Как выяснилось, основную часть лесных массивов Валдайского уезда, находящихся на территории 463 дач (83,3 %), землемеры отнесли к дровяному лесу, на территории 70 дач (12,6 %) лес считался мелким дровяным, на 16 дачах (2,9 %) леса вообще не было. На территории 448 дач (80,6 %) землемеры дали подробную характеристику состава дровяного леса. Обычно лес характеризовался в комплексе по произрастающим в нем деревьям как «березовый, сосновый, еловый, можжевельниковый, черемуховый, рябиновый, ольховый», причем названия деревьев нередко менялись местами в зависимости от преобладания на данной территории того или иного их вида. Причем наиболее распространенными деревьями в дровяном лесу оказались береза (90,6 %), ольха (89,3 %), ель (89,3 %), сосна (72,1 %) и рябина (57, 8 %). В мелкодровяном лесу преобладают те же береза и ольха, в меньшем количестве представлены ель и сосна, и немного больше рябина. Однако на большей половине дач с мелколесьем не дана подробная характеристика состава леса, возможно, потому что поросль еще была небольшой.

Таблица 1. Видовой состав леса в Валдайском уезде Новгородской губернии во второй половине XVIII в.

№	Деревья	Весь лес		Дровяной		Мелкодровяной		Строевой	
		Количество дач	%	Количество дач	%	Количество дач	%	Количество дач	%
1	береза	431	90,7	406	90,6	25	92,6	18	78,3
2	ольха	426	89,7	400	89,3	24	88,9	13	56,5
3	ель	418	88	400	89,3	18	66,7	18	78,3
4	сосна	334	70,3	323	72,1	11	40,7	11	47,8
5	рябина	270	56,8	259	57,8	11	40,7	11	47,8
6	осина	141	29,7	137	30,6	4	14,8	8	34,8
7	можжевельник	107	22,5	106	28,7	1	3,7	7	30,4
8	черемуха	76	16	75	16,7	1	3,7	4	17,4
9	липа	63	13,3	63	14,1	0	0	1	4,3
10	ива	32	6,7	30	6,7	2	7,4	3	13
11	не описаны	65	21,2	22	9,6	43	61,4	2	8,7

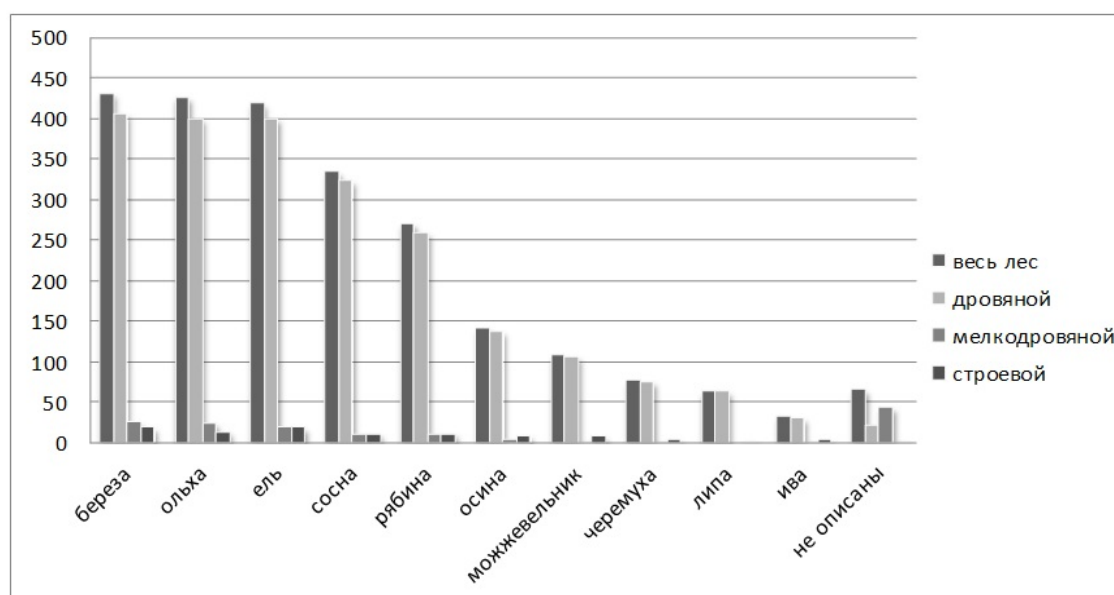

Рис. 1. Общее количество упоминаний видов деревьев в Валдайском уезде Новгородской губернии во второй половине XVIII в.

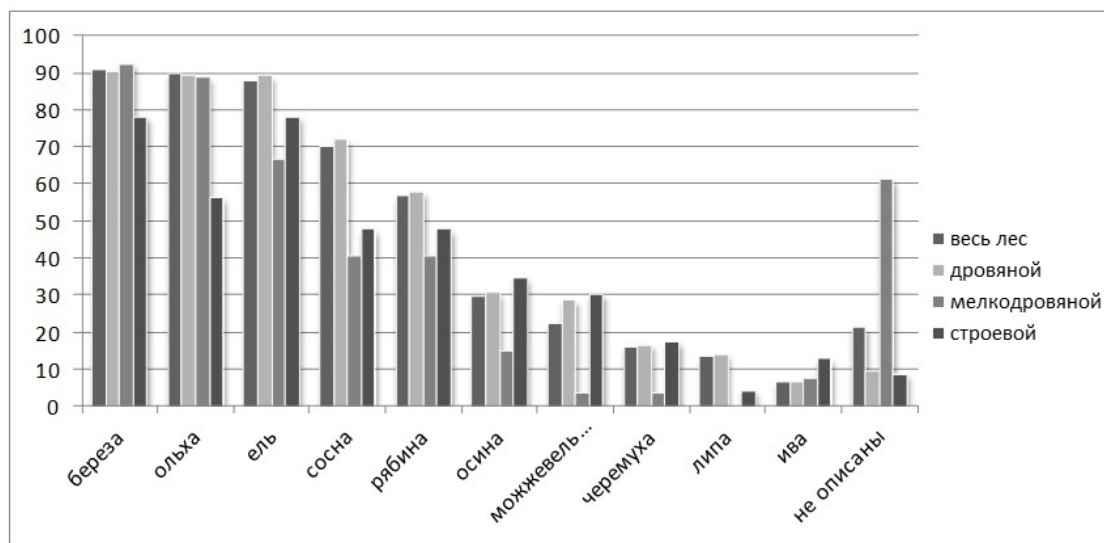

Рис. 2. Состав леса (%) в Валдайском уезде Новгородской губернии во второй половине XVIII в.

Количество строевого леса в Валдайском уезде было не значительно, но из-за высокого качества его можно считать настоящим богатством уезда. В строительных работах бревна от 6 до 8 сажень считались уже исключением и ценились очень высоко (Рошефор, 1900: 324). Высота строевого леса в Валдайском уезде варьировалась от 6–9 до 9–11 сажень, толщина – от 7 до 11 вершков в отрубе, иногда его толщина достигала в отрубе и 13–17 вершков (РГАДА, Ф. 1355. Оп. 1. Д. 862. Л.171).

Сведения о фауне Валдайского уезда оказываются наиболее разнообразными в дровяном лесу. Землемеры фиксируют в нем не только горностаев, но и редко встречаемых в других местностях оленей. Наиболее часто в дровяном лесу упоминаются зайцы (72,9 %), волки (60 %), лисицы (57,9 %) и белки (51,9 %). Медведи называются почти на каждой третьей даче (38,9 %). Гораздо реже в лесах Валдайского уезда упоминаются куницы – 55 случаев (11,7 %), норки – 20 случаев (4,3 %), горностаи – 19 случаев (4 %) и хорьки (хори) – 2 случая (0,4 %). Однако на 83 дачах с дровяным лесом землемеры ограничиваются только краткой формулировкой, что водятся здесь «звери разных пород». На территории 49 владений звери вообще не описаны.

Таблица 2. Видовой состав зверей в Валдайском уезде Новгородской губернии во второй половине XVIII в.

№	Животные	Весь лес		Дровяной		Мелкодровяной		Строевой	
		Количество дач	%	Количество	%	Количество дач	%	Количество дач	%
1	медведи	184	33,1	183	38,9	1	1,4	20	87
2	волки	284	51,1	282	60	2	2,8	20	87
3	лисицы	274	49,3	272	57,9	2	2,8	20	87
4	зайцы	366	65,8	343	72,9	24	34,3	22	96
5	белки	244	43,9	244	51,9	0	0	18	78,3
6	куницы	55	9,9	55	11,7	0	0	12	52,2
7	горностаи	19	3,4	19	4	0	0	0	0
8	норки	20	3,6	20	4,3	0	0	5	21,7
9	хорьки	2	0,4	2	0,4	0	0	1	4,3
10	олени	1	0,2	1	0,2	0	0	0	0
11	разных пород	85	15,3	83	17,6	2	2,8	1	4,3
12	не имеется	12	2,2	0	0	12	17,1	0	0
13	не описаны	52	9,4	49	10,4	3	4,3	2	8,7

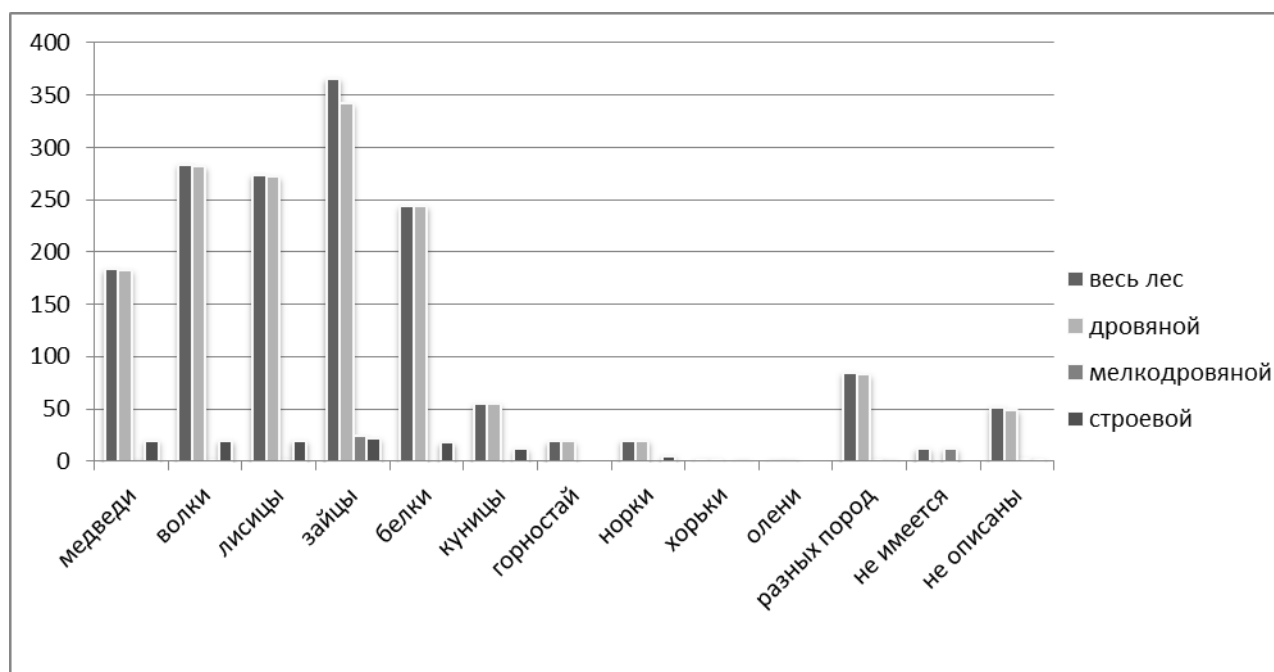

Рис. 3. Общее количество упоминаний видов зверей в лесах Валдайского уезда Новгородской губернии во второй половине XVIII в.

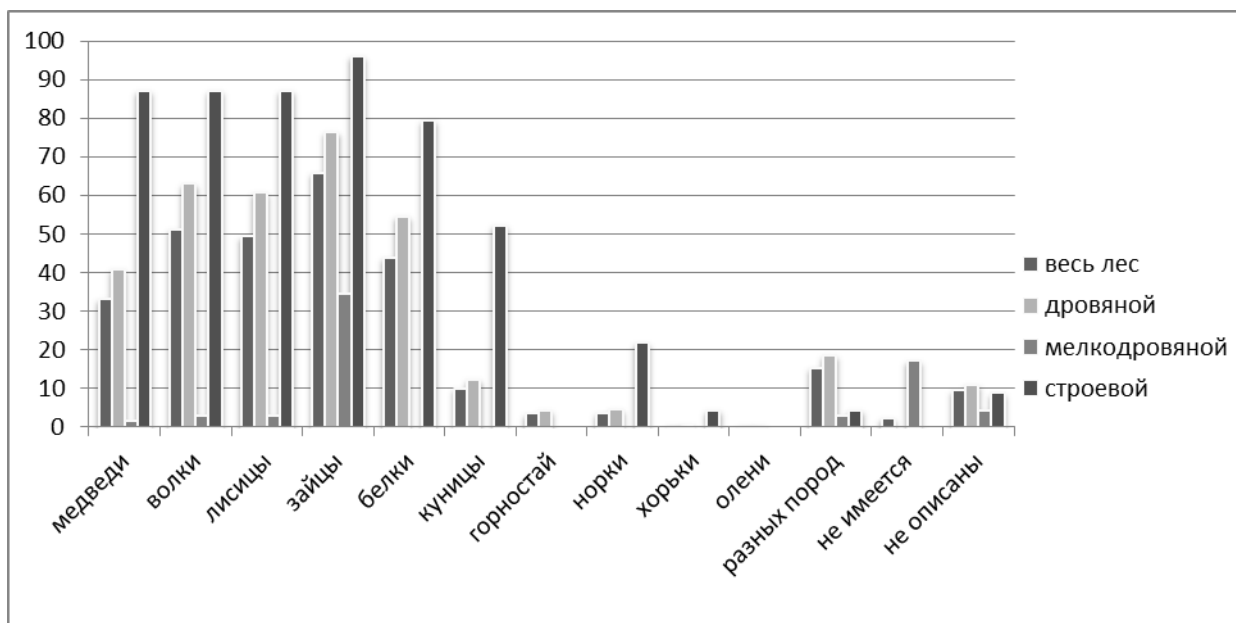

Рис. 4. Видовой состав зверей (%) в лесах Валдайского уезда Новгородской губернии во второй половине XVIII в.

В строевом лесу Валдайского уезда водились крупные звери, в основном медведи, волки, лисицы. Они упоминаются на территории 20 из 23 дач (87 %). Повсеместно были распространены зайцы (96 %), достаточно много водилось белок (78,3 %) и куниц (52,2 %), в то же время норки зафиксированы только на пяти дачах. В мелком дровяном лесу на территории большинства владений (58,6 %) зверей не имелось, на остальных фиксировались только одни зайцы (34,3 %), причем дважды отмечались забежавшие зайцы, лисицы и волки. И только один раз, видимо, по аналогии с соседней дачей, в мелколесье был замечен медведь.

При анализе видового состава птиц в Валдайском уезде учитывалось их нахождение не только в определенном лесу, но и поблизости с ним, в том числе в полях, озерах, болотах, реках и ручьях. В целом в Валдайском уезде землемеры зафиксировали 31 вид птиц.

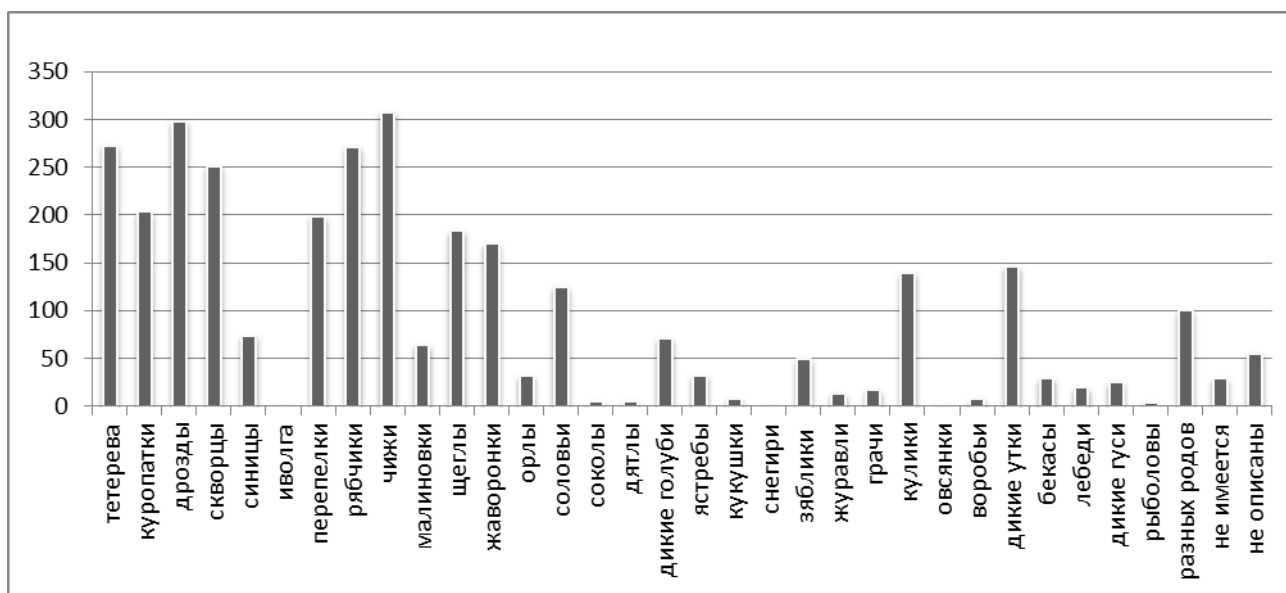

Рис. 5. Общее количество упоминаний видов птиц в Валдайском уезде Новгородской губернии во второй половине XVIII в.

Часть птиц относилась к пернатой дичи, в том числе лесной (тетерева, рябчики, куропатки) и степной (перепелки, куропатки, дикие голуби), водоплавающей (дикие утки, дикие гуси, лебеди) и болотной (кулики, бекасы). В примечаниях встречаются записи о хищных птицах: ястребах, орлах, соколах. По числу упоминаний лидируют лесные птицы: дрозды (53,6 %), чижи (55,2 %) и скворцы (45,1 %). Среди дичи наиболее распространенными были тетерева (48,9 %), рябчики (48,7 %), перепелки (35,6 %), куропатки (36,5%), дикие утки (26,3 %), кулики (25 %). Однако на 29 дачах

Валдайского уезда птиц вообще не водилось, на 55 дачах они не были описаны и на 100 дачах землемеры ограничились лишь общими записями: «водятся птицы», «водятся птицы разных родов», «водятся птицы разных мелких родов» или «птицы всякого рода довольно».

Таблица 3. Видовой состав птиц в Валдайском уезде Новгородской губернии во второй половине XVIII в.

№	Птицы	Весь лес		Дровяной		Мелкодровяной		Строевой	
		Количество дач	%	Количество	%	Количество дач	%	Количество дач	%
1	тетерева	272	48,9	269	57,2	3	4,3	16	69,6
2	куропатки	203	36,5	201	42,8	2	2,9	13	56,5
3	дрозды	298	53,6	274	58,3	24	34,3	14	60,9
4	скворцы	251	45,1	238	50,6	13	18,6	16	69,6
5	синицы	74	13,3	70	14,9	4	5,7	6	26,1
6	иволга	1	0,2	1	0,2	0	0	0	0
7	перепелки	198	35,6	181	38,5	17	24,3	16	69,6
8	рябчики	271	48,7	268	57	3	4,3	16	69,6
9	чижи	307	55,2	275	58,5	32	45,7	0	0
10	малиновки	64	11,5	61	13	3	4,3	1	4,3
11	щеглы	183	32,9	172	36,6	11	15,7	8	34,8
12	жаворонки	170	30,6	162	34,5	8	11,4	16	69,6
13	орлы	32	5,8	32	6,8	0	0	7	30,4
14	соловьи	125	22,5	125	26,6	0	0	9	39,1
15	соколы	5	0,9	5	1,1	0	0	0	0
16	дятлы	5	0,9	5	1,1	0	0	0	0
17	дикие голуби	71	25,5	71	15,1	0	0	2	8,7
18	ястребы	32	5,8	32	6,8	0	0	7	30,4
19	кукушки	8	1,4	8	1,7	0	0	0	0
20	снегири	1	0,2	1	0,2	0	0	0	0
21	зяблики	49	8,8	46	9,8	3	4,3	2	8,7
22	журавли	13	2,3	13	2,8	0	0	2	8,7
23	грачи	17	3,1	16	3,4	1	1,4	0	0
24	кулики	139	25	139	29,6	0	0	11	47,8
25	овсянки	2	0,4	2	0,4	0	0	0	0
26	воробьи	8	1,4	8	1,7	0	0	2	8,7
27	дикие утки	146	26,3	135	28,7	11	15,7	13	56,5
28	бекасы	29	5,2	23	4,9	6	8,6	4	17,4
29	лебеди	19	3,4	15	3,2	4	5,7	1	4,3
30	дикие гуси	25	4,5	20	4,3	5	7,1	1	4,3
31	рыболовы	4	0,7	3	0,6	1	1,4	1	4,3
32	разных родов	100	18	93	19,8	7	10	2	8,7
33	не имеется	29	5,2	7	1,5	22	31,4	0	0
34	не описаны	55	9,9	53	11,3	2	2,9	3	13

В мелком невысоком лесу птицы обитали не всегда. Они отмечены только на территории 46 дач. На 18 дачах (25,7 %) зафиксированы только лесные певчие птицы, в том числе чижи, щеглы, малиновки, дрозды, скворцы, зяблики и синицы. В редких случаях называются охотничьи птицы: перепела, рябчики, куропатки, тетерева. Особого изобилия птиц не отмечалось и в полях рядом с мелколесьем. Видовой состав птиц в дровяном лесу оказывается более разнообразным. Только на двух дачах вообще не имеется птиц, на остальных отмечаются распространенные на территории уезда певчие птицы, такие как чижи, дрозды, скворцы, щеглы, малиновки, зяблики, а также охотничьи птицы, в том числе тетерева, рябчики, куропатки. Причем на территориях дач, где водятся крупные звери, землемеры фиксируют также журавлей, орлов, соколов, ястребов, дятлов, диких голубей, соловьев и кукушек.

На дачах, где имелся строевой лес, землемеры отмечали в первую очередь охотничью дичь – тетеревов, перепелок, рябчиков (69,6 %), куропаток, диких уток (56,5 %), куликов (47,8 %). Зафиксированы здесь в большом количестве и лесные певчие птицы – жаворонки, скворцы (69,6 %), дрозды (60,9 %), соловьи (39,1 %), щеглы (34,8 %), а также ястребы и орлы (30,4 %).

5. Заключение

Полученные данные позволяют заключить, что количество упоминаемых в Экономических примечаниях растений, животных и птиц по сравнению с современными сведениями о видовом составе растений, животных и птиц оказывается гораздо меньшим. В Экономических примечаниях к Генеральному межеванию по Валдайскому уезду Новгородской губернии, названы 10 видов деревьев и кустарников, 10 видов животных и 31 вид птиц. В настоящее время на территории национального парка «Валдайский» зарегистрированы 51 вид млекопитающих и 229 видов птиц, а также 57 видов древесных растений (Кадастровая информация, 2013).

Анализ материала позволил выявить ряд интересных наблюдений. На сегодняшний день в национальном парке преобладают насаждения с березой (36 %), елью (28 %), сосной (17 %) и ольхой (16 %) (Моисеев, Авдеев, 2010). Как выяснилось, во второй половине XVIII в. в Валдайском уезде наиболее встречаемыми деревьями были также береза, ольха, ель и сосна, что свидетельствует о сохранившейся на протяжении веков тенденции распространения в этом регионе елово-широколиственных и сосновых лесов при преобладании березняков. В то же время в Экономических примечаниях не отмечены имеющиеся на Валдае дубравы с лещиной и ясенем, которые на сегодняшний день занимают всего 0,1 % всей площади лесов (ООПТ России). Судя по всему эти леса не нашли отражение в материалах землемеров, поскольку и в XVIII в. их количество было небольшим.

Среди названных в Экономических примечаниях млекопитающих в настоящее время на Валдае обычно встречаются заяц-беляк и заяц-русак, белка, волк, лисица, бурый медведь, лесная куница, горностай, лесной хорь (Предварительный список, 2010: 421-422). Обитавшая здесь ранее европейская норка рекомендована к занесению в Красную книгу Новгородской области. В то же время в здешних местах распространены млекопитающие, которые не отмечены в Экономических примечаниях, в частности, ласка, барсук, выдра, кабан. Часть млекопитающих завезена на Валдай уже в XX в., в том числе ондатра, енотовидная собака, бобр, лось, американская норка. Кабан стал расселяться с юга на данной территории с конца 1940-х гг. (Тишков, 2015: 287).

Видовой состав птиц на сегодняшний день отличается от наименований, приводящихся в Экономических примечаниях. В частности, на территории национального парка «Валдайский» зафиксированы шесть видов дятлов, два вида гусей, два вида лебедей, два вида жаворонков, три вида овсянок. В Экономических примечаниях они описываются просто как дятлы, дикие гуси, лебеди, жаворонки и овсянки. Упоминаемые в примечаниях малиновки сейчас идентифицируются как обычно распространенные на этой территории болотные камышевки и зеленые пересмешки, а также редко встречаемые садовые и тростниковые камышевки. Среди птиц, описанных в Экономических примечаниях, к редким в настоящее время относятся перепел, серый журавль, черный дрозд и овсянка, к очень редко встречаемым – серый гусь, серая утка, серая куропатка, кулик-воробей, серый журавль. Рекомендованы к занесению в Красную книгу Новгородской области лебедь-кликун, обыкновенная горлица, лесной жаворонок, зеленый и седой дятел. В Красную книгу России занесены белая куропатка, орлан-белохвост, малый лебедь (Предварительный список, 2010: 416-421). В настоящее время не имеется никаких данных о рыбаках. Орнитологами также не называются сейчас на Валдае такие хищные птицы как соколы и ястребы, о которых имеются упоминания в документах XVIII в.

Таким образом, мы можем заключить, что землемеры включали в Экономические примечания к Генеральному межеванию записи о конкретных деревьях и кустарниках, животных и птицах исходя из их значимости для населения и большей распространенности на конкретной территории. За основу при описании дач брались традиционные клише, которые видоизменялись тогда, когда становилось более очевидным распространение определенных деревьев, животных и птиц на конкретной территории.

Видовой состав деревьев, животных и за редким исключением птиц, описанный в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию, в целом на Валдае сохранился до нашего времени. Однако современные представления о могучих лесах Валдая, существовавших в прошлом, не совпадают с данными Экономических примечаний. В основном в Валдайском уезде в конце XVIII в. наиболее распространенным был дровяной лес, количество строевого леса оказывается незначительным. Более того, на протяжении последних столетий на территории Валдая в результате хозяйственного освоения территории человеком прослеживается устойчивая тенденция распространения елово-широколиственных и сосновых лесов при наличии большого количества березняков, пришедшим на смену коренным еловым лесам.

На сегодняшний день из упоминаемых в Экономических примечаниях млекопитающих, на Валдае не встречаются олени, из птиц – соколы, ястребы и рыбаки. В то же время здесь обитают млекопитающие, не зафиксированные в Экономических примечаниях, в том числе завезенные специально для разведения или появившиеся в результате расширения своего ареала обитания. С течением веков значительные изменения произошли в количественном составе птиц Валдая, в первую очередь относящихся к охотничьим видам. На сегодняшний день редко встречаемыми по вине человека оказались куропатки, перепела, журавли, кулики, дикие утки, записи о которых были наиболее частыми в XVIII в.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект «Экологические аспекты крестьянского землепользования и освоения окружающей среды по материалам русских земельных кадастров эпохи Средневековья и Нового времени», № 16-01-00283а.

Литература

Брагина, 1999 – Брагина С.В., Игнатович И.В., Сарьян Е.Д. Взаимоотношения природы и общества: краткий исторический очерк / Под ред. Н.Г. Рыбальского, Е.Д. Самотесова. М.: НИИ-Природа, 1999. 68 с.

Гмелин, 1806 – Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах. Пер. с нем. 2-е изд. СПб.: Императорская Академия наук, 1806. 272 с.

Гоби, 1876 – Гоби Х.Я. О влиянии Валдайской возвышенности на географическое распространение растений, в связи с очерком флоры западной части Новгородской губернии СПб.: Демаков, 1876. 168 с.

Даль, 2006 – Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2006. 348 с.

Исторический опыт, 1997 – Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале / Отв. ред. Д.В. Гаврилов. Екатеринбург, 1997. 144 с.

Кадастровая информация, 2013 – Кадастровая информация о ФГБОУ «Национальный парк «Валдайский» (за период 2009–2012 гг.), 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.valdaypark.ru/cadastr> (дата обращения: 12.02.2016).

Канищев, 2011 – Канищев В.Н., Р.Б. Кончаков, С.К. Костовска. Пространственное моделирование экологических процессов в истории // *Fractal Simulation*, 2011. №1. С. 3-11.

Козлов, 2013 – Козлов Д.Н., Глухов А.В., Голубинский А.А., Хитров Д.А. Роль природно-позиционных условий в дифференциации землепользования Европейской России конца XVIII в. – методика цифрового анализа материалов Генерального межевания // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. 2013, № 3. С. 26-33.

Миненко, 1991 – Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1991. 208 с.

Моисеев, 2010 – Моисеев Б.Н., Авдеев А.Н. Исследования лесов Валдая как научная основа создания национального природного парка // *Электронный журнал BioDat*, 2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://biodat.ru/doc/lib/moiseev2.htm> (дата обращения: 16.02.2016).

Николаев, 2015 – Николаев В.И. Об итогах и перспективах научно-практической деятельности в национальном парке «Валдайский» // Изучение и охрана природного и исторического наследия Валдайской возвышенности и сопредельных регионов. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию национального парка «Валдайский», г. Валдай, Новгородская область, 24-25 апреля 2015 г. Вышний Волочек: Ирида-прос, 2015. С. 9-19.

НПК – Новгородские писцовые книги. Т. I. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Первая половина. СПб., типография В. Безобразова и комп., 1859. 461 с.

ООПТ России – Особо охраняемые природные территории России (ООПТ России). Информационно-справочная система [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://oort.info/index.php?oort=650> (дата обращения: 19.02.2016).

Паллас, 1773 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1773. 117 с.

Предварительный список, 2010 – Предварительный список видов позвоночных животных национального парка «Валдайский» (по состоянию на 2010 год) / Сост. В.И. Николаев [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.valdaypark.ru/nature-animals> (дата обращения: 21.02.2016).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Рошефор, 1900 – *Рошефор Н.И.* Иллюстрированное Урочное положение: Пособие при составлении и проверке смет, проектировании и исполнении работы. СПб., 1900. 678 с.

Румянцев, 2014 – Румянцев В.Ю., Голубинский А.А., Солдатов М.С., Хитров Д.А. Земледельческое освоение и состояние фауны Европейской России по материалам Генерального межевания // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2013. М., 2014. С. 89-107.

Тишков, 2015 – Тишков А.А. Изменения фауны млекопитающих Валдайского Поозерья в последние 1000 лет // Изучение и охрана природного и исторического наследия Валдайской возвышенности и сопредельных регионов. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию национального парка «Валдайский», г. Валдай, Новгородская область, 24-25 апреля 2015 г. Вышний Волочек: Ирида-прос, 2015. С. 281-289.

Хитров, 2013 – Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А. Леса Центрального Черноземья в материалах Генерального межевания // Вестник ВГУ. История. Политология. Социология. 2013. №1. С. 165-169.

Черненко, 2013 – Черненко Д.А., Борисов М.Я., Яскунова А.А. Сопоставительный анализ и электронное картографирование данных массовых источников XVII–XIX вв. по истории

Вологодского края // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. 2013. № 3. С. 367-371.

Grove, 1997 – *Grove R.H.* Ecology, Climate and Empire: Colonial-ism and Global Environmental History, 1400–1940 / R.H. Grove. Cambridge, 1997. 237 p.

Radkau, 1996 – *Radkau J.* Wood and Forestry in German History: In Quest of an Environmental Approach / J. Radkau // Environment and History. 1996. V. 2. P. 63-76.

Whited, 2005 – *Whited T.L.* Northern Europe An Environmental History / T.L. Whited, J.I. Engels, R.C. Hoffmann, H. Ibsen, W. Verstegen. – Santa Barbara; Denver; Oxford, 2005. 275 p.

References

Bragina, 1999 – Bragina Z.V., Ignatovich I.V., Saryan E.D. Vzaimootnosheniya prirody i obshhestv: kratkij istoricheskij ocherk / Pod red. N.G. Rybal'skogo, E.D. Samotesova [The relationship of nature and society: a short historical sketch / Under the editorship of N. G. Rybalsky, E.D. Samotesov]. M.: NIA-Priroda, 1999. 68 p. [in Russian].

Gmelin, 1806 – *Gmelin S.G.* Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh carstv estestva. CH. 1. Puteshestvie iz Sankt-Peterburga do CHERkasska, glavnogo goroda donskih kazakov v 1768 i 1769 godah [Travel over Russia to study the three kingdoms of nature. Part 1. Journey from St. Petersburg to Cherkassk the main town of the Don Cossacks in 1768 and 1769]. Per. s nem. 2-e izd. St.P.: Imperial Academy of Sciences., 1806. 272 p. [in Russian].

Gobi, 1876 – *Gobi H.Ya.* O vliyanii Valdajskoj vozvyshehnosti na geograficheskoe rasprostranenie rastenij, v svyazi s ocherkom flory zapadnoj chasti Novgorodskoj gubernii [The effect of Valdai Hills to the geographical distribution of plants, in connection with the outline of the flora of the western part of Novgorod province]. St. Petersburg: Demakov, 1876. 168 p. [in Russian].

Dal, 2006 – *Dal V.I.* Bol'shoj illyustrirovannyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: sovremennoe napisani [Large illustrated Dictionary of Russian language: contemporary writing]. M.: Astrel: AST: Hranitel, 2006. 348 p. [in Russian].

Istoricheskij opyt, 1997 – Istoricheskij opyt vzaimodejstviya cheloveka i okruzhajushhej sredy na Urale / Otv. red. D. V. Gavrilo [The historical experience of human and environment interactions in the Urals / Ed. DV Gavrilo]. Ekaterinburg, 1997. 144 p. [in Russian].

Kadastrovaya informaciya, 2013 – Kadastrovaya informaciya o FGBOU «Nacional'nyj park «Valdajskij» (za period 2009-2012 gg.) [Inventory information about FGBOU «National Park «Valdai» (for the period 2009–2012.)], 2013 [electronic resource] – Access mode: <http://www.valdaypark.ru/cadastr> (reference date: 02.12.2016) [in Russian].

Kanishchev, 2011 – *Kanishchev V.N., R.B. Konchakov, S.K. Kostovska.* Prostranstvennoe modelirovanie ehkologicheskikh processov v istorii [Spatial modeling of environmental processes in the history] // Fractal Simulation, 2011, №1, pp. 3-11 [in Russian].

Kozlov, 2013 – *Kozlov D.N., Gluhov A.V., Golubinskij A.A., Hitrov D.A.* Rol prirodno-pozicionnyh uslovij v differenciacii zemlepol'zovaniya Evropejskoj Rossii konca XVIII v. – metodika cifrovogo analiza materialov General'nogo mezhevaniya [The role of natural conditions in the positional differentiation of land use of the European Russia in the late XVIII century. Method of digital analysis of materials of General land surveying] // Rus, Russia: the Middle Ages and modern times. The third readings in memory of Academician Milov L.V. 2013, № 3, pp. 26-33 [in Russian].

Minenko, 1991 – Minenko N.A. Jekologicheskie znaniya i opyt prirodopol'zovaniya russkih krest'jan Sibiri XVIII–pervoj polovine XIX vv. [Environmental knowledge and experience of nature in Siberia Russian peasant XVIII – first half XIX centuries]. Novosibirsk, 1991. 208 p. [in Russian].

Moiseev, 2010 – *Moiseev B.N., Avdeev A.N.* Issledovaniya lesov Valdaja kak nauchnaya osnova sozdaniya nacional'nogo prirodnogo parka [Research of forests in Valdai as a scientific basis for the creation of National Park] // Electronic Journal BioDat, 2010 [electronic resource] – Access mode: <http://biodat.ru/doc/lib/moiseev2.htm> (reference date: 02.16.2016). [in Russian].

Nikolaev, 2015 – *Nikolaev V.I.* Ob itogah i perspektivah nauchno-prakticheskoy deyatel'nosti v nacional'nom parke «Valdajskij» [On the results and prospects of scientific and practical activities in the national park «Valdai»] // Izuchenie i ohrana prirodnogo i istoricheskogo naslediya Valdajskoj vozvyshehnosti i sopredel'nyh regionov [The study and protection of natural and historical heritage of the Valdai Hills and the neighboring regions]. Materialy mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu nacional'nogo parka «Valdajskij», g. Valdaj, Novgorodskaya oblast', 24-25 aprelya 2015 g. Vishny Volochek: Irida education, 2015, pp.9-19 [in Russian].

NPK – Novgorodskie piscovyje knigi. T. I. Perepisnaya obrochnaya kniga Derevskej pyatiny, okolo 1495 goda. Pervaya polovina. St.P., Printing-house of B. Bezobrazov and Comp, 1859. 461 s. [in Russian].

OOPT Rossii – Osobo ohranyaemye prirodnye territorii Rossii (OOPT Rossii) [Specially protected natural territory of Russia]. Information system [electronic resource] – Access mode: <http://oopt.info/index.php?oopt=650> (reference date: 02.19.2016) [in Russian].

Pallas, 1773 – *Pallas P.S.* Puteshestvie po raznym provincijam Rossijskoj imperii [Journey in various provinces of the Russian Empire]. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1773. 117 p. [in Russian].

Predvaritel'nyj spisok, 2010 – Predvaritel'nyj spisok vidov pozvonochnyh zhivotnyh nacional'nogo parka «Valdajskij» (po sostoyaniyu na 2010 god) [A preliminary list of species of vertebrates of «Valdai» National Park (as in 2010)] / Compiled by V.I. Nikolaev [electronic resource] – Access mode: <http://www.valdaypark.ru/nature-animals> (reference date: 02.21.2016) [in Russian].

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts].

Roshefor, 1900 – *Roshefor N.I.* Illyustrirovannoe Urochnoe polozhenie: Posobie pri sostavlenii i proverke smet, proektirovanii i ispolnenii raboty [Illustrated the appointed position: Aid in the preparation and verification of estimates, design and execution of work]. St.P., 1900. 678 p. [in Russian].

Rumyancev, 2014 – *Rumyancev V.YU., Golubinskij A.A., Soldatov M.S., Hitrov D.A.* Zemledel'cheskoe osvoenie i sostoyanie fauny Evropejskoj Rossii po materialam General'nogo mezhevaniya [Agricultural development and the state of fauna of European Russia on materials of General land surveying] // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy* [Year-book of agrarian history of Eastern Europe], 2013. M., 2014, pp.89-107 [in Russian].

Tishkov, 2015 – *Tishkov A.A.* Izmeneniya fauny mlekopitayushchih Valdajskogo Poozer'ya v poslednie 1000 let [Changes of mammal fauna of the Valdai Lake District in the last 1000 years] // *Izuchenie i ohrana prirodnoho i istoricheskogo naslediya Valdajskoj vozvyshehnosti i sopredel'nyh regionov* [The study and protection of natural and historical heritage of the Valdai Hills and the neighboring regions]. Materialy mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu nacional'nogo parka «Valdajskij», g. Valdaj, Novgorodskaya oblast', 24-25 aprelya 2015 g. Vishny Volochek: Irida education, 2015, pp. 281-289 [in Russian].

Hitrov, 2013 – *Hitrov D.A., Golubinskij A.A., Chernenko D.A.* Lesa Central'nogo Chernozem'ya v materialah General'nogo mezhevaniya [Forests of Central Black Soil in the materials of General land surveying] // *Vestnik VSU. Historical sciences. Political sciences. Sociology.* 2013, №1, pp. 165-169 [in Russian].

Chernenko, 2013 – *Chernenko D.A., Borisov M.Ya., YAskunova A.A.* Sopostavitel'nyj analiz i ehlektronnoe kartografirovanie dannyh massovyh istochnikov XVII – XIX vv. po istorii Vologodskogo kraja [Comparative analysis of data and electronic mapping of mass sources of the XVII–XIX centuries on the history of the Vologda Region] // *Rus, Russia: the Middle Ages and modern times. The third readings in the memory of Academician L.V. Milov.* 2013, № 3, pp. 367-371 [in Russian].

Grove, 1997 – *Grove R.H.* Ecology, Climate and Empire: Colonial-ism and Global Environmental History, 1400–1940 / R.H. Grove. Cambridge, 1997. 237 p.

Radkau, 1996 – *Radkau J.* Wood and Forestry in German History: In Quest of an Environmental Approach / J. Radkau // *Environment and History.* 1996. V. 2. P. 63-76.

Whited, 2005 – *Whited T.L.* Northern Europe An Environmental History / T.L. Whited, J.I. Engels, R.C. Hoffmann, H. Ibsen, W. Versteegen. Santa Barbara; Denver; Oxford, 2005. 275 p.

УДК 94

Природная среда Валдая по материалам Генерального межевания

Лилия Геннадьевна Степанова^{a, *}

^a Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются данные о составе лесов, видах животных и птиц в Валдайском уезде Новгородской губернии, имеющиеся в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию, проведенного Екатериной II. В ходе исследования впервые была создана база данных, содержащая сведения о природной среде Валдайского уезда во второй половине XVIII в., оценено состояние лесов, видовой состав и количество млекопитающих и птиц. Автор приходит к выводу, что землемеры включали в Экономические примечания записи о конкретных деревьях, животных и птицах исходя из их значимости для населения и большей распространенности на конкретной территории. На протяжении последних столетий на территории Валдая прослеживается устойчивая тенденция распространения елово-широколиственных и сосновых лесов при наличии большого количества березняков, приходившим на смену коренным еловым лесам в результате хозяйственного освоения территории. Упомянутый в Экономических примечаниях видовой состав деревьев, млекопитающих и птиц в целом сохранился до нашего времени. В то же время отмечается резкое сокращение количества охотничьих птиц и распространение на территории Валдая животных, ранее не известных на данной территории, в том числе завезенных специально для разведения либо расширивших ареал своего обитания.

Ключевые слова: Природная среда, Валдай, антропогенный фактор, Генеральное межевание земель, писцовые книги, леса, млекопитающие, птицы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: liliya_stepanova@list.ru (Л.Г. Степанова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 356-362, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94: 7.033 (571.1)

Regulation of Islamic art in confessional policy of Catherine II (on materials of the Tyumen region)

Yulia A. Bortnikova ^{a, *}, Olga N. Naumenko ^b, Evgeny A. Naumenko ^b

^a Dmitry Mendeleev Tobolsk Teacher Institute Branch of the Tyumen State University, Russian Federation

^b Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Abstract

Prevention of the religious conflicts and Islamic extremism, education of confessional tolerance, – these and other questions became the most actual political and scientific problem now. Art reflects outlook of people and is an ideological lever on society. In article the policy on use of Islamic art for education of confessional tolerance is analyzed. This policy began by Catherine II in 1773, had the content of reform and extended on religious art and architecture of all gentiles in the Russian Empire. Article is written on the basis of materials of the Central historical archive of the Republic of Bashkortostan and exhibits of the museums.

The Tyumen region (the South of the modern Tyumen region) was an optimum basis for carrying out this policy because of the mixed option of Islam which arose there. Muslim art included a complex of the subjects intended for execution of a religious cult. It reflected elements of Shamanism and Tengriism, and after carrying out reform – Judaism and Christianity. Thus, at it there were forms and images of all religions of the Tyumen region. Syncretism of Islamic art was shown in a typology of cult objects, their ornament and mission. The most unusual phenomenon was existence of a religious sculpture which was forbidden in Islam and Orthodoxy, but existed in both religions, and also in Catholicism, Tengriism and Shamanism. In article ways of impact on Muslim art which were used by the Orenburg Mohammedan spiritual meeting are considered. It didn't interfere in preservation of religious syncretism, and also executed orders of the government on Christianization of Islamic art. Authors come to a conclusion that reform carried lines of policy of multiculturalism for gentiles.

Keywords: Islamic art, Muslims, Catherine II, Cultural reform 1773, Western Siberia, Tyumen region, Orenburg Mohammedan spiritual meeting, tolerance, multiculturalism.

1. Введение

Новый этап конфессиональной политики Екатерины II, начатый в 1773 г., коренным образом изменил отношение государства к исламу, который из «гонимой» религии превратился в «терпимую». Однако это не создало возможность для свободного развития религиозных идей, а наоборот, направило ислам в нужное государству духовно-религиозное русло. Новый курс императрицы предопределил всю дальнейшую судьбу российского ислама, который постепенно превращался в надежную опору самодержавной власти, а исламское искусство стало идеологическим инструментом в этом процессе.

2. Материалы и методы

2.1. Источники исследования включают две группы. Первая объединяет нормативные документы: указы императрицы, определяющие основные принципы конфессиональной политики, *фетва* (мнения богословов по вопросам мусульманского права), *фирманы* (приказы для уммы),

* Corresponding author

E-mail addresses: soroka-jul@rambler.ru (Yu.A. Bortnikova),
oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko), hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko)

издаваемые Оренбургским магометанским духовным собранием. Вторая группа – материальные источники, иллюстрирующие результаты государственной политики по деформации мусульманского искусства. Они включают этнографические материалы из музейных фондов: *шамали* (настенные панно с кораническими надписями), *намазлыки* (коврики для молитвы), иные предметы культа мусульман. Объединяющая черта этих источников – соответствие представлениям власти о том, какой должна быть мусульманская художественная культура, чтобы содействовать конфессиональному миру.

2.2. Исследование проведено на основе теории прогрессивного циклического развития искусства, согласно которой в процессе эволюции оно периодически «отдыхает», что происходит во времена насильственного разрушения культуры; затем искусство выходит на новый виток развития и достигает расцвета. После длительного периода разрушения, с 1773 г. мусульманское искусство Тюменского региона вступило в стадию поступательного развития, но в формах, строго определенных государством.

Сравнительно-исторический метод дал возможность выявить общее и особенное в культурной политике государства в целом и на территории региона в частности; *ретроспективный метод* позволил рассмотреть исторические предпосылки реформирования мусульманского искусства региона. С помощью *метода актуализации* удалось оценить важность государственной политики в сфере исламского искусства для регулирования этноконфессиональных и культурных процессов.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема пока не обсуждалась в историографии. В дореволюционный период была издана единственная монография, критикующая государственную политику в сфере исламской культуры в целом (Ибрагимов, 1871). Советский и постсоветский периоды ограничились научными трудами по истории и этнической культуре сибирских татар, без анализа Указа «О веротерпимости» 1773 г. (Валеев, 1980; Гарифуллин, 2000 и др.). Лишь в последние годы появились работы, характеризующие влияние Указа на политическое, социально-экономическое и правовое положение мусульман (Ногманов, 2011; Шершнева, 2012 и др.). В 2014 г. в диссертационном исследовании Ю. А. Борниковой впервые был употреблен и обоснован термин «Культурная реформа 1773 г.» для обозначения государственных преобразований по унификации религиозных культур иноверцев, однако узко историческое исследование не позволило проанализировать реализацию реформы через формы и образы исламской художественной культуры.

Цель статьи – рассмотреть процесс и результаты Культурной реформы 1773 г. в сфере исламского искусства на территории Тюменского региона. Под исламским искусством понимается комплекс декоративно оформленных предметов мусульманского культа, имеющих сакральное значение и используемых для совершения религиозных обрядов.

4. Результаты

С Указа «О веротерпимости» 1773 г. государство взяло курс на реформирование мусульманской художественной культуры, что проводилось в рамках политики по воспитанию конфессиональной толерантности мусульман. Особое внимание уделялось исламу в Западной Сибири как эксклюзивному, синкретичному явлению, не знающему аналогов в мировой истории и культуре. Рассматриваемая территория является самым северным в мире форпостом ислама, а подавляющая часть мусульман – сибирские татары – ближайшими антропологическими и культурными собратьями хантов и манси. Исламизация обских угров в XIV в. не привела к успеху из-за исключительной устойчивости их традиционной культуры; принятие магометанства сибирскими татарами также не означало их полной исламизации: Коран и остальные источники были поняты и восприняты ровно в той мере, какая отвечала уже сложившемуся мировоззрению. Например, сформировалась традиция устного бытования Корана (Ислам, 2007: 138) что соответствовало «бесписьменной» шаманской культуре и правилам местного фольклора. Полагаем, именно изначальный синкретизм культуры обусловил появление на территории региона так называемого «народного» ислама, который включал ряд мировоззренческих установок, являющихся базой для конфессионального мира:

1) *Исключительная веротерпимость*, которая заключалась не только в уважении других религий, но и в восприятии их культовых помещений и религиозных традиций как очень близких своим. В частности, по свидетельским данным на 1841 г., «...некоторые мусульмане посещают церковь, ставя свечи перед иконами. Во время крестного хода они вместе с русскими идут на место молебствования...» (Ислам, 2007: 91). Причины этого явления кроются в общих этногенетических и культурных корнях сибирских татар с обскими уграми, не склонными к социальным, религиозным и иным конфликтам, а также в сохранившейся в регионе философии суфизма: «Если кто-то попросит суфия пойти и принести молитву в христианской церкви, он готов сделать это. Если кто-то захочет взять его в Синагогу и попросит его помолиться, как это делают евреи, он спокойно согласится; и среди мусульман он совершит Намаз, так же, как это делают они. В индуистском храме он видит того же Бога, живого Бога, на месте идола: и в храме Будды вдохновение заменит слепое

идолопоклонничество. Конечно, в его сердце – его мечеть, где живет Возлюбленный...» ([Пир-о-Муршид, 1998: 36](#)).

2) *Толерантная трактовка джихада*, который понимался не как священная война с неверными, а как внутреннее, личностное противостояние собственным порокам и соблазнам ([Валиахметова, 2010: 187](#)). Это называлось «Джихад Великий», в противовес «джихаду военному»; термин «Великий» подчеркивал исключительную сложность задачи, потому что каждодневная битва с самим собой, а также за нравственное воспитание своих детей, считалась более тяжелым и ответственным делом по сравнению с военным джихадом – убийством неверных.

3) *Представление о смертных грехах*, не характерное для ряда крайних направлений ислама, в которых считается, что грешник, «отбывший срок в аду, обязательно попадет в рай», и где не запрещается убийство иноверца, особенно в ходе джихада. В «народном» исламе Западной Сибири один из четырех смертных грехов (без попадания когда-либо в рай) предполагается за убийство человека вообще, в том числе иноверца. Среди грехов отсутствовало положение об использовании религиозной скульптуры-«идолов» и кукол-«иттерм» ([Ташкалова, 2011: 117](#)).

4) *Налог-подаяние в пользу нуждающихся*. Если в исламе «военного джихада» после пятничной молитвы мясо жертвенного барашка раздавалось только бедным мусульманам, то у сибирских татар – всем пришедшим к мечети нуждающимся. Такой подход был одним из средств, обеспечивающих тесные контакты мусульман с другими народами региона, и, как следствие, взаимодействие культур.

Согласно реформе 1773 г., в России предполагалось создание некоей общей культурной среды, в которой религиозные представления иноверцев в их внешнем проявлении должны быть унифицированы в соответствии с православными образцами. Эта идея соответствовала общей политике государства, стремившегося урегулировать все сферы жизни Российского общества, и, по мысли управленцев, должна была обеспечить снижение уровня конфессиональных конфликтов. Кроме этого, данный подход отражал православную идеологию, и как считалось, был вполне оправдан тем фактом, что Российская империя XVIII – начала XX вв. представляла собой конгломерат разнородных по национальной и конфессиональной принадлежности народов, не все из которых вошли в состав государства добровольно, поэтому нужен был некий объединяющий стержень. В отношении исламского искусства Западной Сибири задача российской власти состояла в том, чтобы укрепить уже существовавший синкретичный вариант, не дав ему развиться в сторону нормативных образцов, и включить в него элементы искусства других иноверческих религий, представленных в регионе, одновременно придав им всем типологию православных.

Проводником данной идеи стало Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС). Основной «проблемой» был религиозный запрет на использование ритуальной скульптуры и изображения живых существ, однако среди сотен документов, принятых ОМДС в разные годы (и даже века), среди *фирманов* и положений *фетвы*, в том числе – о нарушении правил шариата, нет ни одного, запрещающего идолов и вообще хоть как-то касавшегося этой проблемы ([ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 101, 404; Оп. 3. Д. 7642](#) и др.).

Среди *фетвы* ОМДС также нет образцов и рекомендаций по оформлению предметов культа, а это исключительно важно в исламе. В других сферах Духовное Собрание создавало рекомендации и даже утверждало образцы и бланки: например, это форма Тахариджа (подписка о получении наследства), форма Раздельного акта (о разделе имущества между супругами) и проч. ([ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 101. Л. 127](#)). Регулирование сферы мусульманского искусства ОМДС отдало на усмотрение местных мулл, ориентируя их самостоятельно разбираться с сурами Корана ([ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 101. Л. 4](#)), а муллы полагались на обычай. Некоторые рекомендации и пояснения ОМДС носили устный характер, – на это указывает однотипность оформления предметов исламского культа на территории всего региона.

Данный подход не характерен для мусульманских обществ в целом. В мире ислама в тот период уже существовали необходимые стандарты: например, на *шамале* по углам, в медальонах, нужно было писать имена Пророков ([Шамсутов, 2001: 61](#)), вне медальонов – выдержки из Корана; центральным изображением должны являться виды Мекки или иных святых мест и предметов, которые обязательно перечислялись в рекомендациях ([Шейх, 2007: 114](#)). Существовали образцы-схемы; в частности, *шамаль* с видом Черного камня Каабы должен был иметь вертикальный рисунок: куб Каабы располагался на фоне двух минаретов ([Ислам, 2009: 101](#)), и т. д. Но мусульманам Западной Сибири эти правила были неизвестны.

Когда правительство предлагало внести изменения в мусульманскую традицию, согласие ОМДС было стандартным: «Оренбургский Муфтий вместе с Оренбургским Магометанским Духовным Собранием... не принимает Магометанских законов в... таком строгом смысле» ([ПСЗРИ, 1831: 396](#)). Иллюстрацией этой политики является *фетва*, которую ОМДС создало по запросу Департамента Духовных Дел иностранных вероисповеданий о возможности введения уроков рисования в мектебе по принятым в России образовательным стандартам. Духовное Собрание поняло это как государственный заказ и даже не упомянуло о религиозном запрете на реалистические изображения. Содержание *фетвы* было построено как доказательство, что уроки рисования по правилам российских школ не противоречат исламу ([ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 908. Л. 10](#)).

В результате данной государственной политики исламское искусство Тюменского региона приобрело специфические черты:

1) Украшение культовых зданий включало компоненты других религий: например, на фронте Большой Ембаевской мечети (1885 г.), проект которой был утвержден губернским правлением, рядом с полумесяцем изображена Звезда Давида, – и это далеко не единственный пример (Бортникова, 2012: 4). На предметах культового искусства присутствуют кресты (ТОКМ, Инв. № КП ОФ 9392/5 и др.) и тюркское Древо жизни (ТОКМ, Инв. № КП ОФ 7385 и др.).

2) Религиозная скульптура мусульман («идолы» и «куклы») существовали у многих групп татар даже в XX в. (Ярзугина, 2002: 90) и сохранились в местных музеях (МЗТИиК, Инв. № КП ОФ 27 и др.)

3) *Намазлыки* не имели видов Мекки и были полосатыми. Полосы шли вдоль (путь к Мекке), а сами коврики имели однотипную желто-коричнево-бардовую цветовую гамму, которая абсолютно не соответствовала нормативному исламу (МЗТИиК с. Ембаев, Инв. № 36; Земля Тюменская, 2004: 36–37; и др.).

3) *Шамаили* создавались исключительно в региональном варианте: на них в обрамлении коранических текстов и «Печатей Аллаха» изображались особо уважаемые люди (святые – *авлия*), а также деревенские мечети и схематические рисунки, отражающие образ бубна и древние шаманские представления (МТИиК д. Янтык, Инв. № 26, 31, 32 и др.). Изображение святых людей на *шамаилях* – это черта шиитской, а не суннитской культуры, каковыми считались сибирские татары.

4) Четки отличались от православных только количеством элементов, но в некоторых проявлялся тотемизм и древние культы: например, сохранились четки из 99 пальцев медведя (МЗТИиК, Инв. № КП ОФ 1148/2).

По своей типологии предметы мусульманского культа совпадали с православными и, по мнению власти, имели одинаковое предназначение: *тумары* (обереги для ношения на груди, запрещенные нормативным исламом) играли роль нательных крестиков; *шамаили* соответствовали иконам; общей чертой считалось даже наличие религиозной скульптуры: в региональном варианте православия она существовала в конце XIX в. (Чупин, 2003: 55). Такой вариант культуры является эксклюзивным явлением, но не единственным: в частности, В. Берелович заметил наличие мультикультурных явлений в дворянской элите Российской империи (Berelovich, 2015: 41).

Рассмотренный синкретизм оказался достаточно устойчивым явлением. Даже в настоящее время у отдельных групп мусульман Тюменского региона сохранилась традиция красить яйца на Пасху, использовать «крещеную» воду, набираемую 19 января, отказываться от работы на Пасху и в Троицу, и в то же время – отмечать шаманские «Медвежий праздник» и «Вороний день» (Ташкалова, 2011: 56). В 2012 г., во время празднования 100-летия Тюменской синагоги, мусульмане вместе с евреями и христианами пели в ней псалмы о царе Давиде из Торы, Библии и Корана. Эта традиция существует с 2010 г., получив название «Межконфессиональный музыкальный фестиваль «Арфа Давида», а сама синагога принимает мусульман для других мероприятий: например, конкурса детских рисунков на общие темы Торы, Библии и Корана (Пахомова, 2010), и прочее. Рассмотренные факты соответствуют данным социологических исследований: «Мониторинг подтверждает репутацию юга Тюменской области как одного из наиболее благополучных регионов Российской Федерации по динамике ситуации с общественно-религиозными отношениями» (Яшин, 2011: 206).

5. Заключение

Реформа Екатерины II прошла успешно; закрепление в исламской художественной культуре элементов других религий привело к появлению мультикультурного варианта, который отражал профессиональную толерантность мусульман и обеспечивал их межкультурное взаимодействие. Результат оказался настолько эффективным и устойчивым, что «народный» ислам и его искусство практически не поддаются внешнему радикальному воздействию. Данные факты свидетельствуют, что идея мультикультурализма имеет право на существование; потерпев крах в Западной Европе, она нашла частичное, но своеобразное применение в Западной Сибири.

Литература

Бакиева, 2011 – Бакиева Т.Г. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX вв. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2011. 214 с.

Бортникова, 2012 – Бортникова Ю.А. Шестиконечная звезда в художественной культуре Западной Сибири // Муслим-Инфо. 2012. Ноябрь. № 33. С. 4. // [Электронный ресурс] / URL: <http://muslim-info.ru/news.php?id=178> (дата обращения: 16.01.2016)

Валиахметова, 2010 – Валиахметова Г.Н. Современные трактовки джихада // История и современность. 2010. № 1. С. 178–189.

Валеев, 1980 – Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. 232 с.

Гарифуллин, 2000 – Гарифуллин И.Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2000. 219 с.

- Земля Тюменская, 2004** – Земля Тюменская: Альбом. Тобольск; Тюмень: Изд-во «Баско», 2004. 88 с. + илл.
- Ислам, 2007** – Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири Т.1.: источники и историография / под ред. А.П. Яркова. Тюмень: РИФ «Колесо», 2007. 418 с.
- Ислам, 2009** – Ислам: иллюстрированная энциклопедия / Авт.-сост. М. Магомерзоев. М.: Эксмо, 2009. 640 с.
- МТИиК** – Музей татарской истории и культуры д. Янтык Тюменской области.
- МЗТИиК** – Музей-заповедник татарской истории и культуры с. Ембаево Тюменской области.
- Ногманов, 2011** – *Ногманов А. И.* Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX века (к проблеме периодизации) / Исламская традиция: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научно-практической конференции 21.12.2011 // [Электронный ресурс] / URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?3717> (дата обращения: 03.09.2014).
- Пахомова, 2010** – *Пахомова И.* Представители разных конфессий под крышей синагоги // [Электронный ресурс] / URL: <http://vnashemdvoe.ru/node/1506> (дата обращения: 20.01.2016)
- Пир-о-Муршид, 1998** – *Пир-о-Муршид Хазрат Инайят Хан.* Учение суфиев. М.: «Сфера», 1998. 224 с.
- ПСЗРИ** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 5. Отделение 1. № 3659. СПб., 1830. 574 с.
- Ташкалова, 2011** – *Ташкалова В.С.* Празднично-обрядовая культура народов Тюменской области. Тюмень: Вектор Бук, 2011. 272 с.
- ТОКМ** – Тюменский областной краеведческий музей.
- ЦИА РБ** – Центральный исторический архив Республики Башкортостан.
- Чупин, 2002** – *Чупин В.А.* Православная деревянная скульптура. Экскурсия по выставке // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2002. Вып.16. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 55–92.
- Шамсутов, 2001** – *Шамсутов Р.И.* Искусство татарского шамаила (сер. XIX – нач. XX вв.). Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 184 с.
- Шейх, 2007** – *Шейх Юсуф Кардави.* Дозволенное и запретное в исламе / пер. с араб. М. Саляхетдинова. М.: «Умма», 2007. 243 с.
- Шершнева, 2012** – *Шершнева Е.А.* Позиция государственной власти в отношении мусульманского духовенства Западной Сибири во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–2 (76). С. 222–224.
- Ярзуткина, 2002** – *Ярзуткина А.А.* «Идолопоклонство» сибирских татар: история изучения вопроса и опыт систематизации этнографических материалов // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск, Омск, 2002. С. 77–91.
- Яшин, 2011** – *Яшин В.Б.* Толерантность в поликонфессиональном регионе: современная ситуация в сфере общественно-религиозных отношений в Тюменской области (по материалам социологического мониторинга) // Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 205–207.
- Berelovich, 2015** – *Berelovich V.* Francophonie in Russia under Catherine II: General Reflections and Individual Cases // *The Russian Review*. 2015. Vol. 74, Issue 1, P. 41–56.
- Ибрагимов, 1871** – *Ибрагимов Г.* Дәүре Галәм. 1871. / Китапны басмага әзерләде Ф. Әхмәтова-Урманче. Мөхәррир Б. Агишев. Төмән, 2007. 206 р.

References

- Bakiyeva, 2011** – *Bakiyeva T.G.* Obychai i zakon. Ocherki pravovoi kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX vv. [Custom and law. Sketches of legal culture of the Siberian Tatars in XVIII – the beginning of the XX centuries]. Novosibirsk: Publishing house "Geo", 2011. 214 p. [in Russian]
- Bortnikova, 2012** – *Bortnikova Yu.A.* Shestikonechnaya zvezda v khudozhestvennoi kul'ture Zapadnoi Sibiri [Six-pointed star in art culture of Western Siberia] // *Muslim-Info*. 2012. November. No. 33. Page 4 // [Electronic resource] / URL: <http://muslim-info.ru/news.php?id=178> (date of the address: 16.01.2016) [in Russian]
- Valiakhmetova, 2010** – *Valiakhmetova G.N.* Sovremennye traktovki dzhikhada [Modern interpretations of jihad] // *History and present*. 2010. № 1. P. 178–189. [in Russian]
- Valeev, 1980** – *Valeev F.T.* Zapadnosibirskie tatory vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The West Siberian Tatars in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries]. Kazan: Tat. Publishing house, 1980. 232 p. [in Russian]
- Garifullin, 2000** – *Garifullin I.B.* Ocherki istorii tatarskogo naseleniya Tyumenskoi oblasti [Sketches of history of the Tatar population of the Tyumen region]. Tyumen: Tyumen publishing house, 2000. 219 p. [in Russian]
- Zemlya Tyumenskaya, 2004** – *Zemlya Tyumenskaya: Al'bom* [Tyumen Earth: Album]. Tobolsk; Tyumen: Publishing house of "Basco", 2004. 88 p. [in Russian]
- Islam, 2007** – *Islam na krayu sveta. Istoriya islama v Zapadnoi Sibiri* [Islam at the world's edge. Islam history in Western Siberia]. T.1.: sources and a historiography / under the editorship of A. P. Yarkov.

Tyumen: REEF "Wheel", 2007. 418 p. [in Russian]

Islam, 2009 – Islam: illyustrirovannaya entsiklopediya [Islam: the illustrated encyclopedia] / Author originator M. Magomerzoyev. M.: Eksmo, 2009. 640 p. [in Russian]

MTiik – Muzei tatarskoi istorii i kul'tury d. Yantyk Tyumenskoi oblasti [Museum of the Tatar history and culture of Yantyk of the Tyumen region]. [in Russian]

MZTiik – Muzei-zapovednik tatarskoi istorii i kul'tury s. Embaevo Tyumenskoi oblasti [Memorial estate of the Tatar history and culture of the village of Embayevo of the Tyumen region]. [in Russian]

Nogmanov, 2011 – *Nogmanov A.I. Gosudarstvenno-islamskie otnosheniya v Rossii vo vtoroi polovine XVI – nachale XX veka (k probleme periodizatsii)* [The state and Islamic relations in Russia in the second half of XVI – the beginning of the XX century (to a periodization problem)] / Islamic tradition: last, real, future. Materials of scientific and practical conference 21.12.2011// [Electronic resource] / URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?3717> (date of the address: 03.09.2014). [in Russian]

Pakhomova, 2010 – *Pakhomova I. Predstaviteli raznykh konfessii pod kryshei sinagogi* [Representatives of different faiths under a synagogue roof] // [Electronic resource] / URL: <http://vnashemdvore.ru/node/1506> (date of the address: 20.01.2016) [in Russian]

Pir-o-Murshid, 1998 – *Pir-o-Murshid Khazrat Inajat Han. Uchenie sufiev* [Doctrine of sufiya]. M.: "Sphere"1998. 224 p. [in Russian]

PSZRI – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Full Code of laws of the Russian Empire]. Meeting the 2nd. T. 5. Office 1. No. 3659. SPb., 1830. 574 p. [in Russian]

Tashkalova, 2011 – *Tashkalova V.S. Prazdnichno-obryadovaya kul'tura narodov Tyumenskoi oblasti* [Festive and ceremonial culture of the people of the Tyumen region]. Tyumen: Vector Book, 2011. 272 p. [in Russian]

TOKM – Tyumenskii oblastnoi kraevedcheskii muzei [Tyumen regional museum of local lore]. [in Russian]

TsIA RB – Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan [Central historical archive of the Republic of Bashkortostan] [in Russian]

Chupin, 2003 – *Chupin V.A. Pravoslavnyaya derevyannaya skul'ptura. Ekskursiya po vystavke* [Orthodox wooden sculpture. Excursion on an exhibition] // Earth Tyumen: Year-book of the Tyumen regional museum of local lore: 2002. Vyp.16. Tyumen: Tyuman University Publ., 2003. P. 45–55. [in Russian]

Shamsutov, 2001 – *Shamsutov R.I. Iskusstvo tatarskogo shamailya (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Art Tatar shamail (the middle of XIX – the beginning of the XX centuries)]. Kazan: Tat. book publishing house, 2001. 184 p. [in Russian]

Sheikh, 2007 – *Sheikh Yusuf Al-Qaradawi. Dozvolennoe i zapretnoe v islame* [Legal and forbidden in the Islam] / Translation from Arab. M. Salyakhetdinov. M.: "Umm", 2007. 243 p. [in Russian]

Shershneva, 2012 – *Shershneva E.A. Pozitsiya gosudarstvennoi vlasti v otnoshenii musul'manskogo dukhovenstva Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v.* [Position of the government concerning Muslim clergy of Western Siberia in the second half of the XIX century] // News of the Altai state university. 2012. No. 4–2 (76). P. 222–224. [in Russian]

Yarzutkina, 2002 – *Yarzutkina A.A. «Idolopoklonstvo» sibirskikh tatar: istoriya izucheniya voprosa i opyt sistematizatsii etnograficheskikh materialov* ["Idolatry" of the Siberian Tatars: history of studying of a question and experience of systematization of ethnographic materials] // Turkic people: materials V of the Siberian symposium. Tobolsk, Omsk, 2002. P. 77–91. [in Russian]

Yashin, 2011 – *Yashin V.B. Tolerantnost' v polikonfessional'nom regione: sovremennaya situatsiya v sfere obshchestvenno-religioznykh otnoshenii v Tyumenskoi oblasti (po materialam sotsiologicheskogo monitoringa)* [Tolerance in polyconfessional the region: a modern situation in the sphere of the public and religious relations in the Tyumen region (on materials of sociological monitoring)] // Tolerance in modern society: experience of interdisciplinary researches. Yaroslavl: Pub.YaGPU, 2011. P. 205–207. [in Russian]

Berelovich, 2015 – *Berelovich V. Francophonie in Russia under Catherine II: General Reflections and Individual Cases* // The Russian Review. 2015. Vol. 74, Issue 1, P. 41–56.

Ибраһимов, 1871 – *Ибраһимов Г. Дәүре Галәм.* [East Star], 1871. / Китапны басмага әзерләде Ф. Әхмәтова-Урманче. Мөхәррир Б. Агишев. Төмән, 2007. 206 p. [in Tatar]

УДК 94 7.033 (571.1)

**Регулирование исламского искусства в конфессиональной политике Екатерины II
(на материалах Тюменского региона)**Юлия Александровна Бортникова^{a, *}, Ольга Николаевна Науменко^b, Евгений Александр Науменко^b^a Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева филиал Тюменского государственного университета, Российская Федерация^b Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Предотвращение религиозных конфликтов, профилактика исламского экстремизма, воспитание конфессиональной толерантности, – эти и иные вопросы в настоящее время стали самой актуальной политической и научной проблемой. Искусство, отражая мировоззрение людей, в то же время является идеологическим средством воздействия на общество. В статье на основе материалов из Центрального исторического архива Республики Башкортостан и экспонатов музеев рассмотрен опыт использования Екатериной II исламской художественной культуры в целях воспитания конфессиональной толерантности мусульман. Эта политика имела содержание реформы, начатой в 1773 г., и распространялась на религиозное искусство и архитектуру всех иноверцев в Российской империи.

Тюменский регион (юг современной Тюменской области) был наиболее благоприятной базой для проведения данной политики в силу синкретичного характера сложившегося там ислама. Мусульманское искусство, включая комплекс предметов, предназначенных для исполнения религиозного культа, отражало элементы шаманизма и тенгрианства, а после реализации реформы – еще иудаизма и христианства, то есть в нем присутствовали формы и образы всех представленных в регионе религий. Это выражалось в типологии предметов культа, их оформлении и предназначении. Наиболее необычным явлением было наличие религиозной скульптуры, существовавшей в Тюменском регионе не только в исламе, но и в православии (а также в католичестве, тенгрианстве и шаманизме). В статье анализируется механизм воздействия на мусульманское искусство через Оренбургское магометанское духовное собрание, которое, с одной стороны, не препятствовало сохранению религиозного синкретизма, а, с другой стороны, выполняло заказы государственной власти по христианизации исламского искусства. Авторы приходят к выводу, что в отношении иноверцев рассматриваемая реформа носила черты политики мультикультурализма.

Ключевые слова: Исламское искусство, мусульмане, Екатерина II, Культурная реформа 1773 г., Западная Сибирь, Тюменский регион, Оренбургское магометанское духовное собрание, толерантность, мультикультурализм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: soroka-jul@rambler.ru (Ю.А. Бортникова),
oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко), hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 40, Is. 2, pp. 363-372, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features

Natalya A. Shevchenko ^{a,*}, Evgeniya V. Vidishcheva ^b, Olga V. Emelyanova ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Sochi State University, Russian Federation

^c Southwestern state University, Kursk, Russian Federation

Abstract

The article discusses the establishment of the system of public education in the Caucasus in 1802-1917 years. The article proposed a periodization of the process of formation; the attention is paid to the number of pupils in the educational institutions, as well as the ethnic composition. In writing this article, the authors made use of statistical reports and descriptions, the materials of pre-revolutionary periodicals, normative-legal sources, as well as the modern scientific literature.

There were used such scientific methods as analysis and synthesis, concretization, generalization while solving the research tasks. In addition, the paper used the historical-situational method, involving the study of historical facts in the context of the period under review in conjunction with the "neighboring" events and facts.

In conclusion, the authors stated that that the system of public education in the Caucasus was faced with the numerous difficulties. The ambitious project, 1829 – the Regulation on the Transcaucasian colleges, the establishment of 20 district schools in the region was implemented only in the 1873 year, that is, it took 40 years for its realization. In addition to overcome the lack of understanding by the local population, the Caucasian administration was forced to change frequently the curriculum and to include the discipline of a regional component. However, by the beginning of XX century the system of public education in the Caucasus reached the level of full-fledged secondary school, and on the agenda stood the issue of higher education.

Keywords: the system of public education, the Caucasus, the Transcaucasian region, the educational institutions, 1802–1917 years.

1. Введение

Известно, что процесс интегрирования кавказских народов в русскую культуру происходил довольно тяжело, поэтому важная роль в этом деле отводилась организации народного просвещения. Для многих народностей Кавказа русскими филологами была создана национальная письменность, делались попытки создания учебных программ с учетом регионального компонента.

Необходимо понимать, что до прихода России на Кавказ население Закавказского края не имело никаких возможностей получить образование. В результате лишь немногие члены владетельных династий и княжеских родов являлись образованными... ([Статистическое описание, 1835: 93-94](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: tusichka1@yandex.ru (N.A. Shevchenko),

evgenia-vv@mail.ru (E.V. Vidishcheva), gladnews@yandex.ru (O.V. Emelyanova)

2. Материалы и методы

2.1. Источниками для подготовки статьи стали статистические отчеты и описания, материалы дореволюционной периодической печати, нормативно-правовые источники, а также современная научная литература.

2.2. При решении исследовательских задач были применены такие общенаучные методы как методы анализа и синтеза, конкретизации, обобщения. Помимо этого в работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

3. Обсуждение

Историография по теме исследования обширна, она включает в себя специальную литературу – статистические описания и сборники, изданные в 1830–1860 гг. (*Статистическое описание, 1835; Сборник статистических сведений, 1869*). В конце XIX – начале XX вв. данная тема была популярна в связи с попытками либеральной интеллигенции оценить уровень дореволюционной системы народного просвещения. Большое внимание уделялось общероссийским проблемам народного образования, но в то же время предпринимались попытки оценить народное образование на Кавказе (*Зажаев, 1909; Модзалевский, 1880*). В советский период дореволюционную систему народного образования на Кавказе историки рассматривали в негативном, критическом контексте. Основной акцент делался на теме классово-ограниченности, слабой развитости дореволюционной школы по сравнению с впечатляющими итогами достижений народного просвещения в период строительства социализма (*Куценко, 1973; Народное образование, 1980*).

В современный российский период тема истории становления системы народного просвещения начала активно разрабатываться. Появился целый ряд работ, как общероссийского характера, так и исследований, посвященных непосредственно Кавказу.

Среди работ общероссийского характера выделяется труд А.А. Черкасова (*Cherkasov, 2011*), анализирующий состояние дореволюционной системы народного просвещения. В исследовании автор приходит к выводу, что в целом всеобщее начальное образование в Российской империи к 1917 году стало уже свершившимся фактом. Полностью завершить этот процесс помешала только февральская революция (*Cherkasov, 2011: 148*). Также, следует отметить труды по истории народного просвещения на Кавказе Л.С. Гатаговой (*Гатагова, 1993*), Е.И. Кобахидзе (*Кобахидзе, 2015*) и др.

4. Результаты

Процесс становления системы народного просвещения на Кавказе целесообразно разделить на три хронологических периода:

Первый период (1802–1834 гг.). Период охватывает время первых инициатив русского правительства в области народного просвещения. Право обучения населения имели даже протестанты;

- Второй период (1835–1871 гг.). В это время происходит ужесточение к требованиям преподавания в учебных заведениях, централизуется учебный процесс;

- Третий период (1872–1917 гг.). Учебные заведения на Кавказе становятся аналогом учебных заведений европейской части России. Процесс становления завершается.

Рассмотрим эти периоды подробнее.

4.1. Первый период (1802–1834 гг.)

После того как Грузия вошла в состав Российской империи правительство сразу же обратило внимание на образование юношества. Уже в 1802 году в Тифлисе было открыто первое учебное заведение – двухклассное училище. Переименовано в 1804 году в Тифлисское благородное училище. На содержание заведения ежегодно выплачивалось 10 тыс. руб. серебром.

В программу обучения входили русский и грузинский языки, Закон Божий и арифметика.

Помимо этого предполагалось отправлять ежегодно для завершения образования в Московский университетский пансион по 8 учеников.

Как и многие, впервые вводимые начинания, становление народного просвещения на Кавказе шло проблемно. Причиной этому стало нежелание родителей отдавать детей на обучение в училище. Первоначальный состав учащихся, укомплектованный в 1802 году из детей грузинской знати, разбежался (*Gogitidze, Shiukashvili, 2016: 66*). Ввиду этого, администрация училища пошла на выдачу пособий из собственных денежных сумм для учащихся из малообеспеченных семей (*Статистическое описание, 1835: 94*). Выдача пособий продолжалась до 1830 года.

После завершения первыми воспитанниками курса обучения в училище, в 1807 году в Тифлисском училище был введен 4-х классный гимназический курс, а в 1819 году в учебном плане заведения произошли изменения: преподавание латинского и немецкого языка была заменено региональным компонентом – татарским языком. Помимо этого введено несколько военных дисциплин. Это было связано с тем, что в крае была большая потребность в местных военных кадрах. По такой учебной программе училище существовало до 1829 года. За это время количество

воспитанников возросло до 300 человек, а число преподавателей до 10. Общее финансирование проекта составило более 150 тыс. руб. ([Статистическое описание, 1835: 95](#)).

2 августа 1829 года Император Николай I утвердил положение о Закавказских училищах. В результате этого в Закавказском крае была учреждена гимназия (в Тифлисе) и 20 уездных училищ (Тифлис, Гори, Телави, Сигнаге, Елисаветполе, Душете, Джелал-оглы (укрепление в Бамбахской Дистанции), в Казахской Дистанции, Шуше, Шамахе, Нухе, Кубе, Баку, Дербенте, Эривани, Нахичеване, Ордубате, Кульпе, Кутаисе и в Мингрелии (с согласия владетельного князя).

Интересным является то, что 10 из 20 училищ предполагалось открыть в мусульманских районах (1 – в Дагестане и 9 – в Азербайджане), а остальные в Армении и Грузии.

Согласно положению курс обучения в гимназии состоял из 7 классов. В обязательную программу были включены: Закон Божий, грамматика, словесность, логика, математика, география, статистика, история, физика, начала российского правоведения и судопроизводства, чистописание, черчение, рисование. Языки изучались следующие: грузинский, татарский, армянский, французский и немецкий. При гимназии был учрежден Благородный пансион для 40 воспитанников, содержание которых на себя брало государство. В состав благородного пансиона входили также и воспитанники, обучающиеся за собственный счет.

Курс обучения в уездных училищах состоял из 2-х классов. Преподавательский штат состоял из законоучителя (духовное лицо того вероисповедания, к которому принадлежали обучающиеся) и двух наставников.

На содержание гимназии с пансионом выделялось 58,7 тыс. руб., а на 20 училищ – 76 тыс. руб. в год ([Статистическое описание, 1835: 96](#)).

В результате введения положения «Об уездных училищах» Тифлисское благородное училище стало гимназией. К 1834 году в Закавказском крае открылись 12 уездных училищ: в Гори, Телави, Сигнаге, Кутаисе, Шуше, Ахалцихе, Эривани, Баку, Нухе, Елисаветполе, Душете и с согласия мингрельского князя, в селении Новоглебии. Состоялось открытие пансиона при тифлисской гимназии. В нем обучалось 30 воспитанников за счет казны и 8 на условиях самофинансирования (200 руб. в год с одного учащегося). В гимназии и 12 уездных училищах обучалось 944 ученика, а преподавательский штат составлял 43 учителя (не включая директора и инспектора) ([Статистическое описание, 1835: 96](#)).

Таким образом, общее количество учащихся в Закавказском крае по состоянию на 1834 год составляло 986 человек ([Таблица 1](#)).

Таблица 1. Учебные заведения Закавказского края по состоянию на 1834 год ([Статистическое описание, 1835: 97](#))

Учебные заведения	Число учителей	Число учеников
Тифлисская гимназия	15	313
Уездные училища:		
Горийское	2	78
Телавское	4	58
Сигнагское	2	96
Кутаисское	3	104
Шушинское	3	47
Мингрельское	2	41
Ахалцихское	3	78
Эриванское	2	40
Бакинское	2	22
Нухинское	2	29
Елисаветопольское	1	38
Душетское	2	-
Итого:	43	944

Помимо этого в Закавказском крае имелись и частные учебные заведения. Среди них следует отметить:

1. Семинарию и духовное армянское училище в Тифлисе;
2. Частное армянское училище в Ахалцихе;

3. Школу Базельских миссионеров в крепости Шуше. Школа была основана в 1827 году базельскими миссионерами-протестантами из Швейцарии, которые представляли Базельское евангелическое общество, известное также как Базельская миссия ([ПСЗРИ, 2. Т. X: 768](#)). В 1834 году в ней обучалось 40 воспитанников из армян на безвозмездной основе. В школе преподавалось Священное Писание, армянский язык, арифметика и география. Для лучших учеников – греческий, латинский и английский языки. При школе имелась собственная типография с одним станком для перепечатывания учебных книг на армянском языке ([Статистическое описание, 1835: 97-98](#)).

В 1835 году Базельская миссия, в числе других не православных миссий в России была закрыта согласно указу Николая I (АКАК, 1881: 321).

Помимо этого дети обучались грамоте у духовенства своего исповедания, а особые школы находились в крупных селениях, а также там, где были монастыри и богатые мечети (Статистическое описание, 1835: 98).

Первые попытки введения системы народного просвещения на Кавказе, так же как и в Грузии в 1802–1805 гг., были очень тяжелы. В конце 1820 – начале 1830-х гг. в мусульманских районах результаты просветительской деятельности были весьма скромны. Так, не удалось открыть училища в следующих мусульманских районах: Джелал-оглы, в Казахской Дистанции, в Шамахе, Кубе, Дербенте, Нахичеване, Ордубате. Не удалось открыть училище в армянском селе Кульпе. В трех же открытых училищах для мусульман в Баку, Нухе и Елисаветполе общее количество учащихся не превышало и 100 человек. В то же время создание училищ в Грузии выполнялось в полном объеме (одно училище вместо Тифлиса открылось в Ахалцихе), а остальные в местах указанных по положению «Об уездных училищах».

Завершая обзор состояния системы народного просвещения на Кавказе в 1802–1834 гг. необходимо признать, что этот процесс стал весьма усложненным, так как население недоверчиво относилось ко всему новому (в особенности в условиях Кавказской войны). Министерство народного просвещения сталкивалось со стойким нежеланием христианского (1802–1805 гг.), а позднее и мусульманского населения отдавать своих детей в учебные заведения Российской империи. В связи с этим подстраиваясь под желания местного населения, преподавателям приходилось вносить коррективы в учебные планы и читать курсы так называемого регионального компонента. Помимо этого правительство разрешало вносить свою лепту в деле просвещения населения даже миссионерским организациям.

4.2. Второй период (1835–1871 гг.)

С 1835 года ситуация в регионе начала стабилизироваться, роль классического образования резко возросла. В данный период предпринимаются первые попытки русской администрации по централизации системы народного просвещения.

Первой инициативой на этом поприще стало запрещение не православным миссиям работать на Кавказе, подписанное Николаем I в 1835 году. В 1842 году утверждается штат учебных заведений Закавказского края, а в декабре 1848 года Николай I подписывает Положение о Кавказском учебном округе. Положением 1848 года система народного просвещения на Кавказе обрела внутреннюю целостность и систему.

Положение расширяло учебные программы гимназического курса и предусматривало также увеличение количества уездных и приходских училищ, но самое главное – это то, что разрозненные учебные заведения края стали подчиняться единому центру (Кобахидзе, 2015: 87–88).

29 октября 1853 г. вступило в силу «Положение о Кавказском учебном округе» (ПСЗРИ, Т. XXVIII. Отд. 1-е. № 27646), которое фиксировало принципы унификации системы образования на Кавказе и подведения его под общероссийские стандарты, хотя и продолжало содержать некоторые отступления, вызванные региональным компонентом. В этом Положении прописывался комплекс вопросов, связанных с организацией в Закавказском крае среднего и начального образования. Положение определяло типы уездных училищ: низшие – в уездных городах, высшие, четырехклассные – в губернских городах, не имеющих гимназий. Уездные училища также готовили учителей для начальных и частных школ. За довольно короткий период был сформирован слой местного чиновничества и торговой элиты (Кобахидзе, 2015: 88).

2 июля 1860 г. во время деятельности нового наместника Кавказа князя А.И. Барятинского было принято «Положение об управлении учебной частью на Кавказе» (Исторический обзор, 1902: 351). Согласно положению был упразднен Кавказский учебный округ, а главным распорядителем учебного дела становился непосредственно наместник. Главным же делом наместника стало учреждение на Северном Кавказе сети горских школ, находившихся на положении окружных училищ. По Уставу, утвержденному 20 октября 1859 г. (Материалы по истории, 1942: 94–102), цель учебных заведений заключалась в «распространении гражданственности и образования между покорившимися мирными горцами, и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средства к воспитанию и обучению детей» (Материалы по истории, 1942: 94). Основанные во Владикавказе, Нальчике, Темир-Хан-Шуре, Усть-Лабе, кр. Грозной и в Сухуме, горские школы стали первыми, специально созданными для местных народов, очагами светского образования.

Окончание Кавказской войны принципиально изменило гражданское устройство Закавказского края, что не замедлило отразиться и на системе народного просвещения.

25 июня 1867 г. было утверждено «Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом» (ПСЗРИ, Т. LXII. Отд. 1-е. № 44748). Этим документом обозначался курс на сближение местной политики в сфере образования с общероссийской, разработанной Министерством народного просвещения (далее – МНП). 9 декабря того же года восстанавливался Кавказский учебный округ (Гатагова, 1993: 65), а 13 января 1868 г. – и должность попечителя округа (Модзалевский, 1880: 60).

Средние учебные заведения Кавказского учебного округа теперь опирались на общий устав гимназий и прогимназий ведомства МНП от 19 ноября 1864 г. и делились на классические и реальные гимназии (ПСЗРИ, Т. XXXIX. Отд. 2-е. № 41472); низшие учебные заведения руководствовались «Положением о начальных народных училищах» от 14 июля того же года (Исторический обзор, 1902: 450).

Рассмотрим систему народного просвещения на Кавказе в цифрах. Так, по состоянию на 1868 год в Кавказском учебном округе насчитывалось 77 учебных заведений (Таблицы 2 и 3).

Таблица 2. Мужские учебные заведения Закавказского края в 1868 г. (Сборник статистических сведений, 1869: 156)

	Число учебных заведений	Число учащихся
Гимназии	6	2236
Прогимназии	3	350
Александровская учительская школа	1	31
Уездные и окружные училища	17	1937
Начальные двуклассные училища	5	1856
Начальные одноклассные училища	16	
Итого	48	6419

Таблица 3. Женские учебные заведения Закавказского края в 1868 г. (Сборник статистических сведений, 1869: 156)

	Число учебных заведений	Число учащихся
Закавказский девичий институт	1	175
Женские училища 1-го разряда	3	419
Ставропольское женское учебное заведение св. Александры	1	174
Заведения общества св. Нины	5	428
Женские училища 2-го разряда	2	85
Школы Тифлиского благотворительного общества	5	135
Частные школы и пансионы	11	712
Итого	29	2148

В штате учебных заведений Кавказского учебного округа находилось 375 сотрудников. Из них: попечитель – 1, почетных попечителей – 5, почетных смотрителей – 14, окружной инспектор – 1, директоров – 7, инспекторов – 9, учителей наук – 122, учителей искусств – 12, воспитателей – 11, помощников воспитателей – 21, штатных смотрителей – 20, учителей уездных училищ – 74, учителей начальных училищ и приготовительных классов – 62, чиновников при попечителе, чиновников в дирекциях и пр. – 16 (Сборник статистических сведений, 1869: 157).

При этом из общего количества учащихся в гимназиях русских было – 1001 человек, в прогимназиях русских – 290, в уездных училищах – 443. По национальностям в гимназиях преобладали русские, за ними следовали армяне и грузины; в уездных же училищах большинство составляли армяне, а потом грузины; в начальных училищах в числе учащихся в Кутаисской губернии преобладали грузины, но в общем итоге учащихся в казенных начальных училищах всего учебного округа оказывается значительный перевес на стороне армянского населения. Мусульмане составляли меньшинство везде, даже там, где, как в бакинской гимназии, владикавказской прогимназии и горских школах – им были предоставлены 2/3 казенных вакансий в пансионах (Сборник статистических сведений, 1869: 157).

По сведениям на 1866 год, учащиеся в казенных учебных заведениях Кавказского учебного округа распределялись по национальностям так:

В 3-х закавказских гимназиях и одной прогимназии – 1700 человек, из них: русских 468, армян – 392, имеретин – 360, грузин – 220, мусульман – 62.

В 2-х гимназиях Северного Кавказа – 552 человека, из них: горцев – 62, остальные почти все русские.

В 12 уездных училищах Закавказского края – 1461, из них: русских – 127, армян – 974, грузин – 152, мусульман – 175.

В 8 уездных и окружных училищах Северного Кавказа – 931 человек, из них: русских – 767, армян – 136, горцев – 28.

В 11 закавказских начальных училищах – 709 человек, из них: русских – 66, гурийцев и мингрельцев – 167, армян – 172, грузин – 53, мусульман – 87,

В 5 начальных училищах Кубанской области – 248. Почти все русские.

Таким образом, во всех учебных заведениях обучалось: русских – 2158 человек, армян – 1674, грузин – 425, имеретин – 360, мингрельцев и гурийцев – 167, мусульман (татар и горцев) – 394.

В армянских семинариях и духовных училищах обучалось в 1867 году – 1858 человек, в мусульманских школах при мечетях до 15 тыс. человек. В школах Общества восстановления православного христианства на Кавказе обучалось мальчиков, преимущественно горцев – 1098, и девочек 144. Всего 1242 человека. Из общего количества учащихся в 1867 году в правительственных учебных заведениях содержалось за казенный и общественный (войсковой) счет – 766 человек, из них мусульман – 203. Кроме того, значительное число воспитанников содержало Общество восстановления христианства – более 1,5 тыс. человек (*Сборник статистических сведений, 1869: 158*).

Ниже представлены данные об общем количестве учащихся:

1. Учащиеся в учебных заведениях, подведомственных попечителю Кавказского учебного округа – 6419;
2. В частных пансионах и школах, подведомственных попечителю Кавказского учебного округа – 743;
3. Учащихся женского пола – 2148;
4. В военных училищах и в полковых школах – 741;
5. В закавказских духовных училищах (православных) – 1048;
6. В армянских семинариях и духовных училищах – 1854;
7. В школах общества восстановления христианства – 1242;
8. В горских школах военного ведомства – 218;
9. В мусульманских школах при мечетях – 15 тыс.

Нет сведений о числе учащихся в приходских школах и училищах, в школах при иноверческих церквях, в сельских училищах Ставропольской губернии и в училищах духовного ведомства на Северном Кавказе. Общее число учащихся обоего пола, посещающих разного рода школы, во всем Кавказском Наместничестве можно приблизительно полагать в 45 тыс. человек (*Сборник статистических сведений, 1869: 158*).

Авторы приходят к выводу, что в 1835–1871 гг. происходил процесс централизации системы народного просвещения на Кавказе.

После окончания Кавказской войны организовывались горские школы на Северном Кавказе. Наряду с этим, формировался слой местного чиновничества и торговой элиты.

4.3. Третий период (1872–1917 гг.)

В 1872 году в России утвердилось положение о городских училищах (*ПСЗРИ, 1872, том XLVII. № 50909*). Согласно данному положению в стране запускался процесс преобразования 402 уездных училищ страны в городские с увеличением количества классов в каждом. Этот переход планировали осуществить поэтапно по мере подготовки преподавательских кадров в учительских институтах.

Ко времени издания положения на Кавказе насчитывалось 18 уездных училищ: 5 на Северном Кавказе и 13 в Закавказье. В учебных заведениях обучались в 1871 году 1,9 тыс. чел.: более 100 в каждом училище (*Зажаев, 1909: 502*).

Первое городское училище на Кавказе появилось в 1872 году: оно было открыто в Тифлисе, при учительском институте. В течение первого десятилетия (до 1883 года) процесс преобразования уездных училищ в городские почти завершился. Как результат, 17 уездных училищ отныне стали городскими. Также за указанный период на Кавказе были открыты еще 10 училищ.

Таким образом, к 1883 году городские училища располагались в: Тифлисе, Владикавказе, Озургетах, Моздоке, Ахалцихе, Шуше, Сигнах, Александрополе, Кизляре, Нухе, Шемахе, Дербенте, Майкопе, Анапе, Телаве, Нахичевани, Потти, Ейске, Баталпашинске, Темрюке, Ставрополе, Георгиевске, Новом Баязете, Карсе, Батуме и Кутаисе. Ежегодно появлялись по 1 – 3 училища, а в 1880 году сразу – 8. В последующие годы рост училищ был медленный. В 1884–1888 гг. было создано только 4 училища (Тифлис, Елисаветполе, Закаталах и в Пятигорске).

В следующее пятилетие еще 5 училищ: Ахалкалакское и Бакинское, Екатеринодарское, Тифлисское 2-е. К 1899 году на Кавказе было 40 городских училищ. С 1899 по 1903 г. количество училищ увеличилось на 23. А в 1904–1908 гг. еще 10 городских училищ. Процесс открытия новых учебных заведений был приостановлен в связи с событиями Первой русской революции.

Таблица 4. Количество учащихся в городских училищах Закавказского края в 1882–1908 гг. (Зажаев, 1909: 503)

годы	Число городских училищ	Распределение училищ по типам				Число классов и отделений							
		Двухклассные	Трехклассный	Четырехклассные	Шестиклассные	Подготовит.	1	2	3	4	5	6	ВСЕГО
1882	27	1	20	6	-	9	27	27	26	5	-	-	94
1888	31	2	22	7	-	14	43	37	28	7	-	-	129
1893	36	1	23	11	1	12	63	57	39	14	1	1	187
1898	40	3	22	6	9	16	73	64	49	19	12	12	247
1903	63	3	34	13	13	15	87	99	78	36	19	19	354
1908	73	2	24	23	24	16	50	56	92	75	63	63	404

Согласно данным [таблицы 4](#) до 1903 года наибольшую часть городских училищ составляли училища трехклассные; количество училищ четырехклассных и шестиклассных, хотя и увеличивалось с каждым годом, однако не превышало числа трехклассных. Ситуация изменилась после Первой русской революции.

По данным таблицы видно, что в 1882 году на каждое училище приходилось в среднем 3,5 класса, 1888 г. – 4,1, в 1893 – 5,2, в 1898 – 6, 1, в 1903 – 5,6, в 1908 г. – 5,5 класса. Понижение количества классов связывают с закрытием при некоторых училищах младших классов, а также открытием новых заведений, в которых поначалу не было полного числа классов.

Интерес представляют и данные распределения учащихся по национальному признаку.

Таблица 5. Распределение учащихся в городских училищах по национальному признаку за 1882–1908 гг. (Зажаев, 1909: 506)

годы	Русских	Грузин	Армян	Татар	Горцев	Евреев	Др. национал.
1882	1482	1258	1478	241	58	35	79
1888	1847	1484	1608	264	104	89	213
1893	2720	1872	1964	261	103	119	283
1898	3763	2371	2863	531	170	160	436
1903	5267	3928	3643	907	240	250	586
1908	6319	2857	2565	1322	246	310	497

Общее число учащихся в городских училищах Кавказа за время с 1882 по 1908 гг. ([Таблица 5](#)) увеличилось в 3 раза, тогда как показатель количества населения возрос за этот период только в два раза (с 5,3 до 11,3 млн человек). Обращаясь к рассмотрению данных о распределении учащихся по национальностям, мы замечаем, что количество учеников различных национальностей не всегда увеличивалось пропорционально общему числу жителей, принадлежащих к этим национальностям.

За время с 1882 по 1908 гг. количество русских живущих на Кавказе, увеличилось в 2,6 раза, грузин и армян в 2 раза, татар в 1,6 раза, горцев в 2,2 раза. Так как число учащихся в городских училищах за этот период возрастало в 1,5 раза быстрее, нежели количество населения, то при пропорциональном росте число учащихся русских должно было возрасти в 3,9 раза, грузин и армян в 3 раза, татар в 3,4 раза, горцев в 3,3 раза. Между тем мы видим, что количество русских учеников возросло в 4,3 раза, грузин в 2,3 раза, армян в 1,7 раза, татар в 5,5 раза и горцев в 4,2 раза. В то же время мы наблюдаем, что количество грузин и армян, учащихся в городских училищах, до 1903 года

возрастало, а в 1908 году значительно уменьшилось сравнительно с 1903 годом. На наш взгляд это произошло в связи с Первой русской революцией.

После окончания Первой русской революции процесс открытия новых школ продолжился. В 1905–1914 гг. количество начальных училищ увеличилось более чем на 30 % (3037 школ), а число учащихся в них почти на 50 % (302664 человек). Число общеобразовательных низших училищ с 67 возросло до 107 с 20 тыс. учеников, число средних учебных заведений с 202 увеличилось до 263, а число учащихся в них с 25 тыс. поднялось до 42 тыс. детей. Число специальных учебных заведений для подготовки учителей с 14 было увеличено до 24, где получили подготовительное образование до 1,1 тыс. человек, число промышленных училищ увеличилось немного, и их всего в крае было 29 с 3 тыс. учащихся. При школах открывались ремесленные и сельскохозяйственно-ремесленные отделения, всего было открыто в 1910–1913 гг. 56 таких отделений. Наконец, число коммерческих учебных заведений возросло с 7-ми до 30-ти, а число учащихся в них с 1,6 тыс. до 4,2 тыс. человек (Natolochnaya et al., 2016: 223). С началом Первой мировой войны ассигнования на систему народного просвещения сокращались, а на протяжении войны этот источник финансирования уменьшался. Тем не менее, к 1917 году на Кавказе был заложен мощный фундамент системы народного просвещения.

В 1872–1917 гг. происходил процесс качественного роста системы народного просвещения в России, в том числе на Кавказе. В данный период закладывалось шестиклассное образование в городских училищах, в результате чего кавказская школа начала готовить учащихся для поступления в университеты.

5. Заключение

Подводя итоги необходимо отметить, что система народного просвещения на Кавказе сталкивалась с многочисленными трудностями. Амбициозный проект 1829 года – Положение о Закавказских училищах, о создании в крае 20 уездных училищ реализовался только к 1873 году, то есть более 40 лет ушло на его реализацию.

Помимо этого для преодоления непонимания со стороны местного населения, кавказская администрация была вынуждена часто менять учебные планы и включать в него дисциплины регионального компонента. Тем не менее, к началу XX века система народного просвещения на Кавказе достигла уровня полноценной средней школы, и на повестку дня встал вопрос о создании первого высшего учебного заведения – университета.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Шифр: 100.01.

Литература

- АКАК – Акты, собранные Кавказской комиссией. Т. 8. Тифлис, 1881.
- Гатагова, 1993 - Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993. 143 с.
- Зажаев, 1909 - Зажаев П. Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе // На Кавказе. 1909. № 4.
- Исторический обзор, 1902 - Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 / сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902. 840 с.
- Кобахидзе, 2015 - Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. 3. С. 87-90.
- Куценко, 1973 - Куценко И.Я. Революция и культура (Очерк истории борьбы парторганизаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918–1932 гг.). Краснодар, 1973.
- Материалы по истории, 1942 - Материалы по истории осетинского народа: сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом / сост. В. С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II. 360 с.
- Модзалевский, 1880 - Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 3-96.
- Народное образование, 1980 - Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники). Сб. научных трудов. / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980.
- ПСЗРИ - Полное собрание законов Российской империи.
- Сборник статистических сведений, 1869 - Сборник статистических сведений о Кавказе. / Сост. Н.И. Воронов. Ч. 1. Тифлис, 1869.
- Статистическое описание, 1835 - Статистическое описание Закавказского края. / Сост. О. Евецкий. В 2 ч. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1835.
- Cherkasov, 2011 - Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // Social Evolution & history. 2011. № 2 (10). P. 138-149.

Gogitidze, Shiukashvili, 2016 – Gogitidze M., Shiukashvili I. To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis // Voennyi Sbornik, 2016, Vol.(12), Is. 2. Pp. 65-71.

Natolochnaya et al., 2016 - *Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I.* The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // Bylye Gody. 2016. Vol. 39, Is. 1, pp. 222-228.

References

AKAK - Akty sobrannye Kavkazskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Commission]. T. 8. Tiflis, 1881.

Gatagova, 1993 - *Gatagova L.S.* Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the XIX century.]. M.: Rossiya molodaya, 1993. 143 s.

Zazhaev, 1909 - *Zazhaev P.* Gorodskie uchilishcha po polozheniyu 1872 goda v Rossii i na Kavkaze [The urban schools on the status of 1872 in Russia and in the Caucasus]. // Na Kavkaze. 1909. № 4.

Istoricheskii obzor, 1902 - Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802-1902 [The historic overview of the activities of the Ministry of Education. 1802-1902]. / sost. S.V. Rozhdestvenskii. SPb., 1902. 840 s.

Kobakhidze, 2015 - *Kobakhidze E.I.* Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [The legislation of 1840-1870-ies in the sphere of education as a factor of integration of the Caucasian school in the Russian system of public education]. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 10. Ch. 3. S. 87-90.

Kutsenko, 1973 - *Kutsenko I.Ya.* Revolyutsiya i kul'tura (Ocherk istorii bor'by partorganizatsii Severnogo Kavkaza za osushchestvlenie kul'turnoi revolyutsii v 1918–1932 gg.) [Revolution and Culture (Essay on the history of the struggle of party organizations of the North Caucasus for the implementation of the Cultural Revolution in the 1918-1932 years)]. Krasnodar, 1973.

Materialy po istorii, 1942 - Materialy po istorii osetinskogo naroda: sbornik dokumentov po istorii zavoevaniya osetin russkim tsarizmom [Materials on the history of the Ossetian people: a collection of documents on the history of the conquest of Ossetians by Russian tsarism]. / sost. V. S. Gal'tsev. Ordzhonikidze, 1942. T. II. 360 s.

Modzalevskii, 1880 - *Modzalevskii L.* Khod uchebnogo dela v Kavkazskom krae s 1802 po 1880 god [The course of training in the Caucasus region from 1802 to 1880]. // Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1880 god. Tiflis, 1880. Otd. I. S. 3-96.

Narodnoe obrazovanie, 1980 - Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (Maloissledovannye problemy i istochniki) [Public education and pedagogical thought of Russia's Eve and the beginning of imperialism (unexplored problems and sources)]. Sb. nauchnykh trudov. / Pod red. E.D. Dneprova. M., 1980.

PSZRI - Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire].

Sbornik statisticheskikh svedenii, 1869 - Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [The collection of statistical information about the Caucasus]. / Sost. N.I. Voronov. Ch. 1. Tiflis, 1869.

Statisticheskoe opisanie, 1835 - Statisticheskoe opisanie Zakavkazskogo kraja [The statistical description of the Transcaucasian region]. / Sost. O. Evetskii. V 2 ch. Ch. 1. Sankt-Peterburg, 1835.

Cherkasov, 2011 - *Cherkasov A.A.* All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // Social Evolution & history. 2011. № 2 (10). p. 138-149.

Gogitidze, Shiukashvili, 2016 – Gogitidze M., Shiukashvili I. To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis // Voennyi Sbornik, 2016, Vol.(12), Is. 2. Pp. 65-71.

Natolochnaya et al., 2016 - *Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I.* The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // Bylye Gody. 2016. Vol. 39, Is. 1, pp. 222-228.

УДК 94

Становление системы народного просвещения на Кавказе (1802–1917 гг.): характерные особенности

Наталья Александровна Шевченко^{a, *}, Евгения Владимировна Видищева^b,
Ольга Владимировна Емельянова^c

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tusichka1@yandex.ru (Н.А. Шевченко),
evgenia-vv@mail.ru (Е.В. Видищева), gladnews@yandex.ru (О.В. Емельянова)

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^c Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается становление системы народного образования на Кавказе в 1802–1917 гг. Предложена периодизация процесса становления, уделено внимание количеству воспитанников в учебных заведениях, а также национальному составу. Источниками для подготовки статьи стали статистические отчеты и описания, материалы дореволюционной периодической печати, нормативно-правовые источники, а также современная научная литература.

При решении исследовательских задач были применены такие общенаучные методы как методы анализа и синтеза, конкретизации, обобщения. Помимо этого в работе использован историко-ситуационный метод, предполагающий изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

В заключение авторы приходят к выводу, что система народного просвещения на Кавказе сталкивалась с многочисленными трудностями. Амбициозный проект 1829 года – Положение о Закавказских училищах, о создании в крае 20 уездных училищ был реализован только к 1873 году, то есть потребовалось более 40 лет на реализацию этого проекта. Помимо этого для преодоления непонимания со стороны местного населения, кавказская администрация была вынуждена часто менять учебные планы и включать дисциплины регионального компонента. Тем не менее, к началу XX века система народного просвещения на Кавказе достигла уровня полноценной средней школы, и на повестку дня встал вопрос о высшем образовании.

Ключевые слова: система народного просвещения, Кавказ, Закавказский край, учебные заведения, 1802–1917 гг.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 373-381, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47).07

To the Issue of the Influence of Islam in Chechen Uprising in 1825 year

Vladimir B. Lobanov ^{a, *}, Dmitry V. Ovsjannikov ^b, Timur M. Karmov ^b

^a St. Petersburg State Forestry Engineering University, Russian Federation

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

In the article the authors analyze the causes, course and results of the rebellion of the highland plains of Chechnya and Dagestan in 1825. The special attention is given to the Muslim religion, which acted as an ideological factor in the formation of military-political confrontation of mountain peoples of the Caucasus and the Russian Empire. Analyzing the role of the leaders of the movement, such as Bay-Bulat Taimiev, the authors come to the conclusion that at this stage of confrontation with Russia, the mountaineers were able to rally not only the strong hand of military leader, but also islam. The relatively recent adoption of islam Vainakh tapes, and therefore low religiosity has led to the fact that the Muslim clergy were in a subordinate position in relation to the military-political leadership. The authors also share the concept of «Jihad» and «Gazavat» and conclude that for the highlanders Chechnya this movement had the character for «Gazavat» or struggle under religious banners in defense of its own territory, while Jihad must be understood as a struggle for the spread of Islam. The important issue is the formation of the foundations of statehood of the Chechens in the military-political events, the organization of institutions of local administrative authorities. These measures have helped Bay-Bulat to consolidate disparate and often warring highland society a common goal, and islam helped to overcome the intergeneric and intertribal tensions and marked the beginning of the folding of the Chechen nation. All this the authors parse based on the extensive material, including unpublished archival sources.

Keywords: islam, Caucasus, Chechnya, Sharia, tariqa, highlanders.

1. Введение

Борьба горских народов Северо-Восточного Кавказа против вхождения в состав Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. представляет собой особую главу в отечественной истории. События длительного процесса присоединения данного региона с самого своего начала привлекали пристальное внимание современников. Являясь эпохальным явлением в истории кавказских народов, борьба горцев Чечни и Дагестана заняла достойное место в трудах как отечественных, так и зарубежных историков.

В то же время ряд аспектов, связанных с духовно-религиозным фактором и его ролью в сопротивлении горских народов не получил вплоть до настоящего времени должного исследования в специальной литературе. В частности, необходимо заметить недостаточную изученность горского мусульманского духовенства, его структуры, положения в обществе, процесса становления, политической роли и т.п. На наш взгляд, во многом это было связано с тем, что в рамках доминирования формационного подхода ключевая роль в исследованиях отводилась исключительно экономическим, политическим и социальным факторам. С другой стороны, раскрытие исламского фактора было существенно затруднено тем, что практически отсутствовала источниковая база в достаточном количестве.

* Corresponding author

E-mail addresses: lobanov19772009@yandex.ru (V.B. Lobanov), warg-d@yandex.ru (D.V. Ovsjannikov), t.karmov@spbu.ru (T.M. Karmov)

Рассматриваемая эпоха породила целую плеяду героических личностей по обе стороны фронта. Как в отечественной, так и зарубежной историографии феномен имамата и персоне без преувеличения великого имама Шамиля своей тенью заслонили другие события, и исследователи незаслуженно обделили их вниманием. Так, чеченский «фронт» Кавказской войны гораздо менее изучен, чем события в соседнем Дагестане. В данной статье мы попытались проанализировать идейные основы (исламский фактор) в ходе восстания 1825 г. в Чечне, а также ту роль, которую сыграли отдельные лидеры горского общества в этом контексте.

2. Материалы и методы

Источники, на которые мы опирались, стоит разделить на две категории. К первой категории следует причислить неопубликованные архивные документы Российского государственного исторического архива (РГИА). В работе над статьей нами были использованы документы из личных фондов М.Т. Лорис-Меликова (Ф. 866) и И.Ф. Паскевича-Эриванского (Ф. 1018) (РГИА: Ф. 866. Оп. 1. Д. 16. Л. 6; РГИА: Ф.1018. Оп. 3. Д. 255. Л. 4).

Ко второй категории источников относятся отчеты, рапорты, донесения, обзоры вышестоящему начальству о военно-политических событиях на Северном Кавказе в данный период. Огромную роль при написании данной работы сыграли материалы, содержащиеся в «Актах Кавказской археографической комиссии» (АКАК, 1875). Все это позволило нам приблизиться к решению поставленной задачи.

Для того чтобы раскрыть обозначенную выше проблему, необходимо сделать обзор того как данный сюжет отображался в отечественной и зарубежной историографии.

Несмотря на слабое отражение в работах по истории Северного Кавказа религиозного аспекта горского сопротивления, имеются материалы, которые мы использовали в данном исследовании. Если сосредоточить внимание сугубо на географических рамках (т.е. на территории нынешней Чеченской Республики) и не затрагивать сопредельный Дагестан, то стоит отметить таких исследователей, как Л.Н. Колосов и А.Б. Закс, которые справедливо считали необходимым уделять особое внимание роли отдельных личностей в борьбе горцев (Колосов, 1991; Закс, 1992). Петербургский историк и выдающийся Ю.Ю. Карпов горских народах Северного Кавказа упоминает также и чеченцев в контексте исламской идентичности в исторической ретроспективе (Карпов, 1996). Московский историк и востоковед В.О. Бобровников также анализирует вопросы ислама на Кавказе и его места в общественной жизни горцев (Бобровников, 2002).

Говоря о зарубежной историографии вопроса, необходимо отметить вклад в изучение истории ислама в Кавказской войне англоязычного автора А. Зелькиной. Однако следует отметить, что ее работы имели политизированный оттенок в связи с тем, что выходили в годы вооруженного противостояния на Кавказе в постсоветский период. Подход западных исследователей не только не являлся беспристрастным, но был скорее алармистским ввиду политического давления на руководство Российской Федерации в связи с конфликтом в Чечне со стороны политических элит Запада. Характерным моментом было то, что издания подобного рода выходили при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США), а также Фонда Андрея Сахарова (Zelkina, 1996; Зелькина, 1999). Также следует упомянуть работы таких крупных англоязычных кавказоведов как израильского историка М. Гаммера, американских исследователей М. Ходарковского, М. Мамедова (Gammer, 2013; Khodarkovsky, 2008; Khodarkovsky, 2011; Mamedov, 2008).

К зарубежной ветви исследователей стоит также причислить М.М. Вацагаева – историка и политика (что неизбежно влияет на ангажированность), бывшего пресс-секретаря президента самопровозглашенной Чеченской республики Ичкерия А.А. Масхадова. Однако выходящий под его редакцией историко-культурологический онлайн журнал «Prometheus», а также его оригинальные исследования по истории чеченского народа в Новое время представляют определенный интерес (Вацагаев, 2003).

В то же время работы современных исследователей из Чеченской Республики по данному вопросу являются достойным продолжением отечественной научной мысли. Методология их исследований остается сугубо в научном поле, они не впадают в преклонение перед нарративом, а вписывают исторические факты в научные схемы и объективно подходят к изучению этих актуальных вопросов. Научный коллектив Академии наук Чечни во главе с Ш.А. Гапуровым при участии Я.З. Ахмадова, Ш.Б. Ахмадова и др. делает успешные попытки объективного освещения истории чеченцев в Новое время (Ибрагимов, 2008; Ахмадов, 2002; Ахмадов, 2009; Гапуров, 2002; Гапуров, 2003; Гапуров, 2007; Гапуров, 2008; Гапуров, 2014).

На международной научной конференции «Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений», посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева (Грозный, 12–13 ноября 2014 г.), была предпринята довольно успешная попытка систематизировать имеющиеся подходы в освещении малоизученных аспектов истории вайнахского общества в этот период, и роли ислама в частности. В то же время в очередной раз был сделан вывод о том, что вопрос генезиса и эволюции ислама как существенного фактора в военно-политических событиях на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв. требует более пристального исследования. Проблема усугубляется тем, что религиозный аспект не являлся специальным предметом изучения.

А работы по истории ислама на Кавказе фактически обходят вниманием вопрос вооруженной борьбы в переломный для горских народов XIX в.

3. Обсуждение и результаты

В первой четверти XIX в. большую популярность среди чеченцев завоевывает Бей-Булат Таймиев, состоятельный уздень, уроженец селения Илсхан-Юрт. Он родился предположительно в 1779 г. в семье колесного мастера Тайми из тейпа Билтой (самого многочисленного тукхума Нохчамахахой) в одном из селений Шалинского общества. В своих предприятиях (устранение конкурентов среди соплеменников-чеченцев, организация набеговых партий на казачьи станицы) он пытался объединиться для совместных действий с родственными ингушами и соседними кабардинцами.

К концу 1810-х гг. его авторитет укрепляется, и он становится общепризнанным военно-политическим лидером среди чеченцев (Гапуров, 2002: 285). К 1820-м гг. Бей-Булат пытается привлечь народы Дагестана к повстанческой борьбе против России. Так, по одному из сведений в 1823 г. предположительно он специально отправился в Дагестан в целях попытки организовать добровольческие отряды из дагестанских народов (Волконский, 1886: 46). Но Дагестан тогда был охвачен новым идейным учением, и местных горцев больше занимала борьба с дагестанскими феодалами и представителями русской военной администрацией, которая поддерживала последних. Однако эта поездка не была безрезультатной: Бей-Булат привез в Чечню муллу Магомеда (Блиев, 1994: 227) или, как называет его Н.А. Волконский, дагестанского муллу Магому (Волконский, 1886: 47).

«С весны 1824 г. по всей Чечне духовенство развернуло масштабную идеологическую деятельность, призывая народ к борьбе за веру и свободу», – отмечает Ш.А. Гапуров (Гапуров, 2002: 339). Это стало прологом к знаменательному событию в процессе консолидации вайнахских обществ. Внешним фактором, повлиявшим на специфику данных процессов в том же 1824 г. стала агитация против России с использованием панисламских лозунгов как со стороны Османской империи, так и Персии (РГИА. Ф.1018. Оп. 3. Д. 255. Л. 4).

29 мая 1825 г. Бей-Булату удалось собрать на «всечеченский» съезд, или «Совет страны» (Мехкхел), представителей соседних ингушских обществ, карабулаков (*орстхой*) и кумыков, которые были привлечены к борьбе. Для поднятия авторитета собрания у религиозных горцев специально были приглашены дагестанские богословы. Если доверять единственному источнику – Н.А. Волконскому, то можно сделать вывод, что восстание в Чечне 1825 г. было первым проявлением идей мюридизма на Кавказе. Это мнение утвердилось в работах отдельных исследователей, так как Волконский указывает, что среди прочих участников «Совета страны» «особое внимание обращали на себя мулла Кодухский и Гаджи Казикумухский» (Волконский, 1886: 75-76). Волконский считал, что под именем последнего на собрании присутствовал Магомед Ярагский. Причем присутствие лезгинского алима, мюршида суфийского тариката Накшбандийя, родоначальника идей мюридизма и духовного покровителя будущих имамов, он доказывает тем, что в это время проповедник из Ярага не был в Дагестане. Главным аргументом в подтверждение своей правоты Волконский ставит тот факт, что якобы «речь, которую он произнес 29 мая, совершенно тождественна со всеми его проповедями в Дагестане» (Волконский, 1886: 75-76). Но на наш взгляд это в корне не верно, так как сам вопрос о пребывании Магомеда Ярагского в Чечне весьма спорен. Во-первых, упоминание о присутствии на съезде встречается только у Волконского. Во-вторых, в источниках нет данных, что Магомед Ярагский покинул Дагестан после принятия им сана мюршида тариката Накшбандийя, т.е. после 1823 г. И наконец, стоит учитывать объективные препятствия в виде природных и географических условий. Таким образом, появление лезгинского богослова в Чечне на наш взгляд представляется маловероятным.

Скорее всего, упомянутые Волконским дагестанские богословы 29 мая приняли приглашение для того, чтобы убедить собрание, что их земляк – «мулла Маюртупский действительно пророк и бог избрал его...» (Волконский, 1886: 78). С их помощью народное собрание признало и утвердило Магомеда Майртупского имамом Чечни.

Вслед за Волконским историки XIX и XX вв. также полагали, что начавшееся после съезда восстание стало первым проявлением движения мюридизма на Северном Кавказе (Волконский, 1886: 51; Ковалевский, 1911: 157; Потто, 1904: 315; Магомедов, 1991: 35; Фадеев, 1960: 53). Так, советский историк В.П. Мирко, исследуя социально-политические процессы у кабардинцев, отмечал, что у их соседей-вайнахов под влиянием мусульманского воинствующего учения секты мюридов в 1824 г. вспыхнуло восстание, что можно рассматривать как одно из первых вооруженных выступлений на Кавказе под флагом мюридизма. Историк А.Л. Нарочницкий также указывал на то, что в середине 1820-х гг., «став во главе вооруженных выступлений, воинствующие проповедники ислама пытались подчинить народ своей власти, объединив его под знаменем религиозной идеологии мюридизма, которая уже в то время начинала распространяться на востоке Чечни и в сопредельных районах Дагестана... В 1824 г. в Восточной Чечне поднял восстание уздень Бейбулат Таймазов» (История народов, 1988: 37). Современный исследователь С.-У.Г. Яхиев пришел к выводу, что тарикат в первой четверти XIX в. пустил свои корни и в Чечне, где уже были устазы тариката, среди которых упоминают шейхов Абдул-Кадыра, Магомеда из Майртупа, Авко, Ахмета и Уди-муллу. Тарикат

Накшбандийя якобы к тому времени в Чечне имел свою организационную структуру и от него отпочковалось около «двух десятков дочерних братств, во главе каждого из которых был свой мюршид-учитель». На наш взгляд этот вывод не соответствует действительности. В Чечне к 1825 г. не успела бы сложиться суфийская организация, так как доктрина мюридизма получит развитие именно в Дагестане, а в Чечне первым шейхом, посвященным в тарикат Накшбандийя, будет Ташу-Хаджи в конце 1820-х – начале 1830-х гг. (Овсянников, 2012). А титул шейха, применяемый к вышеназванным религиозным деятелям, следует рассматривать лишь как указание на то, что они являлись представителями иерархии мусульманского духовенства.

В работах кавказоведов сложились спорные точки зрения на определение характера чеченских событий 1825 г. Одни исследователи считают, что это было народное восстание горцев против «колониальной политики царизм». Другие полагают, что восстание носило религиозный оттенок и проходило под лозунгами джихада и газавата с высокой степенью влияния исламского фактора на развитие и ход восстания. Причем эти понятия отождествляются историками, что является ошибочным. Так, «джихад» (дословно – усердие на пути к Аллаху) – это борьба за распространение веры (необязательно вооруженная), а «газават» – это непосредственно вооруженное выступление в защиту веры.

Рассматривая вопрос о степени влияния духовенства на характер восстания 1825 г. в Чечне видный исследователь Ш.А. Гапуров приходит к выводу, что религиозный аспект был лишь вспомогательным фактором в подготовке восстания, и духовенство играло второстепенную роль, подчиняясь Бей-Булату. Тезис о том, что горцы объявили России религиозную войну, им оспаривается. Подчиненность духовенства выразилась в церемонии избрания имама, которая была инспирирована Бей-Булатом. Только после того как последний поклялся на Коране в истинности слов Магомеда, тот был поддержан остальными чеченцами (Потто, 1994: 131).

В Чечне, на наш взгляд, был провозглашен именно «газават» против экспансии России. Данный тезис подтверждается тем, что зачаточные формы государственности, которые возникли в Чечне с мая 1825 г. (после съезда), отличались от последующего теократического устройства имамата, созданного в 1830–1850-е гг. Тем не менее, исламский фактор в событиях 1825 г. играл значительную роль. «Слово «газават», призыв к войне, сорвалось в собрании», – писал П.И. Ковалевский (Ковалевский, 1911: 157). В итоге на «Совете страны» имамом с подачи Бей-Булата стал Магомед Майртупский как духовный глава горских повстанцев, а военным руководителем – сам Бей-Булат (РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 16. Л. 6). Также были избраны «тургаки» – главы селений, которые представляли собой административную власть на местах. Представители чеченских вольных обществ и муллы дали клятву подготовить население к борьбе с российской властью и «выдвинуть его» под знамя Бей-Булата «по первому зову» (Гапуров, 2002: 342; Волконский, 1886: 79–80).

Таким образом, это распределение властных полномочий стало первым проявлением административных институтов в Чечне. По мнению Н.И. Покровского, решения, принятые на собрании, стали «первой попыткой установить свою администрацию» в чеченском обществе (Покровский, 2000: 143). М.М. Блиев и В.В. Дегоев пришли к выводу о том, что события в Майртупе в мае 1825 г. «символизировали начавшийся процесс... этнической консолидации» и «формирования народности» чеченцев (Блиев, 1994: 233).

Бей-Булат использовал исламские нормы как цементирующую основу для объединения горцев Чечни. В своих призывах на совете он говорил, «что Бог, наконец, сжалился над своими людьми и послал им пророка, который должен их очистить от грехов и заблуждений и освободить от врагов; что все мусульмане обязаны примириться друг с другом, изменить свой образ жизни, следовать шариату, не воровать ничего у своих соплеменников и соединиться дружно и тесно для общего дела – восстания против русских» (Волконский, 1886: 78). Упоминание о нормах шариата, прекращении воровства и единении всех вайнахов в борьбе уже высказывались шейхом Мансуром, что отметил Ш.А. Гапуров (Гапуров, 2002: 152). Это также отражает рост влияния религиозных идей на принятие политических решений лидерами народно-освободительных движений на Северном Кавказе.

И наконец, на съезде было решено немедленно начать восстание против России, после чего «чеченцы с воодушевлением стали спланиваться во имя новой религии» (Экштут, 1994: 112).

Вместе с тем генерал-майор Н.В. Греков не обращал внимания на донесения кумыкского князя Мусы Хасаева и кумыкского пристава капитана Филатова о народных волнениях, так как считал чеченцев усмирёнными ежегодными карательными экспедициями в их земли.

В конце июня 1825 г. в Чечню прибыли свыше 300 лезгин во главе с гембетовским кадием Дибир-Али и аварским чанкою Андаловым (Волконский, 1886: 89). В это же время имам Магомед Майртупский объезжал Большую и Малую Чечню, подготавливая восстание (Гапуров, 2002: 352). Начало было положено осадой укрепления Злобный Окоп, который был взят горцами во главе с Яхья-ханом. А имам Магомед с частью сил пошел в Кумыкию разжигать восстание в равнинном Дагестане, в то время как Бей-Булат направился в земли родственных ингушских и карабулакских обществ.

Стратегическое значение Кумыкской плоскости было осознано горскими предводителями. Используя наступательную инициативу, было решено атаковать укрепления Герзель-аул и Амир-Аджи-Юрт (Волконский, 1886: 126). Успех сопутствовал горцам, и Амир-Аджи-Юрт был взят

чеченцами, к которым присоединилась часть кумыков (Фадеев, 1960: 53). «Слухи об этой удаче, в десять раз увеличенные, разнеслись по горам. Вера в пророка сделалась непоколебимою, и скоро многие смежные с чеченцами народы, даже часть постоянно покорных нам кумыков, пристали к бунту, и в несколько дней собрались до 3 000 горцев, исполненных отваги и суеверной надежды на будущие успехи» (Сахно-Устимович, 2006: 157).

В тот же день был осажден Герзель-аул. Русский гарнизон храбро держал осаду семь дней. 27 июля Греков и его начальник генерал-лейтенант Д.Т. Лисаневич отбросили осаждавших. На следующий день русские генералы в целях наказания кумыков, на чьей земле произошли столь дерзкие нападения, пригласили в редут 300 жителей Аксая, намереваясь их арестовать. Лисаневич, владея местными наречиями, стал их ругать по-кумыкски и, угрожая наказать за измену, приказал им сдать свои кинжалы. Один из горцев, упоминаемый в источниках как Хаджи Учар Якуб, отказался сделать это. Греков в гневе ударил его по лицу, на что Якуб кинжалом нанес смертельные ранения самому Грекову, а также Лисаневичу и еще двум офицерам. Умирая, Лисаневич велел солдатам перебить всех горцев (РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 16. Л. 6). Все 318 горцев были переколоты штыками.

После резни в Герзель-ауле участник подавления чеченского восстания Сахно-Устимович писал: «Явился новый пророк. Который опять предсказал несомненную удачу [речь идет о Магомед Майртупском. – Авт.]. Посланы были нарочные ко всем соседственным горцам, чтобы и их склонить к участию в общем для всех мусульман деле; и можно было опасаться, что все народы, находящиеся на левом фланге линии, от Владикавказа м Сунжи до Каспийского моря, даже Северный Дагестан, поднимут против нас оружие» (Сахно-Устимович, 2006: 159). И действительно, массовое убийство горских старшин вызвало мятеж жителей Аксая. Основная их часть (вместе с жителями Эндирея) во главе с кадием ушла в лес и обратилась за помощью к Бей-Булату. Восставших поддержали жители других кумыкских селений Эрпели, Казанища, Карабудахкента, Губдена и Ишкарты. «Бунт в этом крае стал поголовным», – отмечает современник (Волконский, 1886: 126). В пик восстания, когда под контролем горцев находились Северная Кумыкия, равнинная Чечня и примкнувшая часть карабулаков и ингушей, численность восставших была от 6 до 7 тысяч.

Участие жителей Северной Кумыкии в восстании заставило генерала А.П. Еромолова уделить и этому району пристальное внимание. В дальнейшем, опасаясь нового возмущения в этом стратегически важном месте Дагестана, он предписывал начальнику Кавказской линии ограничить произвол российских военных над кумыками. «Обратите особенное внимание на расположенные в крепости Внезапной и укреплении при Таш-Кичу гарнизоны, которые чрезмерными требованиями своими обращаются в крайнюю тягость жителей и возбуждают их ропот, – указывает главнокомандующий 30 апреля 1826 г. – Требуйте, чтобы, во всяком случае, офицеры и нижние чины обращались с жителями ласково и снисходительно; в особенности наказывайте строго малейшую наглость против женщин, ибо нескромное с ними поведение наиболее озлобляет мусульман» (АКАК, 1875: 565).

Расположив сильный отряд в селении Эндери, Еромолов устранил желавших примкнуть к чеченцам, а, приласкав невоевавших, он обеспечил себе поддержку в их среде. Аксаевцы за участие в осаде Герзель-аула были наказаны переселением на р. Таш-Кичу под надзор укрепления (Гапуров, 2002: 367). И к середине лета кумыкские уздени отходят от восставших.

В целом 1825 г. выдался в Дагестане относительно спокойным, что позволило все военные силы края направить на подавление восстания в Чечне. «Тишина в Дагестане давала мне полную свободу действовать против чеченцев и строго наказывать их», – писал «проконсул» в 1825 г. в своих дневниковых записях (Еромолов, 1991: 415).

Наступательная инициатива была за горцами, а отсутствие активных действий русских войск в Чечне осенью стало апогеем власти, достигнутой Бей-Булатом. Созывались регулярно собрания для решения вопросов движения. Бей-Булату был пожалован титул «Мехкан да» – «владелец страны» (Гапуров, 2002: 372).

Несмотря на удачный ход борьбы и поражение отряда русских войск под командованием подполковника Т.В. Сорочана в Ханкальском ущелье 6 октября, многие горские крестьяне вынуждены были покинуть лагерь повстанцев в связи с уборочными работами. Одновременно горцы несли заметные потери в живой силе. В конце осени от восстания отошли надтеречные чеченцы. К концу года уставшее от войны население отказывалось дальше поддерживать Бей-Булата. Как свидетельствует Сахно-Устимович, «1 февраля [1826 г. – Авт.] не слышно было ни одного выстрела, и не видно ни одного чеченца!.. В этот же день явились многие жители Большой Атаги, депутаты от деревни Большой Чечень, деревни Шевдон и от половины деревни Альды с повинной головою и с просьбами о пощаде» (Сахно-Устимович, 2006: 166).

Несмотря на все вышесказанное, одной из основных причин поражения восстания было отсутствие именно консолидации горских народов. Как отмечали исследователи восстания, «религиозность в Чечне невысока, а в Ичкерии и вовсе слаба» (Гапуров, 2002: 402). Кроме того, сами лидеры не отличались высокой религиозностью и подчинили себе представителей мусульманского духовенства, которые могли бы при наличии всей полноты власти поднять роль исламского фактора на более высокий уровень, как ранее это сделал кадий Абдул-Кадыр. Руководящую роль взяли на себя

лидеры набеговых партий, такие как Бей-Булат, Астемир и др. Это были отважные наездники и воины, для которых военный промысел стал основой существования.

Н.И. Покровский писал по этому поводу: «Магома был провозглашен вождем священной войны, имамом. Но фактически во главе восстания стоял Бейбулат. Этот факт говорит о сравнительной слабости мюридистских идей, да и вообще магометанских идей в Чечне. На первом плане в движении – не мулла, как это всегда бывало позднее, а светский вождь» (Покровский, 2000: 143).

4. Заключение

Таким образом, в ходе восстания в Чечне в 1825 г. имам был провозглашен не на совете («шура») духовных лиц, а всенародно. Решение о всеобщем антироссийском восстании также принималось народным собранием. Оно и заложило основы вайнахской государственности. Духовенство в этой военно-политической системе играло подчиненную роль.

Готовя массовое восстание на территории Чечни, Бей-Булат Таймиев стремился объединить не только чеченские общества, но и старался заручиться поддержкой со стороны близкородственных вайнахов (ингушские и карабулакские общества), а также соседних народов Дагестана, в особенности кумыков. Можно утверждать, что за этим просматривался далеко идущий план создания союза народов Северо-Восточного Кавказа.

Нельзя не упомянуть об изменении политических методов русских властей по отношению к горцам. Так, Ермолов начинает отказываться от одностороннего применения только силовых мер при установлении и укреплении российского господства. В его подходе к этому наблюдается теперь определенная гибкость, стремление разобраться и в какой-то мере учесть в своей политике специфику, особенности социальных отношений в горской среде.

Таким образом, восстание 1825 г. стало следующим этапом Повстанческого движения горцев Чечни. В ходе него были заложены основы государственных институтов в вайнахском обществе, которое совершало переход от «военной демократии» к феодализму. Но двоевластие в Чечне (духовное руководство в лице имама и военное в лице Бей-Булата) не позволило объединиться на основе единой идеологии чеченским тейпам. Религиозность многих руководителей движения была под большим сомнением, исламский фактор в данный период времени играл лишь подчиненную роль.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту СПбГУ «Кризис идентичности на постсоветском пространстве в зеркале конфликта», шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.279.2014.

Литература

- АКАК, 1875 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 6. Ч. 2. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1875. 954 с.
- Ахмадов, 2002 – Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 528 с.
- Ахмадов, 2009 – Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках М.: «Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы», 2009. 422 с.
- Блиев, 1994 – Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
- Бобровников, 2002 – Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М. «Восточная литература», 2002. 368 с.
- Вачагаев, 2003 – Вачагаев М. Чечня в Кавказской войне XIX ст.: события и судьбы. Киев, 2003. 367 с.
- Волконский, 1886 – Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 год в связи с мюридизмом. // Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1886. С. 1 – 224.
- Гапуров, 2002 – Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. Нальчик: «Эль-Фа», 2002. 448 с.
- Гапуров, 2003 – Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в период «проконсульства» А.П. Ермолова (1816–1827 гг.) Нальчик: «Эль-Фа», 2003. 381 с.
- Гапуров, 2007 – Гапуров Ш.А., Израйлов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (страницы хроники русско-горской трагедии). Нальчик: «Эль-Фа», 2007. 310 с.
- Гапуров, 2008 – Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйлов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат, 2008. 482 с.
- Гапуров, 2014 – Гапуров Ш.А., Гацеева Т.И. Страницы истории российско-чеченских отношений (конец первой трети XIX века). // Фундаментальные исследования. № 9-9. 2014. С. 2096–2101.

- Еромолов, 1991 – Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798-1826. М.: Высшая школа, 1991. 475 с.
- Закс, 1992 – Закс А.Б. Ташев-Хаджи – сподвижник Шамиля. Грозный: «Книга», 1992. 152 с.
- Зелькина, 1999 – Зелькина А. Ислам в Чечне до российского завоевания. // Чечня и Россия: общества и государства. М.: «Полинформ – Талбури», 1999. С. 40-62.
- Ибрагимов, 2008 – Ибрагимов М.М. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Том I. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 828 с.
- История народов, 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: «Наука», 1988. 670 с.
- Карпов, 1996 – Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 312 с.
- Ковалевский, 1911 – Ковалевский П.И. Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки. СПб.: тип. М.И. Акинфиева, 1911. 334 с.
- Колосов, 1991 – Колосов Л.Н. Славный Бейбулат. Грозный, «Книга», 1991. 173 с.
- Магомедов, 1991 – Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала: Фонд Шамиля, 1991. 134 с.
- Овсянников, 2012 – Овсянников Д.В. Ташу-Хаджи: суфий и политик. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2, История. 2012. Вып. 4. С. 158-165.
- Покровский, 2000 – Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. 535 с.
- Потто, 1904 – Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 1. Тифлис: тип. Я.И. Либермана, 1904. 594 с.
- Потто, 1994 – Потто В.А. Кавказская война. В 5 Т. Т.2. Ставрополь: «Кавказский край», 1994. 688 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Сахно-Устимович, 2006 – Сахно-Устимович П.М. Описание чеченского похода 1826 г. // Звезда. № 10. 2006. С. 145-179.
- Фадеев, 1960 – Фадеев А.В. Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни. // История СССР. 1960. № 4. С.37-58.
- Экштут, 1994 – Экштут С.А. В поиске исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1994. 228 с.
- Gammer, 2013 – Gammer M. Empire and mountains: The case of Russia and the Caucasus. // Social Evolution and History. 2013. Issue 2. Vol. 12. Pp. 120–142.
- Khodarkovsky, 2008 – Khodarkovsky M. The indigenous Elites and the construction of ethnic identities in the North Caucasus // Russian History. 2008. Vol. 35. Issue 1. pp. 129–138.
- Khodarkovsky, 2011 – Khodarkovsky M. Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus. NY: Cornell University Press. 2011. 224 p.
- Mamedov, 2008 – Mamedov M. «Going native» In the Caucasus: problems of Russian Identity, 1801–1864. // The Russian Review. 2008. Vol. 67. Issue 2. pp. 275–295.
- Zelkina, 1996 – Zelkina A. Islam and Society in Chechnia: From the Late Eighteenth to the Mid-Nineteenth Century. // Journal of Islamic Studies. Vol. 7. №. 2. 1996. pp. 240–264.

References

- AKAK, 1875 – Aktyi Kavkazskoy arheograficheskoy komissii. [The acts of the Caucasian archaeographic Commission]. Vol. 6. Part 2. Tbilisi: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1875. 954 p. (In Russian)
- Akhmadov, 2002 – Akhmadov Sh.B. Chechnya i Ingushetiya v XVIII – nachale XIX vv. [Chechnya and Ingushetia in the XVIII – early XIX centuries] Elista: Jangar, 2002. 528 p. (In Russian)
- Akhmadov, 2009 – Akhmadov Y.Z. Ocherk istoricheskoy geografii i jetnopoliticheskogo razvitija Chechni v XVI–XVIII vekah. [Essay on the historical geography and political development in Chechnya in the XVI–XVIII centuries] M.: Blagotvoritel'nyj fond podderzhki chechenskoy literatury, 2009. 422 p. (In Russian)
- Bliev, 1994 – Bliev, M.M., Degoev, V.V. Kavkazskaya vojna. [Caucasian war] M.: Roset, 1994. 592 p. (In Russian)
- Bobrovnikov, 2002 – Bobrovnikov V.O. Musulmane Severnogo Kavkaza: obyichay, pravo, nasilie [The Muslims of the Northern Caucasus: tradition, law, violence]. M.: Vostochnaya literature, 2002. 368 p. (In Russian)
- Vachagaev, 2003 – Vachagaev M. Chechnya v Kavkazskoy vojne XIX st.: sobyitiya i sudby [Chechnya in the Caucasian war of XIX century: events and fate]. Kiev, 2003. 367 p. (In Russian)
- Volkonsky, 1886 – Volkonsky N.I. Voyna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 god v svyazi s myuridizmom [The war in the Eastern Caucasus from 1824 to 1834, in connection with the Muridism]. Kavkazskiy sbornik [The Caucasian collection]. Vol. 10. Tbilisi: Tipografiya okruzhnogo shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1886. pp. 1 – 224. (In Russian)

- Gapurov, 2002** – *Gapurov Sh.A.* Rossiya i Chechnya v pervoy chetverti XIX veka [Russia and Chechnya in the first quarter of the XIX century]. Nalchik: El-fa, 2002. 448 p. (In Russian)
- Gapurov, 2003** – *Gapurov Sh.A.* Severnyiy Kavkaz v period «prokonsulstva» A.P. Ermolova (1816 – 1827 gg.). [The North Caucasus during the «proconsul» of A.P. Ermolov (1816 – 1827)] Nalchik: El-fa, 2003. 381 p. (In Russian)
- Gapurov, 2007** – *Gapurov Sh.A., Israilov A.M., Tovsultanov R.A.* Chechnya na zavershayuschem etape Kavkazskoy voynyi (stranitsyi hroniki rusско-gorskoy tragedii). [Chechnya at the final stage of the Caucasian war (page Chronicles of the Russo-Gorsky tragedy)]. Nalchik: El-fa, 2007. 310 p. (In Russian)
- Gapurov, 2008** – *Gapurov Sh.A., Abdurahmanov D.B., Israilov A.M.* Dagestan v kavkazskoy politike Rossii v pervoy chetverti XIX v. [Dagestan in Caucasian policy of Russia in the first quarter of the XIX century] Nalchik: Rep. poligrafkombinat, 2008. 482 p. (In Russian)
- Gapurov, 2014** – *Gapurov S.A., Gaziev T.I.* Stranitsyi istorii rossiysko-chechenskih otnosheniy (konets pervoy treti XIX veka) [Page the history of Russian-Chechen relations (the end of the first third of the XIX century)]. Fundamentalnyie issledovaniya . № 9-9. 2014. pp. 2096 – 2101. (In Russian)
- Ermolov, 1991** – *Ermolov A.P.* Zapiski 1798-1826. [Notes by A. P. Ermolov. 1798-1826]. M.: Vysshaya shkola, 1991. 475 p. (In Russian)
- Zaks, 1992** – *Zaks A.B.* (1992) Tashev-Hadzhi – spodvizhnik Shamilya [Tashev-Hadji – the companion of Shamil.]. Grozny: Kniga, 1992. 152 p. (In Russian)
- Zelkina, 1999** – *Zelkina A.* Islam v Chechne do rossiyskogo zavoevaniya [Islam in Chechnya before the Russian conquest]. Chechnya and Russia: societies and States. [Chechnya i Rossiya: obschestva i gosudarstva]. M: Polyform – Tilbury, 1999. pp.40-62. (In Russian)
- Ibragimov, 2008** – *Ibragimov, M.M.* Istoriya Chechni s drevneyshih vremen do nashih dney. T. I. Istoriya Chechni s drevneyshih vremen do kontsa XIX veka [History of Chechnya from ancient times to the present day. Vol. I. The History of Chechnya from ancient times to the late nineteenth century]. Grozny: Knizhnoe izdatelstvo, 2008. 828 p. (In Russian)
- Istoriya narodov, 1988** – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. - 1917 g.) [The history of the peoples of the North Caucasus (end of XVIII century - 1917)]. Resp. edited by L. A. Narochitskaya. M.: Nauka, 1988. 670 p. (In Russian)
- Karpov, 1996** – *Karpov U.U.* Dzhigit i volk. Muzhskie soyuzyi v sotsiokulturnoy traditsii gortsev Kavkaza [The Dzhigit and the wolf. Male alliances in their social and cultural traditions of highlanders of the Caucasus]. SPb.: MAE RAN, 1996. 312 p. (In Russian)
- Kovalevskii, 1911** – *Kovalevskii P.I.* Zavoevanie Kavkaza Rossiey. Istoricheskie ocherki [The conquest of the Caucasus by Russia. Historical essays]. SPb.: tip. M. I. Akinfeeva, 1911. 334 p. (In Russian)
- Kolosov, 1991** – *Kolosov L.N.* Slavnyiy Beybulat [Glorious Baybolat]. Grozny: Kniga, 1991. 173 p. (In Russian)
- Magomedov, 1991** – *Magomedov R.M.* Borba gortsev za nezavisimost pod rukovodstvom Shamilya [The struggle of the highlanders for independence under the leadership of Shamil]. Makhachkala: The Fund of Shamil, 1991. 134 p. (In Russian)
- Ovsyannikov, 2012** – *Ovsyannikov D.V.* Tashu-Haji: sufii i politic [Tasha-Haji: a Sufi and politician]. Vestnik St. Petersburg state University. Ser. 2. 2012. Vol. 4. pp. 158-165. (In Russian)
- Pokrovsky, 2000** – *Pokrovsky N.I.* Kavkazskie voynyi i imamat Shamilya [The Caucasian war and Shamil's Imam]. M.: ROSSPEN, 2000. 535 p. (In Russian)
- Potto, 1904** – *Potto V.A.* Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze. [Approval of Russian domination in the Caucasus]. Vol. 3. Part 1. Tiflis: tip. J. I. Lieberman, 1904. 594 p. (In Russian)
- Potto, 1994** – *Potto V.A.* Kavkazskaya vojna [The Caucasian war]. 5 Vol. Vol. 2. Stavropol: Kavkazskiy Kray [Caucasian region], 1994. 688 p. (In Russian)
- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyiy istoricheskiy arhiv [The Russian state historical archive].
- Sakhno-Ustimovich, 2006** – *Sakhno-Ustimovich P.M.* Opisanie chechenskogo pohoda 1826 g. [Description of the Chechen campaign 1826]. Zvezda [The Star]. №10. 2006. pp. 145-179. (In Russian)
- Fadeev, 1960** – *Fadeev A.V.* Vozniknovenie myuridistskogo dvizheniya na Kavkaze i ego sotsialnyie korni [The origin of muridism movement in the Caucasus and its social roots]. Istoriya SSSR [History of the USSR]. 1960. № 4. pp.37-58. (In Russian)
- Ekshut, 1994** – *Ekshut S.A.* V poiske istoricheskoy alternativyi. Aleksandr I. Ego spodvizhniki. Dekabristyi. [In the search for historical alternatives. Alexander I. of His associates. Decembrists.] M.: «Rossiya molodaya» [Young Russia], 1994. 228 p. (In Russian)
- Gammer, 2013** – *Gammer M.* Empire and mountains: The case of Russia and the Caucasus. Social Evolution and History. Issue 2. Vol. 12. pp.120 - 142. (In English)
- Khodarkovsky, 2008** – *Khodarkovsky M.* The indigenous Elites and the construction of ethnic identities in the North Caucasus // Russian History Vol. 35 Issue 1. pp. 129 - 138. (In English)
- Khodarkovsky, 2011** – *Khodarkovsky M.* Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus. NY: Cornell University Press. 224 p. (In English)
- Mamedov, 2008** – *Mamedov M.* «Going native» In the Caucasus: problems of Russian Identity, 1801 – 1864. The Russian Review. 2008. Vol. 67. Issue 2. pp. 275 – 295. (In English)

Zelkina, 1996 – Zelkina A. Islam and Society in Chechnia: From the Late Eighteenth to the Mid-Nineteenth Century. Journal of Islamic Studies. Vol. 7. №2. 1996 pp. 240 – 264. (In English)

УДК 94(47).07

К вопросу о влиянии ислама на Чеченское восстание 1825 года

Владимир Борисович Лобанов ^{a, *}, Дмитрий Владиславович Овсянников ^b,
Тимур Михайлович Кармов ^b

^a Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье авторы анализируют причины, ход и итоги восстания горцев Чечни и равнинного Дагестана в 1825 году. Особое внимание уделяется мусульманской религии, которая выступила как идеологический фактор в формировании вооруженного противостояния горцев Северного Кавказа России. Анализируя роль руководителей движения, таких как Бей-Булат Таймиев, авторы пришли к выводу, что на данном этапе противостояния с Россией горцев смогла сплотить не только твердая рука военного предводителя, но и ислам. Относительно недавнее принятие ислама вайнахскими тейпами, а соответственно и невысокая религиозность привели к тому, что мусульманское духовенство находилось в подчиненном положении по отношению к военно-политическому руководству. Также авторы разделяют понятия «джихад» и «газават» и делают вывод, что для горцев Чечни данное движение носило характер «газавата» или борьбы под религиозными знаменами в защиту собственной территории, в то время как джихад следует понимать как борьбу за распространение ислама. Важным сюжетом работы является формирование основ государственности чеченцев в ходе военно-политических событий, организация институтов местной административной власти. Эти меры позволили Бей-Булату консолидировать разрозненные и нередко враждующие горские общества единой цели, а ислам способствовал преодолению межродовых и межплеменных противоречий и положил начало складыванию чеченской народности. Все это авторы разбирают на основе широкого материала, в том числе и неопубликованных архивных источников.

Ключевые слова: ислам, Кавказ, Чечня, шариат, тарикат, горцы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lobanov19772009@yandex.ru (В.Б. Лобанов),
warg-d@yandex.ru (Д.В. Овсянников), t.karmov@spbu.ru (Т.М. Кармов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 382-391, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century

Aleksandr A. Cherkasov^{a, *}, Vladimir G. Ivantsov^b, Michal Smigel^c, Violetta S. Molchanova^a

^a Laboratory of world civilizations, International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

^b Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^c Matej Bel University, Slovak Republic

Abstract

The social class structure of the Black sea tribes, the resettlement area which was the territory from Anapa to the river Bzyb, has not yet become a subject of research in the historiography. Natukhaity and shapsugs of Adygeyan tribe, ubykhhs, and also jikis of Abaza tribe lived in the territory during the first half of the XIX century. The data sources on the population in this territory at a specified time are contradictory, thus practically does not reflect the proportion of estates.

The authors attracted as sources the statistical materials of 1800-1860-ies, including those published in the modern period on the Abkhazia (Abaza tribe) and the Kuban. By the comparison of the different sources there was made an attempt to calculate the proportion of the population on the estates, namely: the proportion of princes, nobles, free inhabitants, dependent inhabitants, slaves separately for coastal and mountain societies. In addition there were attracted the sources of personal origin – diaries and memoirs, the works of Abkhazians who lived among travelers, and, of course, the scientific literature.

The authors used the methods of demographic statistics for reconstruction of the population of the tribes of the Black sea region due to the presence of incomplete data on the number of classes.

In conclusion the research provides with the accumulated statistical data on total population, population class and gender.

Keywords: the hillmen of the Black sea region, jikis, medovevtsy, ubykhhs, shapsugs, natukhaity, princes, nobles, the free inhabitants, the dependent inhabitants, slaves.

1. Введение

История малых народов в постсоветский период привлекает большое внимание не только специалистов (историков, филологов, этнологов), но и широких кругов общественности. Этот интерес возрастает в особенности, если речь идет о народах, которые прекратили свое существование. На территории Северо-Западного Кавказа одним из таких народов являлись убыхи, покинувшие территорию Причерноморья в 1864 году и переселившиеся в Турцию, где впоследствии ассимилировали. В то время на территории Причерноморья проживали также общества черкесского происхождения – натухайцы, шапсуги и общество абазинского происхождения – джигеты, которые также переселились в Турцию.

Следует отметить, что сословная структура племен Причерноморья в первой половине XIX в. до настоящего времени не получила научного осмысления. Вместе с тем в различных изданиях последних лет фигурируют данные о численности черкесов в пределах от 1,5 до 4 млн человек (Различные заметки, 2015: 3), что не соответствует имеющимся источникам. С учетом этого в настоящей статье ставится задача, опираясь на имеющиеся источники и их критический анализ,

* Corresponding author

E-mail addresses: sochi003@rambler.ru (A.A. Cherkasov), V-ivancov@rambler.ru (V.G. Ivantsov), michal.smigel@umb.sk (M. Smigel), v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

прояснить вопрос о численности народов Причерноморья, их классовой структуре, гендерном балансе.

2. Материалы и методы

2.1. Основными источниками для проведения исследования стали статистические материалы 1860-х гг. по горцам Абхазии (включая Цибельду и Самурзакань) и горцам Закубанского края. Эти материалы содержат: «Сборник статистических сведений о Кавказе» (*Сборник статистических..., 1869*), «Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874).» (*Материалы..., 2012*), «Документы по истории Грузии (1862–1872 гг.)» (*Документы..., 1954*), «Акты Кавказской археографической комиссии» (*АКАК*), «Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.)» (*Documents and Materials, 2016*). В результате сопоставления данных источников высчитаны доли населения по классам, а именно удельный вес князей, дворян, свободных жителей, зависимых жителей и рабов отдельно по прибрежным и горным обществам. Как известно на территории причерноморских черкесов сбор статистической информации в исследуемый период не осуществлялся, поэтому нами были привлечены источники личного происхождения – дневниковые записи и мемуарные произведения проживавших среди черкесов путешественников и эмиссаров. Среди них важное значение имеют труды Фредерика Дюбуа де Монпере (*Монпере, 2010*), Ф.Ф. Торнау (*Торнау, 2008*), Т. Лапинского (*Лапинский, 1995*), А.П. Берже (*Берже, 1858*). Помимо этого были привлечены научные исследования, среди которых следует особо отметить работы К.Ф. Сталь (*Сталь, 1900*), Д. Зубарева (*Зубарев, 1842*), Р.А. Фадеева (*Фадеев, 2010*).

2.2. При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Применены методы демографической статистики для реконструкции численности и состава населения, обусловленные отсутствием полных данных о них. В связи с этим интерпретированы имеющиеся сведения о количестве семей и их средней численности в горских обществах. Учет демографических закономерностей и социально-демографических связей явился важным для определения сословной численности Причерноморских племен.

3. Обсуждение

Имеющиеся статистические материалы по демографии племен Причерноморья, особенно адыгам, скудны. Это объясняется в первую очередь тем, что данная территория фактически, кроме территории джигетов, не входила в состав Российской империи. Ввиду этого данные о населении собирались лишь разведчиками. Эти свидетельства, собранные в 1830-х гг. разведчиками Новицким и Торнау, а также учеными-путешественниками проф. Нордманом и акад. Монпере и другими, использовались как официальная информация на протяжении всей Кавказской войны до 1864 года.

После окончания Кавказской войны на оценки численности населения сильно влияли слухи. Так, если распространялся слух о предстоящем обложении податями местного населения, то горцы занижали свою численность и, напротив, заявляли о своей значительной численности, если шла речь о возможном наделении землей. При замкнутости жизни горцев, не допускающих гостя далее кунацкой, нельзя было проверить их показаний. Аналогично дело обстояло и с определением численности зависимых сословий. Именно с этими трудностями учета, например, столкнулся генерал Р.А. Фадеев, который совершил в 1864 году инспекцию в Закубанский край (*Фадеев, 2010: 396*).

4. Результаты

4.1. Сведения об общей, сословной и гендерной численности населения Причерноморья

Исследуемыми племенами Причерноморья явились следующие: адыгейское племя (натухайцы, шапсуги), абазинское племя (причерноморские джигеты и джигеты горные – медовеевцы), а также убыхское племя.

Демографическая ситуация в горских обществах Причерноморья в первой половине XIX века определялась рядом обстоятельств. Наряду с динамикой числа родившихся и умерших на численность населения влияли: эпидемия чумы 1812–1814 гг., унесшая значительное количество людей, численность которых достоверно не была определена; не редкие голодные годы; широко распространенная практика вхождения различных мелких племен в состав племен натухайцев, шапсугов; работоторговля и др. Трудности подсчета численности населения указанных территорий заключаются в том, что данная территория в первой половине XIX века не находилась под русским управлением. Перепись населения здесь не производилась, в результате судить о численности населения можно только по данным эмиссаров и разведчиков.

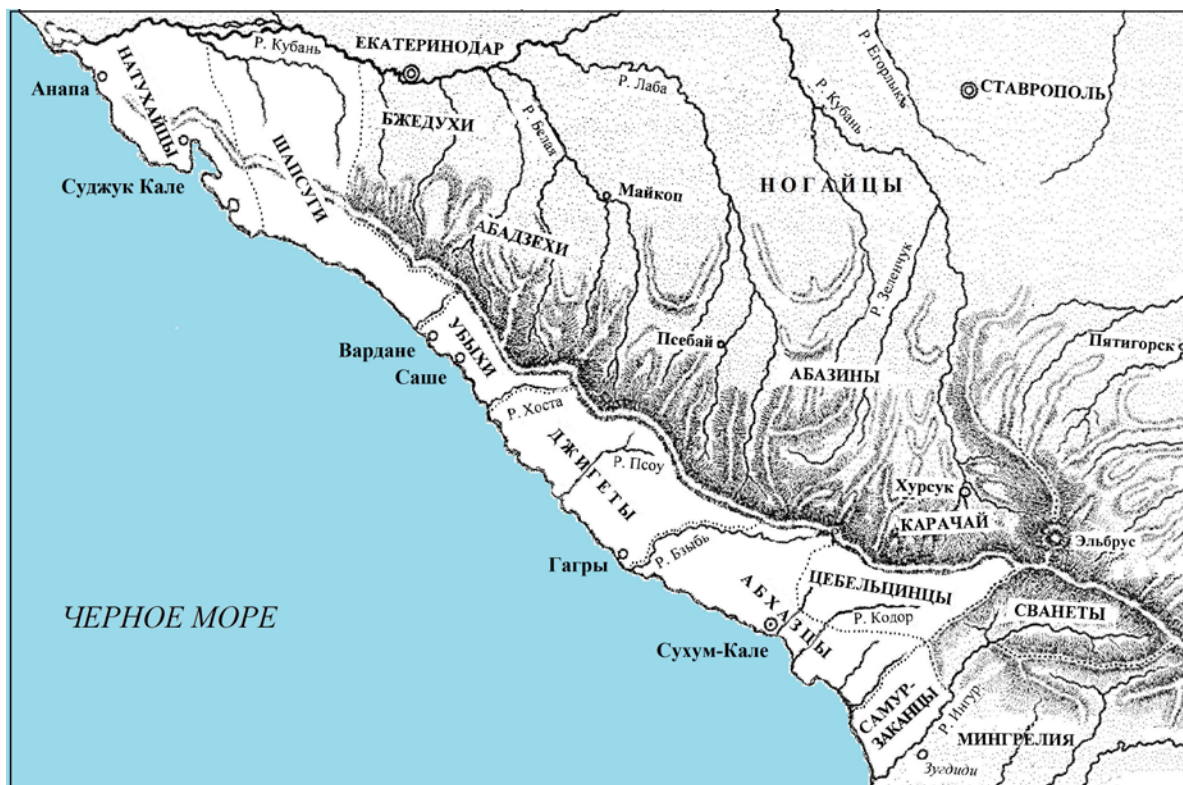

Рис. 1. Племенные общества на побережье Черного моря (составлено авт.)

В предыдущем исследовании (Cherkasov et al., 2016) мы представили демографическую характеристику населения Абхазии. Территория Абхазии, Цебельды, Самурзакани во многом была идентична территории натухайцев, шапсугов, убыхов и джигетов. В этих местах были схожие традиции и обычаи, одинаковая сословная система общества, аналогичные экономические условия. Отличия были только в характерных особенностях территории конкретного племени, например, внутренние области и приграничные, горные и прибрежные племена, что определяло своеобразие их хозяйства, торговли, связи с внешним миром.

Прежде всего, рассмотрим статистику горского населения Закубанского края по состоянию на 1865 год, то есть после махаджирства. Представленные данные являются единственным достаточно достоверным источником о гендерной численности населения Закубанского края.

Таблица 1. Население Закубанского края по округам, числу дворов, полу

Округа	Число дворов	Число жителей		Всего жителей
		Муж.	Жен.	
Псекупский	2425	8115	8040	16155
Лабинский	4161	10326	9762	20088
Урупский	1945	6325	5714	12039
Зеленчукский	2438	8087	7274	15361
Эльборуский	2445	8162	7654	15816
Всего	13414	41015	38444	79459

Примечания: (Сборник статистических, 1869: 29)

Данные таблицы 1 демонстрируют наличие гендерного дисбаланса, что было характерно также для территории Абхазии (Cherkasov et al., 2016: 61-62). Причинами дисбаланса на прибрежных территориях была работорговля, так как рабы, а в частности рабыни были главным экспортным товаром и в Черкесии, и в Абхазии. Помимо этого мы можем вычислить количество жителей в семье или по дворам. Так, в Псекупском округе на один двор приходилось – 6,6 человека, в Лабинском округе – 4,8 человека, в Урупском – 6,1 человека, Зеленчукском – 6,3, Эльборуском – 6,4 человека. То есть средняя семья в Закубанском крае насчитывала 6 человек. Этот показатель важен для последующего расчета населения Причерноморья.

Население округов было полиэтничным. В Псекупском округе проживали бжедухи, шапсути, незначительное количество абадзехов, натухайцев и хакучей. По сведениям на 1865 год: бжедухов (хамышеевцев – 5435 и черченеевцев – 6875) всего обоого пола 12310 человек; шапсугов – 1043, абадзехов – 734, армян – 75 и греков – 53 человека. В Лабинском округе жили кабардинцы, абадзехи, темиргоевцы, махошевцы, хатукаевцы, егерухаевцы, шапсути, хакучи и несколько семейств бжедухов. В абсолютных цифрах: кабардинцев – 9178, абадзехов – 4914, темиргоевцев – 3517, махошевцев – 1121, егерухаевцев – 1714, хатукаевцев – 404. В Урупском округе – горские армяне, бесленеевцы, ногайцы, хатукайцы, горские греки и несколько абадзехов, в том числе армян – 2856, ногайцев – 174, греков – до 400, черкесов – 8609. В Зеленчукском округе – абазинцы, ногайцы, бесленеевцы, кабардинцы, шахгереевцы, псхувцы и несколько абадзехов. На 1865 год: абазинцев – 4511, кабардинцев – 3791, ногайцев – 3255, бесленеевцев – 1285, шахгереевцев – 316). В Эльборуском округе – карачаевцы, абазинцы, горские евреи и несколько абадзехов, более подробные сведения отсутствуют (*Сборник статистических, 1869: 30*).

В Псекупском и Лабинском округах почти все население состояло из племени адыге. Таким образом, мы можем высчитать среднюю численность адыгейской семьи в этих двух округах – 5,7 человека. Примерно такой же численность семей была в Абхазии.

Все горское закубанское население насчитывало 79459 человек, из которых более 17,6 тыс. относились к числу зависимых, что составляло более 22 % населения. Как и в Абхазии зависимые делились на три группы: унауты – рабы, пшитли – зависимые крестьяне и оги – подвластные, которые платят оброки.

Таблица 2. Зависимое население Закубанского края по сословиям

Округа	Унауты (рабы)		Пшитли		Оги	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Псекупский	130	308	804	685	-	-
Лабинский	319	663	2944	2421	61	48
Урупский	143	326	589	524	25	21
Зеленчукский	172	466	2357	1823	5	3
Эльборуский	292	353	1134	1014	-	-
Итого	1056	2116	7828	6467	91	72
Всего	17630					

Примечания: (*Сборник статистических, 1869: 29*)

Таким образом, общая численность зависимого населения составляла 17630 человек, что составляло 23 % населения. Все зависимые принадлежали 3445 семействам рабовладельцев (*Сборник статистических, 1869: 29*). Если учесть, что средняя семья в Закубанском крае насчитывала 6 человек, то рабовладельцами и владельцами зависимых являлись 20670 человек или 26 % населения.

Интересны статистические данные по рабам (унаутам). В Закубанском крае на каждого раба мужского пола приходилось две рабыни. Условием рабу повысить свой статус в черкесском обществе до пшитли являлась его женитьба на рабыне (*Лабинский, 1995: 104*). При этом хозяин раба не мог навязать ему женщину, которую раб не желал. Что касается женщины, то в источниках нет упоминания о ее праве на выбор мужа.

Имея сведения о численности зависимых жителей и рабов в Закубанской области, а также на примере Абхазии ориентируясь на процентное соотношение сословий, можно представить примерную таблицу о структуре сословий Закубанского края.

Таблица 3. Общая численность населения Закубанского края по сословиям (в %)

Сословия	Всего человек	В % от общего числа
Князья	1580	2,0
Дворяне	4740	6,0
Вольные жители (тфокли)	55545	69,5
Крестьяне (пшитли), в т.ч. оги	14458	18,3
Рабы (унауты)	3172	4,0
Итого	79495	100,0

Представленные в *таблице 3* сведения демонстрируют, что владельцами зависимого населения (зависимых крестьян и рабов) в Закубанском крае являлись не только князья и дворяне, но и 14350 вольных жителей, которые составляли 26 % от общего числа вольных жителей. Иными словами каждый четвертый вольный житель сам являлся владельцем зависимых людей.

Джигеты причерноморские

Джигетское общество состояло из причерноморского и горного. Причерноморские джигеты занимали причерноморскую полосу от реки Бзыбь до реки Хоста. Форма управления в обществе – аристократическая. В то время в Джигетии было четыре влиятельные княжеские фамилии: Аридбаевы, Гечи, Цанбаевы, Анчебадзе. В 1811 году князь Леван Цанубая (он же Цанбаев, Цамбаев), имеющий, по его данным, 500 семейств, численностью 2,5 тыс. душ мужского пола (то есть в среднем 5 душ мужского пола в семье), покорила России (АКАК, 4: 953-954). Если учесть, что подвластных князя никто не считал, то русская администрация приняла эту информацию без проверки, что называется со слов князя. О том, что князь Цанбаев сильно завысил количество ему подвластных свидетельствуют следующие факты. Как указывалось выше, среднестатистическая причерноморская абхазо-черкесская семья насчитывала – 5,7 человек (5,3 – в Абхазии и 6 – в Закубанье), то есть в среднестатистической семье можно говорить о 3 мужских душах, а не о 5. Что касается 500 семейств, то русский разведчик Ф.Ф. Торнау, в 1835 году, посетивший эти места оставил упоминания о двух населенных пунктах, которые принадлежали князьям Цанубаевым: Цандрыпш – 120 домов и Багрыпш (близ Гагр) – около 100 семейств (Торнау, 2008: 301). Таким образом, в Цандрыпше могло быть около 700 человек, а в Багрыпше около 600.

Спустя 30 лет, когда в 1866 году русская администрация пересчитывала население Багрыпша (гагринское поселение – Авт.), численность его населения составила чуть более 600 человек (Материалы..., 2012: 196-198). Необходимо учитывать, что детская смертность, эпидемии, работоторговля, кровная месть, военные набеги не способствовали увеличению населения на данной территории и оно оставалось практически неизменным.

В 1841 году в Джигетии русской администрацией после покорения общества было создано Джигетское приставство. После этого джигеты были вынуждены вернуть России всех рабов из числа бывших военнопленных русской армии и русских пленников. В последующий период численность рабов в Джигетии не сильно отличалась от количества рабов в Абхазии. Как уже отмечалось, форма управления в Джигетии была аристократическая, а это означает, что практически все население являлось зависимым от князей, на земле которых население проживало.

В ходе Кавказской войны среди джигетов шли миграционные процессы. Так, в начале 1850-х гг. князь Анчебадзе вместе со своими немногочисленными подвластными выехали на территорию Абхазии (Cherkasov et al., 2015). В середине 1830-х гг. по мнению Ф.Ф. Торнау общая численность прибрежных джигетов составляла 11 тыс. человек (Торнау, 2008: 115). Нам представляется это число завышенным, исходя из оценки численности одной горской семьи. Фредерик Дюбуа де Монпере оценивал джигетов (Ардона) в 7 тыс. человек (Монпере, 2010: 34). Профессор А.Д. Нордман привел численность дворов по каждому из трех округов джигетской области (Цандрыпш, Гечь, Ясхрипш – округа прибрежных джигетов) (Documents and Materials, 2016: 39-40). В сумме количество дворов составило 1160 (подсчитано нами – Авт.). Исходя из средней численности двора (семьи) в 6 человек, получаем общее население прибрежной Джигетии равное почти 7 тыс. человек. В итоге мы полагаем число прибрежных джигетов в 7 тыс. жителей.

Как уже отмечалось джигеты принадлежали к абазинскому племени, а это означает, что к ним может быть применено процентное соотношение по сословиям у их соседей – причерноморских абхазов. В предыдущем исследовании мы выяснили, что князей у причерноморских абхазов было 2,2 %, дворян – 6,5 %, вольных жителей – 70 %, крестьян подвластных – 14,9 %, рабов – 2,4 %, мингрельцев и азатов – 3,9 % (Cherkasov et al., 2016). Используя эти данные как исходные, мы можем подсчитать примерную сословную численность причерноморских джигетов, исходя из общей численности населения в 7 тыс. человек.

Таблица 4. Примерная численность населения прибрежных джигетов по сословиям на 1835 год

Сословия	Всего человек	В % от общего числа
Князья	140	2,0
Дворяне	434	6,2
Вольные жители (анхаве)	5180	74,0
Крестьяне (агырва), в т.ч. подвластные	1050	15,0
Рабы (ахашала)	196	2,8
Итого	7000	100,0

Примечания: подсчитано нами.

Горные джигеты – медовеевцы

Проживали в горах в междуречье Мзымты и Бзыби. Владела ими влиятельная княжеская фамилия Маршания. Князья Маршания владели и горными районами Абхазии – Цебельдой (Cherkasov et al., 2016).

По оценке Ф.Ф. Торнау общая численность медовеевцев составляла не более 10 тыс. человек (Торнау, 2008: 115). Есть свидетельства известного кавказоведа А.П. Берже, который общую

численность прибрежных и горных джигетов (медовеевцев) определял в 16923 человека ([Documents and Materials, 2016: 115](#)). Если население прибрежных джигетов составляло 7 тыс. человек, то тогда на долю горных джигетов-медовеевцев приходилось около 10 тыс. человек.

При оценке численности населения по классам у медовеевцев может быть применена классовая структура цебельдинского племени. Однако, в отличие от цебельдинцев медовеевцы никогда русским приставством не являлись, а это означает, что процент рабов у них был выше. Учитывая эти исходные данные, мы можем рассчитать примерную сословную численность горных джигетов в расчете общей численности населения в 10 тыс. человек.

Таблица 5. Примерная численность населения медовеевцев по сословиям на 1835 год

Сословия	Всего человек	В % от общего числа
Князья	150	1,5
Дворяне	500	5,0
Вольные жители (анхаве)	6550	65,5
Крестьяне (агырва), в т.ч. подвластные	2000	20,0
Рабы (ахашала)	800	8,0
Итого	10000	100,0

Примечания: подсчитано нами.

Убыхи

Проживали в междуречье Шахе и Хоста. Форма управления – демократическая. Принадлежали к убыхскому племени, территория часто называлась Убыхией.

Ф.Ф. Торнау оставил следующие сведения об убыхах. Так он упоминает, среди прочих, убыхов Саша на реке Соча, находившихся под властью княжеской фамилии Облагу до 450 семейств ([Торнау, 2008: 300](#)). При этом определял количество убыхов в 10 тыс. жителей ([Торнау, 2008: 115](#)). Здесь же, перечисляя 4 других убыхских общества, включая Вардане и предгорные районы, он определяет их численность в 6 тыс. человек ([Торнау, 2008: 117](#)). Исходя из приведенных данных можно предположить, что Торнау общее население убыхов определял более чем в 10 тыс. человек. К.Ф. Сталь считал у убыхов до 2 тыс. семейств общей численностью до 10 тыс. человек ([Сталь, 1900: 70](#)), то есть среднюю численность убыхской семьи он полагал в 5 человек. По нашим подсчетам средняя убыхская семья состояла из 6 человек. Фредерик Дюбуа де Монпере также оценивал убыхов вместе с джигетами – в 19 тыс. чел., то есть убыхов примерно в 12 тыс. человек ([Монпере, 2010: 34](#)). По данным Д. Зубарева в 1835 г. население убыхов составляло 12 тыс. чел. ([Зубарев, 1842: 83](#)) В условиях Кавказской войны население убыхов быстро пополнялось рабами, часть которых оставалась на территории Убыхии. Итак, по нашему мнению, к середине 1830 г. численность населения Убыхии можно считать до 12 тыс. человек.

Территория Убыхии являлась внутренней областью причерноморских горцев. Поэтому все работоторговцы соседних племен стремились перепродать пленников в Убыхию, так как отсюда практически невозможен был побег. Именно из Убыхии на 90 % осуществлялась торговля живым товаром в Турцию. По мнению Т. Лапинского именно по этой причине численность рабов в Убыхии составляла не менее 25 % населения ([Лапинский, 1995: 79](#)).

Учитывая эти исходные данные, мы можем рассчитать примерную сословную численность убыхов исходя из общей численности населения в 12 тыс. человек.

Таблица 6. Примерная численность населения убыхов по сословиям на 1835 год

Сословия	Всего человек	В % от общего числа
Князья	240	2,0
Дворяне	720	6,0
Вольные жители (тфокли)	5880	49,0
Крестьяне (пшитли), в т.ч. оги	2160	18,0
Рабы (унауты)	3000	25,0
Итого	12000	100,0

Примечания: подсчитано нами.

Шапсуги

Проживали в междуречье от реки Пшады до реки Шахе. Форма управления – демократическая. Общество принадлежало к племени адыге.

К.Ф. Сталь население Большого Шапсуга (Закубанье) определял в 23 тыс. семейств, то есть до 100 тыс. человек обоего пола, а население Малого Шапсуга (Причерноморья) в 15 тыс. семейств или до 60-ти тыс. человек обоего пола ([Сталь, 1900: 70](#)). Из этих данных следует, что среднюю численность семьи шапсугов Сталь определял в 4,3 человека.

Общая численность Малого и Большого Шапсуга у Сталя в точности соответствует данным А.П. Берже, у которого, вероятно, и взята эта цифра.

Д. Зубарев полагал, что в племени шапсугов насчитывается 200 тыс. человек (Зубарев, 1842: 83). В этом с ним был солидарен – де Монпере (Монпере, 2010: 34). В целом население Шапсугии могло достигать 175 тыс. человек (Cherkasov et al., 2014: 152), из которых до 75 тыс. человек жили на побережье. Т. Лапинский исчислял на 10 свободных жителей в Шапсугии одного раба (АКАК, 12: 849). Князей и дворян в Шапсугии к 1835 году осталось значительно меньше, чем в других племенах, так как часть из них покинула территорию черкесов, а другая часть погибла в гражданской войне.

Учитывая эти вводные данные, мы можем рассчитать примерную сословную численность населения Малого Шапсуга в расчете общей численности населения в 75 тыс. человек.

Таблица 7. Примерная численность населения Малого Шапсуга по сословиям на 1835 год

Сословия	Всего человек	В % от общего числа
Князья	1125	1,5
Дворяне	3000	4,0
Вольные жители (тфокли)	54375	72,5
Крестьяне (пшитли), в т.ч. оги	11250	15,0
Рабы (унауты)	5250	7,0
Итого	75000	100,0

Примечания: подсчитано нами.

Натухайцы

Проживали в междуречье реки Кубань и реки Пшад. Форма управления – демократическая. Натухайское общество принадлежали к племени адыге.

Фредерик Дюбуа де Монпере оценивал численность населения натухайцев в 60 тыс. человек (Монпере, 2010: 34). Д. Зубарев оценивал натухайцев вместе с племенем Шегакки в 60 тыс. человек (Зубарев, 1842: 83). К.Ф. Сталь считал у натухайцев 5 тыс. семейств насчитывавших до 20 тыс. человек обоого пола (Сталь, 1900: 70). Мы полагаем, что численность натухайцев ввиду их географического положения могла насчитывать 5 тыс. семейств, но правильнее было бы определить одну адыгейскую семью в 6 человек, а не в 4 (См. пояснения к Таблице 1). Таким образом натухайцев должно было быть около 30 тыс. человек.

На территории натухайцев после 1829 года были две русские крепости Анапа и Геленджик. Русская администрация вела с натухайцами меновую торговлю, то есть отношения носили не воинственный характер.

Учитывая эти исходные данные, мы можем рассчитать примерную сословную численность населения натухайского общества в расчете общей численности населения в 30 тыс. человек.

Таблица 8. Примерная численность населения натухайцев по сословиям на 1835 год

Сословия	Всего человек	В % от общего числа
Князья	500	1,6
Дворяне	1600	5,4
Вольные жители (тфокли)	22400	74,6
Крестьяне (пшитли), в т.ч. оги	4300	14,4
Рабы (унауты)	1200	4,0
Итого	30000	100,0

Примечания: подсчитано нами.

Хакучи

Проживали в горных районах между Малым Шапсугом и Убыхией, в районе рек Псезуапсе и Хакуч. Форма управления – демократическая. Принадлежали к разным племенам и состояли из горских изгоев и беглых рабов (Духовский, 1864: 349).

Хакучи начинают упоминаться в источниках в 1840–1850-х гг.

Выводы

К 1835 году мы полагаем, что на прибрежных территориях проживало 7 тыс. причерноморских джигетов, 10 тыс. горных джигетов (медовеевцев), до 12 тыс. убыхов, около 75 тыс. малых шапсугов и 30 тыс. натухайцев. То есть примерно 134 тыс. человек (за Главным Кавказским хребтом на территории Большого Шапсуга проживало еще 100 тыс. шапсугов).

Таблица 9. Сводная таблица по численности населения горских обществ Причерноморья в 1835 г.

Сословия	натухайцы	шапсуги	убыхи	джигеты		Итого
				горные	прибрежные	
Князья	500	1125	240	150	140	2155
Дворяне	1600	3000	720	500	434	6254
Вольные жители	22400	54375	5880	6550	5180	94385
Крестьяне (пшитли, агырва)	4300	11250	2160	2000	1050	20760
Рабы	1200	5250	3000	800	196	10446
Всего	30000	75000	12000	10000	7000	134000

На данной территории рабов насчитывалось более 10 тыс. человек, крестьян – 20,7 тыс. человек, вольных жителей – более 94 тыс., дворян – 6,2 тыс. и 2,1 тыс. князей. Зависимые сословия, включая вольных жителей горной и прибрежной Джигетии, насчитывали 42936 человек, что составляло 32 % населения. Этот процент скорее минимален, нежели максимален. Среди этого населения 73950 человек мужского пола и 60050 человек женского пола.

В условиях Кавказской войны шел процесс пополнения рабов и зависимых крестьян за счет бывших военнопленных русской армии. Т. Лапинский полагал, что из русских гарнизонов убежало до 4 тыс. солдат в год, более половины из которых – поляки (Лапинский, 1995: 146-147). На наш взгляд, за счет этого контингента, а также захвата пленников на Кубани и небольшого естественного прироста, к концу 1850-х гг. население побережья могло увеличиться на 20 % и достигнуть 160 тыс. чел.

Ввиду известной сложности подсчета общей численности населения Причерноморья и, тем более его сословного состава, авторы статьи допускают возможность погрешности в приводимых ими данных.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Шифр: 100.01.

Литература

- АКАК - Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Тифлис, 1866–1904.
 АКАК, 4 - Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 4. Тифлис, 1870.
 АКАК, 12 - Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904.
 Берже, 1858 - Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского географического общества. Тифлис, 1858.
 Документы..., 1954 - Документы по истории Грузии. Серия II. Т. 1. Грузия в период буржуазных реформ (1862–1872 гг.). Ч. 1. Тбилиси, 1954.
 Духовский, 1864 - Духовский С. Материалы для описания войны на западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // Военный сборник. № 12. 1864.
 Зубарев, 1842 - Зубарев Д. О народонаселении за Кавказом // Русский Вестник. 1842. № 6.
 Лапинский, 1995 - Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
 Материалы..., 2012 - Материалы по истории Абхазии XIX века (1863-1874). Сборник документальных материалов. Т. 3. Сухум, 2012.
 Монпере, 2010 - Монпере Фредерик Дюбуа. Путешествие вокруг Кавказа. Майкоп, 2010.
 Различные заметки, 2015 - Различные заметки о Кавказе. Сборник материалов. / Под ред. М. Чухуа. Тбилиси, 2015.
 Сборник статистических, 1869 - Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I. / Под ред. Н.И. Воронова. Тифлис, 1869.
 Сталь, 1900 - Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. // Кавказский сборник, 1900. Т. 21. С. 60-173.
 Торнау, 2008 - Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера. В 2 ч. Майкоп, 2008.
 Фадеев, 2010 - Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.
 Cherkasov et al., 2014 - Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.
 Cherkasov et al., 2015 - Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. (2015) Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*, (4). 38: 888-893.

[Cherkasov et al., 2016](#) - Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. (2016) Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*, (1). 39: 53-66.

[Documents and Materials, 2016](#) - Documents and Materials on the History of Jigetiya Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials) / Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi, 2016.

References

[AKAK](#) - Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. Tiflis, 1866–1904. [in Russian].

[AKAK, 4](#) - Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 4. Tiflis, 1870. [in Russian].

[AKAK, 12](#) - Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 12. Tiflis, 1904. [in Russian].

[Berzhe, 1858](#) - Berzhe A.P. Kratkii obzor gorskikh plemen na Kavkaze, sostavlennyi Ad. Berzhe, pravitelem del Kavkazskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva [Overview of mountain tribes in the Caucasus, compiled by Ad. Berzhe, governor of affairs of the Caucasus department of the Imperial Geographical Society]. Tiflis, 1858. [in Russian].

[Dokumenty..., 1954](#) - Dokumenty po istorii Gruzii. Seriya II. T. 1. Gruziiya v period burzhuznykh reform (1862-1872 gg.) [Documents on the history of Georgia. Series II. VI. Georgia in the period of bourgeois reforms (1862-1872 years)]. Ch. 1. Tbilisi, 1954. [in Russian].

[Dukhovskii, 1864](#) - Dukhovskii S. Materialy dlya opisaniya voyny na zapadnom Kavkaze. Dakhovskii otryad na yuzhnom sklone gor v 1864 godu [The materials for the description of war in the Western Caucasus. Dakhovskaya squad on the South slope of the mountains in 1864] // Voennyi sbornik. № 12. 1864. [in Russian].

[Zubarev, 1842](#) - Zubarev D. O narodonaselenii za Kavkazom [On Population of the Caucasus] // Russkii Vestnik. 1842. № 6. [in Russian].

[Kratkii obzor..., 1858](#) - Kratkii obzor gorskikh plemen na Kavkaze, sostavlennyi Ad. Berzhe, pravitelem del Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Overview of mountain tribes in the Caucasus, compiled by Ad. Berzhe, governor of affairs of the Caucasus department of the Imperial Russian Geographical Society]. Tiflis, 1858. [in Russian].

[Lapinskii, 1995](#) - Lapinskii T. Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russian]. Nal'chik, 1995. [in Russian].

[Materialy..., 2012](#) - Materialy po istorii Abkhazii XIX veka (1863-1874). Sbornik dokumental'nykh materialov [Materials on the history of Abkhazia of XIX century (1863-1874). The collection of documentary materials]. T. 3. Sukhum, 2012. [in Russian].

[Monpere, 2010](#) - Monpere Frederik Dyubua. Puteshestvie vokrug Kavkaza [Travel around the Caucasus]. Maikop, 2010. [in Russian].

[Razlichnye zametki, 2015](#) - Razlichnye zametki o Kavkaze. Sbornik materialov [Various notes about the Caucasus. The collection of materials]. / Ed. M. Chukhua. Tbilisi, 2015. [in Russian].

[Sbornik statisticheskikh..., 1869](#) - Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [The collection of statistical information about the Caucasus, v. I. Ed. N.I. Voronov], t. I. Pod red. N. I. Voronova. Tiflis, 1869. [in Russian].

[Stal, 1900](#) - Stal K.F. Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda [The ethnographic sketch of the Circassian people]. // Kavkazskii sbornik. 1900. T. 21. pp. 60-173. [in Russian].

[Tornau, 2008](#) - Tornau F.F. Vospominaniya Kavkazskogo ofitsera [The memoirs of a Caucasian officer]. V 2 ch. Maikop, 2008. [in Russian].

[Fadeev, 2010](#) - Fadeev R.A. Gosudarstvennyi poryadok. Rossiya i Kavkaz [The state order. Russia and the Caucasus]. M., 2010. [in Russian].

[Cherkasov et al., 2014](#) - Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.

[Cherkasov et al., 2015](#) - Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. (2015) Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*, (4). 38: 888-893.

[Cherkasov et al., 2016](#) - Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. (2016) Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*, (1). 39: 53-66.

[Documents and Materials, 2016](#) - Documents and Materials on the History of Jigetiya Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials) / Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi, 2016.

УДК 93/94

Демографическая характеристика племен Причерноморья в первой половине XIX векаАлександр Арвелодович Черкасов ^{a, *}, Владимир Гаврилович Иванцов ^b, Михал Шмигель ^c,
Виолетта Сергеевна Молчанова ^a^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация^b Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация^c Университет Матей Бела, Банска Быстрица, Словакия

Аннотация. В историографии сословная структура племен Причерноморья, ареалом расселения которых являлась территория от Анапы до реки Бзыбь, еще не стала предметом исследования. На данной территории в первой половине XIX века проживали натухайцы и шапсуги адыгского племени, убыхи, а также джигеты абазинского племени. Сведения источников о численности населения на этой территории в указанное время противоречивы, при этом практически не отражают показателей удельного веса сословий.

Авторы привлекли в качестве источников статистические материалы 1800–1860-х гг., в том числе опубликованные в современный период по Абхазии (абазинское племя) и Закубанью. В результате сопоставления разных источников предпринята попытка высчитать доли населения по сословиям, а именно: удельный вес князей, дворян, свободных жителей, зависимых жителей, рабов отдельно по прибрежным и горным обществам. Помимо этого были привлечены источники личного происхождения – дневниковые записи и мемуарные произведения проживавших среди абхазцев путешественников, и, разумеется, научная литература.

Авторы использовали методы демографической статистики для реконструкции народонаселения племен Причерноморья в связи с наличием неполных данных о численности сословий.

В заключение исследования приводятся наработанные статистические сведения о численности всего населения, населения по сословиям, а также по гендерной принадлежности.

Ключевые слова: горцы Причерноморья, джигеты, медовеевцы, убыхи, шапсуги, натухайцы, князья, дворяне, свободные жители, зависимые жители, рабы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sochi003@rambler.ru (А.А. Черкасов), V-ivancov@rambler.ru (В.Г. Иванцов), michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель), v.molchanova_1991@list.ru (В.С. Молчанова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 40, Is. 2, pp. 392-397, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline

Vladimir B. Karataev ^{a, *}, Igor A. Gordeev ^b, Lyudmila G. Zimovets ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Southwestern state University, Russian Federation

^c Russian State Social University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the history of using teams of Azov Cossack troops on the territory of the Black sea coastline. Among the materials are the archive documents, extracted from the archival department of Sochi administration (Sochi city, Russian Federation), the state archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar city, Russian Federation), as well as the modern and pre-revolutionary studies on the history of the Caucasian war and Cossack troops. The study used the historical-situational method, which allowed considering the history of the Azov Cossack troops on the territory of the Black sea coastline in the context of the period under review, namely the Caucasian war, in conjunction with the "neighboring" events and facts. In conclusion, the authors stated that the Azov Cossacks played a prominent role in the conquest of the mountain communities of the Black sea coast of the Caucasus. This was evident in two award banners received by the Cossacks, including the sea service on the Black sea coastline.

Keywords: Azov Cossack Host, Black Sea coastline, Caucasian war.

1. Введение

Сегодня сложился определенный стереотип казака: лихой кавалерист и мастер джигитовки. Однако мало кто знает, что в Российской империи из казаков формировались пехота и даже морские части. Причем эти подразделения снискали большую славу и добились крупных побед. Мы не будем широко раскрывать данный вопрос, а осветим лишь деятельность Азовского казачьего войска, которое может по праву носить имя морского.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для подготовки статьи стали архивные документы, извлеченные из Архивного отдела администрации города Сочи, государственного архива Краснодарского края, а также современные и дореволюционные исследования по истории Кавказской войны и казачьих войск. Важное значение в работе имеет и такой нормативно-правовой источник как свод военных преступлений.

2.2. В исследовании использован историко-ситуационный метод, который позволил нам рассмотреть историю Азовского казачьего войска на территории Черноморской береговой линии в контексте изучаемой эпохи, а именно Кавказской войны, в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

3. Обсуждение и результаты

Историография данной темы не отличается своей многочисленностью, тем не менее история Азовского казачьего войска активно изучалась в дореволюционный и современный периоды. Среди

* Corresponding author

E-mail addresses: vladimir-karataev0@rambler.ru (V.B. Karataev), gordeev_ia@mail.ru (I.A. Gordeev), nauka-rgsu-s@mail.ru (L.G. Zimovets)

дореволюционных работ необходимо назвать труды Ф.А. Щербина «История Кубанского казачьего войска» (Щербина, 1913) и А.П. Гаденко «Азовское казачье войско» (Гаденко, 1912).

В современный период вышли работы Л. Маленко «Азовское казачье войско» (Маленко, 2000), А.А. Смирнова «Морская история казачества» (Смирнов, 2006), А.Ю. Соклакова (Соклаков), В.П. Пономорева (Пономорев, 2011) и др.

В 1775 г. по указу Екатерины II была упразднена Запорожская Сечь. Однако часть казаков-запорожцев, используя казачьи струги, отправилась в Турцию. Султан даровал им земли возле Дуная и принял на службу. Так, появилась Задунайская Сечь. Эти казаки воевали со всеми врагами Турции: греками, болгарами и даже с русскими. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. задунайские казаки под предводительством атамана Гладкого в количестве 218 человек (Маленко, 2000) перешли на сторону России, из них 3 июля 1828 г. был сформирован Дунайский казачий полк (Смирнов, 2006: 186). Вопреки распространенному мнению, что казаки были лихими кавалеристами, бойцы Дунайского полка действовали исключительно на казачьих стругах (ладьях). Снискав уважение за свои подвиги в русской армии, они удостоились личной встречи с Николаем I и получили за свои подвиги земли вдоль Азовского моря возле Мариуполя для поселения и хозяйственной деятельности. Дунайский полк на новых землях получил наименование Азовского казачьего войска, положение о котором было утверждено 13 июня 1832 г. (Соклаков). Особенностью этого войска было то, что службу оно несло не конно, а на специальных казачьих баркасах.

Войско было подчинено непосредственно командующему Черноморским флотом. Баркасы строились по мальтийскому образцу для патрулирования северо-восточной части Причерноморья, которое ныне принадлежало России. Баркасы представляли собой парусно-весельные плавсредства с одной мачтой и двенадцатью гребцами. Вооружение состояло из двух 3-фунтовых фальконетов, которые устанавливались на носу и корме. Экипаж азовского баркаса состоял из 20–30 казаков при одном офицере. Экипаж был вооружен разнообразным ручным холодным и огнестрельным оружием (ружья, абордажные сабли, кинжалы и пистолеты) (Смирнов, 2006: 189).

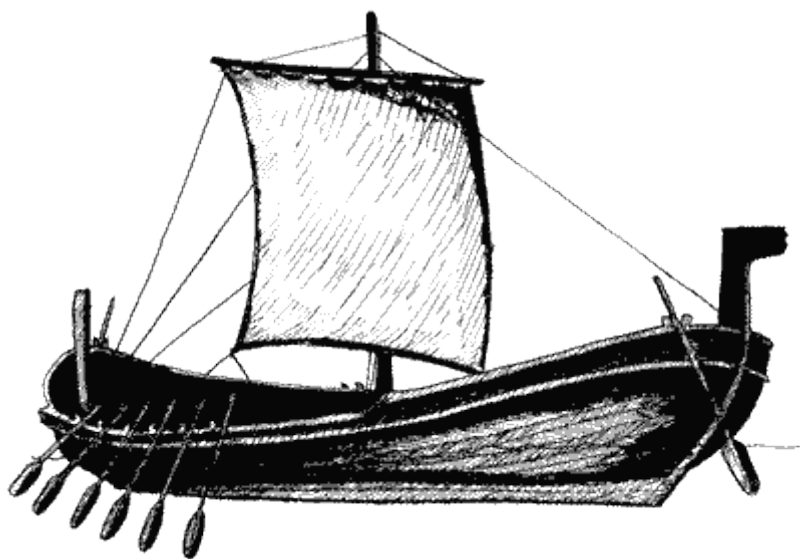

Рис. 1. Общий вид азовского баркаса

Император Николай I 14 февраля 1837 г. издал указ о формировании из азовских казаков команд на следующих основаниях:

- 1) Состав каждой команды определялся в 20 человек, в числе которых находился 1 хорунжий и 1 урядник.
- 2) Команды назначались на морскую службу по Черноморскому побережью.
- 3) Общее начальство над всеми командами вверялось есаулу Дьяченко, а во время совместного крейсерства команд предполагались особые назначения командиров.
- 4) Для плавания команд приказано было построить в Одессе суда по образцу мальтийских лодок.
- 5) Лодки эти предусматривалось вооружить фальконетами и небольшими пушками.
- 6) Команды снабжались амуницией и другими вещами за казенный счет.
- 7) Жалованье командам полагалось по так называемому грузинскому положению.
- 8) Продовольствие во время крейсерства выдавалось по морскому положению.
- 9) Все войско было разделено на сотни, а сотни сменялись на Черноморском побережье по очереди, причем каждая сотня служила беспрерывно 2 года (Щербина, 1913: 351).

Организованные таким образом команды азовских казаков в июне 1837 г. были отправлены из Севастополя в Геленджик и Сухум-Кале. Здесь они поступили в ведение командующего военными судами у абхазских берегов капитана 1 ранга Юрьева ([Щербина, 1913: 352](#)).

Наряды по очередям производило само войско, точнее, его наказной атаман Гладкий. Постепенно число баркасов казаков росло. Это было следствием активных действий русских властей в покорении Черноморского побережья Кавказа. Баркасы были необходимы для пресечения черкесской контрабанды, осуществления связи между укреплениями Черноморской береговой линии – сети русских укреплений от Тамани до границ Мингрелии.

Рис. 2. Азовские казаки атакуют турецких пиратов. Картина Григория Гагарина 1847 года

Количество баркасов казаков доходит до 42, а команд – до 26 ([Маленко, 2000](#)). Со временем изменился и штат команд. Так, когда число команд было 21, личный состав распределялся следующим образом: в 16 командах было по 18 казаков с хорунжим и урядником; в 5 командах штат состоял из двух офицеров, приказного, урядника, канонира и 20 нижних чинов. Общая численность личного состава – 16 офицеров и примерно 400 казаков ([Смирнов, 2006: 190](#)).

Помимо охраны водного района, азовские казаки несли карантинно-таможенную службу (осматривали все торговые суда, приближающиеся к российскому берегу). По сути дела они были морской пограничной стражей. Команды базировались на двух морских станциях: Сухумской и Константиновской. Сами баркасы строились сначала в Николаеве, а 1844 г. в Редут-Кале ([Маленко, 2000](#)).

Азовские казаки начинали службу в 21 год. Холостые офицеры и рядовые служили 4 года, женатые – 3, после чего поступали в войсковой запас. В гражданском отношении войско подчинялось Новороссийскому генерал-губернатору. В военном – командующему Отдельным Кавказским корпусом и частично командующему Черноморским флотом. Каждая сотня азовских казаков несла службу 2 года, после чего выводилась в резерв, а на ее место отправлялась следующая сотня.

Военное устройство Азовского иррегулярного войска определялось по принципу других казачьих войск Российской империи. Военная служба азовцев делилась на внутреннюю и внешнюю (полевую). Полевая служба казачьих войск Российской империи заключалась преимущественно в охране границ государства. Поселение Азовского формирования на отдаленной от границ территории очень усложняло выполнение азовцами такого рода службы. 17 февраля 1837 года Николаем I были утверждены правила внешней службы Азовского казачьего войска. Из азовских казаков для охраны восточного побережья Черного моря с целью прекращения сношений турецких контрабандистов с горными народами Кавказа формируется 10 патрульных команд по 20 человек в каждой. Для патрулирования азовскими морскими командами черноморского побережья были построены

баркасы особой конструкции — наподобие мальтийских лодок. Они строились сначала в Николаеве, а с 1844 года — в Редут-Кале (СВП, 1859: 994). Постепенно количество азовских баркасов и команд возрастает. Причиной этого были общие операции флота и сухопутных войск по овладению восточным побережьем Черного моря. Количество азовских лодок увеличилось до 42-х и войско выставило 26 команд. Азовские морские команды базировались на Сухумской и Константиновской морских станциях. Казаки несли службу посменно: каждая сотня, прослужив 2 года, отводилась в войско на льготы, а ее место занимала другая сотня. На внешней службе казак должен был отслужить 25 лет. Именным указом от 14 января 1845 года была проведена реорганизация азовских команд. Они были разделены на два отделения и должны были патрулировать четко определенные участки восточного побережья Черного моря (СВП, 1859: 995). Азовские морские команды несли свою службу на восточном побережье Черного моря вплоть до ликвидации войска.

Нередко на азовские команды возлагались ответственные поручения. Одним из таких поручений была высадка русских войск в устье реки Псеуапсе в 1839 году, где азовские баркасы прикрывали десант огнем из орудий. В результате слаженных действий азовских казаков и регулярных частей русской армии данная десантная операция стала самой бескровной операцией на территории Черноморской береговой линии (Karataev, 2016: 14).

Внутренняя служба азовских казаков была определена указом от 2 февраля 1844 года. В соответствии с ним для несения службы в военных учреждениях и по войску была сформирована команда из урядника, 14 пеших и 10 конных казаков (СВП, 1859: 996).

Указом от 27 октября 1853 года на территории иррегулярного формирования была создана учебная команда из офицера, 2 урядников, 2 приказных, 4 канониров и 30 казаков. Назначение этой команды состояло в подготовке молодых казаков для службы на восточном берегу Черного моря (СВП, 1859: 995-996).

По приказу Александра II 5 февраля 1862 года в Азовском войске была сформирована специальная паромная команда, которая кроме переправы должна была выполнять поручения войскового руководства.

На протяжении всего периода существования Азовского казачьего формирования численность его была незначительной. К началу переселения азовцев на Кубань по войску числилось 36 офицеров и 1569 человек строевых нижних чинов. Среди офицеров — 1 генерал и 5 обер-офицеров, которые занимались внутренним управлением войска. Из 1569 человек строевых нижних чинов урядников было 100 и рядовых казаков 1469 человек. На внешней и внутренней службе находилось: в азовских командах при Сухумской и Константиновской морских станциях 34 урядника и 481 казак; в учебной команде 2 урядника и 36 казаков; на должностях по войску 22 урядника и 20 казаков. В отпусках на территории войска находилось 42 урядника и 929 казаков (ГАКК, Ф. 252, Оп. 2, Д. 102, Л. 27-28).

Рис. 3. Регалия Азовского казачьего войска.

1 июня 1844 года Азовскому войску пожаловано простое белое знамя с надписью: "За храбрость и усердие при переправе через Дунай Российских войск в 1828 году, постоянную преданность и отличную службу" (См. Рис. 3).

Команды Сухумской станции распределялись между русскими укреплениями Черноморской береговой линии (ЧБЛ) для связи и посыльной службы. Около каждой крепости был блокгауз, а берег был приспособлен для принятия баркасов. В блокгаузе хранился необходимый инвентарь для починки и ремонта баркасов. Именно посредством подобной посыльной службы удавалось поддерживать связь с укреплениями ЧБЛ, какая-либо иная связь отсутствовала.

В ноябре 1844 г. барон Будберг предложил провести реорганизацию азовских команд. По его замыслу команды должны были делиться на два отделения: 1-е – от крепости Анапа до Навагинского укрепления; 2-е – от Константиновского укрепления до укрепления Св. Николая (Щербина, 1913: 352). 14 января 1845 г. Именным указом была проведена реорганизация команд азовских казаков по вышеизложенному проекту (Маленко, 2000).

Однако служба казаков была сопряжена с большим риском: происходили постоянные стычки с турецкими и черкесскими галерами на всем протяжении береговой линии. Противники таранили друг друга, вели ружейный огонь, обстреливали друг друга из фальконета, сходились в абордажных схватках. На галерах турки и черкесы везли контрабандные товары и рабов. Это дело было крайне прибыльным, поэтому поток контрабандистов не иссякал. Стычки и целые сражения с горцами и турками были делом обыденным. В большинстве случаев казаки добивались успеха в схватках.

Так, например, 31 октября 1838 г. баркас с 8 казаками и 4 солдатами 4-го Черноморского линейного батальона возвращался из укрепления Михайловского на р. Вулан в укрепление Тенгинское на р. Шапсуго. В ущелье р. Джубга казаки заметили 3 черкесские галеры и вступили с ними в бой. Делая вид, что пытаются уйти от погони, казаки из кормового фальконета вели огонь по галерам, которые преследовали их. Когда галеры приблизились, казаки картечью нанесли большие потери командам черкесских судов. Галеры вынуждены были уже уходить от преследования казаков. Одна из галер получила очень серьезные повреждения и села на мель. Однако казаки не рискнули вступать в абордажный бой с горцами из-за их численного перевеса (Щербина, 1913: 359).

Урядник Олейник, командовавший этим баркасом, получил чин хорунжего, а казака Стельмаченко, который был в роли наводчика фальконета, представили к ордену Св. Георгия.

Однако и казаки несли потери. Так, 14 марта 1837 г. казаки потеряли баркас со всей командой в бою с черкесской галерой. Стычки и целые сражения с горцами и турками были делом обыденным.

У казаков был очень неплохой стимул в борьбе с горскими контрабандистами. Дело в том, что в случае захвата казаками судов контрабандистов товары, обнаруженные в них, продавались, а вырученные деньги распределялись между азовцами (АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 6. Л. 103). Поступали так только с согласия начальника Черноморской береговой линии и, по всей видимости, далеко не всегда. Однако определенный материальный стимул в действиях казаков все-таки был.

Имелись, однако, и факты злоупотребления своим положением со стороны казаков. Так, начальник десяти команд Азовского войска, войсковой старшина Дьяченко доносил начальнику Черноморской береговой линии о том, что подозревает сотника Бараховича в краже вещей с задержанной черкесской кучермы, и просит провести следствие по этому делу (АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 6. Л. 106–111).

На завершающем этапе Кавказской войны начался процесс переселения азовских казаков на территорию Закубанья (Пономорев, 2011). К 1866 году этот процесс полностью завершился. В результате Азовское казачье войско вошло в состав Кубанского казачьего войска.

4. Заключение

В целом, азовские казаки сыграли заметную роль в покорении горских обществ Черноморского побережья Кавказа. Лучшим подтверждением этому – два наградных знамени (в январе 1832 г. и в июне 1844 г.) (Смирнов, 2006: 191), полученные казаками, в том числе и за морскую службу на территории Черноморской береговой линии.

5. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Шифр: 100.01.

Литература

- АОАГС – Архивный отдел администрации города Сочи.
 Бойко, Маленко, 1995 - Бойко А.В., Маленко Л.М. Матеріали до історії Азовського козачого війська. Запоріжжя, 1995.
 Гаденко, 1912 - Гаденко А.П. Азовское казачье войско. Кашира, 1912.
 ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
 Маленко, 2000 - Маленко Л. Азовское казачье войско (1828—1866). Запорожье, 2000. 514 с.
 Пономорев, 2011 - Пономорев В.П. Заселение территории современного Абинского района Краснодарского края азовскими казаками в 1863 году // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 5. Краснодар – Киев, 2011. 352 с.
 СВП, 1859 - Свод военных постановлений. СПб., 1859. Ч. II. Кн. II.
 Смирнов, 2006 - Смирнов А.А. Морская история казачества. М., 2006.
 Соклаков - Соклаков А.Ю. Казачий флот в контексте рассмотрения развития системы комплектования казачьих войск (электронный вариант). <http://www.cossackdom.com/articles/s/soklakovflot.htm> Дата доступа: 12.01.2016 г.
 Щербина, 1913 - Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2. Екатеринодар, 1913.

Karataev, 2016 - *Karataev V.B.* The Military Art and the Black Sea Coastline: the Amphibious Operations at the Mouth of the Psezuapse River in 1839-1840 years // *History and Historians in the Context of the Time*, 2016, Vol. (16), Is. 1.

References

AOAGS – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi [The archival department of Sochi administration].

Boiko, Malenko, 1995 - *Boiko A.V., Malenko L.M.* Materiali do istorii Azovskogo kozachogo viis'ka [Materials for the history of the Azov Cossack troops]. Zaporizhzhya, 1995.

Gadenko, 1912 - *Gadenko A.P.* Azovskoe kazach'e voisko [Azov Cossack host]. Kashira, 1912.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archive of Krasnodar Krai].

Malenko, 2000 - *Malenko L.* Azovskoe kazach'e voisko (1828–1866) [Azov Cossack Host (1828–1866)]. Zaporozh'e, 2000. 514 s.

Ponomorev, 2011 - *Ponomorev V.P.* Zaselenie territorii sovremennogo Abinskogo raiona Krasnodarskogo kraia azovskimi kazakami v 1863 godu [The settling of territory of modern Abinsk district of the Krasnodar territory of the Azov Cossacks in 1863] // *Kuban'-Ukraina: voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodeistviya*. Vyp. 5. Krasnodar – Kiev, 2011. 352 s.

SVP, 1859 - *Svod voennykh postanovleniy* [The set of military regulations]. SPb., 1859. Ch.II. Kn. II. S. 994.

Smirnov, 2006 - *Smirnov A.A.* Morskaya istoriya kazachestva [The naval history of the Cossacks]. M., 2006. S. 186.

Soklakov - *Soklakov A.Yu.* Kazachii flot v kontekste rassmotreniya razvitiya sistemy komplektovaniya kazach'ikh voisk [The Cossack fleet in the context of the development of the recruitment system of Cossack troops] (elektronnyi variant). [http://www.cossackdom.com/articles /s/soklakovflot.htm](http://www.cossackdom.com/articles/s/soklakovflot.htm) Data dostupa: 12.01.2016 g.

Shcherbina, 1913 - *Shcherbina F.A.* Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [The history of the Kuban Cossack Army]. V 2 t. T. 2. Ekaterinodar, 1913.

Karataev, 2016 - *Karataev V.B.* The Military Art and the Black Sea Coastline: the Amphibious Operations at the Mouth of the Psezuapse River in 1839-1840 years // *History and Historians in the Context of the Time*, 2016, Vol. (16), Is. 1.

УДК 94

Азовское казачье войско на территории Черноморской береговой линии

Владимир Борисович Каратаев ^{a, *}, Игорь Анатольевич Гордеев ^b, Людмила Григорьевна Зимовец ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

^c Российский государственный социальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история применения команд азовского казачьего войска на территории Черноморской береговой линии. Материалами для подготовки статьи стали архивные документы, извлеченные из Архивного отдела администрации города Сочи (Сочи, Российская Федерация), государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), а также современные и дореволюционные исследования по истории Кавказской войны и казачьих войск. В исследовании использован историко-ситуационный метод, который позволил нам рассмотреть историю Азовского казачьего войска на территории Черноморской береговой линии в контексте изучаемой эпохи, а именно Кавказской войны, в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. В заключении авторы отмечают, что азовские казаки сыграли заметную роль в покорении горских обществ Черноморского побережья Кавказа. Подтверждением этому стали два наградных знамени, полученные казаками, в том числе и за морскую службу на территории Черноморской береговой линии.

Ключевые слова: Азовское казачье войско, Черноморская береговая линия, Кавказская война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vladimir-karataev0@rambler.ru (В.Б. Каратаев), gordeev_ia@mail.ru (И.А. Гордеев), nauka-rgsu-s@mail.ru (Л.Г. Зимовец)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 398-411, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

D.A. Milyutin and Cossacks

Alexey A. Volvenko^{a, *}

^a Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Taganrog, Russian Federation

Abstract

In article various aspects of the personal relation of the Minister of War D. A. Milyutin to the Cossacks and the Cossack troops in the 1840-1870th years are studied. Research is based on the analysis of documents of a personal origin of D.A. Milyutin, and also contemporary records of the period from the Caucasian war before "Great reforms" of the 60-70th of the 19th century inclusive. Milyutin's role in work on criticism, and also preparation of various projects of colonization of the Caucasus for the account is considered or with active participation of the Cossacks. The characteristic of plans of the Ministry of Defence for transformation of the Cossack troops in the 60-70th of the 19th century is given. Process of their realization from the point of view of their perception personally by the minister D.A. Milyutin is shown.

Keywords: D. A. Milyutin, Cossacks, Cossack troops, memoirs, reforms.

1. Введение

Д.А. Милютин (1816–1912) – военный министр эпохи «освобождения» Александра II – оставил заметный след в истории России. Без упоминания о его вкладе в дело преобразования русской армии после неудачной Крымской войны 1853–1856 гг. не обходится ни одно исследование по военной истории XIX века. Занимая должность министра с 1861 по 1881 г., он изменил практически каждый механизм в громоздкой армейской машине, доставшейся ему от николаевского времени. Значительным реформам, заслуженно называемых «милютинскими», подверглось и российское казачество. Вопросы формирования правительственной политики, ее акценты и этапы проведения в казачьих войсках в 1860–1870-х гг. по-разному отражены в историографии. Однако тема личного отношения Д.А. Милютина к казачеству и казачьим преобразованиям в научной и публицистической литературе остается почти не тронутой. Тем не менее, милютинское отношение как в целом к казачеству, так и отдельным войскам, на наш взгляд, многое значило в планировании и корректировке тех или иных крупных казачьих реформ, в продвижении того или иного проекта через бюрократические процедуры и в его лоббировании на пути превращения в закон.

2. Материалы и методы

2.1. Очевидно, что главным источником для наших рассуждений должно стать опубликованное мемуарное наследие Милютина, представляющие собой многие тома воспоминаний и дневников. Известно, как тщательно и ответственно он подошел к написанию мемуаров уже находясь в отставке, опираясь не только на свою замечательную память, но и на личный архив, содержащий огромное количество делопроизводственных, эпистолярных и пр. документов. По выпущенным в 1990-х – начале 2000-х гг. 7-томным воспоминаниям Милютина, охватывающим период с 1816 по 1873 гг. и изданным еще П.А. Зайончковским «Дневникам» министра за 1873–1882 гг. вполне можно получить некоторое представление об отношении Милютина к казачеству особенно в период его пребывания в должности министра, в том числе, благодаря научным комментариям и указателям к каждому тому.

* Corresponding author

E-mail addresses: avolvenko@mail.ru (A.A. Volvenko)

2.2. Наше внимание также будет уделено неопубликованным архивным документам, официальной и неофициальной переписке, которые или полностью вышли из под пера Милютина или имеют на своих страницах его характерные пометки и самым непосредственным образом относятся к истории казачества. Данные документы были нами обнаружены в Российском государственном военно-историческом архиве и в личном фонде Д.А. Милютина в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Большинство из них датируются периодом 1860 – начала 1870-х гг., когда проводились наиболее масштабные преобразования среди казачества. Безусловно, не каждая милютинская пометка карандашом дает повод для того, чтобы сделать тот или иной вывод. Используя источниковедческие методы, мы выбирали и атрибутировали, по нашему мнению, только наиболее значимые из них, помещая отдельные милютинские слова и предложения в более широкий контекст содержания документа или упомянутого в нем события. Также мы вполне осознаем, что применение такой техники отразится на нашем описании заявленной темы исследования, т.к. часть полученных наблюдений и выводов могут носить излишне умозрительный характер.

3. Обсуждение

На сегодняшний день накоплена обширная литература о Милютине, в ней отражена широкая палитра мнений о личности и деятельности военного министра. Однако даже краткий обзор такой литературы не входит в нашу задачу. Тем не менее, мы вряд ли обойдемся без оценки личных качеств Милютина и его политических предпочтений. Она должна помочь в отдельных случаях лучше понять принятые им решения в отношении казачьих войск, его оценки роли и значения казачества и т.п. В историографии в основном доминируют положительные характеристики Милютина, в нем обычно видят «скромность», «душевное богатство», «мужское благородство», «личную храбрость», «идеальную честность», «научные и литературные таланты», «практический взгляд не только на одни военные предметы», «административные способности», «необыкновенное трудолюбие» и пр., а также его относят к числу искренних приверженцев «либеральных ценностей». Такие свойства личности министра позволили его подчиненному генерал-лейтенанту В.Д. Кренке, начальнику Санкт-Петербургского окружного интендантства заявить: «оставляя в стороне недостатки этой личности должен желать, чтобы в России было поболее Милютиных» (Кренке, 1872: 137). К этому следует добавить еще одно наблюдение современников о Милютине как о последовательном и стойком противнике сословных привилегий, для которого государственные интересы всегда стояли выше всех остальных. Также министр являлся убежденным сторонником проведения реформы сверху, которая, по его словам, «должна быть общая для всей империи; всякое исключительное применение к той или другой местности вредит единству государства, возрождает сепаратизм и соперничество» (Дневник, 1947: 31-32). Мы разделяем положительные оценки личности Милютина и наши симпатии находятся на его стороне, но нельзя не отметить и другие стороны его характера и деятельности. Тот же В.Д. Кренке, пишет, что Д.А. Милютин «бумагу нередко ставил выше дела, ...в военном ведомстве за его управление развелась бюрократия, которая преобладала иногда над самим делом» (Кренке, 1872: 137). Бывший начальник Милютина по Кавказской армии и будущий непримиримый оппонент его реформ кн. А.И. Барятинский в письме к Александру II (1860 г.) сообщает: «...он (Д.А. Милютин – В.А.) разделяет почти общий недостаток всех русских – ненавидит все, что не Великорусского происхождения, к тому же он со страстью предается своим симпатиям и антипатиям...» (Воспоминания, 1997: 13). Известный писатель, журналист, «главный цензор России» 1880–1890-х гг. Е.М. Феоктистов, входивший в ближний круг коллег и друзей семьи Милютиных (в том числе и брата Николая Милютина) подтверждал «нетерпимость» министра: «Дмитрий Алексеевич не выносил возражений; если возражения эти касались чего-нибудь, что он принимал особенно близко к сердцу, то проникался даже, можно сказать, ненавистью к человеку, который до тех пор пользовался его расположением» (Феоктистов, 1991: 308). По мнению Феоктистова «в натуре Милютина не было ничего задушевного, от приветливости его веяло холодом». А просчеты «кадровой политики» министра Феоктистов объяснял «непомерным властолюбием» Милютина: «...Ему нужны были такие сотрудники, которые вполне подчинялись ему, которых он мог поработить. Он не в состоянии был оценить талант, да и зачем таланты, когда требовалось только точное исполнение его воли?» (Феоктистов, 1991: 312). Верна ли такая оценка Феоктистова, например, по отношению к руководителям и наиболее известным офицерам Управления иррегулярных войск (с 1867 г. Главное управление, с 1879 г. Главное управление казачьих войск), в недрах которого формировалась правительственная «казачья» политика это вопрос, ответ на который вряд ли будет однозначным. Ибо все же трудно записать в число людей неталантливых и серых начальников управления «милютинского призыва» Н.И. Карлгофа (1861–1871) и А.П. Богуславского (1871–1882), а также подчиненных им офицеров из «природных» казаков А.П. Чеботарева, И.Д. Попко, Н.И. Краснова и др., оставивших заметный след в истории казачества.

4. Результаты

Непосредственное знакомство Милютина с казаками произошло, надо полагать, во время первой его поездки на Кавказ и пребывания там с небольшим перерывом в конце 1830-х – начале 1840-х гг. В своих воспоминаниях он описывает длительный путь из Санкт-Петербурга до Ставрополя,

во время которого ему пришлось совершить «небезопасную переправу через Дон» и переночевать в «казачьей хате» Старо-Махинской станицы Земли войска Донского (Воспоминания, 1919: 174). Проезжая уже по Кавказу Милютин, с его же слов, интересовало все встречавшееся в дороге, в том числе казачьи станицы и «сами казаки линейные, необыкновенно ловкие, развязные, смышленные, красивой наружности, всегда в щегольском наряде с оружием, тщательно оберегаемом». Он задавался вопросом: «Как могло поддерживаться то хозяйственное довольство, которое замечалось в каждой казачьей хате. Откуда брались материальные средства, необходимые для боевого снаряжения казака в таком блестящем виде? При той тягостной, почти непрерывной службе, которая в то время лежала на линейных казаках... многое в экономическом существовании этого населения представлялось мне загадочным...» (Воспоминания, 1919: 177). В дальнейшем в милютинских воспоминаниях кавказского периода казаки неизменно окружали будущего министра, как в быту, так и в сражениях.

В конце 1839 г. Милютину пришлось более подробно «изучить экономическое и гражданское положение, как Линейного казачьего войска, так и остального населения области» (Воспоминания, 1919: 260). Это было связано с исполнением поручения его непосредственного начальника, командующего правым флангом Кавказской линии генерал-адъютанта П.Х. Граббе. Милютин должен был подготовить от имени Граббе ответ на проект генерал-майора Холанского – председателя комитета по составлению положения Кавказского линейного казачьего войска. Главная идея проекта Холанского заключалась в предложении причислить «всех казенных крестьян, мещан, грузин, католиков, осетин, татар Кавказского края к казакам и сравнить в правах и обязанностях, исключив из этого только армян, имеющих право пользоваться привилегиями, дарованными им в 1799 году» (ОР РГБ, 1840: 5). Как утверждает Милютин, он провел «довольно обширное исследование вопроса» и конкретными «цифрами» доказал несостоятельность проекта Холанского (в итоге, он не был одобрен), т.к. «сама мысль об этом слиянии не может соответствовать видам высшего правительства относительно будущности всего Кавказского края» (Воспоминания, 1919: 260) Для нас же записка Милютин важна тем, что в ней он отразил свое отношение к функциональным качествам казачества. Милютин конца 1830-х г. писал: «Всем известны невыгоды всякого вооруженного населения. Везде, где подобные учреждения существовали, они были вынуждены крайней необходимостью и терпелись как зло, но зло неизбежное, отвращающее, может быть, гораздо большее зло. Однако ж всякое правительство старается, по мере возможности, уменьшить этот разряд населения и там, где исчезнет цель, с которою оно было некогда учреждено, должно всеми силами стараться подводить его под общие государственные установления. Так, например, донские казаки, некогда составляющее касту, исключительно воинственную, теперь организованы на таких основаниях, что, по возможности, более подходят к общей массе народа, сохранив, можно сказать, только в формах прежнее свое воинственное учреждение... Не нужно доказывать, что всякие иррегулярные поселенные войска тогда только хороши, полезны для государства и страшны для неприятеля, пока они находятся вблизи от сего последнего; они образуются опытностью и без войны не могут быть никакими средствами поддерживаемы, как войска регулярный. Не говоря уже о донских казаках, которые теперь живут, можно сказать, внутри Империи, нельзя не заметить даже и в линейных казаках разницы в воинственности между станицами, поселенными на самой линии, и внутренними, отдаленными от линии» (ОР РГБ, 1840: 24-24об.).

В основе милютинского изображения казачества в воспоминаниях кавказского периода, очевидно, лежит сочетание впечатлений молодости и приобретенного жизненного опыта. Так, Милютин достаточно подробно описал как природная специфика Кавказа и набеги горцев снижают эффективность применения регулярных войск. И только казачество, по его мнению, представляет «такому врагу (горцам – А.В.) единственный способ противодействия». Продемонстрировав краткое знание истории появления казачества на Кавказе и особенностей формирования двух войск – Кавказского линейного и Черноморского, – а также колорита обустройства казачьего быта непосредственно на границе с горскими племенами, Милютин заключает, что такая жизнь стала «превосходной школой для воспитания Кавказского казачества». Именно она дала «особый тип Кавказского линейного казака – замечательно смышленного, ловкого, беззаветно отважного, удалого наездника. Всегда готовый к кровавой схватке с врагом, линейный казак старается не уступать в удалстве и отваге горскому джигиту, и замечательно, что вместе с тем берет его в образец себе, по крайней мере, во внешнем виде, в покрое одежды, снаряжении, оружьи, даже в некоторых мелочах домашней обстановки. Не то в Черноморском казачьем войске: потомки знаменитых запорожцев приспособились по своему к требованиям службы на линии, оставшись теми же истыми хохлами, каким были их предки на Днепре». Но даже линейный казак (который еще и земледелец), по наблюдению Милютин, не может сравниться с горцем в «индивидуальном боевом состязании» (Воспоминания, 1919: 292-294).

В мемуарной милютинской иерархии казачьих войск, действующих на Кавказе (Донское, Черноморское и Линейное), донские казаки явно были аутсайдерами. Хотя Милютин и не высказывал совсем уж острой критики в их адрес, но она подразумевалась. И дело здесь заключалось не только в субъективной оценке и возможной предвзятости будущего министра. Он только подтверждал мнение многих регулярных офицеров, особенно «кавказцев», распространенное в 1830–1850-х гг. Из-за постепенного размывания справедливо заслуженной в Отечественной войне 1812 г.

славы донских полков, и, в общем-то, далеко не главной роли донских казаков на Кавказе, их боевой образ заметно тускнел. Это признавали и некоторые донские офицеры, правда, обязательно указывая среди причин данного явления неправильное использование донских полков и даже происки конкурентов в лице кавказских казачьих войск (Краснов, 1861: 145, 147). Для иллюстрации такого мнения мы выбрали отрывок из воспоминаний близкого сослуживца Милютина опытного «кавказца» Г.И. Филиппсона. С 1855 по 1860 гг. он занимал должность наказного атамана Черноморского казачьего войска, в то же время, имея самое непосредственное представление о быте донских казаков благодаря многолетнему личному обустройству имения своей жены в Земле войска Донского. По мнению Филиппсона: «Эта повинность (служба на Кавказе – А.В.) была тягостна для войска (Донского – А.В.) и мало полезна для Кавказа. Полки прибывали в край новый, должны были участвовать в военных действиях, где массы почти не бывают в деле, а для одиночных действий у казаков нет сноровки и опытности. Долгий мир сделал то, что уровень воинственности донцов понизился; старых казаков мало, а офицеров опытных еще менее. К этому нужно прибавить, что большая часть полковых командиров назначалась из гражданских частей, и брались полки только в чаянье негласных выгод. Срок службы полка на Кавказе – 4 года, из которых, в первом, а иногда и во втором году, казаки умеют только безропотно переносить все невзгоды, болеть и умирать; а только что в остальные два года приспособляться к этому новому роду войны и жизни, является с Дону другой полк на смену. Нужно, впрочем, сказать, что многое зависит от умения главного местного начальника ввести казаков в боевую колею; но вообще несомненно, что донские казаки более полезны в европейской войне, чем на Кавказе. Здесь, поневоле, как мы, так и горцы, сравнивали их с линейцами, и это сравнение было не в пользу донцов» (Осада Кавказа, 2000: 189).

Тем не менее, донские казаки, видимо, из-за своей многочисленности, неизменно присутствовали в различных проектах по покорению и колонизации Кавказа. В подготовке одного из таких проектов прямое участие принял Милютин. Как начальник штаба Кавказской армии (1856–1860) он, исполняя приказ своего главнокомандующего будущего генерал-фельдмаршала А.И. Барятинского, написал записку «О средствах к развитию Русского казачьего населения на Кавказе и переселению с Кавказа части туземных племен» (1857). Поводом к ее составлению послужило высочайшее повеление Александра II о необходимости соблюдения военными властями соразмерности наряда на службу с «наличию численностью полков Кавказских казачьих войск и общего увеличения казачьего населения» (Берже, 1904: 757). По крайней мере, так говорилось в преамбуле записки. В историографии авторство идей, изложенных в записке, безоговорочно относят к А.И. Барятинскому. Да и сам Милютин подтверждал это. Мало того, в своих воспоминаниях он писал «о личном не сочувствии» к главному предложению записки - о переселении донских казаков на Кавказ, а горцев на Дон, т.к. «находил его даже весьма рискованным, ...не считая себя вправе в чем-либо отступить от солидарности с начальником своим» (Воспоминания, 2004: 156). Однако, очевидно, что вряд ли роль Милютина заключалась только в механической фиксации слов Барятинского. Участие Милютина, на наш взгляд, проявилось в обыгрывании и детализации основных идей главнокомандующего. Следовательно, в таких подробностях можно увидеть, в том числе, и милютинское отношение к казачеству. Выделим основные положения записки. Собственно констатация того факта, что ни существующая «нормальная численность полков Кавказского линейного казачьего войска», ни количество земли, которой располагают казаки «как на Левом, но даже и на Правом Крыле» армии не позволяют выполнить высочайшее пожелание, приводит автора(ов) записки к центральному предложению об увеличении русского населения и его земельных наделов за счет горских владений. Причем, предваряет это предложение рассуждения о специфике казачьего землевладения и землепользования. Например, ставится вопрос о рассмотрении «ближе и беспристрастно, необходимо ли для обеспечения благосостояния казаков все то количество земли, которое по закону им полагается?». Отвечая на него автор(ы) констатирует, что «усиленное наделение казаков землею едва ли приносит существенную выгоду их хозяйственному быту, ибо при тяжелой службе, лежащей на казаках, причиною их бедности скорее можно считать недостаток в рабочих руках, чем в земле». Также в записке говорится о том, что «правительство не может принять на себя обязанность поддерживать и на будущее время всегда одинаковую соразмерность количества земли с народонаселением», поэтому необходимо «дать полный простор развитию казачьего населения, не стесняя его никакими преградами и не обращая внимания на неизбежное сокращение соразмерности в поземельном довольствии» (Берже, 1904: 758). В этом пассаже, да и из всего текста записки, не совсем понятно смысловое содержание словосочетания «не стесняя никакими преградами». Имея некоторое представление о том, как дальше будет развиваться политика в казачьем вопросе, мы рискуем предположить, что здесь имелось в виду скорее снятие сословных преград, т.е. традиционных казачьих прав и привилегий, расцениваемых как пережитки прошлого.

Далее, в записке рассматриваются категории населения, которые могут стать потенциальными колонистами Кавказа. Среди них донские казаки называются главными претендентами на переселение как находящиеся в более выгодных условиях по сравнению с Кавказскими казаками. В записке отмечается, что Донское войско «по положению своему в домашнем быту ничем не отличается от спокойных внутренних губерний России. Возвратясь со службы, Донской казак делается мирным поселянином, не слышит о неприятеле и свободно предается заботам

хозяйственным... Окруженные хлебодородными губерниями и владея богатым краем, в котором имеются все выгодные условия для успешного развития многих отраслей промышленности.. и пр. донские казаки пользуются таким благосостоянием, которого казацкие войска Кавказского Корпуса не могут достигнуть...» (Берже, 1904: 759). Конечно, не только донские казаки, но и черноморцы, линейцы, особенно азовские казаки, вообще планируемые к переселению полным составом, обязаны были стать «ударной» силой в колонизации Кавказа. Для автора(ов) записки это почти аксиома, т.к. главное назначение казачьих войск им виделось «в выполнении военных целей, которым они должны способствовать не только боевою службою, но и всем своим бытом». Напомним, что еще одним важным предложением записки был перевод горского населения с мест его проживания на свободные или освобождающиеся донские земли, и «в этом простом обмене заключается ключ к разрешению трудной задачи завоевания Кавказа и таким образом верному Донскому войску достанется честь новой великой услуги государству» (Берже, 1904: 760). Здесь, следует сказать, что идеи Бяратинского/Милютина не являлись эксклюзивными или абсолютно новыми. О разных проектах переселения на Кавказ I пол. XIX в., в том числе «обменного характера», довольно пространно писал еще П.П. Короленко (Короленко, 1911: 292-302). Но ни один из этих проектов не был доведен до конца, как правило они «застревали» на стадии обсуждения.

Милютин в начале осени 1857 г. был командирован в Санкт-Петербург для продвижения записки в «верхах». По дороге в столицу он заезжал в Новочеркасск и по просьбе Бяратинского беседовал с войсковым наказным атаманом (далее – в.н.а.) М.Г. Хомутовым, убеждая его разделить идеи своего начальника (Зиссерман, 1890: 139). Александр II в целом одобрил записку, причем одновременно с планом реформирования Кавказских казачьих войск (Зиссерман, 1890: 142). Согласно плану предполагалось 2 полка (Кубанский и Хоперский) или 6 бригад Кавказского линейного войска перевести в состав Черноморского войска, переименовав его в Кубанское казачье войско, а из оставшихся линейцев (4 бригады) образовать Терское казачье войско.

Милютинская записка была всесторонне рассмотрена весной 1858 г. в специально созданном для этого комитете при Военном министерстве. Итоговое заключение комитета оказалось отрицательным, в том числе из-за позиции М.Г. Хомутова, не давшего согласия на массовое переселение донских казаков (Берже, 1904: 767-775). Видимо новочеркасская беседа Милютина с атаманом никак не повлияла на мнение последнего, или первый не слишком старался быть убедительным. Правда, в одном из писем к Бяратинскому Милютин, характеризуя хомутовские взгляды на казачью колонизацию, написал, что «так может рассуждать только казак, а не государственный человек» (Зиссерман, 1890: 349).

Что же касается реформирования Кавказских казачьих войск, то этому процессу был дан старт, который в итоге привел к образованию Кубанского и Терского казачьих войск (1860). В воспоминаниях Милютина говорится об определенных сложностях в этом деле: «главным камнем преткновения было слияние двух, столь разнообразных элементов, каковы казаки линейные и казаки черноморские: это были почти как два разные народа, не похожие между собою и в смысле этнографическом, и в организации военной и, что всего важнее – в духе и нравах. Черноморцы всегда отличались хохлацким упорством и консерватизмом, им претила всякая перемена в их своеобразном быту» (Воспоминания, 2004: 288). В своем мнении Милютин был не одинок, поэтому для современников и исследователей в образовании двух «новых» казачьих войск помимо понятных причин административного и военного характера был также очевиден и своеобразный «национальный» или «политический» подтекст этого решения.

Несмотря на провал записки Милютина, Бяратинский не отказался от идеи расширения русской колонизации Кавказа. Имея поддержку Александра II, он планировал и дальше постепенно продвигать казачьи станицы в предгорные районы Западной части Кавказского хребта, но уже за счет Кубанского казачьего войска. Милютин, с сентября 1860 г. вступивший в должность товарища (заместителя) военного министра Н.О. Сухозанета, также не оставлял вниманием дело колонизации. В начале 1861 г. казаки Хоперского полка и Ейского округа отказались участвовать в колонизации закубанских земель, сославшись на «разорительные» условия переселения (Барилко, 1912: 5-32). Была даже составлена специальная петиция по этому поводу на имя начальника Кубанской области Н.И. Евдокимова. Петицию подписали казачьи офицеры в основном бывшие «черноморцы», в ней выдвигались новые требования по организации переселения, включающее восстановление прежнего названия войска. В милютинской интерпретации: «Дерзкое это заявление очевидно показывало, что в Черномории сопротивление переселению возбуждено было не простыми казаками, а «панам», которые, захватив лучшие угодья, обогащались на счет простых станичников, держали их в нищете, под своим владычеством, и между тем возбуждали в них неудовольствие против правительства и ненависть против «москалей». К общему удивлению, протест черноморцев испугал графа Евдокимова, который, после высказанной им настойчивости и непреклонности в отношении хоперцев, вдруг поколебался и уступил» (Воспоминания, 1999: 127). Ситуация с казачьим недовольством политикой переселения находилась под постоянным контролем Милютина, ее он обсуждал в переписке с Бяратинским, пытаясь найти выход из положения. С подачи Милютина были арестованы представители казаков 1-Хоперского полка, которые явились в Санкт-Петербург с прошением на имя Александра II. После ареста их препроводили в Ставрополь к Евдокимову для

судебного разбирательства. Уже будучи с ноября 1861 г. военным министром Милютин продолжил деятельно участвовать не только в поиске и наказании виновных, но и в возобновлении казачьей колонизации бывших горских владений. При этом Милютина вряд ли расстраивала трагедия горского населения, подверженного насильственному переселению, интересы казачества явно находились у него в приоритете. Когда на заседании комитета министров в июле 1861 г. был поднят вопрос о помещении горцев, возвращающихся из Османской империи, в пределах войска Донского, Милютин заявил, что это «представляется совершенно невозможным, не столько по недостатку свободных земель, сколько потому, что водворение переселенцев... считается местными жителями нарушением их прав» (Берже, 1904: 75).

Вступив в должность министра Милютин, говоря современным языком, подобрал себе «команду», которая незамедлительно приступила под его непосредственным руководством к формированию перспективной программы действий министерства. Вместо прежнего начальника Управления иррегулярных войск (далее – УИВ) А.И. Веригина, не заслужившего положительной характеристики от нового министра, был назначен ближайший сотрудник Милютина по Кавказской армии Н.И. Карлгоф. Помощник начальника УИВ донской казачий генерал А.П. Чеботарев как самый опытный чиновник сохранил свое место, которое занимал с 1856 года. Эти два офицера на все десятилетие 60-х гг. XIX в. станут главными проводниками «милютинской» казачьей политики. В воспоминаниях Милютина каждый год его министерства отмечается особым разделом, в котором фиксируются результаты деятельности по всем управлениям, включая иррегулярное. Содержание таких разделов в основном повторяет ежегодные отчеты по Военному министерству, удостоивавшихся утверждения императором. Однако в своих мемуарах он выделял только самые важные, как он считал, пункты отчетов. Вспоминая о первоначальных планах в качестве министра, Милютин, по сути, воспроизводит основные положения широко известного в историографии его же Высочайшего доклада от 15 января 1862 года, в котором излагалась концепция будущих преобразований в армии.

Так, в отношении иррегулярных войск он хотя и отмечает их важность на случай «большой войны», но в то же время ставит задачу «уменьшения наряда казачьих частей на службу в мирное время до узаконенной нормальной соразмерности (т.е. трети всего состава)». Сокращение наряда казаков Милютин напрямую связывает с финансовой стороной вопроса. По данным министра содержание казачьих частей в мирное время обходилось государству «не дешево – до 9 1/2 миллионов рублей». Следующую задачу он видит в совершенствовании строевого образования и вооружения казаков, особенно Донского и Оренбургского войска. Продолжая тему экономических издержек существования казачьих войск и эффективного использования земель ими занимаемых, Милютин допускает следующее, на наш взгляд, знаковое выражение: «В какой степени боевая сила, доставляемая 3-х миллионным казачьим населением, вознаграждает те потери, которые государство несет в экономическом отношении – это такой вопрос, для решения которого требовались бы весьма сложные исследования; касаться его здесь было бы неуместным. Военное министерство, на которое возложено не одно лишь заведование казаками как частью военных сил государства, но также и управление всем населением известных областей, – должно считать своею задачей вести дело так, чтобы согласовать, сколько возможно, противоположные интересы военные и гражданские, то есть заботиться о наибольшем развитии и устройстве казачьего войска в боевом отношении, насколько эта цель совместима с гражданским благосостоянием и преуспеянием народа. Министерство не должно забывать, что казачьи территории – не военные лагеря, но части государства, имеющие полное право пользоваться благами гражданского и экономического развития, наравне с другими частями Империи». После этих слов Милютиным ставится последняя задача в отношении казачьих войск – «применить по возможности к казачьим областям предпринимаемые общие государственные реформы; устранить все те устаревшие особенности казачьего быта, которые, не принося пользы в военном отношении, только задерживали гражданское преуспеяние и способствовали отчуждению казачьего населения» (Воспоминания, 1999: 262-263).

Довольно трудно определить, сколько в разделе доклада об иррегулярных войсках содержится собственно милютинских мыслей. Однако, исходя из очевидного факта его полного одобрения министром, мы можем утверждать, что упомянутый раздел представляет собой своеобразную квинтэссенцию милютинского личного, особенно кавказского, опыта в отношении казачества в совокупности с его «политическими» убеждениями и актуальными предложениями чиновников УИВ. Например, в постановке вопроса (и, вероятно, впервые на таком уровне) об экономической составляющей жизнедеятельности казачьих войск, а также в заявлениях о необходимости совершенствования строевого образования и вооружения казаков, как нам кажется, явно прослеживается «рука» Милютина. Что касается проблемы сокращения наряда на службу казаков, то с ней, как мы уже отмечали, Милютин впервые столкнулся еще на Кавказе. Именно попытки ее решения способствовали появлению записки Милютина и подстегнули колонизацию Кавказских земель. Казачье недовольство переселением вынудило власти пойти на уступки. В процессе разработки новых мер по организации продвижения казачества вглубь Кавказа Барятинский весной 1861 г. предложил удовлетворить просьбы переселяющихся казаков о продаже своих земель, в том числе иногородним, а также предоставить «закубанским станицам исключительную льготу - наделить их участками земли не в общинное, а в частное владение каждого казачьего семейства». Барятинский

посчитал, что такая разрешительная мера «потребуется изменения некоторых постановлений общих по всем казачьим войскам», т.к. «замкнутость казачьего сословия» и сложившийся порядок землепользования «...отнимают у казака естественное стремление к улучшению своего быта..., мешают гражданскому развитию края; ...составляют резкую аномалию между другими сословиями», «развивают дух отдельности в государстве» (ГАСК, 1862: 30). Напомним, что Милютин лично участвовал в подготовке материалов для высочайшего рескрипта Александра II от 24 июня 1861 г. о привилегиях переселяющимся казакам, а уже в должности министра занимался доработкой известного «Положения о заселении казачьими станицами предгорных и горных пространств Западного Кавказа и о правах, пособиях и льготах, даруемых переселенцам» от 10 мая 1862 года. Вспоминая об этом, Милютин назвал «приманкой» предоставляемые казакам «исключительные права по поземельному владению», которые на самом деле противоречили «основным началам казачества» (Воспоминания, 1999: 264).

Важнейшие положения милютинского доклада об иррегулярных войсках были развиты подробно в «Соображениях... о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках». Данный документ являлся результатом деятельности особого комитета при УИВ, открытого с ноября 1861 г. среди прочих других комитетов, занимавшихся более детальной проработкой преобразовательных идей, придуманных или разделяемых Милютиным. В совсем кратком изложении центральные пункты «Соображений...» выглядят следующим образом: необходимо допустить утверждение частной собственности на землю на казачьих территориях, право свободного выхода из казачьего сословия, необязательность военной службы, отменить ограничения для иногородних в отношении собственности и передвижения в казачьих краях (ОР РГБ, 1866). Т.е. довольно радикально пересматривались три принципа существования казачества, ранее незыблемых и почти священных, а именно: обязательная служба, замкнутость войска и войсковая собственность на землю.

В середине 1862 г. «Соображения...» были разосланы в местные казачьи комитеты по пересмотру войсковых положений для руководства в текущей работе. Военное министерство надеялось, что в проектах новых положений они будут учтены в максимальном объеме. Однако на Дону обсуждение «Соображений...» перешло в публичную плоскость, раскололо не только общество, но и представителей администрации на сторонников и противников реформ. В воспоминаниях за 1862 г. Милютин достаточно подробно описывает свое противостояние с начальником штаба войска Донского кн. А.М. Дондуковым-Корсаковым. Милютин был убежден, что князь не только «образовал около себя партию, которая, под видом охранения старинных казачьих привилегий и обычаев, оказывала сопротивление всем предпринимаемым Военным министерством нововведениям», но и «возбуждал между казаками превратные толки о воображаемых намерениях правительства вести к уничтожению казачества» (Воспоминания, 1999: 378-379). Милютин в целях успокоения донского казачества добился удаления Дондукова-Корсакова с должности и из пределов войска, отметив в воспоминаниях, что «новые либеральные веяния... там (на Дону – А.В.) были мало опасны: они глохли в инертной среде старого казачества, более заботившегося о сохранении своих обветшалых порядков, чем о каких-нибудь незнакомых новшествах» (Воспоминания, 1999: 379). Однако, как мы показали в своей статье «Казакоманство. Донской случай. 1860-е гг.», ситуация с «возбуждением» казачества была гораздо серьезнее. Для того чтобы вернуть казачью лояльность, необходимую на фоне полыхающего польского восстания, властям пришлось усилить цензуру в местной газете и воспользоваться приездом наследника престола на Дон в августе 1863 г. с целью даровать тогда же Высочайшую грамоту, подтверждающую Донскому войску «все права и преимущества..., нерушимость настоящего образа его служения..., неприкосновенность всех выгод, угодий и окружности владений его» (Волвенко, 2015).

Однако для Милютина этот кризис не стал поводом для пересмотра своей позиции по отношению к реформированию казачества. Возможно, она стала еще крепче из-за отрицательных результатов осмотра нескольких казачьих полков в сер. 1863 г. прошедших через Санкт-Петербург в Северо-Западный край. «Надобно сознаться, – вспоминал Милютин – (полки – А.В.) произвели впечатление не совсем выгодное: жалкие лошаденки, люди почти не обучены, плохо одеты. Смотры эти выказали наглядно упадок строевого состояния донских и оренбургских казаков. В особенности прискорбно было видеть плохое их вооружение» (Воспоминания, 2003: 376). И хотя польские события, по понятным причинам, занимали главное внимание Милютина в 1863–1864 гг., они не повлияли на решимость и последовательность проводимых Военным министерством одновременно с подавлением восстания мероприятий в казачьих войсках. Среди них большое значение имели сокращение сроков казачьей службы: полевой – до 15 лет, внутренней – до 7 лет (сначала для Донского войска), а также демилитаризация башкирского войска и фактическое упразднение Азовского казачьего войска (окончательно в 1865 г.).

К 1865 г. после анализа итогов деятельности местных казачьих комитетов по пересмотру войсковых положений в УИВ стало понятно, что комитеты не справились с поставленной перед ними задачей. Самой жесткой критике со стороны Милютина подвергся донской проект положения, в котором оказались «высказаны крайне консервативные стремления». По мнению министра: «Новочеркасский комитет представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности,

старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве. Такой проект очевидно показал, что вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководства центральной власти» (*Воспоминания, 2005: 184-185*). В связи с этим в октябре 1865 г. в Санкт-Петербурге при УИВ был открыт Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений. Таким образом, разработка казачьих реформ переместилась в центр при одновременном отказе от составления какого-то одного универсального положения для каждого казачьего войска, как было ранее принято в имперской казачьей практике.

Критика Миллютиным донского проекта не была голословной. Он, действительно, внимательно читал наиболее важные материалы, поступавшие из местных казачьих комитетов, оставляя характерные заметки карандашом по тексту или на полях. В объяснительной записке к донскому проекту Миллютин подчеркнул наиболее спорные на его взгляд моменты. Например, в утверждении, что «вся земля, известная на карте России под названием земли Донских казаков, есть собственность казачьего сословия войска», он, как мы видим, выделил последние три слова (*РГВИА, 1864: 11*). В следующем пассаже: «казаки пользуются несравненно высшим материальным благосостоянием, а в умственном развитии... ушли далеко вперед от сельских сословий, может быть не одной России», – он не просто выделил слова, но и написал на полях «будто» (*РГВИА, 1864: 23*). Эти, казалось бы, мелкие и незначительные придирики станут более понятными и важными на фоне отрицательных заключений на проект, поступивших от других ведомств и с которыми Миллютин полностью солидаризировался. Среди них, пожалуй, самым «разгромным» и показательным для понимания смысла миллютинских упражнений с карандашом, было мнение министра внутренних дел П.А. Валуева, которое достойно обстоятельного цитирования: «...подтверждением доводов и желаний расширить право казачьего сословия внутри войска и укрепить замкнутость от единства с Империей служит то, что Комитет... относит к обязанностям поземельного отделения: «охранение неприкосновенности войсковых границ», ибо в противном случае, вместо слова «границ», следовало поставить слово «земель», чтобы устранить и самую мысль о неприкосновенности границ между составными частями всего государства. Конечно, настоящее обстоятельство, отдельно взятое, не подлежало бы, может быть, и суждению по мелочности заключающегося в нем предмета, но значение его в совокупности со всеми другими статьями проекта положения, клонящимися к обособлению страны, делается несомненным и не должно уже быть обойдено незамеченным. Наконец, увлечение к предвзятой идее о замкнутости является неразумным; в ст. 442 на основании коей все должности по учебным заведениям замещаются училищными чинами обоего пола, преимущественно из казачьего сословия. Тут не сделано даже никакой оговорки, следовательно, допускается прямое заключение о преимуществе менее способных, если только они принадлежат к казачьему сословию, над более способными, если последние, по происхождению из уроженцев Империи, не подходят к этому условию» (*РГВИА, 1863: 66-67*).

Проект сибирского казачьего комитета тоже был признан неудачным и архаичным. Так, в утверждении сибиряков о том, что «... главной заботой управления должно быть не развитие промышленности, а упрочение благосостояния в местном населении, не облегчение нескольким лицам возможности скоплять в своих руках богатства, а равномерное распределение его в целом населении», Миллютин увидел «темный, безотчетный отголосок коммунизма», продолжив далее свою мысль словами: «не лучше употреблять усилия для развития промышленности, а надобно только устранить препятствия в естественном его ходе» (*РГВИА, 1865: 90б.*) Что касается проекта положения о Забайкальском казачьем войске, то у нас сложилось впечатление, что Миллютин, уже согласовав решение об открытии Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений в Санкт-Петербурге, не успевал его внимательно прочесть в срок. В одном из писем к Карлгофу в августе 1865 г. министр предлагал передать забайкальский проект «как полезный материал для центральной комиссии (так он первоначально называл комитет - А.В.)», ставя перед начальником УИВ вопрос: «Не пора ли пустить ее в ход?» (*РГВИА, 1865 (а): 5-6*).

Временный комитет по-настоящему набрал свой «ход» с ноября 1866 г. после выступления перед его депутатами Александра II и остановился уже только в 1872 году, официально закрывшись (*Столетие, 1902: 426*). Такой длительный срок работы комитета можно объяснить словами самого Миллютина, который искренне сокрушался, что «по каждому вопросу (комитету – А.В.) требовались сношения с подлежащими министерствами, рассмотрение во II С.Е.В. Канцелярии, в Главном военно-кодификационном комитете, затем в Военном совете, в Департаменте законов (иногда в соединении и с Департаментом экономии), наконец, в общем собрании Государственного совета», и на эти «согласования» уходили целые годы (*Воспоминания, 2006: 137*). Также Миллютин, как кажется специально, вспоминая о первых шагах деятельности комитета, затрагивает проблему «распущенных между казаками и в публике нелепых слухов о том, будто бы предпринятые министерством преобразования клонятся к упразднению казачества». И, опираясь на авторитет речи Александра II, он уверяет потенциального читателя, да и, наверное, себя тоже в том, что «казаки убедились, что нет и помин об уничтожении казачества» (*Воспоминания, 2005: 403*).

Миллютин внимательно следил за работой комитета. Сохранилась его служебная и частная переписка с Карлгофом, в которой обсуждаются конкретные детали наиболее значимых казачьих дел. Из писем и мемуарных заметок Миллютина отчетливо складывается впечатление, что часть решений

комитета давалось не без труда и упорных дискуссий. При этом Милютин отдает должное Карлгофу, которому, удалось «свести суждения на среднюю почву благоразумной умеренности, приняв одну руководящую мысль – отрешиться от прежней казачьей замкнутости и открыть простор развитию народного хозяйства, промышленности и торговли» (*Воспоминания, 2005: 403*). В одном из писем Карлгофа к министру содержится описание дискуссии, являющейся прекрасной иллюстрацией дебатов среди депутатов комитета и закончившейся, кстати, не в пользу Военного министерства. Однако сначала напомним, что первым и наиболее важным результатом работы комитета стало принятие 1 июля 1867 г. «Положения о военном составе оренбургского казачьего войска, срока службы и о способах их комплектования». В нем была реализована идея, заложенная еще в «Соображениях» УИВ 1862 г., о выделении т.н. служилых и несслужилых казаков. На основании четко определенной нормы выставляемого от войска количества нижних чинов жребий должен был определить, кто попадал в состав служилых казаков, а кто переходил в разряд войсковых «граждан», навсегда освобожденных от службы, но сохранявших право на владение землей с уплатой 4 руб. в год в войсковой капитал (*ПСЗ, 1871: 1113-1118*). Именно вопрос о распространении оренбургского порядка организации казачьей службы (еще пока в виде проекта) на другие войска и был поставлен начальником УИВ в начале 1867 г. на обсуждение комитета. По результатам заседания, Карлгоф сообщил Милютину, что все депутаты от казачьих войск, за исключением Донских и Уральских, высказались за оренбургскую систему. Донские представители продолжали настаивать на своем служебном порядке, а если и допускали вариант освобождения от службы, то только с ежегодной компенсацией войску аж в 70 руб.(!). Уральцы же вообще отмалчивались, ибо, как пишет Карлгоф, если реализовать у них оренбургский проект, то «перевернется вверх дном весь (уральский – А.В.) общественный порядок». Карлгоф также рассчитывал «склонить комитет к уступкам» в вопросе «о вознаграждении государства за освобождение от воинской службы части казачьих поселений». Его надежды были связаны с тем, что «депутаты большей части войск сознают справедливость этого требования, но не соглашаются только на обложение освобождаемых от службы податями в пользу казны, как предполагается в проекте Оренбургского войска. Они находят возможным уменьшение отпуски из государственного казначейства субсидий некоторым войскам..., лишь бы не было нарушено одно из преимуществ их, составляющих предмет их тщеславия, что оно не принадлежит к податному сословию». Здесь, весьма показательна запись Милютина сделанная карандашом напротив последнего предложения: «Так я и думал» (*ОР РГБ, 1867: 16*). В итоге, в том числе из-за позиции заместителя Карлгофа донского генерала А.П. Чеботарева, оренбургское положение не было распространено на донское и уральское казачество. Сохранение же донского принципа поголовности казачьей службы закладывало основу для будущей интеграции донского порядка казачьей службы как универсального в систему всеобщей воинской повинности по Уставу 1874 года.

К 1870 г. были реализованы почти все крупные проекты, разработанные Временным комитетом. Милютин в отчете за этот год с удовлетворением отмечал, что «положения о казачьих войсках постепенно... все более приводились к единству, и почти незаметно казачьи населения, в своем гражданском и экономическом быту, сближались с другими частями империи» (*Воспоминания, 2006: 344*). Действительно, «сближение» происходило даже на символическом уровне. Нам уже доводилось писать об особой знаковости переименования станичного сбора в станичный сход в «Положении об общественном управлении в казачьих войсках», а также Земли войска Донского в Область войска Донского (далее – ОВД) приходящихся на юбилейный для Донского войска год – 1870-й, объявленный годом празднования его 300-летия (*Волвенко, 2014*). В последнем случае, напомним, Милютин лично инициировал изменение административного названия донской казачьей территории.

В начале лета 1871 г. Милютин впервые в качестве военного министра отправился в поездку по Югу России. В Новочеркасске и его окрестностях он находился 4 дня. За это время министр побывал во многих местах, от войскового госпиталя до грушевых шахт и закончил смотром 10-ти батарей донской казачьей артиллерии, с удовлетворением отметив, что «все движения и построения отличались обычною в казачьей артиллерии живостью и лихостью» (*Воспоминания, 2006: 396*). Милютина также «потешили зрелищем» учения т.н. казачьих малолетков: «Я был приятно удивлен, – вспоминает он, – увидев пред собой вместо ожидаемых неловких юношей, только что посаженных на коней, отличных наездников, которые не только проделали полковое учение, но почти все проскакали мимо меня с джигитовкой, не хуже знаменитых «линейных» казаков кубанских и терских. Вообще я вынес заключение, что принятые в последнее время меры для обучения молодых казаков принесли заметные плоды и поддержали в донских казаках воинственную выправку, привычку к коню и молодцеватость» (*Воспоминания, 2006: 397*). Донское дворянство, прощаясь с министром, дало торжественный обед в его честь. На обеде областной предводитель дворянства Иловыйский «с большим тактом намекнул на встреченное в первое время Военным министерством со стороны казаков недоверие к предпринятым преобразованиям в их гражданском быту и на постепенное затем уразумение донцами благотворных целей новых, дарованных им Положений, клонившихся к преуспеянию их совместно с общим отечеством – Россией». Милютин описывал этот эпизод с явным удовлетворением, особо отметив, что в ответных словах он сам «выразил искреннее и горячее сочувствие к интересам казачества» (*Воспоминания, 2006: 398*). Видимо, находясь под

впечатлением от донского приема и речей, Милютин в воспоминаниях за 1871 г. в разделе об иррегулярных войсках еще раз посчитал необходимым сказать о понимании казаков, что «реформы клонятся к улучшению их гражданского быта, а не к упразднению казачества», посчитав «искренними» слова Иловайского на обеде (Воспоминания, 2006: 454).

В августе 1872 г. Милютин повторно приехал в Новочеркасск теперь уже в свите Александра II и наследника престола. На этот раз в своих мемуарах он предпочел описать подробности монаршего пребывания в казачьем крае, минимизировав свое личное в нем участие. На единственное исключение министра побудило впечатление от расположения в доме «зажиточного казачьего штаб-офицера», которого он еще знал на Кавказе в должности командира полка. Милютин вспомнил о принятом на Дону до 1869 г. «очередном» порядке назначения в должность командира полка, из-за которого в нее вступали часто люди «не подготовленные..., даже не знакомые со строевою частью и притом люди корыстные, принимавшие полки с открытою целью нажиться» (Воспоминания, 2006: 505-506). Надо признать, что архивные материалы подтверждают правоту милютинских наблюдений. Главнокомандующий войсками Варшавского округа граф Ф.Ф. Берг в одном из «конфиденциальных» писем к донскому атаману А.Л. Потапову писал в 1867 г., что по причине «доносов (о злоупотреблениях – А.В.), начавшихся с самого выступления полков с Дона» он «вынужден был командировать некоторых доверенных лиц из регулярных войск для расследований на месте...» (РГВИА, 1866: 36). Конечно, здесь не следует забывать и о доблестных и честных донских полковых командирах XIX в., настоящих хозяев, заботящихся о своих подчиненных и об имуществе.

Повышенное внимание Милютина к специфическим военным вопросам развития казачества в последнем томе воспоминаний за 1868 – начало 1873 г. было обусловлено процессом подготовки главной милютинской реформы – «всеобщей воинской повинности». Донское казачество в лице войсковой администрации получило свободу выбора в определении того, на каких принципах будет организована новая система казачьей службы. И выбор был вновь сделан в пользу «поголовности» как наиболее отвечающей духу, планируемого общеимперского военного устава. Разработка основных документов, регламентирующих донскую казачью службу, проходила уже при новом начальнике Главного управления иррегулярных войск, генерале А.П. Богуславском (с 1871 г.). Н.И. Карлгоф, а чуть ранее и А.П. Чеботарев покинули свои посты по собственному желанию. О борьбе мнений на Дону в ходе подготовки крестьянской реформы можно получить представление из работы донского историка А.Ю. Перетьяко, специально изучавшего этот вопрос (Peretyatko, 2016). Нам же важна позиция Милютина, озвученная им на Секретных совещаниях (1873 г.) и заседаниях Государственного совета, посвященных, в том числе, обсуждению и окончательному утверждению упомянутых «Положения» и «Устава». Отголосок непростых дискуссий по этому поводу, содержится в дневниковых записях Милютина. Но они не отличаются подробностями. Поэтому для иллюстрации милютинской позиции обратимся к ставшей почти хрестоматийной объяснительной записке Военного министерства, подписанной им же, на замечания министра внутренних дел А.Е. Тимашева в адрес предстоящей казачьей реформы. Претензии руководителя МВД сводились к следующему: 1) «Казак пользуется громадными привилегиями, сравнительно с остальным населением империи. Если привилегии эти имели некоторое основание в прежнее время, когда одно казачье население было обязано всеобщей воинской повинностью, то в настоящее время, когда таковые же повинности распространены на все население империи, вышеозначенные привилегии не должны иметь места; 2) Новое положение о воинской повинности Донского войска предоставляет казакам гораздо больше выгод... сравнительно с общим Уставом о воинской повинности, и делает из казаков двояко привилегированное сословие» (РГВИА, 1875: 1). Вся система доказательств несостоятельности мнения МВД, принятая в записке, строилась вокруг воображаемого «предположения, что все особенности казачьих войск уничтожены и на казачье население распространены общие законы» и ... что выиграло бы Государство от такой перемены» (РГВИА, 1875: 1). Для большей убедительности в записке приводятся обширные статистические данные, на основании которых делался вывод о том, что стоимость возможного перевода Донского войска в разряд обыкновенного гражданского населения в несколько раз меньше затрат государства на организацию кавалерийских частей в количестве, сопоставимом с казачьими от Донского войска. В итоге, составители записки приходили к заключению, что «если же казаки и могут быть названы привилегированным сословием, то привилегия их заключается в том, что они стоят в первом ряду Государевых слуг, что на плечах их лежит такое государственное тягло, которое может нести только крепкое духом и энергическое население» (РГВИА, 1875: 6-6об.).

На первый взгляд, кажется, что поездки Милютина на Дон не прошли даром, если он одобрил такую записку. Но последние слова вряд ли следует рассматривать как признание Милютиним особого статуса казачества. Во-первых, они обращены конкретно к А.Е. Тимашеву и имеют вполне прагматическую цель - опровергнуть его утверждение о том, что казаки «двояко привилегированное сословие». Во-вторых, допуская оговорку «если», составители записки, а соответственно и Милютин, очевидно, расценивают непривилегированное состояние казачества как нормальное, главное отличие которого от других слоев населения, заключается лишь в более тяжелых условиях отбывания воинской повинности. Хотя конечно, нельзя не отметить и определенную эволюцию во взглядах

Милютин, по крайней мере, в отношении вопроса об экономической выгоде казачества для государства.

Практически параллельно с обсуждением казачьей военной реформы в Государственном совете слушался проект об образовании Таганрогской губернии. Согласно проекту, который возник по инициативе все того же Тимашева, планировалось для новой губернии отделить от Донской области Миусский округ с двумя станицами. «Я должен был отстаивать донских казаков и опровергать предложение МВД» – писал Милютин в дневнике в конце марта 1875 года (*Дневник, 1947: 183*). Ему это вполне удалось и «безобразной губернии» (милютинское выражение) не суждено было состояться. С этого момента в дневниках Милютина казачьи вопросы практически не поднимаются. Конечно, это не означает, что он как министр не принимал участие в решении текущих казачьих дел. Среди них заметно выделяются – организация земских учреждений среди донских казаков (1876–1882), перевод казачьих войск на донскую систему отбывания службы, протесты уральских казаков 1874–1877 гг., участие казачества в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и пр. Однако мы ограничимся простым перечислением этих дел, оставив их изучение на перспективу.

5. Заключение

В июне 1882 г. бывший оппонент Милютина и убежденный противник его политики в отношении войска Донского кн. А.М. Дондуков-Корсаков решил написать небольшое предисловие к своей, ставшей довольно известной в последствии, «Записке о войске Донском» 1861 года. Собственно из-за этой записки, адресованной, прежде всего, императору, но прочтенной Милютиним, карьера князя пережила небольшую паузу, правда, затем снова устремилась вверх. Записка содержала только намеки на критику, в основном же в ней излагался некий альтернативный план развития донского казачества. Так вот, в своем предисловии Дондуков-Корсаков действия милютинского Военного министерства в отношении казачества охарактеризовал как «утопические», которые «не явно, но косвенно подрывали начала казачества в России» и рождали «недоразумения и даже волнения между казаками». Однако теперь, по мнению Дондукова-Корсакова, Милютин «честно и добросовестно... сознает неправильность своего взгляда на казачество» (*РГИА, 1882: 1-10б.*). Какие основания имелись у Дондукова-Корсакова для таких оценок и утверждений это вопрос, который еще следует изучить. По крайней мере, в воспоминаниях и дневниках министра нет прямых свидетельств его «осознания неправильности». Неоднократные заявления Милютина о том, что казаки через некоторое время все-таки верно поняли происходящие изменения, скорее, следует отнести к удовлетворению его самолюбия.

На наш взгляд, Милютин был строго последователен в своей казачьей политике вплоть до своей отставки. Во многом она была обусловлена опытом Кавказского этапа его жизни, в том числе, приобретенными симпатиями и антипатиями к разным казачьим войскам. Однако вне зависимости от своих чувств к казакам Милютин четко исповедовал инструменталистский подход к их оценке и использованию в имперской практике. Этот подход подразумевал игнорирование истории, традиции, былых заслуг казачества, если необходимо было эффективно, с точки зрения Милютина, решить актуальные государственные задачи во внешней и внутренней политике. Именно в таком ключе следует понимать и четко просматриваемую эволюцию милютинского взгляда на экономическую сторону жизнедеятельности казачества, и выбор Военным министерством в 1870-х гг. донской, а не новоявленной оренбургской системы военной службы. Не столько подсчеты, сколько необходимость продвинуть военные преобразования среди казачества заставило Милютина согласиться с тем, что казачьи войска выгодны государству в финансовом отношении. Не донские казаки были убедительны для министра в их отстаивании своего традиционного порядка службы, а просто принцип поголовности не противоречил главной реформе Милютина - всеобщей воинской повинности.

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-50018.

Литература

- Барилко, 1912* - Барилко И.Г. Из воспоминаний. Ставрополь, 1912.
- Берже, 1904* - Берже А. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т.12.
- Волвенко, 2014* - Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи "Великих реформ" (1860-1870-е годы). Часть 2. //Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3-2. С. 382-391.
- Волвенко, 2015* - Волвенко А.А. Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.). Часть I. // Русская старина. 2015. № 1 (13). С. 19-37.
- Воспоминания, 1919* - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т.1. Книга 1, 2, 3. Томск, 1919.
- Воспоминания, 1997* - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816-1843. М., 1997.

- [Воспоминания, 1999](#) - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999
- [Воспоминания, 2003](#) - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863-1864. М., 2003.
- [Воспоминания, 2004](#) - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1856-1860. М., 2004.
- [Воспоминания, 2005](#) - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865-1867. М., 2005.
- [Воспоминания, 2006](#) - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868-начало 1873. М., 2006.
- [Дневник, 1947](#) - Дневник Д.А. Милютина. 1873-1875. М., 1947. Т.1.
- [Зиссерман, 1890](#) - *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. М., 1890. Т.2.
- [Короленко, 1911](#) - *Короленко П.П.* Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе // Кубанский сборник. Т.16. Екатеринодар, 1911.
- [Краснов, 1861](#) - *Краснов И.* Донцы на Кавказе // Военный сборник, 1861. №9.
- [Кренке, 1872](#) - *Кренке В.Д.* Первые годы интендантства в петербургском военном округе. 1864 – 1867 // Русская старина. 1872. №37.
- [Осада Кавказа, 2000](#) - Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000.
- [ПСЗ, 1871](#) - ПСЗ 2-е собр. СПб., 1871. Т.XLII. №44787.
- [Столетие, 1902](#) - Столетие Военного министерства 1802-1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. Т.11. Ч.1.
- [Феоктистов, 1991](#) - *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848-1896). М., 1991.
- [ГАСК, 1862](#) - Государственный архив Ставропольского края. ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.12. Работы в разных комитетах. 1862.
- [ОР РГБ, 1840](#) - Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. ОР РГБ. Ф.169. Кар.18. Ед. хр. 16. Замечания на проект ген-майора Халанского о преобразовании всей Кавказской области в казачье войско. 1840.
- [ОР РГБ, 1866](#) - ОР РГБ. Ф.169. Карт. 23. Ед. хр. 20. Соображения... Комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках. 1866.
- [ОР РГБ, 1867](#) - ОР РГБ. Ф.169. Карт. 23. Ед. хр.19. Представления Н.И. Карлгофа к Д.А. Милютину. 1867.
- [РГВИА, 1863](#) - Российский государственный военно-исторический архив. РГВИА. Ф.330. Оп.1. Д.47. Замечания различных ведомств на проекты положений казачьих войск. 1863.
- [РГВИА, 1864](#) - РГВИА. Ф.330. Оп.8. Д.7. По рапорту войскового наказного атамана с проектом нового положения о сем войске. 1864.
- [РГВИА, 1865](#) - РГВИА. Ф.330. Оп.1. Д.8. По рапорту командира Отдельного Сибирского корпуса с проектом положения о Сибирском казачьем войске. 1865.
- [РГВИА, 1865\(а\)](#) - РГВИА. Ф.330. Оп.1. Д.24. Проект положения о Забайкальском казачьем войске. 1865 (а).
- [РГВИА, 1866](#) - РГВИА. Ф.330. Оп.10. д.657. О неодобрительном отзыве Главнокомандующего войсками Варшавского округа о казачьих войсках. 1866.
- [РГВИА, 1875](#) - РГВИА. Ф.330. Оп.61. Д.1938. Объяснение по поводу сделанных МВД замечаний на проект Положения о воинской повинности Донского войска. 1875.
- [РГИА, 1882](#) - Российский государственный исторический архив. РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.115. Записка о войске Донском кн. А.М. Дондукова-Корсакова. 1882.
- [Peretyatko, 2016](#) - *Peretyatko A.Y.* The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 39, Is. 1, pp. 137-145.

References

- [Barilko, 1912](#) - *Barilko I.G.* Iz vospominanij [From memoirs]. Stavropol', 1912. [in Russian].
- [Berzhe, 1904](#) - *Berzhe A.* Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoj komissiej [The acts collected by the Caucasian Arkheograficheskoy commission]. Tiflis, 1904. Т.12. [in Russian].
- [Volvenko, 2014](#) - *Volvenko A.A.* Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoj politike jepohi "Velikih reform" (1860-1870-e gody) Chast' 2. [The Don Cossacks in government policy of an era of "Great reforms" (the 1860-1870th years). Part 2.]. // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2014. Т. 16. № 3-2. S. 382-391. [in Russian].
- [Volvenko, 2015](#) - *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Donskoj sluchaj (1860-e gg.). Chast' I. [Kazakomanstvo. Donskoy case (the 1860th). Part I.] // *Russkaja starina*. 2015. № 1 (13). S. 19-37. [in Russian].

- Vospominanija, 1919** - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. T.1. Kniga 1, 2, 3. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. T.1. Book 1,2,3.] Tomsk, 1919. [in Russian].
- Vospominanija, 1997** - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1816-1843. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] M., 1997. [in Russian].
- Vospominanija, 1999** - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1860-1862. M., 1999. [in Russian].
- Vospominanija, 2003** - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1863-1864. M., 2003. [in Russian].
- Vospominanija, 2004** - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1856-1860. M., 2004. [in Russian].
- Vospominanija, 2005** - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1865-1867. M., 2005. [in Russian].
- Vospominanija, 2006** - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1868-nachalo 1873. M., 2006. [in Russian].
- Dnevnik, 1947** - Dnevnik D.A. Miljutina. [D. A. Milyutin's Diary.] 1873-1875. M., 1947. T.1. [in Russian].
- Zisserman, 1890** - *Zisserman A.L.* Fel'dmarshal knjaz' Aleksandr Ivanovich Barjatinskij. [Field marshal prince Alexander Ivanovich Baryatinsky] 1815-1879. M., 1890. T.2. [in Russian].
- Korolenko, 1911** - *Korolenko P.P.* Pereselenie kazakov za Kuban'. Russkaja kolonizacija na Zapadnom Kavkaze [Resettlement of Cossacks for Kuban. The Russian colonization on Western Caucasus] // Kubanskij sbornik. T.16. Ekaterinodar, 1911. [in Russian].
- Krasnov, 1861** - *Krasnov I.* Dony na Kavkaze [Dontsa in the Caucasus] // Voennyj sbornik, 1861. №9. [in Russian].
- Krenke, 1872** - *Krenke V.D.* Pervye gody intendantstva v peterburgskom voennom okruge. [The first years of an intendantstvo in the St. Petersburg military district.] 1864 – 1867 // Russkaja starina. 1872. №37. [in Russian].
- Osada Kavkaza, 2000** - Osada Kavkaza. Vospominanija uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka. [the Siege of the Caucasus. Memoirs of participants of the Caucasian war of the 19th century.] SPb., 2000. [in Russian].
- PSZ, 1871** - PSZ 2-e sobr. SPb., 1871. T.XLII. №44787. [in Russian].
- Stoletie, 1902** - Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Istoricheskij ocherk. [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902. Head department of the Cossack troops. Historical sketch.] SPb., 1902. T.11. Ch.1. [in Russian].
- Feoktistov, 1991** - *Feoktistov E.M.* Za kulisami politiki i literatury (1848-1896) [Behind the scenes of policy and literature (1848-1896)]. M., 1991. [in Russian].
- GASK, 1862** - Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [State archive of Stavropol Krai]. GASK. F.377. Op.1. D.12. Raboty v raznyh komitetah [Works in different committees.]. 1862.
- OR RGB, 1840** - Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Department of manuscripts of the Russian state library]. OR RGB. F.169.Kar.18. Ed. hr. 16. Zamechanija na proekt gen-majora Halanskogo o preobrazovanii vsej Kavkazskoj oblasti v kazach'e vojsko [Remarks on the project Halansky's gene major about transformation of all Caucasian area to the Cossack army]. 1840.
- OR RGB, 1866** - OR RGB. F.169. Kart. 23. Ed. hr. 20. Soobrazhenija... Komiteta o glavnyh nachalah, kotorye dolzhny byt' prinjaty v rukovodstvo pri sostavlenii novyh polozhenij o kazach'ih vojskah [Reasons ... Committee about the main beginnings which have to be accepted in the management by drawing up new regulations on the Cossack troops]. 1866.
- OR RGB, 1867** - OR RGB. F.169. Kart. 23. Ed. hr.19. Predstavlenija N.I. Karlgofo k D.A. Miljutinu [N. I. Karlgofo's representations to D. A. Milyutin]. 1867.
- RGVIA, 1863** - Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military and historical archive]. RGVIA. F.330. Op.1. D.47. Zamechanija razlichnyh vedomstv na proekty polozhenij kazach'ih vojsk [Comments of various departments on drafts of provisions of the Cossack troops]. 1863.
- RGVIA, 1864** - RGVIA. F.330. Op.8. D.7. Po raportu vojskovogo nakaznogo atamana s proektom novogo polozhenija o sem vojske [According to the official report of the army nakazny ataman with the draft of the new provision on this army]. 1864.
- RGVIA, 1865** - RGVIA. F.330. Op.1. D.8. Po raportu komandira Otdel'nogo Sibirskogo korpusa s proektom polozhenija o Sibirskom kazach'em vojske [According to the official report of the commander of the Separate Siberian case with the draft of the provision on the Siberian Cossack army]. 1865.
- RGVIA, 1865(a)** - RGVIA. F.330. Op.1. D.24. Proekt polozhenija o Zabajkal'skom kazach'em vojske [The draft of the provision about Zabajkalsk the Cossack army]. 1865 (a).

RGVIA, 1866 - RGVIA. F.330. Op.10. d.657. O neodobritel'nom otzyve Glavnokomandujushhego vojskami Varshavskogo okruga o kazach'ih vojskakh [About a disapproving review of the Commander-in-chief of troops of the Warsaw district of the Cossack troops]. 1866.

RGVIA, 1875 - RGVIA. F.330. Op.61. D.1938. Ob#jasnenie po povodu sdelannyh MVD zamechanij na proekt Polozhenija o voinskoj povinnosti Donskogo vojska [An explanation concerning the remarks made the Ministry of Internal Affairs on the draft of the Provision on a compulsory military service of the Don army]. 1875.

RGIA, 1882 - Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive]. RGIA. F.932. Op.1. D.115. Zapiska o vojske Donskom kn. A.M. Dondukova-Korsakova [A note about army Donskoy book of A.M. Dondukov-Korsakov]. 1882.

Peretyatko, 2016 - *Peretyatko A.Y.* The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 39, Is. 1, pp. 137-145.

УДК 94

Д.А. Милютин и казачество

Алексей Александрович Волвенко^{a, *}

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучаются различные аспекты личного отношения военного министра Д.А. Милютина к казачеству и казачьим войскам в 1840–1870-х годах. Исследование основано на анализе документов личного происхождения Д.А. Милютина, а также архивных данных периода от Кавказской войны до «Великих реформ» 1860–1870-х гг. включительно. Рассматривается роль Милютина в работе по критике, а также подготовке различных проектов колонизации Кавказа за счет или при активном участии казачества. Дается характеристика планов Военного министерства по преобразованию казачьих войск в 1860–1870-х гг. Показан процесс их реализации с точки зрения их восприятия лично министром Д.А. Милютиным.

Ключевые слова: Д.А. Милютин, казачество, казацьи войска, воспоминания, реформы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: avolvenko@mail.ru (А.А. Волвенко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 412-419, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:63(058)"1840/1849"(4+47)

Russian Observations of European Experience in Agricultural Development in 1840s (based on the printed output of the Imperial Agricultural Societies of Russia)

Yulia I. Kuznetsova^{a, *}, Vladimir N. Baryshnikov^a, Viktor N. Borisenko^a, Nina E. Adamova^a,
 Valery E. Vozgrin^a

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

In the first half of the nineteenth century, agriculture in Russia had reached the new level of development. The Imperial Agricultural Societies paid much attention to establishing relations with the foreign agricultural societies and kept up with their periodicals, issuing translations and abridgements of texts, which could be interesting to the Russian readers.

This paper examines the articles on farming industry in Great Britain, France, German countries, Italy, and the USA, released in journals and transactions of Imperial Agricultural Societies of Russia in 1840s. The research draws on both reviews of European congresses or exhibitions, written by members of agricultural societies, and the articles written by foreign authors and published in translation. Such approach made it possible to specify the certain topics appealing to Russian farmers. Moreover, the study of the articles contributed by the Imperial Agricultural Societies helped to build a complete picture representing knowledge on history, theory and practice of foreign and Russian husbandry, shared by the Russian farmers in 1840s. It is also worth to mention that the effective work of agricultural journals in fact integrated Russian farming communities into the broad network of contacts, experience and knowledge exchange, which had been functioning in Europe in the first half of the XIXth century.

Nevertheless, the research revealed that the articles in question almost lacked comparisons between Russian and European agriculture. The papers dealing with comparative analysis of the different European farming systems are characterized by noticeably restrained reaction of the editors and authors to the published information. They tended to show the advantages and disadvantages of the foreign farming without furnishing the Russian reader or the Russian authorities with any specific recommendations.

Keywords: agriculture, imperial agricultural societies, imperial free economic society, agricultural journals, protectionism, british farming practice, sheep farming, spread of agricultural knowledge.

1. Введение

Середина XIX века является уникальным временем, когда сельское хозяйство и промышленность развивались параллельно и достаточно быстрыми темпами. Казалось, что все страны Европы находятся в процессе непрерывных изменений, в поисках изобретений, в постоянном взаимодействии друг с другом. Всемирная выставка, проходившая в Лондоне в 1851 году, первая в своем роде «промышленная» выставка, стала косвенным результатом сотрудничества стран Европы в области сельского хозяйства. В Российской Империи в 1830–1840-е годы развитие получают сельскохозяйственные общества (в Москве с 1819 г., в Одессе с 1828 г., в Казани и в Митаве с 1839 г.). Они начинают выпускать журналы и «записки» с целью познакомить российского читателя с зарубежным опытом ведения сельского хозяйства и рассказать о достижениях российского земледелия. Эти публикации свидетельствуют об активном участии России в европейских практиках

* Corresponding author

E-mail addresses: y.kuznetsova@spbu.ru (Y.I. Kuznetsova), v.baryshnikov@spbu.ru (V.N. Baryshnikov),
v.borisenko@spbu.ru (V.N. Borisenko), n.adamova@spbu.ru (N.E. Adamova),
v.vozgrin@spbu.ru (V.E. Vozgrin)

обмена сельскохозяйственным опытом и в то же время демонстрируют особенности российского подхода к его интерпретации и степень вовлечения России в этот обмен.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве основного источника использованы четыре журнала, освещавшие вопросы сельского хозяйства: «Земледельческий журнал» (6 книг в год), издававшийся Императорским московским обществом сельского хозяйства с 1820 г., который в 1841 году был объединен с журналом для овцеводов в «Журнал сельского хозяйства и овцеводства» (12 книг в год); «Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России», издававшиеся в Одессе с 1832 года (6 книг в год, с 1847 года – ежемесячно); «Журнал Министерства государственных имуществ», который издавался в Санкт-Петербурге ежемесячно с 1841 года; «Труды Императорского Вольного экономического общества» («Труды ИВЭО»), издававшиеся с перерывами с 1766 года, и издание которых было в очередной раз возобновлено в Санкт-Петербурге в 1842 году (в рассматриваемый период количество издаваемых номеров ежегодно менялось). Заметки о зарубежном опыте ведения сельского хозяйства в этих журналах в большинстве случаев были переводными, либо представляли собой рецензии на иностранные книги и журналы. Меньше всего оригинальных работ издавалось в «Трудах ИВЭО», журнале, который несмотря на свой высокий статус, в 1840-е гг. переживал кризис. Еще одной специфической особенностью этих журналов было то, что большинство статей публиковались анонимно.

2.2. Исследование выполнено на основе сравнительно-исторического метода, который позволил выявить общее и особенное в материалах различных российских журналов, посвященных изучению европейского земледельческого опыта. В соответствии с принципами историзма и объективности сельскохозяйственные дискуссии анализировались в хронологическом развитии и во взаимосвязи с историческим контекстом 1840-х годов.

3. Обсуждение

Российские историки часто обращались к темам развития сельского хозяйства в России в XIX веке, хотя дореформенный период занимал их меньше, чем сюжеты, связанные с концом столетия. Среди сельскохозяйственных и экономических обществ особое внимание исследователи уделяли изучению деятельности Императорского Вольного экономического общества (Ходнев, 1865; Орешкин, 1963; Плаксин, 2001). Однако такой аспект как изучение и применение европейского земледельческого опыта в середине столетия ИВЭО и другими сельскохозяйственными объединениями специально не затрагивался.

4. Результаты

Первым обществом России, созданным для распространения сельскохозяйственных знаний, стало Императорское Вольное экономическое общество, основанное ещё в 1765 году. В первой трети XIX века в России стали появляться сельскохозяйственные объединения, одной из целей которых было изучение иностранного опыта и установление связей с аналогичными организациями Европы. Об их внимании к связям с зарубежными партнерами свидетельствует ряд публикаций. Например, в 1841 году в «Журнале Министерства государственных имуществ» в рубрике «Иностранные периодические издания» был опубликован обзор «Журнала Английского общества сельского хозяйства» (Иностранные, 1841). Само Королевское общество Сельского хозяйства (*Royal Agricultural Society of England*) возникло лишь тремя годами ранее, в 1838 году, и публикация подобного обзора демонстрирует внимание российских заинтересованных лиц к этой ассоциации. Часто публиковались и переводы статей, посвященных земледельческим вопросам, из других английских периодических изданий, число которых увеличивалось в первой половине XIX века (Борисенко и др., 2009: 201–202). Говоря об установлении связей между российскими и зарубежными обществами сельского хозяйства, можно также привести в пример решение Императорского Вольного экономического общества о переводе на немецкий язык и издании в Лейпциге отдельных фрагментов «Трудов ИВЭО» в 100 экземплярах с целью дальнейшей отправки их иностранным коллегам. Предполагалось установить связи с 45 сельскохозяйственными объединениями (Извлечение, 1845).

Чрезвычайно важным в 1840-е годы становится установление контактов между сельскохозяйственными союзами Англии, России, немецких земель, Франции и в других странах. В статье «Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности в замосковских к северу губерниях» говорится о перспективах такого взаимодействия: «Замечу мимоходом, что лет за пятнадцать мы не имели почти возможности сравнивать хозяйства наши с иностранными: все сведения о последних могли мы получать только из иностранных же книг, или журналов и верить им на слово: – но теперь когда Императорское Московское Общество Сельского Хозяйства достигло постоянной цели своей утвердить сношения наши с известнейшими в Европе хозяевами...» (Мысли, 1843: 87) появилась возможность «осмотреть в земледельческом плане» Швецию, Данию, Пруссию, Нидерланды, Германию и Францию.

Однако этот вывод представляется верным лишь наполовину. Анализ журнальных публикаций этого периода показывает, что, хотя непосредственные контакты с зарубежными обществами

сельского хозяйства участвовали, вместе с тем, *сравнения* зарубежных и отечественных систем хозяйствования так и не проводилось. В этих изданиях, как и прежде, печатались переводные статьи и публиковались списки иностранных книг по сельскому хозяйству, но не сопровождалась комментариями.

Одновременно с установлением связей с иностранными сельскохозяйственными союзами в редакции российских издательств стали поступать зарубежные журналы. В начале 1844 года были установлены связи с Королевским Австрийским обществом сельского хозяйства, а в третьем выпуске «Трудов Императорского Вольного экономического общества» на страницах раздела «Новые книги и журналы» помещена аннотация на «Записки Венского общества сельского хозяйства» ([Новые книги, 1844: 663-664](#)) и на «Записки Парижского королевского общества садоводства» ([Новые книги, 1844: 666](#)).

Наблюдалось также и сотрудничество другого рода: российские представители сельского хозяйства внимательно следили за результатами съездов коллег из европейских стран. В 1840 году появилась статья «О съезде английских сельских хозяев в Кембридже в июле 1840 года» ([О съезде, 1840](#)). Интересно, что на нем присутствовал будущий премьер-министр Великобритании, впоследствии ставший знаменитым благодаря своему решению об отмене Хлебных законов, Роберт Пиль. По окончании обеда его попросили выступить. «...Знаменитый оратор произнес речь, в которой изложил мысли свои о благотворном влиянии земледелия на цивилизацию народов и о цели агрономических обществ» ([О съезде, 1840: 102](#)).

Российские экономические и сельскохозяйственные общества значительное внимание уделяли зарубежному опыту внутренней организации организации работы этих коллективов. Интерес представляет сокращенный перевод обзора «О съезде итальянских естествоиспытателей в Падуе, в 1842 году» ([Паррот, 1844](#)). Автор обзора, профессор Стер, подчеркивал высказанную на съезде идею о необходимости заведения во всех владениях образцовых ферм и опытных полей для проведения сельскохозяйственных наблюдений. Российский переводчик этой статьи добавлял, что «С этой мыслью естественно соединяется желание, чтобы в каждой губернии учреждено было по одному Экономическому обществу, которое собирало и направляло бы опыты, производимые на частных фермах и опытных полях, заведенных в губернии». ИВЭО видело в этом свои преимущества, что и подчеркивал переводчик статьи: «Владельцы этих ферм и полей были бы членами этих обществ; а наше Общество могло бы издавать в свет записки о действиях этих провинциальных обществ и сделаться, таким образом, центральным Обществом» ([Паррот, 1844: 645](#)).

Немаловажным казался для членов обществ и вопрос распространения сельскохозяйственных знаний. Так, например, в статье «Новейшие успехи теории земледелия» (перевод статьи из «Edinburgh Review») сообщалось о вопросах организации обучения теории земледелия в Великобритании ([Новейшие успехи, 1846a](#); [Новейшие успехи, 1846b](#)). Автор статьи сетовал на то, что «Земледельцы составляют у нас класс упрямых людей, привязанных к преданиям старины, и по инстинкту поклоняющихся обветшалым методам. Они все предоставляют солнцу и земле, не помышляя, что они сами могут производить что-нибудь полезное» ([Новейшие успехи, 1846b: 130](#)). Именно поэтому в Великобритании необходимо, по мнению автора, развивать систему народных сельскохозяйственных училищ. Автор делает акцент на том, что земледелие тесно связано с торговлей, движением познания и наук, с успехами промышленности и коммерческими выгодами.

Помимо вопросов просвещения и обмена знаниями между сельскохозяйственными обществами европейских стран, важной темой материалов специализированных журналов было теоретическое осмысление опыта ведения сельского хозяйства в европейских странах, и в первую очередь, Великобритании и в германских государствах. Английский опыт был интересен благодаря своим общепризнанным успехам, германская же практика, распространявшаяся под прусским влиянием на колонизированные ею славянские территории ([Plenkov et al., 2016: 197-198](#)), в особенности привлекала Россию как конкурента для российского хлебного экспорта.

В этом смысле показательны опубликованные в 1843 году результаты прошедшего в Штутгарте VI съезда «германских сельских хозяев» ([Извлечение, 1843a](#); [Извлечение, 1843b](#)), и, в частности, речь немецкого экономиста Д. Листа под названием «О системе действий других государств, особенно Англии, в отношении сельской промышленности». Задачей съезда в Штутгарте было создание комиссии для «исследования движений в земледельческих системах других стран» ([Извлечение, 1843a: 69](#)), чтобы определить, как эти системы влияют или могут повлиять на успех или упадок германского земледелия.

Выступление Листа во многом касалось теоретического осмысления английской торговли. Британскую систему покровительства колониям он трактовал как попытку «сделать из Англии и её колоний свой собственный отдельный мир, исключив из него все прочие народы». Принцип этой системы сводился к неэквивалентному обмену промышленных товаров метрополии на сырье колоний. По мнению Листа, даже в отношении импорта зерна в Англию английские колонии имели преимущество: в 1842 году были снижены пошлины на импорт зерна.

Однако на съезде сельских хозяев и любителей земледелия и скотоводства в Нью-Йорке, выдержки из заседаний которого опубликовались в еще одном журнале, высказывалось противоположное мнение об английской политике в отношении бывших колоний ([Дж..ой, 1845a](#)). Говоря об упадке земледелия в Соединенных Штатах Америки, председатель съезда генерал Джеймс

Толмедж видел его причину в «невыгодных для Штатов торговых отношениях к Европе и в особенности к Англии. Свобода торговли, так громко высказанная тарифом 1842 года, есть, по словам его, «одна пустая мечта»; все выгоды на стороне Великобритании, устроившей в Америке удобные для сбыта своих произведений рынки, но не соглашающейся брать в обмен за них произведения Соединенных Штатов и обложившей ввоз их в Англию огромною пошлиною, составляющей для всех товаров, исключая хлопчатую бумагу, по 330 процентов на сто» (Дж.ой, 1845а: 4).

Далее автор статьи об отчете ссылается на книгу «Рассуждение о торговле и мореплавании Великобритании» 1730 года, о которой рассказывал председатель съезда. Ключевая идея сочинения заключалась в том, что необходимо ограничивать ввоз тех товаров, которые можно произвести внутри страны. Но «В то время в Англии существовали строжайшие законы для охранения и поощрения народной промышленности, хотя в то же время в Англии выходили беспрестанно рассуждения о выгодах свободной торговли. Но Англия писала и хвалила одно, а делала другое, т.е. держалась запретительной системы и поддерживала её всею силою законов» (Дж.ой, 1845а: 6–7). Таким образом, автор статьи осуждает не только принципы протекционистской политики, но и непосредственные меры правительства Англии в этой сфере.

Тем не менее, Лист оказался достаточно прозорливым в отношении перспектив торговли зерном с Англией: «Взгляните на один из главных предметов торговли – на пшеницу: вы увидите, что обе Канады и Новый Брауншвейг (провинция на востоке современной Канады – прим. авт.) составляют такое пространство земли, которое за вычетом участков, занятых дикими народами, в полтора или в два раза обширнее целой Германии, и, следовательно легко может прокормить народонаселение в 15–20 млн земледельцев». Лист отмечал, что «через 4 или 5 лет привезут оттуда в Англию несравненно большее количество пшеницы и другого зернового хлеба, нежели сколько нужно для внутреннего потребления» (Извлечение, 1843а: 70). Таким образом, возможности германских земель сбывать в Англию избытки своих урожаев были минимальными и могли быть использованы только в случае острой необходимости.

Не меньшую озабоченность последствиями экспорта немецкого зерна высказал и Эльснер в речи «Об истощении почвы продолжительным возделыванием на ней хлебных посевов» (Извлечение, 1843b). Оценивая системы земледелия разных стран, ставя в пример английскую плодопеременную систему, Эльснер говорил о корыстолюбии, приводящем к неурожаю: «Вывоз хлеба из обильных стран в скудные всегда служит приманкой к возделыванию зерновых хлебов в огромном размере, и следовательно, к быстрому истощению почвы. Германия много раз находилась на этом скользком пути в отношении Англии, и я опасаясь, чтобы золото, которое мы получаем оттуда за хлеб, не сделалось для нас сокровищем Тантала!» (Извлечение, 1843b: 131). Таким образом, можно утверждать, что немецкие государства не ставили своей задачей играть значительную роль в английском импорте зерна, и, очевидно, отдавали предпочтение другим сферам экономики, сохраняя при этом очень важную роль при транспортировке российского зерна через балтийские порты. Не исключено, что цель публикации отчета сводилась к тому, чтобы повлиять на взгляды производителей зерна в России. Однако, позиция редакции оказалась невыраженной. Выводы читатель мог делать лишь самостоятельно.

Значительная часть публикаций в российских изданиях посвящена опыту англичан в организации сельского хозяйства. О начале подъёма английского сельского хозяйства повествует статья «Беквиль, Артур Юнг, Сэр Джон Синклер, Кук – преобразователи сельского хозяйства в Англии» (Беквиль, 1840). Описывая историю развития сельского хозяйства в Англии ещё до начала XVII столетия, когда Англия сталкивалась с недостатком продуктов земледелия, перечисляя заслуги английских теоретиков сельского хозяйства, автор очерка делает весьма любопытный вывод: «Если 4 гениальных человека были так полезны и оказали столько услуг Англии – государству по преимуществу торговому и мануфактурному, то чего не могут сделать подобные люди у нас в России, по самому географическому положению земледельческой» (Беквиль, 1840: 34).

Наиболее интересной статьёй является заметка «Об английском сельском хозяйстве, с применением его к хозяйственным обстоятельствам других стран» (Об английском, 1843). В ней изложены ключевые соображения немецкого зоотехника, директора Гутенхаймской сельскохозяйственной и лесной академии А. Веккерлина. Его рассуждения касались отличий английского и германского сельского хозяйства, а также возможностей применения английского опыта в немецких землях. Основными двигателями развития английского сельского хозяйства Веккерлин считал «нужду и просвещение», которые «вразумили людей мыслящих, что нельзя же век жить по-старому, а надобно и свой ум прилагать к делу, соображаясь с временем и обстоятельствами» (Об английском, 1843: 36–37). По мнению автора статьи, одним из результатов сельскохозяйственной гибкости англичан стало развитие животноводства и, как следствие, общий подъем уровня сельского хозяйства.

Веккерлин справедливо считал, что развитию сельского хозяйства в первую очередь способствовали огораживания и концентрация земель в руках аристократии (Об английском, 1843: 42). Богатые крупные землевладельцы в отличие от мелких хозяев имели возможность и желание использовать новейшие технологии сельского хозяйства. Кроме того, сельское хозяйство было

обязано своим развитием длительному существованию Хлебных законов 1815 года, которые сохраняли высокие цены на зерно на внутреннем рынке за счет высоких пошлин на импорт зерна.

По мнению Веккерлина, то внимание, которое уделялось в Англии животноводству, являлось вполне целесообразным. Он отмечал, что в соответствии с обстоятельствами (понижение цен на хлеб) англичане сразу назначают «под травосеяние ... более земли, нежели в противном случае» (Об английском, 1843: 68), тем самым увеличивая площади выращивания кормовых культур, прежде производившихся наравне с зерновыми. «Наши посевы кормов – говорят англичане – представляя нам возможность доставить отличный скот, как на внутренние, так и на заграничные рынки, заменяют нам возделывание торговых растений» (Об английском, 1843: 84). Кроме того, животноводство и в других отношениях являлось «производительным, огромным капиталом английских хозяев» (Об английском, 1843: 76).

Главным продуктом скотоводства для экспорта являлась шерсть. Не случайно в английском парламенте с XIV века существует традиция, согласно которой Лорду-канцлеру полагается сидеть на мешке с шерстью. Не менее важным было и то, что спрос на мясо в промышленных городах продолжал расти. Однако не стоит преувеличивать значение этого фактора, так как английские рабочие нечасто могли позволить себе мясо и питались в основном хлебом.

Германская же система являлась практически полной противоположностью английской: с земли старались получить максимальное количество продуктов, а скотоводство (стойловое) находилось в весьма стесненном положении. Таким образом, немецкое сельское хозяйство находилось в сильной зависимости от погодных условий, урожайности и объёмов сбыта. В заметке, пересказывающей воззрения Веккерлина, ничего не говорилось о показателях сельского хозяйства России, однако, чувствовалось восторженное восприятие английского варианта и некоторое предостережение в описании германского подхода. Из обзоров заседаний съездов сельскохозяйственных союзов видно, что осуждали «германский метод» и другие немецкие теоретики. Часто высказывалось мнение, что предубеждение, будто с увеличением запашки увеличивается и доход землевладельца, «составляет действительно одну из первых причин дурного состояния земледелия в большей части Европы» (Паррот, 1844: 647).

Российские аналитики, сравнивая английскую систему сельского хозяйства с французской, отдавали предпочтение первой. В статье «О главных, наиболее удобных и наименее дорогих улучшениях в земледелии» по докладу в Парижской Академии Наук члена Палаты Депутатов Дезеймери, рассказывалось о состоянии наук о земледелии во Франции в сравнении с приемами земледелия в древней Италии и в особенности с сельскохозяйственными методами в Англии. Главным доказательством преимущества английского сельского хозяйства над французским стали расчеты доходности гектара земли, согласно которым в Англии с одного гектара получали 40 руб. серебром, а во Франции только 15 руб. серебром (Дж.ой, 1845b: 209). Причиной такой разницы, по мнению Дезеймери, является то, что Англия и Франция имеют разные подходы к соотношению луговодства и хлебопашества. В Англии лишь 1/5 земель отдана под выращивание хлеба, в то время как во Франции под те же цели отведено 4/5 пригодных земель (Дж.ой, 1845b: 209). Анализируя английскую плодопеременную систему, автор сделал акцент на преимуществах: «любопытно видеть, как англичане умеют пользоваться выгоднейшей стороной своего хозяйства, и от прежних, истощающих почву, обширных зерновых посевов более и более приходят к возделыванию кормовых растений» (Об английском, 1843: 64).

Надо отметить, что издатели российских журналов и авторы статей подтверждали верность английской тактики «гибкости» в ведении сельского хозяйства и ссылками на экономические теории. Российские аграрии ссылались на работы А. Смита и А. Тэера, утверждая, что сельское хозяйство – это промышленность и его «цель состоит в том, чтобы посредством разведения, а в некоторых случаях дальнейшей обработки, растительных и животных веществ получать доход или получать деньги». По мнению Тэера, на которого ссылается один из авторов сельскохозяйственного обзора, «самое совершенное сельское хозяйство есть то, которое, по мере возможности, сил и обстоятельств в каких находится имение, – приносит самый высший и постоянный доход» (Мысли, 1843: 88–89).

В рамках изданий сельскохозяйственных обществ происходил обмен не только опытом государственной организации сельского хозяйства в европейских странах. Публиковались также и материалы, посвященные конкретным агрономическим проблемам. Так, в 1840-е годы в журнале Московского императорского общества сельского хозяйства описывали опыт посадки привозных семян в различных климатических условиях. Желание познакомиться с опытом земледелия в схожих климатических условиях определяло интерес российских изданий к определенным странам Европы. Например, Императорское Вольное экономическое общество в своих «Трудах» уделяло много места описанию приемов ведения сельского хозяйства в немецких землях (читателям рекомендовалось обратить особое внимание на труды Померанского Общества (Новые книги, 1844: 672), а также в Северной Европе, в том числе Финляндии, вошедшей в 1809 г. в состав Российской Империи. Так, для успешного ведения сельского хозяйства в Финляндии рекомендовалось осушение полей и тщательная обработка земель (Взгляд, 1845: 62), а также природное плодородие низменностей и современные орудия труда. В это же время в Южной России сельскохозяйственные общества чаще обращались к опыту Франции и Англии.

5. Заключение

Из публикаций российских сельскохозяйственных журналов мы можем увидеть те насущные проблемы, которые волновали и землевладельцев, и ответственных за проведение государственной сельскохозяйственной политики середины XIX века. В первую очередь, к ним относились вопросы соотношения доли земледелия и животноводства в сельском хозяйстве, доли выращивания кормовых и зерновых культур, способов максимально выгодного использования тех или иных климатических условий, а также проблема распространения и внедрения знаний о новейших приемах ведения сельского хозяйства.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что хотя на страницах журналов сельскохозяйственных обществ и освещался широкий спектр тем, публиковавшиеся материалы редко были оригинальными, часто отличались поверхностностью, и тем более почти никогда не сопоставляли зарубежные и российские системы хозяйствования. Агротехнические новшества, описанные в журнальных публикациях, также нечасто внедрялись в российское хозяйство. Тем не менее, можно говорить о том, что к 1850-м годам складывается массив новых знаний о зарубежном сельском хозяйстве, формируется отношение к земледелию как к научной и перспективной сфере народного хозяйства, а также была создана широкая общественная европейская сеть обмена сельскохозяйственным опытом, что будет использоваться в последующие десятилетия.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв., шифр в ИАС: 5.38.275.2014.

Литература

Беквиль, 1840 – Беквиль, Артур Юнг, Сэр Джон Синклер, Кук – преобразователи сельского хозяйства в Англии // Земледельческий журнал, издаваемый Императорским Московским обществом сельского хозяйства (ЗЖИМОСХ). 1840. №4. С. 19–34.

Борисенко и др., 2009 – *Борисенко В.Н., Кузнецова Ю.И.* Периодические издания 1830–1831 гг. о событиях в Англии и Июльской революции во Франции // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2008. № 2. С. 199–221.

Взгляд, 1845 – Взгляд на состояние сельского хозяйства в Финляндии // Труды Императорского Вольного экономического общества (ТИВЭО). 1845. №3. С. 61–68.

Дж..ой, 1845a – *Дж..ой А.* Отчет национального съезда сельских хозяев и любителей земледелия и скотоводства, в Нью-Йорке, 11 и 12 октября 1844 года // ТИВЭО. 1845. №4. С. 1–15.

Дж..ой, 1845b – *Дж..ой А.* О главных, наиболее удобных и наименее дорогих улучшениях в земледелии // ТИВЭО. 1845. №5. С. 194–210.

Извлечение, 1843a – Извлечение из отчета VI съезда германских сельских хозяев, бывшего в Штутгарте в 1842 г. // Журнал сельского хозяйства и овцеводства (ЖСХО). 1843. №10. С. 59–102.

Извлечение, 1843b – Извлечение из отчета VI съезда германских сельских хозяев, бывшего в Штутгарте в 1842 г. (окончание) // ЖСХО. 1843. №11. С. 127–188.

Извлечение, 1845 – Извлечение из журнала общего собрания // ТИВЭО. 1845. №1. С. 10–13.

Иностранные, 1841 – Иностранные хозяйственные периодические издания: Журнал Английского общества сельского хозяйства // Журнал министерства Государственных имуществ (ЖМГИ). 1841. № 1. С. 252–255.

Мысли, 1843 – Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности в замосковских к северу губерниях // ЖСХО. 1843. №8. С. 83–116.

Новейшие успехи, 1846a – Новейшие успехи теории земледелия // ТИВЭО. 1846. №1. С. 83–112.

Новейшие успехи, 1846b – Новейшие успехи теории земледелия (окончание) // ТИВЭО. 1846. №2. С. 113–144.

Новые книги, 1844 – Новые книги и журналы // ТИВЭО. 1844. №2. С. 650–679.

О съезде, 1840 – О съезде английских сельских хозяев в Кембридже в июле 1840 года // ЗЖИМОСХ. 1840. №4. С. 89–106.

Об английском, 1843 – Об английском сельском хозяйстве, с применением его к хозяйственным обстоятельствам других стран // ЖСХО. 1843. №1. С. 34–88.

Орешкин, 1963 – *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество в России. 1765–1917. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 195 с.

Паррот, 1844 – *Паррот Е.И.* О съезде итальянских естествоиспытателей в Падуе, в 1842 году // ТИВЭО. 1844. №2. С. 644–649.

Плаксин, 2001 – *Плаксин В.Н.* Становление и развитие сельскохозяйственного образования и научной агрономии в России: (XVIII - первая половина XIX вв.). Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2001. 307 с.

Ходнев, 1865 – *Ходнев А.И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. СПб: Тип. т-ва "Обществ. польза", 1865. 667 с.

Plenkov et al., 2016 – *Plenkov O.Y., Baryshnikov V.N., Borisenko V.N., Piankewich V.L., Adamova N.E.* Prussian phenomenon and its historical distortion // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 39, Is. 1. P. 196–203.

References

- Bakewell, 1840** – Bakewell, Arthur Young, Sir John Sinclair, Cook – preobrazovateli sel'skogo khozyaistva v Anglii [Bakewell, Arthur Young, Sir John Sinclair, Cook – the reformers of English agriculture], *Agricultural Journal published by Imperial Agricultural Society in Moscow (AJPIASM)*, 1840, Nr 4, pp. 19–34 [in Russian].
- Borisenko i dr., 2009** – *Borisenko V.N., Kuznetsova Yu.I.* Periodycheskie izdaniya 1830–1831 gg. o sobytiyakh v Anglii i Iyul'skoi revolyu-tsii vo Frantsii [The Periodicals of 1830–1831 on the Events in England and the July Revolution in France], *The Proceedings of the Modern and Contemporary History Department*. 2008, Nr 2, pp. 199–221 [in Russian].
- Inostrannye, 1841** – Inostrannye khozyaistvennye periodicheskie izdaniya: Zhurnal Angliiskogo obshchestva sel'skogo khozyaistva [The Foreign Agricultural Periodicals: the Journal of Agricultural Society of England], *Ministry of State Property Journal (MSPJ)*, 1841, № 1, pp. 252–255 [in Russian].
- Iz vlechenie, 1843a** – Iz vlechenie iz otcheta VI s"ezda germanskikh sel'skikh khozyaev, byvshego v Stuttgarte v 1842 g. [Abridgement of the Report on the Sixth German Farming Congress held in Stuttgart in 1842], *Journal of Agriculture and Sheep Farming (JASF)*, 1843, Nr 10, pp. 59–102 [in Russian].
- Iz vlechenie, 1843b** – Iz vlechenie iz otcheta VI s"ezda germanskikh sel'skikh khozyaev, byvshego v Stuttgarte v 1842 g. (okonchanie) [Abridgement of the Report on the Sixth German Farming Congress held in Stuttgart in 1842 (ending)], *JASF*, 1843, Nr 11, pp. 127–188 [in Russian].
- Iz vlechenie, 1845** – Iz vlechenie iz zhurnala obshchego sobraniya [Abridgement of the General Meeting Report], *PIFES*. 1845, Nr 1, pp. 10–13 [in Russian].
- J..oy, 1845a** – *J..oy A.* Otchet natsional'nogo s"ezda sel'skikh khozyaev i lyubitelei zemledeliya i skotovodstva, v New-Yorke, 11 i 12 oktyabrya 1844 goda [National congress of farmers and agriculturists report, held on 1844, October, 11–12], *PIFES*, 1845, Nr 4, pp. 1–15 [in Russian].
- J..oy, 1845b** – *J..oy A.* O glavnykh, naibolee udobnykh i naimenee dorygikh uluchsheniyakh v zemledelii [On the main, most useful and less expensive agricultural improvements], *PIFES*, 1845, Nr 5, pp. 194–210 [in Russian].
- Khodnev, 1865** – *Khodnev A.I.* Istoriya Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva s 1765 do 1865 g. [History of Imperial Free Economic Society, 1765–1865], Saint Petersburg: “Public Benefit” Company, 1865. 667 p [in Russian].
- Mysli, 1843** – Mysli i nablyudeniya o polozhenii zemledel'cheskoi promyshlennosti v zamoskovnykh k severu guberniyakh [Reflections and Observations on agricultural industry in the Provinces to the North of Moscow], *JASF*, 1843, Nr 8, pp. 83–116 [in Russian].
- Noveishie uspekhi, 1846a** – Noveishie uspekhi teorii zemledeliya [The Recent Progress of Agricultural Theory], *PIFES*, 1846, Nr 1, pp. 83–112 [in Russian].
- Noveishie uspekhi, 1846b** – Noveishie uspekhi teorii zemledeliya (okonchanie) [The Recent Progress of Agricultural Theory (ending)], *PIFES*, 1846, Nr 2, pp. 113–144 [in Russian].
- Novye knigi, 1844** – Novye knigi i zhurnaly [The New Books and Journals], *PIFES*, 1844, Nr 2, pp. 650–679 [in Russian].
- O s"ezde, 1840** – O s"ezde angliiskikh sel'skikh khozyaev v Cambridge v iyule 1840 goda [The Congress of English Farmers in Cambridge in July, 1840], *AJPIASM*, 1840, Nr 4, pp. 89–106 [in Russian].
- Ob angliiskom, 1843** – Ob angliiskom sel'skom khozyaistve, s primeneniem ego k khozyaistvennym obstoyatel'stvam drugikh stran [English Husbandry as Compared to the Agricultural Conditions of the Other Countries], *JASF*, 1843, Nr 1, pp. 34–88 [in Russian].
- Oreshkin, 1963** – *Oreshkin V.V.* Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo v Rossii. 1765–1917 [Free Economic Society in Russia. 1765–1917]. Moscow: Publishing House of Academy of Sciences, 1963. 195 p [in Russian].
- Parrot, 1844** – *Parrot E.I.* O s"ezde ital'yanskikh estestvoispytatelei v Padue, v 1842 godu [The Congress of Italian Naturalists in Padua in 1842], *PIFES*, 1844, Nr 2, pp. 644–649 [in Russian].
- Plaksin, 2001** – *Plaksin V.N.* Stanovlenie i razvitie sel'skokhozyaistvennogo obrazovaniya i nauchnoi agronomii v Rossii: (XVIII - pervaya polovina XIX vv.) [Foundation and Development of Agricultural Education and Agricultural Science in Russia: the XVIIIth – first half of the XIXth century]. Voronezh: Central-Chernozem Publishing House, 2001. 307 p [in Russian].
- Plenkov et al., 2016** – *Plenkov O.Y., Baryshnikov V.N., Borisenko V.N., Piankewich V.L., Adamova N.E.* Prussian phenomenon and its historical distortion, *Bylye Gody*, 2016, Vol. 39, Is. 1. P. 196–203.
- Vzglyad, 1845** – Vzglyad na sostoyanie sel'skogo khozyaistva v Finlyandii [A view of agricultural conditions in Finland], *The Proceedings of Imperial Free Economic Society (PIFES)*, 1845, Nr 3, pp. 61–68 [in Russian].

УДК 94:63(058)"1840/1849"(4+47)

Изучение в России опыта развития земледелия стран Европы в 40-х гг. XIX в. (по материалам публикаций российских императорских обществ содействия сельскому хозяйству)Юлия Игоревна Кузнецова ^{a, *}, Владимир Николаевич Барышников ^a, Виктор Николаевич Борисенко ^a, Нина Эдуардовна Адамова ^a, Валерий Евгеньевич Возгрин ^a^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В первой половине XIX века сельское хозяйство в России вышло на новый виток своего развития. Императорские общества сельского хозяйства уделяли большое внимание установлению связей с зарубежными обществами сельского хозяйства и следили за их периодическими изданиями, публикуя переводы и сокращения наиболее интересных для российского читателя материалов.

В данной статье проанализированы публикации 1840-х годов в журналах и записках императорских сельскохозяйственных обществ о принципах ведения сельского хозяйства в Великобритании, Франции, германских землях, Италии, США и других странах. Авторским коллективом отобраны не только оригинальные статьи членов сельскохозяйственных обществ о съездах, выставках и путешествиях, но и переводные статьи зарубежных авторов, которые дают возможность определить те области знаний, которые больше всего интересовали аграрные круги Российской Империи. Кроме того, изучение публикаций императорских обществ сельского хозяйства позволило по фрагментам собрать представления российских сельских хозяев об истории, теории и практике зарубежного и отечественного земледелия в первой половине 1840-х годов. Также необходимо отметить, что успешное функционирование рассмотренных печатных органов позволило российским сельскохозяйственным ассоциациям включиться в широкую сеть контактов, обмена опытом и знаниями, сложившуюся в Европе к указанному периоду.

Вместе с тем, характерным для сельскохозяйственных публикаций было и отсутствие сравнительного анализа российского и зарубежного сельского хозяйства. Публикации, в которых сравнивалось состояние сельского хозяйства других европейских стран, демонстрируют сдержанную позицию редакции, которая стремилась показать преимущества и указать на недостатки зарубежного сельского хозяйства, не давая при этом конкретных рекомендаций для российских хозяев и российских властей.

Ключевые слова: Сельское хозяйство, Императорские сельскохозяйственные общества, Императорское Вольное экономическое общество, сельскохозяйственные журналы, протекционизм, сельское хозяйство Великобритании, овцеводство, распространение сельскохозяйственных знаний.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: y.kuznetsova@spbu.ru (Ю.И. Кузнецова), v.baryshnikov@spbu.ru (В.Н. Барышников), v.borisenko@spbu.ru (В.Н. Борисенко), n.adamova@spbu.ru (Н.Э. Адамова), v.vozgrin@spbu.ru (В.Е. Возгрин)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 420-429, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470).07

Theater Life of Provincial Russia in the 1840–1870 (on the Example of the Penza Province)

Larisa A. Koroleva^{a, *}

^a Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

Abstract

In article formation and development of the Russian theater in the Penza province in the 40-70th of the 19th century is considered. For rich scenic life Penza was called by «the Mordovian Athens». The Theatre of noble fans created by the vice governor I.N. Dolgorukov in the estate of the Penza nobleman D.E. Polchaninov at the beginning of the 90th of the 18th century was the first theater in Penza. At the beginning of the 19th century serf and public theaters of Akimov, Gladkov, Gorikhvostov, Kozhin, Kishinsky, etc. worked in the city. Gladkov' theater was the most known and durable of them. He existed 24 years (1806–1829). The theatrics have been presented after it in Penza by visitors professional troupes, amateur noble theatricals. Since 1842 it is known of existence theater of I.N. Gorstkina. Different impresarios directed this theater. The theater didn't enjoy special popularity and pertinent public. In 1846 I.N. Gorstkin has repaired the building of theater of Gladkov redeemed earlier where itself I put performances and invited troupes from another town. The repertoire was various – domestic and translated dramas, tragedies, but comedies, vaudevilles prevailed as they attracted the audience mostly. The actor and the director P.M. Medvedev removed theater in 1861. He has organized the Russia's first actor's association in Penza. The actor with an international recognition black Ira Olridzh gave representations in theater in 1864. Many charitable statements were given in theater I.N. Gorstkina (for fire victims of residents of Simbirsk, school at the Penza prison, the Alexandria children's shelter, Slavs of the Balkan Peninsula, etc.). The theater passes to his widow Aleksandra Nikolaevna after I.N. Gorstkin's death in 1876, to his son L.I. Gorstkin – in 1879.

Keywords: Russia, theater, I.N. Dolgorukov, I.N. Gorstkin, Penza province.

1. Введение

История народа – это не только развитие экономики, события политической жизни, войны и революции. Есть еще один важнейший политический компонент человеческого бытия, приобретающий тем большее значение, чем выше стоит народ на ступени своего развития, – культура. На сегодняшний день потери в российской истории, культуре – огромны. Большую роль в возрождении культуры призвана сыграть история и, прежде всего, история культуры, в том числе история театра. Целое состоит из частей, и поэтому ключевое значение играет изучение культуры отдельных областей и районов, например, Пензенского региона.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу исследования составили архивные документы Государственного архива Пензенской области (ГАПО, Ф. 5 – фонд канцелярии пензенского губернатора; Ф. 196 – фонд пензенского губернского дворянского депутатского собрания). Также использованы материалы местного периодического издания «Пензенские губернские ведомости» (1838–1879 гг.), монографические исследования.

2.2. Основополагающим методологическим принципом исследования явился системный подход к изучению истории театра в Пензенской губернии в 1840–1870-е гг., который предоставил возможность целостно рассмотреть развитие театра как «изнутри», т.е. с учетом внутренних факторов

* Corresponding author

E-mail addresses: la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva)

функционирования, так и в контексте всей российской действительности (отмена крепостного права, русско-турецкая война и т.д.). Историко-генетический метод позволил последовательно раскрыть зарождение и изменение театрального искусства в процессе его эволюции на региональном уровне, роль И.Н. Горсткина в этом, что способствовало воспроизвести реальную картину исследуемого периода. Кроме того, исследование проводилось на основе социокультурного подхода и общих методологических принципов историзма и объективности, которые предполагают рассмотрение истории сценического искусства в Пензенской губернии через взаимодействие социума и самого театра.

3. Обсуждение

У старинной русской Пензы, города центральной России, развитая и богатая культурная история, в том числе театральная. Как замечал Р. Редфилд, город всегда играл особенную роль в трансформации культуры (Redfield, 1947). Пензу называли «мордовскими Афинами» (Дынник, 1933: 36-37). В XIX в. именно театр был важнейшим культурным центром губернских и других крупных городов, являясь фактически почти единственным местом массового культурного досуга жителей Пензенской губернии.

Вопрос театральной истории Пензенской губернии в 1840–1870-е гг. затрагивался в работах К.Д. Вишневого, В.А. Дьяконова, М.П. Молебнова, Н.И. Яковкиной и др. Особый интерес в связи с темой исследования представляет книга, не строго академического характера, О.М. Савина «Пенза театральная», где описывается более 200-летний путь Пензенского театра драмы им. А.В. Луначарского. Интересный материал о пензенской театральной жизни содержится в мемуарах Ф.Ф. Вигеля, П.А. Вяземского, В.А. Гиляровского, М.А. Дмитриева, И.М. Долгорукова и др.

Однако, если театральное движение в столичных городах исследовано достаточно комплексно и полно, то театры провинциальных городов, в том числе в Пензе, еще не изучены в полной мере. В.А. Дьяконов подчеркивает, что «имеющаяся литература не исчерпывает всех проблем истории современного театрального движения, в том числе и в поволжском регионе. Она лишь создает необходимую историографическую основу для дальнейших исследований» (Дьяконов, 1995: 10).

4. Результаты

Начало театральному делу в Пензенской губернии положил вице-губернатор И.Н. Долгоруков (1792–1797 гг.). По его инициативе в центре города в усадьбе его приятеля пензенского дворянина Д.Е. Полчанинова в начале 1890-х гг. было выстроено здание Театра благородных любителей, вместимостью до 100 человек. В репертуаре преобладали комедии, сочинения Сумарокова, в качестве актеров выступали любители из дворян (Яковкина, 2002: 186).

Первым общедоступным и постоянно действующим театром стал театр Гладковых, существовавший в течение 24 лет (1806–1829 гг.) (ГАПО, Ф. 5. Оп. 1. Д. 138). Помещение, в котором давались спектакли, представляло собою деревянное здание, пристроенное к каменному дому Гладковых. Играла в театре группа крепостных актеров, принадлежавших Гладкову, крайне жестоко с ними обращавшемуся (Молебнов, 1995: 8, 9, 14). Кроме театра Гладковых некоторое время в Пензе существовали другие крепостные театры: Акимовых, Кишинских, Чемесовых. Люди «лучшего тона», «почтенная публика» предпочитали бывать на представлениях у Кожина и Горихвостова (Савин, 2008: 22-24).

В 1828 г. здание театра Гладковых стало разрушаться. «Театр, как тростник, от ветра колыхаясь, ветхий и холодный род землянки. В ложи сходишь по лестнице крючковой», - писал П.А. Вяземский (Вяземский, 1992: 205). В том же 1828 г. некто С-нов взял у Гладкова театр на откуп, но пьесы были публике не интересны, и цены на места стали более высокими, вследствие чего С-нов в менее чем два года прогорел.

В последующие десять лет Пензу время от времени посещали антрепренеры Саратовского и Нижегородского театров. Из досок быстро возводились балаганы. Однако, несмотря на низкий уровень этих представлений, публики на них собиралось довольно много (Вишневецкий, 2001: 607-608). Кроме представлений наезжавших профессиональных трупп давались благотворительные спектакли силами любителей театрального искусства из дворян, в которых видную роль играл Иван Николаевич Горсткин (ГАПО, Ф. 196. Оп. 2. Д. 555), участник декабристского движения, «артист в душе». Именно ему в начале 1840-х гг. приходит в голову мысль возродить постоянный театр.

В декабре 1842 г. пензенский губернатор А.А. Панчулидзе докладывал в столицу, что «театр открыт только в минувшем ноябре, а прежде того постоянного театра здесь не существовало» (Театральные, 1855: 250). Речь могла идти только о театре Горсткина, т.к. других театров в это время в Пензе не было. Известен и антрепренер «вновь устраивающегося театра» - московский житель Иларион Виноградов, от которого был выстребован список пьес, входивших в репертуар, на предмет разрешения их к постановке, потому что постановка всех спектаклей была подцензурна Третьему отделению Его Императорского Величества Канцелярии.

При антрепренере Г-нове, при котором давались частые и длинные представления, публика охладела к театру, потому что ставились почти исключительно одни драмы и трагедии. Водевиль были крайне редки и плохо поставлены. Кроме того, оставял желать лучшего театральный реквизит.

Актерская игра была очень слабой. В результате, господин Г-нов разорился и бежал из Пензы (Савин, 2008: 45-46). После этого И.Н. Горсткин взял постановку спектаклей на себя. Им была сформирована труппа, и начались представления. Горсткин крайне щепетильно относился к уровню актерского исполнения. Место драм и трагедий заняли легкие и остросюжетные пьесы.

Не прекращались и благотворительные спектакли любителей. Лучшими исполнителями в то время среди них считались сам И.Н. Горсткин, А.А. Панчулидзе, С.Н. Сушкова, Н.М. Загоскин – племянник И.Н. Загоскина, А.А. Всевожский и В.М. Соболевский. Постановщиком этих спектаклей также был Горсткин. Помимо превосходного исполнения ролей, любительские спектакли отличались роскошной обстановкой. Представления зачастую затягивались на всю ночь, и многие участники оставались в доме Горстклина до утра. Спектакль сменялся танцами, ужином, прочими развлечениями.

В середине 1840-х гг. саратовский антрепренер Зальский принял от Горстклина руководство театром. Давались как драмы и трагедии, так и водевили. Из артистов у пензенской публики пользовались расположением трагик Караулов, который «такого нагонит страха, что всю ночь не уснешь», и комик Михайлов. Приезжал в Пензу и известный в те времена артист Мирославский, но был освистан. Утонченная часть публики неохотно и редко посещала театр Зальского, находя постановки недостаточно хорошими (Театр, 1846: 127).

В самом начале 1846 г. Горстковым было закончено устройство нового театра в купленном ранее у Гладковых доме. Пензенский театр имел довольно обширный партер, три яруса лож и галерею. Освещался зал маслянистыми лампами, которые сильно коптили. Неотъемлемой частью театра был буфет с громадными графинами водки и кое-какими закусками (Воспоминания, 1887: 22). В сезон 1854–1855 гг. на сцене театра Горстклина играла труппа под управлением Докучаева, который был содержателем театра и в зиму 1853–1854 гг. Докучаев был «изящным мужчиной с мягким и симпатическим голосом, страстью к драматическому искусству и большой сценической опытностью» (Театральные, 1855: 239). Вместе с ним в труппе играла и его жена Алинская-Докучаева, бывшая примадонной театра. Труппа этого сезона была немногочисленной, что не позволяло ставить драмы и трагедии, хотя артистам они были вполне под силу. Давались преимущественно пьесы комического содержания, что делало особенно важным место комика, роль которого исполнял Бойков. Зрители находили, что труппа этого сезона «уже потому лучше прошлогодней, что среди актрис ныне нет ни одной, которая бы обладала в ужас приводящей физиономией» (Театральные, 1855: 241).

Давались и любительские представления. Поскольку шла Крымская война, пензенское общество стремилось оказывать посильную помощь в борьбе с врагами Отечества. 10 марта 1854 г. в зале дома Дворянского собрания были устроены «живые картины», сбор от которых был сдан губернатором министру внутренних дел на нужды воинов, раненых «в Азиатской Турции и Придунайских княжествах».

В сезон 1855–1856 гг. состав труппы был настолько плох, и сценическое мастерство так низко, что местная публика, готовая прощать разного рода промахи, на этот раз прекратила посещать спектакли. Вследствие чего по окончании этого сезона решено было учредить дирекцию (Театральные, 1855: 251). Дирекция была быстро составлена, ею сформирована труппа, и в октябре 1856 г. начались спектакли, в каждом из которых театр был полон. Основывая дирекцию, учредители имели в виду «единственно доставление себе и другим жителям Пензы удовольствие от постоянного хорошего театра», не рассчитывая на выгоду (Заметки, 1867: 4).

В сезоны 1858–1859 гг. и 1859–1860 гг. содержатели трупп Пензу не посещали, и спектакли профессиональных актеров не давались.

В 1861 г. почти пустующий театр И.Н. Горстклина снял актер и режиссер П.М. Медведев, создавший в Пензе первое в России актерское товарищество. Помимо представлений труппы Медведева шли любительские спектакли, на сборы с которых, полученных в несколько зимних сезонов, 1 октября 1861 г. было открыто Женское приходское училище (Савин, 2008: 53-54).

В сезон 1862–1863 гг. театр Горстклина снял Н.Е. Вильде, актер-любитель. В 1863 г. он уехал из Пензы в Петербург. Антрепренером становится Климовский, которому удалось сформировать довольно сильную труппу, куда вошел один из лучших провинциальных комиков того времени Медведев. Репертуар состоял из драм, комедий и водевилей русских авторов. Много было новых пьес, не ставившихся еще на пензенской сцене.

В 1864 г. Климовский вновь снял у Горстклина театр. В составе труппы были как известные пензенские актеры (Климовская, Петрова и др.), так и вновь прибывшие (Красовский, Мурашкин, Пруссаков, Самойлова, Хотев-Самойлов и др.). Деятельным помощником Климовского, который был сильно болен, стал артист Самойлов. Новые пьесы ставились в три-четыре дня, что, безусловно, отражалось на качестве постановок. Сезон открылся спектаклем любителей-дворян в пользу погорелых жителей Симбирска. Затем пошли представления профессиональных артистов. 18 октября был дан первый спектакль частью труппы, которая уже прибыла в Пензу. Первые спектакли прошли плохо, и были мало посещаемы публикой. Но с прибытием остальной части труппы дела стали выправляться. Был пополнен репертуар и все, «в чем нуждается театр», после чего «стал заметен порядок, и ход пьес стал более стройный» (Пензенский, 1864: 318).

Одновременно пензенская труппа и любители драматического искусства готовились к важнейшему в жизни местного театра событию: шились новые костюмы, писались декорации и т.п. 29 ноября актер с мировой славой темнокожий Айра Ольридж (Curtiss, 1968; Oliva, 1963; Shalom, 1994) дал свой первый спектакль «Отелло». Вот что писала местная пресса: «Мимика его не подражаема – эта упругость кожи и подвижность черт лица производят чудеса. Когда в патетических сценах эти два средства вместе приводятся в движение, Ольридж кажется существом неземным, сверхъестественным» (Пензенский, 1864: 332). Интересно, что все роли игрались им на английском языке, непонятном большинству пензенской публики, и, тем не менее, театр всегда был заполнен. В свободное от спектаклей время Ольриджа приглашали на вечера в дома местной знати.

Летний сезон 1865 г. начался с выступлений механика и пиротехника Крамеса в театре Горсткина. Живых актеров в его спектаклях заменяли механические куклы. Однако публика весьма прохладно принимала эти представления и мало посещала их. Иногда давались спектакли в Летнем театре, выстроенном при вокзале Лезевица, где гуляющих развлекали своей игрой актеры Шмитгоф, Максимов и Чарской. 22 июня труппа в составе 12 артистов и 9 артисток открыла сезон в театре Горсткина. Наибольшим спросом у публики продолжали пользоваться комедии и водевили.

Зимний сезон этого года открылся 1 октября. Достопримечательным событием в нем была успешная постановка первой половины ноября пьесы А.Н. Островского «Гроза». Особенно запомнилась зрителям игра Александровой и Максимовой. В остальном сезон мало чем отличался от предыдущих.

Летом 1866 г. Пензу посетили артисты Императорских Санкт-Петербургских театров Михайловская и Васильев (первый бас русской оперы), которые дали в июле три вокальных и инструментальных концерта, где преобладала русская музыка. Концерты прошли в зале Пензенского Дворянского собрания при полном зале и благосклонном отношении публики.

Дальнейшая театрално-концертная деятельность в Пензе вплоть до 1872 г. представлена почти исключительно материалами о благотворительных спектаклях и концертах, как профессиональных трупп, так и любителей. Так, 19 февраля 1867 г. в зале Пензенского Дворянского собрания был поставлен благотворительный спектакль-концерт силами любителей. Деятельное участие в нем приняли хор певчих Его Преосвященства епископа Пензенского и Саранского и военный оркестр 37-й пехотной дивизии. Всего было собрано 448 рублей 75 коп. За вычетами расходов осталось 300 рублей, переданных пензенскому предводителю дворянства. Устройство сцены и декораций осуществлялось на пожертвования «многих лиц». 10 июля 1870 г. в Пензенском Дворянском собрании состоялся в пользу бедных девиц Женского училища концерт, давший чистого сбора 227 рублей 53 коп.

Концерты и спектакли шли и в Пензенском Соединенном клубе, в летнее время располагавшемся в специально обустроенном для этого доме, зимой – в доме генерал-лейтенанта А.Н. Арапова. 19 марта 1868 г. здесь был дан духовный концерт под управлением П.Л. Федотова. Участвовали хоры певчих: архиерейских, семинарских и любителей. Целью концерта была помощь жителям России, пострадавшим от неурожая 1867 г. Зрители были весьма довольны, и многие желали повторения концерта. Кроме концертов и спектаклей давались балы с благотворительными целями. 29 января 1870 г. был дан бал в пользу инвалидов.

Основным центром сценической жизни продолжал оставаться театр И.Н. Горсткина, где шла основная масса благотворительных спектаклей, сборы от которых поступали в пользу бедных семей Пензы, пострадавших от неурожая, для учреждения школы при пензенском тюремном замке; много спектаклей было дано в пользу Александрийского детского приюта. Спектакли с передачей сборов в приюты давались и профессиональной актерской труппой. Публика почти всегда относилась к благотворительным спектаклям с сочувствием и усердно их посещала. Помимо сумм, собранных за продажу мест, в сборы входили пожертвования пензенских граждан, в числе которых были губернатор И.Д. Селиверстов и вице-губернатор А.Е. Жемчужников.

Постепенно размеры помещения театра перестали удовлетворять публику, зал явно нуждался в новой отделке и расширении, тем более, что число посетителей увеличивалось. Это было обусловлено теми явлениями, которые все ярвственнее проявлялись в российском обществе после 1861 г.

Из жизни профессионального театра известно, что в сезон 1868–1869 гг. (с сентября по март) театр Горсткина снимался антрепренерами Н.И. Ивановым-Ренбургским, купцом 2 гильдии, и московским мещанином П.П. Абрамовым. В сезон 1869–1870 гг. антрепренером был художник Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств А.Е. Воронков. С 1 сентября 1870 г. по 7 февраля 1871 г. театр снимал И.В. Абраменко, рязанский мещанин.

Зимний сезон 1872–1873 гг. открылся в Пензе 15 сентября. В труппе не было знаменитостей, но играли хорошо. Репертуар театра составили в основном пьесы, уже знакомые пензенской публике. Антрепренерами театра (на срок с 1 сентября 1872 г. по 18 февраля 1873 г.) были коллежский асессор К.И. Ильшев и нижегородский крестьянин Г.И. Лебедев. На представлениях и в антрактах играл оркестр Соединенного Собрания, которое, правда, намеревалось лишить театр его по воскресеньям, для игры в Собрании, где проходили семейные вечера. Между тем, именно в воскресные спектакли приток публики был наиболее многочисленным. Пьесы по-прежнему ставились ускоренными темпами, нередко актерам приходилось за одни сутки готовить пятиактную пьесу. Но это было

необходимо, поскольку сбор с пьесы, поставленной в третий раз, едва покрывал расход на освещение. А актерам, за вычетом всех расходов, при полном сборе оставалось лишь по 40–50 рублей и «ничтожный гонорарий». Тем не менее, пензенские актеры добросовестно относились к своим обязанностям. Например, в «Птичках певчих» актеры труппы Ильшев и Соколовская столь блестяще исполнили свои роли, что пензенские любители театра преподнесли им ценные подарки. 17–18 февраля в конце зимнего сезона в Пензе прошли два концерта известного скрипача-виртуоза Апполинария Контского и девицы Ванды Контовой, после чего в течение целого месяца никаких спектаклей и концертов не было. Этот театральный «штиль» был прерван 18 марта. В этот день в доме Горсткина был дан концерт силами любителей и «живые картины». В следующее воскресенье прошел благотворительный вечер Вольского. В 20-х числах августа состоялся концерт любителей в пользу женской ремесленной школы (Театр, 1873: 3).

Сезон 1873–1874 г. открылся в Пензе необыкновенно рано, если прежде спектакли начинались в половине октября и редко в сентябре, то на этот раз первое представление состоялось 2 сентября. Давали «Бедность – не порок» А.Н. Островского и водевиль «Граф Литограф», который публика сочла наискучнейшим. Труппу на этот сезон составили те же Лебедев и Ильшев.

В сентябре – октябре в театре Горсткина дал пять представлений Кроссо, целью которых было ознакомление зрителей с движением светил, основными началами геологии, опытами физики и химии. По совету губернатора А.А. Татищева Кроссо дал представление бесплатно для учеников гимназии и прогимназии. Ноябрь ознаменовался рядом успешных бенефисов Немировой (ценители искусства преподнесли ей браслет и брошку), Вольского, Ильшева и Лебедева.

14 ноября в театре Горсткина состоялось небывалое прежде увеселение. По окончании спектакля в 11 часов открылся первый в Пензе маскарад, впрочем, из-за оплошности устроителей, не оповестивших публику вовремя о нем, немногочисленный. В первых числах ноября состоялся любительский спектакль с участием княжны Голицыной, барона Корфа и князя Енгальчева. 7 декабря был спектакль в пользу бедных воспитанниц пензенской женской гимназии. Деятельное участие в любительских представлениях принимали Борейшен, Булыгин, Панчулидзе, Римский-Корсаков, Сабурова, Салова, Фадеев, Чарыкова, Эссен, Юркевич.

Шли и домашние спектакли, предназначенные для друзей и близких. Святки 1873 г. были особенно богаты на них. Некоторые из домашних постановок были так хороши, что вполне могли бы идти на любительской сцене. Один из таких спектаклей состоялся 17 декабря – давали драму «Горькая судьбина» и водевиль «Барыня почивает».

В 1874 г. театр Горсткина сняла на срок с сентября 1874 г. по 1 марта 1875 г. вдова подполковника Бизяева Марья Григорьевна. В труппе были как уже известные пензенской публике артисты, так и ряд новых актеров, среди которых обращал на себя внимание В.П. Долматов (Гиляровский, 1967: 402–415), талантливый молодой актер. Сезон начался не слишком удачно. На спектакле 1 сентября зрителей к началу представления собралось очень мало, и лишь к восьми часам публика начала понемногу приезжать. Это было явлением, в общем-то, очень обыкновенным, так как пензенцы взяли себе в дурную привычку опаздывать к началу спектакля. Кроме того, обычное для пензенского театра время начала представлений в 7 часов 30 минут вечера с окончанием их далеко за полночь не устраивало многих жителей, которые обедали в два, три и редко в четыре часа дня, а в двенадцать часов ночи уже спали. Тем не менее, 1 сентября водевиль «Вспышка у домашнего очага» был хорошо принят публикой. Еще более успешно прошел благотворительный спектакль 24 сентября в пользу Александровского детского приюта. В целом, Бизяева терпела убытки и подумывала о закрытии театра.

Ситуация изменилась с окончанием строительства Моршанско-Сызранской железной дороги, связавшей Пензу с крупнейшими центрами России. Ввод железной дороги отразился и на здешнем театре. В декабре заехал певец Императорских театров Радонежский. Публика, привлеченная громким именем, забила весь театр. 1 и 2 декабря играли «Аскольдову могилу», но Радонежский не понравился местной публике. 3 числа Радонежский уехал, не приняв обещанного участия в бенефисе Ленского, но 7 января публика была вознаграждена игрой последнего и опереткой «Женщины – арестанты», на которой «большая часть мужской публики, кажется, желала, чтобы водевиль и канкан продолжались бесконечно» (Театр, 1876: 3). В 1875 г. в первый раз на пензенской сцене был поставлен «Юрий Милославский» М.Н. Загоскина, с новыми декорациями и костюмами. 11 января в бенефис актрисы Тресановой также в первый раз была поставлена драма «Ришелье», где главную роль блестяще играл Долматов. Правда, публики на сей раз было менее обычного, но в целом, бенефисы сезона посещались усердно. Довольно много было неигранных ранее пьес, впервые поставленных на пензенской сцене.

В декабре Пензу посетил воспитанник Московской консерватории скрипач Товбич, совместно с любителями давший концерт в зале Соединенного Собрания. После пасхальной недели начались представления любителей с благотворительными целями при участии столичного артиста Васильева (второго). На спектакли приезжали зрители близлежащих уездов.

Весной началась отделка летнего сада в городском лесу и постройка нового театра в нем, который планировали закончить к концу апреля. Антрепренером поручиком С.П. Граббе в Москве была составлена труппа из 26 человек, в которой приняла участие артистка Императорских театров

Ермилова. Первый спектакль был дан 4 мая и состоял из «Доходного места» А.Н. Островского и водевиля «Взаимное обучение». Ермилову хвалили, которая «несмотря на музыку, нередко бывающую просто непозволительную, танцует легко и очень мило» (Пенза, 1876: 3). Но на представлениях часто присутствовало всего лишь 15-20 зрителей, чему отчасти виною были большие антракты, затягивавшие представления далеко за полночь.

К 1875 г. зал зимнего театра порядком обветшал: грязные пачкающие сцены, ветхие украшения, протекающий потолок. Отсутствовал гардероб, не было уборных. Естественно, что такое положение делало театр все менее приятным времяпрепровождением, и даже в удачные представления зрители часто подумывали, стоит ли идти на спектакль. Снявший в 1875 г. театр Е.Ф. Гусятников для привлечения в него публики, истратив 2–2,5 тыс. рублей, отделал занавес, «все стены и ложи были обиты обоями или окрашены... В белый цвет выкрашен зал...» (Пенза, 1876: 4). Предусмотрительность Гусятникова дошла до того, что в одной из комнат была поставлена кровать на случай, если какой-нибудь зрительнице сделается дурно. Некоторые артистки были выписаны из Петербурга. Увы, дела складывались не столь блестяще. Высокие для провинциального театра цены на билеты, еще более возрастающие в дни бенефисов (с 15 января еженедельно давалось по три бенефиса) и не совсем удачный состав труппы, не дали содержателю желаемых доходов. Труппа, как обычно, давала и благотворительные спектакли в пользу Александрийского детского приюта, женской ремесленной школы «Общество поощрения трудолюбия», инвалидов. 22 декабря состоялся спектакль в пользу семейств Боснии, Герцеговины, Старой Сербии, пострадавших от восстания. В зале Соединенного Собрания 7 февраля был концерт в пользу учеников пензенской прогимназии при полном зале, 24 февраля профессор Санкт-Петербургской консерватории Леопольд Ауэр играл здесь с С. Танеевым, учеником московской консерватории.

С наступлением поста театральные представления, как обычно, прекратились из-за практически полного отсутствия зрителей, да и власти не разрешали давать спектакли в этот церковный праздник. Тем более, привлек публику, скучавшую в отсутствии развлечений, приезд в Пензу в марте «всемирного» «магнетизера, спирита и изобретателя всех новых магических опытов» Жоржа Роде (Пенза, 1876: 2), выступавшего в Париже, Вене, Берлине, Петербурге и Москве. 20 апреля у Горсткина состоялся любительский вечер с участием учеников уездного училища, исполнивших детскую симфонию Гайдна, «до того мило, что желательно было когда-нибудь повторить ее» (Литературно-музыкальный, 1876: 3). В апреле же приезжие артисты итальянской оперы Варшавского театра дали у Горсткина ряд представлений, «от которых публика наша была в восхищении» (Пенза, 1876: 2).

7 апреля состоялось знаменательное событие в культурной жизни Пензы. В театре Горсткина по примеру Петербургских чтений прошло публичное прочтение «Истории Петра Великого» (по изданию Комиссии народных чтений). Чтение «Петра Великого» могли посетить и люди, не имевшие большого достатка, поскольку цены на места весьма умеренные. Так, например, билеты первых рядов стоили всего 20 копеек.

Летом 1876 г. давались спектакли в отстроеном летнем театре. Публика, посещала их весьма немногочисленно, вследствие чего содержатель нес значительные убытки, выигрывал один только владелец буфета. 30 августа в театре Горсткина был дан спектакль в пользу славян Балканского полуострова, открывший сезон 1876/1877 гг. Заслуживает уважения и поведение артистов, согласившихся играть, хотя их контракты вступали в силу только с 1 сентября, и самого антрепренера Горбунова, не взявшего ни копейки за помещение и оплатившего все расходы на спектакль. Музыканты также отказались от платы. Со стороны публики были пожертвования братьям-славянам. Далее пошли платные спектакли. В целом репертуар по содержанию был обычным для пензенской сцены, с преобладанием развлекательных пьес. Хотя, были и более значительные постановки. 6 февраля с участием артиста Санкт-Петербургских Императорских театров Н.И. Милославского на сцене прошли «Король Лир», «Горе от ума», «Шейлок, венецианский жид», «Суд в Венеции».

Летний сезон был открыт труппой Долинского, привлекший публику участием в спектакле артистов русской оперы под управлением Гришина-Нивлянского, исполнивших отрывки из опер «Жизнь за царя», «Русалка», «Фауст». С их участием очень успешно прошел 10 июля бенефис комика М.А. Стремкова. 30–31 июля труппа летнего театра под управлением Граббе дала спектакли в пользу славян и в пользу общества попечения о раненых и больных воинах при значительном количестве зрителей.

Труппу на зиму 1877–1878 гг. составил Долматов, он же был содержателем театра. По мнению некоторых, «состав нынешней труппы зимнего театра кажется намного удачнее предшествующего» (В зимнем, 1878: 2). Украшением ее была Райчева и Большаков, «комик, каких мало». 10 октября на бенефисе Никольского давали «Синюю бороду», театр был полон, сборы были отличные, но, увы, такие случаи были не часты. В основном, публика не валила валом на представления, и сборов иногда не хватало не только на уплату жалования артистам, но и на театральные расходы. Тем не менее, Долматов, который «очевидно, еще не проникнут ролью антрепренера-эксплуататора» и желает ... служить искусству» (Театр, 1877: 2), решается на нововведение: в театре начинают даваться народные спектакли по ценам, доступным для небогатых людей и молодежи. 22 ноября были представлены «Мазепа» и «Званный вечер с итальянцами», а в заключение поставлена «живая картина»

«Атака русской кавалерии и разгром турецких низамов», во время показа которой на сцене находилось до 100 человек. Публика требовала повторения картины, и Долматов, чтобы «доставить возможность и трудящемуся люду видеть ее» (Театр, 1877: 2), назначает народный спектакль в 2 ч. дня.

26 ноября умер И.Н. Горсткин, и театр переходит в руки его вдовы Александры Николаевны. Содержателем труппы остается Долматов, дела которого, по-прежнему далеко не блестящи. С любительского спектакля 11 января в пользу нуждающихся семейств Вазерской волости он взял 200 рублей, чего раньше никогда за ним не наблюдалось. В январе 1878 г. Долматов сделал новое приобретение для театра в лице актрисы Полонской. И на пензенской сцене появились сразу две оперные певицы Райчева и Полонская, явление для Пензы необычное. И это привлекло публику (Театр А.Н. Горсткиной: 4). Театр был переполнен и, несмотря на множество подставных стульев в партере многие из посетителей были вынуждены вернуться домой ввиду отсутствия мест. Общим певицам по окончании представления были поднесены букеты и подарки. Однако, последующие представления с Полонской и на половину не наполнили театр. Между тем, «черновато и грязновато стало помещение зимнего театра... Главный же недостаток ... духота невыносима, доводящая до дурноты и головокружения, дышать трудно, глаза режет до слез». При таком положении театр «после самых лучших представлений, они продолжаются иногда 5–6 часов, оставляет в зрителях одни головные, грудные и глазные боли» (Зимний, 1878: 4). Антрепренеры же, снимая театр всего на год, естественно, желанием заняться ремонтом театрального зала не обладали. Любителями театра для исправления дел был пущен по городу подписной лист для сбора средств на отделку театра. Но собранной суммы оказалось недостаточно. В первой половине марта Пензу посетил магик Джузеппе Шедине, давший несколько представлений, состоящих из фокусов, что заинтересовало посетителей, и театр почти всегда был полон (Магик, 1878: 4).

Актеры-любители в этом сезоне, как и прежде, давали любительские спектакли, сбор от которых поступил на содержание больных и раненых воинов, в пользу женской ремесленной школы, в фонд помощи малоимущим гражданам. В Пензе шел сбор пожертвований на крейсера. Деятели искусства и здесь не остались в стороне. Так, 18 апреля 1878 г. состоялся общедоступный литературно-вокальный вечер с «живыми картинками», часть сбора от которого поступила в «пользу комитета вооружения и приобретения океанских крейсеров, состоящего под покровительством Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича» (Театр, 1878: 4).

В 1878 г. Долматов снова снял пензенский театр. Сформированная им труппа состояла из 11 актрис и 8 актеров. По мнению самого антрепренера, «труппа ... заключает в себе лучших провинциальных артистов и актрис» (Театр, 1878: 3). Представления начались 15 сентября. В репертуаре преобладали комедии, водевили и оперетки, драм и трагедий было немного. Игались, в основном, пьесы русских авторов и как собственного их сочинения, так и переделанные с французского, английского и немецкого языков. После спектаклей устраивались маскарады, особенно часто с января 1879 г. Оркестр заполнял антракт музыкой Баха, Штрауса и Оффенбаха. С октября начались бенефисы. Бенефицианты Конради, Великанова, Майорова, Налимович, Невский, Донской, Онихимовская, Петров и сам Долматов, распределили свои бенефисы так, чтобы не опасаться за заполнение зала и сборы. Кроме указанных бенефисов прошли два бенефиса театрального оркестра (3 ноября и 13 января). 24 ноября состоялся бенефис суфлера Модестова, «незаметного труженика театра». 14 ноября в бенефис актрисы Великановой театр был иллюминирован по случаю дня рождения цесаревны Марии Федоровны и перед началом спектакля хор певчих исполнил «Боже царя храни». 6 марта Пензу посетила балетная и концертная американская труппа под управлением Вероны, давшая спектакль в пользу бедных. Актеры почти не имели времени на изучение ролей и играли часто экспромтом. 6 января в театре в первый раз был устроен народный детский спектакль по общедоступным ценам. С 10 февраля в один день шли и утренний, и вечерний спектакли, причем, это были разные пьесы.

В начале 1879 г. театр меняет своего владельца, им становится сын И.Н. Горсткина Л.И. Горсткин, отставной майор, как и отец, увлеченный театром и, судя по удачным выступлениям, в любительских спектаклях, наследовавший его актерский талант (Вишневский, 2001: 608).

5. Заключение

В истории пензенского театра 1840–1870-х гг. были и неудачи, и успех. Он видел на своей сцене великого Айра Олриджа, прекрасную оперу Варшавского театра и серых посредственных исполнителей, которые сразу же забывались. Центральное место в театральной жизни, безусловно, принадлежало зимнему театру И.Н. Горсткина. Именно здесь проходили гастроли наиболее значимых артистов. Залы Дворянского собрания и пензенского Соединенного Клуба, хотя и здесь осуществлялись любительские постановки и концерты приезжих артистов, использовались более как место для балов, семейных вечеров и прочего досуга. Что касается летнего театра, то значительную конкуренцию ему составляли заезжие труппы вольтижеров, фейерверки и просто прекрасные летние вечера, хотя, случалось, и он был переполнен публикой. Домашние спектакли были предназначены, так сказать, для внутреннего потребления, и занять сколько-нибудь публику не могли.

Значение созданного Горсткины театра для пензенского культурного сообщества было очень велико. Довольно многочисленные театралы из дворян получили возможность реализовать свои духовные запросы в любительских спектаклях, несомненно, облагораживающе, как на зрителей, так и на исполнителей, действовали цели этих постановок. Что касается представлений профессиональных трупп, здесь качество во многом зависело от уровня подготовки актеров и от личности антрепренера. Многие из последних стремились лишь получить прибыль от содержания театра, но были и такие, как Климовский, Долматов, самоотверженно служившие искусству.

Несмотря на кажущуюся однообразность театральных сезонов, жизнь театра была поступательной. Большую роль, несомненно, в этот играли сдвиги и перевороты в бытии и сознании русского общества, обусловленные происходившими в России процессами. Широкие круги русского общества становились ближе, приобщеннее к культуре, пусть вкусы их еще были неразвиты, желания не всегда высоки, но демократизация искусства, несомненно, шла. Конкретным примером этого служит история пензенского театра: вводятся общедоступные публичные чтения, спектакли по общедоступным ценам, народные спектакли Долматова. Примечательно и то, что публику в театре знакомили, прежде всего, с русским драматическим творчеством.

Литература

- В зимнем, 1878** - В зимнем театре // Пензенские губернские ведомости. 1878. № 212. С. 2.
Вишневский, 2001 - *Вишневский К.Д.* Театральная жизнь // Пензенская энциклопедия. Пенза – М., 2001. С. 607-608.
Воспоминания, 1887 - Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПб., 1887. 287 с.
Вяземский, 1992 - *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1992. 384 с.
 ГАПО - Государственный архив Пензенской области.
Гиляровский, 1967 - Гиляровский В.А. Собрание сочинений в 4 т. М., 1967. Т. 1. 480 с.
Дынник, 1933 - *Дынник Т.А.* Крепостной театр. М.; Л. 1933. 330 с.
Дьяконов, 1995 - *Дьяконов В.А.* Театральное движение в провинциальной России XIX – начала XX века (на материалах Среднего Поволжья): Автореф. ... канд. ист. наук. Саратов, 1995. 22 с.
Заметки, 1867 - Заметки о театре // Пензенские губернские ведомости. 1867. № 39. С. 4.
Зимний, 1878 - Зимний театр // Пензенские губернские ведомости. 1878. № 57. С. 4.
Литературно-музыкальный, 1876 - Литературно-музыкальный вечер // Пензенские губернские ведомости. 1876. № 47. С. 3.
Магик, 1878 - Магик Джузеппе Шедине // Пензенские губернские ведомости. 1878. № 47. С. 4.
Молебнов, 1995 - *Молебнов М.П.* Пензенский крепостной театр Гладковых. Пенза, 1995. 54 с.
Пенза, 1876 - Пенза // Пензенские губернские ведомости. 1876. № 20. С. 3; № 24. С. 4; № 37. С. 2.
Пензенский, 1864 - Пензенский театр // Пензенские губернские ведомости. 1864. № 48. С. 318; № 50. С. 332.
Савин, 2008 - *Савин О.М.* Пенза театральная. Пенза, 2008. 624 с.
Театр А.Н. Горсткиной - Театр А.Н. Горсткиной // Пензенские губернские ведомости. 1878. № 85. С. 4.
Театр, 1846 - Театр // Пензенские губернские ведомости. 1846. № 23. С. 127.
Театр, 1873 - Театр // Пензенские губернские ведомости. 1873. № 38. С. 3.
Театр, 1876 - Театр // Пензенские губернские ведомости. 1876. № 22. С. 3.
Театр, 1877 - Театр // Пензенские губернские ведомости. 1877. № 140. С. 2.
Театр, 1878 - Театр // Пензенские губернские ведомости. 1878. № 19. С. 3.
Театральные, 1855 - Театральные заметки // Пензенские губернские ведомости. 1855. № 47. С. 237-242; № 48. С. 249-253.
Яковкина, 2002 - *Яковкина Н.И.* История русской культуры: XIX век. СПб., 2002. 576 с.
Curtiss, 1968 - *Curtiss Mina.* Some American Negroes in Russia in the Nineteenth Century // The Massachusetts Review. 1968. № 1. P. 268-296.
Oliva, 1963 - *Oliva L. Jay.* Ira Aldridge and Théophile Gautier // The Journal of Negro History. 1963. № 1. P. 229-231.
Redfield, 1947 - *Redfield R.* The Folk Society // The American Journal of Sociology. 1947. Vol. LII. № 4. P. 293-308.
Shalom, 1994 - *Shalom J.* The Ira Aldridge Troupe: Early Black Minstrelsy in Philadelphia // African-American Review. 1994. № 2. P. 653-658.

References

- V zimnem, 1878** - V zimnem teatre [In winter theater] // Penzenskie gubernskie vedomosti. 1878. № 212. P. 2 [in Russian].
Vishnevskij, 2001 - *Vishnevskij K.D.* Teatral'naja zhizn' [Theatre life] // Penzenskaja jenciklopedija. M., 2001. P. 607-608 [in Russian].
Vospominanija, 1887 - Vospominanija grafa Vladimira Aleksandrovicha Solloguba [Memoirs of the count Vladimir Aleksandrovich Sollogub]. SPb., 1887. 287 p. [in Russian].

- Vjazemskij, 1992** - *Vjazemskij P.A.* Zapisnye knizhki [Notebooks]. M., 1992. 384 p. [in Russian].
- GAPO** - Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti [State archive of the Penza region].
- Giljarovskij, 1967** - *Giljarovskij V.A.* Sobranie sochinenij v 4 t. [Collected works]. M., 1967. T. 1. 480 p. [in Russian].
- Dynnik, 1933** - *Dynnik T.A.* Krepostnoj teatr [Serf theater]. M.; L., 1933. 330 p. [in Russian].
- D'jakonov, 1995** - *D'jakonov V.A.* Teatral'noe dvizhenie v provincial'noj Rossii XIX - nachala XX veka (na materialah Srednego Povolzh'ja) [The theatrical movement in provincial Russia XIX - the beginnings of the 20th century (on materials of Central Volga area): Avtoref. ... kand. ist. nauk. Saratov, 1995. 22 p. [in Russian].
- Zametki, 1867** - Zametki o teatre [Notes about theater] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1867. № 39. P. 4 [in Russian].
- Zimnij, 1878** - Zimnij teatr [Winter theater] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1878. № 57. p. 4 [in Russian].
- Literaturno-muzykal'nyj, 1876** - Literaturno-muzykal'nyj vecher [Literary musicale] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1876. № 47. P. 3 [in Russian].
- Magik, 1878** - Magik Dzhuzeppe Shedine [Magik Giuseppe Scedin] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1878. № 47. P. 4 [in Russian].
- Molebnov, 1995** - *Molebnov M.P.* Penzenskij krepostnoj teatr Gladkovyh [Penza serf theater of Gladkov]. Penza, 1995. 54 p. [in Russian].
- Penza, 1876** - Penza [Penza] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1876. № 20. p. 3; № 24. p. 4; № 37. P. 2 [in Russian].
- Penzenskij, 1864** - Penzenskij teatr [Penza theater] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1864. № 48. p. 318; № 50. P. 332 [in Russian].
- Savin, 2008** - *Savin O.M.* Penza teatral'naja [Penza is theatrical]. Penza, 2008. 624 p. [in Russian].
- Teatr A.N. Gorstkinoj** - Teatr A.N. Gorstkinoj [A.N. Gorstkina's theater] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1878. № 85. P. 4. [in Russian].
- Teatr, 1846** - Teatr [Theater] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1846. № 23. P. 127 [in Russian].
- Teatr, 1873** - Teatr [Theater] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1873. № 38. p. 3 [in Russian].
- Teatr, 1876** - Teatr [Theater] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1876. № 22. P. 3 [in Russian].
- Teatr, 1877** - Teatr [Theatre] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1877. № 140. P. 2 [in Russian].
- Teatr, 1878** - Teatr [Theatre] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1878. № 19. P. 3 [in Russian].
- Teatral'nye, 1855** - Teatral'nye zametki [Theatrical notes] // *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1855. № 47. P. 237-242; № 48. P. 249-253 [in Russian].
- Jakovkina, 2002** - *Jakovkina N.I.* Istorija russkoj kul'tury: XIX vek [History of the Russian culture: 19th century]. SPb., 2002. 576 p. [in Russian].
- Curtiss, 1968** - *Curtiss Mina.* Some American Negroes in Russia in the Nineteenth Century // *The Massachusetts Review*. 1968. № 1. P. 268-296.
- Oliva, 1963** - *Oliva L. Jay.* Ira Aldridge and Théophile Gautier // *The Journal of Negro History*. 1963. № 1. P. 229-231.
- Redfield, 1947** - *Redfield R.* The Folk Society // *The American Journal of Sociology*. 1947. Vol. LII. № 4. P. 293-308.
- Shalom, 1994** - *Shalom J.* The Ira Aldridge Troupe: Early Black Minstrelsy in Philadelphia // *African-American Review*. 1994. № 2. P. 653-658.

УДК 94(470).07

Театральная жизнь провинциальной России в 1840–1870-е гг. (на примере Пензенской губернии)

Лариса Александровна Королева^{a, *}

^a Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие российского театра в Пензенской губернии в 1840–1870-е гг. За богатую сценическую жизнь Пензу называли «мордовскими Афинами». Первым театром в Пензе был Театр благородных любителей, созданный вице-губернатором И.Н. Долгоруковым в усадьбе пензенского дворянина Д.Е. Полчанинова в начале 90-х гг. XVIII в. В начале XIX в. в городе действовали крепостные и общедоступные театры Акимовых, Gladkovyh, Горихвостова, Кожина, Кишинских и др. Самым известным и долговечным из них был театр Gladkovyh, существовавший 24 года (1806–1829 гг.). После него сценическое искусство в Пензе

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева)

было представлено приезжими профессиональными труппами, любительскими дворянскими спектаклями. С 1842 г. известно о существовании театра И.Н. Горсткіна, которым руководили разные антрепренеры. Особой популярностью и уместной публики театр не пользовался. В 1846 г. И.Н. Горсткін отремонтировал выкупленное ранее здание театра Гладковых, где ставил спектакли сам и приглашал иногородние труппы. Репертуар был разнообразный – отечественные и переводные драмы, трагедии, но преобладали комедии, водевили, поскольку именно они по большей части привлекали зрителей. В 1861 г. театр снимал актер и режиссер П.М. Медведев, организовавший в Пензе первое в России актерское товарищество. В 1864 г. в театре давал представления актер с мировой славой темнокожий Айра Ольридж. В театре И.Н. Горсткіна давалось много благотворительных постановок (для погорельцев жителей Симбирска, школы при пензенской тюрьме, Александрийского детского приюта, славян Балканского полуострова и т.п.). После смерти И.Н. Горсткіна в 1876 г. театр переходит к его вдове Александре Николаевне, в 1879 г. – к его сыну Л.И. Горсткіну.

Ключевые слова: Россия, театр, И.Н. Долгоруков, И.Н. Горсткін, Пензенская губерния.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 430-440, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(574)

The History of Research and Development Islands Peter the Great Bay, Sea of Japan

Aleksandr B. Kosolapov ^{a,*}, Irina V. Barashok ^a, Nonna V. Guremina ^a

^a Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract

The article discusses the history of the discovery, research and development of the islands of Russian pioneers in Peter the Great Bay, Sea of Japan from the middle of the XIX century.

The paper used in scientific papers and journalistic materials researchers Islands Peter the Great Bay, unpublished sources: Russian State Historical Archive of the Far East, Primorsky Region State Archives, Archives of Primorsky regional department of the All-Russian public organization "Russian Geographical Society" Society for the Study of the Amur region.

The methodological basis of the work was the principle of historicism and objectivity, allowed to consider the issue of research and development of the islands of the Gulf of Peter the Great on a broad documentary basis in the process of development in the specific historical conditions.

The history of hydrographic discoveries of natural and geographical studies. It touches upon the issues concerning the construction of Vladivostok fortress. In the periodical press materials recreated pages agricultural and industrial development of the islands. Examples of business entrepreneurs first edge (A.D. Startsev, M.I. Jankowski, O.V. Lindgolm). The Toponymic notes link the island territories with the names of their discoverers, explorers, industrialists.

The authors conclude that the historical conditionality of development of the islands is linked mainly with the military interests of Russia on its southeastern edge, using the resources of the sea and the unique natural conditions suitable for the development of agricultural, industrial, recreation and tourism.

Keywords: history of discovery of the islands, Peter the Great Bay, the development of the Far East.

1. Введение

Исследование и освоение русскими первопроходцами островов залива Петра Великого Японского моря – одна из интересных страниц истории юга Дальнего Востока середины XIX – первой половины XX вв. Сохраняя преимущественно военное значение на всем протяжении своего исторического развития, наиболее крупные острова с появлением на них русских поселенцев были вовлечены в сельскохозяйственное и промышленное освоение, а с середины XX в. стали активно использоваться для заселения, круглогодичной рыбалки, туризма и летнего отдыха. Целая плеяда русских гидрографов, картографов, военных инженеров, предпринимателей оставила заметный след в топонимике, фортификационных сооружениях, геологических, археологических, ботанических, военно-исторических исследованиях нескольких десятков больших и малых островов, расположенных на далекой окраине России в прибрежной части Японского моря.

2. Материалы и методы

2.1. В работе использованы научные труды и публицистические материалы исследователей островов залива Петра Великого, неопубликованные источники: Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), государственного архива Приморского края (ГАПК), архива Приморского краевого отделения Всероссийской общественной организации

* Corresponding author

E-mail addresses: 300info@mail.ru (A.B. Kosolapov), irina-barashok@yandex.ru (I.V. Barashok), russianbeauty@yandex.ru (N.V. Guremina)

«Русское географическое общество» Общества изучения Амурского края (г. Владивосток) (ОИАК), которые представлены фондами Владивостокской городской управы (РГИА ДВ), исполнительного комитета Владивостокского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГАПК), фондом Ю.А. Кабанова (ОИАК). Из перечисленных фондов в статье использованы источники в форме протоколов, постановлений, справок. Дополнением в изучении проблемы явились материалы периодической печати.

2.2. Методологической основой работы стали принципы историзма и объективности, позволившие рассмотреть проблему исследований и освоения островов залива Петра Великого на широкой документальной основе в процессе развития в конкретных исторических условиях. Использование проблемно-хронологического метода дало возможность деления основной проблемы на более узкие, каждая из которых была изложена в хронологической последовательности.

3. Обсуждение

На протяжении веков акватория залива Петра Великого оставалась неизвестной для европейцев. Морские экспедиции Лаперуза (1786 г.) (Jean-François de Lapérouse, 2005), Броутона (1797 г.) (Высоков, Василевский, Костанов, 2008: 321), Крузенштерна (1804) (Пасецкий, 1974) и Ф.Ф. Беллинсгаузена (1819–1821) (Bulkeley, 2014: 213-216) не оставили ни гидрографические, ни картографические описания этой части Японского моря. И хотя большой морской залив у места впадения в Японское море реки Туманная был нанесен на русскую рукописную карту, скопированную в 1831 г. с китайской карты 1759 г. и на французскую карту миссионеров, составленную по китайским источникам (Алексеев, 1976; Богданов, 2008: 211–219), точного описания берегов и расположения островов не существовало.

4. Результаты

До прихода русских вдоль берегов залива Петра Великого проживали немногочисленные группы китайцев и корейцев, основным занятием которых была добыча морской капусты, трепанга и, как писали первые исследователи Приморья, «других слизняков того же рода» (Алексеев, 1982: 146).

Началом изучения побережья и акватории залива Петра Великого европейцами можно считать 1852 г., когда французы, следовавшие вдоль восточного побережья Кореи на корвете «Каприз», описали западную часть залива Посьета, внутренние бухты и близлежащие острова.

Первым русским судном, посетившем в 1854 г. залив Петра Великого, был фрегат «Паллада» в составе эскадры под предводительством генерал-адъютанта Е.В. Путятин (Милорадович, 1886: 33). Участниками экспедиции была описана акватория от реки Туманная до мыса, названного именем гардемарина Д.И. Гамова, служившего на «Палладе» (Краткий исторический, 1896–1916: 12). Описание, сделанное экипажем «Паллады», было подробнее французского и представляет особую историческую ценность как письменное свидетельство пребывания русских моряков в этих местах. Исследованный залив получил имя старшего офицера К.Н. Посьета, принимавшего участие в экспедиции в качестве переводчика с японского и голландского языков. В числе прочих географических открытий 10 мая 1854 г. офицерами фрегата «Паллада» был описан остров, названный именем И.В. Фуругельма – капитана транспорта «Князь Меншиков» (Сушков, 1972: 54).

Вторая половина 1850-х гг. характеризовалась резким обострением социально-политических противоречий в России, приведших к ослаблению государственности и созданию революционной ситуации 1859–1861 гг. Для усиления обороны восточных рубежей России на Дальний Восток были направлены корабли Балтийского флота: корветы «Гридень», «Посадник», «Рында», клиперы «Наездник», «Опричник», «Разбойник», «Стрелок» и другие суда (Масленников, 1965: 34).

Опасаясь военного вторжения, царское правительство придавало большое значение развитию дипломатических связей с Японией. В первой протокольной встрече с представителями японской стороны принял участие генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Следуя в Россию из японского города Хакодате на пароходо-корвете «Америка», 17 июня 1859 г. Н.Н. Муравьев-Амурский прошел пролив Босфор Восточный и принял решение об основании на его берегах поста Владивосток (Никишин, 2009: 86–87). Экипаж парохода-корвета осмотрел Амурский и Уссурийский заливы и дал им русские названия (Алексеев, 1985: 31).

Морские описи пароходо-корвета «Америка» и клипера «Стрелок», дополненные съемками Особой уссурийской экспедиции, позволили в 1859 г. составить первую отечественную карту залива Петра Великого. В последующие годы гидрографические исследования были продолжены. В них принимали участие топографические службы Военного министерства, использовавшие для этого корабли Сибирской флотилии, а также торговые суда. В 1862 г. масштабную гидрографическую съемку возглавлял подполковник В.М. Бабкин. С 12 августа по 15 октября на корвете «Новик», клипере «Разбойник» и паровом баркасе «Калевала» экспедиция В.М. Бабкина провела морскую опись залива Петра Великого. Были обследованы острова Путятин, Аскольд, Антипенко, Сибирякова, Клерк, Деливрон, Гильдебрандт, Дурново, Пелесье (острова Большой Пелис и Матвеева) и Редклиф (остров Стенина) (Магидович, Магидович, 1985: 96). Одновременно проводилась топографическая съемка островов Попова, Рейнеке, Русский и «12 малых островов», расположенных южнее пролива Босфор-Восточный (Смирнова, 2004: 104–123).

Опись и промеры Амурского залива и морской акватории от мыса Гамова до реки Туманная были продолжены в марте – июле 1863 г. Гидрографическая экспедиция В.М. Бабкина составила карту залива Петра Великого и сделала навигационное описание акватории и островов (Степанов, 1976). Особое внимание участников экспедиции привлек небольшой скалистый остров в Амурском заливе. Расположенный в нескольких сотнях метров от материка, остров напоминал кусок пирога или коврижку («Коврижка» – современное неофициальное название острова) и имел мелководную косу, тянущуюся к побережью и хорошо видимую во время отлива. Первое название острова – Восточный – упомянуто в рапорте начальника Владивостокского порта Е.С. Бурачека командующему Сибирской флотилией П.В. Казакевичу (Бурачек, 1865: 231–237). В 1862 г. остров был назван в честь 20-летнего штурмана корвета «Новик» Михаила Скребцова, участвовавшего в промере глубин в Амурском заливе. На острове Скребцова академиком А.П. Окладниковым в 50-е гг. XX в. обнаружена культура раковинных куч (Окладников, 1959: 182), свидетельствующая о пребывании здесь древних племен в первой половине первого тысячелетия до новой эры.

В 1863 г. экипаж корвета «Калевала» обследовал острова, названные впоследствии по фамилиям ученого-гидрографа, вице-адмирала М.Ф. Рейнеке и П.И. Рикорда, который в 1817–1822 гг., будучи начальником Камчатской области, приложил немало усилий для освоения севера Дальнего Востока. По итогам этих исследований в 1863–1865 гг. Морское министерство России выпустило первые русские карты залива Петра Великого с подробными планами заливов и бухт (История; Смирнова, 2004: 104–123).

В период Крымской войны английский фрегат «Винчестер» (Winchester) и пароход «Барракута» (Barracouta) искали русские корабли на западе Японского моря. Войдя в неизвестный залив, члены экипажа судна описали и нанесли на карту многочисленные полуострова и бухты. Полуостров Муравьев-Амурский был назван англичанами полуостровом Альберта. Острова, расположенные южнее (Русский, Попова, Рейнеке, Рикорда, Шкота и др.), офицеры английской эскадры объединили в архипелаг Императрицы Евгении, названный именем жены императора Франции Наполеона III (Масленников, 1965: 45). Официальное название архипелага Евгении появилось на картах в 1912 г. В начале 1930-х гг. он стал называться Южным архипелагом. В последующие годы оба названия на отечественных картах были утрачены.

В 1880 г. под руководством подполковника Корпуса флотских штурманов А.С. Стенина начала работу Отдельная съемка Восточного океана, продолжившая гидрографические исследования залива Петра Великого, проводимые ранее. В 1886–1889 гг. гидрографические наблюдения в заливе проводил выдающийся русский флотоводец и ученый С.О. Макаров. В 1901 и 1904 гг. русские офицеры – капитан II ранга С. Де-Ливрон и полковник Корпуса флотских штурманов М.А. Клыкков публикуют под грифом Главного Гидрографического управления Морского министерства Лоцию северо-западной части Восточного океана (1 и 2 части). При работе над Лоцией ее составителями были проанализированы и систематизированы гидрографические материалы, полученные во второй половине XIX в., а также многочисленные рапорты, донесения, описания и отчеты командиров кораблей и других лиц (Де-Ливрон, Клыкков, 1901: 32, 1904: 37).

К началу XX столетия гидрографические работы в заливе Петра Великого были в основном завершены, и карта побережья приобрела современный вид. Работы гидрографов XIX в. заложили основу для дальнейших фундаментальных и прикладных исследований по широкому спектру естественных и военных наук.

Интенсивное заселение, военное и хозяйственное освоение побережья залива Петра Великого началось после основания поста Владивосток в 1860 г. Спустя 20 лет Владивосток стал городом и приобрел черты военно-морской крепости, постепенно превращаясь в форпост российской державы на Тихом океане.

Изрезанность береговой линии залива Петра Великого, большое число островов (рис. 1) создавали идеальные условия для строительства фортификационных сооружений, призванных защищать восточные рубежи Российской Империи. К 1881 г. были построены укрепления на перешейке острова Русский, в 1885 г. на мысе Новосильского вошла в строй действующих Новосильцевскую батарея, у мыса Ларионова – батареи Ларионовская Северная, Ларионовская Южная, Ларионовская Уступная и Ларионовская Центральная.

Ожидание войны с Японией требовало усиления обороны Владивостока и модернизации крепостных сооружений. Поэтому в 1887 г. под руководством военного инженера Романовича началась перестройка Южной Ларионовской батареи, сохранившейся до настоящего времени. Спустя год на шпальных клетках были установлены орудия, и батарея вошла в строй действующих. В конце лета 1888 г. для обслуживания островных батарей из Забайкалья прибыл Второй Западно-Сибирский линейный батальон (Хроника, 1888: 5). В 1891 г. к Ларионовскому расходу погребу была построена узкоколейная железная дорога, однако только в 1894 г. строительство батареи под руководством военного инженера Э.О. Маака было полностью завершено (Авилов, Аюшин, Калинин, 2015: 216). К 1904 г. Южная Ларионовская батарея была укомплектована шестью 8-двоймовыми пушками образца 1867 г. и четырьмя 57-мм береговыми пушками Норденфельда (Сафин).

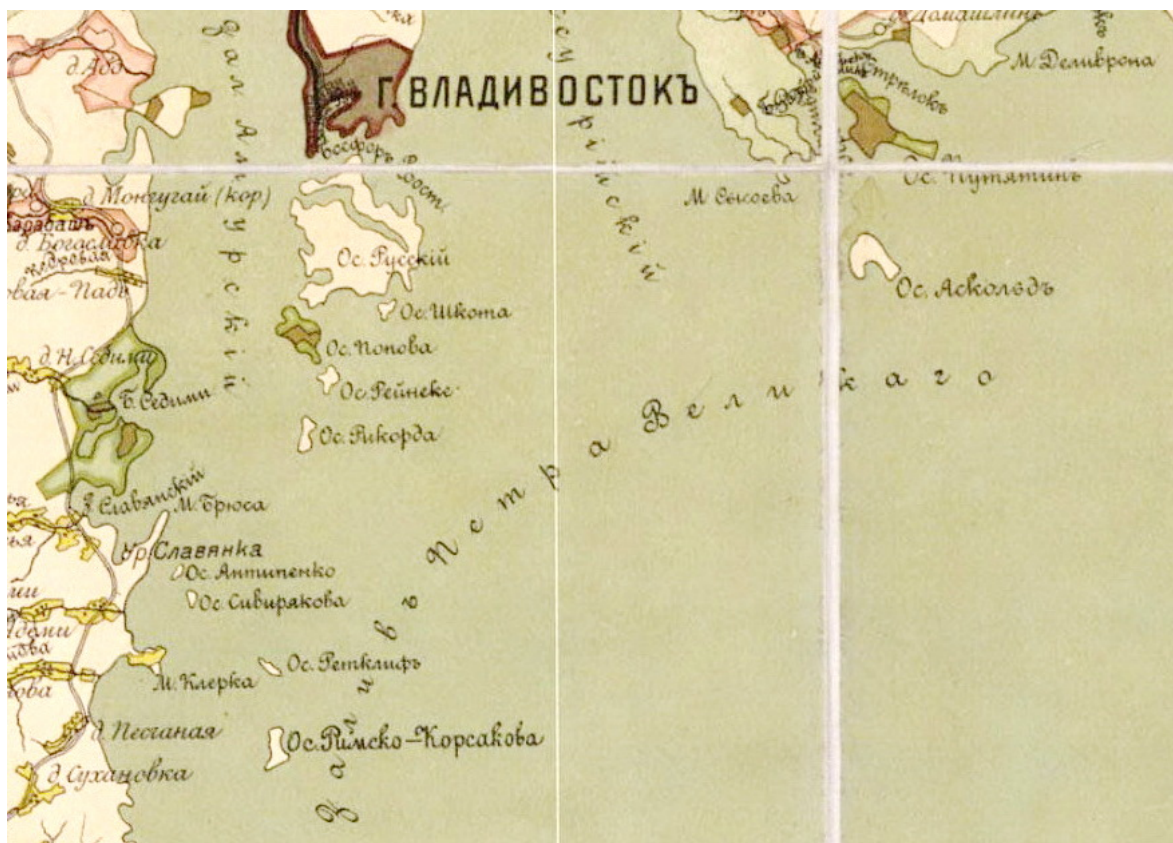

Рис. 1. Фрагмент карты «Заселение Уссурийского края» на основании данных по 1 января 1899 г. (Справочные издания, 1899: 21)

В 1880–1890-е гг. по распоряжению морского министерства в заливе Петра Великого проводятся масштабные гидрографические работы со шлюпочными и судовыми промерами глубин. С мая по июль 1885 г. подпоручик Корпуса флотских штурманов С.А. Варгин вместе с матросами исследовал бухты острова Русский (Приказ, 1885: 1); в 1899 г. промерная партия под руководством Я.М. Иванова проводила замеры в бухте Новик острова Русский, у островов Сибирякова, Антипенко, Циволько и Верховского (Труды, 1890: 2).

В 1892 г. по распоряжению командования крепости Владивосток на острове Аскольд начинает работу постоянный наблюдательный пост. Задача поста заключалась в информировании штаба крепости по телеграфу о японских военных судах, которые могли бы поставить мины при входе в пролив Босфор Восточный. И хотя в русском культурном сознании Япония не представлялась серьезным агрессором на востоке Российской империи (Bartlett, 2008: 8-33), военные приготовления, особенно заметные на островах, прикрывавших Владивосток с моря, постоянно усиливались. В 1898 г. возникла военная необходимость создания судоходного сообщения между бухтой Новик острова Русский и проливом Босфор-Восточный. Для этого на полуострове Саперный был прорыт канал, укрепленный бетонными плитами. Строительство канала привело к образованию искусственного острова, который назвали остров Елена по имени дочери заводчика М. Федорова, построившего кирпичный завод на острове Русский. Берега островов Елена и Русский соединял разводной мост. В настоящее время от него остались разрушающиеся металлические опоры.

После поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. стратегическое значение фортификационных объектов острова Русский уменьшилось. Ни одна из батарей не участвовала в боевых действиях, потому что обстреливающая Владивосток японская эскадра находилась вне досягаемости крепостных орудий.

В годы военной интервенции и Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) острова контролировались представителями японской военной администрации, а морские подступы к Владивостоку – американскими военными кораблями.

В Советский период острова залива Петра Великого сохраняли свое военное значение. После вторжения японских войск в Манчжурию для прикрытия морских подступов к Владивостоку на побережье крупных островов (Русский, Попова и др.) строились фортификационные сооружения. На самой высокой вершине острова Попова – г. Попова – была возведена береговая батарея № 901, имевшая командно-дальномерный пункт и скрытую в лощине огневую позицию.

В конце XIX столетия Уссурийский край начал интенсивно осваиваться новыми поселенцами, выбиравшими для проживания и ведения хозяйства не только материковые, но и островные

территории. О численности населения островов во второй половине XIX в. достоверных сведений нет. На острове Русский преобладали военнослужащие императорской армии, соседствующие с разбросанными по побережью манзами. На других островах жили преимущественно китайцы и в меньшем числе – корейцы.

Увеличение численности населения островов сопровождается их сельскохозяйственным и промышленным освоением. Ускоренным темпом развивается остров Путятин, расцвет которого связан с именем А.Д. Старцева (1838–1900). Сын декабриста Николая Бестужева, А.Д. Старцев, приехав во Владивосток в 1891 г., купил часть территории острова Путятин, а часть острова взял в аренду для создания сельскохозяйственного и промышленного производства. Уже в 1892 г. вольнонаемные крестьяне выращивали на острове овощи, пшеницу, овес и другие злаковые культуры. Морской климат не помешал собрать богатый урожай яблок, груш и персиков.

На острове разместились слесарно-механические мастерские, конный завод, конюшня на 100 лошадей, ипподром, пасека, выращивались породистые свиньи, коровы, овцы, олени, изготавливался шелк (Остров Путятин, 1893: 7–8). В 1893 г. был построен кирпичный завод, производивший 124 тыс. кирпичей в сутки и обеспечивавший почти половину новостроек г. Владивостока. Фарфоровый завод выпускал столовую посуду, вазы, художественные миниатюры. Зимой 1893 г. были завезены новые домашние животные и три верблюда (Хроника, 1893b: 4). Сельскохозяйственная продукция поставлялась на рынки Владивостока – летом морским транспортом, зимой по льду – на санях.

Оберегая природу, А.Д. Старцев запретил охоту, а также стоянку судов вблизи острова и выбросы за борт золы и мусора. О неутомимом вкладе А.Д. Старцева в экономическое развитие Приморской области свидетельствуют несколько дипломов, полученных им в 1899 г. на Амурско-Приморской выставке в г. Хабаровске (Смирнов, 1899: 348–351).

Сельскохозяйственное освоение островов сопровождалось развитием очагов промышленности. Русские моряки, посещавшие в 70-е гг. XIX в. остров Аскольд, обнаруживали десятки китайских старателей, добывавших золото, но не имеющих разрешительных документов на пребывание в России (Аскольд, 1890: 297). В 1875 г. одновременно с выдворением китайских нелегалов были исследованы золотые прииски. Многие известные промышленники Владивостока занимались добычей золота на острове, среди них известный предприниматель О.В. Линдгольм (РГИА ДВ, Ф. 28. Оп. 1. Д. 256. Л. 11). В 1876 г. золотопромышленник Кустер закладывает на берегу бухты «Наездник» приисковый поселок. Добыча золота производилась самым простым способом путем дробления породы и промыванием ее струей воды на решетках. Вскрышными и промывочными работами занимались китайцы, их контролировали несколько русских служащих. Объемы добываемого золота были достаточно велики для того времени, например, в 1892 г. в казну был сдан 1 пуд золота (Хроника, 1893d: 3).

В конце 1860-х гг. прииском руководил ссыльный поляк Чаклеевский, а в 1874–1879 гг. – М.И. Янковский. С именем М.И. Янковского связан расцвет острова Аскольд. Наряду с золотодобычей, он занимался разведением оленей, завез на остров фазанов, боролся с браконьерами, для чего создал местное охотничье общество. После отъезда М.Я. Янковского истребление оленей приняло неконтролируемый характер. Местные манзы отстреливали оленей для добывания пантов, используемых в традиционной китайской медицине. Газета «Владивосток» писала, что панты аскольдских оленей у китайских скупщиков ценились выше пантов оленей, убитых на континенте из-за отсутствия в них примеси крови изюбря (Панты, 1893: 7).

В 1887 г. для прибывшего во Владивосток великого князя А.М. Романова на острове Аскольд была организована охота, которая настолько ему понравилась, что в январе 1888 г. он посодействовал открытию Владивостокского общества любителей охоты. Одной из задач общества была заботы о воспроизведении стада оленей. Спустя два года число оленей на острове Аскольд достигло 4 тыс. голов (Арсеньев, 1978: 201).

Однако меры по охране поголовья оленей не останавливали браконьеров, они по-прежнему промышляли на острове, а в августе 1897 г. застрелили председателя общества любителей охоты Бушуева. После его смерти борьбу с браконьерами продолжил инспектор Владивостокской таможни Ярышкин (Уфимцев, 2013: 4).

После гражданской войны на острове осталось всего несколько десятков оленей. В последующие десятилетия популяция оленей не превышала 350 голов (Присяжнюк, Присяжнюк, 1974: 16–27).

На рифах и островах Аскольд, Рикорда, Верховского, а в зимнее время – на льду на протяжении предшествующих 5–7 тыс. лет обитали тюлени-ларги, ставшие объектом промысла с приходом на юг Дальнего Востока русских переселенцев (Mizuno et al., 2012: 79–96). В 1880–1890-е гг. в заливе Петра Великого местные охотники в сезон ежедневно добывали до 80 тюленей (О нерпичьем промысле, 1893: 5), а общее их число достигало нескольких тысяч (Trukhin, Mizuno, 2002: 1–14).

В 1909 г. владивостокский купец Август Менард арендовал часть острова Рейнеке и стал разрабатывать каменоломни. Распиленные горные породы поставлялись во Владивосток, где их использовали для облицовки подпорных стен и в качестве брусчатки.

В XX в. на островах залива Петра Великого была построены маяки, а на острове Аскольд метеостанция.

Развивающиеся очаги промышленного производства на крупных островах залива Петра Великого в конце XIX в. способствовали появлению регулярного транспортного сообщения. С 1892 г. пароход «Чайка» и четыре шхуны, принадлежавшие А.Д. Старцеву, перевозили грузы и пассажиров с материка на острове Путятина и обратно, а иногда заходили в села Шкотово, Сучан, Посьет и даже посещали японские острова (Морской отдел, 1893: 3). На парусной шхуне «Лебедь» стажировались курсанты Владивостокских мореходных классов. Для ремонта судов был сооружен эллинг.

Отдельная страница в истории хозяйственного освоения островов залива Петра Великого связана с отхожими промыслами китайцев и корейцев, занимавшихся ловом трепанга, заготовкой морских водорослей, выпариванием соли из морской воды, сбором дикорастущих растений и другими работами. Китайские фанзы стояли на всех крупных островах. На острове Русский в 1881 г. насчитывалось около 80 фанз, в которых проживало до 255 бессемейных китайцев. Летом их численность возрастала до 1200 человек (РГИА ДВ, Ф. 28. Оп. 1. Д. 78. Л. 38). Газета «Владивосток» сообщала в 1893 г., что на острове Попова манзы «производят обжигание древесного угля, снабжая им город (Хроника, 1893а: 4), а на острове Русский «живут на берегу бухты Новик» (Хроника, 1893с: 5).

Поощряя работу манз, зарегистрированных в установленном порядке, городская управа при содействии Морского ведомства вела беспощадную борьбу с незаконными мигрантами. Так, в июле 1888 г. десант лодки «Нерпа» в составе нескольких вооруженных солдат, сухопутного офицера и переводчика только на острове Попова арестовал 9 китайцев-манз, не имевших документов и не оплативших пошлину на морской промысел. Манзы были доставлены в Городское полицейское управление Владивостока, где после допроса им были обрезаны косы, чтобы в случае побега в Хунчунь, местные власти могли отличить беглых манз от законопослушных китайцев (Китайское население, 1888: 2).

Малозаселенные острова, расположенные вблизи г. Владивостока, служили убежищем для преступников. Отсюда они совершали набеги на магазины и дома зажиточных граждан. Так, весной 1893 г. хунхузами был ограблен магазин часов японца Мукая на Светланской улице. Скрываясь на островах Русский и Шкота, бандиты нередко применяли оружие против преследовавших их нижних чинов 8 линейного батальона и полицейских надзирателей (Хроника, 1893д: 4).

После установления советской власти островная часть залива Петра Великого вовлекается в интенсивную хозяйственную деятельность. На острове Попова в бухте Алексеевской открывается Приморский зоопитомник (Архив ОИАК, Ф.1. Оп.1. Д. 104. Л. 5), строятся рыбопромысловые базы и рыбообрабатывающие заводы. С середины 1920-х гг. начинается активное заселение острова Русский гражданами жителями (ГАПК, Ф. 86. Оп. 1. Д. 4. Л. 2).

На небольших островах залива Петра Великого в разные годы размещались исправительные лагеря ГУЛАГа. На острове Аскольд с 1929 г. XX в. функционировал лагерь № 3. В 1930-е гг. на островах Пахтусова в женском лагере отбывали срок монахини, высланные из центральных районов России. Во всех островных лагерях заключенные занимались переработкой и засолкой рыбы (Буслаев). На каменоломнях острова Рейнеке в 30–40-е годы работали заключенные ГУЛАГа, а с 1945 по 1955 гг. – военнопленные, разгромленной Квантунской армии.

Исследования островов, акватории залива Петра Великого и прилегающей к нему территории Уссурийского края связаны с именами крупных ученых-естественников второй половины XIX в. Они, как правило, не ограничивались изучением конкретного объекта природы, а собирали материал, отражающий историю, этнографию, флору и фауну, климатические особенности местности и др.

Одним из первых исследователей лесов южной части Дальнего Востока был А.Ф. Будищев – в 1867 г. им были описаны леса островов залива Петра Великого (Будищев, 1867: 35–40). Русским академиком Л.И. Шренком в 1869 г. был опубликован научный труд «Очерк физической географии Северо-Японского моря» (Шренк, 1869), удостоенный Константиновской золотой медали Императорского Русского географического общества. Исследование природы юга Дальнего Востока в конце XIX в. также неразрывно связано с именем академика В.Л. Комарова (1869–1945). Крупнейший ботаник В.Л. Комаров, впоследствии президент АН СССР, в 1895–1897 гг. исследовал обширные прибрежные районы Японского моря, в том числе острова залива Петра Великого (Комаров, 1953).

С начала XX в. исследования залива Петра Великого и его побережья приобретают целевой характер. Появляются работы глубоко анализирующие отдельные компоненты природы или природные процессы. Большая часть их посвящена проблемам геологии, изучения рельефа побережья и гидробиологии (Виттенбург, 1916; Криштофович, 1925).

Первые ботанические сборы на островах залива Петра Великого в начале XX в. проводили А.И. Черский, М.П. Черская и Н.П. Стояновская (в 1913–1914 г.), Т.П. Гордеев (в 1919–1920 гг.), И.В. Козлов (в 1922 г.), И.К. Шишкин (в 1923 г.). Биологические исследования на островах, проведенные в 1920–1930-е гг., освещены в трудах дальневосточных ученых В.И. Засельского (Засельский, 1985), Т.П. Самойлова (Гербарий) и др.

Советская гидрографическая служба на Дальнем Востоке получила в наследство от дореволюционных гидрографических исследований и гидрографической службы полноценную базу, которая позволила уже в 30-х гг. XX в. перейти к планомерной систематической описи всего побережья залива Петра Великого.

С середины 1930-х гг. и до распада СССР часть островов архипелага Императрицы Евгении

(Русский, Рейнеке и др.) имела статус закрытых территорий в связи с решением в основном оборонных задач. Соответственно научные изыскания в этот период не проводились. В настоящее время острова активно изучаются учеными Дальневосточного отделения РАН с целью развития рекреации и туризма, строительства объектов познавательной инфраструктуры и индустрии развлечений (океанариум, велодорожки, торгово-развлекательные комплексы и др.)

5. Заключение

Таким образом, исследования и освоение островов залива Петра Великого Японского моря середины XIX – первой половины XX вв. были обусловлены преимущественно военными интересами России на ее юго-восточной окраине. Приобретая черты военно-морской крепости, Владивосток с прилегающими островами к началу Первой Мировой войны стал форпостом российской державы на Тихом океане. В последующие десятилетия стратегическое военное положение островов сохранялось, но все большее значение приобретала хозяйственная деятельность, связанная с рыбообработкой и развитием марикультуры. С 1990-х гг. и до настоящего времени происходит процесс демилитаризации островов и вовлечение их в рекреационно-туристскую деятельность сезонного характера.

Литература

Авилов, Аюшин, Калинин, 2015 – *Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И.* Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток: Дальнаука, 2015.

Алексеев, 1976 – *Алексеев А.И.* Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1976.

Алексеев, 1982 – *Алексеев А.И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. М.: Наука, 1982.

Алексеев, 1985 – *Алексеев А.И.* Как начинался Владивосток. Владивосток: Дальневост. книжн. изд-во, 1985.

Арсеньев, 1978 – *Арсеньев В.К.* Дерсу Узала. Минск: «Беларусь», 1978.

Архив ОИАК – Архив Общества изучения Амурского края.

Аскольд, 1890 – Аскольд, остров // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890. Т. 2.

Богданов, 2008 – *Богданов К.М.* Картографический фонд рукописного собрания ИВР РАН: краткая характеристика и описание // Письменные памятники Востока, 1(8), 2008.

Будищев, 1867 – *Будищев А.Ф.* Описание лесов части Приморской области // Записки Сибирского отделения ИРГО. Иркутск, 1867. Вып. 9, 10.

Бурачек, 1865 – *Бурачек Е.С.* Воспоминания Заамурского моряка. Жизнь во Владивостоке // Морской сборник. 1865. Т. 79.

Буслаев – *Буслаев В.* История тюрем Приморья – от ГУЛАГа до ИТЛ. URL: <http://novostivl.ru/msg/6278.htm> (дата обращения: 09.03.2016).

Виттенбург, 1916 – *Виттенбург П.В.* Геологическое описание полуострова Муравьева-Амурского и архипелага Императрицы Евгении // Записки ОИАК. Т. XV. Ч. I. Петроград, 1916.

Высоков, Василевский, Костанов, 2008 – *Высоков М.С., Василевский А.А., Костанов А.И.* и др. История Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008.

ГАПК – Государственный архив Приморского края.

Гербарий – Гербарий Биолого-почвенного института ДВО РАН / «Дальневосточный региональный гербарий». URL: http://www.sevin.ru/collections/herbacoll/coll_list/coll15.html (дата обращения: 09.03.2016).

Де-Ливрон, Клыков, 1901, 1904 – *Де-Ливрон С., Клыков М.* Лоция северо-западной части Восточного океана. Ч. I, II. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1901. 1904.

Засельский, 1985 – Засельский В.И. Ихтиологические и гидробиологические исследования на Дальнем Востоке (1923–1941 гг.). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1985.

История – История штурманской службы. Штурман Бабкин Василий Матвеевич. URL: http://shurman-tof.ru/History/History_4/History_4_5.htm (дата обращения: 09.03.2016).

Китайское население, 1888 – Китайское население Уссурийского края во второй половине XIX – начале XX веков // Владивосток, 1888. № 30. 24 июля.

Комаров, 1953 – *Комаров В.Л.* Избранные сочинения. Т. 9. Труды по Сибири и Дальнему Востоку. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Краткий исторический, 1896–1916 – Краткий исторический очерк гидрографии русских морей: [в 4 ч.] / [составили: ч. 1 – Плансон, ч. 2 – Белов и Плансон, ч. 4 – А.И. Крыжановский]. Санкт-Петербург: типография Морского министерства, 1896–1916.

Криштофович, 1925 – *Криштофович А.Н.* Геологические исследования берегов залива Петра Великого от бухты Посыета до мыса Сысоева и прилегающей части берега Японского моря до бухты Абрек с островами Пуятин и Аскольд // Изв. Геологического комитета. 1925. Т. 49. № 2.

- Магидович, Магидович, 1985 – Магидович В.И., Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. Т. 4. М., 1985.
- Масленников, 1965 – Масленников Б.Г. Залив Петра Великого. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1965.
- Милорадович, 1886 – Милорадович Г.А. Путятин Евфимий Васильевич. / Царствование императора Николая I (1825–1855 гг.). Генерал-адъютанты // Список лиц свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. По старшинству дня назначения. Генерал-адъютанты, свиты генерал-майоры, флигель-адъютанты, состоящие при особах, и бригад-майоры. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1886.
- Морской отдел, 1893 – Морской отдел // Владивосток, 1893. № 1. 3 января.
- Никишин, 2009 – Никишин А. Переслуживать – преступление // Власть. 2009. № 7–8 (99).
- Окладников, 1959 – Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, Приморское книжное изд-во, 1959.
- О нерпичьем промысле, 1893 – О нерпичьем промысле // Владивосток, 1893. 26 сент. № 39.
- Остров Путятин, 1893 – Остров Путятин // Владивосток. 1893. 13 июня. № 24.
- Панты, 1893 – Панты на континенте и на Аскольде // Владивосток, 1893. № 10. 7 марта.
- Пасецкий, 1974 – Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн (1770–1846). М.: Наука, 1974.
- Приказ, 1885 – Приказ Главного командира портов Восточного океана 19 мая за № 209 // Владивосток, 1885. № 21. 26 мая.
- Присяжник, Присяжник, 1974 – Присяжник В.Е., Присяжник Н.П. Пятнистые олени (*Cervus nippon* Temm.) на острове Аскольд // Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел биологический. 1974. Т. 79. Вып. 3.
- РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
- Сафин – Сафин Р. Остров Елены, Приморский край. Военно-исторический клондайк или остров «изгнанного» Короля. URL: <http://forum.awd.ru/viewtopic.php?t=241217> (дата обращения: 09.03.2016).
- Смирнов, 1899 – Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке в 1899 г. в гор. Хабаровске. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, 1899.
- Смирнова, 2004 – Смирнова Е.В. Гидрографические исследования залива Петра Великого XIX века // Дальневосточный морской биосферный заповедник. Исследования. Т. 1. Владивосток: Дальнаука, 2004.
- Справочные издания, 1899 – Справочные издания переселенческого управления Министерства внутренних дел. Картографическое заведение А. Ильина в Санкт-Петербурге. 1899. 38 с.
- Степанов, 1976 – Степанов А.И. Русский берег: история географических названий. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1976.
- Сушков, 1972 – Сушков Б.А. Дальневосточные моря и побережья. Историко-географический обзор. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1972.
- Труды, 1890 – Труды отдельной съемки // Владивосток, 1890. № 9. 4 марта.
- Уфимцев, 2013 – Уфимцев Ю. Охота пуце неволи // Московский комсомолец, 2013. 6 ноября.
- Хроника, 1888 – Хроника // Владивосток, 1888. № 27. 3 июля.
- Хроника, 1893a – Хроника // Владивосток, 1893. № 1. 3 января.
- Хроника, 1893b – Хроника // Владивосток, 1893. № 5. 31 января.
- Хроника, 1893c – Хроника // Владивосток, 1893. № 6. 7 февраля.
- Хроника, 1893d – Хроника // Владивосток, 1893. № 15. 11 апреля.
- Шренк, 1869 – Шренк Л.И. Очерк физической географии Северо-Японского моря. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869.
- Bartlett, 2008 – Bartlett R. Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness // The Russian Review. 2008. Vol. 67, iss. 1.
- Bulkeley, 2014 – Bulkeley R. The early history of Peter I Island // Polar Record. 2014. Vol. 50, iss. 2.
- Jean-François de Lapérouse, 2005 – Jean-François de Lapérouse. Voyage autour du monde sur l'Astrolabe et la Boussole. – Paris.: La Découverte / Poche, 2005.
- Mizuno, Wada, Ishinazaka, 2002 – Mizuno A.W., Wada A., Ishinazaka T. et al. Distribution and abundance of spotted seals *Phoca largha* and ribbon seals *Phoca fasciata* in the southern Sea of Okhotsk // Ecological Research. 2002. Vol. 17, iss. 1.
- Trukhin, Mizuno, 2002 – Trukhin A.M., Mizuno A.W. Distribution and abundance of the largha seal (*Phoca largha* Pall.) on the coast of Primorye Region (Russia): a literature review and survey report // Mammal Study. 2002. Vol. 27, N 1.

References

- Avilov, Ayushin, Kalinin, 2015 – Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': voiska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. Chast' IV. Inzheneriy Vladivostokskoi kreposti: schastlivye lyudi [Vladivostok Fortress: military, fortification, events, people. Part IV. Engineers Vladivostok Fortress: happy people]. Vladivostok: Dal'nauka, 2015. [in Russian].
- Alekseev, 1976 – Alekseev A.I. Russkie geograficheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke i v Severnoi Amerike (XIX – nachalo XX v.) [Russian geographical studies in the Far East and North America (XIX –

early XX century)]. M.: Science, 1976. [in Russian].

Alekseev, 1982 – *Alekseev A.I.* Osvoenie russkimi lyud'mi Dal'nego Vostoka i Russkoi Ameriki do kontsa XIX v. [The development of the Russian people and the Russian Far East, America until the end of the XIX century]. M.: Science, 1982. [in Russian].

Alekseev, 1985 – *Alekseev A.I.* Kak nachinal'sya Vladivostok. [As Vladivostok began]. Vladivostok: Far East Publishing House, 1985. [in Russian].

Arsen'ev, 1978 – *Arsen'ev V.K.* Dersu Uzala. [Dersu Uzala]. Minsk: «Belarus», 1978. [in Russian].

OIAK - Archive Society for the Study of the Amur region.

Askol'd, 1890 – Askol'd, ostrov [Askold island]. Collegiate Dictionary F.A. Brockhaus and I.A. Efron. St. Petersburg, 1890. Vol. 2. [in Russian].

Bogdanov, 2008 – *Bogdanov K.M.* Kartograficheskii fond rukopisnogo sobraniya IVR RAN: kratkaya kharakteristika i opisanie [Cartographic fund manuscript collection of the IOM RAS: brief characterization and description]. Written Monuments East, 1 (8), 2008, [in Russian].

Budishchev, 1867 – *Budishchev A.F.* Opisanie lesov chasti Primorskoj oblasti. [Description forests of the Maritime region]. Notes Siberian Branch of the Russian Geographical Society. Irkutsk, 1867. Vol. 9, 10. [in Russian].

Burachek, 1865 – *Burachek E.S.* Vospominaniya Zamuurskogo moryaka. Zhizn' vo Vladivostoke. [Memories Zamuurskogo sailor. Living in Vladivostok]. // Morskoi sbornik. 1865. Vol. 79. [in Russian].

Buslaev - Buslaev V. Istoriya tyurem Primor'ya – ot GULAGA do ITL. [History of Primorye prisons – from the Gulag to the ITL] URL: <http://novostivl.ru/msg/6278.htm> (date of the application: 09.03.2016). [in Russian].

Vittenburg, 1916 – *Vittenburg P.V.* Geologicheskoe opisanie poluostrova Murav'eva-Amurskogo i arhipelaga Imperatritsy Evgenii. [Geological description of the peninsula Muraviev-Amur and Eugénie Archipelago]. Zapiski OIAK. Vol. X. P. I. Petrograd, 1916. [in Russian].

Vysokov, Vasilevskii, Kostanov, 2008 – *Vysokov M.S., Vasilevskii A.A., Kostanov A.I. et al.* Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov. [The history of Sakhalin and the Kurile Islands]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Publishing House, 2008. [in Russian].

HAPK - State archive of Primorsky Territory.

Gerbarii - Gerbarii Biologo-pochvennogo instituta DVO RAN / «Dal'nevostochnyi regional'nyi gerbarii». [Herbarium of Biology and Soil Science FEB RAS / «Far Eastern Regional Herbarium»]. URL: http://www.sevin.ru/collections/herbacoll/coll_list/coll15.html (date of the application: 09.03.2016). [in Russian].

De-Livron, Klykov, 1901, 1904 – *De-Livron S., Klykov M.* Lotsiya severo-zapadnoi chasti Vostochnogo okeana [Pilotage north-western part of the Eastern Ocean.]. P. I, II. Petersburg: Printing house Marine Ministry, 1901. 1904. [in Russian].

Zasel'skii, 1985 – *Zasel'skii V.I.* Ikhtologicheskie i gidrobiologicheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke (1923–1941). [Ichthyological and hydrobiological studies in the Far East (1923-1941)]. Vladivostok: Far Eastern Research Center of the USSR Academy of Sciences, 1985. [in Russian].

Istoriya – Istoriya shturmanskoi sluzhby. Shturman Babkin Vasilii Matveevich. [History of navigation service. The navigator Babkin Vasily Matveevich] URL: http://shturman-tof.ru/History/History_4/History_4_5.htm (date of the application: 09.03.2016). [in Russian].

Kitaiskoe naselenie, 1888 – Kitaiskoe naselenie Ussuriiskogo kraya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [The Chinese population of the Ussuri region in the second half of XIX – early XX centuries]. Vladivostok, 1888. № 30. 24 July. [in Russian].

Komarov, 1953 – *Komarov V.L.* Izbrannye sochineniya. T. 9. Trudy po Sibiri i Dal'nemu Vostoku. [Selected works. Vol. 9. Proceedings in Siberia and the Far East]. M.: Publisher of the USSR Academy of Sciences, 1953. [in Russian].

Kratkii istoricheskii, 1896–1916 – *Kratkii istoricheskii ocherk gidrografii russkikh morei.* [A brief historical sketch of hydrography Russian seas: in 4 parts]. [were as follows: Part 1 – Planson, Part 2 – Belov and Punch, Part 4 – A.I. Kryzhanovskiy]. St. Petersburg: Typography Naval Ministry, 1896-1916. [in Russian].

Krishtofovich, 1925 – *Krishtofovich A.N.* Geologicheskoe issledovaniya beregov zaliva Petra Velikogo ot bukhty Pos'eta do mysy Sysoeva i privileyushchei chasti berega Yaponskogo morya do bukhty Abrek s ostrovami Putyatin i Askol'd [Geological research off the coast of the Gulf of Peter the Great Bay to Cape Pos'eta Sysoev and the adjacent part of the coast of the Japan Sea to the Bay of Islands with Abrek Putyatin and Askold] // Izvestiya Geologicheskogo komiteta. Vol. 49. № 2. [in Russian].

Magidovich, Magidovich, 1985 – *Magidovich V.I., Magidovich I.P.* Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytii. [Essays on the history of geographical discoveries]. Vol. 4. M., 1985. [in Russian].

Maslennikov, 1965 – *Maslennikov B.G.* Zaliv Petra Velikogo. [Peter the Great Bay]. Vladivostok: Far Eastern Publishing House, 1965. [in Russian].

Miloradovich, 1886 – *Miloradovich G.A.* Putyatin Evfimii Vasil'evich. / Tsarstvovanie imperatora Nikolaya I (1825–1855 g.). General-ad'yutanty // Spisok lits svity ikh velichestv s tsarstvovaniya imperatora Petra I po 1886 g. Po starshinstvu dnya naznacheniya. General-ad'yutanty, svity general-maiory, fligel'-ad'yutanty, sostoyashchie pri osobakh, i brigad-maiory. [Putyatin Euthymios Vasilevich / Emperor's reign of Nicholas I (1825-1855). Adjutant General // Formation persons List of Their Majesties the reign of Emperor

- Peter I on 1886 seniority date of appointment. Adjutant General, Major-General suite, adjutant, held in a special way, and promoted to major teams.]. Kiev: Printing house S.V. Kul'zhenko, 1886. [in Russian].
- Morskoi otdel, 1893** – Morskoi otdel [Marine department]. Vladivostok, 1893. № 1. January 3. [in Russian].
- Nikishin, 2009** – *Nikishin A.* Peresluzhivat' – prestuplenie [Excessively serve – crime] // *Vlast'*. 2009. № 7–8 (99). [in Russian].
- Okladnikov, 1959** – *Okladnikov A.P.* Dalekoe proshloe Primor'ya. [The distant past of Primorye]. Vladivostok, Primorsky Publishing House, 1959. [in Russian].
- O nerpich'em promysle, 1893** – O nerpich'em promysle [About a seal fishery]. Vladivostok, 1893. September 2. № 39. [in Russian].
- Ostrov Putyatin** – Ostrov Putyatin [Putyatin Island]. Vladivostok. 1893. July 2. № 24. [in Russian].
- Panty, 1893** – Panty na kontinente i na Askol'de [Antlers on the continent and in the Askold]. Vladivostok, 1893. № 10. March 7. [in Russian].
- Pasetskii, 1974** – *Pasetskii V.M.* Ivan Fedorovich Kruzenshtern (1770–1846). M.: Science, 1974. 176 p. [in Russian].
- Prikaz 1885** – Prikaz Glavnogo komandira portov Vostochnogo okeana 19 maya za № 209. [Order of the Chief Commander of the Eastern ocean ports for May 19 number 209]. Vladivostok, 1885. № 21. May 26. [in Russian].
- Prisyazhnyuk, Prisyazhnyuk, 1974** – *Prisyazhnyuk V.E., Prisyazhnyuk N.P.* Pyatnistye oleni (*Cervus nippon* Tett.) na ostrove Askol'd. [Sika deer (*Cervus nippon* Terr.) on Askold Island]. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody, biology department.* 1974. Vol. 79. № 3. [in Russian].
- FE RSHA** - Russian State Historical Archive of the Far East.
- Safin** – *Safin R.* Ostrov Eleny, Primorskii krai. Voенно-istoricheskii klondaik ili ostrov «izgnannogo» Korolya. [Helena Island, Primorsky Region. Military History Klondike island or «exiled» King]. URL: <http://forum.awd.ru/viewtopic.php?t=241217> (date of the application: 09.03.2016). [in Russian].
- Smirnov, 1899** – *Smirnov E.T.* Priamurskii krai na Amursko-Primorskoi vystavke v 1899 g. v gor. Khabarovske. [Amur region on the Maritime – exhibition in 1899 in the city of Khabarovsk]. Khabarovsk: Printing Office of the Amur Governor-General. 1899. [in Russian].
- Smirnova, 2004** – *Smirnova E.V.* Gidrograficheskie issledovaniya zaliva Petra Velikogo XIX veka [Hydrographic research Peter the Great Bay of the XIX century]. Far East Marine Biosphere Reserve. Research. Vol. 1. Vladivostok: Dal'nauka, 2004. [in Russian].
- Spravochnye izdaniya, 1899** – Spravochnye izdaniya pereselencheskogo upravleniya Ministerstva vnutrennikh del. [Reference books Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs]. Ordnance Survey Institution Ilyin in St. Petersburg. 1899. [in Russian].
- Stepanov, 1976** – *Stepanov A.I.* Russkii bereg: istoriya geograficheskikh nazvaniy. [Russian coast: history of geographical names.]. Vladivostok: Far East Publishing House, 1976. [in Russian].
- Sushkov, 1972** – *Sushkov B.A.* Dal'nevostochnye morya i poberezh'ya. Istoriko-geograficheskii obzor. [Far Eastern seas and coasts. Historical and geographical overview.]. Vladivostok: Far East Publishing House, 1972. [in Russian].
- Trudy, 1890** – Trudy otdel'noi s'emki [Proceedings of a separate survey]. Vladivostok. 1890. № 9. March 4. [in Russian].
- Ufimtsev, 2013** – *Ufimtsev Yu.* Okhota pushche nevoli [Hunting Forest captivity]. *Moskovskii komsomolets*, 2013. November 6. [in Russian].
- Khronika, 1888** – Khronika [Chronicle]. Vladivostok. 1888. № 27. July 3. [in Russian].
- Khronika, 1893a** – Khronika [Chronicle]. Vladivostok. 1893. № 1. January 3. [in Russian].
- Khronika, 1893b** – Khronika [Chronicle]. Vladivostok. 1893. № 5. January 31. [in Russian].
- Khronika, 1893c** – Khronika [Chronicle]. Vladivostok. 1893. № 6. February 7. [in Russian].
- Khronika, 1893d** – Khronika [Chronicle]. Vladivostok. 1893. № 15. April 11. 3-4. [in Russian].
- Shrenk, 1869** – *Shrenk L.I.* Oчерк fizicheskoi geografii Severo-Yaponskogo morya. [Essay on physical geography of the North Sea of Japan]. St. Petersburg: Printing of the Imperial Academy of Science, 1869. [in Russian].
- Bartlett, 2008** – *Bartlett R.* Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness // *The Russian Review.* 2008. Vol. 67, iss. 1.
- Bulkeley, 2014** – *Bulkeley R.* The early history of Peter I Island // *Polar Record.* 2014. Vol. 50, iss. 2.
- Jean-François de Lapérouse, 2005** – *Jean-François de Lapérouse.* Voyage autour du monde sur l'Astrolabe et la Boussole. – Paris.: La Découverte / Poche, 2005.
- Mizuno, Wada, Ishinazaka, 2002** – *Mizuno A.W., Wada A., Ishinazaka T. et al.* Distribution and abundance of spotted seals *Phoca largha* and ribbon seals *Phoca fasciata* in the southern Sea of Okhotsk // *Ecological Research.* 2002. Vol. 17, iss. 1.
- Trukhin, Mizuno, 2002** – *Trukhin A.M., Mizuno A.W.* Distribution and abundance of the largha seal (*Phoca largha* Pall.) on the coast of Primorye Region (Russia): a literature review and survey report // *Mammal Study.* 2002. Vol. 27, № 1.

УДК 94(574)

История исследований и освоения островов залива Петра Великого Японского моряАлександр Борисович Косолапов, ^{a, *}, Ирина Викторовна Барашок ^a, Нонна Викторовна Гуремина ^a^a Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история открытия, исследования и освоения русскими первопроходцами островов залива Петра Великого Японского моря с середины XIX в.

В работе использованы научные труды и публицистические материалы исследователей островов залива Петра Великого, неопубликованные источники: Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, государственного архива Приморского края, архива Приморского краевого отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» Общества изучения Амурского края.

Методологической основой работы стали принципы историзма и объективности, позволившие рассмотреть проблему исследований и освоения островов залива Петра Великого на широкой документальной основе в процессе развития в конкретных исторических условиях.

Представлена история гидрографических открытий, природных и географических исследований. Затрагиваются вопросы строительства Владивостокской крепости. На материалах периодической печати воссоздаются страницы сельскохозяйственного и промышленного освоения островов. Приведены примеры хозяйственной деятельности первых предпринимателей края (А.Д. Старцева, М.И. Янковского, О.В. Линдгольма). Отмечается *топонимическая связь* островных территорий с именами их первооткрывателей, исследователей, промышленников.

В заключение исследования авторы приходят к выводу, что историческая обусловленность развития островов, связана преимущественно с военными интересами России на ее юго-восточной окраине, с использованием ресурсов моря и уникальных природных условий, пригодных для развития сельскохозяйственного, промышленного производства, рекреации и туризма.

Ключевые слова: история открытия островов, залив Петра Великого, освоение Дальнего Востока.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: 300info@mail.ru (А.Б. Косолапов),
irina-barashok@yandex.ru (И.В. Барашок), russianbeauty@yandex.ru (Н.В. Гуремина)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 441-447, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:339.1 – 051(470+571) «18/19»

Age-Sex Marriage and the Family Structure of the Guild Merchants Yenisei Province 1860 – early XX centuries

Irina O. Tuman-Nikiforova ^{a, *}, Valery I. Fedorchenko ^a, Natalia V. Pashina ^a, Igor I. Krylov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article in the light of the modernization theory explains how was changed the age and gender of marital and family structures guild merchants Yenisei province in the 60-ies XIX – early XX centuries. The particular attention is paid to the processes of transformation of traditional society into an industrial-based analysis of demographic indicators of the merchant class. Based on the archival materials, many of which are first introduced into scientific circulation the authors analyze the age and sex and family and marriage patterns of guild merchants. The article presents a comparison study with other indicators of Siberian regions and national trends. It was revealed that the family and marriage structure of the merchants of the Yenisei province in the study period was influenced by traditional norms, although the trend towards degradation of family forms, first of all, the patriarchal type, characteristic of the rise of modernization processes, traced, especially in urban areas.

Keywords: guild merchants, Yenisei Province, modernization, age and sex structure, the structure of the family and marriage.

1. Введение

Вторая половина XIX – начало XX вв. – время активизации модернизационных процессов в Российской империи, захвативших, в первую очередь, сферу экономики, где началось становление промышленного сектора и переход на рыночную основу (Ous, 2003: 319). Основным субъектом модернизации, выступала буржуазия, формирование которой происходило в рамках купеческого сословия, пребывание в котором подтверждалось ежегодно и давало право на предпринимательскую деятельность. В социальной сфере индикатором процесса модернизации, выступают демографические изменения, прежде всего трансформация половозрастной и семейно-брачной структур. Они наглядно отображают модернизационную динамику социальных процессов, степень разрушения традиционной культуры, нарастание социальной мобильности, эмансипационные и урбанизационные процессы.

Территориальные рамки нашего исследования ограничены пределами Енисейской губернии, включавшей в изучаемый период пять округов (уездов): Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский, Енисейский.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование заявленной проблемы опиралось на широкий круг архивных источников, из фондов Государственного архива Красноярского края, архивов городов Канска и Ачинска, Красноярского краеведческого музея. Большое значение для анализа проблемы имели сведения сословно-личностной характеристики купечества, сосредоточенные в именных ведомостях гильдейства (фонды Енисейской губернской казенной палаты, Красноярской городской думы).

* Corresponding author

E-mail addresses: ituman-nikiforova@yandex.ru (I.O. Tuman-Nikiforova), vfedorchenko@mail.ru (V.I. Fedorchenko), nvpashina@yandex.ru (N.V. Pashina), krilov24@yandex.ru (I.I. Krylov)

Важные статистические сведения содержатся в «Памятных книжках» и «Статистических обзорах» Енисейской губернии.

2.2. Для анализа обозначенных источников были использованы универсальный метод историзма, позволивший воспроизвести динамику половозрастной и семейно-брачной структуры гильдейского купечества, со всеми его общими, особенными, а так же уникальными чертами. Сравнительно-исторический метод позволил провести типологизацию процесса, одновременно выявить его генетические истоки и региональную специфику.

Методология исследования базируется на теории модернизации, под которой в исторической науке понимается противопоставление современного – традиционному, настоящего – прошлому, как исторический переход по линии «доиндустриальное – индустриальное (модерновое)» общество, как процесс изменения политических и социально-экономических механизмов развития общества по критериям западной (буржуазной) цивилизации.

3. Обсуждение

В дореволюционной и советской историографии проблемы купечества как социальной группы изучались мало. В постсоветский период возрос интерес ученых к рыночному опыту Российской империи. В спектре внимания оказались и демографические проблемы эволюции гильдейского купечества разных регионов Сибири (Зуева, 2007; Скубневский, 1994; Гончаров, 2003; Бойко, 1996; Shaidurov, 2014). Исключение не составила и Енисейская губерния. Е.В. Комлева, на примере конца XVIII – первой половины XIX вв. (Комлева, 2006), и И.О. Туман-Никифорова, на примере второй половины XIX – начала XX вв. (Туман-Никифорова, 2003), в системных исследованиях затронули проблемы эволюции купеческой семьи. Однако заметим, во-первых, что специализированных выводов по проблеме половозрастной и семейно-брачной структур гильдейского купечества Енисейской губернии в пореформенный период в аспектах сравнительного анализа с другими регионами Сибири, до сих пор не сделано. Во-вторых, методологическое рассмотрение проблемы эволюции купеческой семьи, в рамках теории модернизации дает возможность рассмотрения динамики внутри сословных изменений сквозь призму социальных процессов в регионе.

4. Результаты

4.1. Половозрастная структура гильдейского купечества

Во второй половине XIX в. половозрастная структура гильдейского купечества Енисейской губернии претерпевала определенные изменения. Исследования соотношения полов, на основании сведенных воедино и подсчитанных нами статистических данных свидетельствуют о том, что в составе купеческого сословия Енисейской губернии происходит сокращение представителей мужского пола с 54,6 % в 1861 г. до 45,3 % в 1910 г. и увеличение лиц женского пола с 45,4 до 54,7 %. Данная тенденция одинаково наблюдается как в городах, где доля мужчин-купцов внутри сословия сократилась с 55 % до 45,8 %, а доля женщин выросла с 44,9 % до 54,2 %, так и по округам (с 52,5 % до 43,1 % и с 47,5 % и до 56,9 %, соответственно) (Памятная книжка..., 1863: 12; Статистический обзор..., 1911: 27).

Описанная динамика свидетельствует о прекращении пополнения купеческого сословия Енисейской губернии новыми представителями из других регионов, поскольку приток переселенцев осуществлялся преимущественно за счёт лиц мужского пола. Купечество, проживающее в городах, представляло собой более открытую социальную структуру, в сравнении представителями сословия из сельской местности. В течение исследуемого периода оно более активно пополняло свой состав за счёт переселения экономически активного населения – потенциальных кандидатов в купеческие кадры, в города – центры торгово-промышленной деятельности.

Доминирующая часть купцов Енисейской губернии, выбравших на свое имя гильдейское свидетельство, были людьми среднего возраста, имеющими семьи. Дочери, при обретении брачного статуса, выписывались из семьи родителей, а сыновья оставались в свидетельстве отца, даже после обретения собственной семьи. Исключением служило приобретение сыном собственного свидетельства. Поэтому снижение численности мужчин в сословии в конце XIX – начале XX вв. также объясняется возросшей экономической самостоятельностью сыновей, вышедших из родительского свидетельства, но в гильдейство не вошедших.

Особенно стремительное уменьшение лиц мужского пола в сословии с 51,2 % до 45,3 %, и сопутствующее ему резкое увеличение лиц женского пола с 48,8 % до 54,7 % наблюдается в губернии в первое десятилетие XX в. (Памятная книжка..., 1892: 89). Данная тенденция объясняется вступлением в силу «Положения о государственном промысловом налоге» от 8 июня 1898 г. (Полное собрание..., 15601), установившего новую подоходно-прогрессивную систему налогообложения в Российской империи и разорвавшим связь сословности с коммерцией. Описанное изменение в половозрастной структуре гильдейства совпадало как с общесибирской, так и общероссийской тенденцией, нареченной исследователями «превращением гильдейского купечества в сословие призраков» (Nasyrova, 2014: 338).

Однако, в динамике половозрастных колебаний купечества Енисейской губернии в пореформенный период наблюдается непродолжительный «виток» увеличения численности

гильдейцев в конце 90-х XIX в., на фоне общероссийского спада после 1898 г. (Туман-Никифорова, 2003: 35–42). Мы проследили реакцию половозрастной структуры и зафиксировали в ней «виток» увеличения численности лиц мужского пола в сословии с 49,4 % в 1890 до 51,2 % 1900 г., при одновременном сокращении доли женщин с 50,6 % до 48,8 % соответственно (Памятная книжка..., 1892: 89; *Памятная книжка..., 1900: 149*). Этот кратковременный «выраж» объясняется влиянием местного регионального экономического фактора, а именно экономическим подъемом в губернии, вызванного строительством Транссибирской магистрали.

Перейдем к анализу соотношения полов купцов, выбравших на свое имя гильдейское свидетельство, т.е. непосредственно занимавшихся коммерцией. Женщины, назовем их «купчихи-предпринимательницы», по нашим подсчетам в 1861 и 1905 гг. составляли 8,4 % и 8,3 % общей численности купцов соответственно (подсчитано по: ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Лл. 1–21, 37–49, 76–94, 101–127, 139–147; ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1660. Лл. 1–8, 10–19, 22–33, 34–42, 51–57). Для сравнения в Томской губернии, самой экономически развитой в Сибири в исследуемый период, доля «купчих-предпринимательниц» была 10–15 % (Гончаров, 2003: 122). Выявленная разница объясняется меньшим проникновением модернизационных процессов в более удаленные от центра регионы страны.

Анализ возрастной структуры купцов, выбравших на свое имя гильдейское свидетельство, показывает доминантную сосредоточенность в купечестве людей среднего и пожилого возраста примерно от 25 до 60 лет. Например, в 1905 г. возраст 123 купцов Енисейской губернии был: до 25 лет – 2 чел. (1,6 %), от 25 до 45 – 44 чел. (35,8 %), от 45 до 60 – 60 чел. (48,8 %), старше 60 – 17 чел. (13,8 %) (подсчитано по: ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Лл. 1–21, 37–49, 76–94, 101–127, 139–147; ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1660. Лл. 1–8, 10–19, 22–33, 34–42, 51–57). Малочисленная группа купцов в возрасте менее 25 лет объясняется недостатком опыта, финансов, связей и, самое главное, включением предпринимателя в свидетельство отца. Уменьшение доли гильдейцев – предпринимателей в возрасте после 60-ти лет было связано с высоким уровнем смертности с данной возрастной границы в традиционном обществе.

4.2. Семейно-брачная структура гильдейского купечества

Переходя к анализу семейной структуры гильдейства, стоит отметить, что семья в изучаемый период выполняла демографическую, социальную и экономическую функцию. Купеческий гильдейский капитал, кроме заявившего его лица, мог включать в себя еще нескольких предпринимателей, как правило, сыновей. (*Свод законов..., 1911: 160*). К примеру, известный минусинский гильдеец Г.П. Сафьянов начал заниматься коммерцией по свидетельству отца П.Г. Сафьянова с 12 лет (*Сибирский..., 1915: 509*).

До конца XIX в. в сибирской купеческой семье присутствовало ярко выраженное стремление к целостности капитала, объяснявшееся фискальными интересами и слабой экономической мощностью сибирского гильдейства. Отделение женатого сына от капитала отца, зачастую приводило к выходу последнего из состава гильдейства. Например, в 1865 г. из красноярских второгильдейцев вышел Я.Я. Прейн, одновременно в состав первогильдейцев по городу был включен его сын П.Я. Прейн (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2442. Лл. 51–510б.). Возникновение необходимости общего раздела базового капитала между младшим поколением семьи не редко порождало судебные тяжбы. После смерти канского купца Г. Гадалова в 1876 г. не оставившего духовной грамоты красноярские мещанка Е.Г. Назарова и купец Н.Г. Гадалов судились с родным братом И.Г. Гадаловым, который отказал родственникам в вычленении их доли в наследстве отца (МАГК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166. Л. 12).

Параллельно с первым в семьях гильдейства набирает силу и стремление к самостоятельности, что проявляется в преобладании малой или нуклеарной (со средней численностью 5–7 чел.) семьи гильдейства Енисейской губернии в пореформенный период. Такую же тенденцию по Сибири отмечали другие исследователи (Зуева, 2007: 12–13; Гончаров, 1997: 127). В 1861 г. средняя численность в купеческих семьях Енисейской губернии составляла 6 чел. (Красноярск – 4,8, Канск – 6,4, Ачинск – 5,9, Минусинск – 6,4, Енисейск – 6,2) (Подсчитано: ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Лл. 1–21, 37–49, 76–94, 101–127, 139–147). В губернском г. Красноярске людность в семьях купцов была наименьшая, это говорит о том, что процесс распада семейных традиций в губернском центре по сравнению с периферией проходил активнее, а сам институт брака был более модернизирован, шире распространены безбрачие, незарегистрированные, консенсуальные браки.

Один из интереснейших аспектов – национальные акценты семейно-демографических проблем. На общесибирском уровне ученые зафиксировали большую численность человек в еврейских купеческих семьях (Гончаров, 2003: 134). По Енисейскому региону мы проследили данную тенденцию по г. Енисейску, единственному из городов, в котором статистические данные акцентировали внимание на различиях в православных и еврейских капиталах. По нашим подсчетам (1861, 1870, 1878 гг.) численность в еврейских гильдейских семьях была выше средней (6 чел.) – от 7 до 9 чел. (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Лл. 1–15; ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 406. Лл. 22 об. – 23; ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 587. Лл. 102–103). Одной из возможных причин более высокой численности в еврейских гильдейских семьях, на наш взгляд, являлось стремление купцов иудейского вероисповедания удержаться в сословии за счет патриархальной, неразделенной семьи. Е.В. Комлева

так же акцентировала внимание на повышенную среднюю численность в еврейских купеческих семьях Енисейской губернии в конце XVIII – начале XIX вв., в сравнении со славянскими семьями, которая по её подсчётам составляла 10,7 чел. (Комлева, 2002: 238). Наши, данные 7–9 чел. объясняются нарастанием модернизационных процессов в губернии в пореформенный период.

Брачная структура сибирского населения второй половины XIX – начала XX вв. все еще находилась под воздействием традиционных норм, определявших вступление в брак, воспитание детей, сохранение семьи, возможность заключения повторного брака только в случае вдовства, главными жизненными ориентирами. Безбрачие среди купцов Енисейской губернии оставалось редкостью даже в начале XX в., когда стали набирать силу модернизационные и урбанизационные процессы. Небольшое количество лиц вне брака объяснялось чаще всего либо слишком молодым возрастом, либо недавней потерей прежнего статуса. По нашим подсчетам, 120 глав купеческих семейств (мужского пола) Енисейской губернии в начале XIX в. имели следующее семейно-брачное состояние: в браке 75 % (90 чел.), вне брака 25 % (30 чел.), из них вдовцы – 7 % (8 чел.), холостые – 8 % (10 чел.), безбрачие без указания причины – 10 % (12 чел.) (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1660. Лл. 1–8, 10–19, 22–31, 34–42, 51–57). Данные можно дополнить тем, что из 30 чел. вне брака пятеро были в возрасте от 60 лет (16,7 %) и четверо – до 30 (13,3 %), т. е. треть мужчин (купцов, зарегистрировавших на свое имя гильдейское свидетельство), не состоявших в браке были в возрастной группе, в которой брачное состояние не считалось обязательным и всего 16 % купцов Енисейской губернии не вписывались в традиционную модель брака.

Интересен вопрос о разнице в возрасте между супругами. Наличие тенденции старшего и значительно более старшего по возрасту мужа, по отношению к возрасту жены характеризует, в целом, традиционный уклад. В сибирской гильдейской семье конца XVIII – середины XIX вв. доля разновозрастных браков (муж старше жены более 10 лет) была крайне невелика (Зуева, 2007: 14). Наши исследования, купеческих гильдейских семей Енисейской губернии подтверждают общесибирскую тенденцию. По данным за 1905 г. разница в возрасте супругов в гильдействе Енисейской губернии составляла соответственно: до 10 лет – 70 пар (77,8 %), 11–20 лет – 20 (22,2 %), более 21 года – 0 (0 %) (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1660. Лл. 1–8, 10–19, 22–31, 34–42, 51–57). Доминирование супружеских пар с возрастной разницей до 10 лет, говорит об активной роли главы семейства, как добытчика, что свидетельствует об отсутствии в гильдействе глубоко патриархальных убеждений.

В брачной структуре тенденции сословной экзогамии и эндогамии купечества проследить сложно, во-первых, из-за ежегодного обновления гильдейцев-предпринимателей, во-вторых, из-за ежегодного притока в сословие купцов представителей других сословий уже пребывающих в брачном состоянии. В среде сибирского купечества конца XVIII – середины XIX вв. были распространены межсословные браки, с тенденцией уменьшения, и нарастание эндогамных, внутрикупеческих и внутригородских (с мещанами) браков, заключение которых зачастую было продиктовано меркантильными интересами (Зуева, 2007: 14). Данную тенденцию мы прослеживаем в Енисейской губернии. На основе изучения биографических данных нами сделан вывод о том, что купеческие дети нередко являлись наследниками сразу нескольких купеческих родов. Так, предпринимательница В.А. Баландина была дочерью купца А.И. Емельянова, по материнской линии внучкой купца К.П. Матонина, невесткой первогильдейца А.С. Баландина (Баландина, 1989: 74).

Чаще чем в предшествующий период встречается отступление от норм традиционной модели брака и семьи, выстраиваемой на основе бесконфликтного существования родственников, соблюдения верности супругов, почитания родителей детьми. Е.В. Комлева, характеризуя купеческую семью Енисейской губернии конца XVIII – первой половины XIX вв., пишет: «Внутрисемейные взаимоотношения... характеризовались уважением друг друга и взаимопомощью...» (Комлева, 2006: 249–250). Наш анализ архивных источников, характеризующих семейные отношения купечества Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX вв., показывает обратное. По судебному ведомству окружных и губернского судов Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 565. Л. 18) часто проходили дела о непочтении родителей детьми, об имущественных тяжбах, конфликтных, абсолютно безнравственных ситуациях в гильдейских семьях. Этому давали начало миграция, урбанизация, и соответственно маргинализация населения, проходящие в Российской империи в пореформенный период.

Мы уже развенчивали мифологию постсоветской историографии о «благородстве» внутрикупеческих коммерческих взаимоотношениях (Туман-Никифорова, 2012: 224–230). Сходная мифология проникает и в освещение вопросов о семейных взаимоотношениях гильдейцев. Наиболее частым фигурантом судебных дел, соответственно численности в доле населения, в том числе по вопросам семьи и брака, являются купцы. Так, ведомость происшествий в Енисейской губернии 1883 г. сообщает о развратной жизни и нанесении оскорблений словами и действиями купчихе Гусевой ее сыном Павлом, об оскорблении канского купца Дегтярева его сыном (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 815. Лл. 570б., 630б.). В купеческой среде часто встречались факты измены, двоеженства, содержания любовниц, избияния родителей детьми, истязания, подлогов с вовлечением домочадцев и т.д. Все эти и другие факты говорят о ломке патриархальных взаимоотношений в купечестве, в результате усиления процесса модернизации, в пореформенное пятидесятилетие.

5. Заключение

Таким образом, стабилизация миграционных потоков во второй половине XIX в. привела к уравнению количества лиц женского и мужского полов в купеческом сословии, с последующим резким уменьшением мужчин-купцов в период с 1900 до 1910 гг. Переход к подоходно-прогрессивной системе налогообложения, отделившей сословный статуса от предпринимательского способствовал «выламыванию» активных предпринимательских элементов из сословия. Семейно-брачные отношения енисейского купечества в исследуемый период находились под влиянием традиционных норм, которые, однако, начали интенсивно ослабевать. Доминирующей формой купеческой семьи в Енисейской губернии в исследуемый период стала нуклеарная семья (исключение составляла еврейская купеческая семья).

Местные региональные экономические процессы, в частности, высокая хозяйственная конъюнктура в Енисейской губернии конца 1890-х гг. обуславливали некоторую специфику протекания социально-демографических процессов. Однако, в целом выявленные тенденции в изменении половозрастной структуры гильдейства совпадали с общероссийскими, и были вызваны нарастанием модернизационных процессов, проявлявшихся, в том числе, в трансформации сословной структуры общества в классовую.

Литература

- [Баландина, 1989](#) – *Баландина В.* Из воспоминаний // Енисей. 1989. № 1. С. 74–80.
- [Бойко, 1996](#) – *Бойко В.П.* Томское купечество XVIII–XIX веков: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск : Водолей, 1996. 320 с.
- [ГАКК](#) – Государственный архив Красноярского края.
- [Гончаров, 2003](#) – *Гончаров Ю.М.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. : (По материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). Алтайский государственный университет. – 2-е изд. Барнаул : Азбука, 2003. 248 с.
- [Зуева, 2007](#) – *Зуева Е.А.* Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск : Полиада про, 2007. 220 с.
- [Комлева, 2006](#) – *Комлева Е.В.* Купечество городов Енисейской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Москва : Academia, 2006. 384 с.
- [Краткая энциклопедия](#) – Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири : в 4 т. / СО РАН. Ин-т истории; гл. ред.: Д. Я. Резун, Д. М. Терешков. – Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1994–1999.
- [МАГК](#) – Муниципальный архив города Канска.
- [Памятная книжка, 1863](#) – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год / Санкт-Петербург : Типография Иосафата Огризко, 1863, с. 335.*
- [Памятная книжка, 1892](#) – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1891 г. с адрес-календарем. Красноярск : Типография Енисейского губернского управления, 1892. 374 с.*
- [Памятная книжка, 1900](#) – *Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1901 г. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1901. 298 с.*
- [Полное Собрание 1885–1916](#) – *Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье : В 33-х т. СПб.; Пг., 1885–1916.*
- Свод законов, 1911* – *Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1911.*
- [Сибирский, 1915](#) – *Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 гг. : / изд. Д.Р. Юнг. Петроград : Типография товарищества «Труд», 1915. 653 с.*
- [Скубневский, 1994](#) – *Скубневский В.А.* Купеческая семья начала XX в. (По материалам г. Барнаула) // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : 1994. с. 187–190.
- [Туман-Никифорова, 2003](#) – *Туман-Никифорова И.О.* Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв.). Красноярск: Красноярский государственный торгово-экономический институт, 2003. 182 с.
- [Туман-Никифорова, 2012](#) – *Туман-Никифорова И.О., Чеберяк Н.В.* Купеческое предпринимательство Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестн. КрасГАУ. 2012. Вып. 9. С. 224–230.
- [Nasyrova, 2014](#) – *Nasyrova L.G.* Legislative measures of the russian state russia relating to regulation of entrepreneurial activity between the mid-18th and early 20th centuries // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. 2014. Special Issue. P. 331–341.
- [Ous, 2003](#) – *Ous L.B.* Russian modernization and development of civil society // Ous, L.B. – KORUS 2003: 7th Korea-Russia International Symposium on Science and Technology. 2003. Vol. 4. P. 317-319.
- [Shaidurov, 2014](#) – *Shaidurov V.N.* The Jews and their Place in the Economic Life of Western Siberia in the second half of the 19th century // Novyj Istoriceskij Vestnik. 2014. № 39 (1). P. 21–35.

References:

- Balandina, 1989** – *Balandina V.* Iz vospominanij [From the memories] // Enisej. 1989. № 1. p. 74–80. [in Russian]
- GAKK** – State Archive of the Krasnojarsk Territory [in Russian]
- Goncharov, 2003** – *Goncharov Ju.M.* Kupecheskaja sem'ja vtoroj poloviny XIX-nachala XX vv. : (Po materialam komp'juternoj bazy dannyh kupecheskih semej Zapadnoj Sibiri) [Merchant Family of the second half of XIX-early XX centuries. (On materials of Western Siberia merchant family computer database)] Altai State University. – 2-e izd. – Barnaul : Azbuka, 2003. 248 p. [in Russian]
- Zueva, 2007** – *Zueva E.A.* Russkaja kupecheskaja sem'ja v Sibiri konca XVIII-pervoj poloviny XIX v. [Russian merchant family in Siberia late XVIII-early XIX century.] Novosibirsk : Poliada pro, 2007. 220 p. [in Russian]
- Komleva, 2006** – *Komleva E. V.* Kupechestvo gorodov Enisejskoj gubernii v poslednej chetverti XVIII – pervoj polovine XIX v. [Merchants cities Yenisei province in the last quarter XVIII - in the first half XIX]. Moskva: Academia, 2006. 384 p. [in Russian]
- Kratkaja jenciklopedija** – *Kratkaja jenciklopedija po istorii kupechestva i kommercii Sibiri : v 4 t.* [Brief encyclopedia on the history of merchants and commerce of Siberia: in 4 vol.] / SO RAN. In-t istorii ; gl. red.: D. Ja. Rezun, D. M. Tereshkov. – Novosibirsk : RIPJeL pljus, 1994–1999. [in Russian]
- MAGK** – Municipal archives of the city of Kansk.
- Pamjatnaja knizhka, 1900** – *Pamjatnaja knizhka Enisejskoj gubernii na 1900 god* [The memorial book of the Yenisei province in 1900 year] Krasnojarsk: Tipografija Enisejskogo gubernskogo upravljenja, 1900. p. 149. [in Russian]
- Pamjatnaja knizhka, 1892** – *Pamjatnaja knizhka Enisejskoj gubernii na 1891 g. s adres-kalendarem* [The memorial book of the Yenisei province in 1891 with address-calendar] . Krasnojarsk : Tipografija Enisejskogo gubernskogo upravljenja, 1892. p. 374. [in Russian]
- Pamjatnaja knizhka, 1863** – *Pamjatnaja knizhka Enisejskoj gubernii na 1863 god* [The memorial book of the Yenisei province in 1863]. Sankt-Peterburg : tipografija Iosafata Ogrizko, 1863, p. 335. [in Russian]
- Polnoe Sobranie, 1885–1916** – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii* [Complete Collection of laws of the Russian Empire] : Sobranie tret'e : V 33-h t. – SPb. ; Pg., 1885–1916. [in Russian]
- Svod zakonov, 1911** – *Svod zakonov Rossijskoj imperii, poveleniem Gosudarja Imperatora Nikolaja Pervogo sostavlennyj* [Code of Laws of the Russian Empire, by order of Emperor Nicholas I created]. Sankt-Peterburg : Gosudarstvennaja tipografija, 1911. [in Russian]
- Sibirskij, 1915** – *Sibirskij trgovno-promyshlennyj ezhegodnik.* 1914–1915 gg [Siberian Trade and Industry Yearbook. Of 1914-1915 years]. / izd. D. R. Jung. Petrograd : Tipografija tovarishhestva «Trud», 1915. 653 p. [in Russian]
- Skubnevskij, 1994** – *Skubnevskij, V. A.* Kupecheskaja sem'ja nachala XX v. (Po materialam g. Barnaula) [Merchant Family of the early twentieth century. (According to the city of Barnaul)] // Paleodemografija i migracionnye processy v Zapadnoj Sibiri v drevnosti i srednevekove. Barnaul : 1994. p. 187-190. [in Russian]
- Tuman-Nikiforova, 2003** – *Tuman-Nikiforova I.O.* Gil'dejskoe kupechestvo Enisejskoj gubernii (60-e gg. XIX – nachalo XX vv.) [Guild merchants of the Yenisei province (the 60s of the XIX – beginning of XX centuries)] Krasnojarsk: Krasnojarsk State Trade and Economic Institute, 2003. 182 p. [in Russian]
- Tuman-Nikiforova, 2012** – *Tuman-Nikiforova I.O., Cheberiak N.V.* Kupecheskoe predprinimatelstvo Enisejskoj gubernii (vtoraja polovina XIX - nachalo XX vv.) [Merchants entrepreneurship Yenisei province (second half of XIX – early XX centuries.)] // Vestn. KrasGAU. 2012. Krasnojarsk : Vyp. 9. P. 224–230. [in Russian]
- Nasyrova, 2014** – *Nasyrova, L.G.* Legislative measures of the Russian state relating to regulation of entrepreneurial activity between the mid-18th and early 20th centuries // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. 2014. Special Issue. P. 331–341. [in English]
- Ous, 2003** – *Ous, L.B.* Russian modernization and development of civil society // Ous, L.B. – KORUS 2003: 7th Korea-Russia International Symposium on Science and Technology. 2003. Vol. 4. P. 317-319. [in English]
- Shaidurov, 2014** – *Shaidurov, V.N.* The Jews and their Place in the Economic Life of Western Siberia in the second half of the 19th century // Novyj Istoriceskij Vestnik. 2014. № 39 (1). P. 21–35. [in Russian]

УДК 94:339.1 – 051(470+571) «18/19»

Половозрастная и семейно-брачная структура гильдейского купечества Енисейской губернии 1860-е гг. – начале XX вв.

Ирина Олеговна Туман-Никифорова ^{а, *}, Валерий Иванович Федорченко ^а,
Наталья Васильевна Пашина ^а, Игорь Иванович Крылов ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье сквозь призму теории модернизации рассматривается изменение половозрастной и семейно-брачной структуры гильдейского купечества Енисейской губернии в 1860-е гг. – начале XX вв. Особое внимание уделяется процессам трансформации традиционного общества в индустриальное на базе анализа демографических показателей купеческого сословия. На архивных материалах, многие из которых впервые введены в научный оборот анализируется половозрастная и семейно-брачная структуры гильдейского купечества. Производится сравнение исследуемых показателей с другими сибирскими регионами и общероссийскими тенденциями. Выявлено, что при сохранении существенного влияния норм традиционного общества на семейно-брачную структуру купечества Енисейской губернии, в исследуемый период преимущественно в городах обозначились устойчивые тенденции к разложению семейных форм патриархального типа, характерные для нарастания модернизационных процессов.

Ключевые слова: гильдейское купечество, Енисейская губерния, модернизация, половозрастная структура, семейно-брачная структура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ituman-nikiforova@yandex.ru (И.О. Туман-Никифорова),
vfedorchenko@mail.ru (В.И. Федорченко), nvpashina@yandex.ru (Н.В. Пашина),
krilov24@yandex.ru (И.И. Крылов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 448-456, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia?

Artyom Y. Peretyatko^{a,*}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the attempt to convey Mius district from the Don Host Oblast to the Taganrog Governorate. Minister of Internal Affairs of the Russian Empire A. E. Timashev regarded the new governorate as "little Russian" and wanted to include in its part of the Don Host Oblast, which was dominated by Little Russian population. Based on the analysis of archival material and testimonies of contemporaries, the author shows that this initiative has been irrelevant for Little Russians of Don Host Oblast and for Don Cossacks inviolability of borders was crucial. Attention is paid to the arguments of supporters and opponents of territorial reform. Results of the research are the finding that attempt to separate Mius district from the Don Host Oblast was connected with the struggle between A.E. Timashev and D.A. Milyutin, but not with the real interests of Little Russians.

Keywords: Don Host Oblast, Little Russia, Mius district, D.A. Milyutin, A.E. Timashev, N.I. Krasnokutsky.

1. Введение

Нет ничего удивительного в том, что в настоящее время история формирования российско-украинской границы в 1920 г. приобрела особую актуальность. Помимо публикации новых документов о возврате части Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР (Krinko, Medvedev, 2015a; Krinko, Medvedev, 2015b), 2015 г. ознаменовался переизданием интересной работы Ю.И. Галкина «Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области», выполненным в Донецке (Галкин, 2015). Предисловие к этой книге, за авторством А. Ольхина, написанное скорее в публицистическом, чем в научном стиле, свидетельствует: в настоящее время некоторые пророссийские силы Донбасса пытаются привлечь внимание широкой общественности к произошедшей в 1920 г. передаче земель, исторически принадлежавших Области Войска Донского, в состав СССР, сделать эти события важной частью исторической памяти российского народа. Таким образом предполагается сформировать восприятие современного Донбасса как преемника не только Новороссии, но и земель донских казаков, на территории которых «ни о какой Украине и речи не было» (Галкин, 2015: 1).

Однако последнее утверждение не вполне соответствует действительности. Предыстория передачи бывших западных округов Области Войска Донского в состав СССР вообще мало привлекала внимание историков, и из работ, специально посвященных этой теме, можно отметить только одну статью нашего авторства (Peretyatko, 2015). Поэтому многие события, связанные с разграничением казачьих и малороссийских территорий до 1917 г., до сих пор остаются неизвестны даже исследователям. В частности, это касается ряда интересных фактов, связанных с попыткой создания Таганрогской губернии в 1874 г.

Хотя о проекте создания новой губернии упоминается в работах донских краеведов (Филевский 1898: 193-207), в научный оборот до настоящего времени не вовлекалась информация о том, что автор этого проекта, министр внутренних дел А.Е. Тимашев, пытался выступить в качестве защитника

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

малороссов, проживающих на территории Области Войска Донского, мотивировать передачу Миусского округа в состав новой губернии их интересами (ГАРО, 1130: 5-7). Таким образом, идея о отторжении западных земель Донского войска как малороссийских (украинских), а не казачьих появилась задолго до Октябрьской революции.

В своей статье мы попытаемся проанализировать как предпосылки, побудившие А.Е. Тимашева разыграть малороссийскую карту, так и те причины, по которым его инициатива не встретила никакой поддержки ни на государственном, ни на местном уровне. Нам представляется, что это исследование будет полезно для получения дополнительной информации о сложных и неоднозначных отношениях казаков с малороссами Области Войска Донского, а так же для более полного понимания реформ донского казачества в 1870 гг., предпринятых Д.А. Милютиным.

2. Материалы и методы

2.1. Важнейшим источником для изучения предложений А.Е. Тимашева и Д.А. Милютина о желаемом изменении административно-территориальных границ в Приазовье является «Дело о присоединении Миусского округа к проектируемой Таганрогской губернии», хранящееся в фонде атаманской канцелярии Государственного архива Ростовской области (ГАРО, 1130). Документы, собранные в этом деле, позволяют восстановить как позиции министерства внутренних дел и Военного Министерства по данному вопросу, так и часть доводов, приводившихся в защиту этих позиций. Кроме того, в деле находится отзыв войскового атамана Н.А. Краснокутского на присланные ему проекты, по которому можно судить о отношении местной элиты и населения региона к планируемому отторжению Миусского округа от Области Войска Донского.

Те события, которые не нашли отображения в фондах ГАРО, мы попытались восстановить по свидетельствам современников. Заседания Государственного совета, связанные с созданием Таганрогской губернии, достаточно подробно описаны Д.А. Милютиным в дневнике (Милютин, 1947; Милютин, 1949). Настроения в самом Таганроге, который был главным центром сторонников образования новой губернии, были зафиксированы в книге учившегося в это время в Таганрогской гимназии П.П. Филевского (Филевский, 1898: 193-207). Наконец, для характеристики некоторых особенностей положения, сложившегося в Области Войска Донского в 1870 гг., мы использовали материалы Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА).

2.2. Мы будем широко использовать историко-описательный метод, чтобы познакомить читателя с попыткой А.Е. Тимашева выступить заступником малороссийского населения Области Войска Донского. Однако его необходимо дополнить историко-сравнительным, историко-биографическим и историко-системным методами, без которых нельзя правильно понять причины, заставившие министра внутренних дел обратить внимание на эту категорию населения, которая не интересовала его ни до 1874 г., ни после. Только таким образом мы сможем выявить не только декларируемые, но и тайные мотивы А.Е. Тимашева, вписать его действия в контекст ситуации, сложившейся в Российской империи к 1874 г.

3. Обсуждение

Как мы уже писали выше, предыстория передачи УССР западных округов Области Войска Донского до нас не рассматривались историками в качестве самостоятельной исследовательской проблемы. Тем не менее, отдельные аспекты русско-украинских межэтнических отношений в регионе достаточно подробно изучены в связи с научной разработкой таких вопросов, как взаимодействие казачества и не войскового населения, экономическое развитие края, особенности местного фольклора и др. С середины XIX в. начали создаваться статистические описания Области Войска Донского (до 1870 г. – Земли Войска Донского), и в них обязательно был раздел, посвященный этническому составу населения (Краснов, 1870; Номикосов, 1884). К этому же времени восходят и первые специальные работы о донском крестьянстве, которое в 1860 гг. было в основном малороссийского происхождения (Карасев, 1867; Савельев, 1917). В некоторых из этих трудов личные наблюдения преобладали над документальной базой. В частности, М.Н. Харузин уделил отдельное внимание национальным конфликтам на Дону, причем он основывался не на документах, а на событиях, свидетелем которых был лично, газетных материалах и фактах, о которых слышал от местных «исследователей народного быта» (Харузин, 1885).

На наш взгляд, и современные работы, затрагивающие тематику русско-украинских отношений на территории Области Войска Донского, можно, в общем, разделить на три группы, продолжающие линии развития еще дореволюционной историографии. Первую группу составляют книги и статьи, носящие общий характер (Агафонов, 1986), во вторую входят работы о донском крестьянстве (Ревин, 2005; Peretyatko, 2016), а третья объединяет материалы донских этнографов (Карташова, 2014). Таким образом, при всей ценности накопленной отечественной историографией информации о русско-украинских отношениях на Дону, до сих пор не было издано ни одной работы, посвященной влиянию фактора малороссийского меньшинства Области Войска Донского на правительственную политику. Своей статьей мы надеемся привлечь внимание исследователей к изучению данной тематики.

4. Результаты

Отношения Д.А. Милютинина с его коллегами, высокопоставленными чиновниками Российской империи, складывались отнюдь не всегда благополучно. Еще П.А. Зайончковский отмечал, что резкой критике со стороны консерваторов подвергались фактически все преобразования, предлагаемые военным министром (Зайончковский, 1952: 127). Непосредственно во время подготовки к введению всеобщей воинской повинности начальник жандармов П.А. Шувалов интриговал, пытаясь подорвать позиции Д.А. Милютинина при дворе и добиться его отставки (Залесов, 1905: 517-518).

Политика Военного Министерства по отношению к казачеству в 1870 г. могла показаться весьма соблазнительным направлением для критики. Как мы показали в своей монографии, еще за десятилетие до этого постепенная ликвидация казачества как военного сословия представлялась имперским властям вполне вероятной, а боеспособность донских частей вызывала сомнение. Между тем военная реформа на Дону, увязанная с введением всеобщей воинской повинности, требовала существеннейших расходов (по оценке войскового атамана М.И. Черткова, сделанной в 1873 г., только для первого этапа ее проведения было необходимо выделить 1 млн рублей (РГВИА, 1937: 18-19). Дискредитация этой реформы, как и казачества в целом, могла в определенной степени подорвать авторитет Военного Министерства (Перетятко, 2014: 163).

Подобные рассуждения носят вероятностный характер, однако фактом является то, что против предстоящих преобразований в Донском войске выступал министр внутренних дел А.Е. Тимашев, входивший в число сторонников П.А. Шувалова. Можно усмотреть определенную иронию в его доводах: они были достаточно близки к риторике самого Д.А. Милютинина десятилетней давности. В 1861–1862 гг. военный министр сам сомневался, «в какой степени боевая сила, доставляемая 3-х миллионным казачьим населением, вознаграждает те потери, которые государство несет в экономическом отношении», и оставлял этот вопрос открытым (Милютин, 1999: 262). В 1874–1875 гг. уже противники Д.А. Милютинина пытались указывать на экономическую нецелесообразность существования, а тем более дорогостоящего реформирования казачества. А.Е. Тимашев прямо поставил вопрос о избыточности «громадных привилегий» войскового сословия, которые, якобы, дополнительно расширялись по проекту реформы (Столетие, 1907: 119). Дальнейшее развитие событий показано в одной из работ А.А. Волвенко: в Военном Министерстве был подготовлен ответ для министерства внутренних дел, в котором удалось обосновать финансовую выгоду от существования казачьих частей, весьма существенную, несмотря на все привилегии казачества (Волвенко, 2007: 47-56). Сторонники П.А. Шувалова критиковали политику Д.А. Милютинина и в связи с другими донскими реформами, в частности, пытаясь взять под свой контроль земства (Милютин, 1947: 183-185).

Предложение министерства внутренних дел о создании Таганрогской губернии, сделанное как раз во время подготовки земской и военной реформ Донского войска, следует рассматривать в контексте противоборства П.А. Шувалова и Д.А. Милютинина. В 1874 г. А.Е. Тимашев внезапно проявил интерес к более ранним проектам создания нового территориального образования в Приазовье (ГАРО, 1130: 2), на истории которых есть смысл остановиться более подробно. По данным известного таганрогского краеведа П.П. Филевского, идея объединить в составе новой губернии те окраины Екатеринославской губернии и Земли Войска Донского, которые тяготели к Азовскому морю, была предложена еще в 1836 г. Д.Н. Блудовым. Но когда в 1847 г. дело дошло до Николая I, он повелел не трогать казачьи земли, ограничившись приазовскими уездами Екатеринославской и Таврической губерний. Впрочем, за недостатком средств подготовка к созданию нового территориального образования шла весьма медленно, и в 1856 г. была вовсе остановлена (Филевский, 1898: 193-195).

В изложении А.Е. Тимашева, однако, эта история выглядела совсем по-другому. Он утверждал, что проект создания Таганрогской губернии был готов к 1846 г., а не 1847 г. В его рамках предполагалось присоединение к новому административно-территориальному образованию и части казачьих земель. Крайне жесткая позиция Военного Министерства, не желающего передавать в гражданское ведомство казачьи станицы, сыграла не меньшую роль в отказе от реализации этого проекта, чем финансовый вопрос (ГАРО, 1130: 3). При этом аргументация военных выглядела крайне слабой: и в 1850 гг., и в 1870 гг. спорная территория, Миусский округ Области Войска Донского, была заселена почти исключительно малороссами, и включала в себя только одну казачью станицу (Peretyatko, 2015: 262). Знал об этом и министр внутренних дел (ГАРО, 1130: 5). Нам представляется вероятным, что его интерес к созданию Таганрогской губернии был вызван именно желанием втянуть Военное Министерство в конфликт на заведомо невыгодных условиях, заставить Д.А. Милютинина отстаивать интересы казачества в той области, где позиция сторонников П.А. Шувалова выглядела существенно более обоснованной. Дополнительным доводом в пользу этой версии является то, что создать новое территориальное образование можно было и без конфликта с военными властями: в 1866 г. новороссийский генерал-губернатор П.Е. Коцебу предложил организовать из приазовских территорий Екатеринославской и Таврической губерний единое градоначальство с центром в Ростове-на-Дону (Филевский, 1898: 199). Судя по сведениям П.П. Филевского, для местных властей и активистов вопрос о будущей принадлежности Миусского округа вообще не имел особого значения (Филевский, 1898: 200-202).

Однако А.Е. Тимашева категорически не устраивал вариант создания Таганрогской губернии или ростовского градоначальства, не предусматривающий отторжения части земель Области Войска Донского. На это были и объективные причины: по мнению министра внутренних дел для развития экономики Приазовья следовало объединить его под единой властью, уничтожив исторически сложившуюся чересполосицу (ГАРО, 1130: 2). А.Е. Тимашев уделил немало внимания доказательствам того, что немногочисленные казачьи хозяйства Миусского округа можно было переселить, а войсковые земли остались бы в собственности войска независимо от изменения региональных границ. В конце концов, владения Астраханского войска частично лежали за пределами Астраханской губернии, однако никаких проблем это не вызывало (ГАРО, 1130: 9-16).

Если А.Е. Тимашев действительно рассчитывал спровоцировать небольшой конфликт с Военным Министерством, то ему это в полной мере удалось. Отношение Д.А. Милютина к новой губернии было не просто неодобрительным, но и достаточно эмоциональным: военный министр позже назовет в своем дневнике проектируемое территориальное образование «безобразным» (Милютин, 1949: 25). Однако не понимать убедительность доводов своего оппонента Д.А. Милютин не мог. И военный министр попытался превратить спор о возможной передаче Миусского округа из чисто технического в принципиальный, связать его с теми самыми «громкими привилегиями» казачества, которые вызывали такое неодобрение А.Е. Тимашева.

Военное Министерство противопоставило идее отторжения от Области Войска Донского западных территорий только один новый довод, но довод абсолютный. В начале 1860 гг. в казачьей среде ходили слухи о грядущем ограничении привилегий, спровоцированные, в числе прочего, и не всегда удачными действиями Д.А. Милютина. В станицах стоял ропот, в Санкт-Петербурге слухи, сильно преувеличенные, рисовали возможность массового восстания на Дону. В числе мер, призванных стабилизировать ситуацию, было дарование Войску Донскому новой высочайшей грамоты (Волвенко, 2014: 12-20). Помимо всего прочего, в ней содержалось обещание «**неприкосновенности** всех выгод, угодий и **окружности владений** (выделено нами – А.П.)» донского казачества (ПСЗ, 1866: 12-13). Таким образом, призывая к отделению Миусского округа, А.Е. Тимашев требовал от Александра II нарушить собственные обещания десятилетней давности, давно получившие законодательное оформление. Впрочем, Д.А. Милютин ссылаясь даже не на моральные аспекты, а на вещи гораздо более приземленные: грубейшее нарушение высочайших грамот могло подорвать доверие донских казаков к правительству и привести к серьезным беспорядкам (ГАРО, 1130: 4).

Военное Министерство создало два контрпроекта, предлагающих иное изменение административно-территориального устройства Приазовья. Первый из них, отраженный в дневниках Д.А. Милютина, повторял предложение П.Е. Коцебу (Милютин, 1949: 25). Однако нам представляется более любопытным второй контрпроект, информация о котором содержится в фондах ГАРО. Д.А. Милютин, несмотря на свои слова о «безобразной губернии», в принципе был согласен с тем, что объединение всего Приазовья, а не отдельных его частей, было наиболее целесообразно с экономической точки зрения. Однако его можно было реализовать и противоположным проекту министерства внутренних дел образом: не отторгая от Области Войска Донского Миусский округ, а, напротив, присоединив к ней Ростов-на-Дону и Таганрог. По мнению военного министра, подобные меры серьезно способствовали бы «развитию гражданственности» у донских казаков (ГАРО, 1130: 4). К сожалению, Д.А. Милютин не конкретизировал этого своего утверждения, однако, как мы писали выше, обсуждение проекта Таганрогской губернии шло одновременно с подготовкой к созданию земств на Дону. В этой ситуации военный министр мог считать, что включение в состав Области Войска Донского двух городов с определенной традицией не казачьего местного самоуправления будет полезно для деятельности первых всеобщих выборных органов, легитимизирует их существование в регионе, где озвучивалась идея о введении «земств только для казаков» (Волвенко, 1998: 49-58). Вообще приазовские города в перспективе могли служить своеобразным противовесом наиболее консервативной и замкнутой части казачества.

Таким образом, спор между Военным Министерством и министерством внутренних дел перешел в принципиальную плоскость. Обе стороны считали, что чисто технически объединение Приазовья в рамках одной административно-территориальной единицы вполне возможно, и подобное развитие событий будет способствовать ускорению экономического роста в регионе. Но теперь уже А.Е. Тимашев должен был искать причины, по которым базой для этого объединения не могла стать Область Войска Донского.

Именно тогда министр внутренних дел и попытался разыграть малороссийскую карту. Действительно, высочайшая грамота 1863 г. гарантировала «неприкосновенность окружности владений» донских казаков, но можно ли было применять ее к Миусскому округу? Ведь его освоение, по мнению А.Е. Тимашева, проводилось малороссийскими крестьянами, без участия казаков, которые и в дальнейшем составляли в нем абсолютное меньшинство. Этнически и социально Миусский округ был куда ближе к соседним малороссийским губерниям, а торговые пути связывали его с Ростовом-на-Дону и Таганрогом, но никак не Новочеркасском. А.Е. Тимашев резюмировал: «Между жителями Миусского округа и остальным Войском Донским нет и не может быть ничего общего. Поэтому отделение их от управления Казачьей общины Донского войска сколько естественно, сколько же для

них желательно и полезно». Далее министр внутренних дел бездоказательно утверждал, что и сами малороссы Миусского округа жаждут выйти из под казачьей власти, якобы навязанной им сверху (ГАРО, 1130: 5-7). Соответственно, создание Таганрогской губернии было бы не только выгодно в экономическом отношении, но и защитило местное население от казачьего произвола.

Доводы А.Е. Тимашева были очень близки к аргументам Таганрогского исполкома, который в 1924 г. выступал за сохранение Таганрога в составе УССР. Советские чиновники, вряд ли даже подозревавшие о проекте императорского министра внутренних дел, так же ссылались на историю освоения Приазовья преимущественно малороссами, на подавляющее преобладание на его территории украинского населения и на исторические связи с соседними украинскими губерниями. Не обошлось и без обвинений в адрес казачьих властей, якобы игнорировавших интересы Таганрогского округа. Правда, единственным подтверждением этого мнения в документе служило предпочтение, которое войсковая администрация оказывала Ростову-на-Дону перед Таганрогом (Галкин, 2015: 18-19). Но Ростов-на-Дону до 1887 г. был такой же частью Екатеринославской губернии, как и Таганрог. Таким образом, поддержка войсковыми властями его развития никак не может служить аргументом, доказывающим невнимание войсковой администрации к малороссийским землям. Более того, мнение Таганрогского исполкома разделялось не всеми: П.П. Филевский, сам таганрожец и сторонник создания Таганрогской губернии, в 1898 г. писал, что присоединение его родного города к Области Войска Донского по крайней мере защитило его от амбиций Ростова-на-Дону, который к этому времени имел не меньше шансов стать административным центром Приазовья (Филевский, 1898: 207).

Весьма сомнительными виделись А.Е. Тимашеву и перспективы «развития гражданственности» на Дону в случае присоединения к нему приазовских городов. Министр внутренних дел почему-то был уверен, что донской атаман (к этому времени давно назначавшийся из числа российских генералов не казачьего происхождения) по всем вопросам будет принимать сторону казаков, а те постараются как можно быстрее захватить контроль над переданными войску территориями. А.Е. Тимашев предсказывал «оказывание» местных администраций и попытки чиновников управлять развитыми торговыми городами при помощи тех же методов, что использовались для аграрных, не урбанизированных округов Области Войска Донского (ГАРО, 1130: 8).

После знакомства с новыми аргументами А.Е. Тимашева Военное Министерство не сочло нужным как-либо корректировать свою позицию. Стало понятно, что конфликт между двумя ведомствами выйдет на более высокий уровень, и его обсуждение в Государственном совете будет сопровождаться серьезной дискуссией. К этому времени информация о грядущем создании губернии в Приазовье дошла и до местных властей (Филевский, 1898: 200-202). В частности, был поставлен в известность о возможности территориальной реформы донской атаман Н.И. Краснокутский, немедленно выступивший с критикой ряда утверждений А.Е. Тимашева.

Донской атаман признавал, что Миусский округ населен почти исключительно малороссами, однако отказывался видеть в этом какую-либо проблему. Он вполне резонно указывал на то, что министр внутренних дел не смог привести ни одного реального примера, доказывающего желание крестьян Миусского округа избавиться от казачьей власти и присоединиться к сопредельным губерниям. Да и в этих губерниях, по сведениям Н.И. Краснокутского, жителей вполне устраивало нынешнее территориальное устройство. Единственным источником недовольства был Таганрог, давно желающий получить статус губернского города (ГАРО, 1130: 16-17).

Свидетельства современников и архивные документы подтверждают скорее правоту донского атамана, чем министра внутренних дел. Безусловно, отношения малороссов, донских казаков и местных властей были далеко не безоблачными. В Приазовье регулярно происходили стычки между местными рыболовами-малороссами и командами внутренней службы, ловящими нарушителей (Матишов, Власкина, 2012: 56). Однако когда после 1861 г. войсковые власти начали массово переселять крестьян-станичников в Миусский округ, желая как раз изолировать их от казачества для минимализации конфликтов, около 1/5 хозяев просто «исчезли» (Карасев, 1867: 86). Крестьяне всеми способами избегали переселения, часто при поддержке соседей-казаков и станичных правлений (ГАРО, 1083: 14). По свидетельству А.А. Карасева, казаков и крестьян, десятилетиями живших бок о бок, связывали дружеские, а иногда и родственные связи. В результате этого малороссы попадали под серьезное казачье влияние, и в случае переселения в Миусский округ даже выступали носителями донских традиций. Положение «донцов второго сорта» приносило и вполне ощутимые экономические выгоды: благодаря дружеским связям станичные чиновники закрывали глаза на самовольное использование крестьянами необрабатываемых юртовых земель, что позволяло в несколько раз увеличивать наделы по сравнению с законной нормой (Карасев, 1867: 85-88). Все эти факты были более актуальны для основного ядра казачьих земель, а не для малороссийских территорий, но они показывают, что желание малороссов выйти из-под власти казачества было сильно преувеличено А.Е. Тимашевым, а их связи с казачьим населением, напротив, преуменьшались министром. Да и было ли население Миусского округа к 1870 гг. настоящими малороссами, то есть украинцами? Более поздними этнографами неоднократно отмечалось, что «донские украинцы не осознают своей этнической общности» (Карташова, 2014: 25-26). По данным переписи 1923 года в Таганрогском округе проживало 72,3 % украинцев, но только 44,6 % населения знало украинский

язык. Более того, организаторы переписи утверждали, что «украинцами» называет себя сильно ассимилированное, в действительности смешанное население (Галкин, 2015: 34). К сожалению, более ранние переписи не фиксировали, какая доля малороссов говорила по-украински, и вопрос о том, насколько сильно русифицировано было население Миусского округа к 1870 г., остается открытым. Однако сведения А.А. Карасева о влиянии донских традиций на малороссов Миусского округа дают возможность отнестись к началу процесса их русификации еще к дореформенному периоду (Карасев, 1867: 85-88).

В любом случае, межэтнические отношения на Дону не давали серьезных предпосылок для отторжения Миусского округа от Области Войска Донского, если не считать таковыми неизбежные ситуационные стычки казаков и малороссов. Зато уменьшение территорий войска было чревато вполне конкретными проблемами: Н.И. Краснокутский подтверждал, что, по мнению казаков, высочайшие грамоты гарантировали неприкосновенность границ Области Войска Донского, и отделение Миусского округа привело бы к серьезному недовольству (ГАРО, 1130: 16). В то же время донской атаман признавал: объединение всего Приазовья будет способствовать экономическому росту в регионе. Единственным реальным вариантом этого объединения он видел реализацию проекта Д.А. Милютин и создание не казачьего округа в составе Области Войска Донского. При этом, чтобы не ущемить права местного населения, можно было бы закрепить совершенно особый статус этого округа, вплоть до назначения в него чиновников имперским правительством, а не войсковой администрацией (ГАРО, 1130: 16-17). Отметим кстати, что войсковые власти с конца 1860 г. понимали: система внутреннего управления войском плохо работает даже в Новочеркасске. До 1874 г. они пытались добиться распространения на казачьи земли отдельных принципов управления уездными и губернскими городами, но Военное Министерство раз за разом отклоняло прошения из-за предполагаемого в них роста расходов (РГВИА, 82: 301-334). А.Е. Тимашев очевидно переоценивал консервативность казачества, считая, будто его представители игнорирует специфику крупных населенных пунктов.

Заседание Государственного совета, посвященное перспективам создания Таганрогской губернии (29 марта 1875 г.), окончилось поражением обеих спорящих сторон: ни А.Е. Тимашев, ни Д.А. Милютин не смогли убедить других высших чиновников Российской империи в необходимости реализации своих проектов. Самолюбивый военный министр в дневнике не сообщил никаких подробностей этого заседания, отметив лишь, что оно сопровождалось горячими спорами (Милютин, 1947: 183). Только в следующем году, одержав окончательную победу над своим оппонентом, он счел нужным указать на некоторые ее детали. Проект присоединения Таганрога и Ростова-на-Дону к Области Войска Донского если и был озвучен в ходе первого заседания Государственного совета, то не встретил никакой поддержки. Второй проект Военного Министерства, повторяющий предложение П.Е. Коцебу и предполагающий создание единого градоначальства из приазовских не казачьих земель, был принят чуть лучше, собрав шесть голосов. Большинство же в составе пятнадцати членов Государственного совета заняло сторону А.Е. Тимашева, но с фатальной для его проекта поправкой: отторжение Миусского округа от остальных войсковых земель было отклонено (Милютин, 1949: 25).

Поскольку дальнейшие события, связанные с созданием Таганрогской губернии, прямо не касаются темы нашей статьи, мы не будем останавливаться на них сколько-либо подробно. Новый проект губернии, не предусматривающий включение в ее состав Миусского округа, разрабатывался министерством внутренних дел без энтузиазма, и вышел очевидно нелепым, поскольку губернский центр отделяли от основной территории казачьи земли. Его рассмотрению так же было посвящено специальное заседание Государственного совета, состоявшееся 28 февраля 1876 г. На сей раз министр внутренних дел выступал крайне слабо, и отклонен его проект был единогласно. Государственный совет, которому еще недавно два министра внушали мысль о необходимости срочного изменения прежних территориальных границ, постановил силами министерства внутренних дел разработать третий проект, позволяющий максимально объединить Приазовье без создания Таганрогской губернии и при условии сохранения Миусского округа в составе Области Войска Донского. Звучало и предложение вместо нового проекта воспользоваться имеющимися наработками, реализовав идею единого ростово-таганрогского градоначальства. Однако А.Е. Тимашев к этому времени окончательно потерял интерес к территориальной реформе. Он попросил оставить ему свободу в последующих предложениях, но предложений этих так и не последовало (Милютин, 1949: 25).

5. Заключение

Остается констатировать, что первая попытка присоединить Миусский округ к Малороссии, частью которой он якобы являлся, была предпринята задолго до советской власти. Она опиралась на некоторые реальные факты: на оспариваемых территориях малороссийское население абсолютно преобладало над казачьим. Однако никаких реальных примеров, подтверждающих желание донских малороссов выйти из-под власти казачьей администрации, инициатор территориальной реформы А.Е. Тимашев привести не смог. Да и сам тезис о желании жителей Миусского округа войти в состав новой малороссийской губернии был озвучен им только по ходу дискуссии, как аргумент против распространения на их земли действия высочайшей грамоты 1863 г. Следовательно, попытка административно-территориальной реформы 1874 г. представляла собой часть политической борьбы

между сторонниками и противниками Д.А. Милютин, а не попытку защитить интересы малороссийского населения Области Войска Донского. Об этом свидетельствует и отсутствие в дальнейшем сколько-либо устойчивого интереса министерства внутренних дел к положению этой категории жителей Дона.

Войсковые власти были готовы уважать интересы малороссов, и даже отказаться от права назначения чиновников в Таганрогском округе, но выступали категорически против любых территориальных уступок. Они полностью поддержали выдвинутый Военным Министерством тезис о неприкосновенности владений Области Войска Донского и о возможности серьезного недовольства, которое вызовет нарушение этой неприкосновенности. Судя по материалам Н.И. Краснокутского, донские казаки считали свои привилегии целостной системой, и главным катализатором их возмущения выступил бы сам факт очевидного нарушения высочайших грамот, а не какие-то конкретные экономические или социальные потери. Неактуальная для донских малороссов, способная спровоцировать беспорядки среди казачества, попытка А.Е. Тимашева обосновать отторжение от Области Войска Донского Миусского округа национальным фактором в условиях 1870 гг. была обречена на провал.

Литература

Агафонов, 1986 – *Агафонов А.И.* Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов-на-Дону, 1986. 192 с.

Волвенко, 1998 – *Волвенко А.А.* Земская реформа в Области войска Донского (1864-1882) // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. №1. С.49-58

Волвенко, 2007 – *Волвенко А.А.* Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60-70 гг. XIX века // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2007. С. 47-56

Волвенко, 2014 – *Волвенко А.А.* Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860-1870-е годы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. №3. С. 12-20.

Галкин, 2015 – *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. Донецк, 2015. 52 с.

ГАРО, 1083 – Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 1083. Дело о выселении донских помещиков со станичных юртов. 1872-1877.

ГАРО, 1130 – ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1130. Дело о присоединении Миусского округа к проектируемой таганрогской губернии. 1874.

Зайончковский, 1952 – *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860-1870 гг. в России. М., 1952. 370 с.

Залесов, 1905 – *Залесов Н.Г.* Записки Н.Г. Залесова // Русская старина. Том СХХII. 1905. С. 509-546.

Карасев, 1867 – *Карасев А.А.* Донские крестьяне // Труды Донского Войскового статистического комитета. Вып. I. Новочеркасск, 1867. С. 69–121

Карташова, 2014 – *Карташова Т.А.* Песенная традиция украинцев Дона в прошлом и настоящем. Ростов-на-Дону, 2014. 352 с.

Краснов, 1870 – *Краснов Н.И.* Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 290 с.

Матишов, 2012 – *Матишов Г.Г. и др.* Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской. Ростов-на-Дону, 2012. 216 с.

Милютин, 1947 – *Милютин Д.А.* Дневник Д.А. Милютин. 1873-1875. Т. 1. М., 1947. 255 с.

Милютин, 1949 – *Милютин Д.А.* Дневник Д.А. Милютин. 1876-1877. Т. 2. М., 1949. 297 с.

Милютин, 1999 – *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1860-1862. М., 1999. 559 с.

Номикосов, 1884 – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 762 с.

Перетяцько, 2014 – *Перетяцько А.Ю.* Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов-на-Дону, 2014. 236 с.

ПСЗ, 1866 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVIII. Отд. 2. СПб., 1866. 1071 с.

Ревин, 2005 – *Ревин И.А.* Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в. – 1861 г. Ростов-на-Дону, 2005. 188 с.

РГВИА, 82 – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. По рапорту войскового наказного атамана войска Донского о военном устройстве в Войске Донском. 1867-1874.

РГВИА, 1937 – РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. О воинской повинности донского казачьего войска. 1875.

Савельев, 1917 – *Савельев Е.П.* Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск, 1917. 80 с.

- Столетие, 1907 – Столетие военного министерства. 1802-1902. СПб., 1907. Т. XI. Ч.3. 684 с.
 Филевский, 1898 – *Филевский П.П.* История города Таганрога. М., 1898. С. 193-207. 376 с.
 Харузин, 1885 – *Харузин М.Н.* Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М., 1885. 390 с.
 Krinko, Medvedev, 2015a – *Krinko E.F., Medvedev M.V.* «...To Elect a Parity Commission»: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (9). Is. 3. Pp. 204-219.
 Krinko, Medvedev, 2015b – *Krinko E.F., Medvedev M.V.* «...To Elect a Parity Commission»: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (10). Is. 4. Pp. 288-295.
 Peretyatko, 2016 – *Peretyatko A.Y.* The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Is. 1. Pp. 137-145.
 Peretyatko, 2015 – *Peretyatko A.Y.* Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.(16). Is. 4. Pp. 258-282.

References

- Agafonov, 1986 - *Agafonov A.I.* Oblast' vojska Donskogo i Priazov'e v doreformennyj period [The Don Host Oblast and Azov region in the pre-reform period]. Rostov-on-Don, 1986. 192 p. [In Russian].
 Volvenko, 2014 - *Volvenko A.A.* Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870- e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s)], *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*, 2014, Vol. 16, Nr.3, Pp. 12-20 [in Russian].
 Volvenko, 2007 - *Volvenko A.A.* Dva podkhoda k raschetam stoimosti donskogo kazachestva dlya Rossiiskoi imperii v 60-70 gg. XIX veka [Two methods to the calculation of the cost of the don Cossacks in the Russian Empire in 60-70th of XIX century], *Actual problems of social history, Collection of scientific articles*. Vol. 8. Novochoerkassk; Rostov-on-Don, 2007. Pp. 47-56. [in Russian].
 Volvenko, 1998 - *Volvenko A.A.* Zemskaja reforma v Oblasti vojska Donskogo (1864-1882) [Zemskaja reform in the Don Host Oblast (1864-1882)], *State power and local self-government*, 1998, Nr. 1, Pp. 49-58 [in Russian].
 Galkin, 2015 - *Galkin Yu.I.* Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossiei i Ukrainoi v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoi oblasti [Collection of documents about border dispute between Russia and Ukraine in 1920-1925 gg. about Taganrog and Shakhty district of the Don oblast]. Donetsk, 2015. P. 52. [In Russian].
 GARO - State archive of the Rostov region. F. 46. Op. 1. D. 1083. Delo o vyselenii donskih pomeshchikov so stanichnyh jurto. [The matter of eviction landlords with the land of don cossaks yurt]. 1872-1877. [In Russian].
 GARO, 1130 – GARO. F. 46. Op. 1. D. 1130. Delo o prisoedinenii Miuskogo okruga k proektiruemoi taganrogskoj gubernii. [The matter of incorporation Mius district to projected Taganrog Governorate]. 1874. [In Russian].
 Zaionchkovskii, 1952 - *Zaionchkovskii P.A.* Voennye reformy 1860-1870 gg. v Rossii [Military reforms 1860-1870 in Russia]. М., 1952. P. 370. [In Russian].
 Zalesov, 1905 - *Zalesov N.G.* Zapiski N.G. Zalesova [Notes by N.G. Zalesov], // *Russkaya starina*. Vol. CXXII. 1905. Pp. 509-546. [In Russian].
 Karasev, 1867 - *Karasev A.A.* Donskie krest'jane [Peasants of Don region], *Works of the Statistical Committee of Don Host Oblast*. Vol. I. Novochoerkassk, 1867. Pp. 69-121 [in Russian].
 Kartashova, 2014 - *Kartashova T.A.* Pesennaya traditsiya ukraintsev Dona v proshlom I nastoyashchem. [Song tradition Ukrainians of the don region in the past and present]. Rostov-on-Don, 2014. P. 352. [In Russian].
 Krasnov, 1870 - *Krasnov N.I.* Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb., 1870. P. 290. [In Russian].
 Matishov et al., 2012 - *Matishov G.G. et al.* Sotsial'no-istoricheskii portret del'ty Dona: kazachii khutor Donskoi [Socio-historical portrait of the don Delta: Donskoy Kazachiy Khutor]. Rostov-on-Don, 2012. P. 216. [In Russian].
 Miljutin, 1999 - *Miljutin D.A.* Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860-1862]. М., 1999. P. 559. [In Russian].
 Miljutin, 1947 - *Miljutin D.A.* Dnevnik D.A. Miljutina. 1873-1875 [D. A. Milyutin's Diary. 1873-1875]. М., 1947. Vol.1. P. 255. [In Russian].
 Miljutin, 1949 - *Miljutin D.A.* Dnevnik D.A. Miljutina. 1876-1877 [D. A. Milyutin's Diary. 1876-1877]. М., 1949. Vol.2. P. 297. [In Russian].
 Nomikosov, 1884 - *Nomikosov S.F.* Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical review of the Don Host Oblast]. Novochoerkassk, 1884. P. 762. [In Russian].

Peretjat'ko, 2014 - *Peretjat'ko A.Ju.* Voennaja organizacija i voennoe upravlenie Oblasti Vojska Donskogo vo vtoroj polovine XIX veka [The military organization and military management of Don Host Oblast in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don, 2014. P. 236. [In Russian].

PSZRI - Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian empire]. Sobranie vtoroe. Vol. XXXVIII. Part. 2. SPb., 1866. P. 1071. [In Russian].

Revin, 2005 - *Revin I.A.* Stanovlenie krest'janskogo soslovija na Donu i v Priazov'e: vtoraja polovina XVIII v. – 1861 g. [The formation of the peasant class on the Don region and in the Azov region: the second half of the XVIII century – 1861]. Rostov-on-Don: SCSC HS Publishers, 2005. P. 188. [In Russian].

RGVIA - Russian state military and historical archive. F. 330. Op. 1. D. 82. Po raportu voiskovogo nakaznogo atamana vojska Donskogo o voennom ustroistve v Vojske Donskom [According to the report of Don ataman about the military organization of Don Host Oblast]. 1867-1874. [In Russian].

RGVIA - RGVIA. F. 330. Op. 61. D. 1937. O voinskoj povinnosti donskogo kazach'ego vojska. [About the military service of Don Cossacks]. 1875. [In Russian].

Savel'ev, 1917 - *Savel'ev E.P.* Krest'janskij vopros na Donu v svjazi s kazach'im [The peasant question in connection with Don Cossacks]. Novocherkassk, 1917. P. 80. [In Russian].

Stoletie Voennogo, 1907 - Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Istoricheskij ocherk. [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902. Head department of the Cossack troops. Historical sketch.] SPb., 1907. Vol.11. Ch.3. P. 684. [In Russian].

Filevskii, 1898 - *Filevskii P.P.* Istoriya goroda Taganroga. [The history of Taganrog.] M., 1898. P. 376. [In Russian].

Kharuzin, 1885 - *Kharuzin M.N.* Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. [Information about the Cossack communities in the Don: materials about custom law: no. 1]. M., 1885. P. 390. [In Russian].

Krinko, Medvedev, 2015 - *Krinko E.F., Medvedev M.V.* «To Elect a Parity Commission»: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // Russkii Arkhiv. 2015. Vol. (9). Is. 3. Pp. 204–219. [In Russian].

Krinko, Medvedev, 2015a - *Krinko E.F., Medvedev M.V.* «To Elect a Parity Commission»: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // Russkii Arkhiv. 2015. Vol. (10). Is. 4. Pp. 288–295. [In Russian].

Peretyatko, 2016 - *Peretyatko A.Y.* The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // Bylye Gody. 2016. Vol. 39. Is. 1. Pp. 137–145. [In Russian].

Peretyatko, 2016 - *Peretyatko A.Y.* Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR // Russkaya Starina. 2015. Vol.(16). Is. 4. Pp. 258–282. [In Russian].

УДК 93/94

Спор о Миусском округе в 1874 г.: неприкосновенная часть Области Войска Донского или историческая Малороссия?

Артем Юрьевич Перетяtko ^а · *

^а Международнoй сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена попытке передать Миусский округ Области Войска Донского в состав Таганрогской губернии в 1874 г. Министр внутренних дел Российской империи, А.Е. Тимашев рассматривал новую губернию как «малороссийскую», и хотел включить в ее состав те территории Области Войска Донского, на которых преобладало малороссийское население. На основании анализа архивных материалов и свидетельств современников автор показывает, что эта инициатива была неактуальна для донских малороссов, а для донского казачества неприкосновенность границ носила принципиальный характер. Внимание уделено аргументам, как сторонников, так и противников территориальной реформы. Результатом исследования является вывод о том, что попытка отделить Миусский округ от Области Войска Донского была связана с борьбой А.Е. Тимашева и Д.А. Милютин, а не реальными интересами малороссов.

Ключевые слова: Область Войска Донского, Малороссия, Миусский округ, Д.А. Милютин, А.Е. Тимашев, Н.И. Краснокутский.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 40, Is. 2, pp. 457-468, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 001.76: «18/19» (574)

About Introduction of New Methods of Managing in the Economy of the Traditional Kazakh Society of the Central Part of Kazakhstan in the Second Half of XIX – Early XX Centuries

Bakhytgul T. Tuleuova^{a, *}, Lyzzat K. Shotbakova^a, Gylnara M. Smagulova^a,
Nazym A. Kassymzhanova^a

^aKaraganda State University named after E.A. Buketov, Kazakhstan

Abstract

On the basis of Russian and Kazakh archives materials discussed the process of implementation of new methods of management in the economy of the traditional Kazakh society during the second half of XIX – early XX centuries. under the influence of Russian administrative and land reforms, the penetration of market relations in the Kazakh steppe, the resettlement of peasants from the central provinces of Russia. The authors examine this process by the example of the central part of Kazakhstan, where the spread of settled agricultural culture went less intensively in contrast to other regions of Kazakhstan. The reason for this was the difficult climatic and soil conditions, a low percentage of the Russian population, prevailing economic tradition. Particular attention is paid to the issue of land use in the Kazakh steppe, which was directly linked to the policy of seizure of grazing land and the settling of the nomadic population, carried by Russian administration. As a result of land and resettlement policy of the Russian state in the Kazakh steppe, resulted in the seizure vast land spaces of pastoral economic circulation, distribution of settled agricultural culture, nomadic pastoralism was to adapt to the changed socio-economic circumstances. This was manifested in the change of the structure of the traditional herds, distributing intensive forms of farming and the development of new methods of development of cattle breeding.

The author concludes that, resettlement and land policy of the Russian colonial administration in Kazakhstan, based on the seizure of grazing and irrational use of soil resources, not only changed the course of development of nomadic livestock farming, but also adversely affected the development of traditional agriculture in the Kazakh steppe.

Keywords: Russian Empire, Kazakhstan, traditional society, Nomadic pastoralism, market conditions, innovation.

1. Введение

В советской исторической науке доминировало мнение о том, что во второй половине XIX – начале XX веков экономическая отсталость кочевой цивилизации казахов не могла воспринять инновационные на тот момент методы хозяйствования, непосредственно связанные с капиталистическим способом производства. В острой борьбе между капиталистической и социалистической системами коммунистическая идеология стремилась создать «альтернативу рынку и частной собственности... в виде концепции построения социализма, минуя рыночные отношения. Там же где, наличие рыночных отношений нельзя было отрицать, в ход пошла антирыночная историческая и политическая риторика, в которой основное место занимал тезис об отрицательных последствиях колониально-капиталистического рынка...» (Абжанов, 2004: 9). Однако возможности и перспективы традиционной экономики казахского общества в условиях рыночного капиталистического хозяйства оказались далеко не исчерпанными.

* Corresponding author

E-mail addresses: b_t_tuleuova@mail.ru (B.T. Tuleuova), shotbakovazz@mail.ru (L.K. Shotbakova), gylnara2005@mail.ru (G.M. Smagulova), nazie_one@mail.ru (N.A. Kassymzhanova)

В рассматриваемый период в казахском традиционном обществе под влиянием внешних факторов, а также на основе внутренних тенденций саморазвития и саморегуляции, способности к адаптации к новым условиям, стали развиваться внутренние предпосылки рыночных отношений, формироваться слой носителей нового типа хозяйства, новой культуры и новой ментальности.

Актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью изучения опыта переходного периода от традиционного кочевого образа жизни к рыночным формам хозяйствования, что позволит современному Казахстану учитывать историческую практику процессов модернизации отечественной экономики.

2. Материалы и методы

Теоретической основой статьи является теория модернизации, которая рассматривает переход традиционного общества к современному, к более прогрессивному на основе внедрения новых методов ведения хозяйства, ориентации на инновации, распространения индивидуализма и мотивации успеха в традиционном социуме, развитие институтов демократии, повышение образовательного потенциала общества. Наибольший интерес в данном направлении представляют восточные общества, где данный процесс может сильно отличаться от западного канона. Здесь, для того чтобы общество смогло воспринять инновацию, стать его органической частью, важно наличие определенных традиций, которые могли стать основой для преобразований. Долгое время в современной науке господствовала точка зрения о том, что традиция - застывшая форма, неспособная к саморазвитию. Однако в конце XX века исследователи отмечали исключительную роль традиции в жизни и организации аграрных обществ. Традиция как явление развивающееся, способное приспосабливаться к новым условиям жизни, «может оказывать позитивное воздействие на процесс модернизации, а может – препятствовать ему, равно как и процесс модернизации может приводить к ослаблению влияния традиции, а может и способствовать ее усилению» (Лурье, 1999: 22).

С данным мнением соглашаются и казахстанские ученые, которые отмечают, что «традиция высказывает свое присутствие в любой социальности... Она выполняет функцию социальной памяти, выступает транслятором информационного и социального опыта, без нее невозможна коллективная адаптация к окружающей среде и культурной социализации (Абылхожин, 1991: 237).

Открытость, подвижность традиционных культур, их способность воспринимать нововведения также отмечается в работах российских историков. По мнению С. Лурье, «адаптивность для той или иной культуры тех или иных моделей поведения в значительной мере определяется согласованностью ее собственных «этнических констант»... Все новшества, которые этнос может почерпнуть в результате межкультурных контактов, проходят через сито «цензуры». Культурная традиция – вещь очень гибкая и подвижная. Она лишь вписывает новшества в свою структуру... Но порой вестернизированная элита Азии так адаптирует западные ценности, что родная Европа их не может узнать» (Лурье, 1999: 35). Таким образом, взгляды исследователей сходятся на том, что традиция еще раз подтверждает свою устойчивость и гибкость, проявляя способность видоизменяться, адаптироваться в процессе своего взаимодействия с новыми явлениями в социально-экономической жизни.

При написании статьи также были использованы идеи синергетического подхода (Пригожин, Стенгерс, 1986; Гомаюнов, 1994; Сапронов, 2002). В первую очередь, это идея самоорганизации, заключающаяся в том, что в любой системе происходит упорядочивание за счет действия ее составляющих, то есть неких внутренних законов, возможностей и сил. Самоорганизация не навязывается извне: внешнее воздействие только инициирует самоорганизацию. Другим понятием синергетического подхода является понятие открытости, которое означает постоянное взаимодействие системы с внешней средой, в ходе которого происходит адаптация, приспособление всех элементов системы к изменяющимся условиям существования. Данные методологические идеи способствовали пониманию того, что в кочевой цивилизации казахов существовала традиционная естественная саморегуляция, которая помогала ей выдерживать различные инновации.

Для решения заявленной исследовательской задачи по теме статьи был привлечен широкий круг источников. Это документы законодательного характера (нормативные акты государственной верховной и региональной власти), которые с достаточной степенью достоверности позволяет раскрыть закономерные черты российской правительственной политики и ее региональные особенности на протяжении XIX – начала XX веков.

Наиболее обширный и массовый вид использованных источников – это делопроизводственная документация: приказы и отчеты Степного генерал-губернатора, отчеты военных губернаторов степных областей, прошения представителей казахского общества. Данный вид источников позволяет проследить методы и механизмы реализации основных направлений колониальной политики в регионе, содержит личные наблюдения местных чиновников за процессами, происходящими в Степном крае, мнения официальных властей о целесообразности и необходимости проведенных преобразований в традиционном казахском обществе.

Важный материал по проблемам развития традиционного казахского общества в рыночных условиях содержится на страницах периодической печати конца XIX – начала XX веков. Здесь представлены интересные дискуссии о характере земельной политики официальной России, судьбе

казахского народа, о влиянии административной и экономической политики Российской империи на развитие традиционного хозяйства. На страницах периодической печати содержится информация о жизни казахского общества в новых экономических условиях, об изменениях в жизни и быте казахского народа.

3. Обсуждения

Вопросы хозяйственной истории традиционного казахского общества впервые были рассмотрены в работах русских исследователей конца XIX – начала XX веков Н.М. Ядринцева, Л. Чермака, П. Румянцева, Д. Клеменца, Я. Полферова (Ядринцев, 1892; Чермак, 1908; Чермак, 1912; Румянцев, 1910; Клеменц, 1908), которые отмечали процесс эволюции кочевой экономики в сторону более прогрессивной формы развития хозяйства – оседлости, характеризуя переход казахского скотоводческого хозяйства к интенсивной форме скотоводства, выделяли следующие его проявления: заготовка кормов на зиму, сенокосение, стойловое содержание скота.

В советский период исследователи аграрной истории, рассматривая хозяйственные и социальные изменения в казахском ауле в конце XIX – начале XX веков, связывали их с процессами первоначального накопления в Казахстане, проникновением товарно-денежных, капиталистических отношений в казахский аул. Однако, отмечая эти важные изменения, они делают вывод о том, что товарное производство в казахской степи в силу господства патриархально-феодалных отношений не переросло в капиталистическое.

В 1980–1990-е годы казахстанские историки Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин (Масанов, 1984; Масанов, 1995; Абылхожин, 1991) дали объективную оценку роли степного скотоводства в развитии казахского общества в условиях рынка, ставшего фундаментом адаптационных изменений, подвергли критике позицию историков предшествующего периода, скептически относившихся к перспективам скотоводческого хозяйства Казахстана. В своих работах Ж.Б. Абылхожин, исследуя кочевническую структуру хозяйствования в 1920–1930 годы и характеризуя ее как «собственную цивилизацию с эффективным социальным механизмом адаптации и развитыми культурными традициями» (Абылхожин, 1991: 200), отмечает проникновение новых методов ведения традиционного хозяйства.

Из работ зарубежных авторов можно выделить работу М.Б. Олкотт «Казахи», в которой она отмечает адаптивную способность казахского народа в условиях рыночной экономики: «Казахи продемонстрировали свою национальную способность быстро восстанавливать физические и душевные силы путем трансформации экономики и развития культуры. Их традиционное кочевое общество подверглось воздействию более сложной цивилизации, но не было полностью поглощено ею» (Олкотт, 1997: 312).

В статье английского исследователя А. Моррисона «Peasant Settlers and the 'Civilising Mission' in Russian Turkestan, 1865–1917» анализируется колониальный характер административных реформ второй половины XIX в., обостривших земельный вопрос в казахской степи, а также последствия переселенческой миграции для развития традиционного казахского общества (Моррисон, 2015).

4. Результаты

Важной характеристикой хозяйственного развития казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков стал внедрение новых методов хозяйствования в рыночных условиях, обусловленных включением Казахстана в систему Российской империи.

В 1860–1890-х годах завершилась колониально-континентальная интеграция Казахстана в состав Российской империи. Данный процесс повлек за собой серьезные изменения в политическом, экономическом и социальном развитии региона. В административном отношении были унифицированы ранее созданные органы управления краем и выработана единая система государственно-административного управления на всей территории Степного края, введена налоговая система, земля была изъята из пользования казахского общества и объявлена государственной собственностью. Данные обстоятельства вынудили казахское общество изыскивать иные пути для поддержания своего благосостояния, заставляя их адаптироваться к новым законам и внешним административно-правовым факторам. Более того, землеустройство казахов постепенно способствовало укреплению у них понятия о собственности на землю как важном источнике их материального благосостояния: «в традиционных представлениях номадов о земле была пробита брешь: формируется прагматический взгляд на землю как на вещь, появляется понятие об индивидуальной собственности на землю» (Малтусынов, 2006: 93).

В целом имперская административно-земельная политика положила конец традиционному развитию казахского кочевого общества. «Заселение степи русскими переселенцами и вовлечение ее в мирную торговлю, которая начала в усиленном темпе развиваться с проведением железнодорожных машин не могли не произвести переворота в хозяйственной жизни киргиз. Натуральное скотоводческо-кочевое хозяйство киргиз стало превращаться в товарно-денежное, а возникшие капиталистические отношения раскололи киргизский народ на новые экономические классы, не имеющие ничего общего со старыми родовыми группами» (Тресвятский, 1917: 71). Поэтому если ранее казахскому народу, как и всем кочевым народам, было присуще понимание полной свободы по отношению к земле, то в рассматриваемый период на смену старым родовым началам в казахском

хозяйстве приходят новые экономические явления, свидетельствующие об эволюции родового строя в Степном крае.

Анализируя изменения в казахском обществе в начале XX веков, В.А. Тресвятский замечает, что «процесс развития киргизского хозяйства выразался в устройстве постоянных зимних жилищ, затем развитии сенокосения и земледелия. В связи с этим наблюдалось сокращение перекочевков во времени и пространстве, удлинении срока пользования призимовочными пастбищами и более интенсивное зимнее содержание скота. Теперь немало киргизских общин, сохранивших только видимые формы кочевого быта; круглый год они вращаются около своих зимовок, откочевывают на лето не более 5–6 верст, зиму держат на подножном корму только гулевыми лошадьми, овец же, рогатый скот и рабочих лошадей кормят всю зиму сеном, причем все почти занимаются земледелием» (Тресвятский, 1917: 66).

С мнением русского исследователя, соглашаются казахстанские историки, которые отмечали, что «внутри себя казахское кочевое скотоводческое общество не имело потенциальных возможностей интенсивного развития разделения труда. Только по мере оседания номадов, перехода их к земледелию и другим видам хозяйственной деятельности, втягивания в рыночные, товарно-денежные капиталистические отношения в их социально-экономической структуре наступают принципиальные изменения» (Абдрахманова, 1998: 135). Поэтому, «именно разрушительные последствия российского экономического и политического влияния, несмотря на всю катастрофическую болезненность их для казахского общества... в XIX веке, имели позитивное значение для его дальнейшего развития».

Вместе с тем некоторые историки полагают, что экономика казахского общества, основанная на кочевом скотоводстве, во второй половине XIX – начале XX веков не претерпела серьезных качественных изменений. Причину этого видят в искусственном характере насаждения новых отношений в традиционном обществе в противовес целесообразности кочевого способа производства, порожденного объективным процессом взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов (Масанов, 1995: 237).

Однако анализ архивных материалов показывает, что в результате адаптации казахского общества к новым условиям отдельные элементы трудового процесса кочевников (выпас животных, процесс кочевания, состав скота, выбор и распределение пастбищных угодий), образ жизни трансформировались в новые, более приспособленные элементы.

Рассматривая причины данного явления, надо отметить, что хозяйственно-экономическая деятельность казахского социума во второй половине XIX века определялась, как и в прежние времена, в первую очередь, природно-климатическими особенностями. Ее формы обуславливались особенностями адаптации человека к среде обитания. На протяжении многих столетий кочевники казахской Степи совершенно свободно и неограниченно передвигались по необъятным степным просторам, что сформировало у них особое отношение к окружающей среде.

«Процесс освоения новых территорий, – отмечает С. Лурье, – тесно связан с адаптацией человека к природной и социокультурной среде обитания, в том числе с адаптацией психологической. В ходе нее формируются определенные модели человеческой деятельности, задача которых – психологически снизить степень дисгармонии между человеком и миром. В той или иной степени иррациональные, эти модели имеют свою внутреннюю логику, которой и следуют люди. Каждая культура формирует свой особый «адаптированный» образ реальности, опыт человека как бы укладывает его в определенные парадигмальные формы» (Лурье, 1999: 34).

Такой хозяйственной формой в Степном крае исторически стал, как известно, кочевой быт. По мнению А.А. Кауфмана, кочевой быт, явился ярким примером адаптации человека и его хозяйства к природе, всецело господствующей над ним и которой кочевник всецело подчинялся. Это определило в конечном итоге, основные черты типичного чистого кочевого быта: скотоводство как единственный источник существования, использование естественных пастбищ, правильные перемещения людей и стад в зависимости от времени года, переносные жилища, совершенное отсутствие постоянных или хозяйственных помещений (Кауфман, 1908: 6).

Однако во второй половине XIX – начале XX веков характерным явлением в скотоводческих хозяйствах казахов Центрального Казахстана стал переход к интенсивным формам хозяйства, к использованию более рациональных методов разведения скота. Основным фактором, определившим эволюцию кочевого хозяйства казахов, стало изъятие из пользования казахов пастбищных угодий, что не позволило далее развивать традиционное кочевое скотоводство, основываясь только лишь на возможностях больших степных просторов. Так А. Букейханов отмечает, «казах, несмотря на то, что живет на такой земле, не может нормально вести хозяйство с использованием скота. И это справедливо» (Бокейхан, 2003: 69). В условиях сокращения своих земель казахи вынуждены были применять новые формы ведения скотоводческого хозяйства, в том числе методы улучшения породы как традиционных спутников кочевого быта, так и крупного рогатого скота, численность которого в конце XIX – начале XX веков значительно возросла.

Для улучшения и усовершенствования казахской лошади богатые скотопромышленники в конце XIX века начали употреблять туркменскую, хивинскую и русскую заводскую породы лошадей. Например, в табунах известного скотопромышленника Терсаканской волости Атбасарского уезда Мейрама Джанайдарова имелись полукровные туркменские и хивинские жеребцы, в табунах казаха

Сары-Суйской волости этого же уезда Джандавлета Кулубекова проводили смычку степных лошадей с хивинской породой (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10335. Л. 30). Данные мероприятия поддерживались специалистами ветеринарной службы Акмолинской области, которые рекомендовали скотоводам региона остановить свой выбор на так называемой текинской породе лошадей, которые крупнее средней казахской лошади, благороднее, имеют больше огня в темпераменте (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10335. Л. 38).

При этом ряд специалистов предупреждают о необходимости более тщательного отбора производителей, «в противном случае будет масса жертв разницы жизненных условий, пока будет достигнута полная акклиматизация» (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10335. Л. 37об.).

В планах официальных кругов Российского государства вопрос изучения причин вырождения казахской лошади и мерах поддержания этой породы занимал важное место. В 1890 году граф Воронцов-Дашков предпринял путешествие в Казахскую степь, с тем, чтобы лично убедиться в пользе казахского коневодства. В тургайских конюшнях ему были представлены до 4 тыс. голов лошадей, в Кустанае – до 7 тыс. голов, а в летних кочевьях братьев Яраспаловых до 11 тыс. голов, из которых 4 тыс. принадлежали самим хозяевам. После осмотра граф сделал вывод о том, что если улучшить местную породу более рослыми производителями, то степное коневодство может дать России неисчерпаемые богатства для артиллерии, кавалерии и обозов армии (Дала уалаятының газеті, 1994: 144-145). Выводы графа Воронцова-Дашкова позднее подтвердили ветеринары в своих донесениях.

Более того, в начале XX века официальными властями стали проводиться различные мероприятия, способствующие более интенсивному развитию скотоводства в казахском хозяйстве: распространение сенокосилок, создание общественных запасов сена, создание продовольственного капитала казахских обществ. Большую работу, по мнению областных ветеринарных инспекторов, необходимо провести среди самих казахов: «для улучшения скотоводства и коневодства нужна популяризация в населении знаний о приемах рационального разведения и содержания животных, которые можно осуществить путем народных чтений, издания брошюр на русском и киргизском языках, при помощи скотоводческих выставок» (ЦГА, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678. Л. 12).

Важную роль в усовершенствовании характеристик и показателей местных пород скота сыграли природные климатические условия. Поэтому ветеринарный врач г. Петропавловска в своем письме заведующему ветеринарной частью по Акмолинской области в 1894 году рекомендовал первые опыты по скрещиванию казахских и текинских лошадей производить в южных частях Степного генерал-губернаторства, где климат более теплее, а в северные уезды, доставлять уже полученный материал от скрещивания (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678. Л. 28). Таким образом, центральная часть Казахстана рассматривались специалистами как прекрасная лаборатория для улучшения местных пород лошадей и развития скотоводства в регионе.

Большое значение в развитии скотоводства, основанного на научном подходе и передовых методиках ведения хозяйства, имеют традиции. По этому поводу Ф. Бродель, характеризуя опыт французского животноводства XIX века, отмечает, что местные ученые резко осуждали традиционное скотоводство, считая английский путь селекции местных пород с племенным скотом других кровей лучшим и правильным. При этом он подмечает, что «традиционное скотоводство подчиняется опыту народной мудрости». Крестьяне держат стадо коров той породы, которое лучше подходит для нужд местности (Бродель, 1997: 82-83). Данное мнение вполне подходит к опыту развития традиционного скотоводства в казахской степи, где испокон веков основу экономики составляло кочевое скотоводство, обусловленное особенностями природно-климатических и почвенных ресурсов, опытом поколений. Поэтому, как замечает Акмолинский областной ветеринарный инспектор в 1910 году, в основу улучшения местной породы скота необходимо положить метод разведения их в самих себе (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678. Л. 12), то есть, не скрещивая его с другими породами, основываясь на традициях казахского кочевого хозяйства.

Казахские исследователи в начале XX века также отмечали необходимость применения рациональных методов разведения скота в сложившихся условиях. Так, А. Букейханов замечает, «Времена изменились. Настоящую цену на базаре имеет только жирный баран. Если не хочешь отстать, надо улучшать породу» (Бокейхан, 2003: 71). По мнению видного представителя казахской интеллигенции, потребности рынка диктуют иное отношение к возможностям и перспективам традиционного казахского скотоводства. В качестве примера он приводит опыт Англии, которая прославилась своими знаменитыми лошадьми. Англия, взяв за основу арабскую скаковую лошадь, улучшив ее качества, достигла больших результатов (Бокейхан, 2003: 70).

К новым методам ведения хозяйства традиционного казахского общества относится также изменение видовой структуры стада, обусловленное потребностями рынка и изменившимися условиями. В связи с введением государственной собственности на землю, сокращением традиционных пастбищ, спросом на скотоводческую продукцию кочевые хозяйства вынуждены были перестраиваться. В отличие от казахской лошади, нуждающейся в лучших пастбищных условиях, крупный рогатый скот казахов был более приспособлен к создавшейся ситуации по причине своей выносливости и востребованности. Кроме этого, акмолинский ветеринар, отмечая в 1910 году большой спрос на масло-молочную продукцию на внешнем рынке, настоятельно требует обратить внимание на улучшение молочного скота (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678. Л. 12об.). Данное

направление в скотоводстве региона постепенно получило распространение как в казахских, так и в переселенческих хозяйствах.

Перспективность данной методики можно продемонстрировать на примере работы рассадника казахского скота, созданного в 1912 году в г. Троицке на р. Кызыл-Су. Его основатель П.Г. Амосов путем селекции сумел выделить несколько линий рогатого скота со значительной повышенной удойностью при том же высоком содержании жира, характерного для казахской породы (ГАКО, Ф. 1487. Оп. 1. Д. 109. Л. 70б.). Интерес ученого распространялся и на территорию Центрального Казахстана (Амосов, 1917). Так, потребности рынка определили приоритетные направления в развитии регионального научного скотоводства. Работа рассадника Амосова, рассчитанная на 30 лет, была остановлена революцией и войной.

Одним из нововведений в казахской степи во второй половине XIX – начале XX веков была заготовка сенных запасов, которая рассматривается как сопутствующая скотоводству и земледелию форма более интенсивной эксплуатации имеющихся угодий (Хабижанова, Валиханов, 2003: 208). При сенокосении на одной и той же площади возможно прокормить гораздо большее число голов скота, чем тогда, когда скот вынужден доставать себе корм из под снега, используя только весьма незначительную часть имеющейся на одной площади кормовой массы (Скалов, 1910: 289).

Большую роль в развитии техники сенокосения сыграли русские переселенцы. Еще в XVIII веке Коллегия иностранных дел разрешила официально обучать сенокосению казахов, приезжавших торговать скотом (Апполова, 1976: 206). Применительно к началу XX века сообщается, что «под влиянием переселенцев киргизы вводят у себя стойловое кормление скота, что позволяет им более интенсивно использовать оставшиеся в их пользовании еще сравнительно большие площади земли и благодаря этому увеличивать свои стада» (Тресвятский, 1917: 60).

На первых порах сенокосение развивалось медленно, так как его приемы у оседающих кочевников были развиты невысоко. «Киргизы косят чрезвычайно поздно, большей частью в июле или в августе, когда трава успевает просохнуть, скошенная трава лежит весьма долго в рядах, сено получается большей частью либо черное и гнилое, либо сухое» (Кауфман, 1908: 33).

Толчком к развитию сенокосения были джугты, которые заставляли вчерашних кочевников задумываться о непрочности скотоводства, основанного на прежних началах, и обращаться к устройству сенных запасов. Военный губернатор Акмолинской области в 1902 году отмечал: «Поздняя весна причинила многим аульным обществам неисчислимы убытки от падежа, многие потеряли до 80 % скота, составляющего единственный источник их богатства» (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 4. Д. 7936. Л. 5). Поэтому характерным и важным явлением в эволюции хозяйства оседающих казахов становится распространение машинного сенокосения, особенно на севере Степного края. Первые сенокосилки здесь появились в конце 1890-х годов (Кауфман, 1908: 33).

В начале XX века казахи, осознав пользу машинного сенокосения сами обращаются с просьбой о продаже сенокосилок. Так, в 1902 году кибитко владельцы многих уездов подали прошение о выдаче сенокосилок в долг с уплатою в течение трех лет (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 4. Д. 7936. Л. 1, 50б.). В последующие годы популярность сенокосилок среди казахского населения значительно возрастает.

Особенно заготовка сена в казахских хозяйствах стала приобретать большую роль под влиянием повышенного спроса на скот и скотоводческую продукцию на внутреннем и внешнем рынках Российского государства. Данный факт подмечают уездные начальники, которые считают, что главной заботой казахского населения в начале XX века по-прежнему остается скот. «Увеличивающийся спрос на него заставил кочевника подумать о его лучшем сохранении и обеспечении, и поэтому увеличить в огромных размерах площади покосов, заменив ручной труд сенокосильными машинами, распространение которых в уездах совершается необыкновенно успешно» (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 4. Д. 55. Л. 290б.).

Большую роль в развитии сенокосения сыграли официальные власти. Учитывая важную роль скотоводства как важного и единственного источника благосостояния кочевого населения и его платежной силы, а также отмечая его значение в развитии внутренней и внешней торговли России, администрация Степного края принимала самые различные меры по поддержанию традиционного скотоводства. Среди этих мероприятий можно выделить создание общественных сенных запасов, искусственное травосеяние и снабжение казахского населения сенокосилками (Сибирская жизнь, 1899: 2).

Появлялись и предприимчивые люди, которые покупали на складах косилки и грабли, разъезжали по степи, взяв с местного населения за косьбу 1 руб. 50 коп. – 2 руб. с десятины, и за одно лето выручали больше денег, чем тратили на покупку сенокосилок (Киргизская степная газета, 1900: 4).

Развитие рыночных отношений, помощь официальных властей в развитии сенокосения дали хорошие результаты, поэтому этот вид занятия получил свое широкое распространение даже в южной части Акмолинской области, районе традиционного кочевого скотоводства. Согласно материалам горного инженера А. Козырева, составленным в 1911 году при описании южных волостей Атбасарского уезда, в Кенгирском районе отмечают обильные сенокосные участки казахов, а «вдоль рек травы настолько буйны, что местное население не успевает их выкашивать... По руслу реки Караганды разбросаны узкие влажные луга с хорошей растительностью» (Гидрогеологическое

описание, 1911: 389, 392, 401). При этом дореволюционные гидрологи, отмечая хорошие качества лугов южной части Акмолинской области, предупреждали о том, что «в Улутауском районе посевные площади могут непременно пойти в ущерб богатым сенокосам», и тем самым пагубно скажутся на развитии скотоводства в регионе (Гидрогеологическое описание, 1911: 399).

Постепенное развитие в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков получает машинное сенокосение, которое продвигалось вперед достаточно успешно, без всяких принудительных мер и насилия со стороны администрации (Материалы по киргизскому землепользованию, 1905: 542). Однако для применения такого вида покосов было необходимо или наличие достаточного количества лугов, или пригодность степи для машинного сенокосения. Надо отметить, что данные инициативы испытывали большие трудности. Главная проблема заключалась в отсутствии богатых сенокосных угодий в некоторых южных волостях, общинный характер пользования лугами, сложности обращения с техникой, трудности ремонта.

Однако, несмотря на это, среди материалов волостных и уездных начальников начала XX века можно встретить приговоры кибитковладельцев аулов Карагандинской, Нельдинской, Чурубай-Нурунской волостей Акмолинского уезда о приобретении общественных сенокосилок (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 4. Д. 10337. Лл. 47, 201, 236). Но, так как работать с машинами мог не каждый, аулы принимали решение о создании артелей, которым поручалось отвечать за сенокосилки и работать на них за определенную плату.

Важным изменением в хозяйственной жизни казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков явилось распространение земледелия. Как замечает дореволюционный исследователь, «хотя скотоводство и составляло главное занятие киргизского населения, но к занятию земледелием, особенно если урожайные годы следуют друг за другом без перерыва, киргизы проявляют большую склонность во всех местностях, где имеются почвенные и климатические условия» (Сибирская жизнь, 1899: 2).

Вместе с тем земледелие второй половины XIX – начала XX вв. существенно отличалось от земледелия предшествующих периодов. В это время появляется казах-земледелец, для которого хлебопашество из подсобного промысла становится основным занятием, начинается процесс отделения земледелия от кочевого скотоводства. Если ранее потребность казахов-кочевников в земледельческой продукции реализовывалась через обмен с крестьянами-переселенцами, то постепенно «сбыта им хлебных запасов крестьянского населения не имеется, так как киргизы высевают ныне для себя хлебов в достаточном количестве» (ГАОО, Ф. 366. Оп. 1. Д. 454. Л. 15).

По свидетельству современников, «киргизская степь, где земледелие еще находится в зародышевом состоянии... обещает в будущем стать весьма существенной частью степного хозяйства киргизского населения» (Сибирская жизнь, 1899: 2).

Центральная часть Казахстана, представленная южными волостями Акмолинского и Атабасарского уездов Акмолинской области и Каркаралинским уездом Семипалатинской области, по физико-географическим, природным и почвенным условиям, особенностям хозяйственного развития сильно отличалась от остальных, северных волостей названных уездов, а также других регионов Казахстана.

Развитие земледельческого хозяйства в центральной части Казахстана было ограничено природно-географическими условиями, в частности бедностью почвенных и водных ресурсов, недостатком атмосферных осадков, засушливостью и континентальностью местного климата. Вследствие этого земледелие в этом регионе носило ирригационный характер и зависело от возможности орошения посевных угодий.

Характерной особенностью распространения земледельческой культуры среди кочевого населения Казахстана во второй половине XIX века – начале XX вв. являлось то, что в условиях сокращения традиционных пастбищных земель казахи, не имея кормовых источников и возможностей свободного выпаса, начинали заниматься земледелием для поддержания традиционного скотоводческого хозяйства и увеличения поголовья своего стада. «Началом введения земледелия в казахские степи должен рассматриваться тот период, когда богатые казахи вынуждены были искать дополнительный корм для своих поголовий скота, только лишь с этого периода земледелие становится постоянным» (Олкотт, 1997: 320). В связи с этим одним из первых традиционных видов выращиваемых злаков в казахском хозяйстве является овес.

Традиция земледельческой культуры в казахском хозяйстве Центрального Казахстана, несмотря на относительную молодость, получила хорошее развитие. Даже в южных волостях Атабасарского уезда, где сохранилось традиционное кочевое скотоводство, в 1890-е годы можно было, как отмечают исследователи того времени, встретить «возделанные поля пшеницы, ярицы и ячменя, эти поля орошаются арыками, которые наполняются водою из ключа, неурожая при этих условиях не бывает» (ГАОО, Ф. 3. Оп. 9. 15213. Л. 50б.). Данный факт свидетельствует о больших достижениях казахского хозяйства в условиях рискованного земледелия.

Прекрасное знание местности, особенностей климата и почв позволило казахам во второй половине XIX – начале XX вв. соперничать с крестьянским и казачьим населением. В материалах XIX века отмечается, что «ни один из кочующих в Сибири народов не может сравниться в успехах

хлебопашества с киргизами. Трудолюбие их самую сухую песчаную землю обращает в плодородную» ([Хозяйство казахов, 1980: 164](#)).

Если крестьяне-переселенцы помогали овладевать казахам навыками подъема степей, то казахи помогали переселенцам овладевать опытом поливного земледелия. Причем было удивительным, что кочевники-казахи, особенно беднейшая их часть, среди родственной природы нашли возможность привить земледельческую культуру там, где слабые попытки станичников и поселенных солдат окончились неудачей. Объяснением тому было подневольное поселение, незнание особенностей поливного земледелия, несение службы и полубоевая обстановка среди малоизвестной природы. Так, в 1883 г. урожай у крестьян в Каркаралинском уезде составил сам 5¹/₂, а у кочевников – сам 7, в 1885 г. урожай яровой пшеницы в хозяйстве казахов уезда составил уже сам 9,7, в 1887 г. – сам 10, даже в малоурожайный 1888 г. урожайность казахских пашен была сам 6,9 ([Обзор, 1899: 8](#)). В Атбасарском уезде в 1892 г. по официальным данным по киргизскому землепользованию урожай у кочевников составил сам 6,6, в Акмолинском уезде – сам 9,2 ([Хозяйство казахов, 1980: 164](#)). Таким образом, урожаи кочевого населения в конце XIX века были намного выше и лучше урожаев у русского населения, «ибо киргизские пашни пользовались искусственным орошением, тогда как русские пахари не устраивают арычной системы для их орошения своих полей» ([Обзор, 1889: 8](#)).

Изменения в хозяйственной жизни, переход к оседлости и земледелию сказались на характере быта бывших кочевников. Под влиянием русских переселенцев и новых условий хозяйствования казахи строят крепкие деревянные дома, дачи, амбары и лари для засыпки хлеба, разводят домашнюю птицу. На многочисленных ярмарках они выменивают на скот или покупают за деньги табак, разные бумажные и шерстяные изделия, железные и медные вещи и т.д.

Как отмечали российские исследователи, «киргизы Акмолинской области, в силу климатических условий, а также благодаря социальному строю, слагающемуся под влиянием русских порядков, не довольствуются легким переносным жилищем – юртой, приспособленной к частым, нередко дальним перекочевкам. Они строят зимние постоянные, теплые жилища. Ограниченные в пределах передвижения по степи и в землевладении известным пространством, они оставляют на нем и другие признаки своего пребывания, как-то: сооружают могильные памятники, мечети, роют колодцы. Сооружения эти могут рассматриваться, как признак более устойчивого образа жизни, чем юрта, и есть переходная ступень к оседлости» ([Шнэ, 1894: 1](#)).

В архиве Г.Е. Катанаева в Омске имеются интересные заметки по поводу взаимовлияния казахов и русских. Так, рассматривая степень влияния переселенцев на казахское население, исследователь замечает, что, глядя на быт, можно встретить в обыкновенной казахской избушке из четырех стен печь для тепла, часы, ведра, таз, самовар, чайный прибор, вилки, русские летовки, русские сохи ([ГАОО, Ф. 366. Оп. 1. Д. 443. Л. 36, 36об.](#)).

В то же время, «азиатские нравы до того вплелись в казачье население, что они живут совершенно как киргизы – мужчины носят камзолы, бешметы и халаты, пьют кумыс, разъезжают по тамырам или лежат дома. Казачки зачастую ходят по улице, закрыв голову халатом, носят рубаху, точно такую же, как и у киргизок, которая заменяет им сорочку. Манера ездить верхом подобно киргизским, местными казачками усвоена давно, и они не хуже казака в киргизском платье джигитуют. Замечателен обычай каркаралинских женщин рядиться во время святок киргизками, татарками даже днем. Манера сидеть на полу, поджав ноги под себя, усвоена как казаками, так и казачками» ([ГАОО, Ф. 366. Оп. 1. Д. 338. Л. 37об.](#)). Данный факт еще раз подтверждает развитие в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков процессов межкультурного взаимодействия соседствующих народов, в результате которых заимствуются внешние проявления культуры – одежда, быт, а также ценности и даже язык. В свою очередь, это доказывает существование тенденций адаптации не только казахского общества к изменившимся условиям, но и встречную адаптацию переселенческого населения к новой среде.

5. Выводы

Характерным явлением развития традиционного казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков стало внедрение новых методов ведения хозяйства, обусловленных внешним фактором. В первую очередь, это изменение видовой структуры скота, улучшение породы традиционных спутников кочевой жизни – лошадей и овец, заготовка сенных запасов, распространение земледелия. Однако в центральной части Казахстана в силу сложных природно-климатических условий, недостатка пахотных земель, основой экономики казахского являлось кочевое скотоводство, наиболее приспособленное и отвечающее потребностям региона и государства. В этой связи примечателен пример других государств начала XX века, которые в своем развитии сделали ставку на дальнейшее усовершенствование существующей экономики. Отвечая на вопрос, стоит ли уничтожать традиционное, полезное в Степном крае, Д. Клеменц в своей статье, посвященной кочевникам и кочевому быту, ссылаясь на опыт европейских стран, отмечает, что «успехи, достигнутые земледелием, заставляют и нас мечтать об интенсивном хозяйстве, но мы проглядели Швейцарию». Далее он продолжает: «С обычной своей практичностью и здравым смыслом швейцарцы крепко держатся за свой горный кочевой быт, сумели его усовершенствовать и

соединить с интенсивной культурой и промышленностью (Клеменц, 1908: 22). Как мы видим, публицист, не отрицая прогрессивного характера оседло-земледельческой культуры, вместе с тем достаточно ярко на примере небольшого европейского государства, доказывает большие перспективы скотоводческо-промышленного хозяйства.

Публицисты, исследователи конца XIX века, отмечая большое значение степных областей Казахстана для центральной России, предупреждали о том, что сокращение скотоводства означало бы сознательное разрушение традиционного хозяйства казахов, обрекая их на голодное прозябание, либо на отказ от привычного для них занятия. Игнорирование интересов кочевого населения может пагубно сказаться не только на развитии самого традиционного общества, но и на экономике Российского государства. Поэтому на вопрос: “что полезнее: пахарь ли, который, кроме своей пашни, ничего не дает для края, или киргиз, который снабжает не только свои местные, но и русские рынки предметами несомненно полезными и даже более – необходимыми?”, здравомыслящие наблюдатели, отвечали, “что если бы было возможным собрать статистические данные о том, сколько доставляется киргизами на рынки, за пределы местного края, предметов необходимости и пользы, если бы можно было вычислить, насколько такая доставка удешевляет предметы фабричной обработки, потребляемые всей Россией, тогда бы мы увидели, что ... киргизы далеко не бесполезны для нас, чтобы не сказать более, и что поэтому задаваться фальшивой задачей обрусения киргизов, в смысле отнятия у них земли в пользу хлебопашцев – не следует, ибо это поведет к полному обеднению киргизов, к тому положению, при котором киргизы или укочуют за пределы России или же обратятся в жалких нищих, никуда негодных пролетариев” (Очевидец, 1891: 137).

Прогноз дореволюционного исследователя жизни казахского общества воплотился в жизнь в 1930-е годы, когда насильственное оседание казахов привело к уничтожению традиционного хозяйства в Казахстане, к потере от голодной смерти половины казахского этноса и откочевке значительной части состоятельного слоя нации за пределы края.

Литература:

- Абдрахманова, 1998** - Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: Полиграфия, 1998. 136 с.
- Абжанов, Селиверстов, 2004** - Абжанов Х.М., Селиверстов С.В. Критическое столетие: размышления историков // Мысль. 2004, № 2. С. 6-12.
- Абылхожин, 1991** - Абылхожин Ж.Б. Традиционная культура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации. 1920-1930. Алматы: Ғылым, 1991. 240 с.
- Амосов, 1917** - Амосов П.Г. Доклад П.Г. Амосова Семипалатинскому продовольственному комитету о поездке на озеро Балхаш в 1917 г. Семипалатинск, 1917. 48 с.
- Апполова, 1976** - Апполова Н. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1976. 371 с.
- Бокейхан, 2003** - Бокейхан Ә. Жауап хат / Тандамалы. 2-кітап. Алматы: “Өлке” баспасы, 2003. 67-71 б.
- Бродель, 1997** - Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 2. Ч.2. Крестьянская экономика до начала XX века. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 511 с.
- Гомаюнов, 1994** - Гомаюнов С.А. Композиционный метод в историческом познании. М., 1994. 143 с.
- Гидрогеологическое описание, 1911** - Гидрогеологическое описание южной части Акмолинской области. / Сост. А.А. Козырев. СПб: Тов-во Р. Голика и А. Вильборга, 1911. 640 с.
- ГАКО** - Государственный архив Карагандинской области.
- ГАОО** - Государственный архив Омской области.
- Дала уалаятының газеті, 1994** - Дала уалаятының газеті: адам, қоғам, табиғат. 1888–1902 // Составитель У. Субханбердина. Алматы, Ғылым, 1994. 815 с.
- Кауфман, 1908** - Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Тип-я т-ва И.Д. Сытина, 1908. 456 с.
- Клеменц, 1908** - Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49-52. С. 18-57.
- Сибирская жизнь, 1899** - Киргизы Уральской степи // Сибирская жизнь. Омск. 1899. № 38. С. 1-2.
- Лурье, 1999** - Лурье С.В. Евразия: проблемы соседства культур и межкультурного взаимодействия // Вестник Евразии. 1999. № 1-2. С. 20-37.
- Малтусынов, 2006** - Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России. 1906-1917 гг. (Социокультурный подход). Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 332 с.
- Масанов, 1984** - Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII – XIX вв. Алматы: Наука, 1984. 176 с.
- Масанов, 1998** - Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевничества). Алматы: Социнвест, М.: Горизонт, 1995. 320 с.
- Тресвятский, 1917** - Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Составитель В.А. Тресвятский. Пг., 1917. 135 с.

Материалы, 1905 - Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (МКЗ). Т. 6. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. СПб., 1905. 815, 134 с.

Моррисон, 2015 - *Моррисон А. Peasant Settlers and the 'Civilising Mission' in Russian Turkestan, 1865–1917 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2015 Vol. 43, No. 3, pp. 387–417*

Обзор, 1889 - Обзор Семипалатинской области за 1888 год. Семипалатинск, 1889. С. 49

Киргизская степная газета, 1900 - О важности заведения в киргизских хозяйствах сенокосных и копных граблей // Киргизская степная газета. 1900. № 5. С. 4.

Олкотт, 1997 - *Олкотт М.Б. Казахи // Из истории казахов. Составитель Е. Аккошкаров. Алматы: Жалын, 1997. С. 303-336.*

Очевидец, 1891 - *Очевидец. Переселенческий вопрос в Западной Сибири // Наблюдатель. СПб., 1891. № 8. С. 121-141.*

Румянцев, 1910 - *Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб.: Пересел. управл. ГУЗиЗ, 1910. 66 с.*

Пригожин, Стенгерс, 1986 - *Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. 272 с.*

Полферов, 1914 - *Полферов Я. Сибирь и ее возможности // Вопросы колонизации. 1914. № 15. С. 1-19.*

Сапронов, 2002 - *Сапронов М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Общественные науки и современность. 2002, № 4. С. 158-172.*

Скалов, 1910 - *Скалов Б. Естественно-исторические условия и хозяйство киргиз южных волостей Темирского уезда // Вопросы колонизации. 1910. № 6. С. 280-297.*

Хабижанова, Валиханов, 2003 - *Хабижанова Г., Валиханов Э., Кривков А. Русская демократическая интеллигенция в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). М: Русская книга, 2003. 288 с.*

Хозяйство казахов, 1980 - Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу) / Под ред. Г.В. Дахшлейгера. Алма-Ата, 1980.

ЦГА РК - Центральный государственный архив Республики.

Чермак, 1908 - *Чермак Л. Формы киргизского землепользования // Сибирские вопросы. 1908. № 23-24. С. 21-43*

Чермак, 1912 - *Чермак Л. Киргизское хозяйство в Степном крае // Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении. СПб: Тип. Ц. Крайз, 1912. 314 с.*

Шнэ, 1894 - *Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1894. Кн.17. Вып. 1. С. 1-18.*

Ядринцев, 1892 - *Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. 720 с.*

References:

Abdrakhmanova, 1998 - *Abdrakhmanova B.M. Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke [History of Kazakhstan: the power, the system of management, the territorial system in the XIX century]. Astana: Polygraphy, 1998. 136 p. [in Russian]*

Abzhanov, Seliverstov, 2004 - *Abzhanov Kh.M., Seliverstov S.V. Kriticheskoe stoletie: razmyshleniya istorikov [Critical century: reflections of historians], Mysl. 2004, Nr 2, pp. 6-12. [in Russian]*

Abylkhozhin, 1991 - *Abylkhozhin Zh.B. Traditsionnaya kul'tura Kazakhstana: sotsial'no-ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniya i transformatsii. 1920-1930 [Traditional culture of Kazakhstan: the socio-economic aspects of functioning and transformation. 1920-1930]. Almaty: Gylym, 1991. 240 p. [in Russian]*

Amosov, 1917 - *Amosov P.G. Doklad P.G. Amosova Semipalatinskomu prodovol'stvennomu komitetu o poezdke na ozero Balkhash v 1917 g. [Report of P.G. Amosov to Semipalatinsk food committees on a trip to Lake Balkhash in 1917] Semipalatinsk, 1917. 48 p. [in Russian]*

Appolova, 1976 - *Appolova N. Khozyaystvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoy polovine XIX vv. [The economic development of the Priirtyshie at the end of XVI - first half of XIX century]. М.: Nauka, 1976. 371 p. [in Russian]*

Bokeikhan, 2003 - *Bokeikhan A. Zhauap khat [Response letter] // Favorites. Book 2. Almaty: "Olke" publishing, 2003. pp. 67-71. [in Kazakh]*

Brodel, 1997 - *Brodel F. Chto takoe Frantsiya. Kn. 2. Ch.2. Krest'yanskaya ekonomika do nachala XX veka [What is France? Book 2. Part 2. Peasant economy until the early XX century]. М.: Publishing house of Sabashnikovs, 1997. 511 p. [in Russian]*

Gomayunov, 1994 - *Gomayunov S.A. Kompozitsionnyy metod v istoricheskom poznanii [The composite method in historical knowledge]. М., 1994, 143 p. [in Russian]*

Gidrogeologicheskoe opisanie, 1911 - *Gidrogeologicheskoe opisanie yuzhnoy chasti Akmolinskoy oblasti. Sostavitel' Kozyrev A.A. [Hydrogeological description of the southern part of the Akmola region. Compiler A.A. Kozyrev]. St. Petersburg: Association of R. Golik and A. Vilborg, 1911, 640 p. [in Russian]*

- SAKR** - Gosudarstvennyy arkhiv Karagandinskoy oblasti (GAKO) [The State Archives of the Karaganda region (SAKR)].
- SAOR** - Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti (GAOO) [The State Archive of the Omsk region (SAOR)].
- Dala ualayatynyn gazetii, 1994** - Dala ualayatynyn gazetii: adam, qoғam, tabiғat. 1888-1902 [Steppe province newspaper: people, society, nature. 1888-1902] / content by W. Subkhanberdina. Almaty, Gylym, 1994. 815 p. [in Kazakh]
- Kaufman, 1908** - Kaufman A.A. Russkaya obshchina v protsesse ee zarozhdeniya i rosta [Russian community in the process of nucleation and growth]. M.: Typography of I.D. Sytin partnership, 1908. 456 p. [in Russian]
- Klements, 1908** - Klements D. Zametki o kochevom byte [Notes about the nomadic way of life] // Siberian questions. 1908. №. 49-52. P. 18-57 [in Russian]
- Sibirskaya zhizn', 1899** - Kirgizy Ural'skoy stepi [Ural steppe's Kirghiz], Siberian life. 1899, Nr 38, pp. 1-2 [in Russian]
- Lur'e, 1999** - Lur'e S.V. Evraziya: problemy sosiedstva kul'tur i mezhkul'turnogo vzaimodeystviya [Eurasia: problems of neighborhood of cultures and intercultural interaction], Herald of Eurasia. 1999, Nr 1-2, pp. 20-37 [in Russian]
- Maltusynov, 2006** - Maltusynov S.N. Agrarnyy vopros v Kazakhstane i Gosudarstvennaya дума Rossii. 1906-1917 gg. (Sotsiokul'turnyy podkhod) [The Agrarian question in Kazakhstan and the State Duma of Russia. 1906-1917 years. (Socio-cultural approach)]. Almaty: Dyke-Press, 2006. 332 p. [in Russian]
- Masanov, 1984** - Masanov N.E. Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana na rubezhe XVIII–XIX vv. [Problems of social and economic history of Kazakhstan at the turn of XVIII–XIX centuries]. Almaty: Nauka, 1984. 176 p. [in Russian]
- Masanov, 1995** - Masanov N.E. Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov (osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva) [Nomadic civilization Kazakhs (basics of life migratory habits of society)]. Almaty: Sotsinvest, M.: Horizon, 1995. 320 p. [in Russian]
- Tresvyatskiy, 1917** - Materialy po zemel'nomu voprosu v Aziatskoy Rossii. Vyp. 1. Stepnoy kray. Sostavitel' V.A. Tresvyatskiy [Materials on the land issue in the Asian part of Russia. Vol. 1. Steppe Region. Compiled by V.A. Tresvyatskiy]. Petersburg, 1917. 135 p. [in Russian]
- Materialy, 1905** - Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiyey po issledovaniyu stepnykh oblastey (MKZ). T. 6. Semipalatinskaya oblast'. Karkaralinskiy uezd [Materials on the Kyrgyz land use, compiled and developed expeditions on study the steppe regions (MKL). T. 6. Semipalatinsk region. Karkaraly county]. St. Petersburg, 1905, 815, 134 p. [in Russian]
- Morrison, 2015** - Morrison A. Peasant Settlers and the 'Civilising Mission' in Russian Turkestan, 1865–1917. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2015 Vol. 43, Nr. 3, pp. 387–417
- Obzor, 1899** - Obzor Semipalatinskoy oblasti za 1888 god [Review of the Semipalatinsk region for 1888]. Semipalatinsk, 1889. P. 49 [in Russian]
- Kirgizskaya stepnaya gazeta, 1900** - O vazhnosti zavedeniya v kirgizskikh khozyaystvakh senokosnykh i kopnykh grabley [About the importance of institutions in the Kyrgyz household hay and horse-drawn rakes], Kirghiz steppe newspaper. 1900, Nr 5, p. 4. [in Russian]
- Olkott, 1977** - Olcott M.B. Kazakhi [Kazakhs], From the history of the Kazakhs. Compiled by E. Akkoshkarov. Almaty: Zhalyn, 1997, pp. 303-336. [in Russian]
- Ochevidec, 1891** - Ochevidec. Pereselencheskiy vopros v Zapadnoy Sibiri [Witness. Emigrant issue in Western Siberia], Observer. 1891, Nr 8, pp. 121-141. [in Russian]
- Rumyantsev, 1910** - Rumyantsev P.P. Kirgizskiy narod v proshlom i nastoyashchem [Kyrgyz people in the past and the present]. St. Petersburg: Resettlement Management GDLMA, 1910. 66 p. [in Russian]
- Prigozhin, Stengers, 1986** - Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa [Orderliness out of chaos]. M.: Progress, 1986. 272 p. [in Russian]
- Polferov, 1914** - Polferov Ya. Sibir' i ee vozmozhnosti [Siberia and its possibilities], Colonization questions. 1914, Nr 15, pp. 1-19 [in Russian]
- Sapronov, 2002** - Sapronov M.V. Sinergeticheskiy podkhod v istoricheskikh issledovaniyakh: novyye vozmozhnosti i trudnosti primeneniya [Synergetic approach in historical research: new capabilities and application problems], Social Sciences and Modernity. 2002, Nr. 4, pp. 158-172 [in Russian]
- Skalov, 1910** - Skalov B. Estestvenno-istoricheskie usloviya i khozyaystvo kirgiz yuzhnykh volostey Temirskogo uezda [Natural and historical conditions and household Kyrgyzs of the southern Temir district townships], Colonization questions. 1910, Nr. 6, pp. 280-297 [in Russian]
- Khabizhanova, Valikhanov, 2003** - Khabizhanova G., Valikhanov E., Krivkov A. Russkaya demokraticeskaya intelligentsiya v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Russian democratic intelligentsia in Kazakhstan (the second half of XIX – early XX century)] M.: Russian book, 2003. 288 p. [in Russian]
- Khozyaystvo kazakhov, 1980** - Khozyaystvo kazakhov na rubezhe XIX–XX vv. (Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu) [The household of the Kazakhs in the XIX–XX centuries. (Materials for the Historical and Ethnographic Atlas)] / under the editorship by G.V. Dahshleyger Alma-Ata, 1980 [in Russian]

[CSA of the RK](#) - Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK) [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA of the RK)].

[Chermak, 1908](#) - Chermak L. Formy kirgizskogo zemlepol'zovaniya [Forms of Kyrgyz land use], Siberian questions. 1908, Nr. 23-24, pp. 21-43 [in Russian]

[Chermak, 1912](#) - Chermak L. Kirgizskoe khozyaystvo v Stepnom krae [The Kyrgyz household in the Steppe region], State Railroad Petropavlovsk – Spassk factory in economic sense. St. Petersburg: Printing house of Ts. Krai, 1912. 314 p. [in Russian]

[Shne, 1894](#) - Shne V. Zimovki i drugie postoyannye sooruzheniya kochevnikov Akmolinskoj oblasti [Wintering and other permanent structures nomads of Akmola region] // Notes of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society. 1894, Book 17. Issue 1, pp.1-18 [in Russian]

[Yadrintsev, 1892](#) - Yadrintsev N.M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnosheniyakh [Siberia as a colony in the geographical, ethnographical and historical relations]. St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1892. 720 p. [in Russian]

УДК 001.76: «18/19» (574)

О внедрении новых методов хозяйствования в экономику традиционного казахского общества центральной части Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков

Бахытгуль Тлеубаевна Тулеуова ^{a, *}, Ляззат Касымовна Шотбакова ^a,
Гульнара Муратбековна Смагулова ^a, Назым Алдабергеновна Касымжанова ^a

^a Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан

Аннотация. В статье на основе материалов российских и казахстанских архивов рассматривается процесс внедрения новых методов хозяйствования в экономику традиционного казахского общества во второй половине XIX – начале XX вв. под влиянием административно-земельных реформ России, проникновения рыночных отношений в казахскую степь, переселения крестьян из центральных губерний России. Автор рассматривает этот процесс на примере центральной части Казахстана, где распространение оседло-земледельческой культуры шло менее интенсивно в отличие от других районов Казахстана. Причиной этому явились сложные природно-климатические и почвенные условия, низкий процент русского населения, сложившиеся хозяйственные традиции. Особое внимание уделяется вопросу землепользования в казахской степи, который непосредственно был связан с политикой изъятия пастбищных земель и оседания кочевого населения, проводимой российской администрацией. В результате земельной и переселенческой политики Российского государства в казахской степи, повлекшей за собой изъятия огромных земельных пространств из скотоводческого хозяйственного оборота, распространения оседлой земледельческой культуры кочевое хозяйство стало приспосабливаться к изменившимся социально-экономическим обстоятельствам. Это нашло свое проявление в изменении структуры традиционного стада, распространении интенсивных форм ведения хозяйства и новых методов развития скотоводства.

Автор делает вывод о том, что, переселенческая и земельная политика российской колониальной администрации в Казахстане, основанная на изъятии пастбищ и нерациональном использовании почвенных ресурсов, не только изменила ход развития скотоводческого хозяйства кочевников, но и пагубно отразилась на развитии традиционного земледелия в казахской степи.

Ключевые слова: Империя России, Казахстан, традиционное общество, кочевым скотоводством, рыночные условия, инновации.

* Corresponding author

E-mail addresses: b_t_tuleuova@mail.ru (Б.Т. Тулеуова), shotbakovazz@mail.ru (Л.К. Шотбакова), gylnara2005@mail.ru (Г.М. Смагулова), nazie_one@mail.ru (Н.А. Касымжанова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 469-478, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.2

Maritime and River Registers as a Historical Source

Nicholas W. Mitiukov ^{a, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

Abstract

It is shown that the maritime and river registers are detailed and objective historical source for the reconstruction of the ships' and vessels' biographies. There is given a source's materials description of the register, is showed the main restrictions of the using. There is marked the basic groups of data contained, that consist on all registers. For example, two Russian registers of 1919 and of 1923 show a different level of detailing of the providing information. There is formulated four basic principles of work with the registers in solving the problem of reconstruction of ship's and vessel's biographies: the principle of chronological succession, the principle of reverse lookup references, the searching system principle, the principle of matching characteristics. To illustrate the possibilities of the proposed technique and formulated the principles of working with registers, the author solved the problem of finding matching purchased in 1895 in New York boats and items included in the structure of the Spanish Navy of gunboats, had been transferred to Cuba.

Keywords: history, source study, maritime register, river register, historical source, steamer's biography, principles of the working with registers.

1. Введение

Многие поколения отечественных и зарубежных историков, казалось, успели проанализировать все, что связано с речным судоходством: его экономическое значение, развитие техники судостроения и судовождения, политическую роль коллективов речников, участие речных судов в вооружённых конфликтах и т.д. Однако каталогизация корабельного состава, которому в прежние времена не придавалось должного значения, сейчас становится одной из насущных задач. Это не только готовая база данных по пароходам и судам, но и готовый материал для контент-анализа проблем речного судоходства и пароходостроения. Причем нужда в как можно более полных справочниках-каталогах данного типа появилась как у краеведов и самодеятельных заводских историков, так и у историков-профессионалов, работающих в области истории техники, отечественной и военной истории.

Исторически сложилось так, что в научных и популярных работах морские и речные регистры имели явно вспомогательный характер: они могли использоваться лишь для уточнений сведений, полученных из других источников. Например, в ряде работ этого периода, апелляция к регистрам идет в контексте передачи судна в торговый флот и для уточнения или справки приводятся его регистровые данные. Но к концу XX в. сложилась ситуация, когда из источника вспомогательного характера, регистры стали использоваться наравне с другими, например, периодической печатью, архивными заводскими данными и др. Эта тенденция явно прослеживается в работах В.В. Ярового (Яровой, 2010), Б.В. Лемачко (Трифонов, Лемачко, 2009) и др. Наконец, в начале 2000-х гг. начали появляться работы, авторы которых используют регистры в качестве основного источника, в некоторых случаях уточняя информацию по другим данным. Это работы А.С. Павлова (Павлов, 2014), Р.В. Лапшина (Лапшин, Смолин, 2011) и др. К числу последних можно причислить и автора этих строк (Лапшин и др., 2012).

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

Особенность ведения регистров заключается в том, что они дают временной срез на строго определенный период времени. В связи с этим, для отслеживания динамики или биографии судна одного регистра недостаточно. А поскольку суда могли переходить от одного хозяина к другому, менять названия и т.д., без применения компьютерных технологий обработка массива становится весьма трудоемкой задачей. С другой стороны, не менее важна степень насыщенности выбранных для исследования хронологических рамок регистрами: чем их больше, тем более точно реконструируется биография судна. Но, как правило, регистры печатались небольшими тиражами и представляли библиографическую редкость уже в момент выхода из печати. Имеются также прецеденты, когда они вообще не печатались, а собранный и подготовленный для публикации материал оказался разбросанным по разным архивным фондам разных архивов. Сейчас с распространением числовых технологий и интернета, историки (в отличие от коллекционеров, которые продолжают собирать исключительно подлинники) могут обмениваться сканированными копиями и тем самым с большей легкостью получать доступ к содержащейся там информации. Именно этими двумя причинами и объясняется появление в последние полтора-два десятка лет справочников, составленных на основе регистров. Вполне очевидно, что далее это процесс будет лишь расширяться, поскольку до полного исчерпания темы еще далеко.

В настоящее время явно наблюдается две тенденции связанные с этим явлением. С одной стороны, в интернете появляются специальные подборки, составленные из регистров разных лет, чтобы все желающие могли достаточно легко поучаствовать в работе (например, подборка американских регистров за разные года, составленная на основе ведущих американских библиотек <http://library.mysticseaport.org/initiative/ShipRegisterList.cfm>), а с другой, появились специальные системы электронного поиска информации по регистрам (например, *Miramar Ship Index* <http://www.miramarshipindex.org.nz>). К сожалению, создание таких сервисов в России явно отстает от ведущих стран.

2. Материалы. Источниковедческая характеристика

Традиционно считается, что первые системы регистрации судов появились в связи с британским законом Карла II 1660 г., постановившего для создания базы налогообложения и защиты национального судоходства и судостроения регистрировать торговые суда. В последующем статистические данные о национальных торговых судах стали вестись практически всеми странами мира. В Российской империи переписи судов более-менее регулярно начали выходить с 1880-х гг. (например, «Списки речных паровых судов Европейской России по переписи 1884 г.»). Аналогичные переписи, например, для северных рек имеются на 1890, 1895, 1900 гг. и далее ([Брызгалов, 2012](#)). Хотя это еще не были полноценными регистрами в современном понимании, они сообщали о поставленных на учет в государственном надзорном органе судах и регулярно проверялись соответствующим государственным органом (Регистром). 31 декабря 1913 г. Министр торговли и промышленности Российской империи утвердил Устав «Общества для классификации морских, речных и озерных судов "Русский Регистр"». С этого времени весь надзор за речными судами взяло на себя государство ([Ефремов, Поспелов, 2003](#)).

Поскольку регистрация судов плотно связывала налогообложение и выдачу лицензий и сертификатов, информация, содержащаяся в регистрах, как правило, вполне объективная. При завышении или занижении характеристик неизбежно проигрывали интересы либо государственных структур, либо частного. Поэтому выявлялась и исправлялась не только заведомо ложная информация, но и допущенные опечатки и описки, которые хоть и встречаются в регистрах, но довольно редко. Поэтому в регистры вносилась самая оперативная информация по постановке или снятию с учета и смены хозяев. Факт записи в регистр обычно подтверждался выдачей специального сертификата. По данным сертификата реконструкция биографии судна представляет собой весьма тривиальную задачу (в первый сертификат обычно вносились и построечные данные). Однако судовые сертификаты, выдаваемые в единичном экземпляре, представляли собой чрезвычайно уязвимые документы. Они могли утонуть вместе с судном, быть утерянным в ходе пожаров в портах, поэтому записи регистров представляют собой вариант «защищенной» от неожиданностей сокращенной копии судового сертификата.

Регистры могли создаваться разными организациями, но наибольшую ценность представляют собой официальные министерские издания (например, министерства путей сообщения или министерства торговли). Кроме того, регистры ввиду большого объема могли делиться по бассейну. С другой стороны, могли выходить справочные выкопировки по регистрам других стран, например американский справочник «*American Lloyd's Register of American and Foreign Shipping*». В ряде случаев регистры могли выходить как приложение к официальному периодическому изданию, так кубинский регистр выходил в качестве специального выпуска газеты «*Gaceta de la Habana*».

Как правило, регистровые записи включают следующие разделы.

1. Регистрационные данные: номера и индексы, например, регистрационный номер Министерства путей сообщения (для ряда русских регистров), официальный регистровый номер, международный идентификатор (для американских и испанских регистров); имена владельцев, наименование судна и порт приписки.

2. Строительные данные: год и место постройки, фирма или завод-строитель, для русских регистров характерны также дата постройки машины, котла, номер котла по котловой книге.

3. Внешние идентификационные характеристики: материал корпуса (железо, дерево), количество палуб, мачт, труб, тип машин, котлов.

4. Размеры и тоннаж, характеристика машин и котлов – сведения этого рода сугубо индивидуальны для каждого регистра.

Именно четвертый раздел обычно и представляет главную сложность для исследователя, поскольку в разных регистрах могли применяться разные системы подсчета, например, вместимость могла указываться в регистровых тоннах, в валовой или чистой вместимости. В связи с этим обязательное условие работы с регистрами – это знакомство с аннотацией для определения принятой системы подсчета.

В качестве примера подробности описания на рис. 1 и 2 приведены два регистра.

Бассейн реки Волги с притоками. 27

№ по порядку.	Наименование судна.	Род двигателя.	Год постройки судна.	Основные данные.		Мощность в индикаторных силах.	Поразков. № по списку котлов.
				Длина в футах и дюймах.	Осадка в четвертах.		
311	Рогнеда	Колесный.	1898	144	8	280	—
312	Руслан.	"	1899	145'6"	5 ч. 2 в.	280	981
313	Фоминки	"	1911	154	6 ч. 2 в.	280	—

Рис. 1. Пример регистравого описания 1923 г. (Список судов..., 1923)

— 14 —

Списокъ судовъ по переписи 1916/17 г.

№ по порядку.	Владѣльцевъ.	Наименованіе и мѣстонахожденіе владѣльца.	Типъ судна.	Названіе или номеръ, присвоенный судну владѣльцемъ.	Знакъ Вѣл. Пут. Сооб.	Годъ постройки корпуса судна.	Годъ послѣдн. капитал. ремонта судна.	Матеріалъ, изъ котор. построенъ корпусъ.
306	149	Гнусинъ, М. В., пос. Пучежъ Юрьевск. у., Костр. г.	6. пар.	Алексѣй	183/1	1864	1917	ж.
307	150	Голдобины, Бр., админ. по дѣламъ, г. Царицынъ Саратов. г.						
308	151	Головановъ, И. П., г. Астрахань	м. шхуна	Бр. Голдобины Алмазь Чайка	48/2	1880	1915	ж.
309	152	Головановъ, И. П., г. Астрахань						

— 15 —

Б. р. Нижней Волги.

Районъ преимущественнаго плаванія.	НАРУЖНЫЕ РАЗМѢРЫ СУДНА.										ОСАДКА СУДНА.				Средне движенія.	Роль двигат. по вл. с.	Номинальн. индикаторн. Число силъ въ машинахъ.	Грузоподъемн. безъ топлива, въ тысяч. пуд.	Роль топлива.			
	Наибольш. длина.			Наибольшая ширина.			Высота борта.	Порожнякомъ.		При полной нагрузкѣ.		Осадка.	Роль двигат. по вл. с.	Номинальн. индикаторн. Число силъ въ машинахъ.						Грузоподъемн. безъ топлива, въ тысяч. пуд.	Роль топлива.	
	Саж.	Арш.	Вершк.	Саж.	Арш.	Вершк.		Саж.	Арш.	Вершк.	Четверт.											Вершк.
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
р. Волга и ея прит.	27	1	5	4	1	9	2	1	9	12	—	4	—	6	—	к.	п.	60	240	15	нф.	
уч. Астрах.-Взморье. р. Волга.	15	1	5	—	—	—	2	2	—	13	1	8	—	—	—	в.	вн. с.	50	200	40	н.ост.др. нат.	
р. Волга и ея прит.	6	1	11	—	—	—	—	1	1	4	3	2	—	5	—	—	—	—	35*	—	6	—

Рис. 2. Пример регистравого описания 1916–1917 гг. (Список судов..., 1919)

В первые годы после гражданской войны регистры выходили с крайне поверхностной информацией. Частную собственность в отношении пароходов ликвидировали, и составителей интересовал более списочный состав находящихся в кампании судов. И наоборот, описание регистра 1916-17 гг. довольно подробное. Регистровые данные в первом случае ограничиваются порядковым номером в регистре и порядковым номером по списку классифицированных судов. Во втором случае это и порядковый номер судна, и его владельца, а также регистрационный номер МПС. Вторая группа в первом регистре представлена лишь постройкой датой, в то время как во втором – годом постройки, годом последнего капитального ремонта. Внешние идентификационные характеристики в первом случае ограничиваются лишь родом движителя, а во втором – типом судна, материалом корпуса, видом движителя, родом двигателя. И, наконец, технические характеристики в первом случае ограничены тремя цифрами, во втором – девятью.

Таким образом, не существует твердых канонов в заполнении регистров, содержащиеся в них данные могут существенно различаться по степени проработанности. В связи с этим большое значение приобретает легенда к регистру, где могут быть указаны тонкости подсчета (например, длина максимальная или по ватерлинии).

Ближайшими аналогами регистров являются справочники кораблей и судов, но информация регистров, как правило, более объективная, поскольку справочные данные имеют оттенок предположительности. Это, например, справочники корабельного состава Веера или Джейна; наиболее известный русский дореволюционный справочник ВКАМ – «Военные флоты и морская справочная книжка под редакцией Великого князя Алексея Михайловича». Еще один факт, который необходимо принимать в рассмотрение при сопоставлении информации регистров и справочников то, что в них обычно используются разные системы подсчета. Так для торгового судна важной характеристикой является вместимость, в то время как для боевого корабля – водоизмещение. Аналогично, если в регистрах обычно указывается рейсовая скорость в полном грузу, то для боевых кораблей – максимальная скорость, зарегистрированная на ходовых испытаниях для обеспечения контрактных показателей с образцовой заводской машинной командой и на лучших сортах угля.

3. Методы. Основные принципы реконструкции биографий по регистрам

Работа с регистрами и реконструированные биографии дали возможность сформулировать несколько принципов, которые можно использовать в работе.

1. Принцип хронологической преемственности.

Если расположить справки из регистров, относящиеся к одному судну, в хронологическом порядке, то по изменениям записи можно проследить изменения в биографиях судов. При дублировании записи в более позднем регистре сообщенная информация хоть и повторяется, но не теряет актуальности. Если же запись меняется, значит, дата изменения лежит в годах прошедших между регистрами. В связи с этим, большое значение имеют даты первого и последнего упоминания о каком-нибудь событии. Поэтому справку следует дополнять фразами типа: «к 1883 г. – хозяин и рейсы те же», означает, что это последний регистр, подтверждающий информацию ранних регистров, относится к 1883 г. «На 1886 г. назван ...» или «к 1920-м годам сдан на слом или погиб – нет в регистрах 1921 г. и последующих».

2. Принцип обратного поиска справок.

В связи с тем, что суда могли переименовываться по несколько раз, имеет смысл составлять картотеку справок в обратном хронологическом порядке, т.е. от более молодых регистров к старым. В этом случае, если запись о судне пропадает, то ее следует искать под наименованиями, указанными в более молодых регистрах, как «бывшие наименования». При поиске от старых регистров к молодым в случае смены наименования придется пересматривать весь регистр, что представляет собой намного более трудоемкую процедуру.

3. Принцип системного поиска.

При поиске справок по одиночным судам нередко возникает ситуация неопределенности, которая однако разрешается, если вести поиск по всей референтной группе, например по судам данного хозяина, или по всем судам одного места постройки. Иногда в регистрах данные о переименовании отсутствуют. В этой связи рассмотренный выше «Список судов рабочего ядра речного флота СССР» пример того, как не надо составлять регистры. Понятно желание его составителей «вести историю с чистого листа», но для задачи реконструкции первые советские регистры обладают чрезвычайно малой информативностью. Преемственность приходится оценивать косвенно по году постройки и характеристикам. Нельзя сказать, что для дореволюционных регистров это тоже была распространенная норма, но несколько примеров подобного рода привести можно. Так при работе над справочником «Вятские пароходы» нами были выявлены несколько фактов, когда капитально отремонтированные пароходы зачислялись в регистр как заново построенные. Причины этого очевидно крылись в налоговых льготах, которые имели новые пароходы. Сам факт подобной «подтасовки» без системного анализа всех судов данного собственника был бы невозможен. В связи с этим, принцип системности можно сформулировать следующим образом. Если не удастся проследить прямую связь между судном «А» старого регистра и «Б» нового, то следует проследить все возможные

варианты этих связей. И тогда по логическому принципу исключения других соответствий, последняя оставшаяся пара, скорее всего и подскажет линию преемственности.

4. Принцип соответствия характеристик.

Если не удастся отыскать соответствия между старой и новой записью, в качестве дополнительного анализа можно проанализировать соотношение характеристик. В случае однородных данных они неплохо совпадают. Так, например, нами было обнаружено соответствие между камским парходом «Ижевск» и обь-иртышским № 66 (Mityukov, 2015), которое впоследствии полностью подтвердилось фактом транспортировки этого пархода в другой бассейн (Павлов, 2014). Следует отметить, что этот принцип дает большую погрешность, так что его целесообразно применять лишь в том случае, когда остальные не работают.

4. Демонстрация методики на примере анализа катеров для Кубы, приобретенных в 1895 г.

Обычно когда речь идет о выявлении соответствия одного или двух судов особенных проблем не возникает. Однако имеются примеры, когда одновременно осуществлялась сделка по продаже девяти судов. Это приобретение на добровольные пожертвования катеров в США для Кубы. Вот уже более ста лет она привлекает внимание историков, но, к сожалению, полностью соотнести американские и испанские наименования пока не удалось. Проблема заключается в том, что приобретенные на пожертвования частными лицами, катера за полмесяца с момента вычеркивания их из американских регистров до момента выхода Королевского декрета о включении их в состав испанского флота, они успели по два-три раза переименоваться при передаче из одной структуры в другую. Поэтому соответствие наименований определить пока не удалось.

Однако, 7 мая 1898 г. вышла газета *San Francisco Call*, казалось бы решившая эту загадку (San Francisco Call, 1898). Фрагмент статьи с соответствиями приведен на рис. 3. Для оценки адекватности информации газеты можно воспользоваться американскими регистрами (24th annual, 1892 – 30th annual, 1898). В первую очередь понадобится регистр 1895 года (27th annual, 1895), но также более ранние и более поздние.

NAME.	Type.	Built.	Tons.	Speed.
Delgada Parejo (Sparkle).....	G. B.	1889	85	10
Centinella (John E. Thropp).....	G. B.	1891	30	9½
Guardian (Navisink).....	G. B.	1892	65	10
Dardo (Leon Abbett).....	G. B.	1889	26	11
Esperanza (Petrel).....	G. B.	1892	22	11
Intrepida (Aztec).....	G. B.	1890	20	9
Mensagera (Dart).....	G. B.	1894	20	10
Valente (Edith).....	G. B.	1871	20	8
Relampago (Shrewsbury).....	St. L.	1895	15	7

Рис. 3. Фрагмент статьи газеты *San Francisco Call* (San Francisco Call, 1898)

По семи катерам из девяти сомнений не возникает: все они числятся в регистре 1895 г. и исчезают из регистра 1896 г. и потому нет никаких сомнений, что на Кубу были проданы именно они.

Проблемы возникают с идентификацией катеров «Edith» и «Petrel» (табл. 1). Регистр 1895 г. указывает 14 катеров «Edith», два из которых, как сообщается в «San Francisco Call» 1871 г. постройки, построенные в Филадельфии и Буффало (регистрационные номера 8718 и 75725). Если исходить из информации газеты, какой-то из них был продан Испании. Однако это предположение не подтверждается ни регистром 1896 г., ни 1897 г.: оба катера благополучно в них числятся. Лишь в 1898 г. из регистра исчезает катер № 75725. Если верить газете, получается, что бывший хозяин целых три года исправно платил налоги за проданное судно. Однако, в регистре 1895 г. есть еще один одноименный катер с регистрационным номером 136457, 1894 года постройки, который исчезает в регистре 1896 г., который и является идеальным кандидатом на роль проданного катера.

Таблица 1. Сведения о наличии в регистрах катеров «Edith» и «Petrel» (24th annual, 1892 – 30th annual, 1898)

Год постройки	Регистровый номер	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898
«Edith»								
1871	8718	+	+	+	+	+	+	+
1872	8838	+	+	+	+	+	+	+
1871	75725	+	+	+	+	+	+	–
1873	135120	+	+	+	+	+	+	+
1877	135286	+	+	+	+	+	+	–

1877	135292	+	+	+	+	+	+	+
1878	135362	+	+	+	+	+	+	+
1881	135498	+	+	+	+	+	+	+
1882	135621	+	+	+	+	+	+	+
1885	135861	+	+	+	+	+	+	+
1883	136062	+	+	+	+	+	+	+
1890	136123	+	+	+	+	+	+	+
1894	136457	–	–	–	+	–	–	–
1897	136696	–	–	–	–	–	+	+
«Petrel»								
1872	150111	+	+	+	+	+	–	–
1881	150218	+	+	+	+	+	–	–
1892	150592	+	+	+	+	+	+	+
1895	150696	–	–	–	+	+	+	+
1895	150703	–	–	–	–	+	–	–
1896	150724	–	–	–	–	+	+	+

Аналогично и с катером «Petrel». Регистр 1895 г. дает данные о четырех катерах с таким названием, один из которых, как сообщает «San Francisco Call», 1892 г. Однако этот катер сохраняется в регистрах даже 1901 г.! С другой стороны, регистр 1896 г. сообщает уже о шести катерах с этим наименованием, три из которых отсутствуют в следующем году: катер постройки 1872 г. (регистрационный номер 150111), 1881 г. (№ 150218) и 1895 г. (№ 150703). Поскольку регистр приводит данные имевшиеся на 30 июня 1895 г. логичней было бы предположить продажу только что законченного постройкой катера, по каким-то причинам пропущенного в регистре 1895 г. Аналогичная ситуация имеется по катеру «Navesink», построенного в 1895 г. после 30 июня. Регистр 1896 г. его указывает в своих списках с примечанием, что он продан 30 сентября 1895 г. Ничего похожего по «Petrel» нет. Предположение, что это мог быть катер постройки 1872 г. не находит подтверждения в том факте, что этот катер очень маленький, меньше всех остальных. Но известно, что в отличие от других катеров, доставленных на Кубу на борту зафрахтованных пароходов, «Petrel» шел из США своим ходом, и в пути даже пережил небольшой шторм.

13 августа американские таможенники в Ки-Весте задержали пароход «Petrel», шедший под американским флагом на Кубу. При проверке документов, на нем не оказалось сертификата таможенной Инспекции. Капитан судна заявил, что судно хоть и идет под американским флагом, приобретено правительством Испании, а все документы были потеряны во время шторма, который пришлось преодолеть судну по пути из Нью-Йорка в Ки-Вест (*Indianapolis Journal* 15.8.1895. P. 1; *New York Herald* 15.8.1895).

Газета «La Iberia» за 25 августа дополняет картину задержания «Petrel»: «Согласно депеше из Вашингтона, опубликованной в Геральде, таможенный администратор Ки-Веста информировал секретаря министерства финансов, что в порту был арестован пароход "Petrel", прибывший из Нью-Йорка без сертификата инспекции. Капитан говорит, что утерял его во время плавания и гарантирует, что корабль куплен Испанией для береговой обороны Кубы. В связи с этим, секретарь министерства финансов сеньор Вайк (Vike) распорядился обойтись без лишних формальностей, отпустив судно, взыскав с него обычный штраф» (*Detención del «Petrel» // La Iberia* 25.8.1895. P. 1).

Сам факт отправки приобретенного катера своим ходом, наводит на мысль об исключительности судна. В этой связи интересно, что все «Petrel» числятся в разделе «Паровые суда», и лишь один (№ 150218) – в разделе «Стальные и железные суда». Из испанских газет 1895 г. известно также, что среди приобретенных судов был один буксир, поэтому логично предположить, что это и есть тот самый искомый буксир.

Для соотнесения его с испанскими наименованиями очень ценно сообщение газеты «El Correo Militar» за 2 сентября 1895 г.: «Также приобретена канонерка для реки Кауто» (*El Correo Militar* 2.9.1895. P. 2). А, как известно, это лодка «Centinela». Вероятно именно из-за задержания американскими таможенниками «Petrel», она и отсутствует в первой редакции министерского приказа о переименовании. Скорее всего именно мореходные качества «Centinela» заставили первоначально причислить ее к канонерским лодкам 3 ранга. Цитируя этот приказ «El Correo militar» от 12 сентября 1895 г. перечисляет, что на Кубе имеется: «33 канонерских лодок второго и третьего ранга: "Alcedo", "Contramaestre", ..., "Vigia", "Caridad" и "Centinela". Семь вооруженных катеров: "Lealtad", "Relampago", "Dardo", "Esperanza", "Intrepida", "Mensajera" и "Valiente"» (*El Correo militar* 12.9.1895. P. 3).

Таким образом, единственным в создавшейся ситуации способом определения соответствия является анализ характеристик. Испанский справочник по корабельному составу *Estado general de la Armada* за 1897 и 1898 г. сообщает данные приобретенных в США канонерских лодок, которые сведены в табл. 2. Эти данные по лодке «Guardián» дополнены информацией М. Gálvez Aguilera,

поскольку после войны она вошла в состав кубинского флота. Из приведенной информации следует исключить длину лодки «Centinela» в 30 м, которая выглядит явно завышенной и, скорее всего, представляет механическую ошибку при копировании ее водоизмещения (30 т.).

Таблица 2. Характеристики испанских канонерок, составленные по (Estado..., 1897), (Estado..., 1898), (Galvez, 2007)

	длина	ширина	глубина	осадка	Водоизмещение	скорость	уголь
Delgado Parejo	30,0	5,90	3,05	1,83	85	10	14
Guardián	30,0	5,19	?	?	65	12	?
Esperanza	18,0	2,83	2,22	?	22	?	?
Dardo	18,6	4,00	2,50	1,40	26	6	6
Centinela	?	?	?	1,30	30	9,5	3
Intrépida	20,0	3,80	1,30	1,00	?	9,7	3,5
Mensajera	20,0	3,80	1,25	1,00	17	10	3,5
Relámpago	18,5	4,00	3,50	1,12	22	11	1,6
Valiente	19,0	?	?	?	30	10	?

Таблица 3. Регистровые данные по проданным катерам (футы переведены в метры) (24th annual, 1892 – 30th annual, 1898)

	Год	Валовый тоннаж, брт.	Чистая вместимость, т	Длина, м	Ширина, м	Осадка, м	Мощность машин, и.л.с.
Aztec	1890	28,49	18,53	20,19	4,42	1,59	?
Dart	1894	62,50	40,68	26,08	4,94	2,32	?
Edith	1894	15,25	11,33	15,31	3,05	1,22	?
John E. Thropp	1891	22,50	11,25	19,52	2,75	1,22	?
Leon Abbett	1889	21,24	15,82	16,78	3,66	1,83	100
Navesink	1895	17,31	11,78	15,31	3,75	1,22	92
Petrel	1895	30,46	15,23	20,13	3,66	1,43	?
Shrewsbury	1895	17,31	11,78	18,06	3,75	1,22	?
Sparkle	1889	26,40	13,20	16,16	4,06	1,62	40

Обращает на себя внимание, что для боевых кораблей указано водоизмещение, в то время как в регистре – вместимость и тоннаж. Но вполне очевидно, что существует определенная корреляция между этими параметрами: большему водоизмещению соответствует больший тоннаж и вместимость. Длина тоже указана в разных системах. Для боевых кораблей важна длина корпуса между перпендикулярами, а для торговых – длина по ватерлинии. В данном случае явную корреляцию вряд ли можно выявить, поскольку большое значение имеет рангоут судна. Относительно осадки, тоже возникают вопросы соответствия: для торговых судов это осадка в грузу, а для боевых – при стандартном водоизмещении. Вполне очевидно, что при вооружении и размещении боезапаса могли производиться работы по перепланировке внутренних помещений, что вело к изменению осадки. И только ширина изменялась крайне незначительно.

Из литературы известно, что приобретенный судовладельцем Менендесом «Aztec» стал «Guardián» (Galvez, 2007). В нашей работе по «Delgado Parejo» (Anca, Mitiukov, 2004) мы привели мнение испанского историка Х.Л. Коэльо, что это бывшая яхта «Dart». Оба утверждения полностью подтверждается анализом характеристик. И то и другое судно – самые крупные в выборке, и при этом «Dart» явно больше «Aztec». Ранее нами было обнаружено (Mitiuckov, 2015), что из всей партии имеется всего два однотипных судна – нью-йоркские «речные трамвайчики» «Navesink» и «Shrewsbury», ставшие испанскими «Intrépida» и «Mensajera» (кто из них кто – вопрос для дальнейшей дискуссии), что также видно из таблиц.

Таким образом, в выборке из девяти судов соответствия между пятью установлены. Самую маленькую ширину корпуса (2,75 м) из купленных катеров имеет «John E. Thropp», которому соответствует всего одна канонерка с самой малой шириной «Esperanza» (2,83 м). Разночтения в 8 см волне могли получиться как погрешность округления, так и в результате разных способов замера (максимальная ширина или ширина на мидель-шпангоуте).

Остаются «Dardo», «Relámpago» и «Valiente», имеющие примерно одинаковые размеры (длина 18,5–19,0 м, водоизмещение 22–30 т.), которым соответствуют «Edith», «Leon Abbett» и «Sparkle». Но из таблиц видно, что мощность машин «Sparkle» составляет всего 40 и.л.с., для сравнения у «Leon Abbett» – 100 и.л.с. А у испанских канонерок также есть одна лодка с весьма низкой скоростью и непропорционально большим запасом угля – это «Dardo» (очевидно, применение маломощной

легкой машины дало возможность увеличить запас угля). И, наконец, «Leon Abbett», это, скорее всего, «Relámpago», по крайней мере, ширина корпуса «Leon Abbett» в 3,66 м ближе к заявленным 4,00 м «Relámpago», чем 3,05 «Edith». Ошибиться при разных способах замера на 30 см все-таки проще, чем на метр.

Безусловно, установить окончательно соответствие наименований можно только в случае нахождения в архивах информации о продаже, а предлагаемое соответствие несет более примерный характер.

Американское наименование	Испанское наименование
Aztec	Guardián
Dart	Delgado Parejo
Edith	Valiente
John E. Thropp	Esperanza
Leon Abbett	Relámpago
Navesink и <i>Shrewsbury</i>	Intrépida и Mensajera
Petrel	Centinela
Sparkle	Dardo

5. Заключение

1. Регистры представляют собой подробный и объективный источник по реконструкции биографий кораблей и судов;

2. Сформулированы четыре основных принципа работы с регистрами при решении задачи реконструкции судовых биографий;

3. На основе предложенной методики проведено соответствие купленных в 1895 г. в Нью-Йорке катеров и наименований вошедших в строй испанского флота канонерских лодок.

Литература

Брызгалов, 2012 – *Брызгалов В.В.* Пароходства, пароходные общества и частные владельцы пароходов на Северной Двине в XIX–XX веках // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России: Мат. межрегион. научн.-практ. конф. (Котлас, 6-7 апреля 2012 г.). Котлас, 2012. Вып. 5. С. 101–108.

Ефремов, Поспелов, 2003 – *Ефремов Н.А.* Российский речной регистр в истории отечественного судоходства (К 90-летию Русского Регистра) / Н.А. Ефремов, В.И. Поспелов. Москва, 2003. 268 с.

Лапшин и др., 2012 – Вятские пароходы (1861–1917 гг.) / Р.В. Лапшин, Н.В. Митюков, Л.П. Порцева, А.В. Коробейников. Ижевск: Иднакар, 2012. 168 с.

Лапшин, Смолин, 2011 – *Лапшин Р.В., Смолин А.А.* Северные пароходства России (1861–1920 гг.). Архангельск: Лодия, 2011. 148 с.

Павлов, 2014 – *Павлов А.С.* Пароходы Сибири 1844–1918 гг. Якутск, 2014. 168 с.

Список судов..., 1919 – Список судов речного флота по переписи 1916-17 гг. Бассейн реки Волги. Суда с механическим двигателем. М.: Статчасть Главного управления водного транспорта (ГЛАВОД), Высшего совета народного хозяйства РСФСР, 1919.

Список судов..., 1923 – Список судов рабочего ядра речного флота СССР. Ч.1. Транспортный флот волжского бассейна. М.: Центральное управление речного транспорта НКПС, 1923.

Трифонов, Лемачко, 2009 – *Трифонов Ю.Н., Лемачко Б.В.* Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) 1856-1932 гг. СПб.: ЛеКо, 2009. 180 с.

Яровой, 2010 – *Яровой В.В.* Добровольный флот. СПб.: Галей Принт, 2010. 158 с.

24th annual, 1892 – Twenty-fourth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1892. 456 p.

25th annual, 1893 – Twenty-fifth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1893. 464 p.

26th annual, 1894 – Twenty-sixth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1894. 460 p.

27th annual, 1895 – Twenty-seventh annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1895. 502 p.

28th annual, 1896 – Twenty-eighth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1896. 414 p.

29th annual, 1897 – Twenty-ninth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1897. 469 p.

30th annual, 1898 – Thirtieth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1898. 414 p.

Anca, Mitiukov, 2004 – *Anca Alamillo A., Mitiukov N.W.* The Gunboat 'Delgado Pareho': Creation and Battle Path // *Bylye gody*. 2014. № 3. P. 392–398.

Estado..., 1897 – Estado general de la Armada para el año de 1897. Madrid: Imprenta del Ministerio de Marina, 1897.

Estado..., 1898 – Estado general de la Armada para el año de 1898. Madrid: Imprenta del Ministerio de Marina, 1898.

Galvez, 2007 – *Gálvez Aguilera M.* La Marina de Guerra en Cuba (1909–1958) Primera Parte. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 2007. 190 p.

Mitiukov, 2015 – *Mitiukov N.W.* New-York "Water buses" – the "Intrépida" and "Mensajera" gunboats // *Bylye Gody*. 2015. № 2 (36). pp. 303–308.

Mityukov, 2015 – *Mityukov N.V.* Steamers build in Izhevsk Plants // *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2015. № 2. S. 95–99.

San Francisco Call, 1898 – Spain's mosquito fleet about Cuba // *San Francisco Call*. 1898. Vol. 83. № 158. 7 May. P. 4.

References

Bryzgalov, 2012 – *Bryzgalov V.V.* Parohodstva, parohodnye obshhestva i chastnye vladel'cy parohodov na Severnoj Dvine v XIX–XX vekah // *Problemy razvitiya trans-portnoj infrastruktury Evropejskogo Severa Rossii: Mat. mezhdregion. nauchn.-prakt. konf. (Kotlas, 6-7 aprelja 2012 g.)*. Kotlas, 2012. Vyp. 5. S. 101–108.

Efremov, Pospelov, 2003 – *Efremov N.A.* Rossijskij rečnoj registr v istorii otechestvennogo sudohodstva (K 90-letiju Russkogo Registra) / N.A. Efremov, V.I. Pospelov. Moskva, 2003. 268 s.

Lapshin i dr., 2012 – *Vjatskie parohody (1861–1917 gg.)* / R.V. Lapshin, N.V. Mitjukov, L.P. Porceva, A.V. Korobejnikov. Izhevsk: Idnakar, 2012. 168 s.

Lapshin, Smolin, 2011 – *Lapshin R.V., Smolin A.A.* Severnye parohodstva Rossii (1861-1920 gg.). Arhangel'sk: Lodija, 2011. 148 s.

Pavlov, 2014 – *Pavlov A.S.* Parohody Sibiri 1844-1918 gg. Jakutsk, 2014. 168 s.

Spisok sudov..., 1919 – Spisok sudov rečnogo flota po perepisi 1916-17 gg. Bas-sejn reki Volgi. Suda s mehanicheskim dvigatelem. M.: Stachast' Glavnogo upravljenja vodnogo transporta (GLAVOD), Vysshego soveta narodnogo hozjajstva RSFSR, 1919.

Spisok sudov..., 1923 – Spisok sudov rabocheho jadra rečnogo flota SSSR. Ch.1. Transportnyj flot volzhskogo bassejna. M.: Central'noe upravljenje rečnogo transporta NKPS, 1923.

Trifonov, Lemachko, 2009 – *Trifonov Ju.N., Lemachko B.V.* Russkoe obshhestvo paro-hodstva i torgovli (ROPiT) 1856-1932 gg. SPb.: LeKo, 2009. 180 s.

Jarovoj, 2010 – *Jarovoj V.V.* Dobrovol'nyj flot. SPb.: Galeja Print, 2010. 158 s.

24th annual, 1892 – Twenty-fourth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1892. 456 p.

25th annual, 1893 – Twenty-fifth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1893. 464 p.

26th annual, 1894 – Twenty-sixth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1894. 460 p.

27th annual, 1895 – Twenty-seventh annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1895. 502 p.

28th annual, 1896 – Twenty-eighth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1896. 414 p.

29th annual, 1897 – Twenty-ninth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1897. 469 p.

30th annual, 1898 – Thirtieth annual list of merchant vessels of the United States with the official numbers and signal letters awarded them by the commissioner of navigation... Washington: Government printing office, 1898. 414 p.

Anca, Mitiukov, 2004 – *Anca Alamillo A., Mitiukov N.W.* The Gunboat 'Delgado Pareho': Creation and Battle Path // *Bylye Gody*. 2014. № 3. P. 392–398.

[Estado..., 1897](#) – Estado general de la Armada para el año de 1897. Madrid: Imprenta del Ministerio de Marina, 1897.

[Estado..., 1898](#) – Estado general de la Armada para el año de 1898. Madrid: Imprenta del Ministerio de Marina, 1898.

[Galvez, 2007](#) – *Gálvez Aguilera M.* La Marina de Guerra en Cuba (1909–1958) Primera Parte. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 2007. 190 p.

[Mitiuckov, 2015](#) – *Mitiukov N.W.* New-York "Water buses" – the "Intrépida" and "Mensajera" gunboats // Bylye Gody. 2015. № 2 (36). pp. 303–308.

[Mityukov, 2015](#) – *Mityukov N.V.* Steamers build in Izhevsk Plants // Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2015. № 2. S. 95–99.

[San Francisco Call, 1898](#) – Spain's mosquito fleet about Cuba // San Francisco Call. 1898. Vol. 83. № 158. 7 May. P. 4.

УДК 930.2

Морские и речные регистры как исторический источник

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В работе показано, что морские и речные регистры представляют собой подробный и объективный исторический источник для реконструкции биографий кораблей и судов. Дается источниковедческая характеристика регистров, показаны основные ограничения на их применение. Выделены основные группы данных, содержащиеся практически во всех регистрах. На примере двух российских регистров 1919 и 1923 г. показана разная степень подробности представленной информации. Сформулированы четыре основных принципа работы с регистрами при решении задачи реконструкции судовых биографий: принцип хронологической преемственности, принцип обратного поиска справок, принцип системного поиска, принцип соответствия характеристик. В качестве иллюстрации возможности предложенной методики и сформулированных принципов работы с регистрами, решена задача отыскания соответствия купленных в 1895 г. в Нью-Йорке катеров и наименований вошедших в строй испанского флота канонерских лодок, переброшенных на Кубу.

Ключевые слова: история, источниковедение, морской регистр, речной регистр, исторический источник, биография пароходов, принципы работы с регистрами.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 479-488, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94.470

Finishing Touches to the Portrait of Kuban Intelligentsia at the Turn of the XIX–XX centuries

Andrey G. Danilov ^{a, *}

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

The article analyses the main definitions (concepts) of the notion «intelligentsia». The author justifies the use of term «intelligentsia» (as the tool of the research) in the notion of «knowledge workers».

It also reveals the principles of counting the number of intelligentsia in Kubanregion at the turn of the XIX–XX centuries. Basing on the materials of the first Russian population census in 1897, author determines the number and occupational pattern of Kuban intelligentsia, its relative density in society. Kuban intelligentsia counted about 7000 people, that is 0,08 per cent of all regional population.

The article also discusses the Kuban intelligentsia peculiarities, presents its activity conditions in Cossack region. The article analyses Kuban intelligentsia limits capabilities to influence the social life and the intellectual development of society.

Keywords: Russian intelligentsia, Kuban intelligentsia, metropolitan intelligentsia, provincial intelligentsia, knowledge workers, intellectual.

1. Введение

Более ста лет, если вести отсчет от сборника «Вехи» (1909 г.), в России ведутся дискуссии о роли или ответственности интеллигенции за развитие общества и государства. Нередко эти дискуссии бессмысленны, как минимум, по двум причинам. Во-первых, сегодня насчитывается более 300 определений термина «интеллигенция», и оппоненты часто вкладывают во время споров разный смысл в одно и то же слово. Во-вторых, в период истории до 1917 г. российская интеллигенция представляла собой неоднородное явление и включала в себя различные слои и категории, нередко с противоположными или просто не совпадающими целями. Интеллигенция разделялась по классовому и сословному критерию (дворянская, буржуазная, пролетарская, казачья, церковная), по профессиональному критерию (педагоги, работники здравоохранения, служащие на транспорте, в сфере связи, промышленности, государственные служащие, военная интеллигенция и т.д.), по национальному признаку. Наконец, одновременно со столичной в стране действовала многочисленная провинциальная интеллигенция, которая также была неоднородной (губернская, уездная, сельская, станичная и т.д.). Термин «провинциальная интеллигенция» мы употребляем не в цивилизационном или культурологическом смысле, а в географическом: провинциальная – не столичная. На основе всего выше изложенного можно сделать вывод о том, что в научном плане плодотворно анализировать роль в истории России не «абстрактной» интеллигенции, а ее конкретного слоя, группы, категории.

2. Материалы и методы

2.1. Основным источником для подсчета численности кубанской интеллигенции в целом и ее отдельных профессиональных групп, анализа ее профессиональной структуры и удельного веса в обществе являются материалы первой всеобщей переписи населения России в 1897 г. Методика работы с ее итогами изложена в самой статье.

* Corresponding author

E-mail addresses: agd7@mail.ru (A.G. Danilov)

2.2. В работе использованы принципы классического исторического исследования – объективность, историзм и социологизм, которые дают возможность обобщать фактический материал, устанавливать причинно-следственные связи и типологизировать исторический процесс. В связи с этим в работе использовались системный и сравнительно-исторический методы и метод исторической типологизации. Методологическую основу составляют различные теории предметного содержания. Это разработанные в исследованиях Л.К. Ермана, А.В. Ушакова, В.Р. Лейкиной-Свирской теоретические представления об интеллигенции как о работниках умственного труда, а также теории типологизации российской интеллигенции по профессиям.

3. Обсуждение

В работах 1970–1980-х годов, подготовленных на местном материале, авторы традиционно рассматривали локальные процессы как частные проявления общих закономерностей.

С 1990-х годов все более распространенной становится точка зрения, согласно которой, вместо единого всемирно-исторического существуют локально-исторические процессы, множество цивилизаций, отдельных региональных ячеек, провинций, каждая из которых выступала как самостоятельный субъект истории (Данилов и Меметов, 1997: 6). В этой связи усиливается интерес исследователей к изучению истории зарождения, формирования и деятельности интеллигенции в различных регионах России в XIX – начале XX века, анализируется нравственно-психологическое, культурное и политическое своеобразие русской провинции. По этой проблематике проводились научные конференции в Тамбове (1993, 1996), Костроме (1994), Иванове (1996), Рязани (1996), Екатеринбурге (1997), Омске (1998), защищены докторская (Н.К. Гуркина, 1998 г., на материалах Европейского Севера страны) и кандидатские диссертации на материалах Калмыкии, Кубани, Урала, Курской, Ставропольской, Тверской и Тульской губерний, Терской области, Москвы, Омска и т.д. Можно привести с десяток подобных исследований в 2000-е годы в рамках самостоятельного направления в истории – интеллигентоведения. К дискуссионным вопросам из истории провинциальной интеллигенции относятся: время появления ее в том или ином регионе, численность, удельный вес, профессиональная и социальная структура местной интеллигенции, степень ее самоорганизации, характер ее взаимоотношений с местной властью, духовный мир и искания, роль провинциальной интеллигенции в развитии российского общества, особенности казачьей интеллигенции.

Дореволюционные, советские и современные исследователи проделали большую работу по изучению тех сфер жизни кубанского общества (образование, здравоохранение, культура, печать, военная служба, суд, промышленность, транспорт, общественно-политическая жизнь и др.), в которых себя активно проявила интеллигенция в XIX – начале XX в.: Ф.А. Щербина, П. Зажаев, Я. Георгиади, Б.М. Городецкий, В.П. Бардадым, В.Н. Ратушняк, Б.А. Трехбратов, Л.А. Карапетян, Л.В. Комиссинская, С.Н. Чич, Т.В. Ратушняк, Д.С. Ткаченко, С.А. Трехбратова, П.В. Прохода, И.Д. Золотарева, П.П. Матющенко, В.Н. Ракачев, И.М. Федина и др. Отдельным отрядам кубанской интеллигенции в указанный период посвящены работы А.Н. Еремеевой (Еремеева, 2013), Ю.А. Яворской (Яворская, 2000), З.Я. Емтыль (Емтыль, 2010). Были проведены научные конференции, посвященные анализу различных сюжетов из истории интеллигенции края (Интеллигенция Северного Кавказа, 1998; Интеллигенция России, 1999).

Однако вопрос о методике подсчета численности кубанской интеллигенции, ее профессиональной структуре и удельном весе в обществе в выше названных исследованиях практически не ставился.

4. Результаты

Дискуссии, кого можно отнести к интеллигенции, продолжаются несколько десятилетий. Наиболее глубоко этот сюжет в дореволюционной, советской, зарубежной (эмигрантской), современной отечественной и зарубежной историографии проанализирован в работах Е.И. Самарцевой (Самарцева, 1998). Дискуссии о содержании понятия «интеллигенция» продолжаются и в XXI в. (Sdvižkov, 2002; Kolonickij, 2002; Klioutchine, 2007; Меметов, 2008; Будник, 2009). Не останавливаясь подробно на анализе сути споров (Данилов, 2004), отметим, что из всего многообразия подходов к определению термина «интеллигенция» наибольшее распространение получили два: 1) историко-социологический и 2) нравственно-этический. В рамках первого подхода интеллигенция – это работники умственного труда. В рамках второго – это общность людей, обладающих определенными нравственными чертами, такими, как народолюбие, гуманность, самопожертвование, порядочность, принципиальность, духовность, способность к состраданию, социальное неравнодушие.

Под термином «интеллигенция» мы понимаем социально-профессиональный слой людей, имеющих определенный уровень образования, полученного в высшем или среднем учебном заведении, в отдельных случаях – путем самообразования (это для эпохи до 1917 г.), для которых умственный труд является основным занятием.

Наша приверженность к историко-социологическому подходу в определении понятия «интеллигенция» определяется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, нам представляется, что необходимо различать два схожих, но разных по значению понятия: интеллигент как носитель определенных моральных и нравственных качеств, которые в совокупности составляют понятие «интеллигентность», и интеллигенция как работники умственного труда.

Во-вторых, следует отметить, что моральные принципы носят конкретно-исторический характер. То, что в одну историческую эпоху могло считаться «аморальным», могло быть вполне приемлемым для следующих поколений.

В-третьих, и главное, в классовом обществе понятия о добре и зле у разных социальных слоев не совпадают, как не совпадают представления о том, например, что такое патриотизм. То, что революционеры считали заботой об интересах народа, консерваторы называли предательством его интересов и наоборот. Кто больше любил Родину: К.П. Победоносцев, П.А. Столыпин, А.В. Колчак, В.И. Ленин, Л. Мартов, В. Чернов? Нам представляется, что споры на эти темы бесплодны. Поэтому использование морально-нравственных категорий при решении вопроса, кого относить к интеллигенции, достаточно проблематично, если не сказать невозможно. Данный подход (а это очень важно – поднимать нравственную планку интеллигенции) в основном приемлем для литературы и публицистики.

В-четвертых, известно, что не столько сам поступок, сколько намерение человека – вот что позволяет глубже охарактеризовать его нравственный мир. Раскрыть это помогают документы личного происхождения (воспоминания, дневники, письма, записные книжки). Однако исследователь провинциальной интеллигенции (периода до 1917 г.), в отличие от столичной, почти не имеет в своем распоряжении такого рода документов.

В научной литературе конца XIX – начала XX в. наряду с понятием «интеллигенция» применялся термин «полуинтеллигенция». К полуинтеллигенции обычно относили не имевших высшего образования учителей начальных школ, техников, фельдшеров, конторщиков, мелкое чиновничество, канцелярских служащих почты, телеграфа, железных дорог и т.п. Полуинтеллигенция не была особой, отличной от интеллигенции социальной прослойкой. Это была часть интеллигенции, к тому же самая массовая (Ерман, 1966: 8). В нашей работе мы вслед за Л.К. Ерманом, А.В. Ушаковым (Ушаков, 1985), В.Р. Лейкиной-Свирской (Лейкина-Свирская, 1981) и другими историками будем рассматривать интеллигенцию в широком смысле слова, включая и тот слой, который в начале XX в. именовался полуинтеллигенцией.

Основным источником для определения численности интеллигенции России, ее профессиональной структуры в целом по стране и в отдельных регионах, включая Кубанскую область, на рубеже XIX–XX вв. являются материалы первой всеобщей переписи населения страны 1897 г. Вся собранная информация о населении России была систематизирована в 25 Таблицах. Сведения о профессиях и занятиях населения по разным критериям (город, село, административное деление, возраст, пол и т.д.) собраны в 4 таблицах с XX по XXIII. Наибольшую ценность для исследователей представляют материалы Таблицы XX «Распределение населения по группам занятий и возрастам», в которой занятия населения систематизированы по 65 группам и 390 видам.

Однако при анализе результатов переписи важно учитывать следующие моменты. При публикациях материалов Таблицы XX в соответствующих томах, посвященных каждой губернии (Первая всеобщая. Кубанская область., 1905), составители переписи в целях экономии места и средств ограничились только итоговыми цифрами по 65 крупным группам занятий. Отсутствие в погубернских изданиях сведений более детального характера – по 390 видам занятий – во-первых, не позволяет адекватно определить профессиональный состав провинциальной интеллигенции. Во-вторых, и главное, не позволяет определить численность местной интеллигенции, так как итоговые цифры «по группам занятий» включают в себя одновременно работников умственного и физического труда, не входивших в состав интеллигенции. Существует еще несколько форматов издания обобщенных итогов первой всеобщей переписи населения 1897 г., в которых Таблица XX «Распределение населения по группам занятий и возрастам» дана в усеченном виде – только по 65 группам занятий.

К сожалению, некоторые исследователи местной интеллигенции в своих работах или не ставят вопрос о ее численности и профессиональной структуре в изучаемом регионе, или используют некорректные цифры из материалов переписи 1897 г. по своей губернии.

Есть только одно издание, в котором население распределяется не только по 65 группам, но и по более детальным 390 видам занятий в каждой губернии (Первая всеобщая. Распределение по видам главных занятий, 1905). Это позволяет исследователям, исключив из каждой соответствующей группы занятий работников физического труда, подсчитать численность и раскрыть профессиональную структуру местной интеллигенции. Но и в названном источнике ряд категорий служащих (техники, чертежники, железнодорожные конторщики и телеграфисты) объединены составителями переписи вместе с работниками физического труда. Поэтому в каждом конкретном случае будет оговариваться, каким образом определялась численность того или иного отряда кубанской интеллигенции.

Деление работников умственного труда не только по группам занятий, но и по более детальным видам занятий создает неповторимый портрет интеллигенции каждой отдельной губернии (см. Таблица 1) (Первая всеобщая. Таблица XX, 1905: 30–41).

Таблица 1. Состав интеллигенции Кубани в конце XIX в. по группам и видам деятельности

№	Вид деятельности		Числ.	%
1.	Учебная и воспитательная деятельность		1354	19,5
	- начальники и учащие в учебных заведениях	760		
	- учителя искусств и ремесел	45		
	- прочие (кроме начальников и учащихся) чины учебных заведений	46		
	- служащие в канцеляриях учебных заведений	нет свед.		
	- частные преподаватели, преподавательницы	457		
	- гувернеры и гувернантки, служащие у частных лиц	46		
2.	Частная служба у капиталистов и помещиков		993	14,3
	- администрация промышленных и торговых предприятий	249		
	- служащие у частных лиц (управляющие, секретари и т.п.)	664		
	- служащие банков и страховых учреждений	80		
3.	Общественная и сословная служба		848	12,2
	- служащие по выборам в общественных и сословных учреждениях	29		
	- станичные атамань, волостные и сельские старшины	146		
	- служащие по найму в общественных и сословных учреждениях	673		
4.	Духовенство		741	10,6
	- священнослужители православного исповедания	627		
	- священнослужители других христианских исповеданий	13		
	- высшие духовные лица нехристианского исповедания	101		
5.	Здравоохранение		682	9,8
	- начальники лечебных заведений, врачи	98		
	- врачи армии и флота	16		
	- зубные врачи	3		
	- аптекари, провизоры, фармацевты	109		
	- акушерки и повивальные бабки	36		
	- фельдшеры и аптекарские ученики	420		
6.	Государственный аппарат (гражданская служба)		650	9,3
	- чины административного и судебного ведомств	224		
	- чины межевого ведомства	60		
	- служащие в канцеляриях административного и судебного ведомств	308		
	- офицерские чины жандармов и полиции	58		
7.	Военная служба		475	6,8
	- генералы и офицеры военного ведомства, военные топографы	423		
	- гражданские чины военного ведомства и пограничной стражи	25		
	- служащие в канцеляриях военного ведомства	27		
8.	Железнодорожный и водный транспорт		415*	6,0
	- начальники станций, начальники служб и другие линейные служащие	199		
	- служащие в правлениях железнодорожных и пароходных обществ	нет свед.		
	- портовая и речная администрация	нет свед.		
	- конторщики, кондуктора, дорожные мастера	(858)		
9.	Почтово-телеграфные служащие		340*	4,9
	- служащие высшего разряда	108		

	- телеграфисты, телефонисты и почтальоны	(368)		
10.	Промышленность		240*	3,5
	- инженеры и технологи	14		
	- механики, техники, машинисты	(480)		
	- чертежники, переписчики, переводчики	(413)		
11.	Наука, литература, искусство		87	1,3
	- ученые и литераторы	2		
	- художники, музыканты, актеры	85		
12.	Юристы		80	1,2
13.	Специалисты сельского хозяйства (ветеринары)		45	0,6
	- агрономы, лесоводы, землемеры	нет свед.		
	- ветеринары	45		
	Итого:		6950	100,0

В скобках указана численность одновременно работников умственного и физического труда. Цифры со звездочками были получены путем математических вычислений, методика которых будет дана ниже.

Полученные нами итоговые цифры по группам занятий отличаются от подобных цифр, изданных в соответствующем томе по Кубанской области. Это стало следствием того, что мы исключили работников физического труда: из группы «Учебная и воспитательная деятельность» – сторожей и прислугу в учебных заведениях.

Из группы «Общественная и сословная служба» исключили «служителей, рассыльных, сторожей и т.п. в общественных и сословных учреждениях».

Из группы «Духовенство» при подсчетах мы исключили монашествующих православного и других христианских исповеданий, послушников, церковнослужителей, псаломщиков, церковных певчих, должностных лиц при церквях, молельнях, мечетях, синагогах, кладбищах и некоторые другие категории, которых составители переписи включили в состав духовенства.

Из группы «Здравоохранение», в материалах переписи она названа «Врачебная и санитарная деятельность», мы вслед за Л.К. Ерманом и другими исследователями перенесли ветеринарных врачей в группу специалистов сельского хозяйства, а также исключили сестер милосердия, сиделок и лиц, «занимающиеся врачеванием без права врачевания» (знахари, повитухи и т.д.).

Из группы «Государственный аппарат», в материалах переписи она называется «Администрация, суд и полиция», мы исключили такие категории, как «служители, сторожа и т.п. административного и судебного ведомств», «нижние чины жандармов и полиции, пожарные».

Из группы «Военная служба» были исключены «нижние чины военного ведомства и пограничной стражи», «служители и сторожа военного ведомства».

Из группы «Наука, литература, искусство» инженеров и технологов мы перенесли в группу «Промышленность» и исключили «прислугу в учреждениях ученых и художественных и в театрах».

В группе «Частная юридическая служба» мы оставили только адвокатов и нотариусов и исключили такую категорию, как «занимающиеся в конторах нотариусов и поверенных. Служители и рассыльные».

Методика подсчета работников умственного труда в промышленности, на транспорте и в сфере связи была следующей.

В 8-й (по численности) группе «Железнодорожный и водный транспорт» к работникам умственного труда мы относим такие категории, как начальники станций и служб, служащие в правлениях железнодорожных и пароходных обществ, портовая и речная администрация. Однако сведений о численности двух последних групп материалы переписи по Кубанской области не дают. К работникам умственного труда, по мнению Л.Е. Ермана, А.В. Ушакова, В.Р. Лейкиной-Свирской и других историков, следует прибавить группу конторских служащих на железной дороге и группу служащих железнодорожного телеграфа. Сведений о численности железнодорожных телеграфистов в материалах переписи нет. Не исключено, что они могли войти в состав следующей группы «Почтово-телеграфные служащие». Конторские служащие железной дороги составителями переписи были объединены с работниками физического труда – кондукторами и дорожными мастерами.

В сфере промышленности помимо инженеров и технологов к работникам умственного труда, по мнению исследователей, можно отнести техников и чертежников.

По подсчетам Л.К. Ермана, техники, чертежники и железнодорожные конторщики в среднем по стране составляли примерно 25 % от числа лиц, которое взято в [Таблице 1](#) в соответствующих графах в скобки ([Ерман, 1966: 10-11](#)).

Используя условный и примерный критерий «в среднем по стране», 25 % от взятых в скобки 858 конторщиков, кондукторов и дорожных мастеров = 215 железнодорожных конторщиков. Прибавляя 199 начальников станций, начальников служб и других линейных служащих, округляем и

получаем указанную в [Таблице 1](#) примерную численность кубанской интеллигенции, занятой на транспорте, – 415 человек.

Аналогично получаем примерную численность техников и чертежников. 25 % от взятых в скобки 893 (480 + 413) составляет 223 человека. Прибавляем к ним 14 инженеров и технологов и округляем до 240 человек. Примерно столько работников умственного труда было занято в Кубанской области в сфере промышленности.

Среди почтово-телеграфных служащих к работникам умственного труда исследователи помимо служащих высшего разряда относят телеграфистов и телефонистов. Однако две последние категории в материалах переписи населения объединены с почтальонами, которых нельзя отнести к интеллигенции. В целом эта группа насчитывала 368 человек (355 мужчин и 13 женщин). По подсчетам Л.К. Ермана, в среднем по стране почтальонов было 38,86 % от общего числа мужчин из группы «телеграфисты, телефонисты и почтальоны» ([Ерман, 1966: 9](#)). 38,86 % от 355 составляет 128 человек. Примерно столько почтальонов было в регионе на момент переписи. 368 – 128 = 240 человек. Это примерная численность телеграфистов и телефонистов. Прибавляя к ним 108 служащих высшего разряда и округляя, получаем указанную в [Таблице 1](#) цифру 340 человек. Примерно столько почтово-телеграфных служащих Кубани можно отнести к интеллигенции.

Таким образом, в целом примерная численность интеллигенции Кубани в конце XIX в. составила 6950 человек. Учитывая, что численность отдельных отрядов работников умственного труда была получена путем подсчетов на основе условного критерия «в среднем по стране», можно считать численность кубанской интеллигенции, включая полуинтеллигенцию, в 6900–7000 человек достаточно близкой к истинной. Для дальнейших расчетов будем использовать округленную цифру 7 тысяч человек.

Если все население Кубанской области в 1897 г. насчитывало 1,92 млн. человек, то интеллигенция (7000 человек) составляла 0,36 %. Другими словами, на 275 жителей области приходился 1 работник умственного труда. Для сравнения, численность интеллигенции Донской области, по нашим подсчетам, составляла 15500 человек (0,6 % населения Дона), Ставропольской губернии – 2900 человек (0,33 % населения губернии).

Об удельном весе интеллигенции (без учащихся старших классов) среди самодеятельного населения области можно судить по материалам [Таблицы 2](#).

Таблица 2. Удельный вес интеллигенции среди самодеятельного населения Кубани

	численность
- лица, имеющие самостоятельные занятия*	475.205
- численность интеллигенции	7.000
- удельный вес (%)	1,47

Примечания: ([Первая всеобщая. Кубанская область., 1905: 137](#))

По расчетам Л.К. Ермана, этот показатель в среднем по стране (также без учащихся) составлял 2,7 % ([Ерман, 1966: 14](#)). Однако В.Р. Лейкина-Свирская, А.В. Ушаков, Э.В. Кемпинский внесли коррективы в подсчеты Л.К. Ермана. В.Р. Лейкина Свирская, считала, что Л.К. Ерман завысил численность интеллигенции (и наш анализ его расчетов это подтвердил), включив в отдельных случаях в ее состав служителей, рассыльных, сторожей ([Лейкина–Свирская, 1971: 15](#)). В то же время А.В. Ушаков, прибавив к расчетам Л.К. Ермана военных и духовенство, увеличил удельный вес интеллигенции страны примерно на 0,5 %. Любопытны, но далеко не бесспорны подсчеты ставропольского историка Э.В. Кемпинского, который также пришел к цифре 3,2 % самостоятельного населения и 3,48 % занятого населения ([Кемпинский, 1998: 90–93; Кемпинский, 2008: 30](#)). Данный вопрос нуждается в дополнительных исследованиях историков. Но цифра 3,2 % может служить примерным показателем удельного веса интеллигенции среди самодеятельного населения страны в конце XIX в. В любом случае удельный вес интеллигенции Кубани был в 2 раза ниже, чем в среднем по стране. Такая ситуация является следствием ряда факторов: отсутствием в регионе земства, высших учебных заведений, менее развитой промышленностью и железнодорожной сетью. Нам представляется, что разное время вхождения конкретного региона в состав России и, как следствие, разное время появления местной интеллигенции также влияет на ее численность и степень самоорганизации.

Важно отметить, что сосредоточение значительной части интеллигенции страны в Петербурге и Москве ([Ерман, 1966: 15–16](#)), некоторые качественные отличия провинции от столиц делают, с нашей точки зрения, показатель «удельный вес интеллигенции среди самодеятельного населения в среднем по стране» достаточно условным. Нам представляется, что по мере накопления региональных исследований корректнее сравнивать показатели различных провинций, областей, губерний (при условии единой методики подсчета) между собой, чем с показателем «в среднем по стране». Например, для Донской области данный показатель, по нашим подсчетам, составляет 2,4 %, для Ставропольской губернии – 1,5 %.

Отметим низкий удельный вес женщин среди интеллигенции и служащих края – 9 %. Для сравнения, на Дону – 11 %, на Ставрополье – 12,2 %. Примерно такой же была картина в целом стране.

Важно изучить степень обеспеченности специалистами каждой сферы деятельности интеллигенции. Например, работники просвещения были самым массовым отрядом интеллигенции на Кубани и составляли почти 20 % работников умственного труда. Это отнюдь не означает, что сфера образования была наиболее развитой. Напротив, хорошо известно тяжелое положение большинства учителей и школ в Кубанской области, как и по всей стране, в тот период.

Стоит отметить, что специалисты высшей квалификации – врачи (включая военных) составляли всего 17 % общего количества медработников Кубани. В соседних Донской области и Ставропольской губернии была аналогичная ситуация. На Юге России была большая нехватка врачей.

К сожалению, в материалах переписи населения 1897 г. отсутствует подразделение на профессии внутри категории «Художники, музыканты, актеры». В графу «Ученые и литераторы», очевидно, включены не только писатели, но и журналисты, так как отдельной графы «Журналисты» в материалах переписи нет.

Анализ профессиональной структуры Кубанской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в ее составе преобладали специалисты, работавшие по найму: на государственной службе (гражданской и военной), в сфере материального производства, в области культуры и идеологии. Интеллигенты «свободных профессий», трудившиеся самостоятельно, составляли абсолютное меньшинство.

Во-вторых, большинство из работавших по найму находились на службе не у частных лиц, а у государства. Это обстоятельство, с одной стороны, порождало такие отрицательные черты, как кастовость, чиновничество, тормозившие втягивание интеллигенции в общественную жизнь. Но, с другой стороны, эта часть интеллигенции, сталкиваясь с государством как со своим непосредственным работодателем, со временем вступала с ним в борьбу за свои экономические нужды, что ускоряло втягивание ее в борьбу политическую. Однако стоит отметить, что на настроения и взгляды интеллигенции влияла вся сложность российской действительности (в социально-политической, экономической, культурной, национальной и других областях жизни). Большое значение имело неустойчивое «промежуточное» положение интеллигенции, вызывавшее ее постоянные колебания, мировоззренческий эклектизм, расплывчатость социальных идеалов. Политическая ориентация интеллигенции определялась также особенностями судеб каждого индивидуума, многообразием условий формирования его взглядов, различиями в объеме и характере социального опыта, индивидуальной неповторимости структуры сознания отдельных людей.

В-третьих, большую ее часть в отличие от столичной интеллигенции составляли лица с начальным образованием.

В-четвертых, наличие в ее составе казачьей интеллигенции.

В-пятых, отсутствие земской интеллигенции.

В-шестых, специфические условия, в которых жила и работала кубанская интеллигенция (отсутствие земства, казачий фактор), во многом ограничивали ее инициативу.

Основное свое влияние на развитие региона кубанская интеллигенция оказывала своей профессиональной деятельностью в сфере образования, здравоохранения, культуры, идеологии, государственной службы, в промышленности, на транспорте. И кое в чем она добилась успехов. Например, в 1860–1890-е годы удалось изменить отношение местного населения, прежде всего казаков, к обучению своих детей в школе. В 60–80-е годы XIX в. приглашение ребенку учиться воспринималось во многих семьях как несчастье. Характеризуя настроения местных жителей в 90-е годы XIX в., газета «Кубанские областные ведомости» отмечала, что теперь не найдется отца, который не желал хотя бы слабого просвещения своих детей. Осенью, когда идет прием учащихся, «сколько проклятий сыплется на голову станичных властей, и все потому, что не хватает места в здании и пришлось время расширить его». На многочисленных станичных сходах ставились вопросы о выделении средств на строительство школьных зданий и содержание учителей (Горлова и др., 1993: 27–28, 31). Удельный вес детей школьного возраста, не посещавших школы, по нашим подсчетам, за 25 лет сократился в 1,6 раза с 86,5 % в 1881 г. до 53,6 % в 1906 г. (Зажаев, 1907: 28). Были свои достижения и у кубанских врачей, и у представителей других категорий местной интеллигенции.

Но возникает интересный вопрос о возможности местной интеллигенции (помимо духовенства) влиять на общественную жизнь региона и духовное развитие общества. Можно предположить, что в определенной степени к этому были готовы юристы (80 чел.), деятели науки, литературы, искусства (87 чел.), инженеры (14 чел.), учителя (1217 чел), врачи (117 чел.), в сумме это 1515 человек, а также отдельные служащие государственного аппарата, железнодорожного транспорта, почты и телеграфа, некоторые офицеры. Общая цифра – примерно 1600–1650 человек, что составляет 23 % кубанской интеллигенции или 0,08 % всего населения Кубанской области. Для сравнения аналогичные показатели, по нашим подсчетам, составляли для Донской области – 22,6 % донской интеллигенции или 0,13 % всего населения Дона, 24 % ставропольской интеллигенции или 0,08 % всего населения губернии.

Но и эти цифры завышены. Далеко не все юристы, журналисты, инженеры, врачи, учителя разделяли либеральные или демократические идеи или были способны понять их. Например, даже спустя 13 лет после переписи населения, в 1910 г. никто из учителей начальной школы Кубани (это основная масса педагогов в крае) не имел высшего образования. 47 % учителей начальной школы Кубани в 1906 г. не имели даже среднего образования (Зажаев, 1907: 24, 25). Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. на Кубани потенциальные носители новых идей составляли примерно пятую часть местной интеллигенции. На каждые 1200 человек местного населения приходился примерно 1 работник умственного труда, потенциально способный понять и принять новые идеи.

Заключение

Кубанская интеллигенция в основном проявляла себя в профессиональной сфере. Одновременно у нее в отличие от столичной интеллигенции было значительно меньше каналов и возможностей проявлять себя в общественной жизни края и влиять на сознание людей.

Во-первых, деятельность работников умственного труда в духовной и культурной сферах находилась под строжайшим контролем со стороны местных (станичных) атаманов, полиции, жандармов, других государственных структур, многочисленных «ревнителей старины» и т.д.

Во-вторых, существовали объективные препятствия на пути распространения в провинции новых идей: а) малочисленность потенциальных носителей новых идей (примерно 0,1 % населения); б) их бесправие – отсутствие или неразвитость политических свобод, политических партий, союзов, других легальных форм пропаганды передовых идей; в) слабость связей внутри самой интеллигенции – например, разъединенность сельских врачей, учителей; г) неграмотность (грамотные на Кубани составляли 16,77 %) и низкая политическая культура основной массы населения, особенно в сельской местности; д) отсутствие в регионе земства.

Несмотря на объективные трудности, интеллигенция Кубани внесла заметный вклад в духовное, культурное, социальное, экономическое, политическое развитие своего края и России.

Сегодня, когда многие связывают возрождение России с возрождением провинции, необходимо бережно и внимательно относиться к поискам, ошибкам, находкам, победам, достижениям провинциальной интеллигенции в конце XIX – начале XX в.

Литература

- Будник, 2009 – Будник Г.А. Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 7-18.
- Горлова и др., 1993 – Горлова И.И., Манаенков А.И., Лях В.И. Культура Кубанских станиц. 1794–1917. Краснодар: Южная звезда, 1993. 130 с.
- Данилов и Меметов, 1997 – Данилов А.А., Меметов В.С. Интеллигенция провинции в истории и в культуре России. Иваново: ИвГУ, 1997. 175 с.
- Данилов, 2004 – Данилов А.Г. Российская интеллигенция: понятие и теоретические проблемы формирования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. № 4. С. 36–41.
- Емтыль, 2010 – Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. / Науч. ред. Э.А. Шеуджен. Краснодар: Издательский дом – Юг, 2010. 352 с.
- Еремеева, 2013 – Еремеева А.Н. Культурная жизнь Кубани в XX веке. Краснодар, 2013. Гл. 1. С. 7-19.
- Ерман, 1966 – Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. 373 с.
- Зажаев, 1907 – Зажаев П. Прошлое и настоящее Кубанской начальной школы. Екатеринодар, 1907.
- Интеллигенция Северного Кавказа, 1998 – Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегион. науч. конференции (10-11 апреля 1998 г.): В 2-х ч. Ч. 1 / Под ред. В.А. Шаповалова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. 183 с.
- Интеллигенция России – Интеллигенция России в истории Северного Кавказа: Материалы межрегион. науч. конференции (октябрь 1999 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. 324 с.
- Кемпинский, 1998 – Кемпинский Э.В. Численность интеллигенции в Российской империи в конце XIX века: уточненные сведения / Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегион. науч. конференции (10-11 апреля 1998 г.): В 2-х ч. Ч. 1 / Под ред. В.А. Шаповалова. Ставрополь, 1998. С. 90–93.
- Кемпинский, 2008 – Кемпинский Э.В. Интеллигенция Северного Кавказа: анализ переписи 1897 года // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4. С. 30-35.
- Лейкина–Свирская, 1971 – Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. 368 с.
- Лейкина-Свирская, 1981 – Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. 285 с.
- Меметов, 2008 – Меметов В.С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. С. 7-25.

- [Первая всеобщая. Кубанская область, 1905](#) – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. 65. Кубанская область. СПб., 1905.
- [Первая всеобщая. Распределение по видам главных занятий, 1905](#) – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным районам. Таблица XX. Т. I–IV. СПб., 1905.
- [Первая всеобщая. Таблица XX, 1905](#) – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным районам. Таблица XX. Т. III. СПб., 1905.
- [Самарцева, 1998](#) – *Самарцева Е.И.* Российская интеллигенция до октября 1917 года (историографический очерк). Тула: Изд-во ТулГУ, 1998. 192 с.
- [Ушаков, 1985](#) – *Ушаков А.В.* Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985. 159 с.
- [Яворская, 2000](#) – *Яворская Ю.А.* Медицинская интеллигенция Кубани в пореформенный период // Интеллигенция России в истории Северного Кавказа. Материалы межрегион. науч. конференции (октябрь 1999 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. С.182-184.
- [Klioutchine, 2007](#) – *Klioutchine K.* Between sacrifice and indulgence: Nikolai Nekrasov as a model for the intelligentsia // *Slavic Review*. 2007. Т. 66. № 1. p. 45-62.
- [Kolonickij, 2002](#) – *Boris I. Kolonickij.* The Russian intelligentsia's identities and the emergence of anti-intellectualism (late nineteenth-early twentieth centuries) // *Cahiers du Monde Russe*. 2002. Т. 43. № 4. p. 601-616.
- [Sdvižkov, 2002](#) – *Denis A. Sdvižkov.* Comparing what cannot be compared: the general and the specific in the notion of «educated man» // *Cahiers du Monde Russe*. 2002. Т. 43. № 4. p. 569-590.
- References**
- [Budnik, 2009](#) – *Budnik G.A.* Ponyatie «intelligentsiya»: novye podkhody i diskussii [The concept of «intelligentsia»: new approaches and discussions] // *Intelligentsiya i mir*. 2009. № 3. S. 7-18. [in Russian]
- [Gorlova i dr., 1993](#) – *Gorlova I.I., Manaenkov A.I., Lyakh V.I.* Kul'tura Kubanskikh stanits. 1794–1917 [The Culture of Kuban stanitsas] Krasnodar: Yuzhnaya zvezda, 1993. 130 s. [in Russian]
- [Danilov i Memetov, 1997](#) – *Danilov A.A., Memetov V.S.* Intelligentsiya provintsii v istorii i v kul'ture Rossii [The Province intelligentsia in history and in culture of Russia] Ivanovo: IvGU, 1997. 175 s. [in Russian]
- [Danilov, 2004](#) – *Danilov A.G.* Rossiiskaya intelligentsiya: ponyatie i teoreticheskie problemy formirovaniya [Russian intelligentsia: concept and theoretical problems of formation] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 2004. № 4. S. 36–41. [in Russian]
- [Emtyl', 2010](#) – *Emtyl' Z.Ya.* Adygsкая intelligentsiya: formirovanie i deyatelnost' v istoricheskoi dinamike kontsa XIX v. – nachala 30-kh gg. XX v. [Adyge intelligentsia: formation and functioning in historic dynamics at the end of the XIX century – the beginning of 30s of the XX century] / *Nauch. red. E.A. Sheudzhen. Krasnodar: Izdatel'skii dom – Yug*, 2010. 352 s. [in Russian]
- [Eremeeva, 2013](#) – *Eremeeva A.N.* Kul'turnaya zhizn' Kubani v XX veke [The cultural life of Kuban in the XX-th century]. Krasnodar, 2013. Gl. 1. S. 7-19. [in Russian]
- [Erman, 1966](#) – *Erman L.K.* Intelligentsiya v pervoi russkoi revolyutsii [Intelligentsia in the first russian revolution]. М., 1966. 373 s. [in Russian]
- [Zazhaev, 1907](#) – *Zazhaev P.* Proshloe i nastoyashchee Kubanskoj nachal'noi shkoly [The past and the present of Kuban primary school]. Ekaterinodar, 1907. [in Russian]
- [Intelligentsiya Severnogo Kavkaza, 1998](#) – *Intelligentsiya Severnogo Kavkaza v istorii Rossii* [The North Caucasus intelligentsia in the history of Russia]: Materialy mezhregion. nauch. konferentsii (10-11 aprelya 1998 g.): V 2-kh ch. Ch. 1 / Pod red. V.A. Shapovalova. Stavropol': Izd-vo SGU, 1998. 183 s. [in Russian]
- [Intelligentsiya Rossii](#) – *Intelligentsiya Rossii v istorii Severnogo Kavkaza* [The intelligentsia of Russia in the North Caucasus history]: Materialy mezhregion. nauch. konferentsii (oktyabr' 1999 g.). Stavropol': Izd-vo SGU, 2000. 324 s. [in Russian]
- [Kempinskii, 1998](#) – *Kempinskii E.V.* Chislennost' intelligentsii v Rossiiskoi imperii v kontse XIX veka: utochnennyye svedeniya [The number of intelligentsia in Russian empire at the end of the XIX century: précised reduction] / *Intelligentsiya Severnogo Kavkaza v istorii Rossii: Materialy mezhregion. nauch. konferentsii (10-11 aprelya 1998 g.): V 2-kh ch. Ch. 1* / Pod red. V.A. Shapovalova. Stavropol', 1998. S. 90–93. [in Russian]
- [Kempinskii, 2008](#) – *Kempinskii E.V.* Intelligentsiya Severnogo Kavkaza: analiz perepisi 1897 goda [The North Caucasus intelligentsia: the analysis of census 1897] // *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 2008. № 4. S. 30-35. [in Russian]
- [Leikina–Svirskaya, 1971](#) – *Leikina-Svirskaya V.R.* Intelligentsiya v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Intelligentsia in Russia in the second part of the XIX century]. М., 1971. 368 s. [in Russian]
- [Leikina-Svirskaya, 1981](#) – *Leikina-Svirskaya V.R.* Russkaya intelli-gentsiya v 1900–1917 godakh [Russian intelligentsia in 1900-1917 years]. М., 1981. 285 s. [in Russian]

Memetov, 2008 – *Memetov B.C.* O nekotorykh metodologicheskikh podkhodakh v izuchenii ponyatiya «intelligentsiya» v otechestvennoi istoriografii [On some methodological approaches in the study of concept «intelligentsia» in domestic historiography] // *Intelligentsiya i mir.* 2008. S. 7-25. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya. Kubanskaya oblast', 1905 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. [The first total population census of Russian empire.] Vyp. 65. Kubanskaya oblast' [Kuban Oblast]. SPb., 1905. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya. Raspredelenie po vidam glavnykh zanyatii, 1905 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po vidam glavnykh zanyatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym raionam. Tablitsa XX. [The first total population census of Russian empire, 1897. Population distribution by the type of main activity and age groups by different districts. Chart XX] T. I–IV. SPb., 1905. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya. Tablitsa XX, 1905 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po vidam glavnykh zanyatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym raionam. Tablitsa XX. [The first total population census of Russian empire, 1897. Population distribution by the type of main activity and age groups by different districts. Chart XX] T. III. SPb., 1905. [in Russian]

Samartseva, 1998 – *Samartseva E.I.* Rossiiskaya intelligentsiya do oktyabrya 1917 goda (istoriograficheskii ocherk) [Russian intelligentsia before october, 1917 (historiographic essay)]. Tula: Izd-vo TulGU, 1998. 192 s. [in Russian]

Ushakov, 1985 – *Ushakov A.V.* Demokraticheskaya intelligentsiya perioda trekh revolyutsii v Rossii [Democratic intelligentsia in the period of three russian revolutions]. M., 1985. 159 s. [in Russian]

Yavorskaya, 2000 – *Yavorskaya Yu.A.* Meditsinskaya intelligentsiya Kubani v poreformennyi period [Medicine intelligentsia of Kuban in the post-reform period] // *Intelligentsiya Rossii v istorii Severnogo Kavkaza. Materialy mezhtregion. nauch. konferentsii (oktyabr' 1999 g.).* Stavropol': Izd-vo SGU, 2000. S. 182-184. [in Russian]

Klioutchine, 2007 – *Klioutchine K.* Between sacrifice and indulgence: Nikolai Nekrasov as a model for the intelligentsia // *Slavic Review.* 2007. T. 66. № 1. p. 45-62.

Kolonickij, 2002 – *Boris I. Kolonickij.* The Russian intelligentsia's identities and the emergence of anti-intellectualism (late nineteenth-early twentieth centuries) // *Cahiers du Monde Russe.* 2002. T. 43. № 4. p. 601-616.

Sdvižkov, 2002 – *Denis A. Sdvižkov.* Comparing what cannot be compared: the general and the specific in the notion of «educated man» // *Cahiers du Monde Russe.* 2002. T. 43. № 4. p. 569-590.

УДК 94.470

Штрихи к портрету Кубанской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.

Андрей Геннадьевич Данилов^{a, *}

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются основные определения (концепции) понятия «интеллигенция». Автор обосновывает использование в качестве инструментария для исследований термина «интеллигенция» – как работников умственного труда.

Раскрыта методика подсчета численности интеллигенции Кубанской области на рубеже XIX – XX вв. На основе материалов первой всеобщей переписи населения России 1897 г. определяется численность и профессиональный состав кубанской интеллигенции, ее удельный вес в обществе. Интеллигенция Кубани насчитывала около 7 тыс. человек, что составляло 0,08 % всего населения области.

Выявлены особенности кубанской интеллигенции, показаны условия ее деятельности в казачьем крае, проанализированы ее ограниченные возможности влиять на общественную жизнь и духовное развитие общества.

Ключевые слова: российская интеллигенция, кубанская интеллигенция, столичная интеллигенция, провинциальная интеллигенция, работники умственного труда, интеллигент.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agd7@mail.ru (А.Г. Данилов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 489-499, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

The Spanish King Alfonso XIII on pages of Russian Press in 1902–1917

Ariadna A. Petrova ^{a, *}, Anatoliy V. Smolin ^a, Denis G. Yanchenko ^a, Alexander V. Petrov ^b, Ingeborg Pardon ^c

^a Saint-Petersburg State University, Institute of History, Russian Federation

^b Saint-Petersburg State University, Department of Sociology, Russian Federation

^c Berlin Institute of foreign languages and training "Dialogica", Germany

Abstract

The article examines the approaches of the Russian press ("Moskovskie Vedomosti", "Russkie Vedomosti", "Novoe Vremia") to the evaluation of the Spanish King Alfonso XIII (1886–1941) at the first stage of his government. During this time he, acting within the powers granted to him by the Spanish constitution of the Restoration era, tried to stabilize the political situation in Spain and raise the prestige of the royal power, is also actively involved in social and political life of the country. Alfonso XIII also sought to raise the country's prestige in the international arena, seriously shaken after the "disaster in 1898". The special attention is paid to the problem of formation of public opinion by the Russian press, on the example of newspaper coverage of humanitarian and intermediate activity of the Spanish king during the First World War. The activity of Alfonso XIII, aimed at protecting the interests of the citizens of the Russian Empire and the Slavic population of Austria-Hungary, in particular, his personal involvement in the rescue of the Austrian authorities was sentenced to death by a correspondent of the newspaper "New time" in Vienna D.G. Yanchevetskiy, forced the Russian public during the war to change the attitude towards Spain, its king and Spanish neutrality.

Keywords: beginning of XX century, Spain, the Spanish King Alfonso XIII, the Spanish model of parliamentary monarchy of the Restoration period, the Russian press.

1. Введение

Со времени декабристов в России существовала идея о схожести (даже общности) исторических судеб Испании и России, расположенных на крайних флангах Европы и сыгравших в ее долгой и сложной истории роль «часовых на бастионах». Обе они не выдерживали и стандарты европейского прогресса (Пономарева, 1987). Поэтому к Испании, ее опыту социально-экономических и политических преобразований, особенно на переломных этапах ее истории, в России в XIX – начале XX вв. относились с большим интересом. Король Альфонс XIII (1886–1941) привлек внимание российской прессы с самого начала его самостоятельного правления в 1902 г. Он пришел к власти в сложный для Испании период: «катастрофа 1898 г.», в результате которой страна окончательно превратилась во второразрядную державу. В это время наметился кризис политической системы эпохи Реставрации в результате внутреннего раскола в династических партиях («управляемая демократия» стала давать сбой), обострилась социально-экономическая ситуация в стране, что привело к зарождению регенерационизма, росту рабочего и социалистического движения, активизации анархистов. Чтобы изменить ситуацию, Альфонс XIII попытался стать королем действительным, а не номинальным, подлинным «гарантом стабильности» в стране, не выходя за рамки полномочий, предоставленных ему конституцией 1876 г. Он был настроен на то, чтобы проводить реформы «сверху», реагируя на вызовы времени. Именно поэтому на первом этапе своего

* Corresponding author

E-mail addresses: ariadnapetrova@yandex.ru (A.A. Petrova), smolin1947@yandex.ru (A.V. Smolin), deni_g_yanch@mail.ru (D.G. Yanchenko), petroval4@yandex.ru (A.V. Petrov), info@dialogica-institut.de (I. Pardon)

правления Альфонс XIII, как считают современные историки, воспринимался многими испанцами как король – надежда. Ситуация изменилась только к 1917 г., когда стало очевидно, что справиться с испанскими проблемами ему не удалось. Кризис 1917 г. означал начало поворота Испании в сторону военно-монархической диктатуры. В 1931 г. после победы на выборах республиканцев Альфонс XIII был вынужден покинуть страну, но от престола в пользу своего сына Хуана Барселонского он отрекся только незадолго до смерти. Умер в Риме в 1941 г.

Следует отметить, что в оценке правления Альфонса XIII историками в последние десятилетия также произошли определенные изменения. Если раньше в ретроспективе правление Альфонса XIII представлялось им эпохой затянувшегося политического и экономического кризиса режима Реставрации, который неизбежно вел Испанию к революции 1930-х годов, то в настоящее время исследователи характеризуют период правления Альфонса XIII как «неудавшуюся модернизацию» (История Испании, 2014: 447-478, 455; Cabrera, 2005; Cantarero, 2014).

Однако таким ли видели испанского монарха его современники в России? В таком ракурсе эта проблема исследователями еще не рассматривалась.

Тому, как освещалась и оценивалась деятельность Альфонса XIII на первом этапе его самостоятельного правления в российской прессе разных направлений, т.е. взгляду современников в России на испанские проблемы начала XX в. и попытки их решения, а также роли российской прессы в формировании представлений об испанском монархе у российской общественности и посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

2.1. В последнее время изучению прессы как основного источника, позволяющего лучше исследовать процесс трансформации реальных общественных настроений в той или иной стране в тот или иной период времени уделяется большое внимание (Белогурова, 2006: 3). Изучение прессы также позволяет показать степень ее влияния на процесс формирования общественного мнения в Российской Империи (Махонина, 2004).

Основным источником для написания данной статьи стали российские газеты начала XX в.: «Московские ведомости», «Русские ведомости» и «Новое время», отражавшие мнение разных кругов российского общества. Основной массив материалов для статьи составили информационные сообщения (без указания авторов), отобранные редакторами указанных газет из иностранной прессы, сообщений телеграфных агентств или полученные от собкоров из-за рубежа. Материалы публиковались в разделах «Телеграммы наших корреспондентов», «Телеграммы Петербургского – Петроградского телеграфного агентства», «Внешние известия», «За рубежом». Их подбор был обусловлен идеологической направленностью издания.

Газета «Московские ведомости» являлась одной из старейших русских газет. Она издавалась с 1756 по 1917 г. Наибольшую популярность «Московские ведомости» приобрели, когда редакторами были М.Н. Катков и П.М. Леонтьев. В этот период газета стала носить охранительный характер. С 1905 г. газета стала печатным органом монархистов. Некоторые исследователи считают, что после 1905 г., особенно при издателях и редакторах братьях Б.В. и В.В. Назаревских, «Московские ведомости» стали черносотенной газетой (Черная сотня, 2008: 336-338).

«Русские ведомости» — общественно-политическая газета, выходившая в Москве с 1863 г. по 1918 г. С конца XIX в. газету редактировали В.М. Соболевский и А.С. Посников. Данная газета отстаивала либеральные идеи. С «Русскими ведомостями» сотрудничали известные деятели — Г.И. Успенский, Л.Н. Толстой, М.М. Пришвин, В.Г. Короленко и др. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» «Русские ведомости» называли «профессорской» газетой, и отмечали, что лучшие круги русской провинции читали именно эту газету (Энциклопедический словарь, 1899: 332-333).

Если в 1902–1913 гг. об Альфонсе XIII писали в основном «Московские Ведомости» и «Русские Ведомости», то в годы Первой мировой войны наибольший интерес к испанскому монарху проявила газета «Новое время». Эта газета издавалась в Петербурге-Петрограде с 1868 г. по 1917 г. Наибольшей влиятельностью и популярностью она пользовалась при А.С. Суворине и его сыновьях (с 1876 по 1917 гг.). Рассчитанная на широкий круг читателей (тираж доходил до 60 тыс. экземпляров) газета была нацелена на то, чтобы не только отражать, но и формировать общественное мнение, давая максимум всесторонней информации о происходящих событиях. Ее идеологическую направленность порой было трудно определить (Абрамова, 2010: 318-321).

2.2. Для комплексного исследования подходов российской прессы к оценке деятельности Альфонса XIII на первом этапе его самостоятельного правления, а также для определения ее роли в изменении представлений россиян об испанском монархе в годы Первой мировой войны использовался сравнительно-хронологический метод с элементами контент-анализа.

3. Обсуждение

Эффективность испанской модели парламентской монархии, созданной в эпоху Реставрации, краеугольным камнем которой стала конституция 1876 г., примирившей испанских либералов-«западников» и консерваторов-«традиционалистов», ее способность к внутренней эволюции, место и роль монарха в этой системе стали предметом внимания российской прессы уже в начале XX в.

Наибольший интерес к этой проблеме и попыткам Альфонса XIII повысить престиж королевской власти в Испании в рамках действовавшей в стране конституции, начиная с 1902 г., проявили российские газеты «Московские ведомости» и «Русские Ведомости». В 1902–1913 гг. больше всего материалов об испанском монархе появлялось на страницах московских газет. С момента коронации Альфонса XIII в 1902 г. «Московские ведомости» и «Русские ведомости» внимательно следили за деятельностью юного монарха. Однако уже при освещении этого торжественного события издатели газет разошлись в оценке будущего испанского короля. Если «Московские ведомости» всячески подчеркивали энергичность и огромное желание Альфонса XIII сделать все возможное для возрождения былой славы Испании, то «Русские ведомости» сосредоточили внимание на инциденте, произошедшем во время коронации. Какой-то неизвестный человек подошел к коляске короля и бросил вверх шляпу. Это было расценено испанской полицией как анархистский заговор, хотя сам король так не считал. По его мнению, это была просто нелепая выходка психически неуравновешенного человека ([Московские ведомости, 1902: №126: 4](#); [Русские ведомости, 1902: №123: 2](#)).

Рис. 1. Портрет Альфонсо XII (1911, Мадрид)

В последующий период «Московские ведомости» информировали читателей о личных качествах испанского короля, его увлечениях, поездках по стране сразу после восшествия на трон, его встречах с народом, растущей популярности у разных слоев населения Испании, активном участии в заседаниях Государственного Совета ([Московские ведомости, 1902: №174: 4](#); [№178: 3](#); [№220: 3](#)).

Освещая поездки Альфонса XIII по стране, «Московские ведомости» опубликовали информацию о его двухнедельной поездке в Овьедо, Леон, Сантандер. В ней журналисты акцентировали внимание российских читателей на том, что короля в ходе поездки встречали овациями толпы народа — крестьян, рыбаков, моряков, фабричных рабочих, рудокопов. Консервативная печать всячески подчеркивала, что эти поездки способствовали повышению авторитета Альфонса XIII у разных слоев населения Испании. К чествованию монарха во время этой поездки, как сообщала газета, присоединились даже сторонники республиканцев, которых молодой король «подкупил... бесстрашным и непринужденным видом, с каким он проходил в толпе народа, милостиво и приветливо отвечая на приветствия» ([Московские ведомости, 1902: №220: 3](#)). Вот таким королем надежды (королем всех испанцев) представлял Альфонс XIII на страницах консервативной газеты. Газета постоянно подчеркивала, что уже с первых дней самостоятельного правления Альфонс XIII проявил себя как решительный, уважающий традиции и конституцию, самостоятельный правитель. В частности, в №239 от 31 августа 1902 г., рассматривая вопрос об отношениях короля с армией, привыкшей диктовать условия испанским политикам, «Московские ведомости» обратили внимание на следующую фразу Альфонса XIII, произнесенную им в ответ на недоумение военного министра Вейлера, которого он не предупредил о своем посещении казарм: «Я — глава армии и желаю сам знать, что делается в армии, не предупреждая никого о моих намерениях, даже военного министра», хотя раньше в одном из сообщений, опубликованном этой же газетой, отмечалось, что испанская печать обеспокоена возрастанием влияния военных на юного короля ([Московские ведомости, 1902: №233: 4](#)).

В отличие от «Московских ведомостей» либерально-оппозиционные «Русские ведомости» после сообщения о коронации испанского монарха в основном сосредоточились на освещении деятельности испанских политиков Пракседеса Матео Сагасты (1827–1903) и Хосе Каналехаса (1854–1912, убит анархистами), известных своими либеральными взглядами, которых они по-прежнему считали главными вершителями судеб в Испании. Газета также обращала внимание на нарастание уже в 1902 г. кризиса в отношениях короля и испанских либералов и раскол в «династических» партиях при рассмотрении в кортесах пакета законов по поводу отношений церкви и государства ([Русские ведомости, 1902: №164: 2; №169: 2; №174: 3](#)).

Единственное, в чем сходились упомянутые выше российские газеты в 1902 г., это в оценке последствий ухудшения отношений Испании с Ватиканом, недовольным слишком самостоятельной политикой Испании по церковным вопросам.

Истинной причиной этого кризиса, согласно «Московским ведомостям», являлось то, что после поражения в испано-американской войне уменьшились поступления добровольных пожертвований от Испании. По мнению журналистов, Папа был также недоволен политикой испанского правительства, которое приняло ряд мер «по обузданию отцов-иезуитов» ([Московские ведомости 1902: №140: 3](#)). «Русские ведомости» объясняли причину обострения отношений Испании с Ватиканом недовольством как испанских консерваторов, так и испанских либералов посланием папского нунция к епископам, в котором государство признавалось подчиненным церкви, что в Испании было воспринято как «ущемление права государства на самостоятельность и независимость» ([Русские ведомости, 1902: №118: 4](#)). Однако, российские журналисты из обеих газет считали, что существенных изменений в отношениях Испании и Ватикана не произойдет. Ведь на отмену конкордата не решалась даже Франция, а Испании, слабой в экономическом и политическом отношении, бороться с Ватиканом будет гораздо труднее ([Русские ведомости, 1902: №118: 4; №158: 4; Московские ведомости, 1902: №239: 3](#)). Кроме того, как замечали журналисты, король по своим личным взглядам все более склонялся на сторону клерикалов и требовал, чтобы правительство делало им крупные уступки. При этом либерал П. Сагаста и другие члены его кабинета не возражали Альфонсу XIII. Более того, как отмечали «Русские ведомости», в Испании клерикалы стали более активно участвовать в политической жизни. Так, в «Сант-Яго» (Сантьяго) состоялся конгресс католиков, программа которого отличалась боевым характером, она призывала всех верующих к оборонительному и наступательному союзу для «восстановления царства Божия и идеи светской власти папы» ([Русские ведомости, 1902: №176: 2](#)).

Русско-японская война и первая русская революция заставили русских журналистов на время забыть об Испании и ее монархе. Правда, газета «Московские ведомости» опубликовала на своих страницах сообщение о том, что Испания решила соблюдать нейтралитет в этом конфликте ([Московские ведомости, 1904: №30: 3](#)).

Вновь возвратились к испанскому монарху «Московские ведомости» и «Русские ведомости» только в 1908–1913 гг. В этот период российская пресса сосредоточила внимание на внешней политике Испании, на продолжающихся с 1898 г. поисках выхода страны из международного «одиночества» ([История Испании, 2014: 460](#)), отметив желание испанского короля поддерживать добрые отношения со всеми европейскими странами, в том числе и с Россией. Об этом свидетельствовал, в частности, обмен визитами великого князя Михаила Владимировича (март 1908 г.) и инфанта Фердинанда (апрель 1908 г.). Этим поездкам были посвящены обширные материалы в обеих газетах ([Московские ведомости, 1908: №51, №64-66, №100: 3; Русские ведомости, 1908: №67: 2](#)).

Особое внимание при освещении визитов российские газеты (в частности, «Московские ведомости») сосредоточили на том, что испанский монарх был назначен шефом уланского Ольвиопольского полка российской армии, что было воспринято, как сообщала газета «Московские ведомости», с особой благодарностью. Во время обеда Альфонс XIII произнес речь, в которой поблагодарил Государя Императора за назначение его шефом Ольвиопольского полка: «Эта высокая честь будет оценена моей страной, которая счастлива и горда, как и я, тем, что считает в рядах своей национальной армии Монарха страны, которая всегда была для нас верным другом» (*Московские ведомости*, 1908: №65: 3). Кстати, в годы Первой мировой войны военнослужащие солдаты и офицеры этого полка находились по особой защите Альфонса XIII (*Соловьев*, 1959: 282). В ответ испанский король назначил Николая II шефом пехотного полка Фарнезио, что также было встречено с благодарностью (*Московские ведомости*, 1908: №100: 3). Все это, по мнению «Московских ведомостей», свидетельствовало о неизменности дружественных отношений между странами.

В 1913 г. обе газеты посвятили несколько материалов неудачным попыткам Испании вписаться в Тройственное согласие, что, впрочем, особой обеспокоенности ни у русских консерваторов, ни у русских либералов тогда не вызвало (*Русские ведомости*, 1913: №40: 6; *Московские ведомости*, 1913: №43: 4). Рассматривая внешнюю политику Испании в предвоенные годы, которая по конституции являлась прерогативой короля, даже «Московские ведомости» вынуждены были отметить целый ряд его неудач в попытках добиться расположения стран Тройственного согласия (*Московские ведомости*, 1912: №239: 3). Это объяснялось, по мнению журналистов, экономической и политической немощностью Испании. Даже проблему с Рифской областью в Марокко пришлось решать при помощи Франции (*Русские ведомости*, 1911: №193: 3; *Московские ведомости*, 1912: №239: 3). С большим трудом, путем уступок, как отмечали «Русские ведомости», удалось урегулировать с Францией вопрос о разделе сфер влияния в Марокко. Однако обсуждение вопроса о подписании военной конвенции с Францией приняло затяжной характер, «несмотря на желание испанского общества присоединиться к Тройственному согласию, чтобы не остаться в одиночестве в условиях, когда уже все европейские страны определились» (*Русские ведомости*, 1913: №40: 6).

Значительно большее беспокойство российской прессы разных направлений вызывал нарастающий в Испании внутривластный кризис, обострение отношений Альфонса XIII как с консерваторами, так и с либералами (министерские кризисы) (*Московские ведомости*, 1910: №23: 3; *Русские ведомости*, 1910: №263: 3). Причины этого на страницах российских газет объяснялись по-разному, но в целом, акцентируя внимание на данной проблеме, российская пресса констатировала неспособность испанской политической системы к внутренней эволюции в условиях раскола в династических партиях и отсутствия в них беспорных лидеров. При этом «Московские ведомости» еще не утратили веры в силы и возможности испанского короля навести порядок. «Русские ведомости» в Альфонсе XIII уже окончательно разочаровались.

Другая испанская проблема, освещавшаяся российской прессой в этот период — обострение рабочего вопроса и рост социалистического движения, что даже «Русские ведомости» считали весьма опасным для испанской монархии (*Русские ведомости*, 1910: №252: 3). С большой обеспокоенностью пресса сообщала об активизации испанских анархистов. Информация о покушениях на короля и политических деятелей Испании публиковались в российских газетах с нарастающей регулярностью (*Московские ведомости*, 1910: №103, 108, 109: 3, 2). Особое внимание российской прессы привлекло убийство анархистами одного из руководителей Либеральной партии, в то время главы правительства Х. Каналехаса (*Московские ведомости*, 1912: №252: 3; №255: 1). К нему русские либералы относились с особым пиететом как к человеку с твердой и четкой сформулированной позицией «Да здравствует демократия! Долой клерикализм!» (*Русские ведомости*, 1902: №164: 2; *Русские ведомости*, 1910: №228: 4), а российские консерваторы резко отрицательно, считая его ответственным как за обострение внутривластной ситуации в Испании, так и за ухудшение отношений с Ватиканом (*Московские ведомости*, 1910: №171: 2).

Освещались газетами и крупные забастовки рабочих в Испании, которые начиная с 1910 г. приняли массовый характер (см., например: (*Московские ведомости*, 1910: №191, 2; №192, 2; №194, 3; *Московские ведомости*, 1912: №213: 3; *Русские ведомости*, 1911: №199: 3 и др.). В результате, по сообщению «Русских ведомостей», на заседании правительства при обсуждении вопроса о забастовках его глава заявил, что «экономические забастовки могут быть разрешены, но лучше добиваться своих прав законным, а не насильственным путем» (*Русские ведомости*, 1910: №251: 3). В российской прессе отмечалось, что даже армия вышла в этот период на демонстрации в связи с ухудшением социально-экономического положения в стране (*Московские ведомости*, 1910: №2: 3; №7: 4). «Московские ведомости» приветствовали, что Альфонс XIII в этой ситуации пытался найти выход из положения, начав консультации с различными политическими силами страны для решения социальных вопросов (*Московские ведомости*, 1913: №2: 3; №3: 2).

Рассмотренные выше материалы, публиковавшиеся на страницах российских газет, позволяют сделать вывод о том, что российская пресса еще до начала Великой войны следила за событиями, происходившими в Испании. При этом российские журналисты не оставляли без внимания испанского короля, но их мнение о нем не совпадало. Так «Московские ведомости» акцентировали внимание читателей на намерениях Альфонса XIII возродить величие Испании, и, не поступаясь

традициями, повысить роль монарха во внутренней и внешней политике страны. Вместе с тем корреспонденты этой газеты подчеркивали сложность ситуации, в которой ему приходилось действовать. В то же время либеральные «Русские ведомости» рассматривали его скорее как второстепенную фигуру в политической жизни Испании. Они порой лишь упоминали его имя, и подчеркивали, что попытки испанского короля стабилизировать ситуацию в стране и повысить ее престиж на международной арене, выступая в качестве надпартийного арбитра, изначально обречены на неудачу, так как кроме армии ему не на кого было опираться. Но и с ней отношения складывались сложно. Политики с королем, по мнению издателей «Русских ведомостей», не особенно считались.

Таковым было мнение об Альфонсе XIII и Испании в 1902–1913 гг. консервативных и либеральных кругов российского общества, что нашло отражение на страницах общественно-политических газет, для которых была характерна идеологическая определенность и целостность.

В годы Первой мировой войны российская пресса сосредоточилась на освещении событий на фронтах и ситуации в воюющих державах. Испания, объявившая о своем нейтралитете 25 июля (7 августа) 1914 г., привлекла внимание российской прессы главным образом в связи с гуманитарной и посреднической миссией, которая осуществлялась этой страной под патронатом испанского короля в годы войны. Дело в том, что, как нейтральная держава, Испания по договоренности с США взяла на себя защиту интересов России и ее подданных: гражданских и военных лиц, волею судеб оказавшихся на территории неприятельских стран без связи с родиной, — в Австро-Венгрии и Германии (Аникеева, 2013: 193-197, 183-209; Соловьев, 1959: 281-282). Ведь только в Германии на начало войны, как отмечалось в газете «Московские ведомости», находилось 45 тыс. русских (в основном гражданских лиц), из них 700 почти сразу арестовали (Московские ведомости, 1914: №188: 4; №187: 3).

Наибольший интерес к гуманитарной и посреднической деятельности, осуществляемой испанцами под патронатом короля, проявила газета «Новое время», что объяснялось не в последнюю очередь арестом австрийскими властями 19 июля (1 августа) 1914 г. собственного корреспондента газеты в Вене Д.Г. Янчевецкого (Новое время, 1917: №14695: 5). 24 июля (6 августа) 1914 г. в «Новом времени» появилась заметка по этому поводу, в которой сообщалось, что протесты российского посла в Австро-Венгрии Н.Н. Шебеко по данному задержанию были отклонены австрийскими властями (Новое время, 1914: №13780: 2). 26 июля (8 августа) 1914 г. российская общественность впервые была проинформирована редакцией о том, что интересы России в Германии и Австро-Венгрии будут представлять посольства Испании в этих странах (Новое время, 1914: №13782: 3).

С этого времени российская пресса, в частности газета «Новое время», последовательно освещала деятельность испанцев, направленную на осуществление защиты российских подданных, волею судеб оказавшихся неприятельских странах. Издатели «Нового времени», например, публиковали специальной рубрике «О русских за границей» запросы родственников о российских подданных, которых начавшаяся война застала на территории враждебных стран, и ответы на них, полученные от испанского королевского посольства в Санкт-Петербурге/Петрограде (Новое время, 1914: №13804: 7; №13816: 6; №13848: 6). О пожертвовании испанским королем Альфонсом XIII 700 тысяч франков в пользу русских подданных в Вене и Берлине, оставшихся с началом войны без связи с родственниками в России, 9 августа 1914 г. сообщила газета «Московские ведомости» (Московские ведомости, 1914: №184: 3).

В российских газетах также публиковалась информация о результатах посещения испанскими дипломатами, наряду с представителями Красного Креста, лагерей, где содержались русские военнопленные, и о протестах испанскими дипломатами по поводу нарушения Германией Гаагской конвенции (Новое время, 1915: №14171: 4; №13932: 4).

Но особого внимания на страницах газет удостоилась та роль, которую сыграли испанские дипломаты и лично король Альфонс XIII в спасении корреспондента газеты «Новое время» в Вене Д.Г. Янчевецкого. Этот случай получил широкую известность в России в годы войны. Без преувеличения вся страна в 1914–1917 гг. вместе с российскими газетами следила за судьбой журналиста и его жены Александры Ивановны Янчевецкой (Огневой), родной правнучки А.В. Суворова, также арестованной австрийскими властями (Московские ведомости, 1916: №139: 2).

К началу Первой мировой войны Дмитрий Григорьевич Янчевецкий (1873–1938) был уже известным журналистом. Гимназию он закончил в Ревеле. В период с 1891 г. по осень 1897 г. Янчевецкий обучался Петербургском университете, где слушал лекции по востоковедению и юриспруденции. В 1894 г. был награжден золотой медалью за сочинение «Царствование ханьского императора Уди». Из-за нехватки средств он оставил университет до окончания полного курса. В 1899 г. в качестве военнослужащего оправился в Порт-Артур, где служил переводчиком при гражданской администрации, а затем работал в русско-китайской школе и одновременно являлся сотрудником газеты «Новый край», выпускавшейся в Порт-Артуре. Во время восстания ихэтуаней в Китае работал переводчиком при командовании международных вооруженных сил и писал корреспонденции в «Новый край». Затем он объединил их в книгу «У стен недвижимого Китая», выдержавшую за 2 года четыре издания. Президент Франции за эту книгу предложил его кандидатуру в члены Французской литературной академии «за человечность в описании событий», а Николай II подарил золотой портсигар. В годы русско-японской войны Д.Г. Янчевецкий редактировал «Вестник маньчжурской армии» — первую военно-полевую газету России. Дважды был

удостоен Георгиевского креста. После окончания русско-японской войны Д.Г. Янчевецкий работал в качестве корреспондента «Нового времени» сначала в Персии, а с 1911 г. — в Вене, где он и был арестован по обвинению в шпионаже в пользу России 19 июля (1 августа) 1914 г. (Мизь, 2004 и др.).

О причинах его ареста австрийскими властями сотрудник газеты «Новое время» Н. Кравченко уже после возвращения Янчевецкого в Россию писал следующее: «Его статьи, посвященные жизни и политике австро-германских политических деятелей, умение ориентироваться и понять многое, что прошло бы незамеченным для человека менее знакомого с политикой — все это послужило причиной того, что злобные и всюду искавшие шпионов австрийцы, арестовали Д.Г. Янчевецкого» (Новое Время, 1917: №14687: 5).

О том, как издатели и сотрудники газеты «Новое время» в течение двух с половиной лет боролись за спасение жизни и возвращение на родину своего коллеги и его жены, газета «Новое время» регулярно информировала своих читателей, начиная с 24 июля (6 августа) 1914 г. и до его возвращения (Новое Время, 1914: №13780: 2; №13782: 3; Новое время, 1915: №14095: 4; №14097: 5; №14161: 4-5; №14169: 4; №14170: 4 и др.).

При этом издатели и сотрудники «Нового времени» постоянно обращали внимание читателей на усилия испанских дипломатов, направленные на решение проблемы Янчевецкого (Новое время, 1915: №14095: 4; №14097: 5; №14170: 4; Новое время, 1917: №14672: 3). Ведь, как отмечалось в редакционной статье «Судебное дело»: «Новое Время» — не воюющая держава и не может вырвать Янчевецкого из рук палачей. «Новое время» может только заявлять, что приговор венского суда (в августе 1915 г. Янчевецкий и 6 галичан были приговорены к смертной казни через повешение. — А.П. и др.) есть величайшая несправедливость, вопиющая к небу» (Новое время, 1915: №14161: 4-5).

История ареста и последующего спасения Д.Г. Янчевецкого и его товарищей наиболее полно изложена в редакционной статье «К возвращению Янчевецкого», опубликованной на страницах газеты «Новое время» 24 января (6 февраля) 1917 г. В ней, в частности, отмечается личный вклад испанского короля в дело спасения российского журналиста. Ведь только после вручения австрийскому императору «собственноручного письма» Альфонса XIII с просьбой о помиловании 2 января 1916 г. смертная казнь Янчевецкому и другим осужденным была заменена пожизненной каторгой (переговоры об обмене Янчевецких на вице-президента г. Львова и его супругу завершились только в конце 1916 г.) (Новое Время, 1917: №14687: 5).

Благодарность журналистов и Янчевецкого испанским дипломатам и лично Альфонсу XIII нашла отражение в газете «Новое время» как в виде статей (Новое Время, 1917: №14672: 3; №14687: 4; №14693: 4; №14712: 6), так и в «Записках австрийского каторжника», опубликованных февралем-мартом 1917 г. на страницах газеты, первая часть которых была посвящена Янчевецким описанию многотрудной борьбы испанского дипломата, «рыцарского посла в Вене Дэ-Кастро-и-Казалеица» за спасение супругов Янчевецких (Новое Время, 1917: №14692: 5).

Судебный процесс, где Д.Г. Янчевецкий обвинялся в пропаганде русского дела в Галиции и в государственной измене наряду с шестью русскими галичанами, среди которых был Д.А. Марков, депутат рейхсрата (австрийского парламента. — А.П. и др.), привлек внимание не только газеты «Новое время». Во многом это произошло благодаря тому, что ее издатели предпринимали максимум усилий для формирования общественного мнения в защиту Янчевецкого как в России, так и за ее пределами. И их усилия не пропали даром. В защиту своего коллеги выступили журналисты лондонской «Morning Post» (Новое время, 1915: №14169: 4) и болгарские журналисты, которые обратились за поддержкой к испанским властям и к общественному мнению Испании и Болгарии (Новое время, 1915: №14171: 4). Об этом газета также информировала своих читателей.

Дело Янчевецкого, вызвало подъем общественного протеста и в России (Новое время 1915: №14171: 4). Об этом, в частности, свидетельствовали сообщения об этом судебном процессе, регулярно публиковавшиеся не только в «Новом времени», но и в других газетах России, например, в «Московских ведомостях» (Московские ведомости, 1915: №131: 3; №186: 2; №192: 3; №293: 2; №296: 2; Московские ведомости, 1916: №55: 3; №69: 3; №139: 2; №186: 2).

При этом для журналистов «Московских ведомостей», квалифицировавших его как Первый венский русский процесс, было важно, что испанский король заступился не только за подданного Российской империи и их коллегу, каковым был Д.Г. Янчевецкий, но и за славянское население Австро-Венгрии, положение которого и до Первой мировой войны было крайне сложным. В статьях «Дело галичан» (Московские ведомости, 1915: №131: 3) и «Русская и украинская идея в Австрии» (Московские ведомости, 1915: №144: 3) акцент делался именно на это.

О том, что дело Янчевецкого и заступничество за него Альфонса XIII привлекли внимание к Испании и ее королю российской общественности, свидетельствовали поздравления и благодарность испанскому монарху и дипломатам за их самоотверженную борьбу за спасение русского журналиста, которые через газету «Новое Время» выразили представители прессы из других регионов России (Новое Время, 1917: №14700: 3; №14701: 3), а также благодарность Д.Г. Янчевецкого многочисленным «сотоварищам по перу», которые обратились к нему с приветствиями и поздравлениями сразу после его возвращения в Петроград (Новое Время, 1917: №14712: 6).

Следует отметить, что Д.Г. Янчевецкий и 6 русских галичан, приговоренных вместе с ним к смертной казни во время Первого русского венского процесса, были не единственными спасенными

от смерти благодаря личному заступничеству испанского короля и работе испанских дипломатов, о чем сообщала русская пресса. Так газета «Московские ведомости» 1 февраля 1915 г. информировала читателей об освобождении из плена с помощью испанских дипломатов «бывшего канцелярского служащего русского посольства в Германии Асеева, прикомандированного к испанскому посольству, которое представляло интересы России в Берлине». Он находился в плену со 2 августа 1914 г. по 29 января 1915 г. ([Московские ведомости, 1915: №26: 1](#)).

Кроме того, по информации, опубликованной на страницах «Московских ведомостей», испанский король Альфонс XIII также принял участие в спасении от смертной казни лидера младочехов К. Крамаржа и его соратников, приговоренных в Австрии к смертной казни в мае 1916 г. «за пропаганду отделения чешских земель от Австро-Венгрии и сочувствие странам согласия» ([Московские ведомости, 1916: №299: 4; №121: 2; №124: 3](#)). Об этом процессе, а также о смягчении приговора К. Крамаржу и еще 2 чехам, благодаря заступничеству испанского короля, «Московские ведомости» информировали читателей в ноябре – декабре 1916 г. Смертная казнь, по сообщению газеты, была заменена тюремным заключением (15, 10, 6 лет) ([Московские ведомости, 1916: № 262: 3; №269: 2; №299: 4](#)).

В марте 1917 г. газета «Новое Время» опубликовала известие из Мадрида, в котором говорилось о помиловании австрийским императором по ходатайству Альфонса XIII «16 босняков, приговоренных к смертной казни во время процесса о государственной измене в Баньялуке» ([Новое время, 1917: №14731: 2-3](#)).

Заступился испанский король и «за арестованных в Бельгии нескольких дам (бельгиек) по обвинению в содействии бегству молодых бельгийцев, призываемых немцами. Всем этим несчастным грозила смертная казнь, подобно недавно казненной англичанке Кавель», — сообщала газета «Новое время» со ссылкой на *Daily Telegraph* 20 октября (2 ноября) 1915 г. ([Новое время, 1915: №14229: 5](#)).

Всего усилиями Альфонса XIII в годы Первой мировой войны было отменено около 40 смертных приговоров ([Аникеева, 2013: 195](#)).

Впрочем, следует отметить, что далеко не всегда усилия испанских дипломатов по защите интересов подданных Российской империи и других стран завершались столь благополучно. В частности, на обеде в честь Янчевецкого, устроенном редакцией газеты, упоминалось о пропавшем без вести в Берлине и так и не найденном другом журналисте «Нового Времени» Мельникове ([Новое время, 1917: №14694: 6](#)). В этой же газете ранее сообщалось еще об одном российском журналисте, побывавшем в германском плену, сотруднике «Кавказа» и «Украинской Рады» Г.В. Гасенко, который «вернулся из плена инвалидом». До войны он работал в Берлине в качестве корреспондента этих газет ([Новое время, 1915: № 14242: 3](#)).

Однако, в любом случае, гуманитарная кампания и посредническая деятельность испанского короля, на которой акцентировала внимание российская пресса в 1914–1917 гг., несомненно, стала одним из основных факторов, способствовавших повышению престижа этой страны и лично Альфонса XIII в глазах всех россиян независимо от их политических предпочтений.

5. Заключение

Подводя итоги, отметим, что хотя испанская тема в начале XX в. не относилась к числу широко освещаемых российской прессой, тем не менее ситуация в этой стране, роль Альфонса XIII в ее внутренней и внешней политике интересовала российскую общественность и находила место на страницах газет разных направлений. Один из факторов интереса к Испании и лично Альфонсу XIII был обусловлен желанием русской общественности познакомиться с испанской моделью парламентской монархии. Это диктовалось назревшей необходимостью перестройки политической системы Российской империи в начале XX в. Прежде всего следовало понять насколько эффективно такая система могла отвечать на вызовы времени, способна ли эта система к внутренней эволюции и действительно ли испанский король является «единственным гарантом стабильности» в стране, а также какова его роль во внешней политике Испании.

В освещении российскими газетами испанской проблематики можно выделить два этапа. На первом (1902–1913 гг.) ведущие газеты охранительного и либерально-оппозиционного направлений сосредоточили внимание на попытках Альфонса XIII, действуя в рамках конституции 1876 г., стать королем всех испанцев, встав на путь реформ. Российские газеты консервативного направления («Московские ведомости») акцентировали внимание читателей на его религиозности, уважении традиций, активной и независимой позиции по всем вопросам внутренней и внешней политики, на его, пусть и незначительных, успехах по стабилизации социально-экономической ситуации в стране и его попытках (тоже не очень успешных) повысить престиж Испании на международной арене, что объяснялось издателями сложностью и многочисленностью наболевших проблем. Либерально-оппозиционная газета «Русские ведомости» не видела в испанском монархе самостоятельной фигуры и всячески подчеркивала его неспособность решить насущные проблемы страны, поскольку опора только на традиционалистов (консерваторов), по их мнению, изначально не могла привести к положительным результатам. Таким образом, в этот период в российской прессе наблюдалось несовпадение взгляда на испанского короля, что отражало сложность

внутриполитической ситуации в самой России. Однако в целом к началу Первой мировой войны Альфонс XIII не воспринимался россиянами как значимая фигура в мировой политике.

Ситуация изменилась в годы Первой мировой войны. Материалы о гуманитарной и посреднической деятельности испанского короля, публиковавшиеся на страницах российской прессы и прежде всего газеты «Новое время», способствовали повышению престижа испанского короля в глазах россиян, изменению отношения российской общественности к Испании, испанцам и лично к Альфонсу XIII в лучшую сторону. Д.Г. Янчевецкий, в «Записках австрийского каторжника», в частности, отмечал: «Наши неожиданные дорогие друзья Испанцы, с которыми мы, кажется, никогда не дружили, сделали все возможное, чтобы спасти русского журналиста от казни, каторги и плена» ([Новое Время, 1917: №14692: 5](#)). Изменилось и отношение россиян к нейтралитету Испании, провозглашенному Альфонсом XIII в годы войны: от сожаления в 1915 г. по поводу того, что «роль Испании как участницы мировых событий ограничивается только гуманной деятельностью» до признания правильности выбранного Альфонсом XIII в годы Первой мировой войны внешнеполитического курса ([Новое время, 1915: №14038: 2](#); [Новое Время, 1917: №14687: 4](#); [№14696: 4](#)).

Кроме того изученные материалы показывают, что российская пресса в годы войны, работая в специфических условиях, не только отражала, но и активно участвовала в формировании общественного мнения.

Литература

[Абрамова, 2010](#) - *Абрамова Т.А., Иванов А.А.* «Новое время» / Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия. Москва: РОСПЭН, 2010.

[Аникеева, 2013](#) - *Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосяк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П.* История внешней политики Испании. М.: «Международные отношения», 2013. 504 с.

[Белогурова, 2006](#) - *Белогурова Т.А.* Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 - февраля 1917 гг. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Брянск. 2006. 28 с.

[История Испании, 2014](#) - История Испании. В 2-х т. Т.2. От войны за испанское наследство до начала XXI века./ Институт всеобщей истории РАН. Москва: «Индрик», 2014. 872 с.

[Махонина, 2004](#) - *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX в. М.: Флинта: Наука, 2004. 368 с.

[Мизь, 2004](#) - *Мизь Н.Г., Сидоров А.Ю.* Первая военно-полевая газета России «Вестник Маньчжурской армии». 1904–1909. Владивосток, Изд-во ДВГУ, 2004. 90 с.

[Московские ведомости, 1902](#) - *Московские ведомости.* Ежедневная газета. Ред. и изд. В.А. Грингмут. Москва, 1902.

[Московские ведомости, 1904](#) - *Московские ведомости.* Ред. и изд. В. А. Грингмут. Москва, 1904.

[Московские ведомости, 1908](#) - *Московские ведомости.* Ред. и изд. А. С. Будилович. Москва, 1908.

[Московские ведомости, 1910](#) - *Московские ведомости.* Ред. и изд. Л. А. Тихомиров. Москва, 1910.

[Московские ведомости, 1912](#) - *Московские ведомости.* Ред. и изд. Л. А. Тихомиров. Москва, 1912.

[Московские ведомости, 1913](#) - *Московские ведомости.* Ред. и изд. Л. А. Тихомиров. Москва, 1913.

[Московские ведомости, 1914](#) - *Московские ведомости.* Ред. и изд. Б.В. Назаревский. Москва, 1914.

[Московские ведомости, 1915](#) - *Московские ведомости.* Ред. и изд. В.В. Назаревский. Москва, 1915.

[Московские ведомости, 1916](#) - *Московские ведомости.* Ред. и изд. Б.В. Назаревский. Москва, 1916.

[Новое Время, 1914](#) - *Новое Время.* Ежедневная газета. Ред. М.А. Суворин. С.-Петербург-Петроград, 1914.

[Новое время, 1915](#) - *Новое время.* Ред. Б.А. Суворин. С.-Петербург-Петроград, 1915.

[Новое Время, 1917](#) - *Новое Время.* Ред. Б.А. Суворин. Издание Товарищества А.С. Суворина «Новое Время». С.-Петербург-Петроград, 1917.

[Пономарева, 1987](#) - *Пономарева Л.В.* Некоторые особенности испанской общественной мысли XIX — начала XX века / Россия и Испания: историческая ретроспектива. Сб. статей / АН СССР, Институт всеобщей истории / Отв. ред. З.В. Удальцова. М., Б.и., 1987. С. 93-103.

[Русские ведомости, 1902](#) - *Русские ведомости.* Ежедневная газета. Ред. и изд. В.М. Соболевский. Москва, 1902.

[Русские ведомости, 1908](#) - *Русские ведомости.* Ред. и изд. В.М. Соболевский. Москва, 1908.

[Русские ведомости, 1910](#) - *Русские ведомости.* Ред. и изд. В.М. Соболевский. Москва, 1910.

[Русские ведомости, 1911](#) - *Русские ведомости.* Ред. и изд. В.М. Соболевский. Москва, 1911.

[Русские ведомости, 1913](#) - *Русские ведомости.* Ред. В.А. Розенберг и П.В. Егоров. Изд. А.А. Мануилов и А. А. Чупров. Москва, 1913.

[Соловьев, 1959](#) - *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. 1893-1922. М.: Соцэкгиз, 1959. 415 с.

[Черная сотня, 2008](#) - *Черная сотня.* Историческая энциклопедия 1900-1917 / Сост. А.Д. Степанов, А. А. Иванов. Отв. редактор О.А. Платонов. М., Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.

[Энциклопедический словарь, 1899](#) - *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* Т. XXVII. СПб., 1899.

[Cabrera, 2005](#) - *Cabrera M. A.* Developments in Contemporary Spanish Historiography: From Social History to the New Cultural History // *The Journal of Modern History.* Dec. 2005, Volume 77. Issue 4. Pp. 988-1023.

Cantarero, 2014 - *Cantarero G.* Changing Policies of Social Development before and after the Civil War in the Royal Site of El Pardo in Madrid, Spain // *The International Journal of Interdisciplinary Civic and Political Studies*. 2014. Volume 7. Issue 4. Pp. 1-11.

References

Abramova, 2010 - *Abramova T.A. & Ivanov A.A.* (2010) «Novoe vremya» ["The New Time"]. *Russkij konservatizm serediny XVIII - nachala XX veka*. Enciklopediya. [Russian conservatism of the middle XVIII – early XX century. Encyclopedia.]. Moscow: ROSSPEN [In Russian].

Anikeeva, 2013 - *Anikeeva N.E., Vedyushkin V.A., Volosyuk O.V., Mednikov I.Yu. & Pozharskaya S.P.* (2013) *Istoriya vneshnej politiki Ispanii* [History of Spain's foreign policy]. Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya» [In Russian]

Belogurova, 2006 - *Belogurova T.A.* (2006) *Otrazhenie obshhestvennyx nastroyenij v rossijskoj periodicheskoj pechati 1914 - fevralya 1917 gg.* avtoref. diss....kand. istor. nauk. [The reflection of public sentiment in the Russian periodical press 1914 - February, 1917]. Bryansk [In Russian]

Enciklopedicheskij, 1899 - *Enciklopedicheskij slovar Brokgauza i Efrona (1899)*. T. XXVII. [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. T. XXVII] S.-Petersburg

Istoriya ispanii, 2014 - *Istoriya ispanii (2014)* V 2-x t. T. 2. Ot vojny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka [History of Spain. In 2 v. V.2. From the War of the Spanish Succession to the beginning of the XXI century]. Moscow: «Indrik» [In Russian]

Makhonina, 2004 - *Makhonina S.Ya.* (2004) *Istoriya russkoj zhurnalistiki nachala XX v.* [The history of Russian journalism beginning of XX century]. Moscow: Flinta: Nauka [In Russian]

Miz, 2004 - *Miz N.G. & Sidorov A.Yu.* (2004) *Pervaya voenno-polevaya gazeta rossii «Vestnik manchzhurskoj armii».* 1904-1909 [The first military field Russian newspaper "Herald of the Manchurian army." 1904-1909]. Vladivostok: izd-vo DVGU [In Russian]

Moskovskie vedomosti, 1902 - *Moskovskie vedomosti (1902)* *Ezhednevnyaya gazeta* [Moscow News. Daily newspaper]. V. A. Gringmut [ed.]. Moscow [In Russian]

Moskovskie vedomosti, 1904 - *Moskovskie vedomosti (1904)* [Moscow News]. Gringmut, V. A. [ed.]. Moscow [In Russian]

Moskovskie vedomosti, 1908 - *Moskovskie vedomosti (1908)* [Moscow News]. Budilovich, A. S. [ed.]. Moscow [In Russian]

Moskovskie vedomosti, 1910 - *Moskovskie vedomosti (1910)* [Moscow News]. Tikhomirov, L. A. [ed.]. Moscow [In Russian]

Moskovskie vedomosti, 1912 - *Moskovskie vedomosti (1912)* [Moscow News]. Tikhomirov, L. A. [ed.]. Moscow [In Russian]

Moskovskie vedomosti, 1913 - *Moskovskie vedomosti (1913)* [Moscow News]. Tikhomirov, L. A. [ed.]. Moscow [In Russian]

Moskovskie vedomosti, 1914 - *Moskovskie vedomosti (1914)* [Moscow News]. Nazarevskij, B. V. [ed.]. Moscow [In Russian]

Moskovskie vedomosti, 1915 - *Moskovskie vedomosti (1915)* [Moscow News]. Nazarevskij, B. V. [ed.]. Moscow [In Russian]

Moskovskie vedomosti, 1916 - *Moskovskie vedomosti (1916)* [Moscow News]. Nazarevskij, B. V. [ed.]. Moscow [In Russian]

Novoe vremya, 1914 - *Novoe vremya (1914)* *Ezhednevnyaya gazeta* [New time. Daily newspaper]. Suvorin, M. A. [ed.]. S.-Petersburg-Petrograd [In Russian]

Novoe vremya, 1915 - *Novoe vremya (1915)* [New time]. Suvorin, B. A. [ed.]. S.-Petersburg-Petrograd [In Russian]

Novoe vremya, 1917 - *Novoe vremya (1917)* [New time]. Suvorin, A. S. [ed.]. S.-Petersburg-Petrograd [In Russian]

Platonov, 2008 - *Platonov O.A.* (2008) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya enciklopediya 1900–1917* [Black Hundred. Historical Encyclopedia 1900-1917]. Moscow: Institut russkoj civilizacii [In Russian]

Ponomareva, 1987 - *Ponomareva L.V.* (1987) *Nekotorye osobennosti ispanskoj obshhestvennoj mysli XIX – nachala XX veka* [Some features of the Spanish social thought XIX - early XX century]. Udalcova Z.V. [ed.] *Rossiya i Ispaniya: istoricheskaya retrospektiva. sb. statej. / AN SSSR, Institut vseobshhej istorii* [Russia and Spain: a historical retrospective. Coll. articles / USSR Academy of Sciences, Institute of World History]. Moscow [In Russian]

Russkie vedomosti, 1902 - *Russkie vedomosti (1902)* *Ezhednevnyaya gazeta* [Russian statements. Daily newspaper]. Sobolevskij, V.M. [ed.]. Moscow [In Russian]

Russkie vedomosti, 1908 - *Russkie vedomosti (1908)* [Russian statements]. Sobolevskij, V.M. [ed.]. Moscow [In Russian]

Russkie vedomosti, 1910 - *Russkie vedomosti (1910)* [Russian statements]. Sobolevskij, V.M. [ed.]. Moscow [In Russian]

Russkie vedomosti, 1911 - *Russkie vedomosti (1911)* [Russian statements]. Sobolevskij, V.M. [ed.]. Moscow [In Russian]

- Russkie vedomosti, 1913** - Russkie vedomosti (1913) [Russian statements]. Rozenberg, V.A. & Egorov, P.V. [ed.]. Manuilov, A.A. & Chuprov A.A. [publ.]. Moscow [In Russian]
- Solovev, 1959** - *Solovev Yu.Y.* (1959) *Vospominaniya diplomata. 1893-1922* [Memoirs of a diplomat. 1893-1922]. Moscow: Socekiz [In Russian]
- Cabrera, 2005** - *Cabrera M.A.* (2005) *Developments in Contemporary Spanish Historiography: From Social History to the New Cultural History. The Journal of Modern History. 77 (4).* [In English]
- Cantarero, 2014** - *Cantarero, G.* (2014) *Changing Policies of Social Development before and after the Civil War in the Royal Site of El Pardo in Madrid, Spain. The International Journal of Interdisciplinary Civic and Political Studies. 7 (4).* [In English]

УДК 94(47)

Испанский король Альфонс (Alfonso) XIII на страницах российской прессы в 1902–1917 гг.

Ариадна Александровна Петрова ^{a,*}, Анатолий Васильевич Смолин ^a, Денис Геннадьевич Янченко ^a, Александр Викторович Петров ^b, Ингеборг Пардон ^c

^a Санкт-Петербургский государственный университет, институт истории, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии, Российская Федерация

^c Берлинский институт иностранных языков и подготовки «Диалогика», Германия

Аннотация. В статье рассматриваются подходы российской прессы («Московские ведомости», «Русские ведомости», «Новое Время») к оценке деятельности испанского короля Альфонса XIII (1886–1941 гг.) на первом этапе его самостоятельного правления. В это время он, действуя в рамках полномочий, предоставленных ему испанской конституцией эпохи Реставрации, попытался стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в Испании и поднять авторитет королевской власти, активно включившись в общественно-политическую жизнь страны. Альфонс XIII также стремился повысить престиж страны на международной арене, серьезно пошатнувшийся после «катастрофы 1898 г.». Особое внимание в статье уделяется проблеме формирования российской прессой общественного мнения, на примере освещения газетами гуманитарной и посреднической деятельности испанского короля в годы Первой мировой войны. Активность Альфонса XIII, направленная на защиту интересов как подданных Российской империи, так и славянского населения Австро-Венгрии, в частности его личное участие в спасении приговоренного австрийскими властями к смертной казни собственного корреспондента газеты «Новое время» в Вене Д.Г. Янчевецкого, заставила российскую общественность за годы войны изменить отношение к Испании, ее королю и испанскому нейтралитету.

Ключевые слова: начало XX века, Испания, испанский король Альфонс XIII, испанская модель парламентской монархии эпохи Реставрации, российская пресса.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ariadnapetrova@yandex.ru (А.А. Петрова), smolin1947@yandex.ru (А.В. Смолин), deni_g_yanch@mail.ru (Д.Г. Янченко), petroval4@yandex.ru (А.В. Петров), info@dialogica-institut.de (И. Пардон)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 40, Is. 2, pp. 500-507, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930:005.745 «19/20»

The Russian Parliamentarism XX Century: Socio-Cultural Mission and Media Resources of the State Duma, in Emigration

Gulnar K. Mukanova ^{a, *}^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The author examines the role of institutes of the Russian parliamentarism in conditions of exile (after the events of 1917), the communicative role of the ex-deputies of the State Duma of the Russian Empire (hereinafter - the State Duma RI). Having studied archival sources from the collections of archives post-Soviet states, the documents from the personal archive M.Shokay, from the fund of the library of the University of Oriental Languages' New Sorbonne – Paris – III » (INALCO, France), the correspondence of former deputies of the State Duma of the Russian Empire, lifetime publications and matching them with the materials of the NKVD (KGB), the author reconstructs a little known facets of system communication activity of ex-MPs.

The study used historical and situational approach, in the context of the study period. For the purpose of reconstruction of the migration routes, occupation immigrant's kinds of interpersonal communication and media resources, due to the presence of incomplete data, the methods used for quantitative and qualitative analysis of the sources. The method of induction, the example Shokai activities reflected socially significant activity of immigrants.

Methods: synchronization, typology and systematization applied for verification of primary sources (scientific articles, reports, correspondence, reference materials, and so on.). The author summarizes the currently available research results of the parliamentary reform of the early twentieth century, in tsarist Russia. In conclusion, the author focuses on a new mission of the State Duma Russia abroad, when large-scale explanatory work was carried out both in Eurasia and the New World.

Keywords: history, the Russian Empire, the State Duma, emigration, the fraction, media resources, Parliament, Europe.

1. Введение

Смена парадигм идеологического наполнения постсоветского исторического информационного поля соответствует мировым трендам демократизации. Соответственно, институты парламентаризма и их носители, достойны стать объектом научного исследования, в целях выявления общих и особенных черт с зарубежными аналогами. На протяжении своей деятельности, Государственная Дума Российской империи (далее – ГД РИ), как нижняя палата российского парламента, вкупе с верхней палатой (Госсовет), олицетворяла гармоничную систему управления. Прерванная императивами свыше, миссия Думы оказалась под вопросом. К тому же, в историографии XX века, по причине вмешательства большевистской идеологии, были смещены акценты: Дума предстала как орудие антинародной практики царизма, в том числе «ущемления прав инородцев». Так ли это? Каковы траектории судеб депутатов распушенной в 1917 году Госдумы?

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для проведения исследования послужили мемуары экс-депутатов Госдумы, архивные разножанровые первоисточники, рассекреченные материалы НКВД СССР, в частности, о

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova)

деятельности в эмиграции Мустафы Шокая, вошедшие в 12-томное издание собрания сочинений; прижизненные публикации, эпистолярное наследие экс-депутатов Госдумы, а также исследования отечественных и зарубежных ученых.

2.2. При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи. С целью реконструкции маршрутов миграций, рода занятий эмигрантов, видов межличностных коммуникаций и медиаресурсов, в связи с наличием неполных данных, использованы методы количественного и качественного анализа источников. Методами синхронизации, типологизации и систематизации опубликованных и вновь вводимых в научный оборот источников, выявлены их датировка, стиль, сделана попытка классификации содержания. Принцип историзма позволил сопоставить единовременные документы и материалы, отложившиеся в личных и государственных зарубежных и архивах СНГ.

3. Обсуждение

Основными источниками исследования явились официальные документы советско-партийных учреждений, что отложилось в государственных архивах РФ, Франции и РК: РГВИА, INALCO, Архив КНБ РК; АП РК, ЦГА РК. Часть материалов, копии машинописных текстов, была изъята у арестованных лиц, посредников между М.Шокаем и туркестанскими единомышленниками, часть добыта агентурой НКВД (РГВИА, Ф. 1358 к. Оп.3. Д. 45 б. Л.44).

Политэмигрант Мустафа Шокай развернул обличительную антисталинскую публицистику в зарубежных СМИ, опираясь на статданные в советских газетах и журналах. Это в свою очередь вызвало критику Центра в отношении национальной периодической печати. Судя по рассекреченным документам КазЦИКа, Казахское представительство в Москве, организовав в 1932 г. Пресс-центр, запрашивало авторитетное мнение московских специалистов, дабы цитировать их в казахских СМИ и тем самым аннулировать обвинения в пособничестве М. Шокаю (ЦГА РК, Ф. 30. Оп. 2. Д.1087. Л.67).

Тем не менее, в делах арестованных, протоколах допросов казахским коммунистам и беспартийным инкриминировалось если не сотрудничество, то сочувствие М. Шокаю и «чокаевщине» (Архив КНБ РК, Оп.1. Д. 7875. Т. 3. Л. 17. АП РК, Ф. 719. Оп. 2. Д. 95. Л. 10-19).

Огромным подспорьем в изучении темы оказались источники на русском, французском, английском, польском, тюркских языках из личного архива М.Шокая, переданного после его кончины в Берлине, супругой Марией Гориной, в Институт восточных языков и цивилизаций в Париже (INALCO, Carton 5. D. 2. PP.3-5; Carton 9. D. 7. P. 3-6).

Медиаресурсы и коммуникативные возможности экс-депутатов Госдумы в эмиграции изучены не в полной мере. Не поднималась данная тема ни в ставших раритетами зарубежных изданиях начала XX века (Joubert, 1905: 265), ни в изданиях периода «холодной войны» (Moorehead, 1958: 301).

Имеющиеся в Казахстане публикации по истории деятельности М. Шокая и иных политэмигрантов, противоречивы. (Муканова, 2015: 229) Это объясняется в первую очередь тем, что полноценных исследований темы не проводилось, а сведения распространялись по указке советских властей. При этом на эти оценки влияла партийная и профессиональная принадлежность автора. С этими трудностями столкнулись исследователи историографии темы казахов-депутатов Госдумы. (Озганбаев, 2001).

4. Результаты

4.1. Зарубежная историография

ГД РИ – выборный законодательный орган, который, наряду с Государственным Советом, выступал источником российского законодательства с 1906 до ее роспуска во время Мартовской революции 1917 года. Согласно европейским стандартам, Дума представляла нижнюю палату российского парламента, тогда как Государственный совет выполнял функции верхней палаты.

Советская историография переориентировала смысл ГД РИ, перенесла негативный акцент на сам факт ее деятельности при самодержавии. Критиковать объект нападок было проще всего; высмеянию подверглись как отдельные депутаты (см. У Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» разошедшуюся на цитаты, ремарку Кисы Воробьянинова «...подайте бывшему депутату ГД...»), так и сам институт представительной власти.

Довольно остро советская критика коснулась баланса национального представительства в ГД. Собственно, объективной оценки места и роли ГД РИ в официальных публикациях до «перестройки» ожидать не приходится. Смена геополитических парадигм и концептуальный пересмотр подходов в общественных науках в постсоветский период ныне дает шанс глубже всмотреться в механизмы (рычаги) работы ГД и отследить резонанс ее прогрессивной деятельности позднее октября 1917 года. На наш взгляд, за потоком обвинений в адрес Думы, в советской историографии упущен был основной методологический аспект, как-то: феномен-то (Дума) состоялся: а) как практическое воплощение теоретической мысли передовой интеллигенции, как дань росту всемирной демократической тенденции; б) как результат целенаправленной разъяснительной работы, в

регионах включительно, причем не без участия административного ресурса вертикали монаршей власти; в) как опыт межэтнических и межконфессиональных трендов сближения народов унитарного государства (РИ) в рамках единого парламента, имевшего специфику; г) как предтеча будущего (в идеале) сбалансированного соучастия в управлении государством основных ветвей власти (административной и законодательной).

Зарубежная историография темы представлена разновременными трудами, преимущественно на английском и немецком, языках. Хронология изданий дифференцируется: со времен «холодной» войны до начала XXI века. Авторы не претендуют на полный охват деятельности Госдумы и комплексную оценку ее роли и места в структуре управления державой. За недостатком достоверной информации, в разряд трудов, своеобразно освещавших роль России во всемирной истории, попали популярные публикации времен «холодной войны»; автором одной из них был военный корреспондент, австралиец по происхождению Алан Маккрей Мурехэд ([Moorehead, 1958: 301](#)).

Монография *Santa Maria* представляет собой обзор деятельности Комитета по вопросам образования третьей Думы ([Santa Maria, 1990: 119](#)). В книге исследуется законодательная работа ГД в сфере начального светского и церковного образования.

Профессор из Британии *Geoffrey Alan Hosking* ([London](#)) много лет специализируется по истории России XIX и XX веков. В 1973 году он издал научный труд, в котором ставил методологический вопрос о балансе полномочий между Правительством и Госдумой в царской России. Критический подход автора к теме вынесен в название книги; речь шла о конституционном «эксперименте» 1907–1914 гг. ([Hosking, 1973: 290](#)).

Ряд зарубежных публикаций посвящены проблеме идентификации народностей России и их политическому «пробуждению». Так, представительство меньшинств в ГД РИ – тема одноименной книги Т. Мартин (США) ([Martin, 1996: 77](#)).

Немецкие исследователи в 2009 г. обнародовали результаты изучения степени развития парламентаризма в России ([Von Duma..., 2009: 442](#)). Книга затрагивает логику и стратегию российской конституции в сравнении с британской моделью, роль национальных меньшинств как в процессе выборов, избирательных кампаний, так и в самой Думе, статус меньшинств в парламентах Российской империи и германском рейхе. Издание любопытное, поскольку претендует на актуализацию генезиса межкультурных связей.

Польский исследователь Тадеуш Светошовски на примере Российского Азербайджана, на временном отрезке 1905–1920 гг., изучил подъем национального самосознания среди азербайджанцев, живших в пограничье России и Персии. Центральной темой публикации являются действия интеллигенции по формированию коллективной идентичности, чувства национальной принадлежности ([Swietochowski, 2004: 272](#)).

В целом, интерес к теме российского парламентаризма у зарубежных историков, политологов, социологов довольно устойчив, в связи с чем немаловажно выработать концепцию подачи проблемных вопросов. В историографии СНГ тема уже находит освещение; так, в казахстанском информационном поле интерес к теме возродили труды профессора О. Озганбаева ([Озганбаев, 2001](#)).

К 100-летию ГД РИ увидели свет тематические публикации в постсоветских СМИ Центральной Азии. В целом, они ввели в научный оборот новые архивные источники, сведения биографического характера, не претендующие, впрочем, на теоретические обобщения.

4.2 Медиаресурсы экс-депутатов Госдумы РИ в зарубежье

После революционных событий 1917 года остро встал вопрос определения целей и задач продвижения демократических идей на российской почве. Поскольку полемика с большевиками грозила физической расправой, многие теоретики предпочли выехать за границу. Одним из эмигрантов был Ю.О. Мартов, который вскоре там скончался (1923). Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович (1873–1923), лидер меньшевизма, в сентябре 1920 г. эмигрировал в Германию. Один из организаторов «2 1/2-го Интернационала», редактор органа меньшевиков «Социалистический вестник», он объяснил, почему не принял новую власть: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей помириться с тем аракеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самим тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве... Мы идем через анархию, несомненно, к какому-нибудь цезаризму» ([Мартов, 1923](#)).

Эмиграция из советской России распространялась веерно: Европа, Дальний Восток, Китай. Япония, США... Зарегистрирована эмиграция в США экс-депутата ГД РИ Н.А. Бородин (*Nicholas A. Borodin, 1861, Уральск – 1937, Кембридж, Массачусетс, США*) – ученый, политический деятель и журналист, депутат ГД I-го созыва от Уральской области, член фракции кадетов, профессор Гарвардского университета.

По мере обустройства мигрантов, в среде русских общин на дальнем Востоке возникали церковные и светские записи, семейные архивы, накапливались мемуары ([Кузнецова, 2000](#)).

Японский ученый Ю. Курата провел исследование смежной темы русской эмиграции в Страну восходящего солнца, в межвоенный период ([Курата, 1996](#)). Оказалось, что японские власти слабо

поддерживали беженцев, эмигрантов из России – вообще «чужих», опасаясь, что они могут стать причиной нарушения стабильности. По этой причине, немало беженцев из России покинули Японию: часть их направилась во Францию, а большинство – в Китай, Корею, страны Южной Америки. Довольно большая русская диаспора образовалась в Китае. Интеграции эмигрантов способствовало наличие в Пекине Российской духовной миссии в Китае. Типография Духовной миссии, помимо профильной литературы, печатала светские научные и научно-популярные работы (Баконина, 2014: 408).

Приведенные выше издания не ставили целью выявить коммуникативную миссию российских депутатов-эмигрантов на Дальнем Востоке и систематизировать медиаресурсы ГД РИ в эмиграции.

Нас интересовал более европейский вектор политэмиграции, сравнительно плодотворный в плане публикаторской деятельности экс-депутатов. Яркий тому пример – вышедшие на Западе труды депутата III и IV созыва, председателя кадетской фракции ГД РИ П.Н. Милюкова (Miliukov, 1967: 340) Эмигрировал во Францию и В.А. Маклаков, депутат II, III и IV-ой ГД, член ЦК Партии кадетов.

Сравнительный дискурс-анализ публикаций и верификация источников позволили выделить «французский» анклав русских эмигрантов изучаемого периода. Очевидно, что знание языка и устойчивые контакты с французской инфраструктурой позволили всем, не принявшим идеологию Советов, устремиться на берега Сены. На данный момент «французская» диаспора эмигрантов изучена лучше, нежели та, что концентрировалась в Италии, Швейцарии, Германии, Норвегии, Финляндии, Великобритании. Подавляющее большинство составили российские дипломаты, оставшиеся не у дел после отречения Николая Второго.

Ниже приведен перечень имен и статуса (на 1917 г.) русских эмигрантов во Франции; даже выборочный список впечатляет: В.Н. Аргутинский-Долгоруков, Бернгард (Де Латур де Бернард) Г.В. и П.Н. Бубнов – секретари посольства в Париже, А.Р. Бабарновский – консул в Бухаресте, Ю.П. Бахметев – посол в США, Б.Э. Блум (Блюм) – вице-консул в Коломбо и Ардебиле; К.Е. Бюцов – статс-секретарь I Департамента МИД; М.Н. Вейс – чиновник II Департамента МИД; М.С. Верховцев – секретарь консульства во Львове; П.П. Волконский – 2-й секретарь миссии в Мюнхене; М.Н. Гирс – посол в Риме; Н.Н. Гирс – посол в Вене; Голенищев – В.В. Кутузов – консульство в Персии; Л.П. Гомелла – консул в Марселе; Н.Н. Григорьев – управляющий консульством в Гиляне; В.Е. Ден, фон – вице-консул в Париже; К.И. Джакели – вице-консул в Софии; М.И. Догель – управляющий юрисконсульской частью МИД; А.П. Извольский – посол в Париже; Л.Д. Кандауров – консул в Париже; С.А. Каншин – генконсул в Ницце; А.П. Кассини – посланник в США; А.К. Клапье-де-Колонг – секретарь генконсульства в Лондоне; Н.Н. Кратиров – консул в Риме; В.Н. Крупенский – посланник в Пекине... и т.д. Опыт, знания и потенциал диаспора имела колоссальный.

На берегах Сены сконцентрировался цвет российской интеллигенции, равнодушной к судьбам Отечества, часть которой тяготела к публичному выражению мнений, посредством газет и журналов. Они взяли на себя труд организации периодических изданий, поиска спонсоров и рассылки экземпляров. Существует ряд неточностей, в части идентификации персоналий секретарей мусульманских фракции и бюро ГД РИ начала XX века. Так, фамилии некоторых секретарей (например, М. Шокай) не упоминаются (Ивакин, 2006). Причинами неточностей оказываются «белые пятна» историографии, утеря архивных данных вследствие вынужденной эмиграции, угрозы арестов и т.д.

«Белые пятна» историографии ГД РИ обусловлены политической ситуацией; современные возможности глобального информационного обмена – шанс объективно изучить интереснейший опыт симбиоза ветвей власти: Царской, Помазанника Божия, и – представительной, в лице ГД. События на изломе XIX и XX веков, в канун и ходе Первой мировой войны, «Гордиев узел» перетягиваемого политическими акторами, каната, – выражаясь образно, – был разрублен в марте 1917 года.

4.3 Сведения о публикаторской деятельности Мустафы Шокая

Из историографии ГД РИ «выпал» этап эмиграции, на протяжении которого на разных континентах, в зависимости от оседания мигрантов, экс-депутаты и экс-секретари Думы сумели выразить свои взгляды через активную публикаторскую деятельность (Miliukov, 1967: 340). Периодические издания имели читательскую аудиторию, сеть подписчиков и корреспондентов; традиция коллективного обсуждения актуальных тем сместилась с территории Отечества, – в дальнее зарубежье. В деятельности секретаря бюро мусульманской фракции IV-й ГД РИ, вынужденного эмигранта, этнического казаха Чокаева (Шокаев, Шокай) Мустафы заметна та же тенденция. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Член Турккомитета Временного правительства, глава Правительства Туркестанской автономии. В 1919–1921 гг. жил в Тифлисе. В 1921 году через Турцию эмигрировал во Францию, жил в Париже, с 1923 г. – в Ножан-сюр-Марн (под Парижем). Сотрудничал с газетами «Дни» и «Последние новости», редактировал журналы: в Стамбуле «Ени Туркестан» (1927–1931), в Берлине – «Яш Туркестан» (1929–1939).

Издан в Париже книги «Туркестан под властью Советов. К характеристике диктатуры пролетариата» (1935), «1917 yılı hatıra parcaları» («Отрывки из воспоминаний о 1917 годе») (1937). Активность Шокая в разоблачении большевизма/сталинизма беспрецедентна; «связь с эмигрантом

Чокаевым», «чокаевщина» - типичное обвинение казахских коммунистов, судя по материалам допросов в застенках НКВД (Архив КНБ РК, Оп.1. Д. 7875/4. Т. 5. Л. 3; АП РК, Ф.141. Оп.17. Д. 8. Л. 15-19).

История формирования антисталинской оппозиции в XX веке тесно связана с публицистической и правозащитной деятельностью лидеров европейской социалистической мысли, в том числе – экс-депутатов бывшей ГД РИ в эмиграции.

Поскольку есть мнение, что часть (машинописных по большей части) материалов, публикуемых в последнее время из массива отложившихся в архивах (РГВИА, Ф. 461 к. Оп. 2. Д. 135. Л. 36-37), в действительности могут оказаться подложными документами, то лишь верифицированные источники из личного архива Шокая (INALCO, Carton 6. D.5. P. 34-38) могут быть основой для объективной реконструкции его места и роли в европейском информационном поле.

Транзитный пункт на пути в Европу – Грузия, – для Шокая был удачным, в плане поиска сочувствующих борьбе народов Туркестана. Переписка Шокая с князем Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели, Н.Н. Жордания (Шокай, ПСС, Т. 12: 308); отражает тесные связи с грузинскими меньшевиками. Тактическими ходами были: знакомство с широким спектром движений на Кавказе, Восточной Европе, выяснение общей платформы, упрочение связей и т.д. Наблюдая за поведением представителей держав (Англия, США) на Кавказе, Шокай вычислил позиции их покровителей. Разумеется, нефть и другие долгосрочные ресурсы Кавказа привлекали интересы держав-победительниц в большей степени, а национально-культурные запросы проживающих здесь народов были поводом вмешиваться во внутривосточные вопросы и поддерживать марионеточные правительства. Шокай сумел наладить поступление средств для издания информационных журналов, убеждая меценатов спонсировать выход в Берлине журнала «Яш Туркестан».

Дальновидность и другие деловые и человеческие качества Шокая делали его кандидатуру единственно подходящей для координации деятельности соотечественников из-за границы. Первые шаги в европейскую политику, волею судеб оказавшись на чужой земле, М. Шокай делал твердо, уверенно, понимая, что должен оправдать доверие тех, кто остался на Родине. Дальнейшие перемещение его /с супругой/ во Францию диктовалось складывавшейся международной обстановкой. Он оказался на своем месте, олицетворяя лучшие качества интеллигента, борца и просветителя, агитатора и дипломата, писателя и правозащитника.

М. Шокай вел большую подготовительную работу по выпуску печатных изданий, на собственные средства направил представителя в Туркестан, наладил связь с людьми, проживающими в Китае, Афганистане и Иране. Сотрудничал с русскими редакциями. С целью сбора финансовых средств выезжал за пределы Франции, в Великобританию (Шокай, ПСС, Т. 7: 98-104). О выходе его книги «Туркестан под властью Советов» информировали американские СМИ; об этом ему писал А.П. Демидов (Шокай, ПСС, Т. 9: 11). Теплый отклик прислал и известный французский востоковед Кастанье (Шокай, ПСС, Т. 9: 12).

Ставшие доступными архивные документы о деятельности М. Шокая и других экс-депутатов ГД РИ служат доказательной базой, что посредством СМИ они распространяли свою интерпретацию и прогнозные оценки социально-политической ситуации. В пределах Европы шлифовалась злободневная публицистика, сродни памфлетам, велись диспуты, заслушивались доклады, что обеспечило им достойное место в истории европейской социалистической мысли.

4.4. Социокультурная миссия Госдумы в условиях эмиграции

В истории Государственной Думы Российской империи прослеживаются сразу несколько смежных линий развития институтов социально-политической природы, как-то: а) формирование собственно аппарата Думы (секретариат, пул спикеров и проч.); б) фракционное дифференцирование по целеполаганию (кадеты, эсеры и др.); в) идентификация с выделением фракций по конфессиональному признаку («православная», «мусульманская» и т.п.). Безусловно, то явилось результатом предваряющего данный, этапа (реформы второй половины XIX века), когда, под давлением общественного мнения, российский двор повернулся лицом к всемирному опыту парламентаризма (примером служили преобразования системы государственного менеджмента как в Европе, так и специфика выборных органов в Новом свете, США).

Важным методологическим выводом оказывается тот, что опыт Госдумы Российской империи в ее прогрессивных достижениях, в сопоставительном плане выглядит несколько более «выигрышной», нежели модель представительства народов СССР в советских выборных органах. Большевики отвергли церковь и возвели атеизм в своего рода культ, в известной степени лишив народы Российской Федерации (и ее преемника – СССР) такого признака самоидентификации, как конфессиональная принадлежность. В союзной идейной «иерархии» немислимой «ересь» было само упоминание (!), а не то что создание «религиозной» фракции.

Таким образом, устоявшийся стереотип о ГД РИ как «карманной игрушке в руках Романовых», «временной уступке» демократическим запросам времени, созданный сознательно в целях дискредитации, с высоты современных концептуальных подходов, уступает место взвешенным и аргументированным умозаключениям. Место институтов политической практики, в рамках самодержавия, можно реконструировать на базе фундаментальных исследований первоисточников, теоретических выкладок апологетов социализма Западной Европы. Концепция «встроенности»

институтов ГД в систему госуправления Российской империи дает основание изучать ее (Думы) феномен и роль в развитии массового сознания. При комплексном подходе заметно соотношение рычагов монаршей власти и - представительства территорий, на рубеже XIX и XX веков.

По выражению российского исследователя С. Кара-Мурзы, Февральская революция 1917 года завершила долгий процесс разрушения легитимности государства Российской империи. Опыт деятельности депутатов от регионов в составе Государственной Думы не прошел даром; они вынесли идею легитимного представительства и защиты прав народов России. Часть из них, выбрав путь эмиграции, продолжили борьбу в эмиграции.

Системное изучение архивных источников и творческого наследия депутатского пула, секретарей-референтов от территорий, первой половины XX-го столетия доказывает, что парламент России, функционировавший до октября 1917 года, отличался компетентностью. ГД РИ отличает созидательная деятельность, в отличие от разрушительной в основе своей, аморальной, политики большевиков. В эмиграции экс-депутаты и другие представители российской интеллектуальной элиты создали социокультурный феномен, качественно новые информационные источники. Вдали от Родины, экс-депутаты и экс-референты ГД РИ выполнили социально значимую миссию: будучи верны морально-нравственным устоям представительного органа, они полемизировали на страницах зарубежных СМИ с практикой Советов, отстаивая истину.

5. Заключение

Грани общероссийского политического процесса, как-то: выработка квот от территорий и народностей, роль аппарата ГД РИ, в частности секретариата фракций; активная гражданская позиция депутатов ГД РИ в регионах; публикаторская деятельность экс-депутатов ГД РИ в вынужденной эмиграции, проступают по мере возвращения в научный оборот первоисточников.

Вхождение российской интеллектуальной элиты в общепланетарный поток идей начала XX века по мирному, эволюционному преобразованию устаревавших форм управления, в надежде обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, имело место. Миссия депутатов ГД РИ, как ни парадоксально, получила новый импульс в условиях эмиграции.

Другая сторона вопроса: о классификации так называемых медиаресурсов Госдумы Российской империи и публикаций экс-депутатов Думы в эмиграции; к какому разряду их следует отнести, поскольку первые, будучи опубликованы и утверждены, не получили шанса быть воплощены в жизнь, а вторые – монографии, аналитика, памфлеты, публицистика, так же увидевшие свет, не имели выхода на практические рельсы, ожидает своих исследователей. Отметим, что то было инерционное (прерванное) движение по развитию идеи демократизации госуправления, развивавшееся вопреки идеологемам большевиков.

Литература

- [Архив КНБ РК](#) - Архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, г. Алматы.
[АП РК](#) - Архив Президента Республики Казахстан, г. Алматы.
[Баконина, 2014](#) - *Баконина С.Н.* Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920-1931 гг. На материалах Харбинской епархии. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2014, 408 с.
[Ивакин, 2006](#) - *Ивакин Г.А.* Представители мусульман и католиков в Государственных думах Российской империи // Журнал о выборах, 2006. № 4. С. 54-57.
[Кузнецова, 2000](#) - *Кузнецова Т.В.* Российская Духовная миссия в Пекине и ее издательская деятельность в период 1917–1931 гг. // Духовная жизнь Дальнего Востока России: Материалы науч.-практ. конф. Хабаровск, 24–26 октября 2000 г.). Хабаровск: Частная коллекция, 2000, с. 267-269.
[Курата, 1996](#) - *Курата, Юка.* Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами: динамика, численность и состав // Acta Slavica Japonica, 1996, № 14, pp. 124-135.
[Мартов, 1923](#) - *Мартов Л.* История российской социал-демократии. 2-е изд. М., 1923.
[Муканова, 2015](#) - *Муканова Г.К.* Социальная журналистика Казахстана. Первая треть XX века. Алматы: Казак университети, 2015, 229 с.
[Озганбаев, 2001](#) - *Озганбаев О.* Казахи – депутаты Государственной Думы России // Россия – XXI. 2001, №. 6, С. 41-52.
[РГВИА](#) - Российский Государственный военно-исторический архив, г. Москва.
[ЦГА РК](#) - Центральный Государственный архив Республики Казахстан, г. Алматы.
[Шокай, ПСС](#) - *Шокай М.* Полное собрание сочинений М. Шокая в 12-ти томах. Т. 1 – 12. Под ред. проф. К. Есмагамбетова. Алматы: Дайк-Пресс, 2013–2014.
[Ямаева, 1998](#) - *Ямаева Л.* К вопросу об истоках мусульманского либерализма в России начала XX в. и источниках по его изучению (в связи с публикацией документов мусульманской фракции Государственной Думы России (1906–1917 гг.) // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. М., 1998. с. 65-71.
[Duma](#) - Duma. Russian assembly. Written by: The Editors of Encyclopædia Britannica.
[Henry, 1996](#) - *Henry M.* Jackson School of International Studies, Univ. of Washington, 1996, 77 p.

- Hosking, 1973** - *Hosking, Geoffrey A.* The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907-1914. Cambridge University Press, 1973, 290 p.
- INALCO** - Institute national des langues et civilisations orientales (Paris, France).
- Joubert, 1905** - *Joubert, Carl.* The truth about the Tsar and the Present State of Russia. London. Eveleigh Nash; 2nd edition, 1905, 265 p.
- Martin, 1996** - *Martin, Terry.* The Mennonites and the Russian State Duma, 1905-1914 (The Donald W. Tread gold papers in Russian, East European, and Central Asian studies). University of Washington, 1996, 77 p.
- Miliukov, 1923** - *Miliukov, P.N.* Political Memoirs, 1905-1917. Edited by Arthur P.Mendel. Univ. of Michigan Pr., 1967, 340 p.
- Moorehead, 1958** - *Moorehead, Alan.* The Russian Empire at the Time of the Revolution. Harper & Brothers, 1958, 301 p.
- Santa Maria, 1990** - *Santa Maria, Phillip.* The Question of Elementary Education in the Third Russian State Duma, 1907-1912. Edwin Mellen Pr. 1990. 119 pages.
- Swietochowski, 2004** - *Swietochowski, Tadeusz.* Russian Azerbaijan, 1905-1920: The Shaping of a National Identity in a Muslim Community (Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies) Cambridge University Press, 2004. 272 p.
- Von Duma..., 2009** - Von Duma zu Duma: Hundert Jahre russischer Parlamentarismus (Internationale Beziehungen. Theorie und Geschichte) (German Edition). Vandenhoeck & Ruprecht, 2009, 442 p.

References

- Arhiv KNB RK** - Arhiv Komiteta nacionalnoi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan, Almati.
- AP RK** - Arhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan, Almati.
- Bakonina, 2014** - *Bakonina S.N.* Tserkovnaja zhizn ruskoj emigracii na Dalnem Vostoke s 1920-1931 gg. Na materialah Harbinskoj eparhii. [Church life of the Russian emigration in the Far East in 1920-1931, respectively. On materials of the Harbin Diocese]. Pravoslavnij Svjato-Tihonovskij gumanitarnij universitet, 2014, 408 s. [in Russian]
- Ivakin, 2006** - *Ivakin G.A.* Predstaviteli musulman I katolikov v Gosudarstvennih dumah Rossijskoj imperii [Representatives of Muslims and Catholics in the State Dumas of the Russian Empire] // Jurnal o viborah, 2006. № 4. S. 54-57. [in Russian]
- Kuznetsova, 2000** - *Kuznetsova T.V.* Rossijskaja Duhovnaja missija v Pekine I eje izdatelskaja dejatel'nost v period 1917–1931 gg. [Russian Spiritual Mission in Beijing and its publishing activities in the period 1917-1931 gg.] // Duhovnaja zhizn Dalnego Vostoka Rossii: Materiali konferencii. Habarovsk, 2000 g). Habarovsk: ID Chastnaja kollektcia, 2000, S. 267-269. [in Russian]
- Kurata, 1996** - *Kurata, Juka.* Rossijskaja emigracija v Japoniju mezdu dvumja mirovimi vojnam: dinamika, chislenost I sostav [Russian emigration to Japan between the two world wars: dynamics, size and composition] // Acta Slavica Japonica, 1996, № 14, pp. 124-135.
- Martov, 1923** - *Martov L.* Istorija Rossijskoj social-demokratii. [The history of Russian Social-Democracy]. 2 izd. M., 1923. [in Russian]
- Mukanova, 2015** - *Mukanova G.K.* Socialnaja zhurnalistika Kazakhstana. Pervaja tret XX veka. [Social journalism in Kazakhstan. The first third of the twentieth century]. Almati: Kazak universiteti, 2015. 229 s. [in Russian]
- Ozganbajev, 2001** - *Ozganbajev O.* Kazakhi – deputati Gosudarstvennoj Dumi Rossii [Kazakhs - the State Duma of Russia] // Rossia - XXI. 2001. № 6, SS. 41 - 52. [in Russian]
- RGVIA** - Rossijskij Gosudarstvennij voenno-istoricheskij arhiv, Moskva.
- CGA RK** - Tcentralnij Gosudarstvennij arhiv Respubliki Kazakhstan, Almati.
- Shokaj, PSS** - *Shokaj M.* Polnoe sobranije sochinenij M.Shokaja v 12 tomah [The Complete Works of M. Shokai in 12 volumes]. T. 1 – 12. Almati: Dajk-Press, 2013–2014.
- Jamajeva, 1998** - *Jamajeva L.* K voprosu ob istokah musulmanskoj liberalizma v Rossii nachala XX v. I istochnikah po ego izutceniju (1906–1917 gg.) [To a question about the origins of Islamic liberalism in Russia at the beginning of the XX century and sources for its study (in connection with the publication of documents of the Muslim faction of the State Duma of Russia (1906-1917))] // Etnichost i konfessionalnaja traditsija v Volgo-Uralskom regione Rossii. M., 1998, SS. 65-71. [in Russian]
- Duma** - Duma. Russian assembly. Written by: The Editors of Encyclopædia Britannica.
- Henry, 1996** - *Henry M.* Jackson School of International Studies, Univ. of Washington, 1996, 77 p.
- Hosking, 1973** - *Hosking, Geoffrey A.* The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907-1914. Cambridge University Press, 1973, 290 p.
- INALCO** - Institut national des langues et civilisations orientales (Paris, France).
- Joubert, 1905** - *Joubert, Carl.* The truth about the Tsar and the Present State of Russia. London. Eveleigh Nash; 2nd edition, 1905, 265 p.
- Martin, 1996** - *Martin, Terry.* The Mennonites and the Russian State Duma, 1905-1914 (The Donald W. Tread gold papers in Russian, East European, and Central Asian studies). University of Washington, 1996, 77 p.

[Miliukov, 1967](#) - *Miliukov, P.N. Political Memoirs, 1905-1917*. Edited by Arthur P. Mendel. Univ. of Michigan Pr., 1967, 340 p.

[Moorehead, 1958](#) - *Moorehead, Alan. The Russian Empire at the Time of the Revolution*. Harper & Brothers, 1958, 301 p.

[Santa Maria, 1990](#) - *Santa Maria, Phillip. The Question of Elementary Education in the Third Russian State Duma, 1907-1912*. Edwin Mellen Pr, 1990, 119 pages.

[Swietochowski, 2004](#) - *Swietochowski, Tadeusz. Russian Azerbaijan, 1905-1920: The Shaping of a National Identity in a Muslim Community (Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies)* Cambridge University Press, 2004, 272 p.

[Von Duma..., 2009](#) - *Von Duma zu Duma: Hundert Jahre russischer Parlamentarismus (Internationale Beziehungen. Theorie und Geschichte) (German Edition)*. Vandenhoeck & Ruprecht, 2009, 442 p.

УДК 930:005.745 «19/20»

Российский парламентаризм XX века: социокультурная миссия и медиаресурсы Государственной думы в эмиграции

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. В статье автор рассматривает роль институтов российского парламентаризма, в условиях эмиграции (после событий 1917 года), коммуникативную роль экс-депутатов Госдумы Российской империи. Изучив архивные источники из фондов архивов постсоветских государств, документы из личного архива М. Шокай, из фонда библиотеки восточных языков университета «Новая Сорбонна – Париж – III» (INALCO, Франция), переписку экс-депутатов Государственной Думы Российской империи, прижизненные публикации и сопоставив их с материалами НКВД (КГБ), автор реконструирует мало известные грани системной коммуникативной деятельности экс-депутатов.

В исследовании использован историко-ситуационный метод, в контексте изучаемой эпохи. С целью реконструкции маршрутов миграций, рода занятий эмигрантов, видов межличностных коммуникаций и медиаресурсов, в связи с наличием неполных данных, использованы методы количественного и качественного анализа источников. Методом индукции, на примере деятельности Шокай, отражена социально значимая деятельность эмигрантов.

Методы: синхронизации, типологизации и систематизации применены для верификации первоисточников (научные статьи, доклады, корреспонденции, справочные материалы и проч.). Автор обобщены имеющиеся на данный момент результаты исследований парламентских реформ начала XX века в царской России.

В заключение автор делает акцент на качественно новой миссии ГД России за ее пределами, когда масштабная разъяснительная работа велась как в Евразии, так и в Новом свете.

Ключевые слова: История, Российская империя, Государственная дума, эмиграция, фракция, медиаресурсы, парламент, Европа.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 508-515, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Student Movement in St. Petersburg Shortly before the Revolution of 1905 year

Sergei A. Nefedov ^{a, b, *}

^a Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

^b Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The interest towards student demonstrations has increased recently in connection with the recognized and highly active role of youth in the revolution of the late XX – early XXI century. Here a question arises: What was the role of the students in the process of destabilization of Russian society before the First Russian Revolution? The article is devoted to student unrest in St. Petersburg in the autumn of 1904. It is shown that spontaneous student movement was at the heart of unrest – as well as in 1899–1902. «Liberation Union» has proclaimed the necessity of organizing of students and liberal professors for purposeful struggle against the autocracy – but in the events of the autumn of 1904 we cannot find the traces of activity of such organization. There was a liberal campaign, but it had a latent, disguised character, appearing in explicit and implicit criticism of the current regime. However, the agitation has created excited mood among students, and students, who were the members of a party, informed the St. Petersburg Committee of the Russian Social Democratic Labour Party about these facts. The Committee decided to use the spontaneous movement, in order to express the proletarian requirements with the help «of all-public demonstrations»; the requirements of proletariat differed from the requirements of the liberal members of Zemstvo (elective district and provincial administrative assembly in prerevolutionary Russia).

Keywords: Russia, the student movement, student unrest, the Russian Social-Democratic Party, the demonstration November 28, 1904, the First Russian Revolution.

1. Введение

В последнее время интерес к выступлениям студентов увеличился в связи с общепризнанной и весьма активной ролью молодежи в революциях конца XX – начала XXI века, в особенности в связи событиями на площади Тахрир в Каире в 2011 г. и на Майдане Незалежности в Киеве в 2014 г. Возникает вопрос: какую роль играло студенчество в процессе дестабилизации российского общества, начавшемся в середине 1904 года? Студенчество было одним из акторов процесса российской модернизации, процесса, который, в конечном счете, привел к русской революции. Однако насколько самостоятельными были действия студенчества и насколько они шли в русле замыслов политических партий? Кто руководил студентами и каковы были планы этих руководителей?

2. Материалы и методы

Исследование выполнено, в основном, на документальных материалах, представленных в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) имеются ценные материалы Особого отдела Департамента полиции (Ф. 102, Делопроизводство Особого отдела), касающиеся полицейского наблюдения за имеющими политическую направленность студенческими организациями. Материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) содержат материалы, поступившие из Санкт-Петербурга в редакции заграничных газет, «Освобождения» и «Искры» (Ф. 25). Из материалов Российского государственного

* Corresponding author

E-mail addresses: hisl1@ya.ru (S.A. Nefedov)

исторического архива (РГИА) наибольшее значение имеют документы Департамента народного просвещения (Ф. 733). Использовались также материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), содержащие переписку канцелярии попечителя Петроградского учебного округа (Ф. 139).

В исследовании использовались также материалы периодической печати, статьи о студенческом движении, опубликованные в газетах «Освобождение», «Искра», «Революционная Россия», «Вперед». Некоторую дополнительную информацию по изучаемому вопросу дают немногочисленные мемуарные свидетельства.

3. Обсуждение

Студенческое движение 1904 года связывают, главным образом, с впечатляющими демонстрациями, закончившимися жестокими полицейскими расправами – с событиями 28 ноября в Петербурге и 5–6 декабря в Москве. Эти события кратко освещаются в общих работах, посвященных студенческому движению (Гусятников, 1971; Завадский, 1998; Георгиева, 1986; Олесич, 2002; Ушаков, 1904; Dudgeon, 1982; Strauss, 1973), а так же – в некоторых аспектах – в работах, касающихся деятельности петербургских большевиков (Гусятников, 1966; Бондаревская, 1975), однако специальных исследований на эту тему до сих пор не проводилось.

4. Результаты

Необходимо, прежде всего, кратко охарактеризовать ситуацию в студенческом движении в начале 1904 года. В предыдущий период, в 1899-1902 годах студенческие выступления достигли значительных масштабов; они проводились обычно под лозунгами демократических свобод: свободы слова, собраний, свободы печати, гарантий личной неприкосновенности. Однако всех этих свобод студенты добивались, в основном, для себя – в рамках университетской автономии; это были те «академической свободы», которыми обладали студенты и преподаватели западных университетов – то есть движение шло в русле естественных процессов вестернизации и модернизации. Движение за академические свободы получило название «академизма»; поначалу оно было чисто студенческим, стихийным и выражалось в форме протестов против оскорблявших достоинство студентов полицейских порядков. Это движение привлекло внимание политических партий, которые развернули массовую агитацию среди недовольных студентов, стараясь расширить их академические требования и придать им политическую направленность. В итоге единое движение за академические свободы распалось, и в студенческой среде появились партийные кружки, подчиненные местным партийным комитетам. Вопрос о распаде некогда единого студенческого движения обсуждался на Втором общестуденческом съезде в Одессе в октябре 1903 года, и съезд констатировал, что «массовые студенческие движения, движения бессознательные и стихийные, имевшие место преимущественно на академической почве, невозможны в настоящее время в силу процесса дифференциации, распространившегося в студенческой среде» (Энгель, Горюхов: 90).

При анализе этого процесса дифференциации необходимо учитывать социальный состав студенчества. В 1904 году в Петербурге насчитывалось около 20 тыс. студентов (Доклад..., 1959: 539). Самым большим вузом был Императорский Санкт-Петербургский университет, в котором обучалось 4,5 тыс. студентов (Бондаревская, 1979: 68); почти половина из них училась на юридическом факультете, который традиционно считался «кузницей кадров» имперского чиновничества. В соответствии с Университетским уставом 1884 года; лица, окончившие университет с дипломом I степени имели право на получение чина X класса, окончившие с дипломом второй степени или со званием «действительного студента» получали чин XII класса.

Большинство студентов Петербургского университета (61 %) составляли дети дворян и чиновников; это был наиболее аристократический из университетов России (Бондаревская, 1979: 68). Для студентов элитарного вуза было характерно обостренное чувство собственного достоинства, и они питали глубокую неприязнь к опеке со стороны чинов университетской инспекции, так называемых «педелей». Как известно, студенческое движение в России началось с инцидента 8 февраля 1899 года, когда студенты, вопреки приказу ректора, устроили чрезмерно шумное празднование юбилея Петербургского университета. Вечеринка вылилась в уличное шествие, которое в конечном счете было разогнано конной полицией с помощью нагаек. Как писал С.Ю. Витте, это была просто «школьная шалость», которая внезапно превратилась в общественное движение (Чертков, 1906: 17). Существенно, что среди избитых полицейскими оказались сыновья сенаторов и других высокопоставленных лиц. Элитарная молодежь восприняла действия полиции как жестокое оскорбление своего достоинства, началась студенческая забастовка с требованиями наказания полицейских и предоставления студентам «гарантий личной неприкосновенности» (Орлов, 1934: 330).

В 1903 году наблюдался спад студенческого движения, но даже в период его наибольшего развития в нем участвовало лишь сравнительное меньшинство студентов; большинство же принадлежало державшимся пассивно «консерваторам» (Гусятников, 1971: 98). Что касается активного меньшинства, то влияние политических партий постепенно привело к распаду изначально «академического» движения на политизированные студенческие группы. На правом фланге появилась монархическая организация «Денница», взявшая на себя функции борьбы с крамолой в

стенах вузов; эта группа была непосредственно связана с «Русским собранием». На левом фланге сформировались социал-демократические и эсеровские группы; в Петербургском университете было несколько таких групп: «Социал-демократическая группа», «Группа студентов социалистов-революционеров», «Партизаны борьбы» и «Группа студентов-демократов А». Две последние группы позднее объединились в «Центральную организацию Санкт-Петербургского университета», программа которой была еще не вполне разработана, но позднее приняла либеральный характер. В феврале 1904 года все эти группы для координации, по мере возможности, своих действий создали «Коалиционный совет студентов Петербургского университета» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т.1. Л. 23; Оп. 253. Д. 38. Л. 180б.).

По оценке Департамента полиции, весной и в начале осени 1904 года упомянутые студенческие группы не проявляли заметной активности. В «Социал-демократической группе» насчитывалось всего лишь 15 членов, руководителем («ответственным организатором») группы сначала был В.А. Горохов, затем А.Э. Эссен, а после него (в октябре 1904 года) - М. К. Дорохов; ближайшими помощниками Дорохова были А.Я. Каплан и К.С. Жерновецкий. Поначалу группа пыталась сохранить независимость от Петербургского комитета (ПК) РСДРП, но затем подчинилась партийной дисциплине и влилась в «Объединенную социал-демократическую организацию студентов Санкт-Петербурга» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 5. Ч.1. Т. 4. Л. 380б-39; Д. 3. Ч.10. Т.1. Л. 700б-71).

В конце 1904 года в «Объединенной организации» было около ста студентов-партийцев и еще 500 студентов участвовали в социал-демократических кружках – это, конечно, очень немного, если учитывать, что в столице было 20 тыс. студентов. Но принимая во внимание общую слабость петербургской организации РСДРП, студенты играли значительную роль в деятельности местных социал-демократов – так что, когда они разъезжались на каникулы, эта деятельность практически затихала. Студенты выступали в качестве агитаторов, обеспечивая квартиры, явки, устраивали благотворительные вечера, организовывали лотереи и, таким образом, за осень 1904 года перечислили в кассу комитета свыше 3 тыс. рублей (Отчет..., 1959: 558, 561, 562; Доклад..., 1959: 539).

Летом 1904 года ПК пережил волну арестов, которые фактически приостановили его деятельность. Эта деятельность стала более активной в сентябре, когда состав комитета пополнили вернувшиеся после каникул студенты. Ответственным организатором стал студент Политехнического института А. А. Горев, организатором Василеостровского района – его сокурсник А.Д. Брейтерман, организатором Выборгского района – студент университета Н.Н. Кузьминский. Членом ПК стал приехавший из Москвы недавний студент А.Э. Эссен. «Старших товарищей» в ПК в это время осталось немного, одним из них был организатор Невского района А.М. Аносов. Ввиду недостатка кадров в некоторых районах не было ни организаторов, ни пропагандистов (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 5. Ч.1. Т. 3. Л. 920б-1010б).

Таким образом, к осени 1904 года в студенческой среде сформировались как правые, так и левые группы, принимавшие программы соответствующих политических партий. Однако центристские группы практически отсутствовали. Либеральный «Союз Освобождения» поначалу не ставил своей целью работу среди студентов. «До сих пор она (либеральная оппозиция – С.Н.) не считала нужным и возможным сблизиться со студенческим движением и принимать в нем активное участие», - говорилось в редакционной статье журнала «Освобождение» 7 сентября 1904 года. Однако, «студенты представляют естественное крыло освободительного движения... При целесообразном... ведении студенческого движения легко станет возможной и прямая поддержка студентами требований либеральной оппозиции, в том числе и либеральными профессорами...Потрудиться над этим есть прямая долг оппозиции...» (Д. К. Р., 1904: 91) В другой статье, опубликованной в том же номере за подписью П. С. – «Петр Струве», – прямо говорится, что «необходимо в определенных политических целях организовать и студенческую, и профессорскую среду. Организация же должна выработать операционный план кампании...» (П. С., 1904: 98).

Таким образом, к осени 1904 года студенческое движение оказалось под непосредственным влиянием политических партий, которые рассматривали его как инструмент для достижения своих целей. Каковы были эти цели? 17-24 сентября в Париже состоялась конференция революционных и оппозиционных партий России, которая выработала совместный план борьбы с самодержавием. Инициатива организации конференции исходила от финского националиста Конни Циллиакуса, который действовал по поручению представителя японского Генштаба полковника Акаси Мотодзиро. Милюков, который в числе других депутатов представлял на конференции «освобожденцев», впоследствии говорил, что он не знал о связи Циллиакуса с японцами (Милюков, 1955: 243), но социал-демократы что-то узнали и отказались участвовать в конференции. В итоге, в Париже собрались представители эсеров, «освобожденцев» и делегаты от шести националистических партий, которые выработали план совместных действий по свержению самодержавия (Инаба 2013: 79; Павлов 2011: 71). В выработанный в Париже план входила и организация студенческих волнений, и Акаси в своих мемуарах упоминает о том, что вскоре после конференции «российские социалисты-революционеры попытались провести демонстрации в Киеве, Одессе и в Москве, а также спровоцировали волнения среди студентов» (Akashi, 1988: 40, 41). В другом месте он пишет о том, что студенческие волнения начались под влиянием призывов либералов (Инаба, 2013: 94). Действительно, в начале октября появилась первая широко распространяемая листовка «Союза

Освобождения», которая называлась «Народ и война». Листовка заканчивалась призывом «Долой самодержавие! Да здравствует конституция!» (Освобожденческая..., 1904: 119). Появление этой листовки знаменовало начало запланированной на Парижской конференции пропагандистской кампании. Ориентируясь на получаемую информацию, Акаси считал студенческие волнения результатом агитации либералов и провоцирующих действий эсеров. Как в действительности развивались события?

В сентябре 1904 года обстановка в петербургских вузах была спокойной, никаких волнений и сходов не отмечалось. Среди студентов университета распространялась обращенная к первокурсникам листовка «Союза консерваторов». «Мы, “консерваторы”... - говорилось в листовке, - обращаем наше воззвание к тем студентам, которым еще впервые придется присутствовать при беспорядках, которые принято называть “студенческим движением”, где кроме красивых фраз, кроме широковещательных программ, наши молодые товарищи не услышат ни одного разумного слова... Заранее собирается небольшая группа студентов, преимущественно нерусского происхождения... решают заранее вопросы, которые она хочет предложить на сходке, избирают ораторов, часто даже редактируют их речи. Резолюции сходки предпрещаются заранее и студенты университета являются только невольными орудиями в руках небольшой группы энергичных... товарищей» (РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 176. Л. 5).

Впрочем, «энергичные товарищи» из партийных групп университета до середины октября не проявляли какой-либо активности. Когда 2 октября «академисты» захотели обсудить вопрос о студенческой столовой, «Социал-демократическая группа» и «Центральная организация» призвали студентов не устраивать сходку, чтобы не провоцировать ненужный конфликт с ректоратом (РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 176. Л. 6). Первым проявлением студенческой активности в новом учебном году стала сходка студентов Политехнического института 11 октября. Политехники выразили недоверие «новому курсу» Святополк-Мирского, требовали прекращения войны и созыва учредительного собрания на началах всеобщего избирательного права. Как свидетельствует одно из перлюстрированных полицией писем, такой итог сходки был неожиданностью для самих студентов: «Собрались по самому домашнему делу... а кончилось... пением рабочей марсельезы...» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л.13).

Студенческие настроения нашли выход, когда 8 октября в тюрьме покончил с собой арестованный весной член ПК студент-технолог И.М. Малышев. Состоявшиеся 14 октября похороны Малышева вылились в стихийную демонстрацию: около тысячи студентов ожидали выноса тела из тюрьмы, и узнав, что оно уже отправлено на станцию, двинулись туда с пением марсельезы. Полиция не вмешивалась, и к удивлению студентов вела себя вполне корректно. Собравшийся в тот же день Коалиционный совет решил устроить демонстрацию 17 октября во время панихиды в Казанском соборе, причем предложил ПК привлечь к студенческой демонстрации также и рабочих. Однако ПК ответил, что сейчас он не в состоянии обеспечить присутствие на демонстрации значительного числа рабочих. Листовка «Объединенной организации» призвала студентов не ходить к Казанскому собору, но готовиться к массовой манифестации в близком будущем (Там же. Л. 50, 54, 86; РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 176. Л. 21).

Коалиционный совет отменил демонстрацию, однако движение было стихийным и студенты все равно пришли на панихиду в Казанский собор. В воскресенье 17 октября в соборе и вокруг него собралось несколько сот студентов. Одна из курсисток стала читать воззвание, но тут же, не смотря на сопротивление окружающих, была схвачена полицейскими. Собор был окружен полицией, и сам градоначальник Фуллон принялся увещевать студентов (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232, Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 54, 57). «Вместо того, чтобы пустить в ход нагайки, - с удивлением писал один из студентов, - он распустил полицию, выпустил арестованных, даже не переписав их, и тем дело закончилось» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232, Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 133).

В тот же день в либеральной газете «Русь» появилась провокационная заметка о том, что курсистка, читавшая воззвание, была выведена из собора и жестоко избита полицейскими (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232, Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 61). В понедельник, 18 октября после лекции приват-доцента Е. В. Тарле студенты университета устроили сходку, в которой участвовали 1800 человек. Один из студентов предложил поддержать политехников и зачитал проект резолюции, написанный руководителем «Центральной организации» П. Севруком. Помимо требований о прекращении войны и созыве Учредительного собрания в проекте говорилось, что студенты «присоединяются к заявлениям наших революционных организаций, признающих необходимость в самом ближайшем будущем общенародной демонстрации» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232, Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 64об). Выступивший затем оратор от корпорации «Денница», напротив, призвал оказывать доверие политике Святополк-Мирского. Последовали жаркие прения, результате которых около трехсот студентов (в том числе члены «Денницы») покинули зал, а оставшиеся приняли предлагавшуюся резолюцию. Сходка закончилась пением марсельезы (Там же. Л. 65; РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 176. Л. 17, 23).

Таким образом, идея о проведении «общенародной демонстрации» принадлежала студентам и возникла стихийно после похорон Малышева. Полицейское донесение оценивало настроение студентов как «сильно приподнятое» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232, Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 54а); а в Коалиционном совете говорили даже о создании вооруженной группы для отпора полиции (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904.

Оп.232, Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 54). Идея проведения демонстрации была поддержана ПК РСДРП, в составе которого, как мы знаем, было много студентов. Но ПК планировал провести демонстрацию в более поздние сроки и при этом действовал из своих партийных соображений. Член ПК И. Бур писал позднее, что большинство комитета придерживалось «твердокаменных» большевистских позиций, но в комитете имелись и меньшевики (РГАСПИ. Ф.25. Оп.1. Д. 172. Л. 61). Основное разногласие между «большинством» и «меньшинством» заключалось в отношении к земской кампании: в то время как «меньшевики» (и ставшая их органом газета «Искра») выступали за сотрудничество с земцами, «большевики» были категорически против такого сотрудничества, они считали, что земцы могут договориться с правительством о создании сословного представительства, поэтому пролетариат должен самостоятельно отстаивать свои интересы. В качестве первоочередных лозунгов были определены прекращение войны и выборы в Учредительное собрание на основе всеобщего, равного и тайного голосования. «Общепартийная демонстрация» должна была стать способом выдвижения этих лозунгов (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 5. Ч.1. Т. 4. Л. 2-4об, 38). Большевики воспользовались стихийно развивавшимся студенческим движением для реализации своих партийных целей. И. Бур писал, что решение о подготовке демонстрации было принято ПК за 2½ недели до Земского съезда (РГАСПИ. Ф.25. Оп.1. Д. 172. Л. 67) – то есть примерно 20 октября, после упомянутого выше обращения Коалиционного совета.

Как бы то ни было, в конце второй декады октября было достигнуто соглашение между ПК РСДРП и Коалиционным советом студентов о проведении «общепартийной демонстрации» - причем инициатива исходила от студентов, находившихся в «сильно приподнятом» настроении. Откуда же взялось это возбужденное настроение студентов, которым воспользовались петербургские большевики? Выше упоминалось о намерении «освобожденцев» возбудить студенчество через посредство либеральной профессуры. В составленной в начале 1905 года аналитической записке Министерства народного просвещения говорится, что «самым прискорбным, но серьезным фактором, с ясностью впервые проявившемся в истории студенческих волнений, является ближайшее касательство и даже участие в них многих господ профессоров высших учебных заведений» (РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 196. Л. 8об). Преподававшие гуманитарные курсы либеральные профессора имели прекрасную возможность воспользоваться чтением лекций для завуалированной пропаганды. Один из студентов писал 28 октября 1904 года своему другу: «Последние лекции Иванюкова очень интересны. Он говорит о народничестве, о марксизме в России... Его несколько раз прерывали шумные аплодисменты. В таком же духе говорят Гессен, Вормс... Наука у нас не расходится с жизнью: на лекции лучших профессоров ходишь с таким же интересом, как на сходки» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 133).

Сходки студентов университета обычно происходили по понедельникам после лекций приват-доцента Е.В. Тарле. Тарле читал лекции об Англии и Франции в XVII–XVIII веках, то есть об Английской и Французской революциях. Это был прекрасный агитационный материал для студентов, веривших, что Россия идет по пути, проторенному Западом. На лекции Тарле стекались студенты всех факультетов, так что для них пришлось выделить актовый зал, вмещавший больше тысячи слушателей. Во время лекций по рядам передавали принесенные партийцами листовки, а в перерывах выступали агитаторы. «Аудитория Тарле, подогреваемая и содержанием лекций, и прокламациями, и непосредственным общением со студентами-революционерами, обыкновенно расходилась в сильно повышенном настроении», - вспоминал Г. Энгель (Энгель, Горохов: 94).

Заподозрив неладное, Министерство народного просвещения сделало запрос попечителю Санкт-Петербургского учебного округа В.В. Извольскому, в котором просило «озаботиться выяснением вопроса о том, не имеют ли какого-либо отношения лекции Тарле к студенческим сходкам» (РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 176. Л. 51). Извольский, в свою очередь, запросил программу лекций Тарле и получил от лектора две рукописные странички. Попечитель сделал вывод, что «едва ли содержание лекций Тарле можно поставить в причинную связь со сходками. Программа этих лекций лишена всякой тенденциозности...» (РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 176. Л. 61). К направленному в министерство ответу была приложена искомая программа, из которой, однако, ничего нельзя понять: там указаны лишь названия изучаемых тем (РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 176. Л. 61).

Преподавательская деятельность будущего советского академика Е. В. Тарле с самого начала вызывала подозрение у чинов полиции. Когда Тарле преподавал в Киевском университете, начальник местного жандармского управления В.Д. Новицкий писал, что это «тип очень опасный, который легко может влиять на общество не только путем печати, но и путем публичных лекций... не поддающихся никакому контролю и наблюдению» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1900. Оп.228. Д. 228. Л. 5). После переезда в Петербург Тарле сотрудничал в журнале легальных марксистов «Мир Божий» и близко сошелся с либералами и народниками; в числе его друзей были Н.Ф. Анненский и В.Г. Короленко. Под псевдонимом «Аврелий» Тарле писал наполненные революционным пылом статьи для журнала «Освобождение» (Дурновцев, 1995: 260; Каганович, 1995: 8).

Преподавательская деятельность Тарле беспокоила министерство и позже, в марте 1905 года оно направило новый запрос, в котором высказывались подозрения в отношении Е.В. Тарле, а также профессоров И. М. Гревса и Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, преподававших на «Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования» (ЦГИА СПб. Ф.139. Оп.1. Д. 9921. Л. 205). Эти курсы были основаны выдающимся биологом П.Ф. Лесгафтом. Лесгафт был связан с революционной эмиграцией и, будучи профессором, поощрял студенческое движение 1899 года, за что был выслан из

столицы, но потом вернулся и вновь возглавил курсы. Аналитическая записка Министерства народного просвещения констатирует, что «при вторичном своем возвращении на курсы Лесгафт и педагогический совет совсем перестали стесняться. Они самовольно... вводят преподавание новых предметов, приглашая для сего лекторов, выдвинувшихся своей твердой приверженностью революционным движениям...» (РГИА. Ф.733. Оп.151. Д. 196. Л. 148). Министерство внутренних дел обращало внимание министра народного просвещения В. Г. Глазова на то, что «курсы эти являются очагом еврейской агитации столичного населения и, утратив характер учебного заведения, превратились в место сходок молодежи, где открыто обсуждаются вопросы о предстоящих беспорядках, сообщаются слухи о революционном движении в России и производится сбор денег на противоправительственные цели» (РГИА. Ф.733. Оп.151. Д. 196. Л. 148об).

На плохом счету у властей был и Политехнический институт. Как отмечалось выше, именно здесь произошла первая сходка, выставившая требование созыва Учредительного собрания. М.В. Фрунзе, бывший тогда студентом-первокурсником, свидетельствует, что в студенческих сходках здесь принимали участие и некоторые профессора. Своими левыми взглядами были известны работавшие в институте А.А. Байков, М.А. Шателен, М.А. Павлов. Историк Н.И. Кареев свою вступительную лекцию на первом курсе завершил словами: «Да здравствуют молодые искатели правды-истины!». Фрунзе сразу же был завербован в марксистский кружок и через короткое время стал посещать собрания, происходившие на квартире видного «освобожденца» Н.Ф. Анненского. На этих собраниях, в числе других ораторов, произносил пламенные речи М. Горький (Лебедев, Ананьев, 1960: 40-44). Однако число членов кружка было невелико и у нас нет свидетельств о том, что в нем участвовали профессора или преподаватели института. Все, что могла приписать им полиция – это «левые взгляды», но в прямой агитации их не могли обвинить.

5. Заключение

Для понимания истоков студенческого движения 1904 года необходимо, прежде всего, отметить, что в предыдущий период, в 1899-1902 студенческое движение было, в основе своей, стихийным. Выводы студенческого съезда 1903 года относительно того, что период массового стихийного студенческого движения закончился, оказались преждевременными, и осень 1904 года принесла с собой новый подъем студенческой активности. Министерство народного просвещения и полковник Акаси связывали этот подъем с либеральной агитацией и общим оживлением общественной жизни. Действительно, «Союз Освобождения» прокламировал необходимость организации студентов и либеральной профессуры для целенаправленной борьбы с самодержавием – но в событиях осени 1904 года не прослеживается следов деятельности такой организации. Либеральная агитация имела место, но она носила подспудный, замаскированный характер, проявляясь в явной и неявной критике существующего режима. Тарле рассказывал о Французской революции, после его лекции студенты устраивали сходки и пели «марсельезу», но университетское начальство при всем желании не могло обвинить приват-доцента в организации этих сходок или в провоцировании студенческих выступлений. Однако агитация создавала в студенческой среде возбужденное настроение, и студенты-партийцы информировали об этом Петербургский комитет РСДРП. Комитет решил воспользоваться начавшимся стихийным движением, чтобы с помощью «общенародной демонстрации» заявить о требованиях пролетариата – отличных от требований либеральных земцев. О том, чем закончилась эта попытка большевиков использовать студенческое движение в своих целях, рассказывается во второй части статьи (Nefedov, 2016).

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01625).

Литература

Бондаревская, 1975 - Бондаревская Т.П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л., 1975. 327 с.

Бондаревская, 1979 - Бондаревская Т.Н. Большевицкая организация университета в революции 1905–1907 гг. / Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 67-80.

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации.

Георгиева, 1986 - Георгиева Н.Г. Революционное движение в России в конце XIX – начале XX в. М., 1986. 190 с.

Гусятников, 1966 - Гусятников П.С. Деятельность петербургских большевиков среди демократического студенчества (1903-1904 гг.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 1966. Т. XIII. Вып. 4. С. 51-62.

Гусятников, 1971 - Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971. 264 с.

Д. К. Р., 1904 - Д. К. Р. Студенческое движение и задачи оппозиции // Освобождение. 1904. № 56. С. 91-98.

- [Доклад..., 1959](#) - Доклад Петербургского комитета РСДРП к III партийному съезду // Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 года. Протоколы. М., 1959. С. 537-556.
- [Дурновцев, 1977](#) - *Дурновцев В.И.* Новое о Тарле // Французский ежегодник. 1975. М., 1977. С. 253-268.
- [Завадский, 1998](#) - *Завадский Н.Г.* Студенчество и политические партии в 1901–1914 гг. СПб., 1998. 221 с.
- [Инаба, 2013](#) - Инаба Чихару. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия в 1904–1905 гг. М., 2013. 190 с.
- [Каганович, 1995](#) - *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. 136 с.
- [Лебедев, Ананьев, 1960](#) - *Лебедев М.А., Ананьев К.В.* Фрунзе. М., 1960. 329 с.
- [Милуков, 1955](#) - *Милуков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. 438 с.
- [Олесич, 2002](#) - *Олесич Н.Я.* Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002. 207 с.
- [Орлов, 1934](#) - *Орлов В.И.* Студенческое движение московского университета в XIX столетии. М., 1934. 327 с.
- [Освобожденческая..., 1904](#) - Освобожденческая прокламация о войне и конституции // Освобождение. 1904. № 57. С. 119.
- [Отчет..., 1959](#) - Отчет объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга // Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 года. Протоколы. М., 1959. С. 557-576.
- [Павлов, 2011](#) - *Павлов Д.Б.* Японские деньги и первая русская революция. М., 2011. 286 с.
- [П.С., 1904](#) - *П.С.* Что же теперь? (К началу учебного года) // Освобождение. 1904. № 56. С. 98-99.
- [РГАСПИ](#) - Российский государственный архив социально-политической истории.
- [РГИА](#) - Российский государственный исторический архив.
- [Ушаков, 1976](#) - *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895-1904. М., 1976. 239 с.
- [ЦГИА СПб](#) - Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
- [Чертков..., 1906](#) - *Чертков В.* Русские студенты в освободительном движении. М., 1906. 196 с.
- [Энгель, Горохов](#) - *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения 1899-1906 г. СПб., б.г. 128 с.
- [Akashi, 1988](#) - *Akashi M. Rakka ryusui.* Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Helsinki, 1988. 202 с.
- [Dudgeon, 1982](#) - *Dudgeon R.A.* The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872-1917. *Russian History*, 9,1: 1 – 26.
- [Strauss, 1973](#) - *Strauss H.J.* Revolutionary Types Russia in 1905. *Journal of Conflict Resolution*. 17,2: 297-316.

References

- [Bondarevskaya, 1975](#) - *Bondarevskaya T. P.* Peterburgskii komitet RSDRP v revolyutsii 1905-1907 gg. [The Petersburg committee RSDRP in revolution 1905-1907]. L., 1975. 327 p. [in Russian].
- [Bondarevskaya, 1979](#) - *Bondarevskaya T. N.* Bol'shevistskaya organizatsiya universiteta v revolyutsii 1905-1907 gg. [The Bolshevik organisation of university in revolution 1905-1907] // Petersburg university and revolutionary movement in Russia. L., 1979. P. 67-80. [in Russian].
- [GARF](#) - Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. [The State archive of the Russian Federation]
- [Georgieva, 1986](#) - *Georgieva N.G.* Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Revolutionary movement in Russia in the end of XIX - the beginning of XX century] М., 1986. 190 p. [in Russian].
- [Gusyatnikov, 1966](#) - *Gusyatnikov P. S.* Deyatel'nost' peterburgskikh bol'shevikov sredi demo-kraticeskogo studenchestva (1903-1904 gg.) [Activity of the Petersburg Bolsheviks among democratic students (1903-1904)] // Scientific notes of Petrozavodsk state university. 1966. T. XIII. Vyp. 4. P. 51-62. [in Russian].
- [Gusyatnikov, 1971](#) - *Gusyatnikov P. S.* Revolyutsionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii. 1899-1907 [Revolutionary student's movement in Russia. 1899-1907]. М., 1971. 264 p. [in Russian].
- [D. K. R. 1904](#) - *D. K. R.* Studencheskoe dvizhenie i zadachi oppozitsii [Student's movement and opposition problems] // Clearing. 1904. № 56. P. 91-98. [in Russian].
- [Doklad..., 1959](#) - Доклад Петербургского комитета РСДРП к III партийному съезду [the Report of Petersburg committee RSDRP to III party congress] // the Third congress RSDRP. April-May, 1905. Reports. М., 1959. P. 537-556. [in Russian].
- [Durnovtsev, 1977](#) - *Durnovtsev V. I.* Novoe o Tarle [New about Tarle] // The French year-book. 1975. М., 1977. P. 253-268. [in Russian].
- [Zavadskii, 1998](#) - *Zavadskii N.G.* Studenchestvo i politicheskie partii v 1901–1914 gg. [Students and political parties in 1901-1914]. СПб., 1998. 221 p. [in Russian].
- [Inaba, 2013](#) - *Inaba Chikharu.* Yaponskii rezident protiv Rossiiskoi imperii. Polkovnik Akasi Motodziro i ego missiya v 1904-1905 gg. [The Japanese resident against the Russian empire. Colonel Akasi Motodziro and its mission in 1904-1905]. М., 2013. 190 p. [in Russian].

- [Kaganovich, 1995](#) - *Kaganovich B. S.* Evgenii Viktorovich Tarle i peterburgskaya shkola isto-rikov [Evgenie Viktorovich Tarle and the Petersburg school of historians]. SPb., 1995. 136 p. [in Russian].
- [Lebedev, Anan'ev, 1960](#) - Lebedev M. A., Anan'ev K. V. Frunze [Frunze]. M., 1960. 329p. [in Russian].
- [Milyukov, 1955](#) - *Milyukov P. N.* Vospominaniya. T. 1. (1859-1917) [Memoirs. Vol. 1. (1859-1917)]. New York, 1955. 438p. [in Russian].
- [Olesich, 2002](#) - *Olesich N.Ya.* Gospodin student Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo uni-versiteta [The mister the student of Imperial St.-Petersburg university]. SPb., 2002. 207 p. [in Russian].
- [Orlov, 1934](#) - *Orlov V. I.* Studencheskoe dvizhenie moskovskogo universiteta v XIX stole-tii [Student's movement of the Moscow university in XIX century]. M., 1934. 327 p. [in Russian].
- [Osvobozhdencheskaya..., 1904](#) - Osvobozhdencheskaya proklamatsiya o voine i konstitutsii [the Osvobozhdenchesky leaflet about war and the constitution]. // Clearing. 1904. № 57. P. 119. [in Russian].
- [Otchet..., 1959](#) - Otchet ob"edinennoi sotsial-demokraticheskoi organizatsii studentov S.-Peterburga [the Report of the incorporated social democratic organisation of students].// The Third congress RSDRP. April-May, 1905. Reports. M., 1959. P. 557-576. [in Russian].
- [P. S., 1904](#) - *P. S.* Chto zhe teper'? (K nachalu uchebnogo goda) [What now? (At the beginning of the school year)]// Clearing. 1904. № 56. P. 98-99.
- [Pavlov, 2011](#) - *Pavlov D. B.* Yaponskie den'gi i pervaya russkaya revolyutsiya [Japanese money and the first Russian revolution]. M., 2011. 286 p. [in Russian].
- [RGASPI](#) - Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi isto-rii [The Russian state archive of sociopolitical history].
- [RGIA](#) - Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].
- [Ushakov, 1976](#) - *Ushakov A.V.* Revolyutsionnoe dvizhenie demokraticeskoi intelligentsii v Rossii. 1895-1904 [Revolutionary movement of democratic intelligency in Russia. 1895-1904]. M., 1976. 239 p. [in Russian].
- [TsGIA SPb](#) - Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga.
- [Chertkov, 1906](#) - *Chertkov V.* Russkie studenty v osvoboditel'nom dvizhenii [Russian students in liberation movement]. M., 1906. 196 p. [in Russian].
- [Engel', Gorokhov, - Engel' G., Gorokhov V.](#) Iz istorii studencheskogo dvizheniya 1899-1906 g [From the history of student's movement of 1899-1906]. SPb., b.g. 128 p. [in Russian].
- [Akashi, 1988](#) - *Akashi M.* Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Helsinki, 1988. 202 p.
- [Dudgeon, 1982](#) - *Dudgeon R. A.* The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872-1917. *Russian History*, 9,1: 1 – 26
- [Strauss, 1973](#) - Strauss H. J. Revolutionary Types Russia in 1905. *Journal of Conflict Resolution*. 17,2: 297-316.

УДК 94

Студенческое движение в Петербурге накануне революции 1905 года

Сергей Александрович Нефедов ^{a, b, *}

^a Уральский федеральный университет, Российская Федерация

^b Институт истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация

Аннотация. В последнее время интерес к выступлениям студентов увеличился в связи с общепризнанной и весьма активной ролью молодежи в революциях конца XX – начала XXI века. Возникает вопрос: какую роль играло студенчество в процессе дестабилизации российского общества перед Первой русской революцией? Статья посвящена студенческим волнениям в Петербурге осенью 1904 года. Показано, что в основе волнений лежало стихийное студенческое движение – так же как в 1899–1902 годах. «Союз Освобождения» прокламировал необходимость организации студентов и либеральной профессуры для целенаправленной борьбы с самодержавием – но в событиях осени 1904 года не прослеживается следов деятельности такой организации. Либеральная агитация имела место, но она носила подспудный, замаскированный характер, проявляясь в явной и неявной критике существующего режима. Однако агитация создавала в студенческой среде возбужденное настроение, и студенты-партийцы информировали об этом Петербургский комитет РСДРП. Комитет решил воспользоваться начавшимся стихийным движением, чтобы с помощью «общенародной демонстрации» заявить о требованиях пролетариата – отличных от требований либеральных земцев.

Ключевые слова: Россия, студенческое движение, студенческие волнения, Российская социал-демократическая партия, демонстрация 28 ноября 1904 года, Первая русская революция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: hist1@ya.ru (С.А. Нефедов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 516-524, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Outskirts during the First Russian Revolution (1905–1907 years): the Separatist Moods among the Population of the Black Sea Province

Konstantin V. Taran ^{a, *}, Andrei P. Mikhailov ^b, Susanna D. Bagdasaryan ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

^b Adyghe State University, Maikop, Russian Federation

^c Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the separatist moods among the Georgian population of the Black sea province. The attention is paid to the attempts of the georgian social-democrats to separate the Sochi district from the Russian Empire in 1905–1907 years. Among the materials are the archival documents of central and regional archives, namely the state archive of the Russian Federation, state archive of the Krasnodar Krai, the documentation center of contemporary history of Krasnodar Krai, the archival departments of Sochi administration and the historical museum of Sochi. The methodological basis of work based on the principles of objectivity and historicism, suggesting an unbiased approach to the analysis of the studied problems, as well as the critical attitude towards the sources.

In conclusion, the authors stated that the social democrats used various methods of dealing with the existing regime, such as the destabilization of public-political situation, expressed in discrediting the Russian administration, provoking ethnic conflicts, the elimination of competitors in wage employment in the trade, physical violence against undesirable persons, the bullying of political opponents, taking money from the haves of the population, and collectively, the escalation of social tensions that eventually led to an armed clash with the authorities.

Keywords: the first Russian revolution of 1905–1907, the Black Sea province, separatism.

1. Введение

Почти 100 лет назад 26 мая 1918 г. лидерами социал-демократов меньшевиков было объявлено о создании Грузинской демократической республики, что стало следствием череды неурядиц в Российском государстве и желания грузинского народа получить статус независимости. Впоследствии, в 1921 г. территория Грузии на правах республики вошла в состав Советского государства, во главе которого стояли большевики. При этом нужно отметить, что сепаратистские настроения среди грузинского населения от этого не уменьшились, и после развала Советского Союза Грузия очередной раз стала независимым государством. Следует обратить внимание на деятельность и намерения грузинского населения Сочинского округа Черноморской губернии, входившей в состав Кавказского наместничества, которое в годы Первой российской революции 1905–1907 гг. предпринимало попытки устранить царскую администрацию и заявляло о желании присоединить территорию округа Грузии, где с начала XX в. происходило национально-освободительное движение крестьян под руководством социал-демократов.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов были использованы архивные документы центральных и региональных архивохранилищ, а именно государственного архива Российской Федерации,

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran), Andrei_Mikhailov@yandex.ru (A.P. Mikhailov), bsd73@mail.ru (S.D. Bagdasaryan)

государственного архива Краснодарского края, центра документации новейшей истории Краснодарского края, архивных отделов администрации города Сочи и музея истории города курорта Сочи.

2.2. Методологическую основу нашей работы составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, а также критическое отношение к источникам.

3. Обсуждение и результаты

Сепаратистские настроения грузин складывались из негативного отношения к представителям русской администрации, которое имело место после присоединения территории Грузии к Российской империи. К столетию этих событий в 1901 г. исследователь З.Д. Авалов в опубликованной монографии (Авалов, 1901), сделал следующие выводы: «*Договорное отношение, определявшееся началами трактата 1783 г., уступило место оккупации, которая сопровождалась упразднением царской власти, носительницы политического бытия Грузии, затем, оккупация эта заменилась распространением русского государственного порядка на страну, т.е. инкорпорацией. Вот схема присоединения Грузии к России*» (Авалов, 1906: 244). Автор акцентировал внимание на том, что русские цари Павел I и далее Александр I своими решениями ликвидировали одну из старейших монархических династий. Править в Грузии отправили русского наместника, а прошения грузинских уполномоченных о назначении на престол кого-либо из царевичей, удовлетворены не были (Авалов, 1906: 302-303).

Изначально грузинское общество (Карталинии и Кахетии) полностью поддерживало присоединение Грузии к России, т.к. население систематически испытывало лишения и ощутимые людские потери со стороны Персии, а также из-за набегов лезгин и аварцев, поэтому в лице России они видели заступников и единоверцев. После провозглашения царского манифеста от 18 января 1801 г. и присяги грузин принятой 12 апреля 1802 г. на верность русскому царю, настроения в Грузии постепенно стали меняться. Основной причиной недовольства грузин исследователь Авалов считает несоблюдение договорных обязательств со стороны России, которые были предусмотрены трактатом 1783 г., т.к. подразумевалось вхождение Грузии в состав России при подписании двухсторонних соглашений, но т.к. этого не произошло, то имела место фактическая оккупация Россией территорий Карталинии и Кахетии.

После этого в течение десятилетия в состав Российской империи вошли Мегрелия, Имеретия, Абхазия, а также в результате русско-турецких войн была отвоевана большая часть отторгнутых от Грузии территорий. Благодаря этому во второй половине XIX в. на Российском Черноморье было полностью покончено с работорговлей, что положительно отразилось на социально-экономическом развитии Закавказского региона. Поэтому, когда грузинские крестьяне смещали представителей русской администрации, они не делали резких заявлений о суверенитете Грузии, памятуя о прошедших событиях, связанных с влиянием Турции и имевшем место торговлей живым товаром (Жордания, 1968: 27, 28).

Российская империя, компактно населенная народами разного происхождения и вероисповедания, находящимися на разных уровнях культурного и экономического развития, а иногда и с собственными традициями государственности, столкнулась с возникновением движения за национальную автономию и государственную независимость. Классовый конфликт и этническое противостояние могут привести к важным политическим последствиям (Шанин, 1997: 37).

Главной причиной кризиса континентальных империй именно противоречие между тенденцией унитаризма и требованиями национально-территориальной и культурной автономии со стороны национальных элит (Волхонский, 2005: 48).

Нельзя недооценивать притязания национальных меньшинств на свою автономию или государственность. Именно это обстоятельство отмечал в своих мемуарах С.Ю. Витте, который, анализируя задним числом «революционный потоп» 1905–1907 гг., писал: «*В Российской империи такой потоп наиболее возможен, т.к. более 35 % населения не русского, завоеванного русскими. Всякий же, знающий историю, знает, как трудно спаивать разнородные населения в одно целое, в особенности при сильном развитии в XX столетии национальных начал и чувств*» (Первая революция, 2005: 105).

Грузия, где крепостное право в разных районах было поэтапно отменено лишь в 1864–1871 гг. и крестьяне также страдали от крайнего малоземелья и безземелья, дала значительный неорганизованный поток переселенцев в Сочинский отдел. В основном, грузины прибывали из таких историко-географических провинций Западной Грузии, как Гурия, Имеретия, Рача, Лечхуми и Мегрелия, входивших в состав Кутаисской губернии. Следует пояснить, что грузины в дореволюционной литературе дифференцировались на собственно грузин, мегрел, имеретин, гурийцев и т.д. Первые малочисленные грузины-переселенцы (ремесленники, торговцы и купцы), зафиксированные в церковных книгах, появились в Посту-Даховском (Сочи) еще в 1871 г. Однако массовая организованная крестьянская миграция из Грузии в Причерноморье началась через 10 лет в 1881 г., где они компактно обосновались в с. Пластунское (Тверитинов, 2000: 32).

На грузинское население, проживающее в Черноморской губернии, оказывало влияние не только общероссийское революционное движение, но в большей степени события, происходившие в соседней Кутаисской губернии на территории Гурии в начале XX в. С апреля 1902 г. крестьяне Озургетского и Зугдидского уездов Кутаисской губернии принялись захватывать помещичьи земли, отказывались отдавать владельцам имений долю урожая в качестве арендной платы и нести денежные повинности в пользу духовенства. В отношении крестьян, не соглашавшихся примкнуть к этому движению, применялись меры воздействия, такие как порча посевов и поджог строений (Первая революция, 2005: 82-83).

Возросшая активность крестьянского населения способствовала созданию в Гурии в 1903 г. альтернативных самоуправлений революционного типа, которые выбрали своим лидером убежденного социал-демократа Георгия Уратадзе и по его инициативе примкнули к батумской социал-демократической организации. К концу 1903 г. на всей территории Гурии была введена свобода слова, проводились еженедельные массовые митинги, вводились новые контролируемые комитетом арендные платежи, создавались публичные суды и местная милиция. Официальные российские власти бездействовали, на них не обращали внимания, а пытавшихся исполнять свои обязанности должностных лиц устраняли физически или изгоняли. С началом революционных событий 1905 г. местные дружины гурийцев «Красные сотни» были расширены, готовясь к вооруженной борьбе против царского режима (Абрамов, 1940: 171-172).

Лидер меньшевистского крыла РСДРП Ю. Мартов одобрял деятельность своих грузинских коллег, отмечая, что в двух кавказских губерниях официальные власти бойкотируются всем населением, которое управляется своими собственными выборными властями, в связи с чем, происходит дезорганизация правительственного аппарата и рост действенной силы в народе. Он полагал, что благодаря такой форме самоуправления должна произойти ликвидация самодержавия, не желающего добровольно перейти к конституционному правлению (Урилов, 2005: 275-276).

Кроме этого, в апреле 1904 г. в Женеве состоялась учредительная конференция Партии грузинских социал-федералистов. Основу ее составляла молодая грузинская интеллигенция, проповедовавшая социализм, анархизм и грузинский национализм. Партийная программа, принятая в 1904 г., провозглашала основной целью завоевание социализма. Решение национального вопроса связывалось с достижением грузинской автономии на основе федеративного устройства России. Важным моментом программы была установка на преодоление национальных антагонизмов (Первая революция, 2005: 118). Сторонники этой организации имели место среди грузинского населения Сочинского округа, переселившихся из Кутаисской губернии в Гагру.

Революционные события в Гурии отразились и на действиях представителей грузинской национальности, проживающих на территории Сочинского округа Черноморской губернии. В 1904 г. в Сочи образуется группа сторонников социал-демократической организации во главе с А.Д. Гватуа, высланного из Тифлиса за участие в беспорядках. Эта группа, в которую входили А. Гамсахурдиа, В. Гватуа, И. Гогнадзе, А. Хорава, Х. Мелия и И. Амбуладзе, собиралось в аптекарском магазине (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 170).

Следует отметить, что в конце 1904 г. и в первой половине 1905 г. Гватуа и его единомышленники не заявляли о своей партийной принадлежности, а их деятельность была направлена на распространение социал-демократических изданий и устранение лиц, сотрудничающих с властями (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/2. Л. 60).

А. Гватуа, являвшийся обедневшим дворянином Кутаисской губернии, полностью поддерживал революционное движение гурийских крестьян, о чем отзывался положительно: «Наконец и наши крестьяне образумились, заявляя свою независимость и равноправность» (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 344. Л. 34), т.е. в борьбе крестьян, помимо классового аспекта, он усматривал также и черты национально-освободительного движения.

Нужно отметить, что национализм был характерной чертой грузинских социал-демократов, что полностью противоречило принципам марксизма, который не придает значения национальному самосознанию и преданности отечеству. Грузины видели в русской администрации иностранных завоевателей, а идеологически подкованные социал-демократы часто использовали патриотические чувства местного населения, толкая его к политическому и экономическому террору (Гейфман, 1997: 152-153).

Несмотря на происходившие в стране волнения крестьян в различных регионах страны в начале XX в., исправляющий должность Черноморского губернатора А. Березников в докладной записке на имя министра внутренних дел сообщал, что в первой декаде 1905 г. аграрных беспорядков на территории губернии не происходило. Отдельные конфликты Березников связывал с беспорядками, происходящими на территории Сухумского округа Кутаисской губернии, которые не носили аграрного характера (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Д. 2550. Ч. 78. Л. 1).

При этом именно с марта 1905 г. активизировались сторонники грузинской независимости во главе с А. Гватуа. Один из первых советских исследователей Н. Янчевский на двадцатилетие событий Первой российской революции в своей монографии конкретно указывал, что действия грузин в Сочинском округе носили национально-освободительный характер (Янчевский, 1926: 90).

В марте 1905 г. радикальные элементы во главе с А. Гватуа пытались в своих целях использовать убийство городовым С.М. Декажевым, ингушом по национальности, турецко-подданного армянина *Иго сын Оганеса*. Политических мотивов для убийства армянина у Декажева не было. В посаде говорили, что убийство было совершенно городовым, находившимся в состоянии алкогольного опьянения, который по ошибке убил армянина «*вместо женщины*» (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 458. Л. 4), т.е. в порыве ревности.

На похоронах *Иго сына Оганеса* имели место не только противоправительственные речи, но и призывы к межэтническому конфликту: «*...инородцев искусственно возбуждают, призывают хватать и грабить. Возбуждают их против разных учреждений, грабить лишь русских, а не инородцев, во время беспорядков убить начальствующих лиц, чтобы лишить сопротивление руководителей*» (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 344. Л. 35).

В мае 1905 г. имели место беспорядки и в Сочинском округе, где в селе Адлер рабочие мегрельской и русской национальностей запрещали выходить на работу турецким рабочим и разбили лавки торговцев. Турки ходатайствовали на имя исправляющего должность Черноморского губернатора о высылке зачинщиков беспорядков, но их петиция не была удовлетворена (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 170).

Кроме этого, 20 и 21 июня 1905 г. рабочие-мегрелы, к которым примкнули «*пропащие русские*» обходили ряды лавок на базаре с требованием о закрытии, что беспрекословно исполнялось. Указанная группа рабочих никаких требований администрации округа не предъявляла. Они же 22 июня 1905 г. с применением силы пытались закрывать магазины, обливали мясо в лавках керосином, запрещали работать кузнецам, дрогалиям и извозчикам дилижансов, опрокидывали транспортные средства тех, кто с ними не соглашался. При содействии вооруженных солдат и земской конно-полицейской стражи порядок был восстановлен. Также было оказано содействие туркам, доставляющим пассажиров и грузы на фелюгах (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 171).

В июне 1905 г. был убит житель Сочи Амбако Читайя, которого подозревали в содействии властям (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/5. Л. 154). Родной племянник Амбако – Юлиан Читайя, косвенно подозревал в этом убийстве лидера грузин А. Гватуа (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/2. Л. 60).

На окраине посада Сочи 7 августа 1905 г. прошло собрание рабочих, на котором агитировали А. Гватуа, В. Норакидзе, студент Новороссийского университета И. Лолуа и поселяне грузинской национальности из Пластунки. Указанные агитаторы призывали население к объединению и присоединению к общему национально-освободительному движению, происходившему в Закавказье (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 171).

Летом 1905 г. на территории Гагринской климатической станции из представителей грузинской и русской национальности была создана революционная организация, по постановлению которой в августе – сентябре 1905 г. были убиты начальник станции Шереметьевский и старший садовник Котек (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 61. Л. 48).

10 сентября 1905 г. восемь вооруженных мегрел напали на осетин и русских, работавших на дагомысском участке по постройке Новороссийско-Сухумского шоссе у реки Мамайка, требуя прекращения работ. Терроризируя рабочих, мегрелы убили две лошади и скрылись. После чего властями был задержан подозреваемый Бадгуа (ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 199. Л. 195).

В первой декаде октября 1905 г. там же на Мамайке к рабочим-туркам явилось несколько вооруженных мегрел и, убив одного и ранив другого турка, скрылись. Турецкие рабочие не смогли опознать и назвать точное количество вооруженных людей (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 172).

На строительстве шоссе на участке между Адлером и Гагрой рабочие выступили против объявленного руководством строительства уменьшения поденной платы в октябре 1905 г., связанного с сокращением осенью продолжительности светового и соответственно рабочего дня, что происходило ежегодно. Помимо этого, рабочие-строители из-за угроз некоторых своих товарищей не вышли на работу (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 68).

Грузины из числа мегрел, терроризируя рабочих иных национальностей, преследовали определенную корыстную цель, о чем указал инженер В. Константинов, которого посетили *представители рабочей партии* – Ираклий Джабуа и Юлий Квирквелия. Константинов сделал вывод, что эти *представители*, фактически желают монополизировать работы по постройке Новороссийско-Сухумского шоссе (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 72).

В октябре 1905 г. А. Гватуа и его сторонники, которые действовали в соответствии с национально-освободительным движением, происходившем в Закавказье, приняли решение о создании социал-демократической организации. Это было связано с тем, что социал-демократы в Грузии оказались во главе национального массового движения, в котором главная роль принадлежала крестьянам, но где также принимали участие дворяне, купцы и ремесленники (Шанин, 1997: 125).

Социал-демократы Грузии привлекали в свои ряды и представителей других национальностей, деятельность которых носила антиправительственный характер. Из таких деятелей следует выделить Н. Сальникова, который был активным участником организации группы социал-демократов: «*Сальников в своих изысканиях добегался до партии социал-демократов, которая у нас к 17 октября была организована, к стыду нашему, грузинами. Он был первый русский в рядах этой*

партии. Грузинам был нужен агитатор, которого нельзя было бы упрекнуть в национализме. Сальников говорил зажигательные речи, пел Марсельезу, был церемониймейстером» (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 62. Л. 5, 11).

В Черноморской губернии, как и в большинстве других регионов империи, социал-демократы выступали единым фронтом, несмотря на раскол в 1903 г. на большевистскую и меньшевистскую фракции. Многие социал-демократические организации не заметили раскола в руководстве партии за границей и продолжали действовать как единая организация. Поэтому рядовые социал-демократы на Кавказе указывали свою партийную принадлежность, не уточняя фракции (Гейфман, 1997: 142), что имело место в Черноморской губернии.

Объявив о создании в Сочи социал-демократической организации А. Гватуа на фасаде аптеки повесил полотно, на красном фоне которого белыми буквами было написано: «Да здравствует Свобода, да здравствует социал-демократическая рабочая партия!» (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 41), где также нужно отметить, что лидер грузинских социал-демократов Н. Жордания категорически не отождествлял деятельность своих сторонников с российской социал-демократической рабочей партией (Жордания, 1968: 34).

После публикации царского манифеста лидеры сочинских социал-демократов стали препятствовать деятельности иных общественно-политических движений в Сочинском округе. 20 октября 1905 г. Гватуа и его сторонники воспрепятствовали проведению собрания Сочинского сельскохозяйственного общества, а 20 ноября 1905 г., социал-демократы предотвратили попытку создания в Сочи партии правового порядка (Черноморское побережье, 1905: 25 окт.).

Созданный в Сочи народный суд действовал согласно социал-демократической организации. На основании решения народного суда из Сочи выслали городского М. Шинкарева в г. Гори, но лидеры социал-демократической организации Гватуа и Хуцишвили вывезли городского 23 ноября 1905 г. в г. Батуми, где заплатили 5 руб. представителям батумского комитета РСДРП за убийство городского, что они и сделали (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/8. Л. 73).

Убийство городского, по утверждению современника этих событий М. Краевского, стало следствием создания в Сочи двух партий, которые резко распределились по национальностям, а именно: грузины составляли социал-демократическую организацию, а русские примкнули к социалистам-революционерам во главе с Поярко, Сальниковым и вновь появившимся в декабре 1905 г. инженером Гречкиным (Краевский, 1911: 38-39).

После возвращения из Батуми социал-демократы Гватуа и Хуцишвили сконцентрировали свою деятельность на вымогательстве денежных сумм с имущего населения путем подачи в отношении таких лиц исков со стороны рабочих. Прибывший из Батуми вместе с лидерами социал-демократов Н. Коняев заявил, что народные суды должны выносить решения, придерживаясь «принципов социал-демократии» (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 62. Л. 56), т.к. нельзя рассматривать дела в пользу работодателей (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 45, 47).

В связи с этим инициировалась подача исков от рабочих в отношении своих работодателей, которые часто носили необоснованный характер и были направлены на изъятие денежных сумм с предпринимателей и иных имущих слоев населения. Например, некий рабочий-имеретин предъявил иск в 3–4 тыс. руб. отставному полковнику Диатловичу, который был так запуган, что благодаря только помощи начальника округа скрылся из Сочи. Такому же давлению с угрозами подвергся инженер Константинов (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 45), но т.к. сумма иска была незначительной, Константинов выдал требуемую денежную сумму.

Серьезные последствия для Сочинского округа последовали после того, как в ноябре 1905 г. была созвана IV конференция Кавказского Союзного комитета РСДРП, на которой была поставлена задача национального освобождения народов Кавказа. Участники конференции высказались за право наций на самоопределение (Абрамов, 1940: 200).

Со слов сочинского предпринимателя Герсеванова стало известно, что лидеры социал-демократов Гватуа и Хуцишвили заявили о сепаратистских намерениях, т.е. основать свою обособленную имеретинскую республику, и на основании исторических данных доказывали, что Черноморское побережье Кавказа должно принадлежать Гурии (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/6. Л. 71).

Это подтверждает и М. Краевский, который указывает, что «в основе всего революционного движения были выставлены общереволюционные принципы, но среди туземцев-имеретин резко обозначились национальные цели, и руководящим девизом для них было то, что Кавказ должен остаться для кавказцев», а поэтому «все они в душе недружелюбно настроены по отношению к другим народностям» (Краевский, 1911: 37, 40).

В основу исторических данных следует отнести события, связанные с расцветом Грузинского царства. В 978 г. после смерти бездетного абхазского царя Феодосия Слепого происходит мирное объединение Абхазии и Грузии при правлении грузинского царя Баграта Багратиони, родственника Феодосия. Благодаря этому объединению и дальнейшему усилению позиций Грузинского царства, в XI–XIII вв. территория современных Сочинского и Туапсинского районов попадает под влияние Грузии (Таран, 2009: 121).

Намерения Гватуа и Хуцишвили постепенно становились известны общественности. По этому поводу в отношении Гватуа и Хуцишвили открыто высказался Н. Сальников: «Они называли себя

социал-демократами, но в действительности, как мне думается, ни к какой партии не принадлежали, а скорее всего, были шовинисты» (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/3. Л. 45).

Сепаратистские настроения являлись характерной чертой всех национальных социал-демократических партий, образованных на окраинах Российской империи. В полном противоречии с принципами марксизма, который не придает значения национальному самосознанию и преданности отечеству, многие грузинские социал-демократы видели в русской администрации иностранных оккупантов (Гейфман, 1997: 152), а Гватуа и его сторонники не были исключением.

В народном доме 4 декабря 1905 г. начальник опытной станции Ляховецкий предпринял попытку объединить общественные организации «Биржу труда» и «Союз мирных тружеников». Эти объединения состояли в основном из представителей русской национальности, в числе первых были рабочие, а среди вторых местные предприниматели. Лидеры социал-демократов Гватуа и Хуцишвили препятствовали этому объединению, т.к. полагали, что Ляховецкий формирует русскую партию, направленную против грузинского сепаратизма. В связи с тем, что ему это не удалось сделать, Ляховецкий возмущался, считая русское общество индифферентным. Ляховецкий не скрывал своих взглядов, полагая, что Гватуа и Хуцишвили являются членами «национал-грузинской партии, преследующей сепаратистские цели» (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/8. Л. 54, 56, 59).

В это время на митингах Гватуа заявлял, что Россия правит в Грузии бессильно в разгар революции, а наместник царя на Кавказе Воронцов-Дашков сложил с себя полномочия и передал власть представителям социал-демократов (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/8. Л. 57).

Идея возрождения грузинской государственности и вхождение территории Сочинского округа в состав Грузии была близка многим представителям социал-демократической организации из числа славянской национальности, т.к. принимая участие в свержении самодержавия, они стояли вне закона и в их отношении обязательно последуют карательные санкции царского режима. Это можно сказать и об уголовных элементах, имевших место в Сочинском округе. В то же время представителей социал-демократической организации Хосты, которая состояла в основном из лиц славянской национальности, такая постановка дела не устраивала. Член хостинской организации РСДРП инженер Петр Шелехов обратился к доктору Гордону с предложением соединиться для «подавления грузино-батумской организации» (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/5. Л. 36).

Сложившуюся ситуацию Н. Сальников констатировал таким образом: «Гватуа и Хуцишвили так зарвались, что рабочие почти отвернулись от них, и чтобы восстановить авторитет, явилось восстание. Русские приняли участие поневоле, под давлением туземцев пришлось примкнуть к вооруженному восстанию» (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/3. Л. 45).

Накануне вооруженного восстания (28 декабря 1905 г.) в Сочи прибыл социалист-революционер Гречкин с вооруженным отрядом своих сторонников из Новороссийска, а Гватуа отправился в Гагру, чтобы призвать в Сочи сторонников социал-демократической организации и приобрести оружие. Гватуа предполагал заручиться вооруженной поддержкой из-за после проваленной попытки создания городского революционного управления и возникших трений с лидерами эсеров (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/8. Л. 91).

Председатель гагринских социал-демократов князь Инал-Ипа, после непродолжительного конфликта социал-федералистов и социал-демократов, согласился предоставить Гватуа добровольцев из боевой дружины и оружие в количестве 65 стволов (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 182).

Представитель социал-федералистов Ф. Сахокия пропагандировал среди населения идею о получении Грузии автономии в составе России под ее протекторатом. Большинство социал-демократов были настроены более радикально, т.к. предполагали создание независимого Грузинского государства и выход его из состава Российской империи. Путем угроз радикально настроенные социал-демократы добились от социал-федералистов предоставления им части оружия (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/6. Л. 51).

Среди работников Гагринской климатической станции было много выходцев из крестьян Кутаисской губернии, которые участвовали в Гурии в национально-освободительном движении под знаменем социал-демократической партии. Таким социал-демократом был крестьянин Т.Л. Насрия, который переселился из Гурии и вступил в Гагре в социал-демократическую организацию (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/6. Л. 62).

Гватуа и ему подобные идеологически подкованные социал-демократы часто использовали патриотические чувства местного населения, толкая его к политическому террору с националистической окраской, направленному на сепаратистские цели (Гейфман, 1997: 153), что и имело место в Гагре.

Кроме этого, Гватуа и его сторонники привлекли на свою сторону представителей грузинской национальности из села Пластунка в количестве 138 чел., которые купили у Автономного Закавказского комитета 48 ружей за 200 руб., и соответственно 150 чел. из Гагры и Адлера. Практически три сотни вооруженных грузин прибыли 26 и 27 декабря 1905 г. в посад Сочи (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 182).

Следует отметить, что на территории Гурии продолжали функционировать крестьянские республики, что способствовало дестабилизации обстановки в Закавказье (Первая революция, 2005:

376-379). Поэтому представители общественно-политических объединений в Сочи активно вооружались, но при этом никто заранее вооруженное столкновение с властями не планировал.

Ситуацию, сложившуюся после начала вооруженного столкновения, в ночь с 28 на 29 декабря 1905 г. описал сторонник социалистов-революционеров агроном Каракаш: *«На позициях перед казармой было всего два десятка русских, между восставшими не было братского отношения, это чувствовалось особенно в харчевнях, где имеретины считали себя хозяевами положения, а русские поселяне и армяне были в загоне, что вызывало недовольство»* (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 630. Л. 7-8).

После начавшегося восстания начальник опытной станции Ляховецкий призвал на помощь осажденному гарнизону поселенцев из села Раздольного. Узнав об этом, 29 декабря 1905 г. на опытную станцию Гватуа и Хуцишвили отправили вооруженных грузин, во главе с Р. Куция, который застрелил Ляховецкого (АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 116. Л. 28). Убийство носило заказной характер, т.к. имеются сведения, что Гватуа заплатил Куция за убийство Ляховецкого 15 рублей (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/8. Л. 61).

Захватив беременную жену начальника округа, социалисты-революционеры и социал-демократы, принудили его к сдаче гарнизона, которое состоялось 1 января 1906 г. В этот день, вечером, к Сочи прибыл военный транспорт и контр-миноносец. По ряду причин посад Сочи не был подвержен обстрелу с моря. В посадке прошла информация о победе вооруженных сил в других регионах, в связи с чем, ободренные этим вооруженные представители всех политических течений с пением революционных песен и возгласами: *«Да здравствует свобода и народное управление!»* – провели днем 3 января 1906 г. многолюдную манифестацию на улицах посада, которая состояла приблизительно из 300–400 чел.

После ухода из посада вооруженных сил революционеров из села Пластунка явилась делегация грузин с изъявлением полной почтительности властям и обещанием выдать оружие и встретить войска колокольным звоном и крестным ходом. После этого властями было получено сообщение о прибытии в Гудауту на 11 фазтонах вооруженных людей из Сочи, где 7 января 1906 г. должен состояться народный митинг абхазов. Была информация, что явившиеся из Сочи агитаторы на митинг допущены не были (ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 231. Л. 10).

Из сообщения начальника Сухумского округа, статского советника князя Джандиери, стало известно, что на митинге абхазы решили вести себя корректно по отношению к существующим властям. Решено было просить российские власти об утверждении абхазов в сословных правах и назначить предводителя дворянства, *«и если собственность будет уничтожена, то бывшие их земли возвратит, но отнюдь не пришлым мингрельцам»* (ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 231. Л. 11-12).

Произошедшее в декабре 1905 г. – январе 1906 г. вооруженное восстание в посадке Сочи стало следствием объединения политических сил против русской администрации и самодержавия, но в дальнейшем цели у бывших союзников расходились диаметрально противоположно. Представители русской национальности, из числа сторонников партии социалистов-революционеров и частично социал-демократов, ратовали за политические реформы в России, а грузинское население округа – за отделение Грузии от Российской империи и соответственно Сочинского округа в пользу Грузинского государства. Вследствие этого можно констатировать, что классовый конфликт и этническое противостояние объединились на почве ненависти к самодержавию, что привело к важным политическим последствиям (Шанин, 1997: 37).

Расследуя события, связанные с вооруженным восстанием в Сочинском округе, следственные органы пришли к следующему заключению, *«что движение это преследовало чисто национально-туземные интересы с целью отторжения Черноморского побережья и учреждение самостоятельной республики. Проживающее в Сочинском округе туземное население открыто давало понять русским соседним поселенцам, что им не жить здесь, так как скоро будет бунт и все земли перейдут к туземцам, которые старались вредить русским, расхищая рабочий скот и учиняя потравы посевов. О готовившемся вооруженном восстании знали только туземцы и ревниво скрывали это от русских, захватив их врасплох. Путем всевозможных угроз – в будущем лишит земель русских поселенцев – туземцы заставляли их примкнуть к революционному движению. В доказательство – много пришлых из Кутаисской губернии»* (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 1804. Л. 21).

Необходимо отметить, что сепаратистские настроения грузинского населения Сочинского округа во главе с лидерами социал-демократов не были поддержаны остальными общественно-политическими и национальными организациями округа. Вооруженное восстание не было спланированным действием, а носило стихийный характер, чему способствовало скопление вооруженных людей со стороны социалистов-революционеров и социал-демократов. В вооруженное противостояние с осажденным гарнизоном в Сочи были втянуты крестьяне-поселенцы путем угроз со стороны социал-демократов и благодаря агитации социалистов-революционеров.

Желание присоединить Сочинский округ к Грузии не покидало представителей грузинской национальности. Когда события на политической арене благоприятствовали, в мае 1918 г. социал-демократы Грузии во главе с Н.Н. Жордания объявили о суверенитете республики и, преследуя

сепаратистские цели, ввели грузинские войска на территории Сочинского и Туапсинского округов Черноморской губернии, а также заняли ст. Хадьженскую в Кубанской области (Черкасов, 2003: 45-47).

4. Заключение

Таким образом, деятельность лидеров социал-демократической организации Гватуа и Хуцишвили была направлена на отторжение Сочинского округа в пользу Грузии, где в годы Первой российской революции 1905–1907 гг. происходило национально-освободительное движение крестьян. Сепаратистские настроения грузинского населения Сочинского округа во главе с лидерами социал-демократов не были поддержаны общественно-политическими объединениями округа.

Социал-демократы применяли различные методы борьбы с существующим режимом, такие как дестабилизация общественно-политической обстановки, выразившаяся в дискредитации русской администрации, провоцирование межнациональных конфликтов, устранение конкурентов на оплачиваемых работах и в торговле, физическая расправа над неугодными лицами, третирование политических оппонентов, изъятие денежных сумм с имущего населения, а в совокупности эскалация социальной напряженности, что в итоге привело к вооруженному столкновению с властями.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Шифр: 100.01.

Литература

Абрамов, 1940 - Абрамов А. Крестьянское революционное движение в Грузии в 1905–1907 гг. Л., 1940.

Авалов, 1901 - Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. СПб., 1901.

Авалов, 1906 - Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России (Издание второе). СПб., 1906.

АОАГС – Архивный отдел администрации города Сочи.

Волхонский, 2005 - Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы Первой русской революции // Отечественная история. 2005. № 5.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гейфман, 1997 - Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997.

Жордания, 1968 - Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд, 1968.

Краевский, 1911 - Краевский М.А. Буржуазия и революция. Очерки жизни Черноморского побережья Кавказа. Сочи. М., 1911.

МИГКС – Музей истории города-курорта Сочи.

Первая революция, 2005 - Первая революция в России: Взгляд через столетие // Отв. редакторы: А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005.

Таран, 2009 - Таран К.В. Причины участия сельских жителей Сочинского округа в вооруженном восстании в декабре 1905 – январе 1906 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. Выпуск 11(2).

Тверитинов, 2000 - Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000.

Урилов, 2005 - Урилов И.Х. История Российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 3. М., 2005.

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

Черкасов, 2003 - Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны. Краснодар, 2003.

Черноморское побережье, 1905 - Черноморское побережье (Новороссийск). 1905.

Шанин, 1997 - Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997.

Янчевский, 1926 - Янчевский Н.Л. Новороссийская и Сочинская республики в 1905 году. Ростов н/Д., 1926.

References

Abramov, 1940 - Abramov A. Krest'yanskoe revolyutsionnoe dvizhenie v Gruzii v 1905–1907 gg. [The peasant revolutionary movement in Georgia in 1905-1907] L., 1940.

Avalov, 1901 - Avalov Z.D. Prisoedinenie Gruzii k Rossii [The accession of Georgia to Russia]. SPb., 1901.

Avalov, 1906 - Avalov Z.D. Prisoedinenie Gruzii k Rossii [The accession of Georgia to Russia] (Izдание vtoroje). SPb., 1906.

AOAGS – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi [The archival department of administration of Sochi city].

Volkhonskii, 2005 - Volkhonskii M.A. Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike pravitel'stva v gody Pervoi russkoi revolyutsii [The national question in the internal policy of the government during the First Russian Revolution] // Otechestvennaya istoriya. 2005. № 5.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [The state archive of Krasnodar Krai].

- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The state archive of the Russian Federation].
- Geifman, 1997** - Geifman A. Revolyutsionnyi terror v Rossii, 1894–1917 [The revolutionary terror in Russia, 1894–1917]. M., 1997.
- Zhordaniya, 1968** - Zhordaniya N. Moya zhizn' [My life]. Stenford, 1968.
- Kraevskii, 1911** - Kraevskii M.A. Burzhuaziya i revolyutsiya. Ocherki zhizni Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza [The bourgeoisie and the revolution. Essays on the Black sea coast life]. Sochi. M., 1911.
- MIGKS** – Muzei istorii goroda-kurorta Sochi [Historical museum of Sochi].
- Pervaya revolyutsiya, 2005** - Pervaya revolyutsiya v Rossii: Vzgl'yad cherez stoletie [The first revolution in Russia: Looking through the centuries] // Otв. redaktory: A.P. Korelin, S.V. Tyutyukin. M., 2005.
- Taran, 2009** - Taran K.V. Prichiny uchastiya sel'skikh zhitelei Sochinskogo okruga v vooruzhennom vosstanii v dekabre 1905 – yanvare 1906 gg. [The reasons for the participation of rural people in the armed uprising in December 1905 – January 1906 in the Sochi district] // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. 2009. Vypusk 11(2).
- Tveritinov, 2000** - Tveritinov I.A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sochinskogo okruga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The socio-economic development of Sochi district in the second half of XIX – early XX centuries.] Sochi, 2000.
- Urilov, 2005** - Urilov I.Kh. Istoriya Rossiiskoi sotsial-demokratii (men'shevizma) [The history of the Russian social-democratic (menshevism)]. Ch. 3. M., 2005.
- TsDNIKK** – Tsentр dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraя [The center of documentation of contemporary history of Krasnodar Krai].
- Cherkasov, 2003** - Cherkasov A.A. Krest'yanskoe dvizhenie na Chernomor'e v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny [The peasant movement on the Black sea coast in the period of the revolution and the civil war]. Krasnodar, 2003.
- Chernomorskoe poberezh'e, 1905** - Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1905.
- Shanin, 1997** - Shanin T. Revolyutsiya kak moment istiny [the revolution as a moment of truth]. M., 1997.
- Yanchevskii, 1926** - Yanchevskii N.L. Novorossiiskaya i Sochinskaya respubliki v 1905 godu [Novorossiisk and Sochi republics in 1905]. Rostov n/D., 1926.

УДК 93/94

Окраины в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.): сепаратистские настроения среди населения Черноморской губернии

Константин Викторович Таран ^{a, *}, Андрей Павлович Михайлов ^b, Сусанна Джамилевна Багдасарян ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

^b Адыгейский государственный университет, Майкоп, Российская Федерация

^c Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются сепаратистские настроения среди грузинского населения Черноморской губернии. Уделено внимание попыткам грузинских социал-демократов отделить Сочинский округ от Российской империи в 1905–1907 гг. В качестве материалов были использованы архивные документы центральных и региональных архивохранилищ, а именно государственного архива Российской Федерации, государственного архива Краснодарского края, центра документации новейшей истории Краснодарского края, архивных отделов администрации города Сочи и музея истории города курорта Сочи. Методологическую основу нашей работы составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, а также критическое отношение к источникам.

В заключение авторы отмечают, что социал-демократы применяли различные методы борьбы с существующим режимом, такие как дестабилизация общественно-политической обстановки, выразившаяся в дискредитации русской администрации, провоцирование межнациональных конфликтов, устранение конкурентов на оплачиваемых работах и в торговле, физическая расправа над неудобными лицами, третигование политических оппонентов, изъятие денежных сумм с имущего населения, а в совокупности эскалация социальной напряженности, что в итоге привело к вооруженному столкновению с властями.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905–1907 гг., Черноморская губерния, сепаратизм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран),

Andrei_Mikhailov@yandex.ru (А.П. Михайлов), bsd73@mail.ru (С.Д. Багдасарян)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 525-531, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470.45)

The Activities of the Local Self-Government Tsaritsyn County in the first months of the Great War

Elena Yu. Leontyeva ^a*, Alexander N. Leontyev ^a

^a Volgograd State Technical University, Russian Federation

Abstract

The beginning of World War I brought about changes not only in the life of a great empire, and statesmen, but also in the activities of local authorities, which immediately acquired a new vectors and directions. Wartime demonstrates the viability (or lack thereof) of the state and public structures, showing their solvency and competence in dealing with certain issues. The authors focus their attention on the study, description and analysis of the activity of local governments of the city of Tsaritsyn, Saratov province in the early months of the First World War. For these purposes, the first time, used the original materials of the newspaper «Tsaritsyno Bulletin» July-September 1914. Along with the use of historical sources, it is actively used the principle of specificity, narrative technique and methods of "local history". The key problem of the crisis period, the beginning of the war becomes a financial security of families called up, and later the victims' families, the organization of hospitals and hospitals, help the front, etc. In this case questions relating to the proper functioning of all the services of the city still remain on the agenda.

Keywords: First World War, the Great War, Tsaritsyn County, the rear, the local self-government, help to the front, local history.

1. Введение

Развитие современной России невозможно без развития регионов, местных территориальных образований, продуктивной, осмысленной и ответственной деятельности органов местного самоуправления. Структура органов власти, по своей сути не изменилась за последние столетия: неразрывное единство государственного начала и местных интересов, выраженных в инициативе последних. Проблема приоритета интересов государства или общества уже 200 лет, остается дискуссионной. Законодательство как в XIX веке, так и в настоящее время определяет первичность общегосударственного начала, но полномочия местных властей получают все большее признание и широкую поддержку. Именно активность органов местного самоуправления реализует на локальном уровне политические решения, отражающие и выражающие направления развития в масштабе государства, а так же преломляет мировые события и процессы. «В рамках локальной общности проявляет себя «тайнство» исторического процесса, когда совокупность объективных факторов и закономерностей реализуются, как субъективные желания... конкретных людей и малых групп» (Leontyeva, 2015: 721).

Деятельность органов местного самоуправления находила отражение на страницах газет с самого начала возникновения периодической печати на местном (уездном) уровне. Материалы и репортажи с заседаний, фрагменты выступлений гласных, так именовались в то время депутаты, а также принимаемые решения отражались в газетах, становились предметом обсуждения в обществе. Анализ периодики того времени помогает не только восстановить исторические факты и события, но и понять поводы и причины, историческую обусловленность и последовательность возникающих задач и принимаемых решений. Особенно востребованной деятельность органов самоуправления

* Corresponding author

E-mail addresses: prof.elena.leontyeva@gmail.com (E.Y. Leontyeva),
alexanderleontyev@gmail.com (A.N. Leontyev)

становится в периоды кризисов и социальных потрясений, когда от их действий зависит уже не просто благополучие населения, а в ряде случаев и их физическое выживание.

2. Материалы и методы

2.1. Основной источниковедческой базой выступают малоизученные и малодоступные материалы периодической печати, а именно отдельные номера газеты «Царицынский вестник» с июля 1914 по сентябрь 1915 гг. В целом настоящий анализ сосредоточен на деятельности органов местной власти Царицынского уезда в период начала Первой мировой войны.

2.2. В качестве основных методологических принципов данного исследования используются принцип конкретности и принцип опоры на исторические источники. В первом случае особый акцент делается на неповторимости происшедших событий, уникальности их содержания, которое одновременно являет собой воплощение и преломление событий мирового масштаба и задач, которые они порождают.

Авторы активно используют идеи «новой локальной истории», позволяющей понять, как в повседневных, личностных взаимоотношениях проявляют себя макросоциальные отношения и связи. Реализация идей новой локальной истории невозможна без использования нарративного метода, предполагающего не просто описание и повествование, но и определенную последовательность, которая выстраивается согласно логике самих событий. Данная цепь событий становится основой первичного их рассмотрения, без которого более глубокий анализ просто невозможен.

В исследовании объектом изучения выступает особая «двойная ситуация». С одной стороны, мы имеем границу «индивид» – «общество», когда гласные городской думы, выступают как отдельные личности, но от имени и в интересах сообщества жителей города. С другой стороны, исследуемая ситуация отражает переход от привычного и обыденного мирного времени к военной обстановке, жизни в условиях начавшейся мировой войны. При этом предметом анализа выступает деятельность органов власти муниципального уровня в конкретное кризисное время начала Великой войны.

3. Обсуждение

Идея местного самоуправления, с проблемами и практикой ее внедрения, широко и подробно изучалась российской научной мыслью еще в XIX веке. В работах русских мыслителей дается анализ западноевропейского опыта местного самоуправления и реформ Александра II. В серьезных исследованиях, вышедших и в многотомных изданиях, российские ученые (Васильчиков, 1872; Градовский, 1868; Майдель, 1879; Муллов, 1864; Немчинов, 1912; Щепкин, 1882-1884) предлагали разбор законодательных актов и сравнительный анализ европейского опыта развития самоуправления и российских реалий, высказывали, часто дискуссионные и противоречивые мнения. Согласно работам указанных авторов, городскому самоуправлению разрешалось самостоятельно устанавливать и собирать налоги и сборы и расходовать их на местные нужды. В его обязанность включалось, в том числе, и удовлетворение потребностей воинского и гражданского управлений, что и нашло свое применение в условиях войны. Круг задач был весьма обширным, а ресурсы ограниченными, однако органы местного самоуправления показывали свою состоятельность и возможность реализовывать множество важных начинаний. Современные как отечественные, так и зарубежные исследователи также обращают свое внимание на различные аспекты истории развития российской провинции и российского местного самоуправления (Borisova, 2008; Bradley, 2008; Lindenmeyr, 2012; Rzdorskii, 2015).

Историю Царицына периода Первой мировой войны изучают прежде всего волгоградские историки и регионоведы: (Воробьев, 2013; Серенко, 1991; Филиппова, 2014; Царицын. На войну, 2014). Однако исследование деятельности органов местного самоуправления Царицына в дореволюционной России в период начала Первой мировой войны по материалам местной прессы осуществляется впервые.

4. Результаты

Начало Российской империей военных действий на фронтах Первой мировой войны немедленно нашло отражение на страницах местной прессы и внесло существенные коррективы не только в обыденную и повседневную жизнь горожан, но и в деятельность органов местного самоуправления. Привычные вопросы, чаще всего называемые «текучкой», в первые месяцы войны уступили место целому вееру проблем, решение которых требовало участия местной власти, и которые были непосредственно связаны с событиями мирового масштаба. Обыденными стали и очередные, и чрезвычайные заседания Городской Думы уездного города Царицына, призванной решать вопросы самого различного характера. Уже на одном из первых таких заседаний «Городской голова убедительно просил гласных о непременно посещении собрания Думы в виду чрезвычайной важности некоторых вопросов, связанных с текущей мобилизацией, указывая, между прочим, на то, что посещение Думы является необходимым проявлением гражданского долга в столь важный момент, переживаемый государством и обществом. К началу заседания в 8.30, собралось 22 гласных. Председательствовал Городской голова А.И. Остен-Сакен» (ЦВ, 1914: 4650).

Задачей Городской Думы в период начала войны стало не просто делить выдаваемые на нужды семей призванных бюджетные деньги, но и изыскивать дополнительные финансовые ресурсы, которые позволят решать многочисленные траты, связанные с войной. Из газет июля-августа-сентября 1914 года видно, что работа по изысканию ресурсов идет по самым различным направлениям. Во-первых, это кружечные сборы, организуемые как Городской Думой, так и различными общественными организациями: Дамским комитетом, Красным Крестом и т.д. При этом Дума стремится объединить эти сборы, не распыляя усилий на множество кампаний, что не всегда приветствуется. Во-вторых, «гл. Мельниковым было предложено ввести добровольную приплату при покупке трамвайных билетов» (ЦВ, 1914: 4672). Высказывается мнение, что «не мешало бы этот вопрос рассмотреть в электрической комиссии». В-третьих, это обращения к местным жителям, которые «пожелают проявить особую помощь обществу и государству в уходе за ранеными принятием выздоравливающих... в свою семью на содержание. Соображаясь с этими заявлениями местные врачебные учреждения будут учитывать состояние наличных больных по лазаретам и переводить выздоравливающих на попечение частных лиц, а свободные кровати предоставлять для более тяжелых раненых» (ЦВ, 1914: 4650). В-четвертых, это устройство особых мероприятий (например, «День русского воина»), доходы от проведения которых (продажа флагов, сбор вещей и т.д.) идет в помощь воинам и раненым. В-пятых, различные обращения к волонтерам за безвозмездной помощью по самым различным направлениям работы (ЦВ, 1914: 4651).

Считаем познавательным и интересным привести представленные Городским головой расходы, произведенные из средств запасного капитала на удовлетворение нужд, вызванных войной: «всего выдано 49460 руб. 71 коп. в настоящее время в запасном капитале имеется 162025 руб. 21 коп., кроме того от казны поступило 11880 руб. и собрано пожертвований 232 руб. Всего вместе с запасным капиталом 114137 руб. 21 коп.» (ЦВ, 1914: 4672).

В городе только начались первые призывы на военную службу, поэтому первым «военным» вопросом и в данном случае наиболее актуальным, становится рассмотрение «призрения (заботы, опеки – прим. авт.) семьям запасных», в связи с этим обсуждается вопрос о создании «особой исполнительной комиссии» и ее функций, которые как замечает Городской голова «Будут весьма сложны и кропотливы. Нужно будет строго выделить имущественное положение каждой семьи, так как нельзя же выдавать пособие лицам имущим» (ЦВ, 1914: 4650). На этом же заседании обсуждаются кандидатуры членов будущей комиссии, и начало ее действия признается 27 июля.

29 июля публикуется продолжение чрезвычайного заседания Думы, состоявшегося 25 июля 1914 года. Серьезно обсуждается вопрос о «пересмотре выдачи пособий семьям запасных». Связано это с тем, что у призванных на военную службу до мобилизации было различное материальное положение и различное жалование... «Городская Управа полагает, со своей стороны, что для сбережения городских средств, которые по ограниченности могут быстро растаять, следует за известным пределом жалования допустить изменение той нормы жалования, которая была принята на собрании Думы 21 июля в размер повинного оклада» (ЦВ, 1914: 4651). На этом же заседании «Управа испрашивает разрешения Думы выдавать пока пособие из городских средств в размере 3 руб. в месяц на каждого члена до тех пор, пока не будет раздаваться тем же лицам казенное пособие, а по наступлении этого момента перейти уже на выдачу пособия от города в размере точно соответствующем этому последнему» (ЦВ, 1914: 4651).

Свою лепту в решение вопроса о справедливом возмещении пособий семьям запасных вносит и Царицынское городское общественное управление, призывающее граждан города Царицына помочь в «проверке семейного положения призванных на военную службу из обывателей города запасных нижних чинов и ратников» (ЦВ, 1914: 4651). Помощь эта нужна «при составлении списков и личному обследованию семей на дому в течение кратчайшего времени, что при разбросанности семей по всему городу и большому количеству их требует одновременного действия многих лиц, призванных к этому делу». При этом «Городское Управление будет благодарно и тем, кто в силу каких-либо обстоятельств пожелает получить за свой труд и вознаграждение» (ЦВ, 1914: 4651).

Так называемые кружечные сборы проводили как Городская Дума, так и общественные организации. В газете от 10 августа (ЦВ, 1914: 4661) опубликовано активное обсуждение на заседании Думы вопроса о необходимости проведения единого кружечного сбора. При этом отмечается, что «Дамский комитет не хочет сливаться, потому что не знает, куда пойдут собранные ими деньги. Если Дума скажет, что их деньги пойдут не на содержание 25 коек, а на другие дела, то комитет, вероятно согласится. Все дело сейчас в том, что Дамский комитет не знает назначения денег, которое укажет ему городской комитет». При этом Городской голова отмечает, что «за счет городского бюджета можно покрыть только третью часть расходов, связанных с содержанием коек».

Отметим, что в данном случае обсуждается уже вторая «военная» проблема – создание лазаретов, госпиталей и коек в них. Уже в газете от 24 августа (ЦВ, 1914: 4672) мы читаем, что «Царицынский комитет Р.О. Красного Креста постановил открыть лазарет на 50 коек... но для этого нужны средства, деньги... Граждане! Записывайтесь в члены комитета...» и в этом же номере говорится о первом прибывшем с войны больном. Вопрос о местах в госпиталях и лазаретах – один из основных в последующие месяцы. «Хватит ли коек для раненых? – интересуется гл. Репников. Городской голова поясняет, что на днях получено телеграфное уведомление от губернской земской

управы: «Предполагается вам послать 160 легкораненых» В беседе с главно-начальствующим выяснилось, что коек у нас заготовлено очень мало, к нам предполагается прислать большое число раненых. Нами уже приняты меры. Предполагается открыть лазареты в помещении казенного винного склада на 500 кроватей, в доме Воронина за Царицей 150-200 коек и еще есть свободное помещение – дом Балашевского женского монастыря» (ЦВ, 1914: 4691).

Решение финансовых вопросов не освобождает местные власти от решения вопросов культурного и идеологического воспитания – военное время требует работы и в этом направлении. С одобрения Городской Думы проводятся молебны во славу русского оружия и скорейшую победу, причем вовлекаются верующие самых различных конфессий и вероисповедания (Леонтьева, 2015: 722-723). На 30 августа назначено проведение «Дня русского воина», для чего создается особый городской комитет. Отмечается, что деятельность его никоим образом не может быть ограничена лишь собиранием пожертвований в виде кружечного сбора, напротив, Комитет должен явиться особым на время войны городским учреждением, преследующим цель оказания всех видов помощи тем из семей горожан, кормильцы которых призваны на военную службу... необходимы частные средства и частная же общественная инициатива, а Городское Управление всех в полной мере удовлетворить не сможет. Принимая во внимание это последнее обстоятельство, участники заседания и пришли к тому заключению, что вновь избранный комитет должен быть именно тем учреждением, которое само, без обременения городской кассы будет восполнять заботы Городского Управления по призрению и оказанию всех видов помощи семействам неимущих запасных и ополченцев, призванных на действительную военную службу. Учреждение такого комитета предусмотрено законом 12 июня 1912 года и духу городского положения не противоречит» (ЦВ, 1914: 4662). День русского воина в результате был устроен 16 сентября. На нем продавали флаги русских и союзных государств. «Был организован сбор подержанных вещей, белья и платья для нужд детей мобилизованных» (ЦВ, 1914: 4662).

Особого внимания заслуживает антиалкогольная компания, начавшаяся в период мобилизации. На страницах нескольких выпусков газет цитируются заявления группы обывателей, поданных в Городскую Думу и отмечающих, что «с прекращением продажи спиртных напитков в частной и общественной жизни наступил порядок, о котором раньше можно было только мечтать. Исчез пьяный разгул и соединенные с ним всевозможные безобразия. Не слышно сквернословия и грязной ругани, сократилась преступность и на всю общественную жизнь легла печать благоразумия. В частной же жизни не стало ни горя, ни слез, ни страданий, ни всех тех качеств, которые порождались вином. Выражая свое искреннее восхищение порядком и желая видеть русский народ возрожденным к новой сознательной жизни, мы нижеподписавшиеся обращаемся к Царицынской Городской Думе с покорнейшей просьбой возбудить соответствующее ходатайство о закрытии в городе навсегда казенных винных лавок, всех пивных и трактирных заведений. Взамен же приносимого ими дохода установить известный налог, который без сомнения будут все охотно уплачивать. Следует 10 подписей» (ЦВ, 1914: 4672).

Обычная, хотя и уже обремененная войной жизнь города и горожан, требовала и решения привычных, отчасти мирных вопросов, которые традиционно решали в рамках местного самоуправления. Так объявление Царицынской Городской Управы гласит: «Лица, желающие открыть в 1915 году заведения трактирного промысла, а именно: гостиницы, рестораны... постоянные дворы и проч. приглашаются подать о том в Городскую Управу не позднее 1-го сентября 1914 года письменные заявления на предмет внесения тех заведений в раскладку городского трактирного сбора на 1915 год, бланки и пр...» (ЦВ, 1914: 4651).

Гласный Розанов в письменном заявлении на имя Городского головы просит Городскую Думу обсудить вопрос о «разрешении праздничной торговли съестными припасами на базаре и об установлении таксы на хлеб и мясные продукты» (ЦВ, 1914: 4651).

Жизненный вопрос поднимается на заседании Думы 1 сентября. Речь идет о сдаче подряда по очистке нечистот из городских учреждений. Гласный Серебряков заявляет, что «наши пленные употребляются на очистку нечистот, а потому я снова подтверждаю свое прежнее заявление и просил бы еще раз записать его в протокол. – Ведь порядок то нарушать нельзя – замечает городской голова. Гл. Серебряков: – Нет. Я попутно заявляю. Я могу представить вам газету, где прямо говорится, что русские пленные употребляются на очистку нечистот. Так же и я хочу сделать. – Око за око! – замечает гласный Пирогов» (ЦВ, 1914: 4691).

В этот же трудный для города период оказывается возможным вести работы по продлению линии трамвая, а также постройке деревянного моста через овраг, доклады о чем и заслушиваются Думой 16 сентября (ЦВ, 1914: 4692). Пересматривается Городской Думой в этом же заседании и смета по Сиротскому суду, члены которого получают все еще оклады жалования, установленные Думой еще в 1885 году! Просьбы о пересмотре жалования были удовлетворены. Весьма интересны разбирательства в этом заседании и по поводу заказа Городской Управой с экипажной фабрики кареты скорой помощи и повозки для дезинфекционного отряда. Фирма не выполнила в срок заказ, да еще и просит о повышении цены...». Доложено и об окончательном расчете с подрядчиком по постройке 2-й пожарной части: «Расчет производился в присутствии инженера Бурдина и

составителя проекта здания Утохина. Между прочим, в проекте... оказалось масса дефектов... в нем отсутствовала лестница на второй этаж и в подвальное помещение» (ЦВ, 1914: 4692).

Представляет интерес повестка дня заседания Городской Думы, назначенной на конец сентября 1914 года. Вопросы военного времени теперь обсуждаются в плановом порядке. Они первостепенные и главные. Но город уже втянулся в обыденность тыловой повседневности, активно принимает раненых, размещает вновь прибывших, а посему все городские структуры и службы должны работать четко и без перебоев. Последнее является условием для тех задач, которые возникают в условиях военного времени. Именно в силу этого в повестке дня следующие вопросы: «1. По заявлению гласного Ефимова об отступлении при производстве работать при осуществлении проекта канализации г. Царицына от порядка исполнения таковых в других городах; 2. По протоколу исполнительской комиссии по заведыванию городскими электрическими сооружениями об организации технического надзора по эксплуатации постройки; 3. О принятии в ведение города нововыстроенного здания пожарного депо со службами во 2-й части города; 4. О результатах оценочных работ по обложению на 1914 год недвижимых имуществ городским оценочным сбором; 5. По ходатайству председателя педагогического совета царицынской 4-й гор. Женской гимназии и заведующего гор. Мужской гимназией о переводе, находящихся вблизи гимназий питейных заведений в другие, более отдаленные места» (ЦВ, 1914: 4695).

5. Заключение

Подводя итог анализу деятельности местных органов власти в Царицыне в условиях начала Первой мировой войны, можно сделать вывод о том, что война еще не воспринималась как длительное, тяжелое опасное событие, способное привести к радикальным изменениям. Необходимость введения чрезвычайные мер не обсуждалась и не рассматривалась. Несмотря на то, что газеты изобиловали военной информацией, сообщениями с фронтов, обыденная жизнь продолжалась, органы управления функционировали в обычном порядке, обсуждали исполнение довоенных проектов, и военные вопросы рассматривались наравне с другими, но приобретали плановый характер, занимая все большее и большее место в работе Городской Думы.

Среди основных вопросов, рассматриваемых Думой и получивших отражение в печати, на первом месте оставалась собственно депутатская деятельность и полномочия: обеспечение дисциплины гласных, обсуждение дополнительных полномочий по расходованию бюджета, использование резервных фондов, изыскание дополнительных доходов на поддержку семей призванных и резервистов, изыскание помещений для госпиталей. Новым направлением стало привлечение и координация институтов гражданского общества (Дамского комитета, Красного Креста), простых обывателей для решения задач нетипичных для мирного времени. Третье направление, связано с духовно-идеологической сферой и было направлено содействие обеспечению порядка и нравственности, поддержанию духа патриотизма и верноподданнических настроений. Наибольший исторический резонанс получил запрет на продажу алкоголя.

В заключении отметим очень важный факт: в исследуемых источниках так и не обнаружено проявлений нагнетания подозрительности, шпиономании, а также примеров национальной или религиозной нетерпимости, формирования запредельной ненависти к врагам Отечества.

Литература

Васильчиков, 1872 - *Васильчиков А.И.* О самоуправлении: Сравн. обзор рус. и иностр. зем. и обществ. учреждений. 3-е изд. Т. 1-2. Санкт-Петербург, 1872.

Воробьев, 2013 - *Воробьев Е.П.* «Победа будет на нашей стороне. Ибо армия опирается на тыл...» Царицын в годы испытаний Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 4.

Градовский, 1868 - *Градовский А.Д.* История местного управления в России. Санкт-Петербург, 1868.

Майдель, 1879 - *Майдель В.* Систематический сборник решений Правительствующего сената, разъясняющих Городовое положение, с полным текстом последнего по Своду законов изд. 1876 г. с приложением. Санкт-Петербург, 1879.

Муллов, 1864 - *Муллов П.А.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. Санкт-Петербург, 1864.

Немчинов, 1912 - *Немчинов В.И.* Городское самоуправление по действующему русскому законодательству. Москва, 1912.

Серенко, 1991 - *Серенко М.* На дорогах Первой мировой // МиГ. 1991, 28 августа. № 7.

Филиппова, 2014 - *Филиппова А.П.* Царицын накануне и во время Первой мировой войны // Царицын – Сталинград – Волгоград. Вехи истории. Альманах. Вып. 1. Волгоград, 2014.

Царицын. На войну, 2014 - Царицын. На войну уходил эшелон... (Каталог выставки) Авт.-сост. Т.Г. Агеева и др. Волгоград, 2014.

ЦВ – Царицынский вестник. – 1914. – 27 июля. - № 4650.

ЦВ – Царицынский вестник. – 1914. – 29 июля. - № 4651.

ЦВ – Царицынский вестник. – 1914. – 10 августа. - № 4661.

ЦВ – Царицынский вестник. – 1914. – 12 августа. - № 4662.
 ЦВ – Царицынский вестник. – 1914. – 24 августа. - № 4672.
 ЦВ – Царицынский вестник. – 1914. – 18 сентября. - № 4691.
 ЦВ – Царицынский вестник. – 1914. – 19 сентября. - № 4692.
 ЦВ – Царицынский вестник. – 1914. – 23 сентября. - № 4695.

Щепкин, 1882-1884 - Щепкин М.П. Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов. Ч. 1-2. Москва, 1882-1884.

Borisova, 2008 - Borisova T. Russian national legal tradition: Svod versus ulozhenie in nineteenth-century Russia. // Review of Central and East European Law, 2008, (3) 33: 295–341.

Bradley, 2008 - Bradley J. Pictures at an Exhibition: Science, Patriotism, and Civil Society in Imperial Russia. // Slavic Review, 2008, (4) 67: 934.

Leontyeva, 2015 - Leontyeva E.Ju., Bolotov N.A., Boldyrev Ju.F. Rear daily Tsaritsyn county in the first months of the Great War. // Bylye gody, 2015, (3). 37: 720-728.

Lindenmeyr, 2012 - Lindenmeyr A. Building Civil Society One Brick at a Time: People's Houses and Worker Enlightenment in Late Imperial Russia. // Journal of Modern History, 2012, (1). 84: 1–39.

Razdorskii, 2015 - Razdorskii A.I. Surveys of Provinces, Regions and Cities of the Russian Empire, 1870-1916, as Historical Sources. // Journal of Modern Russian History and Historiography, 2015, (1). 8: 35–80.

References

Vasil'chikov, 1872 - Vasil'chikov A.I. O samoupravlenii: Sravn. obzor rus. i inostr. zem. i obshhestv. Uchrezhdenij [About self-management: Comp. Russian review. and foreign. zem. and societies Agencies], 3 izd. T. 1-2. St. Petersburg, 1872. [in Russian].

Vorob'ev, 2013 - Vorob'ev E.P. «Pobeda budet na nashej storone. Ibo armija opiraetsja na tyl...» Caricyn v gody ispytanj Pervoj mirovoj vojny (1914-1918 gg.) [«Victory will be on our side. For the army relies on the rear ...» Tsaritsyn during the trials of First World War (1914-1918)], Voennyi istoricheskii jurnal. 2013, (4): 50-54 [in Russian].

Gradovskij, 1868 - Gradovskij A.D. Istorija mestnogo upravlenija v Rossii [The history of local government in Russia]. St. Petersburg, 1868. [in Russian].

Majdel', 1879 - Majdel' V. Sistematiceskij sbornik reshenij Pravitel'stvujushhego senata, razjasnjajushhij Gorodovoe polozhenie, s polnym tekstom poslednego po Svodu zakonov izd. 1876 g. s prilozheniem [The systematic collection of the Senate decision, explaining city regulations, the full text of the Laws on the last edition. 1876 with an application]. St-Petersburg, 1879. [in Russian].

Mullov, 1864 - Mullov P.A. Istoricheskoe obozrenie pravitel'stvennyh mer po ustrojstvu gorodskogo obshhestvennogo upravlenija [Historical review of government action on the device of the urban public administration]. St-Petersburg, 1864. [in Russian].

Nemchinov, 1912 - Nemchinov V.I. Gorodskoe samoupravlenie po dejstvujushhemu russkomu zakonodatel'stvu [Municipal government under current Russian law]. Moscow, 1912. [in Russian].

Serenko, 1991 - Serenko M. Na dorogah Pervoj mirovoj [On the roads of the First World War]. MiG, 1991, august 28, № 7 [in Russian].

Filippova, 2014 - Filippova A.P. Caricyn nakanune i vo vremja Pervoj mirovoj vojny [Tsaritsyn before and during First World War], Tsaritsyn - Stalingrad - Volgograd. Vehi istorii. Almanah. V. 1. Volgograd, 2014. [in Russian].

Caricyn. Na vojnu, 2014 - Caricyn. Na vojnu uhodil jeshelon... [Caricyn. Echelon was leaving on the war...], Katalog vystavki. Avt-sost.: T.G Ageeva i dr. Volgograd, 2014. [in Russian].

CV - Caricynskij vestnik [Tsaritsyno Bulletin], 1914, July 27. - № 4650. [in Russian].

CV - Caricynskij vestnik [Tsaritsyno Bulletin], 1914, July 29. - № 4651. [in Russian].

CV - Caricynskij vestnik [Tsaritsyno Bulletin], 1914, August 10. - № 4661. [in Russian].

CV - Caricynskij vestnik [Tsaritsyno Bulletin], 1914, August 12. - № 4662. [in Russian].

CV - Caricynskij vestnik [Tsaritsyno Bulletin], 1914, August 24. - № 4672. [in Russian].

CV - Caricynskij vestnik [Tsaritsyno Bulletin], 1914, September 18. - № 4691. [in Russian].

CV - Caricynskij vestnik [Tsaritsyno Bulletin], 1914, September 19. - № 4692. [in Russian].

CV - Caricynskij vestnik [Tsaritsyno Bulletin], 1914, September 23. - № 4695. [in Russian].

Shhepkin, 1882-1884 - Shhepkin M.P. Opyty izuchenija obshhestvennogo hozjajstva i upravlenija gorodov [Experiments studying the social economy and urban management]. Ch. 1-2. Moscow, 1882-1884 [in Russian].

Borisova, 2008 - Borisova T. Russian national legal tradition: Svod versus ulozhenie in nineteenth-century Russia. // Review of Central and East European Law, 2008, (3) 33: 295–341.

Bradley, 2008 - Bradley J. Pictures at an Exhibition: Science, Patriotism, and Civil Society in Imperial Russia. // Slavic Review, 2008, (4) 67: 934.

Leontyeva, 2015 - Leontyeva E.Ju., Bolotov N.A., Boldyrev Ju.F. Rear daily Tsaritsyn county in the first months of the Great War. // Bylye gody, 2015, (3). 37: 720-728.

Lindenmeyr, 2012 - Lindenmeyr A. Building Civil Society One Brick at a Time: People's Houses and Worker Enlightenment in Late Imperial Russia. // Journal of Modern History, 2012, (1). 84: 1–39.

Razdorskii, 2015 - *Razdorskii A.I. Surveys of Provinces, Regions and Cities of the Russian Empire, 1870-1916, as Historical Sources.* // *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2015, (1). 8: 35–80.

УДК 94(470.45)

Деятельность органов местного самоуправления Царицынского уезда в первые месяцы Великой войны

Елена Юрьевна Леонтьева^{а *}, Александр Николаевич Леонтьев^а

^а Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Начало первой мировой войны внесло свои коррективы не только в жизнь большой Империи и государственных мужей, но и в деятельность органов власти на местах, которая сразу приобрела новые векторы и направления. Военное время демонстрирует жизнеспособность (или ее отсутствие) государственных и общественных структур, показывает их состоятельность и компетентность при решении тех или иных вопросов. Авторы сосредоточивают свое внимание на изучении, описании и анализе деятельности органов местного самоуправления города Царицына Саратовской губернии в первые месяцы Первой мировой войны. Для указанных целей впервые используются оригинальные материалы газеты «Царицынский вестник» июля-сентября 1914 года. Наряду с использованием исторических источников, активно применяется принцип конкретности, нарративный метод и методы «локальной истории». Ключевой проблемой кризисного периода начала войны становится финансовое обеспечение семей призванных на службу, а впоследствии и семей погибших, организация госпиталей и лазаретов, помощь фронту и т.д. При этом вопросы, касающиеся нормального функционирования всех служб города, по-прежнему остаются на повестке дня.

Ключевые слова: Первая мировая, Великая война, тыл, органы местного самоуправления, помощь фронту, локальная история.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: prof.elena.leontyeva@gmail.com (Е.Ю. Леонтьева),
alexanderleontyev@gmail.com (А.Н. Леонтьев)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 532-539, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Reviews

UDC 94

Book Review on: Igor Y. Froyanov. Lectures on Russian History. Kievan Rus. St. Petersburg, Russkaya Kolleksiya. 2015. 1048 p.

Victor S. Brachev^{a, *}, Matvey F. Polynov^a

^aSt. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The authors focused their attention on the published in 2015 first part of the lecture course on the history of Kievan Rus by professor in history of Russia I.Y. Froyanov. As a historian he is known primarily for his concept of pre-class origin and the veche, popular assembly system of the Ancient Russian state (East Slavic tribal Union in the late X–XI centuries). As it is shown in lectures by I.Y. Froyanov, the existence of an early feudal monarchy in Russia in the IX–X centuries is completely out of the question in spite of the majority of Russian historians opinion. According to the scientist, the mainstream development or the development scheme of Old Russian statehood is the Eastern Slavic Union of the X–XI century (Kievan Rus) and followed volosts (city–states in Ancient Rus). The lectures by I.Y. Froyanov are based on that statement. In this respect it is difficult to overestimate their importance. There is hardly a scientific work from all has been written by I.Y. Froyanov, where his concept found such detailed and reasoned statement.

Keywords: Kievan Rus, Ancient Rus, city–states in Ancient Rus, the concept of I.Y. Froyanov, feudal relations in ancient Russia.

Одним из наиболее серьёзных достижений советской исторической науки в 1970–1980-е годы стала разработка профессором Ленинградского университета И.Я. Фрояновым общинно-вечевой концепции истории Киевской Руси IX–XIII веков. Правда, встречена она была представителями тогдашней официальной марксистской исторической науки (академики Л.В. Черепнин, Б.Д. Рыбаков, член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и др.) в штыки.

Но помогла горбачевская перестройка и вместо ожидаемого, и казалось бы, неминуемого отлучения от науки И.Я. Фроянов не только продолжил свою научно–педагогическую деятельность, но и сумел сформировать в стенах Ленинградского университета на основе своей концепции собственную научную школу.

Всеобщего признания среди специалистов по истории Древней Руси она пока, правда, не получила. Но позиции свои за прошедшие с того времени годы, несомненно, укрепила. Так только в Санкт–Петербургском университете сегодня работают такие известные ученики И.Я. Фроянова как профессора А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев, А.В. Майоров, И.Б. Михайлова, А.В. Петров.

Широко представлена школа И.Я. Фроянова и в ряде периферийных университетских научных центров нашей страны: С.И. Маловичко (Москва), Т.В. Беликова (Ставрополь), С.С. Пашин (Тюмень), В.В. Пузанов, Д.А. Котляров, Н.В. Халявин (Ижевск), И.В. Минин (Сыктывкар), Д.М. Котышев (Челябинск), А.Н.Поляков (Оренбург), С.А. Никонов (Мурманск). Особого внимания в этой связи заслуживает Ижевск, где усилиями проф. Пузанова сформировалась целая когорта историков–приверженцев концепции И.Я. Фроянова (Мягков, 2008: 372–380). Как и в былые годы завидной творческой активностью отличается и глава школы – сам И.Я. Фроянов, опубликовавший в 2014 году

* Corresponding author

E-mail addresses: v.brachev@spbu.ru (V.S. Brachev), m.polynov@spbu.ru (M.F. Polynov)

первую часть читаемого им в Санкт-Петербургском университете лекционного курса по русской истории, посвященную Киевской Руси.

Издание это интересно для нас вдвойне. Во-первых, тем, что текст его принадлежит перу крупнейшего специалиста по Древней Руси, имеющего свой собственный взгляд на её историю. А во-вторых – своей, можно сказать, уникальностью. Дело в том, что последняя и, кстати сказать, единственная публикация университетского курса по истории Киевской Руси (лекции А.Е. Преснякова), была осуществлена в нашей стране в далёком 1938 году (Пресняков, 1938).

Начинает свой лекционный курс И.Я. с предварительных замечаний, в центре которых вопрос о своеобразии русского исторического процесса. «Данное своеобразие, – отмечает он, – возникло, разумеется, не сразу, а в процессе длительного времени, длительной исторической выучки, в основе которой лежал постоянный фактор – многовековое давление. В процессе этого давления и формировался характер русского человека, общества и государства. То было внешнее давление – природное и людское, этническое» (Фроянов, 2015: 4).

Природное давление – это, конечно же, суровые природно-климатические условия, в которых приходилось трудиться русскому мужику. Рассчитывать в этих условиях на эффективность единоличного, индивидуального крестьянского труда не приходилось. Отсюда, по И.Я. Фроянову, та громадная роль, которую играла в русской истории поземельная крестьянская община с характерным для неё духом взаимовыручки и коллективизма.

Что касается людского, этнического давления, то оно было связано, главным образом с особым геополитическим положением Руси между Европой и Азией. «На русских веками накатывали волны вражеских нашествий, то с Юга, то с Запада, то с Востока. Нередко эти нашествия ставили вопрос – быть или не быть славянскому этносу, Руси, России» (Фроянов, 2015: 4). Необходимость многовековой обороны, создания и удержания протяженного геополитического пространства обусловили особую роль государства в общественной жизни, и её так сказать, огосударствление, когда государство пронизывает буквально все сферы общества.

Поскольку, на протяжении столетий русские люди находились в ожидании очередной войны со своими воинственными соседями, следует иметь в виду, что в средневековой Руси сложились не договорные, не правовые, как на Западе, а служебные отношения (Фроянов, 2015: 7–8). Высшим воплощением идеи государственности на Руси был, по И.Я. Фроянову, самодержавный православный царь, который служит Богу и призван блюсти Правду, стоять на страже добра и справедливости и иметь попечение о подданных (Фроянов, 2015: 15). Характерная особенность русского самодержавства, резко отличающая его от абсолютистских монархий Западной Европы – сложившаяся в процессе его становления своеобразная симфония светской и церковной властей. Продолжалась эта эпоха классического российского «самодержавства» по И.Я. Фроянову, недолго (XVI–XVII века) до церковной реформы и отмены патриаршества Петром I в 1721 году, после чего государство начинает быстро эволюционировать в сторону абсолютизма западного типа принявшего форму дворянской империи (Фроянов, 2015: 17).

В отличие от других империй, Российская, уверен И.Я., представляла собой компактное государство с относительно однородной системой власти. Понятие митрополии и колонии к ней не применимы. Чувство национальной исключительности всегда было чуждо русскому народу. Российская империя – уникальная форма бытия, не только русского, но и других народов России. «Россия, – пишет он, – не может и существовать в ином качестве, чем имперская держава. Она и сейчас продолжает быть империей, несмотря на искусственно отпавшие окраины. Дальнейший её распад будет означать конечную гибель исторической России, что повлечет за собой непредсказуемые последствия для её народов. Как нынешних, так и недавних, находящихся, так сказать, в свободном плавании» (Фроянов, 2015: 11).

Сам курс И.Я., или ранее, опубликованная первая часть его состоит из десяти лекций: «Древнейшие сведения о славянах. Восточные славяне VI–IX вв. Хозяйство, культура, социальная организация. Соседи восточных славян (Лекция 1); На путях к русской государственности (Лекция 2); От Олега до Святослава (Лекция 3); Эпоха Владимира (Лекция 4); Экономическое, социальное и политическое развитие Руси XI – начало XIII вв. (Лекция 5); Киевская волость XI-начало XIII вв. (Лекция 6); Великий Новгород XI – начало XIII вв. (Лекция 7); Ростово-Суздальская земля XI – начало XIII вв. (Лекция 8); Смоленская и Полоцкая земли-волости XI-начало XIII вв. (Лекция 9); Волынь и Галицкая земля в Древней Руси (Лекция 10).

Едва ли не основной вопрос содержания первых лекций И.Я. – время и обстоятельства формирования древнерусской государственности. У советских историков, исходивших из грековской концепции истории Древней Руси, как раннефеодального государства, с этим, как говорится, всё было просто. Образование феодального государства на Руси утверждал в начале 1970-х годов, признанный тогда авторитет в этой области академик Л.В. Черепнин, произошло в конце IX века (Черепнин, 1972: 145).

Недалеко ушли от него и авторы современного учебника (2010 год) для студентов-историков высших учебных заведений под руководством члена-корреспондента РАН Б.Н. Флори. Правда, «завершение формирования государства Русь» (автор соответствующего раздела проф. А.А. Горский) они относят уже к концу X столетия, но, как и у их предшественников – советских историков формируется это государство всё же, на «раннефеодальной», то есть классовой основе (История, 2010: 45).

И.Я. Фроянов же, исходя из своей теории о возможности доклассового формирования государства и его институтов, опирающейся, о чём уже шла речь, на достижения, как исторической (А.И. Неусыхин, А.Я. Гуревич), так и этнографической (Л.Е. Куббель и др.) науки, подходит к этой проблеме совсем с другой стороны.

Прежде, чем рассуждать о государстве, говорит он, следовало бы сначала определить его основные признаки. А их по И.Я. (здесь он ссылается на книгу Л.Е. Куббеля) (Куббель, 1988: 132) три: 1) наличие публичной власти; 2) налоги, являющиеся материальным обеспечением публичной власти; 3) размещение населения не по родственному, а по территориальному принципу. Сначала, похоже, завязывается публичная власть, а с ней, мало по малу, налаживается и система платежей на её содержание. Третий признак – размещение населения на соседских, территориальных началах – поздний и появляется последним. О полностью сложившемся, до конца сформировавшемся государстве можно говорить лишь тогда, когда все признаки имеются налицо. Но на историческую выработку всей совокупности признаков, подчеркивает И.Я., требуется время, исчисляемое не одной сотней лет. В нем заключена эпоха генезиса государства или, как это сейчас принято говорить, политогенеза; «у восточных славян она длилась не менее четырех столетий – с VI–X вв. включительно (Фроянов, 2015: 87-88).

Конкретное воплощение эти процессы нашли, показывает далее И.Я., в практике племенных союзов. Довольно простой организацией, отмечает И.Я., являлся союз родственных племён, складывавшийся по мере естественного роста населения, когда отдельное племя, состоявшее из нескольких родов, увеличиваясь количественно, сегментировалось на ряд племен, образующих племенную общность. Летописные поляне, древяне, дреговичи, словене, полочане – это и есть союзы родственных племён, то есть первичные союзы. Управление ими осуществлялось из племенных центров, где находились племенные власти – князья со своими дружинами и старейшины (старцы градские). Там же собиралось и общеплеменное собрание – вече, являвшееся верховным органом власти племенного союза (Фроянов, 2015: 88).

Парная семья, перерастающая в большую семью, род, племя, племенной союз – вот основные звенья социальной организации восточного славянства VIII–IX вв., по И.Я. Фроянову (Фроянов, 2015: 7).

Союзы родственных племён VIII–X вв. вполне укладываются, по мнению И.Я., в рамки родоплеменных отношений. Совсем другое дело – пришедшие им на смену межплеменные объединения вторичных союзов племён, соединивших как родственные, так и не родственные племенные группы, для функционирования которых требовалась уже и публичная власть и материальные средства для её содержания (Фроянов, 2015: 91).

Как раз, именно такого рода, крупные межплеменные союзы и складываются в IX в. в полянском Среднем Поднепровье и на словенском Северо-Западе. Огромную роль в их образовании, отмечает ученый, сыграло внешнее давление, повлекшее за собой настоятельную необходимость консолидации племён: в первом случае перед лицом хазарской угрозы, во втором – варяжских дружин с их конунгами (Фроянов, 2015: 94-95).

Споры, которые идут в современной исторической науке, относительно того, где всё-таки раньше возникла русская государственность – на Юге или на Севере, с точки зрения И.Я., не имеет большого смысла. «Повторяю, – говорит он, – мы имеем два отдельных очага русской государственности – в Среднем Поднепровье и в Поволховье. В рассматриваемое время государство в обоих регионах ещё не сложилось, поскольку отсутствовал его третий признак – размещение населения по территориальному принципу» (Фроянов, 2015: 102-103).

Мощный импульс государствообразующим процессом на Восточно-Европейской равнине дало во второй половине IX–X вв., так называемое призвание варягов в лице легендарного Рюрика с его братьями и дружиной.

Княжеская власть, становившаяся мало-помалу публичной, существовала в словенском обществе, – отмечает И.Я., – и до варягов. Но их приход, несомненно, дал новый толчок развитию публичности властным функциям князя, а стало быть – развитию Восточнославянского государства. На самом деле, – отмечает И.Я., – нам не так уж и важно доподлинно знать, откуда Рюрик был родом и какой этнической принадлежности, – Из Скандинавии или Южной Прибалтики, норманн (Клейн, 2009: 226) он или славянин (Сахаров, 2010: 109-111), о чем, уже много веков спорят наши историки.

Куда более существенно здесь, совсем другое: «Рюрик и всё его сопровождение должны были либо слиться с местным обществом, составив с ним единое целое, либо быть им отторгнутым и низвергнутым. Рюрик вместе со своими людьми избрал первое, поддавшись славянской ассимиляции. Недаром уже третий потомок Рюрика носил славянское имя Святослав. В общем, перед нами обычный эпизод из военно-политической истории древних народов, чрезмерно обросший ученой и околоченой литературой по причинам не столько научным, сколько бытовым, нравственным и политическим» (Фроянов, 2015: 139).

Уже в XVIII в., – отмечает И.Я., – споры между норманистами и их противниками являлись «в определённом смысле спором патриотов и антипатриотов, хотя в последнем случае провести четкую «демаркационную» линию между этими группами не представляется возможным» (Фроянов, 2015: 128). Что касается нашего времени, то для него, – отмечает И.Я., – характерно «превращение норманнской теории из национальной (российской) в интернациональную.

Что касается преемника легендарного Рюрика – князя Олега, то благодаря его удачному походу в 882 году на Киев, был запущен, – отмечает И.Я., – механизм объединения под его властью всего Восточного славянства в «единый всеобщий межплеменной союз, покрывший Восточно-Европейскую равнину» (Фроянов, 2015: 143).

Но говорить об образовании при Олеге «единого древнерусского государства в Киеве» (правильнее, быть может было бы сказать, Всевосточнославянского межплеменного союза) по И.Я. Фроянову, ещё рано, так как это «отнюдь не одновременный акт или момент, а длительный процесс, растянувшийся на целое столетие с конца IX по конец X века» (Фроянов, 2015: 147).

Тем не менее, в отличие от ряда своих предшественников – Б.А. Рыбаков (Рыбаков, 2014: 201), Л.Н. Гумилёв (Гумилев, 1989: 191), которые склонны были недооценивать Олега, как полководца и государственного деятеля, И.Я. Фроянов держится в этом вопросе прямо противоположного мнения.

«Князь Олег, – пишет он, – прославленный Нестером – летописцем и воспетый Пушкиным, но недостаточно оценённый нынешними историками, принадлежит к числу самых выдающихся деятелей русской истории, занимая в ней одно из самых почетных мест. То был первый в нашей истории правитель, вышедший за областные пределы и приобретший общерусское значение» (Фроянов, 2015: 156).

Связав свою судьбу с Киевом, с днепровской столицей Олег незамедлительно приступил к расширению сферы её влияния в восточнославянском мире, определив направление деятельности последующих киевских князей: Игоря, Святослава и Владимира». «Следовательно, – заключает ученый, – политика Олега являлась политикой исторической перспективы – черта, отличающая великого властителя от посредственности на престоле (Фроянов, 2015: 167)».

Преемник Олега – князь Игорь явно проигрывал как правитель по сравнению со своим предшественником и своей бездарной, – по заключению И.Я., – политикой, не только ослабил «межплеменные союзные узы славян восточной Европы», но и возбудил у ряда племён вражду и ненависть к себе (Фроянов, 2015: 172).

Довольно прохладно, вопреки традиционной точки зрения (Карпов, 2009: 6), оценивает И.Я. и правление «первой христианки» из правящей династии княгини Ольги, хотя и отмечает «стимулирующую роль её политики в становлении русской государственности» (Фроянов, 2015: 174).

Совсем другое дело – Святослав (964–972), в котором и опять–таки, вопреки, распространённой точки зрения на него, как князя–воина (Королев, 2011: 183-184) и идущей ещё со времён С.М.Соловьева общей недооценке его, как правителя (Соловьев, 1988: 161), И.Я. Фроянову удалось разглядеть ещё и «по–настоящему реального политика», человека с государственным мышлением, явно опережавшим своё время. Как внешняя, так и внутренняя политика Святослава Игоревича была связана, делает вывод И.Я. с тем что «князь был устремлён в будущее, а «кияне», опутанные традиционными обычаями и нравами тянули его назад. Это противоречие могло разрешиться лишь одним – гибелью Святослава» (Фроянов, 2015: 189).

Историческая заслуга Святослава перед Россией состоит, по мнению И.Я., в том, что «он первым из её властителей пытался осуществить на практике русскую имперскую идею. Потерпев неудачу, Святослав завещал эту идею потомкам. И дело его, как показала история, не пропало даром» (Фроянов, 2015: 189). Коснувшись, в связи с этим, нелестной оценки, которую даёт Святославу, как государственному деятелю Л.Н. Гумилёв («Если бы Святослав восторжествовал, он превратил бы Киев в базу разбойничьих набегов») (Гумилев, 1991: 49), И.Я. замечает, что она глубоко не справедлива и далека от исторической действительности.

«Князь Святослав, – говорит он, – по моему глубокому убеждению, входит в первую когорту выдающихся деятелей русской истории. С гибелью Святослава, заканчивает свой рассказ о его княжении И.Я., «завершается период внешней экспансии Руси, начатой князем Олегом. Замирают попытки создания Русской империи, конкурирующей с Ромейской империей. Русь вступает в стадию внутреннего сосредоточения...» (Фроянов, 2015: 193).

С большим интересом воспринимается в свете концепции И.Я. Фроянова текст его лекции, посвящённой эпохе Владимира Святославича: династическая борьба этого времени, языческая реформа князя, время и обстоятельства крещения Руси, формирование древнерусской народности и «окончательное», как подчеркивает учёный (Фроянов, 2015: 260), «образование» или «сложение» в начале XI века Древнерусского государства.

И дело тут не только в появлении в это время третьего и последнего, по И.Я. Фроянову, признака государства – территориальное размещение населения (Фроянов, 2015: 260), но ещё и в глубоких переменах, охвативших все стороны общества: экономическую, социальную, политическую, религиозную и т.п., что позволило И.Я. охарактеризовать его, как «переломное» (Фроянов, 2015: 261).

Важное место в лекциях И.Я. Фроянова принадлежит его общему обзору (лекция 5) экономического, социального и политического развития Руси XI – начало XIII вв., что позволило ему избежать практически неизбежного в противном случае повторения этих сюжетов при изложении им истории её отдельных волостей.

Сегодня, отмечает здесь И.Я., уже никто не сомневается, что основу экономики Руси этого времени составляло сельское хозяйство, ведущую роль в котором играло земледелие. Отметив достижения в этом плане историков и археологов, И.Я. Фроянов останавливается далее на состоянии

ремесленного производства и торговли в древнерусских землях, устанавливает социальную природу древнерусской вотчины, определяя её как сложную, основанную на несвободном и полусвободном труде, характеризует основные категории, как зависимого, так и свободного населения, а так же положение и общественную роль боярства на Руси XI–XIII вв. (Фроянов, 2015: 300–301).

Привлекают внимание и соображения И.Я. о том, что вопреки мнению Б.Д. Грекова и других историков (М.Б. Свердлов, Я.Н. Щапов), что господствующей формой семейной организации в XI–XII вв. на Руси была всё же не малая, индивидуальная семья, а семья большая, вместе с семьёй неразделённой. Что касается маленьких семей, то они получили преимущественное распространение у бояр, князей, ремесленного и торгового люда, а также среди отдельных категорий зависимого населения (холопы и смерды) (Фроянов, 2015: 287).

Завершается лекция анализом И.Я. роли, которую играли в жизни Руси XI – начала XIII вв. князь и вече. Вече в Древней Руси, говорит И.Я., мы встречаем повсюду. Причина тому – единообразие хозяйственного, социально-экономического и социально-политического строя Руси XI–XIII вв. (Фроянов, 2015: 357). Подлинными хозяевами на вече были народные массы.

Что касается князя, то по мере постепенного развития древнерусского общества его функции непрерывно расширялись. «И всё же, – говорит И.Я., – князь в Киевской Руси не стал подлинным государем, монархом наподобие тогдашних королей Западной Европы. Этому препятствовала самостоятельность народных общин <...> Я бы даже назвал князя в определённом смысле общинным чиновником, олицетворяющим преимущественно высшую исполнительную власть» (Фроянов, 2015: 293).

Разумеется, И.Я. Фроянов не отрицает того бесспорного факта, что уже изначально княжеская власть содержала в себе и монархические свойства, но они находились, подчёркивает он, пока в латентном, скрытом качестве. В Древней Руси подходящих условий для их раскрытия не было (Фроянов, 2015: 294).

Едва киевские князья успели завершить во второй половине X века дело формирования Восточнославянского межплеменного союза (Киевская Русь), как ясно обозначились, замечает И.Я., признаки его грядущего распада. Впрочем, признаёт он, никакого единого государства под таким названием в реальности никогда не было, ни до, ни после эпохи Ярослава Мудрого, ни тем более, в самую эту эпоху. «Имел место лоскутный восточнославянский межплеменной союз во главе с Киевом, в котором поляне, древляне, радимичи, вятичи, словене и прочие племена жили согласно своим законам, обычаям и преданиям отцов <...>. Ко времени Ярослава данный союз стал достоянием прошлого. Вместо него на всём пространстве восточнославянского мира шёл <...> процесс образования общинно–территориальных городских волостей – городов-государств, изначально взявших курс на независимость и суверенитет» (Фроянов, 2015: 396).

Современные историки (Котляр, 1998: 443) причины распада древнерусского государства склонны объяснять «слишком далеко зашедшей феодализацией страны и рождёнными ею местным сепаратизмом и боярским эгоизмом». И.Я. решительно не согласен с этим. Дело тут, по его мнению, совсем в другом – разложении родоплеменного строя и переходе общества от кровнородственных отношений к отношениям соседским, территориальным. «Объединения родственных племён (поляне, словене, кривичи и пр.) уступали место союзам общин (кияне, новгородцы, смольняне и пр.), образующих земли-волости, состоящие из главного (старейшего) города, подвластных ему пригородов и прилегающих к тому и другим сельским территориям. Как правило города, бывшие ранее племенными центрами, эволюционировали в волостные центры» (Фроянов, 2015: 757).

Нет оснований, – ещё раз предупреждает И.Я., – выдавать города-государства на Руси XI–XIII вв., как это, по старой, ещё с советских времён идущей привычке, делают наши историки (Кобрин, 2000: 65), за некие средневековые монархии или государственные образования феодального характера. Перед нами, подчёркивает он, «республики, вышедшие из недр славяно-русской общинной цивилизации, причём республики отнюдь не аристократические (боярские), а народные. Они поднялись на обломках архаической формации вследствие перехода восточнославянского общества от родоплеменных связей к территориально-общинным отношениям, возникающим на доклассовой основе» (Фроянов, 2015: 369).

Первой в ряду этих городов-государств идёт в лекционном курсе И.Я. Киевская волость X – начала XIII вв. (лекция 6). Собственно, сам Киев, отмечает И.Я., только условно можно рассматривать как столицу восточнославянского суперсоюза, существовавшего с конца IX по конец X – начало XI вв. В XII веке, когда Русь уже состояла из полутора десятков отдельных самостоятельных земель и волостей, он такой роли уже не играл, хотя и удерживал за собой роль сакрализованного, по определению И.Я., первородства, запечатлённого формулой «мати городов русских» и актуального на протяжении всего периода русской истории до татаро-монгольского нашествия. Кроме того, он являлся историческим средоточием Руси, носителем общественных традиций, цивилизационных достижений и воплощением старины, столь ценимой нашими предками. В этом плане Киев для других городов Руси служил эталоном, желанным образцом. Именно здесь заключён, прежде всего, секрет его неувядаемости и привлекательности для современников (Фроянов, 2015: 618).

Со смертью в 993 году в Киеве Всеволода Ярославича завершилась, по И.Я. Фроянову, эпоха Ярослава Мудрого и установленный им политический порядок стал рассыпаться буквально на глазах. Остановить этот процесс, оказалось не под силу даже такому крупному политику, как Владимир

Всеволодович Мономах (1113–1125), реформы которого И.Я. оценивает необычайно высоко, а самого князя ставит «в ряд выдающихся законотворцев, известных мировой истории» (Фроянов, 2015: 442).

В основе лекции И.Я. о Великом Новгороде его предшествующая монография «Мятежный Новгород» 1992 года, о которой у нас уже шла речь. Изгнание в 1136 году новгородцами князя Всеволода Мстиславича ликвидировало в основном остатки власти Киева над Новгородом. Перестав быть креатурой киевских правителей, новгородский князь, отмечает И.Я., становится местной властью, зависимой, прежде всего от веча. С этого времени отпадает необходимость «вскармливания» и пожизненного правления князей в Новгороде, что приводит к более частой их смене. Однако говорить о падении роли княжеской власти в Новгороде после 1136 года, не приходится (Фроянов, 2015: 537).

Оказавшись, в результате раздела между сыновьями Ярослава Мудрого, в руках Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха, Ростово-Суздальская земля в силу географического положения и притока населения как с юга, так и с северо-запада Руси (Новгород) переживала, в XII веке экономический подъём, чем, собственно, и воспользовался княживший здесь один из сыновей Владимира Мономаха Юрий Долгорукий (1125–1157), захвативший в 1155 году Киев и через два года там умерший. Что касается его преемника Андрея Юрьевича Боголюбского, то, как отмечает И.Я., приписывать ему решение неких задач «централизующего порядка», что было характерно для советской историографии (Воронин, 2007: 233-234, 235), у нас нет оснований. «Не стоит забывать, что источником “самовластия” (единовластия) этого князя была воля вечевых общин Ростова и Суздаля, озабоченных сохранением территориальной целостности Ростово-Суздальской волости и своего положения в ней» (Фроянов, 2015: 597).

Критически относится И.Я. и к изображению в ряде трудов наших историков Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176–1212) как простого продолжателя дела Андрея Боголюбского, трагическая смерть и яркие черты личности которого привели к тому, что в исторической литературе он выступает как деятель, заслонивший своего младшего брата. А между тем как политическая фигура Всеволод Юрьевич, показывает И.Я. Фроянов, стоит, несомненно, выше Андрея (Фроянов, 2015: 719).

Ожесточённые межобщинные и межкняжеские усобицы, развернувшиеся во второй половине XII века на Северо-Западе Руси (Полоцкая и Смоленская земли) привели, как показывает И.Я. Фроянов (лекция 9) (Фроянов, 2015: 752–892), что уже в XIV веке они стали сравнительно лёгкой добычей враждебной им Литвы.

По схожему сценарию развивались события и в Юго-Западной окраине Руси – Галицко-Волынской земле. Особое внимание И.Я. здесь привлекли трагические события, относящиеся к первым десятилетиям XIII века, связанные с княжением здесь такого выдающегося деятеля древнерусской истории, как Даниил Романович Галицкий. Его отец, Роман Мстиславич, отмечает И.Я., был талантливым государственным деятелем, и его неожиданная смерть в 1205 году стала большой потерей для Галицко-Волынского княжества: ведь его сыну и наследнику было всего 4 года. Вспыхнувшие в связи с этим усобицы привели к фактическому раздроблению Галицко-Волынской земли, и только к концу 1240-х гг. Даниилу Романовичу удалось подавить боярскую оппозицию и прочно утвердиться на княжеском столе.

Характерная особенность современной историографии Галицко-Волынской Руси – неумеренное восхваление могущества этой, второй после Киева «украинской державе» и её князей. На внутреннюю слабость «Галицко-Волынского королевства», а уж тем более на его глубокую провинциальность, о чем писал в своё время А.Е. Пресняков (Пресняков, 1999: 56), современные украинские историки, да и русские (Майоров, 2011) тоже, стараются, как правило, должного внимания не обращать. Лекция И.Я. Фроянова о Галицко-Волынской земле XI–XIII веков в этом плане, едва ли не счастливое исключение.

Обращение к событийному ряду в Галицко-Волынской земле первых десятилетий XIII века свидетельствует, делает принципиальный вывод И.Я. Фроянов, о начавшемся повороте Юго-Западной Руси в сторону Запада. Однако виновником этого поворота был не Даниил, как думает Д.М. Володихин (Володихин, 2013: 113), а галицкое боярство. «Движущей силой этого поворота, – отмечает он, – является, обладавшая огромными материальными и финансовыми ресурсами галицкая знать, которая потянула за собой определённую часть простых галичан, расколов местное общество и тем самым ослабив его. Татаро-монгольское нашествие здесь имело вторичное значение, будучи как бы катализатором, ускорившим уже идущий процесс» (Фроянов, 2015: 1038).

Трагедия Даниила Галицкого, считает И.Я., была в том, что он так и не сумел, несмотря на все свои старания, искоренить западнические настроения галицко-волыньских бояр и их клиентулы и, в конечном счёте, «вынужден был пойти на сближение с Западом, приняв королевскую корону и совершив церковную унию» (Фроянов, 2015: 1038–1039).

К сожалению, И.Я. Фроянов отказался от ссылок на источники и литературу, которые он использовал, что лишает читателя возможности непосредственного обращения к ним. Конечно же, для университетского курса это, быть может, и лишнее. Но с другой стороны есть опасение, что и как учебное пособие «Лекции» И.Я. Фроянова из-за своего большого объёма (свыше 1000 стр.) могут

отпугнуть значительную часть из тех, кому они, собственно, и адресованы – студентам и аспирантам исторических факультетов российских университетов.

С этой точки зрения нельзя не отметить и не всегда оправданное увлечение автора историографическими сюжетами. Спору нет: знать об историографической судьбе норманнской теории студентам, конечно же, надо, но целых 23 страницы, посвященные её изложению – это уже, чересчур. Не помешали бы, в качестве приложения к лекциям и хронологические таблицы к ним с датами важнейших событий истории Киевской Руси. Но всё это – частности.

Как уже отмечалось, опубликованные лекции И.Я. Фроянова – это только первая часть его университетского курса. Вторая часть (середина XIII – начало XVI вв.) ещё только готовится к печати. Но уже сейчас, при знакомстве только с первой её частью, видно, что «Лекциям» И.Я. Фроянова суждено стать крупным событием в исторической науке.

И по богатству исторического материала, и по тщательности и глубине его анализа, и по мастерству изложения они вполне могут быть поставлены в один ряд с лекциями таких выдающихся классиков русской историографии как В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, М.К. Любавский и А.Е. Пресняков.

Литература

- Володихин, 2013 – Володихин Д.М. Рюриковичи. М.: Молодая гвардия, 2013. 482 с.
 Воронин, 2007 – Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский. М.: Водолей-Publishes, 2007. 317 с.
 Гумилев, 1989 – Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Экспрос, Мысль, 1989. 764 с.
 Гумилев, 1992 – Гумилёв Л.Н. От Руси до России. СПб.: Юна, 1992. 268 с.
 История, 2010 – История России с древнейших времен до конца 18 в. Под редакцией член-корр. РАН Б.Н. Флори. М.: Изд-во МГУ, 2010. 544 с.
 Клейн, 2009 – Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 395 с.
 Кобрин, 2000 – Кобрин В.Г. Удельный период // История России с древнейших времён до 1861 года. Под ред. Н.И.
 Карпов, 2009 – Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2009. 376 с.
 Королёв, 2011 – Королёв А.С. Святослав. М.: Молодая гвардия, 2011. 351 с.
 Котляр, 1998 – Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб.: Алетейя, 1998. 443 с.
 Куббель, 1988 – Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 276 с.
 Майоров, 2011 – Майоров А.В. Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII веков. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. 798 с.
 Мягков, 2008 – Мягков Г.П. «Школа профессора И.Я. Фроянова в Удмуртии»: диалектика формирования регионального научного сообщества // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск. Изд-во «Удмуртский университет», 2008. С. 372-380.
 Пресняков, 1938 – Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т 1. Киевская Русь. М.: Соцэк, 1938. VI, 282 с.
 Пресняков, 1999 – Пресняков А.Е. Упадок Киева и исторический путь Украины // Родина. 1999. №8. С. 53-57.
 Рыбаков, 2014 – Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Академический проект, 2014. 622 с.
 Сахаров, 2010 – Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьба российской государственности // Изгнание норманнов из русской истории. М.: НП ИД, «Русская панорама», 2010. С. 109-111.
 Соловьёв, 1988 – Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т.1–2. М.: Мысль, 1988. 797 с.
 Фроянов, 2015 – Фроянов И.Я. Лекция по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.
 Черепнин, 1972 – Черепнин Л.В. Русь. Спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972. С. 126-187.

References

- Volodikhin, 2013 – Volodikhin D.M. Rurikovichi [Rurik]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2013. 482 p. (In Russian)
 Voronin, 2007 – Voronin N.N. Andrei Bogolyubskii [Andrey Bogolyubsky]. Moscow, Vodolei-Publishes, 2007. 317 p. (In Russian)
 Gumilev, 1989 – Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i Velikaya step' [Ancient Rus and the Great Steppe]. Moscow, Ekopros, Mysl', 1989. 764 p. (In Russian)
 Gumilev, 1992 – Gumilev L. N. Ot Rusi do Rossii [From Rus to Russia]. St. Petersburg, Yuna, 1992. 268 p. (In Russian)
 Istoriya, 2010 – Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa 18 v. [History of Russia from ancient times to the late 18th century]. Pod redaktsiei chlena-korr. RAN B.N. Flori. Moscow, Izd-vo MGU, 2010. 544 p. (In Russian)
 Klein, 2009 – Klein L.S. Spor o varyagakh. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [Dispute about the Vikings. The background and arguments of the parties]. St. Petersburg, Evraziya, 2009. 395 p. (In Russian)

- Kobrin, 2000** – *Kobrin V.G.* Udel'nyi period [The udel period]. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do 1861 goda [History of Russia from ancient times to 1861]. Pod red. N.I. Pavlenko. Izd. 2-e. Moscow, Vysshaya shkola, 2000. pp. 61-93. (In Russian)
- Karpov, 2009** – *Karpov A.Yu.* Knyaginya Ol'ga [Princess Olga]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2009. 376 p. (In Russian)
- Korolev, 2011** – *Korolev A.S.* Svyatoslav. Moscow, Molodaya gvardiya, 2011. 351 p. (In Russian)
- Kotlyar, 1998** – *Kotlyar N.F.* Drevnerusskaya gosudarstvennost' [The Old Russian statehood]. St. Petersburg, Aleteiya, 1998. 443 p. (In Russian)
- Kubbel, 1988** – *Kubbel L.E.* Ocherki potestarno–politicheskoi etnografii [Essays on the potestarian political ethnography]. Moscow, Nauka, 1988. 276 p. (In Russian)
- Maiorov, 2011** – *Maiorov A.V.* Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa. Iz istorii vneshnepoliticheskikh i kul'turnykh svyazei XII–XIII vekov [Byzantium and Western Europe. From the history of foreign policy and cultural relations XII–XIII centuries]. St. Petersburg, «Dmitrii Bulanin», 2011. 798 p. (In Russian)
- Myagkov, 2008** – *Myagkov G.P.* «Shkola professora I.Ya. Froyanova v Udmurtii»: dialektika formirovaniya regional'nogo nauchnogo soobshchestva [The school by professor I.Y. Froyanov in Udmurtia: the dialectic of formation of the regional scientific community]. Rossiya i Udmurtiya: istoriya i sovremennost' [Russia and Udmurtia]. Izhevsk. Izd-vo «Udmurtskii universitet», 2008. pp. 372-380. (In Russian)
- Presnyakov, 1938** – *Presnyakov A.E.* Lektsii po russkoi istorii [Lectures on Russian history]. Vol. 1. Kievskaya Rus' [Kievan Rus]. Moscow, Sotsek, 1938. VI, 282 p. (In Russian)
- Presnyakov, 1999** – *Presnyakov A.E.* Upadok Kieva i istoricheskii put' Ukrainy [The decline and historical path of Ukraine]. Rodina [Homeland]. 1999. Nr. 8. pp. 53-57. (In Russian)
- Rybakov, 2014** – *Rybakov B.A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva KhII – KhIII vv. [Kievan Rus and the Russian principalities XII – XIII centuries]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2014. 622 p.
- Sakharov, 2010** – *Sakharov A.N.* Ryurik, varyagi i sud'ba rossiiskoi gosudarstvennosti [Rurik, the Vikings and the fate of Russian statehood]. Izgnanie normannov iz russkoi istorii [The expulsion of the Normans from Russian history]. Moscow, NP ID, «Russkaya panorama», 2010. pp. 109-111. (In Russian)
- Soloviev, 1988** – *Soloviev S.M.* Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [History of Russia From Ancient Times]. Vol.1-2. Moscow, Mysl', 1988. 797 p. (In Russian)
- Froyanov, 2015** – *Froyanov I.Y.* Lektsiya po russkoi istorii. Kievskaya Rus' [Lectures on Russian History. Kievan Rus]. St. Petersburg, Russkaya kolleksiya, 2015. 1048 p. (In Russian)
- Cherepnin, 1972** – *Cherepnin L.V.* Rus'. Spornye voprosy feodal'noi zemel'noi sobstvennosti v IX–XV vv. [Rus. Controversial issues of feudal land ownership in the IX–XV centuries]. Puti razvitiya feodalizma [The ways of development of feudalism]. Moscow, Nauka, 1972. pp. 126-187. (In Russian)

УДК 94

Рецензия на: Фроянов И.Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: «Русская коллекция». 2015. 1048 с.

Виктор Степанович Брачев^{a, *}, Матвей Федорович Полынов^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В центре внимания авторов опубликованная в 2015 г. первая часть лекционного курса по русской истории профессора Санкт-Петербургского университета И.Я. Фроянова, посвящённая истории Киевской Руси. Как историк он известен, прежде всего, своей концепцией доклассового происхождения и общинно-вечевого строя Древнерусского государства (Восточнославянский межплеменной союз конца X–XI вв.). Вопреки мнению большинства отечественных историков ни о какой «раннефеодальной монархии» на Руси в IX–X вв., как показывает в «Лекциях» И.Я. Фроянов, не может быть и речи. Восточнославянский межплеменной союз X–XI вв. (Киевская Русь) с идущими ему на смену самостоятельными землями-волостями (городами–государствами Древней Руси) – вот, по мнению учёного, магистральный путь или схема развития древнерусской государственности. Ее и положил И.Я. Фроянов в основу своих «Лекций». Значение их в этом плане трудно переоценить: из всего написанного И.Я. Фрояновым по истории Киевской Руси, вряд ли найдётся работа, где бы его концепция нашла такое подробное и аргументированное изложение

Ключевые слова: Киевская Русь, Древняя Русь, города-государства Древней Руси, концепция И.Я. Фроянова, феодальные отношения в Древней Руси.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.brachev@spbu.ru (В.С. Брачев), m.polynov@spbu.ru (М.Ф. Полынов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 540-546, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 37.01 (091)

A Book on Bulgarian High Schools History

Asen N. Kozhukharov ^{a, *}^a Nikola Vaptsarov Naval Academy, Varna, Bulgaria

Abstract

The article presents the book about the secondary education in Bulgaria during the period from the Bulgarian revival up to 1944, where the focus is on the government policy regarding the secondary education and the legislation of the secondary school as a part of the education system. The body of the book is supported with statistical data. There are three periods outlined within the development – the first one covers the time till the Liberation, from the Liberation until 1909 while the third one is from 1909 to 1944. The second period is characterized by a strive towards the leveling of the male and female secondary schools and their consolidation as a ground for higher education. During the third period the high school takes after the European one, it develops steadily and the short and ineffective changes do not bear any influence on the gradual expansion of the web of high schools (full – male, female, mixed or semigymnasium, with a real, half-classical or classical curriculum).

Keywords: Bulgarian secondary education, 1878–1844, education system, education policy, classical high school, Russian influence, half-classical curriculum.

1. Введение

История гимназического образования Болгарии вызывает систематический интерес в прошлом, о чем свидетельствуют как многочисленные юбилейные издания в период между мировыми войнами (Димитров, 1933: 31–35; Исторически, 1934: 13–32), так и современные исследования (Georgiev, 2014: 64-71; Карагьозова, 2008: 196–206). Несмотря на это до сих пор не было опубликовано ни одно обобщающее научное произведение, посвященное истории гимназий времен Третьего болгарского царства. Парадоксальность сложившейся ситуации еще рельефнее можно оценить, если обратить внимание на нарастающий спрос на результаты такого масштабного системного исследования и соответственно книги, о чем свидетельствуют вышедшие из печати, уже в наш век, справочники (Попов, 2001) и учебники (Радев, Александрова, 2015) об истории болгарского образования.

Сегодня можно говорить о том, что данная проблема уже решена Мариной Пиронковой (доцент истории образования Софийского университета им. Климента Охридского). Ее монография (Пиронкова, 2015: 144), которая вышла из печати в 2015 году, является продуктом многолетнего исследования, некоторые фрагменты которого были опубликованы в научной периодике. Обычно это проходит по мере прохождения этапов системного анализа и как правило структура будущей книги публикуется серией научных статей и сообщений в журналах (Еременко, Кокарев, 2014: 146–154). Новая монография Пиронковой подтверждает эту закономерность, но следует подчеркнуть, что в фундамент монографии заложены не несколько последовательно опубликованных статей и сообщений, а одна обширная статья, опубликованная в журнале «Историческо бъдеще» (Пиронкова, 2013: 37-58). Успех статьи очевидно убедил автора расширить исследование, включая расширение хронологических границ исследования; конечный результат впечатляет не только основным текстом, но и своими приложениями. Они свидетельствуют о работе автора с архивными фондами и об его познании нормативно-правовой базы образования времен болгарской монархии.

* Corresponding author

E-mail addresses: robert77@naval-acad.bg (A.N. Kozhukharov)

В монографии автор ставит себе целью не только реконструировать болгарскую гимназическую систему, но и выстроить периодизацию истории болгарской гимназии с момента ее появления на территории Османской империи во время болгарского Возрождения до 1944 г. При этом Марина Пиронкова использует такую модель исследования, которая позволяет реконструировать отдельные этапы развития болгарских гимназий и эффективно установить связи, повторения и различия их аналогов за рубежом. Таким образом в книге получили освещение вопросы политики Министерства просвещения, нормативный регламент и управление учебных заведений, которые формируют образ среднего образования и соответственно отношение общества к нему. Прослеживается и реальное состояние гимназий на каждом этапе, при чем анализируются проблемы их материальной базы, включая и состояние фонда учебных зданий. Другой аспект – это обследование учительского состава, которое связано с обработкой статистических данных совокупности гимназических учителей с акцентом на их квалификацию. Пиронкова отмечает хроническую нехватку учителей – нехватку, которая остается актуальной во все исследуемые ей периоды истории гимназии. Так же в книге обследуется и масса учеников: их общее количество, динамика увеличения численности учеников в болгарских гимназиях, успеваемость и количество стипендиатов Министерства просвещения.

2. Состав монографии

В соответствии с решением задачи по выстраиванию периодизации истории болгарской гимназии, книга состоит из трех глав.

Первая глава является обширным введением, без которого трудно осмыслить проблематику гимназического образования XIX в. В этой части книги рассматриваются два аспекта:

- европейский контекст гимназического образования;
- болгарская гимназия с XIX в. до освобождения от турецкой зависимости, т.е. охватывает период позднего болгарского Возрождения.

Автор систематизировал и обобщил многочисленные исследования по проблеме, при чем проследил возникновение гимназий в Европе, выявил различия и общие принципы устройства гимназий развитых государств и на этой основе вывел типологизацию гимназий XIX в. Во второй части первой главы автор описал какое конкретно приложение имели принципы устройства европейских гимназий к болгарским условиям до 1877 г. Марина Пиронкова систематизировала и обобщила результаты известных исследований (Димитров, 1987; Възвъзова, 1975: 263), при чем естественно что в центре ее внимания оказались самые известные учебные заведения, а именно Габровская (Априловская, по имени ее основателя Василия Априлова) гимназия и Пловдивское епархиальное училище им. Св. Кирилла и Мефодия. Последнее еще называли Пловдивской семинарией. Пловдивское училище развернулось в полную шестиклассную гимназию еще в начале 1870-х гг. Однако желание сохранить независимость училища от турецкой власти привело к той ситуации, когда его определили как семинарию. Всущности оно было гимназией, в которой наподобии учебных заведений других стран, изучалась и религия. Логическое объяснение разных, не совсем понятных, с современной точки зрения, странностей, включая и вышеуказанную хитрость, и добротный анализ содержания учебных планов и программ, калоритно описывают характер болгарского гимназического образования данной эпохи. Автор также исследовал «девичьи классные училища», которые являлись предвестником гимназии для девиц в Болгарии и сопоставил их устройство с мужскими гимназиями. В результате были проанализированы учебные планы, а также и идеи, которые в те времена противостояли друг другу в организации и проведении учебного процесса. Дело в том, что болгарское образование испытало на себе два весьма ощутимых зарубежных влияния: греческое и русское. Следует отметить, что Пиронкова установила не только формы этого влияния, но и результат, когда в итоге русская гимназическая система взяла верх над греческой. И причина не только в победе Российской империи в Освободительной войне (1877–1878 гг.), но и в том, что учителей из среды русских в болгарском образовании оказалось намного больше и они были более активными в деле продвижения своих идей, чем их коллеги, с дипломами Афинского университета. Примечательно, что последние не исчезли полностью в болгарской гимназии после 1878 г.; их влияние чувствовалось почти до начала Балканских войн в 1912 г. (Tanchev 2012: 175-192). Многочисленность русских воспитанников объясняется просвещенческой политикой Российской империи на Балканах с времен конца Крымской войны (1853–1856 гг.). Отдельно в этой части книги рассматриваются фрагменты истории Болградской гимназии (теперь это современная гимназия им. Георгия С. Раковского, г. Болград, Украина), независимо от того, что она не находилась на территории современной Болгарии. Автор оценил роль этой гимназии в становлении болгарской системы образования. Вместе с этим Пиронкова отмечает, что на территории Болградского училища имело место и другое противоборство, на этот раз с румынской школьной администрацией, с которой болгарской, по своему духу, гимназии приходилось отстаивать свою национальную единичность.

Во Второй главе исследована история болгарской гимназия в период с 1878 по 1909 гг. Это исключительно трудный и противоречивый период в развитии болгарской государственности. Он насыщен крупными политическими событиями, какими были объединение Княжества Болгария с Восточной Румелией и Сербско-болгарская война (1885), разрыв дипломатических отношений с

Российской империей (1886 г.), Ильинден-преображенское восстание в Македонии (1903 г.), Университетский кризис (1907 г.), объявление независимости страны (в 1908 г., до этого страна была автономным княжеством в пределах Оттоманской империи) и другие затруднения, с которыми приходилось сталкиваться правительству в Софии. А все это имело свое отражение на дело образования в целом, и на гимназию в частности. Весьма удобно с точки зрения лучшей систематизации изложения и соответственно понимания специфики политики в образовании. Эта часть книги разделена на два параграфа:

Закладка фундамента (1878–1891)

Развитие и проблемы (1891–1909)

В начале главы в параграфе 2.1 «Закладка фундамента» автор освещает свод законов Княжества Болгария и соответственно Восточной Румелии (эти болгарские автономные государственные формирования существовали в пределах Оттоманской империи), трудности по восстановлению сети гимназий в стране, проблемы с нехваткой учителей, отсутствие подходящих школьных зданий и недостаточное финансирование, которое прослеживается на фоне повышенного спроса населения к данной образовательной услуге. В книге достаточно подробно описаны интеграционные процессы в гимназическом образовании после акта Соединения Княжества Болгария с Восточной Румелией (1885 г.). Весьма показательны и выводы о качестве образования, поскольку гимназия в те времена была призвана не только увеличить кадры администрации молодого государства, но и подготовить будущих болгарских стипендиатов в зарубежных университетах. Автор дал оценку болгарским обладателям аттестата зрелости по результатам их обучения в университетах Европы, включая и в Российской империи. Границей между двумя полупериодами стал важный нормативный акт уже соединенного княжества. Первый закон, в котором была регламентирована деятельность гимназии в болгарской образовательной системе, стал закон «О народном просвещении», датированный 1891 годом. До его принятия гимназии развивались и функционировали на базе инструкций и других подзаконовых актов, а также на основании распоряжений Министерства народного просвещения (Пиронкова, 2015: 64).

Для управляющей Народнолиберальной партии развитие гимназической системы образования являлось главным направлением в деле модернизации княжества. Политические противники либералов, которые пришли к власти после падения правительства Стефана Стамболова в 1894 г., также твердо удерживали этот курс с не менее успешными законодательными инициативами. Так, например, согласно «Закона о среднем девичьем образовании» произошло приравнение девичьего гимназического образования к мужскому. Его предложил парламенту в 1896 г. министр Константин Величков от правительства Народной партии (Пиронкова, 2015: 67). Несмотря на противоречия в это время произошло резкое увеличение количества гимназий в стране. Если в 1878 г. их было только две (при чем из них ни одной девичьей), то в 1902/1903 г. «полных гимназий» в составе системы Министерства просвещения было уже 16 (семь девичих и девять мужских, не считая Военную гимназию, которая находилась под управлением Военного министерства). Автор отмечает, что повысилось и качество обучения, если изучить результаты обучения болгар в зарубежных университетах. Есть и еще один важный аргумент, который объясняет расцвет гимназий в княжестве, поскольку с 1894 г. оно вновь находилось в союзных отношениях с Российской империей, а с 1902 г. началась подготовка к войне с Турцией. Налаженные союзные отношения способствовали усвоению идей российского образования на рубеже XIX и XX столетий. В частности считалось уже нормой, что офицер армии и флота в обязательном порядке должен иметь аттестат гимназии. Аттестат средних технических училищ считался неполноценным и их обладателям не присваивали чины офицеров запаса. И все это проходило по плану наращивания офицерского корпуса и его запасного контингента. Логично, что это дало мощный толчок в развитии гимназического образования в княжестве. Кроме того следует добавить, что основная масса стипендиатов болгарского Военного министерства за рубежом училась в военных училищах Российской империи (Танчев, 2013: 34). В то же время оказалось, что молодых людей, хорошо знающих русский язык, в Княжестве весьма недостаточно. Это можно объяснить тем фактом, что первоначально в болгарских гимназиях русский язык не являлся обязательным предметом. Вот почему в 1900 г. под эгидой Военного ведомства была основана Военная гимназия. В ней упор был сделан на изучение русского языка и на российские образовательные стандарты, оценки гимназистам ставились по 12-бальной российской системе. Таким образом Военная гимназия превратилась в эффективный инструмент подготовки будущих воспитанников российских военных учебных заведений.

В основном автор обратил внимание на гимназии, которые находились под управлением Министерства просвещения. При этом по данным статистики хорошо прослеживаются основные результаты. Статистика обобщена в таблицах об успеваемости болгарских гимназистов, о количестве стипендиатов, об образовательном цензе учителей и также об их нехватке в разные учебные годы. Эти данные свидетельствуют не только о динамичном развитии гимназий в Княжестве, но и о трудностях, которые до 1909 г. приходилось администрациям преодолевать в удержании политической линии правительства в сфере образования.

В Третьей главе рассматривается период с 1909 г. по 1944 г. В 1909 г. был принят «Закон о народном просвещении». Этот Закон был принят спустя год после объявления Болгарией своей

независимости, в результате этого возникло Болгарское царство. В проект «Закона о народном просвещении» были внесены многочисленные поправки. Поправки в законопроект вносил министр Никола Мушанов (представитель Демократической партии), причем до этого он организовал опрос учителей и подверг свои идеи широкому обсуждению в профсоюзах и в печати. Фактически этот закон эффективно действовал до осени 1944 г., а отдельные положения продолжали иметь силу даже после ликвидации института болгарской монархии (1946 г.).

Закон весьма подробно исследован в начале первого параграфа последней главы: «Гимназия европейской модели (1909–1921)», причем автор сопоставил содержание статей закона с последствиями их применения. В результате его действия в Болгарии установилось практика, характерная для России и Европы, по которой гимназии делились на три типа: классическая (с изучением латинского и греческого языков), полуклассическая (с изучением только латинского языка) и реальная (без изучения латинского и греческого языков). Учебный план девичьей гимназии был характерен наличием только реального и полуклассического типа обучения.

В указанных хронологических границах в истории Болгарии прошла череда войн: Первая и Вторая Балканские войны (1912–1913 гг.), Первая мировая война (1915–1918 гг.). Учителя гимназий оказались на фронте, училища были преоборудованы под мобилизационные пункты, а за тем часть из них стали армейскими госпиталями. Долгожданный мир после Первой мировой войны тоже не положил конец неурядицам в учебном процессе болгарских гимназий. Многие учителя не вернулись с фронта. Это обстоятельство объясняет возникшую в 1919 г. нехватку квалифицированных преподавателей, включая и гимназических.

После подписания Неййского мирного договора (1919 г.) имели место ряд реформ управляющей Болгарской земледельческой народной партии, которые были направлены на сокращение количества гимназий и расширения сети профессионального образования (техникумов). Однако все крупные перемены в образовании были возможны только в 1921 г. после демобилизации, ликвидации военной авиации и расформирования Флота Его Величества (официального названия ВМФ Болгарии в то время). Вооруженные силы страны резко сократились с 500 тыс. до 33 тыс. человек, причем в армии можно было служить только по контракту.

Завершение всех этих процессов стало причиной выделения следующего периода в последней главе монографии. Автор назвал этот параграф: «Реформы и развитие (1921–1934)».

Введение новой болгарской орфографии (1921 г.) и ее отмена уже в 1923 г., противостояние политических сил в стране с 1923 по 1925 г. имело черты гражданской войны, мировой финансово-экономический кризис (с его острейшей фазой в 1929–1933 гг.), очередной военный переворот в 1934 г. с фактической отменой Тырновской конституции (принятой в 1879 г.) – это несомненно негативные факторы в истории болгарской гимназии. Если обобщить события в хронологическом интервале 1921–1934 гг., то следует признать, что они по своей деструктивности и противоречивости совсем немного отступали предшествующей череды войн и на первый взгляд эти 13 послевоенных лет не очень способствовали системному совершенствованию гимназического образования. Однако, как отмечает Марина Пиронкова и в этот период в целом болгарская гимназия продолжала свое поступательное развитие. При этом автор свидетельствует, что это являлось результатом как накопленного опыта и традиций работы Министерством просвещения, так и другим сопутствующим факторам. Среди них можно выделить вливание в учительскую среду высококвалифицированных преподавателей российской белой эмиграции, комплексное освоение передовых идей гимназического образования послевоенной Европы, и не в последнюю очередь совершенствование свода законов и инструкций, регламентирующей деятельность гимназий. Автор отмечает, что нормативная база терпела изменения с оглядкой на положительный зарубежный опыт. В период после Первой мировой войны в Болгарии ощутимо расширилась сеть иностранных гимназий: французских, итальянских, американских и немецких. Особо стоял вопрос о русских гимназиях, которые формально управлялись по закону Всероссийского союза городов (Пиронкова, 2015: 104) с 1893 г., но получали субсидию от болгарского государства. В русских гимназиях изучился болгарский язык и оценки гимназистам ставились по болгарской шестибальной системе. Фактически эта сеть гимназий полностью вписывалась в болгарскую гимназическую систему. Все это способствовало совершенствованию общей и языковой подготовки гимназистов, они становились более адаптивными и успевающими при обучении в университетах, включая и в заграничных.

Последний параграф монографии внес значительный вклад в историю образования Болгарии, поскольку исследуемый в нем период до появления этой книги был слабо изучен. Название параграфа: «Болгарская гимназия (1934–1944)».

Это тоже время политических колебаний и потрясений. Период начался с военного переворота 19 мая 1934 г., которым руководила политическая группа «Звено». Новая политическая элита фактически отменила Тырновскую конституцию, которая действовала в стране с 1879 г. Идеи новых законодателей были направлены на прямое присутствие государства во всех сферах общества, включая и в образовании. Политика круга «Звено» стремилась резко повысить удельный вес профессионального, технического и специального образования за счет существующей сети гимназий. При этом новое правительство не только генерировало новые законы, но и напрямую совершало масштабные чистки и увольнения, включая и в болгарских гимназиях. Автор монографии делает

вывод, что все это на практике оказалось «непоследовательными попытками профессионализировать среднее образование» (Пиронкова, 2015: 113). В начале прослеживалось известное сокращение количества гимназий, которое наблюдалось на фоне продолжающейся высокой неуспеваемости гимназистов, нехватки учителей и подходящих учебных зданий. После очередной смены политического режима (1935 г.), гимназии восстановили свое количество до переворота и даже к концу 1943 г. его увеличили, несмотря на то, что началась Вторая мировая война, столицу Софию регулярно бомбила союзная авиация, продолжались экономические проблемы в стране и наблюдалась хроническая нехватка квалифицированных гимназических учителей. Марина Пиронкова отмечает: «Развитие гимназий во время Второй мировой войны было восходящим, за исключением последнего [учебного] года – 1943/1944» (Пиронкова, 2015: 120). В сущности обучаемых стало намного больше. За два года количество гимназий увеличилось с 137 до 177. Отдельно отмечалось увеличение учеников не только государственных, но и в частных гимназиях.

Обобщая выводы по содержанию последней главы книги, автор отмечает, что «период с 1909 по 1944 г. характеризовался установлением стабильности [институции] гимназии и развитием ее разных программ: реальную, полуклассическую и классическую. Утверждалась модель пятиклассной гимназии после основного образования, что соответствовало европейской практике. Развитие гимназического образования показывало общественный интерес к расширению его охвата и появлению новых гимназий не только в крупных городах, но и в небольших поселках. Политика болгарского правительства в период между мировыми войнами, за небольшим исключением, шла навстречу этому интересу» (Пиронкова, 2015: 122).

Заключение

В монографии рассмотрена эволюция системы образования в болгарском государстве. Эта эволюция в свою очередь обуславливается экономическим состоянием страны и политическими потрясениями, которые переживала Болгария. На болгарскую гимназию оказывали определенное влияние и образовательные идеи, которые проникали из Европы и особенно из России.

В книге история представлена автором системно, логично и достаточно дозировано. При аргументации следует отметить не только работу автора с публикациями и нормативно-правовой базой исследованного периода, но и с архивными источниками Центрального державного архива – София (ЦДА) и Научного архива Болгарской академии наук (НА БНА. Ф. 3). В результате в научный оборот были введены неизвестные документы об истории болгарских гимназий.

Независимо от того, что книга следует строго академическому стилю изложения, она читается легко и может быть интересна не только исследователям, но и любителям истории болгарского и вообще гимназического образования. В связи с этим книга может быть рекомендована библиотекам, которые специализируются на изданиях по истории образования.

Литература

- Възвъзова, 1975** - Възвъзова К. Поява и развитие на девическите класни училища. В: История на образованието и педагогическата мисъл в България. Т. 1. София, 1975. С. 263.
- Димитров, 1933** - Димитров П. Кратки сведения за живота на Велико-Търновската народна мъжка гимназия „Св. Кирил“. – В: Юбилейна книга на В. Търновската народна мъжка гимназия „Св. Кирил“ по случай 50 години от основаването и 1880–1930. Велико Търново, 1933. С. 31–35.
- Димитров, 1987** - Димитров А. Училището, просветата и националната революция. София: БАН, 1987.
- Еременко, Кокарев, 2014** - Еременко Г.О., Кокарев К.П. Elibrary.ru и РИНЦ в информационной инфраструктуре российской науки: беседа с гендиректором НЭБ Геннадием Еременко // Полис (Полит. исслед.). 2014. № 1. С. 146–154.
- Исторически, 1934** - Исторически преглед на Сливенската народна мъжка гимназия от основаването и до днес. В: Юбилейен сборник на Сливенската мъжка гимназия „Добри П. Чинтулов“ по случай 55-годишнината от основаването. София: Държавна печатница, 1934. С. 13–32.
- Карагъзова, 2008** - Карагъзова М. Исторически преглед на системата и организацията на зрелостните изпити в периода от Възраждането до 60-те години на ХХ век. В: Българското образование – национални ориентири и европейски измерения. Габрово, 2008. С. 196–206.
- Пиронкова, 2013** - Пиронкова М. Развитие на гимназиалното образование в България (1878–1944) // Историческо бъдеще. 2013. № 1-2. С. 37–58.
- Пиронкова, 2015** - Пиронкова М. Гимназиалното образование в България (1878–1944). София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2015. 144 с.
- Попов, 2001** - Попов Г. История на средното и висшето образование (учебно дело). София: Любомъдрие, 2001.
- Радев, Александрова, 2015** - Радев П., Александрова А. История на образованието в България. Пловдив: FastPrintBooks, 2015.
- Танчев, 2013** - Танчев И. Руският принос в подготовката на българска интелигенция с висше и професионално образование (1878-1912) // Известия на Държавните архиви. 2013. №105. С. 34-140.

[Georgiev, 2014](#) - Georgiev L. On The Education Of The Bulgarians In Adrianople And The Impact of The “Brothers Of The Ressurrection” // Bulgarian Historical Review. 2014. № 1-2. P. 64-71.

[Tanchev, 2012](#) - Tanchev I. The Bulgarians In The Institutions Of Higher Education In Greece (1878–1912) // Bulgarian Historical Review. 2012. № 3-4. P. 175-192.

References

[Vyzvyzova, 1975](#) - Vyzvyzova K. Poiava i razvitie na devicheskite klasni uchilishta [Appeared And Development On The Girlish School]. In: Istoriiia na obrazovaniето i pedagogicheskata misyl v Bylgariia [A History of Education And Pedagogical Thought In Bulgaria]. Vol. 1. Sofiia: 1975, pp. 263 [in Bulgarian].

[Dimitrov, 1933](#) - Dimitrov P. Kratki svedeniia za zhivota na Veliko-Tyrnovskata narodna myzhka gimnaziia „Sv. Kiril“ [A Brief Information About The Life of St. Cyril Veliko Turnovo's School For Boys]. In: Iubilejna kniga na V. Tyrnovskata narodna myzhka gimnaziia „Sv. Kiril“ po sluchaj 50 godini ot osnovavaneto i 1880–1930 [Jubilee Book Of V. Turnovo's Boys' School "St. Cyril" 50th Anniversary Of The Founding – 1880–1930]. Veliko Tyrnovo, 1933, pp. 31–35 [in Bulgarian].

[Dimitrov, 1987](#) - Dimitrov A. Uchilishteto, prosvetata i nacionalnata revoliuciia [The School, Education And National Revolution]. Sofiia: BAS, 1987 [in Bulgarian].

[Eremenko, Kokarev, 2014](#) - Eremenko G.O., Kokarev K.P. ELIBRARY.RU i RINC v informacionnoj infrastrukture rossijskoj nauki: beseda s gendirektorom NЭB Gennadiem Eremenko [ELIBRARY.RU and Science Index in the information infrastructure of the Russian science]. Polis. Polit. Issledovania, 2014, Nr 1, pp. 146–154 [in Russian].

[Istoricheski, 1934](#) - Istoricheski pregled na Slivenskata narodna myzhka gimnaziia ot osnovavaneto i do dnes [Historical Review of Sliven's School For Boys From The Foundation Until Today]. In: Iubileen sbornik na Slivenskata myzhka gimnaziia „Dobri P. Chintulov“ po sluchaj 55-godishninata ot osnovavaneto I [Jubilee Book of Dobri Chintulov High School - Sliven On The Occasion Of The 55th Anniversary of Founding]. Sofia: Dyrzhavna pechatnica, 1934, pp. 13-32 [in Bulgarian].

[Karagyzova, 2008](#) - Karagyzova M. Istoricheski pregled na sistemata i organizaciata na zrelostnite izpiti v perioda ot Vyzrazhdaneto do 60-te godini na XX vek [Historical Overview of The System and the Organization of Final Examinations In The Period From The Renaissance To The 60s of XX Century]. In: Bylgarskoto obrazovanie – nacionalni orientiri i evropejski izmereniia [Bulgarian Education - National Landmarks And European Dimension]. Gabrovo, 2008, pp. 196-206 [in Bulgarian].

[Pironkova, 2013](#) - Pironkova M. Razvitie na gimnazialното obrazovanie v Bylgariia (1878-1944) [Development of The Secondary Education In Bulgaria (1878-1944)]. Historical Future, 2013, Nr1-2, pp. 37-58 [in Bulgarian].

[Pironkova, 2015](#) - Pironkova M. Gimnazialното obrazovanie v Bylgariia (1878-1944) [The Secondary Education In Bulgaria (1878-1944)]. Sofia: Universitetsko izdatelstvo „Sv. Kliment Ohridski“, 2015 [in Bulgarian].

[Popov, 2001](#) - Popov G. Istoriiia na srednoto i vissheto obrazovanie (uchebno delo) [The History of Secondary And Higher Education]. Sofia: Liubomydrie, 2001 [in Bulgarian].

[Radev, Aleksandrova, 2015](#) - Radev P., Aleksandrova A. Istoriiia na obrazovaniето v Bylgariia [History of Education in Bulgaria]. Plovdiv: FastPrintBooks, 2015 [in Bulgarian].

[Tanchev, 2013](#) - Tanchev I. Ruskiiat prinos v podgotovkata na bylgarska inteligenciia s visshe i profesionalno obrazovanie (1878–1912) [The Russian Contribution to the Training of the Bulgarian with Higher And Vocational Education]. Izvestiia Na Dyrzhavnite Arhivi, 2013, Nr 105, pp. 34-140 [in Bulgarian].

[Georgiev, 2014](#) - Georgiev L. On The Education of the Bulgarians In Adrianople And The Impact of the “Brothers of The Ressurrection”. Bulgarian Historical Review, 2014, Nr 1-2, pp. 64-71.

[Tanchev, 2012](#) - Tanchev I. The Bulgarians in the Institutions Of Higher Education In Greece (1878–1912). Bulgarian Historical Review, 2012, Nr 3-4, pp. 175-192.

УДК 37.01 (091)

Книга об истории болгарских гимназий

Асен Кожухаров ^{a, *}

^a Высшее военно-морское училище им. Николы Вапцарова, Варна, Болгария

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу о среднем образовании в Болгарии в период болгарского возрождения до 1944 г., где основное внимание уделяется государственной политике в отношении среднего образования и законодательной деятельности общеобразовательной

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: robert77@naval-acad.bg (А. Кожухаров)

школы как части системы образования. Представлены статистические данные. Выделяются три периода развития – первый из них охватывает время до освобождения в 1909 году, а третий с 1909 по 1944 годы. Второй период характеризуется стремлением к нивелированию мужской и женской средних школ и их закреплению в качестве площадки для вузов. В третьем периоде в становлении школы использовались европейские стандарты, идет устойчивое развитие и неэффективные изменения не несут никакого влияния на постепенное расширение сети вузов (полный – мужской, женский, смешанный или *semigymnasium* со стандартной, полу-классической или классической учебной программой).

Ключевые слова: среднее образование в Болгарии, 1878–1844 гг., система образования, политика в области образования, гимназия, влияние России, полу-классическая учебная программа.